ОРСОН СКОТТ КАРД

ДЕТИ РАЗУМА
ТЕНЬ ЭНДЕРА

ДЕТИ РАЗУМА
ТЕНЬ ЭНДЕРА

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ОРСОН СКОТТ КАРД

Дети разума. Тень Эндера
Орсон Скотт Кард

Аннотация
Орсон Скотт Кард. Дети разума. Тень Эндера
Дети разума. (Пер. с англ. А. Жикаренцева, А. Жемеровой)
1. «Я — это не я»
2. «Ты не веришь в бога»
3. «Нас слишком много»
4. «Я человек идеальной простоты!»
5. «Никто не знает, что такое целесообразность»
6. «Жизнь — это чистое самоубийство»
7. «Я предлагаю ей этот жалкий, потрепанный временем сосуд»
8. «Важно только то, какому вымыслу ты веришь»
9. «Я вдыхаю аромат жизни»
10. «Это тело всегда было твоим»
11. «Ты позвала меня назад из тьмы»
12. «Я предаю Эндера?»
13. «Пока смерть не прекратит все сюрпризы»
14. «Возможно, так они общаются с животными»

15. «Мы даем вам второй шанс»
16. «Откуда вы знаете, что они не дрожат от ужаса?»
17. «Дальше нам придется идти без него»
Тень Эндера. (Пер. с англ. В. Ковалевского, Н. Штуцер)
Предисловие
Часть первая. Беспризорник
1. Недотепа
2. Благотворительная столовка
3. Месть
4. Память
Часть вторая. Новичок
5. Готов ли, нет ли — один черт
6. Тень Эндера
7. Исследователь
8. Отличник
Часть третья. Ученый
9. В саду Софии
10. Пролаза
11. Папочка
12. Список
Часть четвертая. Солдат
13. Армия драконов
14. Братья
15. Отвага

16. Компаньон
Часть пятая. Лидер
17. Предел
18. Друг
19. Мятежник
20. Метод проб и ошибок
Часть шестая. Победитель
21. Путем чистой логики
22. Снова вместе
23. Игра Эндера
24. По домам
Вл. Гаков. Проповедь-бестселлер Орсона Скотта Карда
Фантастика Орсона Скотта Карда. (Книжные издания)

Аннотация

Орсон Скотт Кард — одно из самых ярких имен в современной научной фантастике. Произведения этого писателя удостоены высочайших премий — «Хьюго», «Небьюла», «Локус», однако главное не это. Мерой таланта Орсона Скотта Карда, резко выделяющего его творения даже среди лучших «военно-космических» романов, выступает неподдельная оригинальность его сюжетов и откровенно мощная эмоциональность.

Этот автор не оставит равнодушным ни одного читателя. Прочитайте — и проверьте сами!!!

Сага об Эндрю Виггине — величайшем полководце космической эры.

Сага, начатая романами «Игра Эндера», «Голос тех, кого нет» и «Ксеноцид».

Сага, завершившаяся, как мы полагали, романом «Дети разума».

Но — мы только полагали, что сага — завершилась…

И, собственно, многое ли мы знаем хотя бы о том, как она НАЧИНАЛАСЬ?!

Перед вами — «Тень Эндера». История завоеваний и побед Эндрю Вигтина, увиденная преданнейшим из его соратников — наивным пареньком по прозвищу Боб.

Предназначение ВЕЛИКИХ ПОЛКОВОДЦЕВ — сражаться и побеждать. В чем же предназначение тех, кто сражается рядом с ним?!

ОРСОН СКОТТ

КАРД

ДЕТИ РАЗУМА

ТЕНЬ ЭНДЕРА

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

Орсон Скотт Кард
Дети разума. Тень Эндера

Дети разума
(Пер. с англ. А. Жикаренцева, А. Жемеровой)

1
«Я — это не я»

«Мама. Папа. Правильно ли я поступила?»

Последние слова Хань Цин-чжао, выдержка из книги Хань Цин-чжао «Шепот Богов»

Си Ванму шагнула ему навстречу. Юноша по имени Питер взял ее за руку и провел в космический корабль. Дверь тихонько закрылась.

Ванму опустилась во вращающееся кресло, которых было несколько в комнатке с металлическими стенами, и пытливо огляделась по сторонам, ожидая увидеть нечто необычное, нечто новое. Если б не стены из металла, весь корабль вполне мог сойти за один из деловых офисов планеты Путь. Не то чтобы комнатка была вылизана дочиста, но выглядела она вполне пристойно. Немножко мебели, самое необходимое. Ванму не раз видела голограммы космических кораблей — обтекаемых истребителей и шаттлов, которые использовались для входа в атмосферу, громадных, округлых судов, способных при необ-

ходимости развивать скорость, почти равную скорости света. Острые, всепроникающие иглы и массивные, огромные кувалды. Но это суденышко несколько не вписывалось в общепринятый образ. Самая обыкновенная комнатушка.

А где пилот? Ведь должен быть пилот, поскольку юноша, сидящий напротив нее и что-то диктующий компьютеру, вряд ли управится с кораблем, обгоняющим свет.

Хотя, наверное, именно он и есть пилот этого судна, поскольку других дверей, ведущих в соседние помещения, не видно. Снаружи космический корабль выглядел совсем крохотным; очевидно, внутри его оболочки только и хватило места на эту комнатку. В углу располагались аккумуляторы, хранящие запас энергии, полученной от солнечных батарей на носу суденышка. Тот ящик скорее всего служит холодильником, в котором, должно быть, хранится еда и напитки. Вот и все, минимум удобств. Где ж романтика межзвездных перелетов, если больше ничего не требуется? Обыкновенная комнатушка.

Поскольку заняться было нечем, Ванму принялась разглядывать сидящего за терминалом юношу. Он назвался Питером Виггином. Именем древнего Гегемона, того самого, который первым

объединил человеческую расу, а случилось это в те времена, когда люди еще ютились на одной крошечной планетке, когда нациям и расам, религиям и философам приходилось то и дело сталкиваться друг с другом, потому что уйти было некуда, разве что в земли своего соседа. Тогда небо было потолком, а пространство — огромной пропастью, которую в жизни не пересечь. Питер Виггин, человек, который правил всей человеческой расой… Конечно же, это не он, тем более он сам в этом признался. Его послал Эндрю Виггин; мастер Хань сказал, что Эндрю Виггин каким-то образом СОЗДАЛ его. Значит, великий Голос Тех, Кого Нет, является отцом Мертвого Питера? Или же Питер — брат Эндеру? Действительно ли этот юноша унаследовал тело и разум Гегемона, умершего три тысячелетия назад?

Питер закончил бормотать, откинулся в кресле и вздохнул. Потерев глаза, он потянулся и крякнул. Очень невежливо по отношению к присутствующему в комнате постороннему человеку. Такого беспардонного поведения можно ожидать только от неотесанного крестьянина.

Похоже, он каким-то образом почувствовал ее неодобрительный взгляд. А может, он совершенно забыл о ней и только сейчас вспомнил, что он

теперь путешествует не один. Повернув голову, он взглянул на Ванму.

— Прошу прощения, — произнес он. — Совсем забыл, что я не один.

Ванму захотелось ответить так же прямо, хотя всю жизнь ее отучали высказывать свои мысли вслух. Но ведь он-то нисколько не смущался, когда его корабль, словно гриб, вырос на лужайке у реки. Именно тогда Ванму впервые увидела Питера — он вышел из судна, держа в руках пробирку с вирусом, который должен был излечить ее родной мир, мир под названием Путь, от генетической заразы. И пятнадцати минут не прошло с того момента, как он взглянул ей прямо в глаза и сказал: «Полетели со мной, и ты войдешь в историю. Ты сама будешь ТВОРИТЬ историю». Несмотря на весь свой страх, она согласилась.

Согласилась и вот теперь сидела во вращающемся кресле, а он тем временем демонстрировал свои отвратительные манеры, потягиваясь перед ней, как тигр. А может, и вправду в нем жил тигр? Ванму читала историю Гегемона, поэтому вполне могла поверить, что в душе этого великого и ужасного человека обитал тигр. Но этот мальчишка?.. Он, несомненно, старше Ванму, однако за свою жизнь она научилась с первого взгляда

распознавать незрелость и неопытность. И он собирается изменить ход истории! Разобраться с коррупцией, захватившей Конгресс. Остановить лузитанский флот. Сделать планеты-колонии равноправными членами Ста Миров. Мальчишка, который потягивается, словно огромная кошка…

— Что мне с того, одобряешь ты меня или нет, — сказал он.

Голос его звучал одновременно обиженно и насмешливо. Хотя она была не вполне уверена в собственных выводах. Попробуй прочитай выражение лица, когда глаза не вытянуты в уголках, а круглые, как плошки. Лицо и голос Питера содержали какие-то намеки, но Ванму еще не научилась распознавать их.

— Ты должна понять, — продолжал он. — Я — это не я.

Ванму достаточно хорошо изъяснялась на звездном, но не сразу поняла, что Питер имел в виду:

— Ты хочешь сказать, что неважно себя чувствуешь?

Уже произнеся слова, она осознала, что речь идет не о каком-то там недомогании.

— Я — это не я, — повторил он. — На самом деле

я — не Питер Виггин.

— Надеюсь, что так, — кивнула Ванму. — Я еще в школе читала о том, что он давным-давно умер.

— Хотя я очень похож на него, как ты считаешь?

Голограмма Гегемона, вызванная им, повисла над терминалом компьютера и повернулась к Ванму. Питер поднялся в кресле и принял похожую позу.

— Ну, какое-то сходство имеется… — нерешительно промолвила она.

— Сделай скидку на возраст, — напомнил Питер. — Эндер покинул Землю, когда ему было… сколько, пять? В общем, он тогда был совсем малявкой. И с тех пор мы больше не виделись. Так что, сотворив меня из воздуха, он придал мне тот образ, который помнил.

— Только не из воздуха, — поправила Ванму. — Из ничего.

— Как определение «ничто» тоже не годится, — возразил он. — В общем, он вызвал меня. — Питер нехорошо ухмыльнулся. — Я духов призываю из глубин…

Эти слова наверняка что-то значили для него, но она их смысл не уловила. На Пути она с детства

воспитывалась как служанка, поэтому образование ей было дано не из лучших. Только потом, в доме Хань Фэй-цзы, ее способности были замечены — сначала на Ванму обратила внимание ее бывшая хозяйка Хань Цин-чжао, а потом и сам хозяин. С того времени началась ее настоящая, хотя и несколько бессистемная учеба. Знания, приобретенные ею, касались в основном технических наук, а литература, с которой она знакомилась, происходила либо из Срединного Царства, либо с самого Пути. Ванму могла бесконечно цитировать великую поэтессу Ли Цин-чжао, чье имя носила ее бывшая хозяйка. Но автора тех стихов, что цитировал Питер, она не знала.

— Я духов призываю из глубин, — снова повторил он. А затем, несколько изменив голос и манеру поведения, ответил сам себе: — И я могу, и каждый может. Но повинуются ль они тебе?

— Шекспир? — наугад назвала она.

Питер довольно ухмыльнулся. Так ухмыляется кошка своей жертве, с которой играет.

— Если европеец цитирует какие-нибудь стихи, называй Шекспира, никогда не ошибешься, — объяснил он.

— Забавная цитата, — сказала она. — Один человек хвастается, будто умеет призывать к себе

души мертвых. Тогда как другой отвечает ему, что призвать их несложно, вся соль в том, чтобы заставить их явиться.

— Забавное у тебя понятие о юморе, — расхохотался Питер.

— Эта цитата, очевидно, что-то значит для тебя, поскольку Эндер призвал тебя из мертвых.

Это заявление несколько ошеломило Питера:

— А ты откуда знаешь?

Холодные мурашки пробежали по ее коже. Возможно ли это?

— Я не знаю, я лишь шутила.

— Так или иначе, это неправда. Эндер не умеет воскрешать мертвецов. Хотя он наверняка считает, что, если возникнет такая необходимость, он без труда решит и эту задачку. — Питер вздохнул. — Я начинаю нести всякие гадости. Говорю то, что приходит на ум. На самом деле я так не считаю. Просто болтаю то, что приходит в голову.

— Но можно сдержаться и не высказывать свои мысли вслух.

Он закатил глаза:

— В отличие от тебя меня не учили покорности и послушанию.

Вот оно, отношение свободнорожденного че-

ловека. Служанка, хоть она стала таковой не по своей воле, заслуживает лишь насмешки.

— Меня учили, что сдерживать оскорбительные речи означает проявить вежливость, — сказала она. — Хотя ты, возможно, считаешь, что это обязанность одних только слуг.

— Как я уже сказал, Владычица Запада, всяческие оскорбления сами сыплются с моего языка…

— Я не Владычица, — перебила его Ванму. — Надо мной жестоко посмеялись, назвав меня так, и…

— И только очень злой, бессердечный человек может издеваться над твоим именем. — Питер ухмыльнулся. — Но я ношу имя Гегемона. Поэтому я счел, что, может быть, глупые, незаслуженные имена, которые мы с тобой носим, — это то общее, что нас объединит.

Она замолкла, обдумывая возможность, что он на самом деле хочет стать ей другом.

— Я существую очень недолго, — произнес он. — Всего несколько недель. Думаю, мне следует поставить тебя в известность об этом факте.

Она окончательно запуталась.

— Тебе известен принцип действия этого судна? — спросил он.

Теперь он прыгает с темы на тему. Испытывает ее. Что ж, за свою жизнь она прошла немало испытаний.

— Человек заходит в него, садится в кресло и подвергается допросу невоспитанных незнакомцев, — ответила она.

Он улыбнулся и кивнул:

— Можешь выражать свои мысли без малейших стеснений. Эндер предупредил меня, что ты не любишь прислуживаться.

— Я была верной и преданной служанкой Цинчжао. Надеюсь, Эндер не солгал тебе в этом.

— Я хотел сказать, что ты обладаешь собственным, независимым мышлением, — поправился Питер и снова окинул ее пристальным взглядом; опять у нее возникло чувство, будто его внимательные глаза видят ее насквозь. Точно так же он смотрел на нее там, на берегу реки. — Ванму, помнишь, я сказал, что меня создали? Так вот, это не метафора. Меня создали, понимаешь, я не был рожден. И то, как меня создали, имеет отношение к тому, как перемещается в пространстве этот корабль. Я не хочу снова растолковывать уже известные тебе вещи, но, чтобы понять, зачем ты мне понадобилась, ты должна узнать, что я есть на самом деле — именно что, а не кто. Поэтому я

еще раз спрашиваю тебя: тебе известны принципы действия этого корабля?

— Вроде да, — кивнула она. — Джейн, существо, обитающее в компьютерах, удерживает в своем разуме как можно более четкий и подробный образ корабля и всех, кто в нем находится. Пассажиры также стараются как можно более точно запомнить, кто они такие, как выглядят и так далее. Затем Джейн перемещает судно из реального мира туда, где ничего нет, — это не занимает ни секунды, — после чего возвращает корабль в том месте, в котором пожелает. Что также не требует времени. Поэтому космический корабль перемещается с планеты на планету в мгновение ока, а не летит меж звезд долгие годы.

Питер одобрительно кивнул:

— Очень хорошо. Только ты должна понять, что корабль, оказавшийся во Вне-мире, окружает вовсе не пустота. Вокруг него роится бесконечное число айю.

Она отвернулась от него.

— Ты не понимаешь, что такое айю?

— Вы говорите, что люди существуют вечно… Что мы старше самых древних богов…

— Нечто вроде того, — поморщился Питер. — Только о тех айю, что находятся во Вне-мире,

нельзя сказать, что они существуют. Во всяком случае, они существуют не в общепринятом смысле этого слова. Они просто… просто находятся там. Хотя нет, это тоже неправильно, потому что «находиться» они не могут, нет того самого «там», где они могут существовать. Они просто существуют. Пока некий разум не призовет их и не даст некое имя. Тогда они организуются, приобретая форму и очертания.

— Глина может превратиться в медведя, — задумчиво сказала Ванму, — но пока она лежит мокрой и холодной на берегу реки, этого не произойдет.

— Именно. Поэтому Эндер Виггин и с ним еще несколько человек, с которыми, при некоторой доле везения, тебе никогда не придется встретиться, предприняли первую вылазку во Вне-мир. На самом деле они никуда не летели. Целью первого путешествия было задержаться во Вне-мире, пока одна женщина, весьма талантливый генетик, не создаст новую, чрезвычайно сложную молекулу, строение которой она держала в своей памяти. Правда, сошла бы и любая другая молекула, лишь бы она отвечала некоторым требованиям… Ладно, не буду объяснять, все равно твоих знаний по биологии не хватит. В общем, эта женщина

сделала все, что необходимо, создала новую молекулу, ура-ура, но вся проблема заключалась в том, что не она одна в тот день решила посвятить себя созиданию.

— Тебя создал разум Эндера? — уточнила Ванму.

— Неумышленно. Я, если можно так выразиться, стал несчастным случаем. Отходом производства. Надо сказать, что в этом Вне-мире все и вся буквально помешано на созидании. Тамошние айю только и ждут удобного момента, чтобы во что-то превратиться. К примеру, вокруг нас появилось множество зеркальных отражений нашего корабля. Со всех сторон появлялись и тут же исчезали всевозможные неясные, размытые, фрагментарные, хрупкие, эфемерные призраки. Но четыре образа остались. Одним из них стала та генетическая молекула, которую сотворила Эланора Рибейра.

— И одним из них был ты?

— Да, правда, боюсь, самым неинтересным и скучным. Наименее любимым и желанным. На корабле присутствовал один парнишка по имени Миро, который некоторое время назад в результате трагической случайности весьма пострадал. Он стал калекой. Говорил он с трудом,

ходил хромая, руки едва двигались… Так вот, он вызвал в своем разуме насыщенный, четкий образ себя самого, каким он когда-то был. И громадное число айю не замедлило организоваться в его точное подобие. Только он был повторен не таким, каким стал, а таким, каким когда-то был и каким мечтал стать. Следуя его воспоминаниям, айю создали его совершенного двойника, целого и невредимого. Настолько совершенного, что это самое создание испытывало глубокое презрение к тому искалеченному телу, в котором ютился Миро. Перед пассажирами корабля появился новый, восстановленный Миро — точнее, двойник старого, еще не искалеченного юноши. И вдруг у всех на глазах отвергнутое тело калеки рассыпалось в прах, превратилось в ничто.

Представив эту картину, Ванму судорожно вздохнула:

— Так он умер?!

— Нет, в этом-то все и дело. Неужели ты не поняла? Он выжил. Это создание стало настоящим Миро. Его айю — не те триллионы айю, что составляют атомы и молекулы его тела, а то, что управляет всеми ими, то, что содержит его «я», его волю — эта айю просто переселилась в новое, совершенное тело. Его вместилищем стал

воскрешенный Миро. А в старом Миро…

— Исчезла необходимость.

— В старом не осталось ничего, что смогло бы поддержать его форму. Видишь ли, мне кажется, наши тела связывает воедино любовь. Любовь главной айю к прекрасному, сильному телу, которое подчиняется ей, которое дает «я» ощущение и переживания окружающего мира. Даже Миро, несмотря на все презрение, которое он питал к самому себе как к калеке, даже он любил жалкие останки собственного тела. До того самого момента, пока его айю не получила новое вместилище.

— И не переселилась туда.

— Хотя он даже не понял, что произошло, — подтвердил Питер. — Он просто следовал своей любви.

Ванму ни на секунду не усомнилась в этом необычном, сказочном повествовании, поскольку постоянно слышала упоминания об айю в разговорах меж Хань Фэй-цзы и Джейн. История Питера Виггина целиком и полностью вписывалась в то, что она слышала. Его история просто обязана была быть правдивой — хотя бы потому, что корабль, появившийся на берегу реки за домом Хань Фэй-цзы, действительно возник словно из ниоткуда.

— Но сейчас ты, наверное, изводишь себя вопросами, откуда в том корабле объявился я, столь нелюбимый и нежеланный. Правда, я и сам не привык дарить любовь, но это не важно…

— Но ты уже говорил об этом. Из разума Эндера.

— Миро хранил в своем разуме юное, здоровое, сильное подобие себя. Но сознание Эндера занимали несколько иные образы — образы его старшей сестры Валентины и старшего братца Питера. Правда, его настоящий брат, которого звали Питером, давно умер, а Валентина… она сопровождала Эндера во всех его метаниях по космосу, поэтому дожила до нынешнего момента, постарев ровно настолько, насколько постарел он. В общем, она превратилась в зрелую женщину и была настоящим, существующим в нашей реальности человеком. Однако, переместившись на борту того корабля во Вне-мир, Эндер создал ее юное подобие. Юную Валентину. Бедная СТАРУШКА Валентина! Она не отдавала себе отчета, насколько постарела, пока не увидела юную себя, это совершенное создание, этого ангелочка, который с раннего детства обитал в извращенном умишке Эндера. Должен сказать, Валентине в нашей маленькой драме досталось больше всего.

Представляешь, каково это — узнать о том, что обожаемый братец лелеет в уме твой юный образ, вместо того чтобы любить тебя такой, какой ты стала! В общем, как бы Вэл ни отнекивалась, но все вокруг — в том числе и она сама, бедняжка — понимают, что за испытание выпало на долю старушки Валентины.

— Но если первая Валентина еще жива, — непонимающе удивилась Ванму, — кто тогда юная Валентина? Кто она на самом деле? Ты можешь быть Питером, потому что тот давно мертв и его имя свободно, но…

— Забавная ситуация, не правда ли? — фыркнул Питер. — Но я хочу донести до тебя, что я не Питер Виггин, как бы мертв он ни был. Как я уже говорил прежде, я — это не я.

Он откинулся на спинку кресла и уставился в потолок. Голограмма, висящая над терминалом, повернулась к нему. Хотя никаких клавиш он не трогал.

— Джейн тоже здесь, — заметила Ванму.

— Джейн постоянно крутится где-то поблизости, — нахмурил брови Питер. — Шпионит, чтобы Эндеру потом донести.

— Эндер не нуждается в доносчиках, — заговорила голограмма. — Он скорее нуждается в

друзьях, если может приобрести таковых. Или по крайней мере в союзниках.

Питер равнодушно потянулся к терминалу и отключил его. Голограмма пропала.

Этот поступок очень не понравился Ванму. Как будто Питер ударил ребенка. Или избил служанку.

— Джейн — благородное существо, и не пристало обращаться с ней с таким неуважением.

— Джейн — это сбрендившая компьютерная программа, у которой вирус в одном месте завелся.

Очевидно, мальчишка, который взял Ванму в свой космический корабль и унес прочь с планеты Путь, пребывал сейчас в дурном настроении. Но она догадалась о причинах его мрачности и язвительности, только когда голограмма, стоявшая все это время перед ее глазами, исчезла.

— Дело не в том, что ты слишком юн, а голограммы Питера Виггина как Гегемона запечатлели облик взрослого человека… — пробормотала Ванму.

— Что? — раздраженно очнулся он. — Что не в чем?

— Ну, дело не в физическом различии между тобой и Гегемоном.

— А в чем же тогда?

— Он выглядит… удовлетворенным.

— Он покорил весь мир, — напомнил Питер.

— Значит, проделав то же самое, ты будешь так же доволен жизнью, как и он.

— Думаю, да, — пожал плечами Питер. — Это и есть смысл моей жизни, если таковой имеется. Как раз эту миссию и поручил мне Эндер.

— Не ври, — упрекнула Ванму. — На берегу реки ты говорил об ужасных поступках, которые я совершила на пути удовлетворения собственного честолюбия. Признаю, я была честолюбива, я отчаянно жаждала подняться над тем низким положением, которое занимала от рождения. Мне знаком вкус и запах желаний, и я ощущаю, как от тебя пахнет амбициями, так пахнет смола в жаркий день. Ты весь провонял этим запахом.

— Честолюбие? Стремления? Пахнут?

— Я сама пила из сей чаши.

Он широко ухмыльнулся, после чего коснулся сережки, висящей на ухе.

— Помни, Джейн все слышит и непременно доложит о нашем разговоре Эндеру.

Ванму замолкла — но не потому, что слова Питера ее оскорбили. Просто ей было нечего сказать, поэтому она ничего не ответила.

— Да, я честолюбив. Но таким создал меня Эндер. Я честолюбив, жесток, и в голове моей бродят отвратительные, грязные мыслишки.

— Но мне казалось, ты — это не ты, — притворно изумилась она.

Его глаза яростно блеснули.

— Правильно, я — это не я. — Он отвернулся. — Извини, Джепетто, но я не могу стать настоящим мальчиком. У меня нет души.

Она не знала имени, которое он упомянул, зато прекрасно поняла слово «душа».

— В детстве я считала, что быть служанкой предначертано природой. Это означает не иметь души. Затем, в один прекрасный день, обнаружилось, что у меня все-таки имеется душа. Пока что это открытие не принесло мне особого счастья.

— Я не имею в виду некое религиозное понятие. Я говорю об айю. Которой у меня нет. Помнишь, что произошло с искалеченным телом Миро, когда айю оставила его?

— Но ты же не рассыпался в пыль, значит, ты все-таки обладаешь айю.

— Это не я ею обладаю, это она обладает мной. Я существую только потому, что айю, чья непреодолимая воля вызвала меня к жизни, продолжает поддерживать мой образ. Она еще нуждается во

мне, еще контролирует меня, заменяя мое «я».

— И это Эндер Виггин? — спросила Ванму.

— Да. Это мой брат, мой создатель, мой палач, мой бог, мое «я».

— А юная Валентина? Он и ее поддерживает?

— Да, только ее он ЛЮБИТ. Гордится ею. Он рад тому, что создал ее. Меня же он презирает. Презирает, однако именно его волей я руководствуюсь, когда совершаю свои поступки и говорю всякие гадости. Так что, когда начнешь совсем презирать меня, вспомни, что я все время иду на поводу у своего братца.

— Но винить его в том…

— Я ни в чем его не виню, Ванму. Я просто излагаю существующее положение дел. На данный момент его воля управляет тремя телами одновременно. Моим, моей сестренки, этого невообразимого ангелочка, и его собственным постаревшим, уставшим от жизни телом. Каждая айю, что обитает в моем теле, руководствуется приказами его айю. По сути дела, я — это Эндер Виггин. Создавая меня, он воплотил в моем теле то, что сам ненавидит и чего больше всего боится. Свое честолюбие; да, именно ЕГО честолюбие ты чувствуешь, впитывая запах моих стремлений. Он передал мне свою агрессию. Свой гнев.

Свою жестокость. Свою, ничего МОЕГО во мне нет, потому что Я давно мертв. В любом случае я никогда не был таким, каким видел меня он. То, что ты сейчас видишь, это пародия, насмешка! Я — извращенное воспоминание. Страшный сон. Кошмар. Я — то существо, что прячется под детской кроваткой. Он вызвал меня из хаоса, чтобы воплотить ужас детских лет.

— А ты не будь таким, — предложила Ванму. — Если не хочешь олицетворять все то, что ты только что наговорил, просто возьми и не будь таким.

Он вздохнул и утомленно закрыл глаза:

— Если ты такая умная, почему ж ты ровным счетом ничего не поняла?

Однако кое-что она все-таки поняла:

— Но что такое воля? Ее никто не видит. За тебя она не думает. Ты определяешь ее, только когда оглядываешься назад, на свою жизнь, и видишь последствия собственных поступков.

— Это и есть самая ужасная шутка, которую он сыграл надо мной, — мягко промолвил Питер, не открывая глаз. — Я смотрю на свою жизнь и вижу только те воспоминания, которые он в меня заложил. Его забрали из дому, когда ему было всего пять лет. Что он знает обо мне и о моей жизни?

— Он написал книгу «Гегемон».

— Ага, основываясь на воспоминаниях Валентины, на том, что она ему рассказала. На документах, повествующих о моем блестящем, стремительном восхождении. И разумеется, на тех нескольких разговорах по анзиблю, которые Эндер и мое прежнее «я» вели перед самой моей — его — смертью. Мне от роду всего несколько недель, но я легко цитирую «Генриха IV». Разговор Оуэна Гледовера и Хотспура. Генри Перси. Откуда я могу это знать? Разве я ходил в школу? Сколько бессонных ночей я провел, перечитывая старые пьесы и запоминая тысячи любимых строк? Или это Эндер каким-то образом вызвал на свет все то, что его мертвый братец изучил за долгие годы? Возродил его тайные мыслишки? Настоящего Питера Виггина Эндер знал всего пять лет. Я пользуюсь воспоминаниями вымышленного человека. Именно этими воспоминаниями, по мнению Эндера, я должен обладать.

— То есть ты знаешь Шекспира только потому, что это он считает, будто ты обязан его знать? — усомнилась Ванму.

— Если б он дал мне одного Шекспира… Если б это были только великие писатели и философы. Если б только эти воспоминания имелись

у меня.

Она ждала, подумав, что сейчас он начнет рассказывать о беспокоящих его воспоминаниях. Но он, передернувшись от отвращения, замолк.

— Но раз тебя на самом деле контролирует Эндер, значит… ты — это он. Значит, вот кто ты на самом деле. Ты — Эндрю Виггин. И обладаешь айю.

— Я — страшный сон Эндрю Виггина, — поправил ее Питер. — Я — то презрение, которое Эндер Виггин испытывает к самому себе. Я — все, что он ненавидит в себе и чего боится. Такой сценарий мне положен. Так я должен поступать.

Он сжал руку в кулак, а затем слегка разжал пальцы. Получилась когтистая лапа. Снова проявился тигр. Внезапно Ванму испугалась его. Правда, на какое-то мгновение. Он расслабился. Страх прошел.

— А какая роль в этом сценарии отведена мне?

— Не знаю, — помотал головой Питер. — Ты очень умна. Надеюсь, даже умнее меня. Хотя, конечно, мое тщеславие необъятно, и на самом деле я просто не верю, что другой человек может быть умнее меня. Но это означает, что я особенно нуждаюсь в добром совете — хотя сам считаю, что советов со стороны мне не потребуется.

— Ты говоришь парадоксами.

— В этом отчасти заключается моя жестокость. Разговоры со мной должны заключать пытку для тебя. А может быть, все куда запутаннее и глубже. Может, я должен запытать тебя насмерть, убить, как когда-то я поступал с белками. Может, я должен оттащить тебя в лес, прибить твои руки-ноги к корням дерева, а потом начать сдирать с тебя кожу, чтобы посмотреть, когда над твоим телом соберутся мухи и начнут откладывать яички на освежеванную плоть.

Картина, описанная им, заставила ее содрогнуться от отвращения.

— Я ЧИТАЛА книгу. И знаю, что на самом деле Гегемон не был чудовищем!

— Меня создал не Голос Тех, Кого Нет. Я был порожден испуганным малюткой Эндером. Я не тот Питер Виггин, которого он представил в своей книге. Я — Питер Виггин из его кошмарных сновидений. Я — тот, кто снимает шкуру с белок.

— Он видел, как ты это делаешь? — спросила она.

— Не Я, — раздраженно огрызнулся он. — Нет, Эндер не видел, как ОН это делал. Об этом ему рассказала Валентина. Она нашла трупик белки в лесу, неподалеку от того дома, где они жили. Это

произошло еще в Гринсборо, в штате Северная Каролина, что находился в Северной Америке на Земле. Но эта картинка настолько удачно вписалась в его страхи, что он не замедлил поделиться ею со мной. И с этим воспоминанием я живу. Умозрительно я могу представить, что настоящий Питер Виггин на самом деле вовсе не был жесток. Он учился и изучал. У него не было сострадания к белке, поэтому он потом не терзался угрызениями совести. Белка для него была просто животным. И ничем не отличалась от головки лука, к примеру. Наверное, расчленить ее для него было все равно что нарезать салат. Но Эндер так не думает, а следовательно, и я помню это несколько иначе.

— И как же?

— Мои воспоминания вымышлены. Они все взяты из Вне-мира. Зрелище дьявольского удовольствия, которое я нахожу в собственной жестокости, буквально околдовывает. Мои воспоминания начинаются с того момента, как я возник на корабле Эндера, висящего во Вне-мире, и прошлую жизнь я вижу как бы, чужими глазами. Очень странное ощущение, должен тебе признаться.

— А сейчас?

— Сейчас я вообще не вижу себя, — ответил он. — Потому что у меня нет собственного «я». *Я* — это не я.

— Но ты помнишь. У тебя есть воспоминания. Ты ведь помнишь нашу беседу. Помнишь меня. Во всяком случае, должен помнить.

— Да, — кивнул он. — ТЕБЯ я помню. И помню, как находился здесь, как смотрел на тебя. Но за моим взглядом нет «я». Я чувствую себя усталым и глупым, даже когда мозг мой работает вовсю и выдает одно гениальное решение за другим.

Он очаровательно улыбнулся, и снова Ванму заметила то отличие, которое разделяло Питера и голограмму Гегемона. Все обстояло так, как он сказал: какова бы ни была степень того презрения, что Питер испытывал к самому себе, в глазах этого Питера Виггина полыхал гнев. Он был опасен. Стоило к нему приглядеться, и это сразу бросалось в глаза. Когда он смотрел на тебя, возникало ощущение, будто он прикидывает, как и когда ты должен умереть.

— Я — это не я, — повторил Питер.

— Ты твердишь это, чтобы взять над собой власть, — догадалась Ванму. Это была даже не догадка, это была уверенность. — Ты твердо намерен удержать себя от того, чего жаждешь больше

всего на свете.

Питер вздохнул и наклонился, положив голову на терминал и прижавшись ухом к холодной пластиковой поверхности.

— Так чего же ты жаждешь? — спросила она, заранее страшась ответа.

— Убирайся, — произнес он.

— Куда я уйду? В твоем корабле только одна каюта.

— Открой дверь и уходи, — сказал он.

— Ты хочешь, чтобы я погибла? Хочешь выбросить меня в открытый космос, где я замерзну, даже не успев задохнуться?

Он выпрямился.

— В открытый космос? — недоуменно переспросил он.

Она тоже смутилась. А где ж еще они находятся? Ведь космические корабли путешествуют именно по космосу.

Но только не этот.

Увидев, что она поняла, какую глупость только что сморозила, он рассмеялся:

— Ты действительно обладаешь блестящим умом! С ума сойти, мы целую планету переделали, чтобы возник такой гений, как ты!

Она постаралась не придавать значения едким

насмешкам.

— Я думала, что почувствую какое-то движение. Или что-то еще. Мы что, уже перенеслись? Мы уже на месте?

— Мы переместились в мгновение ока. Побывали во Вне-мире и вернулись обратно, только в другом месте. Это произошло настолько быстро, что только компьютер мог бы заметить наше отсутствие. Джейн перенесла нас еще до того, как я закончил беседовать с ней. Еще до того, как мы затеяли этот спор.

— Тогда где мы? Что там, за дверями?

— Мы находимся в лесу, на планете под названием Священный Ветер. Воздухом можно дышать. И ты не замерзнешь. Там сейчас лето.

Она подошла к двери и опустила рукоять, открывая герметичную дверь. Та распахнулась. В каюту хлынули солнечные лучи.

— Священный Ветер, — проговорила она. — Я читала об этой планете. Она была основана синтоистами, тогда как на Пути собрались сторонники тао. Сливки древней японской культуры. Хотя, мне кажется, сейчас планета не так чиста, как прежде.

— По правде говоря, Эндрю, Джейн и я — если, конечно, меня можно считать отдельным от Эн-

дера человеком — посчитали, что именно на этой планете сосредоточилась власть управляющего мирами Конгресса. Именно здесь живут те, кто выносит решения. Кукловоды, управляющие марионеткой-королем.

— И вы замыслили свергнуть их, захватив власть над человеческой расой в свои руки?

— Мы решили попробовать остановить надвигающийся на Лузитанию флот. Захват власти стоит следующим пунктом в повестке дня. Флот требует неотложных мер. У нас осталось всего несколько недель до того момента, как корабли появятся перед Лузитанией и воспользуются Маленьким Доктором, чтобы разнести ее на составные элементы. Эндер же и все остальные убеждены, что у меня ничего не выйдет, и поэтому строят маленькие жестяные кораблики наподобие этого, чтобы транспортировать как можно большее количество обитателей Лузитании — людей, свинксов и жукеров — на другие обитаемые, но еще не освоенные человеком миры. Моя дражайшая сестренка Валентина — та, что помоложе, — носится вместе с Миро — который стал настоящим красавчиком, — разыскивая новые планеты. Вот такой вот проект сейчас осуществляется. И все они ставят на мой — на НАШ

— провал. Ну что, разочаруем их, а?

— Что значит разочаруем?

— Добьемся своего. Одержим победу. Выявим ту центральную силу, что управляет человечеством, и убедим ее остановить флот, прежде чем целая планета будет бессмысленно уничтожена.

Ванму с сомнением посмотрела на Питера. Убедить этих людей остановить флот? И это намерен исполнить этот жестокосердечный мальчишка-грубиян? Да разве он способен хоть кого-нибудь убедить? Хоть в чем-нибудь?

Как будто прочитав ее мысли, он ответил на сомнения, что терзали ее:

— Вот поэтому-то я и прихватил тебя. Изобретая меня, Эндер совсем забыл, что в то время, когда я убеждал людей, сплачивал их в союзы и призывал ко всякой чуши, он уже не знал меня. Поэтому Питер Виггин, которого он сотворил, получился слишком грубым, слишком честолюбивым. Этот Питер Виггин даже больного чесоткой прямой кишки не убедит почесать собственный зад.

Она снова отвернулась от него.

— Вот видишь? — указал он. — Я снова и снова оскорбляю тебя. Взгляни на меня. Видишь мою дилемму? Настоящий Питер без труда справился бы с той работенкой, которая свалилась на меня.

Даже от стола бы не оторвался. У него уже созрел бы действенный план. Он мог завоевать доверие людей, улестить их, внедриться в их советы. Вот на что был способен Питер Виггин! Даже пчелы не могли устоять перед его очарованием — они собственными лапками вырывали свои жала и отдавали ему! Но способен ли на это я? Сомневаюсь. Поскольку я — это не я.

Он поднялся из кресла, грубо протиснулся мимо нее и ступил на луг, посреди которого стояла небольшая металлическая коробка, переместившая их с планеты на планету. Ванму замерла на пороге, глядя, как он бродит вокруг судна.

«Я понимаю, что он ощущает, — думала она. — Мне известно, что значит подчинять свою волю другому человеку. Что значит жить, как будто этот человек есть центр твоей жизни, а ты всего лишь подыгрываешь ему. Я была рабыней. Но по крайней мере все это время я чувствовала собственное сердце. Я знала, о чем думаю, пока исполняла чужие приказы, пока добивалась от других того, чего сама желала. Но Питер Виггин понятия не имеет, чего он хочет на самом деле, поскольку даже отрицание собственной свободы исходит не от него самого. Ему это досталось по наследству от Эндрю Виггина. Даже его привычка

обливать себя грязью принадлежит на самом деле Эндрю Виггину, и…»

Снова и снова все возвращалось к своему началу, накручивая круги, как бродящий по лугу Питер.

Ванму вспомнила свою хозяйку — бывшую хозяйку — Цин-чжао. Она также следовала странным, побуждениям. Следовала приказам, отдаваемым ей богами. Нет, это так думали раньше. На самом деле ею управлял маниакально-побудительный синдром. Она должна была опускаться на колени и прослеживать жилку в половицах пола, прослеживать, пока та не заканчивалась, после чего начинать новую. Это ничего не значило, однако ей приходилось подчиняться приказам, потому что только бессмысленным, тупым повиновением она могла добиться глотка свободы от импульсов, контролирующих ее тело и ум. «На самом деле рабыней была Цин-чжао, а не я. Ибо хозяин, управляющий ее телом, поселился прямо у нее в голове. Тогда как мой господин всегда находился рядом со мной, и до моей души ему было не дотянуться.

Питер Виггин знает, что им правят бессознательные страхи и страсти человека, находящегося в многих сотнях световых лет. Но Цин-чжао ис-

кренне верила, что ею управляют боги. Бессмысленно твердить себе, что твой хозяин снаружи, если его приказы ты переживаешь сердцем. Куда ты от них сбежишь? Где скроешься? Цин-чжао, наверное, уже освободилась. Новый вирус, который привез Питер и вручил прямо в руки Хань Фэй-Цзы, разбил ее оковы. Но Питер… каким образом ему достичь желанной свободы?

И все-таки он должен жить так, как будто на самом деле свободен. Он должен отстаивать собственную свободу, пусть Даже эта борьба есть еще один симптом его рабства. В нем живет частичка, которая отчаянно жаждет быть собой. Обрести собственное „я“.

Так какова же моя роль? Должна ли я сотворить чудо и подарить ему айю? Это не в моей власти.

И все же некоторой властью я обладаю», — подумала она.

Она просто обязана обладать силой, иначе с чего бы он говорил с ней так открыто? Они абсолютно незнакомы, и тем не менее он сразу открыл ей свое сердце? Почему? Зачем? Не только потому, что она должна была быть посвящена во все тайны. Наверное, почему-то еще.

Ну да, конечно. Он говорил с ней так открыто, потому что она никогда не встречалась с Эндрю

Виггином. Может, Питер действительно всего лишь частичка природы Эндера, он — то, чего Эндер боится и что презирает. Но она не могла сравнивать их друг с другом. Каким бы Питер ни был, кто бы его ни контролировал, она была его ЛИЧНОЙ наперсницей.

А стало быть, она снова стала чьей-то служанкой. Она однажды уже была наперсницей Цин-чжао.

Она содрогнулась, как бы отбрасывая в сторону это грустное сравнение. «Нет, — упрямо заявила она себе. — Это не одно и то же. Потому что этот бесцельно бродящий среди луговых цветов юноша не обладает надо мной властью. Он может лишь поведать мне о своей боли и надеяться на мое понимание. И то, что я дам ему, я буду дарить от всего сердца, сама».

Она закрыла глаза и прислонилась к двери. «Да, — подумала она, — отныне я буду дарить сама. Но что я собираюсь дать ему? Именно то, чего он добивается, — мою преданность, мое почитание, мою помощь? Я растворюсь в нем. Но почему я иду навстречу его желаниям? Потому что, как бы он в себе ни сомневался, он все-таки обладает способностями привлекать людей на свою сторону».

Она снова открыла глаза и направилась через высокую, достающую до пояса траву к нему. Увидев ее, он остановился и стал ждать. Вокруг жужжали пчелы; над цветами пьяно порхали бабочки, в самый последний момент резко сворачивая в сторону, чтобы не врезаться в человека. Неожиданно взмахнув рукой, она поймала пчелу в сложенную чашечкой руку, а затем быстро, прежде чем та успела ужалить ее, кинула насекомое Прямо в лицо Питеру.

Тот, совершенно ошеломленный и растерянный, принялся отбиваться от разъяренной пчелы, уклоняясь и отступая. В конце концов ему даже пришлось пробежать несколько шагов. Наконец пчела оставила его в покое и, сердито жужжа, снова вернулась к своим цветам. Кипя от злости, он повернулся к Ванму:

— Это еще что за шуточки?!

Она захихикала. Не смогла сдержаться, настолько смешно он выглядел.

— Замечательно, смейся, смейся. Вижу, я подобрал себе замечательную компаньонку.

— Сердись сколько пожелаешь, — ответила Ванму. — Но я вот что тебе скажу. Неужели ты думаешь, что где-то там, на Лузитании, айю Эндера внезапно подумала: «Ой, пчела!» и заставила

тебя махать руками и прыгать, как клоуна?

Питер закатил глаза.

— Ага, очень умно. Что ж, мисс Владычица Запада, ты определенно решила все мои проблемы! Теперь я вижу, что всегда был настоящим мальчишкой! А эти желтые башмачки с самого начала могли перенести меня обратно в Канзас!

— В какой такой Канзас? — спросила она, посмотрев на его ботинки, которые были отнюдь не желтого цвета.

— Так, еще одно воспоминание Эндера, которым он со мной милостиво поделился, — проворчал Питер Виггин.

Сунув руки в карманы, он внимательно оглядел ее.

Она, не произнося ни слова, сцепила руки перед собой и наградила его таким же изучающим взглядом.

— Ну, так ты со мной или нет? — в конце концов поинтересовался он.

— Ты должен постараться не грубить мне, — ответила она.

— Этот вопрос урегулируй с Эндером.

— Мне плевать, чья айю управляет тобой, — заявила она. — У тебя есть собственные мысли, которые несколько отличаются от мыслей Эн-

дера, — ты испугался пчелы, а он в этот момент даже не думал о ней, и ты это знаешь. Так что, какая бы часть тебя ни отвечала за твое поведение и каково бы ни было на самом деле твое настоящее «я», на передней стороне головы У тебя имеется рот, посредством которого ты будешь общаться со мной. Если хочешь, чтобы я помогала тебе, постарайся вести себя повежливее.

— И пчел больше не будет? — уточнил он.

— Не будет, — кивнула она.

— Тогда договорились. К счастью, Эндер подарил мне тело, которому наверняка будет больно, если пчела его ужалит.

— Пчеле тоже придется несладко, — заметила Ванму.

Он ухмыльнулся.

— Знаешь, а ты мне нравишься, — проговорил он. — И это меня бесит.

Решительным шагом он направился к кораблю.

— Пошли! — крикнул он ей. — Посмотрим, что за информацию сможет выдать нам Джейн. Какникак этот мир мы должны подчинить одним ударом.

2
«Ты не веришь в бога»

«Когда я следую вьющейся в половице тропе богов,
Мои глаза видят каждый изгиб жилки,
Но тело мое движется прямо к цели,
Поэтому те, кто смотрит на меня, считают, будто путь богов прям как стрела,
Тогда как я живу в мире, где нет прямых дорог».

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

Новинья отказалась выходить к нему. Добрая старая настоятельница выглядела искренне расстроенной, сообщая Эндеру это известие.

— Она вовсе не сердится, — объяснила настоятельница. — Она просто сказала, что…

Эндер кивнул, понимая, что женщина сейчас разрывается между состраданием и честностью.

— Не бойтесь, говорите все напрямую, — сказал он. — Она моя жена, я уж как-нибудь снесу.

Настоятельница прикрыла глаза:

— Насколько вам известно, я тоже замужем…

Конечно, ему об этом известно. Все члены ордена Детей Разума Христова — «Ос Фильос да Менте де Кристо» — имели либо супругу, либо супруга. Таково было правило.

— Я замужем и несколько разбираюсь, что можно говорить, а что нельзя. Вашей супруге известны такие слова, которых вы свести НЕ СМОЖЕТЕ.

— Прошу прощения, тогда я скажу по-другому, — покорно согласился Эндер. — Она моя жена, и я твердо намерен выслушать ее слова. Не имеет значения, переживу я их или нет…

— Она говорит, что ей нужно закончить прополку, а на всякие глупые беседы у нее нет времени.

Да, Новинья вполне могла сказать такое. Она, наверное, твердит себе, что сейчас примеряет на себя одеяние Иисуса, но ведь именно Христос поносил фарисеев, именно Христос жестоко высмеивал и издевался над своими врагами и друзьями. Не всегда он был мягким, обладающим бесконечным терпением человеком…

Но Эндер за свою жизнь выслушал немало колких слов.

— Тогда чего мы ждем? — пожал плечами он. — Покажите, где у вас лежат мотыги.

Несколько секунд старушка-настоятельница

изумленно взирала на него, но потом улыбнулась и провела Эндера в сад. Вскоре, в рабочих рукавицах и с мотыгой под мышкой, он уже стоял в конце грядки, на которой работала его жена. Новинья, согнувшись под палящим солнцем, не отрывала глаз от земли; цепляя мотыгой корни сорняков, она вытаскивала их из земли и бросала рядом, под лучи жаркого, иссушающего солнца. Она направлялась к нему.

Эндер перешел на непрополотую грядку рядом с той, на которой работала Новинья, и, выдергивая сорняки, начал двигаться ей навстречу. Они, конечно, не встретятся, но пройдут рядом друг с другом. Либо она заметит его, либо нет. Либо заговорит с ним, либо нет. Она еще любила его, нуждалась в нем, как прежде. Либо не любила и не нуждалась. Как бы то ни было, до конца дня он будет пропалывать то же самое поле, что и его жена, и работать ей будет легче, потому что он будет рядом. Значит, он по-прежнему будет ее мужем, хотя она, по ее уверениям, в нем теперь не нуждается.

В первый раз, когда они прошли мимо друг друга, она даже не подняла глаз. Но это было и не нужно. Даже не поднимая головы, она знала, что присоединиться к ней мог только ее муж — после

того как она отказалась с ним встретиться. Он знал, что ей это известно, и также знал, что она слишком горда, чтобы взглянуть на него, показывая, что тоже соскучилась. Она будет смотреть на сорняки, пока не ослепнет. Новинья всегда слыла несгибаемой женщиной, она ни перед кем не склонит голову.

Кроме, разумеется, Иисуса Христа. Именно таков был смысл послания, которое она ему передала, послания, которое привело его сюда, заставило его искать с ней встречи. То была небольшая записка, написанная на языке церкви. Она покидала его, чтобы вместе с остальными «фильос» служить Христу. Она почувствовала призвание к этому труду. Он освобождался от дальнейших обязанностей перед ней и не должен был ожидать от нее иных знаков внимания, кроме тех, которые она с радостью готова дарить любому Божьему созданию. Несмотря на всю вежливость, послание прямо-таки дышало холодом.

Но Эндер тоже не любил отступать. Вместо того чтобы повиноваться посланию, он пришел прямо сюда, вознамерившись поступить наперекор всем ее просьбам. А почему нет? Решения Новиньи всегда оборачивались бедой. Каждый раз, когда она решала сделать что-нибудь на благо

своего ближнего, она неумышленно разрушала судьбы окружающих ее людей. Так случилось с Либо, ее другом детства и тайным любовником, отцом всех ее детей, в то время как замужем она была за жестоким, но бесплодным человеком, который до самой смерти остался ей верным мужем. Опасаясь, что Либо, как и его отец, погибнет от руки какого-нибудь пеквенино, Новинья утаила свои чрезвычайно важные открытия, касающиеся биологии планеты Лузитания. Ей казалось, что это знание убьет ее любимого. Вместо этого его смерть случилась именно потому, что он не знал этой самой информации. Она тайно заботилась о нем — и это его погубило.

«Можно подумать, этот урок ее чему-нибудь научил, — думал Эндер. — Нет, она продолжает поступать по-своему. Она, ни с кем не посоветовавшись, продолжает выносить решения, которые калечат жизни других людей. Ей даже в голову не приходит, что, может быть, эти самые люди вовсе не хотят, чтобы она спасала их от той предполагаемой беды, которая ей мерещится».

Но если бы она вышла замуж за Либо и рассказала ему о том, что ей известно, он, может быть, жил бы и по сей день. Эндер не женился бы на его вдове и не помог бы ей воспитать ее детей. У

Эндера никогда не было другой семьи, да он и не хотел никакой другой. Как бы ни были пагубны решения Новиньи, самые счастливые дни в его жизни случились только потому, что она совершила одну из своих самых роковых ошибок.

Пройдя мимо нее во второй раз, Эндер заметил, что она упорно отказывается начинать с ним разговор, поэтому, как всегда, он отступил первым и нарушил затянувшееся молчание:

— Насколько ты знаешь, «фильос» все женаты или замужем. В этом ордене приняты браки. Без меня ты не станешь его полноправным членом.

Она остановилась. Лезвие мотыги легло на нетронутую часть грядки, рукоятка ярко блеснула меж ее рукавиц.

— Грядки я смогу полоть и без тебя, — в конце концов буркнула она.

Его сердце радостно защемило — ему наконец удалось пробиться сквозь завесу ее молчания.

— Не сможешь, — ответил он. — Потому что я уже здесь.

— Это обыкновенный картофель, — сказала она. — Я не могу воспрепятствовать тебе помогать мне пропалывать картошку.

Ничего не в силах с собой поделать, они дружно рассмеялись, и с тихим стоном Новинья наконец

разогнула спину, выпрямилась и, бросив мотыгу на землю, взяла Эндера за руки. Это касание ударило его словно электрическим током, хотя их пальцы отделяли друг от друга толстые рабочие рукавицы.

— If I do profane with my touch… — начал Эндер.

— Давай без Шекспира, — перебила она. — Без lips two blushing pilgrims ready stand.

— Я скучаю по тебе, — произнес он.

— А ты перебори свою скуку, — посоветовала она.

— Зачем? Если ты присоединишься к «фильос», к ним присоединюсь и я.

Она рассмеялась.

Эндеру не понравились презрительные нотки в ее смехе:

— Если ксенобиолог может покинуть мир бессмысленных страданий, почему этого не может сделать постаревший, давно ушедший на пенсию Голос Тех, Кого Нет?

— Эндрю, — мягко сказала она, — я здесь не потому, что решила отказаться от мирской суеты. Я пришла сюда, потому что сердце мое обратилось к Спасителю. Ты же никогда не сможешь уверовать. Ты не можешь сродниться с этим местом.

— Я сроднюсь с тем, с чем сроднишься ты. На-

помню тебе, если ты забыла, — мы дали обет. Святой обет, нарушить который нам не позволит Святая Церковь.

Она вздохнула и взглянула на небо, распростершееся над стенами монастыря. За этими стенами, за лугами, за изгородью, за холмом, в лесах… лежала самая большая любовь ее жизни, там лежал Либо. Туда же ушел Пипо, его отец, который и ей заменил отца, он ушел туда и тоже погиб. В другом лесу погиб ее сын Эстевано, и Эндер прочитал в ее глазах, что, глядя на окружающий эти стены мир, она видит только смерть. Двое из самых дорогих ей людей упокоились в земле еще до того, как Эндер прибыл на Лузитанию. Но смерть Эстевано… Новинья умоляла Эндера остановить его, не пускать Эстевано в лес, где таилась опасность, где пеквенинос говорили о войне, о том, что людей надо убивать. Она не хуже Эндера понимала, что остановить Эстевано — это все равно что уничтожить его, ибо священником он стал не затем, чтобы отсиживаться в тихой, безопасной церквушке, а чтобы попытаться донести послание Христа древесному народцу. Умирающий в объятиях дерева-убийцы Эстевано наверняка испытывал ту же самую радость, что и христианские мученики из давних времен. В

час жертвования собой Господь Бог приносил им успокоение. Но Новинья не понимала смысла такой радости. Очевидно, Господь не имеет привычки распространять свою благодать на ближайших родственников и друзей мученика. И свою скорбь, свой гнев она сорвала на Эндере. Зачем она выходила за него замуж, если не может чувствовать себя за ним, как за каменной стеной?

Он не стал объяснять ей самое очевидное — если и следовало кого винить, так только Бога, а Эндер здесь ни при чем. Ведь, по сути дела, это Бог сделал святыми — по крайней мере почти святыми — родителей Новиньи, которые перед самой своей смертью все-таки открыли сыворотку, сумевшую противостоять Десколаде. Новинья тогда была совсем еще ребенком… Тот же самый Бог повел Эстевано проповедовать самым опасным смутьянам среди пеквенинос. Однако в своей печали она обратилась именно к Богу, а от Эндера, который желал ей лишь добра, отвернулась.

Он никогда не говорил ей об этом, потому что знал, что она не будет слушать его. Он удержался от подобных высказываний потому, что она видела вещи в несколько ином свете. Бог, забравший у нее отца и мать, Пипо, Либо и Эстевано, был

справедлив, он таким образом наказывал ее за грехи. Но Эндер отказался отговаривать Эстевано от самоубийственной миссии к пеквенинос только потому, что был слеп, упрям и самоуверен. И еще потому, что он недостаточно любил ее.

Но он любил ее. Любил всем сердцем.

Всем ли?

Всем, которое знал. Однако, когда во время путешествия во Вне-мир самые далекие уголки души открыли-таки свои тайны, оказалось, что вовсе не образ Новиньи хранит в своем сердце Эндер. Другие люди значили для него куда больше.

Но что он может поделать со своим подсознанием? Он может отвечать только за свои поступки, и сейчас он показывал Новинье, что как бы она ни прогоняла его, он не уйдет. Как бы она ни убеждала себя в том, что он любит только Джейн и интересуется исключительно деяниями во славу человечества, это было неправдой. Новинья значила для него намного больше. Ради нее он пожертвует всем. Ради нее он навсегда скроется за монастырскими стенами. Будет пропалывать всевозможные грядки под раскаленным солнцем. Ради нее.

Но даже этого ей недостаточно. Она настаивает, чтобы он отказался от мира не из любви к ней,

а из любви к Христу. Только женился он не на Христе, да и она выходила замуж не за Иисуса. Но Господь лишь порадуется, увидев, что муж и жена жертвуют друг ради друга всем. Наверняка Бог ожидает от человека именно таких жертв.

— Знаешь, я не виню тебя в смерти Квима, — сказала она, назвав Эстевано именем, которым его часто называли в детстве.

— Нет, этого я не знал, — удивился он, — но рад, что ты мне об этом сообщила.

— Сначала я считала, что в его смерти виноват прежде всего ты, но даже тогда я понимала, что поступаю несправедливо по отношению к тебе, — продолжала она. — Он сам избрал свой путь. Он был взрослым, самостоятельным человеком и не допустил бы, чтобы родители решали за него. Если уж я не смогла остановить его, что мог сделать ты?

— Я даже не пытался его останавливать, — признался Эндер. — Наоборот, я хотел, чтобы он поехал. Он осуществлял свою самую заветную мечту.

— Это я тоже понимаю. Все правильно. Он правильно поступил, что поехал. И его смерть — это тоже правильный выбор, потому что своей смертью он многого добился.

— Он спас Лузитанию от катастрофы.

— И обратил многих пеквенинос в Божью веру.

Она рассмеялась, как смеялась раньше, заразительным, искренним смехом. Этот смех Эндер ценил больше всего на свете, потому что звучал он так редко.

— Деревья уверовали в Иисуса, — покачала головой она. — Кто б мог подумать?

— Пеквенинос уже прозвали его святым Стефаном, Покровителем Деревьев.

— Ну, это они поспешили. Для этого требуется некоторое время. Сначала его нужно канонизировать. На его гробнице должна свершиться пара-другая чудес. Можешь мне поверить, уж мне-то эта процедура известна.

— Мучеников в наши дни не так много, — возразил Эндер. — Его обязательно канонизируют. Люди будут молиться, чтобы он заступился за них перед Иисусом, и молитвы их исполнятся, потому что если кто и заслужил право быть выслушанным Иисусом, так это твой сын Эстевано.

По щекам ее покатились слезы.

— Мои родители были мучениками, и скоро их причислят к лику святых, — грустно улыбнулась она. — Мой сын стал святым. Набожность переда-

ется через поколение.

— Да уж. Твое поколение прославилось эгоистичным гедонизмом.

Она повернулась к нему, по пыльным щекам, оставляя грозные дорожки, текли слезы, ее блестящие глаза глядели прямо в его сердце. Эту женщину он безумно любил.

— Я не раскаиваюсь в изменах мужу, — произнесла она. — Разве может Христос простить меня, если я ничуть не сожалею об этом? Но если б я не спала с Либо, мои дети никогда бы не появились на свет. Против такого исхода Господь вряд ли бы стал возражать…

— По-моему, сам Иисус сказал: «Я, Господь, буду прощать, кого прощу. Но вы должны простить всех людей».

— Нечто вроде того, — кивнула она. — Я не особый знаток писаний. — Протянув руку, она коснулась его щеки. — Ты так силен, Эндер. Но выглядишь усталым. Как можешь ты уставать? Вселенная по-прежнему зависит от тебя. Может, не все человечество, но этот мир — точно. Ты должен спасти его. Но ты устал.

— Усталость источила меня, — признался он. — А ты забрала с собой последнюю каплю крови.

— Странно, — промолвила она. — Мне казалось,

что я вырезала у тебя раковую опухоль.

— Новинья, ты так и не научилась понимать, чего именно добиваются от тебя люди. Ты не знаешь, чего желают твои близкие. Порой мы с не меньшей радостью принимаем боль, чем помощь.

— Поэтому-то, Эндер, я и пришла сюда. Я отказалась от решений. Я доверялась собственным суждениям. Я доверялась тебе. Я верила Либо, Пипо, отцу и матери, Квиму, но все лишь разочаровывали мою веру или уходили… Нет, я знаю, ты никуда не ушел, и понимаю, что ты ни в чем не виноват. Нет, Эндрю, выслушай меня, выслушай. Проблема заключалась совсем не в тех людях, которым я верила, проблема заключалась в том, что я верила им, тогда как ни один человек не мог принести мне то, в чем я нуждалась. Понимаешь, я искала освобождения. Я нуждалась — и нуждаюсь до сих пор — в искуплении. Но ты не в силах мне его дать — ты дал мне больше, чем от тебя требовалось, Эндрю, но у тебя нет того, в чем я больше всего нуждаюсь. Только Избавитель, только Помазанник Божий способен подарить мне освобождение. Ты понимаешь меня? И искупить свою вину я могу только в том случае, если посвящу оставшуюся жизнь Ему. Поэтому

я здесь.

— Пропалываешь грядки.

— Отделяю зерна от плевел, — улыбнулась она. — Пропалывая грядки, я помогаю людям — они получат много хорошей картошки. И мне не нужно постоянно быть на виду, постоянно привлекать к себе внимание, чтобы ощущать полноту жизни. Однако ты, придя сюда, напомнил мне, что, даже обретя счастье, я причиню кому-то нестерпимую боль.

— Это не так, — возразил Эндер. — Потому что я иду с тобой. Я вместе с тобой присоединюсь к ордену. В него допускаются только супружеские пары, а мы с тобой женаты. Без меня ты в него не вступишь, а тебе это нужно. Зато вместе со мной тебя примут. Что может быть проще?

— Проще? — удивилась она. — Ну, во-первых, ты не веришь в Бога.

— Почему ты так решила? — раздраженно спросил Эндер.

— Ты допускаешь существование Бога, а это несколько не то, что имею в виду я. Ты не веруешь в него так, как верует в своего сына мать. Она не ставит под сомнение его СУЩЕСТВОВАНИЕ — почему она должна в этом сомневаться? — она имеет в виду свою веру в его будущее, она веру-

ет, что он будет следовать той доброте, которая заложена в нем. Она доверяет ему будущее, вот насколько глубока ее вера. Но твоя вера в Христа вовсе не так глубока. Ты по-прежнему веришь в себя, Эндрю. Веришь в людей. Ты разослал во все концы вселенной свои маленькие копии, тех детей, которых создал во время посещения преисподней. Ты сейчас стоишь рядом со мной, среди этих стен, но сердце твое мечется между планетами, пытаясь остановить флот. Ты ничего не оставляешь Господу. Ты не веришь в него.

— Прости, но если Бог намерен делать все сам, зачем ему было создавать нас?

— Ну да, насколько я помню, один из твоих родителей был еретиком. Вот где берут исход твои самые странные предположения.

Она частенько в шутку вспоминала об этом, прохаживаясь на тему его детства, но на этот раз ни он, ни она не засмеялись.

— Я верую в ТЕБЯ, — сказал Эндер.

— Но советуешься с Джейн.

Он сунул руку в карман, достал из него что-то и, протянув ей, разжал кулак. Это была сережка с драгоценным камнем, из которого торчало несколько крошечных проводков. Она походила на мерцающую жемчужину, вырванную из мор-

ской раковины, где покоилась веками. Сначала Новинья не узнала ее, но наконец она догадалась, что это такое, и, подняв глаза, посмотрела на ухо Эндера. Сколько она его знала, Эндер все время носил в ухе эту сережку, посредством которой он общался с Джейн, ожившей компьютерной программой, самым старым, самым дорогим, самым верным спутником и товарищем.

— Эндрю, неужели ты пошел на это ради меня?

— Честно говоря, я не был уверен, что эти стены удержат меня, пока на ухо будет постоянно нашептывать голосок Джейн, — признался он. — Я все с ней обсудил. Все объяснил. Она понимает. Мы остались друзьями. Но не компаньонами.

— Ох, Эндрю… — Теперь Новинья разрыдалась по-настоящему. Обняв Эндера, она прижалась к его груди. — Если бы ты сделал это пару лет назад, даже пару месяцев назад…

— Может, я и не верую в Иисуса так, как веруешь в него ты, — сказал Эндер, — но, может, я буду верить в тебя, а ты будешь верить в него?

— Ты не выживешь здесь.

— Рядом с тобой я выживу где угодно. Я не столько устал от мира, сколько от решений. Я устал решать. Устал пытаться найти решение.

— Но именно этим мы здесь и занимаемся, —

произнесла она, немножко отстраняясь от него.

— Здесь мы можем быть не разумом, но детьми этого разума. Мы можем быть руками и ногами, губами и языком. Мы можем исполнять, но не решать.

Тихонько охнув, он встал на колени и сел прямо на землю, устроившись среди невысоких побегов картофеля. Грязной рукой он вытер лоб, хотя знал, что это не поможет, лишь превратит пыль в грязь.

— Ты так все красиво изложил, Эндрю, что я почти поверила тебе, — сказала Новинья. — Неужели ты решил отказаться от роли героя в собственной саге? Или это очередная хитрая уловка? Ты теперь решил уйти в монастырь и стать самым великим среди нас?

— Знаешь ли, я никогда не жаждал величия и славы. Которых, кстати, никогда у меня не было.

— Эндрю, ты такой прекрасный рассказчик, что сам веришь в собственные сказки.

Эндер поднял голову.

— Прошу тебя, Новинья, позволь мне жить рядом с тобой. Ты моя жена. Моя жизнь лишится смысла, если я потеряю тебя.

— Мы можем жить здесь как муж и жена, но мы не сможем… ну, ты знаешь…

— Мне известно, что «фильос», вступая в орден, отказываются от вступлений в интимную связь, — кивнул Эндер. — Но я твой муж. И поскольку я все равно ни с кем не занимаюсь сексом, в число этих «ни с кем» я могу включить и тебя.

Он криво улыбнулся.

Она ответила ему печальной, сочувствующей улыбкой.

— Новинья, — снова заговорил он, — меня больше не интересует жизнь. Во всем мире для меня осталась одна только жизнь — твоя. И если я потеряю тебя, мне больше не за что будет держаться.

Он сам не до конца понял смысл сказанного. Эти слова сами сорвались с его губ. Он знал лишь одно: им управляла не жалость к себе, он сказал чистую правду. Не то чтобы ему в голову лезли мысли о самоубийстве, отшельничестве и прочих глупостях. Скорее он как будто затухал. Терял силы. Лузитания казалась ему все менее и менее реальной. Рядом с ним по-прежнему находилась Валентина, его сестра и верный друг. Она напоминала ему скалу, ее жизнь была реальной, но он не видел этого, потому что Валентина в нем не нуждалась. Пликт, его непрошеная-незваная ученица, может, и нуждалась в Эндере, но не в живом, реальном человеке, — а в его образе.

Так, кто там еще? Дети Новиньи и Либо, которых он воспитал как своих собственных, которых любил как своих собственных детей… Они уже повзрослели, а поэтому перестали нуждаться в Эндере. Джейн, которая однажды чуть не самоуничтожилась, когда он на какой-то час лишил ее своего внимания, тоже не искала его общества, потому что у нее был Миро, а потом еще появился Питер…

Питер. Юная Валентина. Откуда они взялись? Они украли его душу и забрали с собой. Они совершали поступки, которые когда-то совершал он сам. А Эндер тем временем ждал на Лузитании и… тихонько угасал. Вот что он имел в виду. Если он потеряет Новинью, что удержит его в теле, в котором он несколько тысячелетий путешествовал по вселенной?

— Здесь я не могу решать, — покачала головой Новинья.

— Можешь, — сказал Эндер. — Ты сама должна решить, нужен ли я тебе как один из «Ос Фильос да Менте де Кристо». Если это так, то с остальными препятствиями, думаю, я справлюсь.

Она язвительно рассмеялась:

— Препятствия? Такие люди, как ты, не знают слова «препятствия». Всевозможные преграды

для них лишь ступени, по которым они поднимаются вверх.

— Такие люди, как я?

— Да, такие люди, как ты, — подтвердила Новинья. — Хотя подобных тебе я никогда не встречала. Как бы я ни любила Либо, он ни разу в жизни не был настолько живым, как ты обычно. Впервые я поняла, что люблю, когда полюбила тебя. Я скучала по тебе больше, чем по своим детям, больше, чем по родителям. Больше, чем по всем тем людям, которых я когда-либо любила и потеряла. Но то, что думаю я только о тебе одном, вовсе не означает, что людей, подобных тебе, не существует. Вселенная велика. Ты ж не можешь быть единственным в своем роде, а?

Он раздвинул картофельную ботву и мягко положил ей руку на бедро.

— Значит, ты по-прежнему любишь меня? — спросил он.

— Ты за этим пришел? Чтобы выяснить, люблю ли я тебя?

— Отчасти, — кивнул он.

— Люблю, — сказала она.

— Значит, я могу остаться?

Она разрыдалась. Громко и безутешно. Опустившись на землю, она закрыла лицо ладонями;

совершенно забыв про хрупкие, ломкие стебли растений, он пододвинулся к ней, чтобы обнять ее, прижать к себе. Выплакавшись, она повернулась и, обвив его шею руками, прижалась к нему крепко-крепко, так же, как он — к ней.

— О, Эндрю, — прошептала она охрипшим и севшим от рыданий голосом, — неужели Господь Бог настолько любит меня, что возвращает тебя в мои объятия? Именно сейчас, когда я так в тебе нуждаюсь…

— Я буду с тобой, пока смерть не разлучит нас, — пообещал Эндер.

— Смерть я уже видела, — сказала она. — И поэтому молюсь, чтобы на этот раз Господь забрал меня первой.

3
«Нас слишком много»

Позвольте я расскажу вам самую прекрасную историю из тех, что мне известны. У одного человека была собака, которую он очень любил.
Тот пес сопровождал его повсюду,
Но человек никак не мог научить его делать что-нибудь полезное.
Пес не приносил палку, не умел идти по следу,
Он не бегал наперегонки, не защищал своего хозяина, не сторожил дом.
Вместо этого пес все время сидел у ног человека и смотрел на него
С одним и тем же загадочным выражением на морде.
«Это не пес, это волк какой-то», — сказала жена человека.
«Он один предан мне», — ответил человек,
И жена его больше не поднимала этот вопрос.

Однажды человек взял своего пса полетать на аэроплане,
Но стоило им подняться над высокими, заснеженными горами,
Как двигатель заглох,
И аэроплан, упав среди деревьев, разбился.
Человек лежал на земле и истекал кровью,
Живот его распороли острые лоскутья металла,
От его внутренностей в холодный воздух поднимался пар,
Но все его мысли занимала судьба верного пса.
Уцелел ли он? Не разбился ли?
Представьте себе его облегчение, когда к нему подошел пес
И взглянул на него своим прежним взглядом.
Прошел час. Пес понюхал вспоротый живот человека,
После чего выгреб оттуда кишки, селезенку, печень
И принялся пожирать их,
Не сводя глаз с лица человека.

«Слава Богу, — вздохнул человек. —
По крайней мере один из нас не умрет
с голоду».

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

Из всех обгоняющих свет судов, которые под командованием Джейн то ныряли во Вне-мир, то возвращались в привычную вселенную, только шаттл Миро выглядел как настоящий космический корабль. Да и то только потому, что когда-то этот Шаттл доставлял пассажиров и груз с борта огромных межзвездных транспортов, время от времени появлявшихся на орбите Лузитании. Однако новые корабли могли перемещаться непосредственно с одной планеты на другую, поэтому нужда во всевозможных системах жизнеобеспечения и горючем сразу отпала. А поскольку Джейн необходимо было удержать в памяти точный образ каждого суденышка, чем проще они были, тем лучше. Хотя вряд ли их можно было называть судами в полном смысле этого слова. Эти «космические корабли» были обыкновенными кабинками без окон, без мебели, напоминающими примитивные школьные кабинеты. Поселенцы Лузитании называли их теперь «encaixarse», что в переводе с португальского означало «залезть в коробку» или, если

быть более буквальным, «окоробиться».

Миссией Миро было исследование и поиск новых планет, пригодных для жизни трех разумных рас — людей, пеквенинос и Королев Улья. Для этого ему требовалось настоящее космическое судно. Несмотря на то что Джейн мгновенно перемещала его от планеты к планете с краткой остановкой во Вне-мире, Миро не рассчитывал, что они сразу окажутся на земле с пригодной для дыхания атмосферой. При первом изучении планеты Джейн сначала выводила корабль на орбиту, чтобы Миро мог снять показатели с приборов и провести подробный анализ. Высаживались они только на тех мирах, где требовалось окончательное решение — использовать эту планету в дальнейшем или нет.

Путешествовал он не один. В одиночку здесь не справиться, нужно было, чтобы все его выводы проверялись еще раз. Задание, порученное Миро на Лузитании, было самым опасным, поскольку, открывая шлюз космического корабля, он никогда не знал, что его ждет за дверями — может, там затаилась какая-нибудь непредвиденная опасность. Мысли о собственной незаменимости давным-давно оставили Миро. Проведя в искалеченной оболочке несколько долгих лет, он много

раз призывал смерть, поэтому теперь, после того как во время первого путешествия во Вне-мир ему вернулось прежнее, молодое тело, каждая секунда, каждый час, каждый день новой жизни казались ему незаслуженным даром. Он никогда не стал бы разменивать свое новое тело по пустякам, но не отказывался рисковать им ради других людей. Однако кто еще мог разделить подобное отношение к жизни и стать его спутником?

Юная Валентина была создана, во всех смыслах этого слова. Она появилась прямо на глазах у Миро — одновременно с его новым телом. У нее не было прошлого, не было родственников, ее ничего не связывало с этой вселенной, кроме разве что Эндера, чей разум создал ее и Питера, такое же искусственное создание, как и она. Впрочем, она еще как-то была связана с первой Валентиной, «настоящей Валентиной», как ее называла юная Вэл. Однако ни для кого не было секретом, что старая Валентина не горела особым желанием встречаться с этой юной красавицей, один факт существования которой был едкой насмешкой над ней. Кроме того, юная Вэл была создана Эндером как воплощение идеальных добродетелей. Она была абсолютно искренна в своем желании пожертвовать собой ради людей.

Поэтому, куда бы Миро ни направлялся в своем шаттле, повсюду его сопровождала юная Вэл, его спутница, его надежная помощница, его постоянная поддержка.

Но не друг. Ибо Миро прекрасно понимал, что есть Вэл на самом деле: замаскировавшийся Эндер. Она не женщина. Любовь и преданность передались ей по наследству от Эндера. Она испытанный товарищ, ей можно доверять, но эти качества принадлежат Эндеру, а не ей самой. В ней нет ничего своего. Поэтому, хоть Миро и привык к ее обществу, хоть он шутил с ней и смеялся, как не смеялся ни с кем другим, все же он не мог полностью положиться на нее, не мог позволить себе почувствовать к ней какую-то привязанность. Если она и заметила его отношение к ней, она ничего не сказала; если это ей и причиняло боль, то боль эту она ничем не выдала.

Она лишь радовалась новым успехам и настаивала на том, чтобы действовать побыстрее. «Совсем не обязательно тратить целый день на изучение одной планеты», — с самого начала заявила она и доказала свою правоту, составив расписание таким образом, что в день они совершали по три путешествия. Посетив три планеты, они отправлялись домой, на Лузитанию, которая

уже мирно спала; ночь они проводили на корабле и выходили только в тех случаях, когда нужно было предупредить о проблемах, с которыми могут столкнуться колонисты на новооткрытых мирах. Три планеты в день означало только то, что в день они изучают по три пригодных к обитанию мира. Когда Джейн забрасывала их на планету, с первого взгляда на которую становилось ясно, что она им не подходит — встречались, к примеру, миры, полностью покрытые водой или лишенные всякой жизни, — Миро и Вэл без малейшего промедления двигались дальше, к следующей цели. И так далее, иногда, в дни, когда, казалось, все валится из рук, они посещали по пять-шесть таких «пустышек». Юная Вэл загоняла себя и Миро до смерти, день за днем, но Миро безропотно сносил ее явно завышенные требования, поскольку знал, что необходимо работать как можно быстрее.

Его настоящий друг, вернее, подруга вообще была лишена человеческой формы. Она обитала в сережке, висящей у него в ухе. Джейн, шепот в его разуме, впервые раздавшийся, когда он вернулся к жизни после страшной травмы, друг, который слышал каждое слово, что он про себя произносил, и которая узнавала о его нуждах

прежде него самого. Джейн, которая делила с ним его мысли и мечты, которая сопровождала его повсюду, пока он был калекой, которая доставила его во Вне-мир, где он смог добыть себе новое тело. Джейн, его самая верная, самая преданная подруга, вскоре должна была погибнуть.

День ее смерти был крайним сроком. Как только погибнет Джейн, мгновенным перемещениям из одной части вселенной в другую наступит конец, поскольку ни одно другое существо силой своего разума не сможет переправить во Вне-мир и обратно даже резиновый мячик. А смерть Джейн неотвратимо приближалась. И естественные причины здесь ни при чем — о существовании разумной программы, контролирующей любой компьютер и обладающей к нему доступом, узнал Конгресс и сейчас постепенно отсоединялся от используемых ранее сетей. Она уже ощущала на себе последствия — некоторые системы вышли из сети, и она потеряла к ним доступ. Вскоре наступит день, когда отключенные разом компьютеры уничтожат ее. А когда ее не станет, все те, кто не успел сбежать с Лузитании на другие планеты, окажутся в ловушке. Им ничего не останется, кроме как сидеть и ждать прибытия флота, который все ближе и ближе

подходил к Лузитании, чтобы стереть планету в пыль.

Мрачненькая ситуация, ведь, что бы ни предпринял Миро, его лучший друг все равно умрет. Отчасти именно поэтому он не мог сойтись с юной Вэл — ему казалось, что он предаст Джейн, если в последние недели или дни ее жизни сдружится с кем-нибудь еще.

Так что Миро с головой погрузился в работу, занимаясь исключительно расчетами, изучением данных, полученных приборами шаттла, и анализом фотографий из космоса. Он спускался на шаттле на неизученные континенты и в конце концов — что случалось реже, чем хотелось, — открывал шлюз, вдыхая полной грудью инопланетный воздух. У него даже не было времени для грусти или радости, даже не было времени отдохнуть; он закрывал шлюз, отдавал приказ, и Джейн возвращала их на Лузитанию, чтобы начать все сначала.

Однако, вернувшись домой на этот раз, они поняли, что что-то случилось. Открыв двери шаттла, Миро обнаружил, что встречает их не его приемный отец Эндер, не пеквенинос, которые приготовили ему и юной Вэл поесть, и не главы колонии, ожидающие краткого отчета, а его бра-

тья Ольядо и Грего, его сестра Эланора и сестра Эндера Валентина. Валентина по собственной воле пришла к шаттлу, где обязательно столкнется нос к носу со своей ненавистной юной двойняшкой? Невероятно. Миро заметил, как поглядели друг на друга юная Вэл и старая Валентина. Сначала они старательно отводили глаза, а потом и вовсе отвернулись, чтобы не видеть друг друга. Впрочем, нет, первой отвернулась юная Вэл — она всячески избегала нанести оскорбление Валентине. Вэл скорее бы провалилась сквозь землю, лишь бы не причинить Валентине боль. А поскольку это было невозможно, она избрала самый лучший выход из положения — постаралась отойти в сторонку, чтобы не попадаться ей на глаза.

— Что за собрание? — удивился Миро. — Мама заболела, что ли?

— Нет, нет, все в добром здравии, — уверил его Ольядо.

— Разве что умом чуточку тронулись, — поправил Грего. — Мама и раньше вела себя как сумасшедший шляпник, так теперь еще и Эндер свихнулся.

Миро кивнул, нахмурился:

— Позвольте-ка я угадаю. Он вместе с ней всту-

пил в орден.

Грего и Ольядо сразу взглянули на сережку в ухе Миро.

— Нет, Джейн мне ничего не говорила, — развеял их сомнения Миро. — Просто я знаю Эндера. Он очень серьезно относится к своему браку.

— В общем, как бы то ни было, в рядах наших лидеров образовался некий вакуум, — продолжил Ольядо. — Не то чтобы все сразу бросили работать. Все усердно трудятся не покладая рук. Но мы привыкли надеяться на Эндера. Мы думали, что именно он подскажет нам, что делать, когда система остановится. Надеюсь, ты меня понял.

— Понял, — успокоил Миро. — Можешь выражаться напрямую, Джейн не стесняйся. Она знает, что компьютеры отключат, как только Звездный Конгресс согласует свои планы.

— Все не так просто, — возразил Грего. — Большинству людей неизвестно об опасности, грозящей Джейн, — если уж на то пошло, то многие даже не знают, что она существует. Но даже самые тупые могут сложить два и два и понять, что всех людей Лузитании до прибытия флота никак не вывезти. Не говоря уже о пеквенинос. Так что если флот не остановить, кто-нибудь

обязательно погибнет. Уже появились такие, которые кричат: хватит, мол, тратить драгоценное пространство космических кораблей на всякие деревянные чурки и насекомых.

Под «деревянными чурками» имелись в виду пеквенинос, которые на самом деле не переправляли на другие миры свои деревья, своих отцов и матерей, а под «насекомыми» подразумевалась Королева Улья, которая также не разменивалась на обыкновенных рабочих. На каждую планету отправлялась большая группа пеквенинос и по крайней мере одна Королева Улья с горсткой рабочих, которые помогут ей обжиться на месте. Все забывали о том, что Королеве Улья придется быстро производить рабочих, которые взвалят на свои плечи основной труд, развитие колонии; все забывали о том, что деревья остаются здесь, а значит, по крайней мере один самец и одна самка в каждой колонии пеквенинос должны «быть посажены» — должны умереть медленной и болезненной смертью, чтобы дерево-отец и дерево-мать прижились, пустили корни и продолжили жизненный цикл пеквенинос. Зато все знали — в особенности Грего, который недавно сам учинил крупную заваруху, — что под гладкой поверхностью воды противоборствуют друг другу

течения рас.

Но не только люди высказывали вслух свое неодобрение. Хотя на Лузитании пеквенинос своим числом намного превышали количество людей, среди поселенцев новых колоний пока что преобладали люди.

— Именно ваш флот собирается уничтожить Лузитанию, — сказал. Человек, главенствующий в эти годы среди деревьев-отцов. — Даже если все люди Лузитании погибнут, человеческая раса не исчезнет. Тогда как Королева Улья и мы, пеквенинос, поставили на карту свое выживание. Однако мы понимаем, что пока что на новых мирах-колониях людей должно быть больше, потому что вы обладаете знаниями ремесел и технологий, которыми мы еще не овладели. Потому что вы умеете подчинять новые планеты. И потому, что вы по-прежнему можете спалить наши леса.

Человек выражался весьма разумно, выражая свое негодование вежливо, тогда как другие пеквенинос и деревья-отцы были не столь сдержанны в выражениях:

— Почему мы должны позволять этим захватчикам, которые навлекли на наши головы все беды, спастись, тогда как большинство из нас погибнет?!

— В противостоянии рас нет ничего нового, — сказал Миро.

— Но до нынешнего момента у нас имелся сдерживающий фактор. Эндер, — объяснил Грего. — Пеквенинос, Королева Улья и большая часть человеческого населения видели в Эндере честного посредника. Этому человеку они могли верить. Они знали, что пока он у руля, пока его голос слышен, их интересы будут отстаиваться.

— Но исход возглавлял не один Эндер, — возразил Миро.

— Это вопрос веры, а не личных достоинств, — вступила в разговор Валентина. — Нечеловеческим расам известно, что Эндер — Голос Тех, Кого Нет. Ни один человек не выступал в защиту инопланетян столь рьяно. Тогда как людям Эндер известен под именем Ксеноцида — когда бесчисленное множество поколений назад у человеческой расы появился могучий враг, именно он остановил нашествие жукеров и спас человечество от полного уничтожения. Так что достойного и равного Эндеру кандидата нет.

— А я-то тут при чем? — огрызнулся Миро. — Меня никто не будет слушать. У меня нет связей. И вряд ли я смогу занять место Эндера. А сейчас я очень устал и хочу спать. Посмотрите на Вэл, она

тоже с ног валится от усталости.

Она и вправду еле стояла. Миро шагнул к девушке, чтобы поддержать ее; она с благодарностью оперлась на его плечо.

— Мы не просим тебя занимать место Эндера, — сказал Ольядо. — Мы не хотим, чтобы кто-либо занимал его место. Нам нужно, чтобы ОН САМ занял это место.

Миро рассмеялся:

— И вы думаете, я смогу убедить его? Среди вас находится его родная сестра! Пошлите ее!

Валентина скорчила гримасу:

— Миро, он не станет встречаться со мной.

— А с чего вы взяли, что меня он примет?

— Не тебя, Миро. Джейн. Ту сережку, что ты носишь в ухе.

Миро ошеломленно оглядел присутствующих:

— Вы хотите сказать, что Эндер отключил свой передатчик?

В его ухе раздался тихий голос Джейн:

— Я слишком замоталась. Не подумала, что это так важно для тебя.

Но Миро-то знал, что пережила Джейн, когда Эндер отключил ее в первый раз. Теперь у нее есть другие друзья, но это вовсе не означает, что разлука будет менее болезненной.

— Если бы ты сходил к нему и убедил поговорить с Джейн… — продолжала Валентина.

Миро покачал головой:

— Он снял серьгу, неужели вы не понимаете, что он решил раз и навсегда? Он убедил себя последовать за матерью в изгнание. Эндер не меняет своих решений.

И им это было известно. По сути дела, обратившись к Миро, они и не надеялись, что он сможет исполнить их просьбу. Это была последняя, отчаянная попытка.

— Что ж, пускай все рушится, — махнул рукой Грего. — Пускай начинается хаос. А потом, когда наши расы схватятся друг с другом, мы позорно умрем. Пусть флот уничтожает нас. Джейн повезло; она сыграет в ящик до того, как корабли доберутся до Лузитании.

— Передай ему от меня спасибо, — сказала Джейн Миро.

— Джейн передает тебе свою искреннюю признательность, — съязвил Миро. — Ты такой мягкосердечный, Грего, сил нет.

Грего вспыхнул, но своих слов обратно не забрал.

— Эндер не Господь Бог, — разозлился Миро. — Мы справимся и без него. А сейчас, как мне

кажется, самым лучшим выходом из положения будет…

— Поспать, мы уже слышали, — кивнула Валентина. — Но на этот раз вы здесь не останетесь. Прошу тебя. У нас сердце на куски разрывается при виде ваших измотанных лиц. Джакт привел такси. Поехали домой, выспитесь в нормальных постелях.

Миро взглянул на Вэл, которая сонно приникла к его плечу.

— И она, конечно, тоже, — усмехнулась Валентина. — Факт ее существования вовсе не расстраивает меня. Что бы вы там ни думали.

— Я так никогда не считала, — произнесла юная Вэл.

Она протянула Валентине похудевшую руку, и две женщины, носящие одно и то же имя, обменялись крепким рукопожатием. Вэл перешла от Миро к Валентине и оперлась на нее. Буря чувств, которая поднялась внутри Миро, порядком удивила его. Вместо того чтобы испытать облегчение, увидев, что они вовсе не испытывают друг к другу ненависти, он почувствовал чуть ли не ярость. Ярость ревности, вот как это называется. «Но ведь она на меня опиралась», — захотелось крикнуть ему. Что за детские эмоции?

Провожая их взглядом, он вдруг заметил то, чего замечать не следовало. Валентина содрогнулась. Или это просто озноб? Ночь и в самом деле выдалась прохладной. Но нет, Миро был абсолютно уверен, что эта дрожь была вызвана прикосновением ее юной двойняшки, а не холодным ночным воздухом.

— Миро, пойдем, — окликнул Ольядо. — Погрузим тебя на грузовик, а переночуешь в доме Валентины.

— А по пути перекусить остановимся?

— Кроме Валентины, там еще живет Джакт, — напомнила Эланора. — А значит, найдется что поесть.

Летящий к Милагру грузовик по пути миновал дюжину космических кораблей, вокруг которых суетились рабочие. Работы не прекращались даже ночью. Грузчики — многие из них пеквенинос — загружали в корабли еду и оборудование. Семьи выстроились в очереди, чтобы заполнить оставшееся в кабине место. Всю ночь Джейн без устали будет переправлять кабинку за кабинкой во Вне-мир и обратно. На других планетах поднимутся новые дома, будут засеяны новые поля. Интересно, день там сейчас или ночь? Какая разница. В этом смысле они уже победили — освоено

много новых миров, на каждом из которых имеется улей, лес пеквенинос и людская деревенька.

«Даже если Джейн сегодня умрет, — подумал Миро, — даже если завтра появится флот и разнесет нас на кусочки, по большому счету это не будет иметь никакого значения. Семена уже унес ветер, и многие из них пустят корни. Если секрет мгновенного перемещения в пространстве будет утерян вместе с Джейн, это даже лучше, потому что каждый из новых миров отныне будет зависеть сам от себя. Некоторые колонии наверняка погибнут. На других планетах разразится война и одна из рас непременно будет стерта с лица земли. Но какая-то обязательно выживет, на одной планете — одна, на другой — другая; а некоторые миры найдут способ жить в мире. Остались лишь детали. Этот выживет или тот умрет… Конечно, это важно. Но выживание целой расы куда важнее».

Должно быть, кое-что из своих мыслей он проговорил про себя, потому что Джейн не замедлила ответить ему:

— Ужель не может компьютерная программа-переросток обладать зрением и слухом? Ужель нет у меня разума, нет сердца? Разве я не смеюсь, когда щекочешь ты меня?

— Честно говоря, нет, — беззвучно проговорил Миро, создавая губами и языком слова, которые могла слышать только она.

— Но когда я умру, погибнет весь мой род, — сказала она. — Извини, конечно, что я придаю этому такое вселенское значение. Я вовсе не столь самоотверженна, как ты, Миро. И не считаю, что живу в долг. Я твердо вознамерилась жить вечно, так что любой меньший срок, отпущенный мне, считаю неприемлемым.

— Скажи, что надо сделать, и я исполню, — ответил он. — Если потребуется, я умру ради тебя.

— К счастью, ты и так рано или поздно умрешь, — усмехнулась Джейн. — Это единственное мое утешение. Своей смертью я подпишу тот же самый приговор всем остальным живым существам. Даже деревьям-долгожителям. Даже Королевам Улья, которые передают воспоминания из поколения в поколение. Но у меня, увы, не будет детей. Откуда им взяться? Я создание чистого разума. В уме не больно-то потрахаешься.

— А жаль, — посочувствовал Миро, — могу поспорить, в виртуальной постели тебе не было бы равных.

— Именно, — подтвердила Джейн.

Некоторое время царила тишина.

Только когда грузовик приблизился к дому Джакта, новому строению, недавно выросшему на окраине Милагра, Джейн снова подала голос:

— Миро, не забывай, что бы Эндер с собой ни сотворил, его айю продолжает говорить голосом юной Валентины.

— И Питера, — добавил Миро. — Забавная выходит ситуация. Стало быть, Вэл, какой бы миленькой ни была, не воплотила в себе идеальное равновесие. Эндер, может быть, управляет ею, но она — не Эндер.

— Его слишком много, тебе не кажется? — спросила Джейн. — И очевидно, меня тоже слишком много. По крайней мере так считает Звездный Конгресс.

— Честно говоря, нас всех слишком много, — заметил Миро. — Но кого-то всегда не хватает.

Наконец они прибыли. Миро и Вэл провели в дом. Они немножко перекусили, после чего, добравшись до подушки, мгновенно заснули. До поздней ночи Миро слышал какие-то разговоры. Сон его был беспокоен, он дремал, ворочаясь на непривычно мягком матрасе. А может быть, его тревожили возложенные на него обязанности, словно он солдат, покинувший пост и терзаемый совестью.

Несмотря на усталость, Миро много не проспал. Небо, когда он проснулся, было еще темным, лишь на горизонте показалась светлая полоска, предвещающая скорый рассвет. Он по привычке резво вскочил с постели и, покачнувшись, оперся рукой на стену, ожидая, когда остатки сна покинут его тело. Прикрывшись простыней, он отправился на поиски туалета, чтобы облегчиться. Вернувшись из ванной, Миро вдруг услышал доносящиеся из кухни голоса. Либо ночной разговор затянулся до самого утра, либо какие-то психи ненормальные, обожающие рано вставать, разгоняли утренние сумерки разговорами, совсем позабыв, что предрассветный час посвящен отчаянию.

Он остановился перед открытой дверью своей комнаты, вознамерившись было вернуться в теплую кровать и отгородиться от громких споров, но вдруг понял, что один из голосов принадлежит юной Вэл. А другой — Валентине. Он сразу повернулся и прошел в кухню. Войдя в полосу света, он застыл.

Две Валентины сидели за столом друг напротив друга. Периодически отхлебывая из стаканов, где плескался один из плодово-травяных коктейлей Валентины, они обе смотрели в окно.

— Хочешь коктейль, Миро? — не поднимая головы, спросила Валентина.

— Я что, смертник? — усмехнулся Миро. — Извините, я вовсе не хотел вам мешать.

— Ничего, — покачала головой Валентина.

Юная Вэл упорно молчала.

Миро вошел в кухню, открыл кран, налил себе полный стакан воды и залпом выпил.

— Я ж говорила, что это Миро пошел в туалет, — сказала Валентина. — Никто не способен произвести в день столько жидкости, как наш общий знакомый.

Миро хмыкнул, но Вэл даже не улыбнулась.

— *Я* помешал вашему разговору, — промолвил он. — Я лучше пойду.

— Останься, — попросила Валентина.

— Пожалуйста, — сказала Вэл.

— Дамам отказать не могу, — ухмыльнулся Миро, поворачиваясь к юной Вэл.

Она пихнула ему ногой стул.

— Садись, — приказала она. — Мы с Валентиной беседовали о нашей похожести.

— И пришли к выводу, — вступила Валентина, — что я должна сойти в могилу первой.

— Напротив, — возразила юная Вэл. — Мы решили, что Джепетто создал Пиноккио вовсе

не потому, что ему хотелось сына. Ему с самого начала нужна была марионетка. А сделать настоящего ребенка ему было лень. Он хотел, чтобы марионетка танцевала — только за нитки ему было лень дергать.

— Значит, ты — Пиноккио, — подвел итог Миро, — а Эндер…

— Мой брат не хотел создавать тебя, — сказала Валентина. — И он вовсе не желает управлять тобой.

— Я знаю, — прошептала Вэл. И внезапно на ее глазах выступили слезы.

Миро протянул руку, чтобы накрыть ее пальцы, но она резко отдернулась от него. Хотя сделала она это не специально, просто она хотела смахнуть с ресниц мешающие, надоедливые капли слез.

— Он бы обрезал нити, если б мог, я это знаю, — продолжала Вэл. — Как Миро оборвал нити, поддерживающие его старое искалеченное тело.

Миро прекрасно помнил ту сцену. Вот он сидит в кресле космического корабля, разглядывая собственного двойника, полного сил, юного и здорового; а вот он уже этот самый двойник, всегда им был, и смотрит он на искалеченное, изломанное отражение себя. Прямо у него на глазах

это ненавистное, нежеланное тело рассыпалось в пыль и пропало.

— Вряд ли он ненавидит тебя, — сказал Миро. — Я свою старую личность ненавидел.

— Ему не обязательно ненавидеть меня. Твоего двойника убила не ненависть. — Вэл старательно избегала встречаться с ним взглядом. Обследуя всевозможные миры, они много часов провели наедине друг с другом, но ни разу не касались столь личных вопросов. Она не осмеливалась обсуждать с ним тот момент, когда они оба были созданы. — Пребывая в старом теле, ты от всей души ненавидел свою телесную оболочку, но, оказавшись в новой системе, ты просто перестал обращать внимание на свое старое вместилище. Оно перестало быть частью твоей личности. Твоя айю больше не несла за него ответственности. Опускаем кролика в шляпу, раз — и он пропал!

— Сначала деревянная кукла, — начал считать Миро. — Затем кролик. Ну, кем еще вы меня обзовете?

Валентина пропустила мимо ушей шутку Миро:

— То есть ты хочешь сказать, что Эндера ты не интересуешь.

— Он восхищается мной, — поправила Вэл. —

Но считает страшной занудой. Ему со мной скучно.

— Обо мне он такого же мнения, — кивнула Валентина.

— Чушь какая-то, — удивился Миро.

— Думаешь? — подняла брови Валентина. — Он никогда не следовал за мной; это я все время следовала за ним. Мне кажется, он искал цель в своей жизни. Ему хотелось великих деяний, чтобы искупить то страшное преступление, которым он подвел итог своему детству. Он счел, что, написав «Королеву Улья», искупит свою вину. Затем, с моей помощью, он написал «Гегемона» и решил, что этого хватит с лихвой. Не хватило. Он продолжал искать тему, которая бы заняла все его воображение. Он почти достигал своей цели, обретал желаемое на неделю или на месяц, но никогда, никогда не занимала его я, потому что я бок о бок с ним прошла миллиарды миль, преодолела три тысячи лет. Свои статьи я писала не из особой любви к истории, а потому, что они помогали в его деле. Как когда-то мои труды помогли Питеру. Закончив статью, я на несколько часов, пока мы читали ее вслух и обсуждали, привлекала его внимание. Только с каждым разом меня все меньше удовлетворял результат,

потому что его привлекало не мое общество, а та статья, которую я написала. Так продолжалось до тех пор, пока я не нашла мужчину, который отдал мне свое сердце, и не осталась с ним. А мой юный братец отправился в путь без меня и тоже нашел себе семью, которой отдал свое сердце. Мы зажили на разных планетах и друг без друга были счастливы как никогда в жизни.

— Тогда почему же ты снова прилетела к нему? — спросил Миро.

— Я прилетела не к нему. Я летела к вам. — Валентина улыбнулась. — Я прилетела на планету, которая находилась под угрозой уничтожения. Но я была рада снова увидеть Эндера, хотя знала, что мне он никогда не будет принадлежать.

— Только что ты изложила ход событий, руководствуясь собственной точкой зрения, — сказала Вэл. — Но тем не менее ты все равно занимала его мысли. Я же существую только потому, что в его сердце живешь ты.

— Детская фантазия, может быть. Но не я.

— Посмотри на меня! — воскликнула Вэл. — Такое ли тело ты носила, когда он в пять лет был забран из дома и послан в Боевую Школу? Эта ли девочка встречалась с ним у озера в Северной Каролине? Нет, ты интересовала его много позже,

потому что твой образ, носимый в его сердце, воплотился в меня.

— Ты такая, какой я была, когда мы вместе работали над «Гегемоном», — печально согласилась Валентина.

— И ты тогда ощущала такую же усталость? — горько усмехнулась Вэл.

— Не знаю, как вы, но я точно устал, — заявил Миро.

— Неправда, — ответила Валентина. — Ты воплощение мужества. Ты все еще празднуешь обретение прекрасного нового тела. А моя двойняшка устала сердцем.

— Внимание Эндера всегда разделялось, — сказала Вэл. — Меня переполняют его воспоминания — или скорее те воспоминания, которыми, как он подсознательно счел, я должна обладать. Но, разумеется, эти воспоминания состоят только из того, что помнится Эндеру о Валентине, так что я помню только свою жизнь с Эндером. И всегда ему на ухо нашептывала Джейн, всегда он занимался людьми, о чьих смертях потом говорил, всегда вокруг него были студенты, всегда рядом с ним была Королева Улья и так далее. Но это были случайные связи. Как и всякий эпический странствующий рыцарь, он скитался с места на

место, преобразуя других, но сам не меняясь. Но наконец он достиг этой планеты и полностью посвятил себя другим людям. Тебе и твоей семье, Миро. Новинье. В первый раз он позволил другим людям рвать на клочки его чувства, это было прекрасно и ужасно больно одновременно, но даже с этим он справился — он сильный человек, а силачи могут нести страшный вес. Однако сейчас все изменилось. Питеру и мне, нам нет жизни без него. Можно в переносном смысле сказать, что он един с Новиньей; но со мной и Питером он един в буквальном смысле этого слова. Он — это мы. И его айю не так велика, она не слишком сильна и обильна, ее внимания не хватает, чтобы следить одновременно за тремя жизнями, которые зависят от нее. Я поняла это, как только была… как это называется, создана? Слеплена?

— Рождена, — предложила Валентина.

— Ты стала сбывшейся мечтой, — произнес Миро, на этот раз вовсе не иронизируя.

— Эндер не может поддерживать нас троих. Себя самого, Питера и меня. Один из нас тихо угаснет. И по крайней мере один из нас погибнет. Это я. Я знала об этом с самого начала. Мне суждено было стать тем, кто погибнет.

Миро хотел переубедить ее. Но переубедить

человека можно, только приводя примеры подобных историй, которые имели счастливый конец. Историй, подобных этой, еще не случалось.

— Вся беда в том, что частичка айю Эндера, которая живет во мне, твердо намерена жить и дальше. Я не хочу умирать. Вот почему я так уверена, что он еще заботится и помнит обо мне: я не хочу умирать.

— Так сходи к нему, — посоветовала Валентина. — Поговори с ним.

Юная Вэл горько хмыкнула и отвернулась.

— Ну, пап, пожалуйста, дай мне пожить еще чуть-чуть, — детским голосочком пропищала она. — Он не может контролировать свою айю, так что с того, если я приду к нему? Он будет только страдать от вины. Хотя почему он должен чувствовать себя виноватым? — Я прекращу существовать только потому, что мое собственное «я» не ценит меня. Он есть мое «я». Чувствуют ли боль ногти, когда их отрезают?

— Но ты сама молишь о его внимании, — напомнил Миро.

— Я надеялась, что поиск пригодных для обитания планет заинтересует его. Именно поэтому я так самозабвенно носилась по космосу, стараясь восторгаться приключениями. Но дело в том, что

все это донельзя обыденно. Важно, но обыденно, Миро.

Миро кивнул.

— Ты права. Джейн находит миры. А мы всего лишь проводим их исследование.

— Причем планет уже предостаточно. Колоний хватит с избытком. Их две дюжины — пеквенинос и Королевам Улья больше не грозит вымирание, даже если Лузитания будет уничтожена. Теперь все упирается не в количество миров, а в количество кораблей. Поэтому наш труд больше не занимает внимания Эндера. И мое тело знает это. Моему телу известно, что необходимость в нем отпала.

Она подняла руку и дернула себя за прядь волос — не сильно, легонько. Почти вся прядь осталась у нее в кулаке и, судя по всему, никакой боли Вэл не испытала. Она разжала пальцы, и прядь медленно упала на стол. Она лежала там, словно отделенная от тела конечность, гротескная, невероятная.

— Думаю, — прошептала она, — то же самое я могу проделать с пальцами. Медленно, но верно я рассыпаюсь в пыль, как и твое старое тело, Миро. Потому что он не интересуется мной. Питер решает загадки и ведет политические войны на

далекой планете. Эндер пытается держаться за женщину, которую любит. Но я…

В то самое мгновение, когда она наконец открыла глубины собственного отчаяния, одиночества и самоотвержения, Миро вдруг понял то, о чем раньше не позволял себе даже помыслить: за те недели, которые они провели, путешествуя вместе с планеты на планету, он полюбил ее; ее беды отозвались в нем сильной болью, словно все это происходило с ним самим. А может, и в самом деле с ним когда-то это было, он еще помнил о том, как презирал самого себя. Какова бы ни была причина, он испытывал нечто большее, нежели просто сострадание. Он почувствовал что-то вроде желания. Да, что-то, похожее на любовь. Если эта прекрасная, мудрая, умная девушка не находит отклика в своем сердце, в сердце Миро хватит места, чтобы принять её. «Если Эндер не хочет быть тобой, позволь мне занять его место!» — про себя взмолился он. Впервые за многие дни, недели он выразил свои чувства, которые раньше не понимал. Однако он знал, что он не сможет заменить ей Эндера.

Но, может быть, любовь спасет Вэл, как спасает Эндера? Может быть, внимание Миро поможет ей сохранить жизнь? Вернуть ей силы?

Миро протянул руку, взял со стола прядь волос, обернул ее вокруг пальцев, после чего сунул вьющийся локон в нагрудный карман рубашки.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — произнес он.

Смелые слова.

Юная Вэл бросила на него странный взгляд:

— А я думала, что самой большой любовью в твоей жизни была Кванда.

— Она уже взрослая женщина, — сказал Миро. — Она замужем, у нее семья, она счастлива. Было бы очень печально, если бы моей самой большой любовью стала женщина, которой больше не существует. Даже если она и существует, я ей безразличен.

— Очень мило с твоей стороны предложить мне помощь, — улыбнулась Вэл. — Но вряд ли у нас получится обмануть Эндера и привлечь его внимание этой притворной игрой в любовь.

Ее слова ужалили Миро в самое сердце — она без труда разгадала его порыв и поняла, что в основном его признание основывается на жалости. Однако не только жалость подтолкнула его к этим словам; это признание давно просачивалось в сознание, ожидая возможности выплеснуться наружу.

— Я и не думал никого обманывать, — сердито

огрызнулся Миро.

«Кроме себя самого, — про себя добавил он. — Потому что Вэл не сможет полюбить меня. Ведь она, по сути дела, даже не настоящая женщина. Она Эндер».

Но это невозможно. Ее тело — это тело женщины. А откуда еще исходит любовь, если не из тела? Обладает ли айю мужскими или женскими признаками? Перед тем как стать повелителем плоти и крови, обладает ли она полом? А если обладает, значит ли это, что айю, составляющие атомы и молекулы, скалы, звезды, свет и ветер, делятся на мальчиков и на девочек? Ерунда какая-то. Айю Эндера вполне может быть женщиной, может любить, как женщина, точно так же, как, находясь в теле мужчины, любит сейчас мать Миро. Вэл посмотрела на него с такой жалостью не потому, что в ней крылся какой-то изъян. Ущербным был он. Даже вернув себе здоровое тело, он так и не стал мужчиной, которого может полюбить, возжаждать или завоевать женщина — даже та женщина, которую сейчас он желал больше всего на свете.

— Не следовало мне сюда приходить, — пробормотал он.

Оттолкнувшись от стола, он поднялся и двумя

большими шагами пересек кухоньку. Выйдя в коридор, он вскоре добрался до своей комнаты, но до него вновь донеслись их голоса, и поэтому он застыл на пороге.

— Нет, не ходи к нему, — сказала Валентина. И что-то добавила тихим голосом. А потом: — Может, он и получил новое тело, но его ненависть к себе так и не исцелилась.

Неразборчивый ответ юной Вэл.

— Миро говорил от всего сердца, — заверила ее Валентина. — Он очень смело и честно поступил.

Снова ответ Вэл прозвучал слишком тихо, и Миро не разобрал ни слова.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовалась Валентина. — Пойми, мы вместе проделали долгий путь на одном космическом корабле, это случилось не так давно, и мне кажется, он немножко влюбился в меня за время того полета.

Наверное, это было правдой. На самом деле так все и было. Миро ничего не оставалось, как признать это: некоторые из чувств, которые он испытывал к Вэл, на самом деле были чувствами, которые он питал к Валентине, превратившейся из недоступной женщины в молодую девушку. Только эта девушка, как он надеялся, была рядом

и свободна.

Их голоса стали тише, и до Миро доносилось лишь неразборчивое бормотание. Однако он не уходил; уперевшись руками в дверной косяк, он прислушивался к тихим голосам, которые были так похожи, так хорошо знакомы ему. Их музыку он готов был слушать вечно.

— Если и есть кто-нибудь в этой вселенной, похожий на Эндера, — внезапно заявила Валентина, — так это Миро. Он стал калекой, пытаясь спасти невинных существ от гибели. И он так до конца и не исцелился.

«Она специально произнесла это так, чтобы я услышал, — понял вдруг Миро. — Она говорила во весь голос, зная, что я стою здесь и слушаю. Старая ведьма ждала, когда хлопнет моя дверь, и, не услышав этого, поняла, что я не ушел в комнату. Она пытается заставить меня взглянуть на себя. Но я не Эндер, я всего лишь Миро, и если она говорит обо мне такое, это только еще раз доказывает, что она меня вообще не знает».

— Ой, заткнись, опять ты врешь самому себе, — раздался у него в ухе тихий голос.

Джейн, конечно же, тоже все слышала. Даже его мысли, потому что по привычке он проговаривал их про себя. Он уже не мог думать, не двигая

губами, языком. Джейн — это его исповедник, который сопровождает его повсюду.

— Ты влюбился в девчонку, — продолжала Джейн. — Почему бы и нет? Ты терзаешься своими чувствами к Эндеру, Валентине, Кванде и самому себе. Что с того? Разве была когда-нибудь кристально чистая любовь? А влюбленные только и делают, что терзаются и путаются в собственных чувствах. Думай о ней как о суккубе. Ты полюбишь ее, а она рассыплется в пыль в твоих объятиях.

Насмешки Джейн раздражали. И вместе с тем забавляли. Он вошел в свою комнату и тихонько прикрыл дверь. Закрыв ее, он прошептал:

— Ты просто ревнуешь, старая сучка. Хочешь, чтобы я принадлежал тебе одной.

— Ты не ошибаешься, — ответила Джейн. — Если б Эндер на самом деле любил меня, то, оказавшись во Вне-мире, он бы создал МОЕ человеческое тело. Тогда бы я смогла заигрывать с тобой.

— Мое сердце уже принадлежит тебе, — признался Миро. — Все целиком, без остатка.

— Ну и любишь ты врать, — хмыкнула Джейн. — Я всего лишь говорящая записная книжка и калькулятор одновременно. И ты это прекрасно

знаешь.

— Но ты очень, очень, богата, — возразил Миро. — Я женюсь на тебе ради твоих денег.

— Кстати, — вдруг перебила его Джейн, — в одном она точно заблуждается.

— В чем именно? — спросил Миро, гадая про себя, кого именно подразумевает Джейн.

— Исследование миров еще не закончилось. Заинтересован в этом Эндер или нет — а я думаю, ему ваши полеты небезразличны, потому что она еще не превратилась в пыль, — ваша работа не закончилась на том, что вы отыскали планеты-колонии для свинксов и жукеров.

Говоря об этих расах, Джейн частенько использовала их старые уменьшительно-уничижительные названия. Миро никак не осмеливался спросить, имеется ли у нее в словаре уничижительное название людей. Хотя он догадывался о возможном ответе. «Термин „человек“ сам по себе достаточно уничижителен», — сказала бы она.

— Так что же мы ищем? — поинтересовался Миро.

— Мы должны обследовать как можно больше миров, прежде чем я погибну, — ответила Джейн.

Лежа на кровати, он долго раздумывал над ее

словами. Ворочался с боку на бок, затем поднялся, оделся и вышел под светлеющее небо. По пути ему встретилось несколько таких же, как и он, «ранних пташек». Люди спешили по своим делам, мало кто знал его в лицо, а многие даже не ведали о его существовании. Потомок странного семейства Рибейра, он не завел много знакомств в гиназио. Будучи талантливым и в то же время застенчивым юношей, он не обзавелся друзьями в колегио. Его единственной девушкой была Кванда, но попытка перелезть через изгородь, отделяющую человеческую колонию от леса пеквенинос, закончилась для него весьма плачевно — он стал калекой и отказался видеться с Кандой. Космический перелет навстречу Валентине оборвал последние тонкие ниточки, связывающие его с миром детства. На борту корабля он провел всего несколько месяцев, но на планете за это время прошли долгие годы. Он стал самым младшим сыном матери, единственным сыном, чья настоящая жизнь еще не началась. Дети, за которыми он присматривал, повзрослели и обращались с ним, как с милым воспоминанием, явившимся из юных лет. Только Эндер не изменился. Сколько бы ни прошло лет, что бы ни случилось, Эндер не менялся.

Может ли такое быть? Разве мог прежний Эндер бросить своих близких в суровые времена и запереться в монастыре только потому, что мать окончательно расплевалась с жизнью? Миро хорошо помнил основные вехи жизни Эндера. В пять лет его забрали из семьи. Привезли в Боевую Школу на орбите, из которой он вышел, став последней надеждой человечества в войне с безжалостными захватчиками, называемыми жукерами. Вскоре он был отправлен на командный пост, располагающийся на Эросе, где, как ему сказали, должно продолжиться его обучение. Очутившись там, он встал во главе самых настоящих флотилий, расположенных от него за многие световые годы. Приказы его передавались по анзиблю. В той войне он одержал блистательную победу и в конце, сам того не подозревая, стер в порошок родную планету жукеров. Но он думал, что все это игра.

Думал, что это всего лишь игра, хотя знал, что игра эта полностью повторяет реальность. И в этой игре он решил совершить неслыханной, невероятной жестокости деяние; когда же игра обернулась реальностью, для Эндера это означало, что он виноват в происшедшем не меньше всех остальных. Хотя последняя Королева Улья

простила его, доверив свой кокон его опеке, он так никогда и не избавился от чувства вины. Он был всего лишь ребенком, делающим то, что позволяли ему взрослые; но где-то в глубине своего сердца он понимал, что даже ребенок — это человек, что поступки ребенка — это поступки человека, что даже в детской игре заложена мораль.

Солнце едва показалось над горизонтом, когда Миро вместе с Эндером подошли к каменной скамейке в саду. Вскоре этот камень зальют солнечные лучи, но сейчас его пронизывал утренний холод. И первыми словами, с которыми Миро обратился к этому постоянному, неизменному человеку, были:

— Что это еще за монастыри, Эндрю Виггин? Руки решил умыть? Распять себя решил?

— Я тоже по тебе скучал, Миро, — улыбнулся Эндер. — У тебя усталый вид. Спать надо больше.

Миро вздохнул и потряс головой:

— На самом деле я вовсе не то собирался тебе сказать. Я пытаюсь понять тебя, честно пытаюсь. Валентина говорит, я очень похож на тебя.

— Ты имеешь в виду настоящую Валентину? — уточнил Эндер.

— Они обе настоящие, — ответил Миро.

— Что ж, если я похож на тебя, загляни сначала внутрь себя, а потом скажешь мне, что ты там откопал.

Миро задумчиво поглядел на Эндера. Это он серьезно?

Эндер похлопал Миро по колену:

— Честно говоря, я не больно-то сейчас там нужен. Там, снаружи, — сказал он.

Да ты сам не веришь в свои слова, — воскликнул Миро.

— Но я верю в то, что верю в них, — произнес Эндер. — И меня это устраивает. Прошу, не развеивай мои иллюзии. Я еще не успел позавтракать.

— Ты пользуешься удобным случаем, пользуешься тем, что тебя расщепило на три части. Эта твоя часть, изрядно постаревшая, может позволить себе роскошь посвятить себя целиком и полностью жене. И это только потому, что у тебя имеются две молоденькие марионетки, и они идут и исполняют работу, которая на самом деле тебе небезразлична.

— Но она меня действительно больше не интересует, — пожал плечами Эндер. — Мне все равно.

— Тебе, Эндеру, все равно, потому что об этом, по твоему мнению, должны позаботиться пред-

ставляющие тебя Питер и Валентина. Только Валентине сейчас очень плохо. Ты не обращаешь внимания на то, чем она занимается. И с ней сейчас происходит то, что когда-то произошло с моим искалеченным телом. В ее случае процесс идет медленнее, но тем не менее она разрушается. Такую гипотезу выдвинула сама Вэл, и Валентина считает, что это вполне возможно. Я тоже с ней согласен. И Джейн.

— Передай Джейн мою любовь. Я очень скучаю без нее.

— Джейн вполне хватает моей любви, Эндер.

Эндера его яростный ответ лишь позабавил:

— Когда тебя поведут на расстрел, Миро, твоим последним желанием будет выпить как можно больше воды. Чтобы твоим судьям пришлось вытаскивать твой труп из огромной лужи мочи.

— Валентина — это не сон и не иллюзия, Эндер, — заявил Миро, отказываясь переходить на обсуждение собственной личности. — Она — живой человек, и ты убиваешь ее!

— Очень драматично ты все изложил.

— Если бы ты видел, как сегодня утром она выдергивала целые прядки своих волос…

— Стало быть, у нее неплохие задатки актрисы, так я понимаю? Ты всегда был падок на

театральные жесты. Не удивлен, что ты так расчувствовался.

— Эндрю, говорю тебе, ты должен…

Внезапно Эндер выпрямился, и голос его легко перекрыл голос Миро, хотя Эндер и не думал кричать:

— Ты мозгами пошевели, Миро. Неужели ты сам решил перепрыгнуть из своего старого тела в эту новую, усовершенствованную модель? Ты что, подумал минутку-другую и сказал: «Ну что ж, пусть этот тухлый труп разваливается на составляющие молекулы, потому что в новом теле мне будет лучше»?

Миро понял, что он имеет в виду. Эндер не мог управлять собственным отношением. Его айю, хоть она и представляла его глубинное «я», не принимала никаких приказов.

— Я понимаю, что мне нужно, только когда погляжу на себя со стороны, — продолжал Эндер. — И так поступаем все мы, если мы честны сами с собой. У нас есть свои чувства, свои решения, но в конце концов мы оглядываемся назад на свою жизнь и видим, что порой мы пренебрегали чувствами, а большинство наших решений было просто-напросто воплощением решений нашего сердца, которые созрели задолго до того, как мы

их осмыслили. Я ничего не могу поделать, если частичка меня, отвечающая за девушку, в чьем обществе ты путешествуешь, вовсе не так важна моей внутренней воле, как того бы хотелось тебе или Вэл. Здесь я бессилен.

Миро склонил голову.

Солнце поднялось над верхушками деревьев. Внезапно скамья осветилась яркими солнечными лучами, и, подняв голову, Миро увидел, что вокруг взъерошенных после сна волос Эндера образовался нимб.

— Интересно, может ли ушедший в монастырь человек быть шафером на свадьбе? — как бы про себя пробормотал Миро.

— Тебе она нравится, да? — спросил Эндер, хотя вопрос скорее был риторическим. — И тебя беспокоит, что она — это на самом деле я.

Миро пожал плечами:

— Так, корешок на тропинке. Думаю, мне достанет сил переступить через него.

— Но что, если ты мне не нравишься? — весело поинтересовался Эндер.

Миро развел руки и отвернулся.

— Черт знает что творится, — буркнул он.

— Ты настоящий милашка, — уверил Эндер. — Наверняка юная Валентина грезит тобой. Хотя

не знаю. Мои сны все время об одном и том же: взрывающиеся планеты и гибнущие в огне мои близкие и родные.

— Я знаю, что ты помнишь о нас, Эндрю.

Этими словами Миро хотел как бы извиниться, но Эндер лишь отмахнулся:

— Я не могу забыть этот мир, но могу игнорировать его. Я игнорирую все окружающее, Миро. Я игнорирую тебя, игнорирую те два ходячих воплощения. В данный момент я стараюсь игнорировать все и вся, кроме твоей матери.

— И Господа Бога, — напомнил Миро. — Господа нельзя забывать.

— Ни на секунду, — подтвердил Эндер. — Но по сути дела, я не могу забыть никого. Я ничего не забыл. Однако да, я игнорирую даже Господа, если только Новинья не пожелает, чтобы я заметил его. Я превращаю себя в мужа, которого она всегда желала.

— Но почему, Эндрю? Ты же сам знаешь, у мамы всегда были проблемы с головой.

— Ничего подобного, — укоряюще промолвил Эндер. — Даже если и так… то это лишь еще одна причина.

— То, что соединил Господь, человек да не разлучает. Я только за, с философской точки зрения,

но ты не знаешь, как это…

Миро почувствовал себя ужасно усталым, измученным. Он не знал, как выразить словами то, что он хотел сказать. Это, наверное, потому, что он пытался рассказать Эндеру, каково это, быть Миро Рибейра, ведь Миро даже определить свои чувства не мог, не говоря уже о том, чтобы выразить их вслух.

— Desculpa, — пробормотал он, перейдя на португальский. Это был язык его детства, язык его чувств. Он вдруг обнаружил, что стирает рукой катящиеся по щекам слезы. — Se nao posso mudar nem voce, nao ha nada que possa, nada. — «Если даже тебя я не могу заставить сдвинуться с места, если даже тебя я не могу заставить измениться, тогда я вообще ничего не могу».

— Nem eu? — удивился Эндер. — Во всей вселенной, Миро, нет человека, которого было бы труднее изменить, чем меня.

— Но у мамы это получилось. Она изменила тебя.

— Нет, — ответил Эндер. — Она всего лишь позволила мне быть таким, каким я хочу. Таким, какой я сейчас, Миро. Я не могу осчастливить всех и каждого. Я своего счастья не могу найти, как не могу помочь тебе, а что касается всего

остального, то и там я бессилен. Но, может быть, я смогу сделать счастливой твою мать. Хоть чуточку счастливее, чем она была, хоть на какое-то время. По крайней мере я могу попытаться.

Он взял Миро за руки и прижал их к своему лицу. Миро почувствовал пальцами мокрую кожу.

Эндер поднялся со скамейки и побрел в сторону восходящего солнца, в лучащийся фруктовый сад. «Вот так, наверное, выглядел бы Адам, — подумал Миро, провожая его взглядом, — если б не попробовал плода. Если б он жил, жил, жил и жил в том саду. Три тысячи лет назад Эндер вознесся над течением жизни. И остановился лишь, увидев мою мать. Все детские годы я пытался освободиться от нее, тогда как он сознательно следует за ней и…

Но за что зацепиться мне, кроме как за него? За Эндера, поселившегося в теле девушки. За Эндера, чьи локоны падают на кухонный стол».

Миро уже собирался было встать и уйти, когда Эндер вдруг обернулся и замахал рукой, привлекая его внимание. Миро шагнул ему навстречу, но Эндер не стал дожидаться, пока юноша подойдет к нему; он сложил руки чашечкой и закричал:

— Передай Джейн! Если она найдет способ! Как это сделать! Она может забрать ее тело!

Миро даже не сразу понял, кого он имеет в виду.

Он говорил о Вэл.

«Она не просто тело, ты, эгоцентричный престарелый разрушитель планет. Она не какой-то там старый костюм, который можно подарить кому-нибудь, поскольку он либо мал, либо не соответствует моде».

Но гнев его быстро испарился, ибо он вспомнил, как поступил со своим прошлым телом. Он выбросил его, ни секунды не пожалев об утрате.

Кроме того, эта мысль его заинтриговала. Джейн… Возможно ли это? Если ее айю каким-то образом переселится в Вэл, выдержит ли человеческое тело громадный разум Джейн, чтобы оживить ее, когда Звездный Конгресс отключит все компьютеры?

— Вы, парни, такие тугодумы, — промурлыкала Джейн ему на ухо. — Я уже успела пообщаться с Королевой Улья и Человеком, чтобы выяснить, можно ли переселить айю в тело. Королевы Улья когда-то сделали это, создав меня. Но они воспользовались не какой-то определенной айю. Они взяли первую попавшуюся, которая откликнулась на их призыв. Со мной случай посложнее.

Шагающий к монастырским воротам Миро ничего не ответил.

— А, да, твои чувства по отношению к малышке

Вэл… Тебе ненавистен тот факт, что, влюбившись в нее, ты в некотором роде влюбился в Эндера. Но если в ее тело переселюсь я, если я стану ее волей и буду управлять жизнью Вэл, останется ли она той девушкой, которую ты любишь? Выживет ли хоть часть ее? Не будет ли это убийством?

— Заткнись, а? — вслух попросил Миро.

Монастырская привратница с удивлением посмотрела на него.

— Это я не вам, — объяснил Миро. — Но это вовсе не означает, что это такая уж плохая мысль.

Спускаясь по тропинке к Милагру, Миро чувствовал у себя на спине ее взгляд. «Время возвращаться на корабль. Вэл будет ждать меня. Кем бы она ни была.

Эндер так предан матери, так терпелив с ней — неужели я то же самое испытываю по отношению к Вэл? Хотя нет, это скорее не чувство. Это деяние воли. Это решение, от которого потом не откажешься. Способен ли я ради кого бы там ни было пойти на такое? Способен ли я навсегда отдаться в чью-то власть?»

Тут он вспомнил Кванду и остаток пути преодолел, ощущая во рту горький вкус потери.

4
«Я человек идеальной простоты!»

«Когда я была совсем ребенком, мне часто казалось,
Что боги расстраиваются,
Когда я, отслеживая жилку,
Бегущую сквозь дерево половицы,
На что-то отвлекаюсь.
Однако теперь я знаю, боги предрекают подобное,
Ибо им ведома наша бренность.
Наше совершенство поражает их».

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

Питер и Ванму прибыли в мир Священного Ветра на второй день путешествия. Проблем с языком у них не возникло. Священный Ветер был старой планетой, одной из первых, на которую прибыли иммигранты с Земли. Изначально она точно так же, как и Путь, была ориентирована на древнюю религию. Только системой верований Священного Ветра стала религия японцев, допускающая возможность радикальных перемен. Спустя примерно триста лет из изолированного

феодального сёгуната, держащегося древних ритуалов, планета превратилась в космополитический центр торговли, промышленности и философии. Основной нацией Священного Ветра были японцы, которые очень гордились тем, что этот мир принадлежал практически им одним. До сих пор на планете многие дети до вступления в школу говорили исключительно по-японски. Однако к окончанию обучения все люди Священного Ветра бегло общались на звездном, в их устах этот язык звучал невероятно изящно, поразительно лаконично и точно. Как выразился Мил Фьорелли в своем самом знаменитом труде «Наблюдая за далекими мирами невооруженным глазом», звездный язык не имел своих корней, пока его не подхватил Священный Ветер.

Преодолев леса огромного естественного заповедника, посередине которого приземлился их корабль, Питер и Ванму оказались в деревеньке лесников, где со смехом поведали, как им удалось заплутать в местных лесах. И никто не обратил внимания на китайские черты лица и акцент Ванму и на белую кожу и невоспитанность Питера. Документы, по их словам, они где-то потеряли, но компьютерный запрос немедленно выдал информацию, что их водительские права зареги-

стрированы в городе Нагойя и, если не считать нескольких дорожных нарушений, висящих на Питере, ни в каких предосудительных, противозаконных деяниях молодые не замечены. В графе «Род занятий» у Питера стояло «вольнонаемный учитель физики», а у Ванму — «странствующий философ», то есть они, несмотря на свою юность и отсутствие семейных связей, занимали весьма высокое положение в обществе Священного Ветра. Когда же им начали задавать случайные вопросы («О, кстати, мой кузен преподает псевдопроизводительную грамматику в университете Комацу в Нагойе»), Питер обратился за подсказкой к Джейн.

— Никогда не забредал в Здание Оэ, — повторил он за ней.

— Эти языковеды не любят общаться с физиками. Они считают, что мы разговариваем исключительно на языке математических символов. Даже Ванму утверждает, что нам, физикам, известна только одна грамматика — грамматика снов.

Ванму подсказать было некому, но странствующий философ должен быть афористичен в своей речи и высказывать свои мысли весьма туманно.

— Я утверждаю, что только на этой грамматике ты умеешь изъясняться, — ловко парировала она нападки Питера. — Но нет такой грамматики, которую ты не мог бы познать.

Питер в ответ принялся щекотать ее. Ванму громко рассмеялась и стала отбиваться от него, окончательно убедив лесников, что документы не лгут и эти юноша и девушка именно те, за кого себя выдают: талантливые, одаренные молодые люди, полностью отдавшиеся глупостям любви — или юности, если имеется какое-то различие.

На правительственном флайере их доставили в обжитые места, где благодаря манипуляциям Джейн с компьютерными сетями в их распоряжении оказалась небольшая квартирка, которая до вчерашнего дня стояла пустой, но к их приезду уже была оборудована эклектической мебелью и картинами, представляя собой скромный и утонченный вкус оформителя.

— Очень миленько, — кивнул Питер.

Ванму, которой до сей поры были знакомы вкусы лишь одной планеты — скорее даже одного человека с той планеты, где она раньше жила, — не смогла оценить вкус Джейн. Сидеть можно было как на западных стульях, опускаясь на которые приходилось складываться под прямым

углом, что, по мнению Ванму, очень неудобно, и на восточных циновках, на которых люди могли слиться в круг гармонии с землей. Спальня с западной кроватью на высоких ножках, хотя ни крыс, ни тараканов нигде не было видно, должно быть, предназначалась Питеру; свое спальное место Ванму уже определила — та самая циновка, лежащая в гостиной и искушающая присесть на нее.

Она предложила Питеру первым принимать ванну, однако он не ощутил крайней необходимости мыться, даже несмотря на то, что от него за милю несло потом после долгого перехода и нескольких часов, проведенных в тесном флайере. Поэтому Ванму могла спокойно понежиться в теплой воде. Закрыв глаза, она медитировала, пока не почувствовала, что полностью пришла в себя. Она уже не чувствовала себя чужестранкой. Она снова стала собой и могла воспринимать окружение без боязни и страха, не опасаясь повредить свое чувство «я». Этому она научилась еще в детстве, когда она даже с собственным телом не могла совладать и вынуждена была во всем его слушаться. Именно это и помогло ей выжить. В жизни Ванму случалось немало неприятных вещей, всякие гадости так и липли

к ней, как рыбы-прилипалы к акуле, но ничто не смогло изменить ее внутри. Она всегда могла закрыть глаза, успокоить ум и остаться в прохладной темноте одиночества.

Вынырнув из ванной, она обнаружила Питера перед голоэкраном. Рассеянно кидая в рот виноградины, он смотрел какую-то пьесу, в которой японские актеры в масках громко орали друг на друга и важно расхаживали по сцене, делая огромные неловкие шаги и стуча ногами, как будто играя персонажей по меньшей мере в два раза выше себя ростом.

— Ты что, японский выучил? — поинтересовалась она.

— Джейн мне переводит. Очень странные люди.

— Это древняя форма театра, — объяснила Ванму.

— Скучища страшная. Что, неужели эти вопли должны пробудить в зрителе какой-то отклик?

— Проникнув в смысл истории, — произнесла Ванму, — ты обнаружишь, что они выкрикивают слова, произносимые твоим собственным сердцем.

— Ага, стало быть, наши сердца изъясняются, говоря нечто вроде: «Я ветер, прилетевший с

холодных снегов высоких гор, а ты тигр, чей рев оборвет хладный клинок моих морозных очей, когда ты содрогнешься и падешь замертво»?

— Вот он ты, — фыркнула Ванму. — Только и знаешь, что хвастать да насмешничать.

— Я круглоглазый вспотевший человек, воняющий, словно разложившийся труп скунса, а ты цветок, который не преминет завянуть, коль сей же миг я не приму благоухающую щелоком и аммиаком ванну.

— Глаза только в воде не открывай, — посоветовала Ванму. — Эти штуки жгутся.

Компьютера в квартирке не оказалось. Может быть, головизор использовался как компьютер, но если это и так, то Ванму все равно не знала, как с ним обращаться. В доме Хань Фэй-цзы Ванму не встречала подобных пультов управления, что неудивительно. Люди Пути старались не перенимать дизайн других миров. Ванму даже не знала, как выключить звук. Ладно, не важно. Она опустилась на циновку и попыталась вспомнить все, что узнала о японцах из курса истории Земли, преподанного ей Хань Цинь-чжао и ее отцом Хань Фэй-цзы. Она понимала, что ее образование оставляет желать лучшего, поскольку обучением какой-то презренной служанки, которой

она была до того, как попала в дома Цинь-чжао, никто, естественно, не занимался. Поэтому Хань Фэй-цзы посоветовал ей не тратить время на формальный курс обучения, а следовать своим интересам и изучать то, что ее в первую очередь интересует: «Твой ум не испорчен традиционной системой образования. Ты должна открыть собственный путь к сердцу каждой дисциплины». Несмотря на кажущуюся свободу, Фэй-цзы вскоре продемонстрировал, что он весьма въедливый и дотошный преподаватель, даже когда ученик по собственному желанию выбирает предметы. Что бы она ни изучала в истории, какие бы биографии ни читала, он все время засыпал ее вопросами, настаивал, чтобы она делала собственные выводы, после чего разбивал ее доказательства в пух и прах. Если же она меняла точку зрения, он с не меньшей настойчивостью требовал, чтобы она обосновала свою новую позицию, даже если мгновением раньше он отстаивал те же самые принципы. В результате, даже обладая неполной информацией, Ванму старалась осмыслить, пересмотреть ее, отбросить старые заключения и выдвинуть ряд новых выводов. Так что сережка, шепчущая ей на ушко, Ванму была не нужна. Закрыв глаза, она могла продолжить свое обра-

зование, ибо даже с расстояния многих световых лет до нее доносились как бы случайные вопросы Хань Фэй-цзы.

Актеры закончили пьесу задолго до того, как Питер вымылся. Но Ванму этого даже не заметила. Ее размышления прервал голос, донесшийся из головизора:

— Желаете ли вы, чтобы вам показали очередную голозапись, или, может быть, вы хотите подсоединиться к обычной программе?

На мгновение Ванму показалось, что голос принадлежит Джейн, но потом она поняла, что это просто говорящее меню головизора.

— Новости входят в программу головидения? — спросила она.

— Какие именно новости желаете? Местные, региональные, всепланетные или межзвездные? — уточнила машина.

— Начнем с местных, — сказала Ванму.

Она практически ничего не знала об этой планете. Пришло время познакомиться поближе.

Когда Питер, чисто вымытый и одетый в один из модных местных костюмов, которые доставила ему Джейн, наконец появился из ванной, Ванму с увлечением следила за ходом процесса над какими-то людьми, которых обвиняли в чрез-

мерной эксплуатации богатой рыбной области в нескольких сотнях километров от города, куда они прибыли. В каком же они городе находятся? Ах да, в Нагойе. Поскольку Джейн проставила в графе «Место жительства» фальшивых документов именно этот город, флайер, разумеется, сюда их и доставил.

— Все планеты одинаковы, — пожаловалась Ванму. — Люди хотят есть рыбу из моря, а кто-то все время стремится выловить больше рыбы, чем океан способен произвести.

— Какая разница, выйду я на рыбалку завтра или сегодня выловлю тонной больше? — в ответ заявил Питер.

— Если все так будут поступать, то… — Она резко замолкла. — Понимаю. Ты приводишь доводы, которые любит приводить всякий человек, не желающий признавать собственную вину.

— Как я тебе? Настоящий красавец, правда? — спросил Питер, поворачиваясь кругом и демонстрируя свободный и в то же самое время облегающий наряд.

— Цвета слишком яркие, — оценила Ванму. — Ты словно кричишь во всю глотку.

— Не-а, — поправил ее Питер. — Весь смысл в том, чтобы принимались орать люди, увидевшие

меня.

— А-а-а-а, — тихонько протянула Ванму.

— Джейн утверждает, что на самом деле это весьма и весьма консервативный костюмчик — для человека моего возраста и моего рода занятий. Мужчины в Нагойе славятся своей павлинообразностью.

— А женщины?

— Они все время ходят голыми по пояс, — заявил Питер. — Потрясающее зрелище.

— Врешь ты все. Пока мы летели сюда, я не видела ни одной голой женщины и… — Снова она замолкла на полуслове и, нахмурившись, посмотрела на Питера. — Ты что, серьезно вознамерился убедить меня, что каждое твое слово — ложь?

— Я решил, стоит попробовать.

— Не валяй дурака. У меня нет груди.

— Просто у тебя маленькая грудь, — пожал плечами Питер. — А чем отличается маленькая грудь от большой, ты сама знаешь.

— Я не намерена обсуждать свое тело с мужчиной, разодетым как дикий, потерявший всякое чувство меры попугай.

— Местные женщины одеваются очень безвкусно, — сказал Питер. — Печально, но факт. Положение обязывает и все такое прочее. Как

и старики. Только мальчикам и юношам дозволяется наряжаться как павлины. Мне кажется, яркие цвета предназначены успокаивать женщин. Эй, да этот парень ничего серьезного не затевает! Поиграйся с ним или иди своей дорогой. Нечто вроде того. Я думаю, Джейн выбрала этот город специально, чтобы напялить на меня эти одеяния.

— Мне хочется есть. Я устала.

— И что более насущно? — уточнил Питер.

— Есть хочу.

— Имеется виноград, — предложил он.

— Который ты даже не удосужился вымыть. Это говорит твое неуемное желание смерти.

— На Священном Ветре насекомые знают свое место и стараются не высовываться. Никаких пестицидов. Гарантия Джейн.

— На Пути тоже не было пестицидов, — напомнила Ванму. — Но все равно мы мыли фрукты, чтобы не наесться бактерий и всяких одноклеточных тварей. Дизентерия не самая приятная штука.

— Но туалет у нас такой шикарный, грех было бы не воспользоваться его удобствами, — усмехнулся Питер.

Несмотря на его браваду, Ванму заметила, что

угроза дизентерией возымела свое действие, заставив Питера обеспокоенно нахмуриться.

— Давай поедим в каком-нибудь ресторанчике, — сказала Ванму. — Джейн, надеюсь, обеспечит нас деньгами?

Питер на секунду-другую прислушался к сережке.

— Да, только нужно сказать владельцу ресторана, что мы потеряли наши удостоверения личности, и попросить его, чтобы он по отпечаткам наших пальцев определил номер счета. Джейн говорит, что, если надо, денег у нас будет предостаточно, но все равно мы должны вести себя так, будто зарплата у нас невысокая, просто мы скопили немножко денежек, чтобы отпраздновать какое-нибудь важное событие в нашей жизни. Итак, что мы будем праздновать?

— Что ты наконец помылся.

— За это будешь пить ты. Я выпью за наше благополучное возвращение из диких лесов.

Вскоре они вышли на улицу. Машин было мало, зато вокруг стояли целые сотни велосипедов; тысячи людей спешили куда-то, запрыгивая на быстро скользящие тротуары. Ванму не захотела пользоваться этими странными приспособлениями и настояла на том, чтобы идти по нормальной,

твердой земле, а это означало, что ресторанчик надо найти где-нибудь поблизости. Здания района были старыми, но тем не менее сохранили свой изящный вид; престижный район города, где селятся только зажиточные люди. Стиль архитектуры был свободным — арки и большие дворы, колонны и обыкновенные крыши, поддерживаемые глухими стенами без окон.

— Погода, наверное, здесь прекрасная, — заметила Ванму.

— Тропики, но вдоль побережья проходит холодное течение. Каждый день часик-другой капает дождик — и так большинство дней в году. Но никогда здесь не бывает жары, а уж что такое холода, местным жителям вообще неведомо.

— Такое впечатление, что все у этих людей на виду.

— Фальшивка, — поморщился Питер. — В нашей квартире стеклянные окна и микроклимат, если ты заметила. Но выходят окна в сад, кроме того, они затемнены, так что снаружи ты в дом не заглянешь. Очень искусно все сделано. Искусственная дикая природа. Лицемерие и обман — основы человеческой вселенной.

— Здесь очень красиво, — сказала Ванму. — Мне нравится Нагойя.

— Жаль, что мы здесь не задержимся.

Прежде чем она успела спросить, какова цель их посещения этой планеты, Питер втолкнул ее во дворик небольшого, но полного народом ресторана.

— Здесь рыбу готовят, — объяснил Питер. — Надеюсь, возражений у тебя не будет.

— А что, в других местах рыбу подают сырой? — рассмеялась Ванму.

Но потом поняла, что Питер не шутил. Сырая рыба, подумать только!

— Японцы славятся страстью к сырой рыбе, — продолжал Питер, — а в Нагойе эта страсть превратилась чуть ли не в религию. Заметь, ни одного японца в ресторане. Они отказываются есть рыбу, уничтоженную жаром плиты. Это одна из традиций, которой они до сих пор придерживаются. От оригинальной японской культуры осталось очень мало, поэтому они свято чтут немногие сохранившиеся обряды.

Ванму кивнула, понимая культуру, которая упорно цеплялась за давно отжившие традиции, чтобы сохранить свое национальное лицо. И вместе с тем девушка с благодарностью отметила, что на этой планете соблюдение обычаев — это личное дело каждого человека, эти традиции не

калечат и не уничтожают жизни людей так, как это было на Пути.

Обед подали быстро — рыба была готова чуть ли не моментально, — и они принялись за еду. Питер то и дело елозил на циновке.

— Жаль, что традиция пользоваться нормальными стульями и столами сюда так и не добралась, — наконец пожаловался он.

— Неужели европейцы так ненавидят землю, что все время должны приподниматься над нею? — удивилась Ванму.

— Ты сама ответила на свой вопрос, — холодно ответил Питер. — Ты начала с предположения, что мы ненавидим землю. Образованный человек, а веришь всяким первобытным штучкам…

Ванму вспыхнула и замолкла.

— Ой, только избавь меня от этой показной покорности восточных женщин, — махнул рукой Питер. — Меня воспитывали как служанку, а вы такой злой, бессердечный хозяин… Кончай давить на мое чувство вины. Мне известно, что я полное дерьмо, но я не намерен меняться только потому, что каждый раз ты принимаешь смиренно-обиженный вид.

— Но ты можешь измениться, когда не захочешь больше быть дерьмом.

— У меня характер такой. Эндер создал меня полным ненависти, чтобы он тоже мог ненавидеть меня. Дополнительная выгода этого заключается в том, что ты также можешь ненавидеть меня.

— Ладно тебе, ешь свою рыбу, — фыркнула она. — Ты сам не понимаешь, что несешь. По идее, ты должен с первого взгляда раскусывать любого, а сам не можешь понять человека, который тебе ближе всех на свете.

— А я и не хочу понимать тебя, — огрызнулся Питер. — Я всего лишь прибегаю к помощи того блестящего интеллекта, которым ты обладаешь, чтобы выполнить поставленную передо мной задачу. Хотя ты со своей большой головой продолжаешь верить, что люди, сидящие на карачках, каким-то образом «ближе к земле», чем те, которые предпочитают высоко держать голову.

— Я имела в виду не себя, — ответила Ванму. — Я говорила о человеке, который тебе ближе всего. Об Эндере.

— Слава Богу, он сейчас от нас далеко.

— Он создал тебя вовсе не затем, чтобы воплотить свою ненависть. Он давно пережил ненависть к тебе.

— Да, да, книжку «Гегемон» написал, и так да-

лее и тому подобное.

— Именно, — кивнула Ванму. — Он создал тебя, потому что отчаянно нуждался в человеке, который будет ненавидеть ЕГО.

Питер закатил глаза и глотнул молочно-ананасового сока.

— Кокоса в самый раз. Пожалуй, я поселюсь здесь, если Эндер прежде не умрет и я не растворюсь в воздухе.

— Я говорю тебе нечто очень важное, а ты наслаждаешься кокосовым молоком в ананасовом соке?!

— Его достаточно ненавидит Новинья, — буркнул Питер. — Я ему не нужен.

— Новинья сердится на него, но она неправа в том, что сердится, и ему об этом известно. От тебя же ему нужен… так называемый праведный гнев. Ты должен ненавидеть его за то зло, что действительно имеется в нем, но которое никто, кроме него, не видит и в которое ни один человек не верит.

— Я просто кошмарный сон, пришедший из его детства, — сказал Питер. — Ты слишком много смысла находишь во всей этой истории.

— Он создал тебя вовсе не потому, что Питер в его детстве был очень значимой фигурой. Он

создал тебя как судью, как огласителя приговора. Вот что вколотил в него Питер, когда Эндер был еще ребенком. Ты же мне сам рассказывал свои воспоминания. Питер постоянно издевался над ним, говорил о том, как он бесполезен, туп, труслив. Теперь это делаешь ты. Ты смотришь на его жизнь и называешь его Ксеноцидом, неудачником. Зачем-то ему нужно это, зачем-то ему нужен человек, который бы проклинал его.

— Что ж, видишь, как удачно я подвернулся, — пожал плечами Питер.

— Но он не меньше нуждается в человеке, который бы его простил, который бы проявил милосердие, который бы правильно истолковал все его поступки. Валентина здесь не подходит, потому что он любит ее, настоящую Валентину. Жена у него есть. Твоя сестра нужна ему, чтобы обрести прощение.

— Значит, если я перестану ненавидеть Эндера, необходимость во мне сразу отпадет и я исчезну?

— Если Эндер перестанет ненавидеть себя, твоя злость ему больше не понадобится, и с тобой будет легче уживаться.

— Вообще, честно тебе скажу, думаешь, с тобой легко ужиться? Ты постоянно анализируешь поведение человека, которого никогда не встре-

чала, и в то же самое время читаешь морали тому, кого знаешь.

— Я хочу унизить тебя в твоих же глазах, — ответила Ванму. — И это будет честно.

— Мне кажется, Джейн специально перенесла нас сюда, потому что местная одежда в точности отражает, кто мы есть на самом деле. Однако какой бы марионеткой я ни был, я нахожу в жизни некое извращенное удовольствие. Тогда как ты все, к чему прикасаешься, делаешь серым и однообразным.

Ванму проглотила слезы и вернулась к еде.

— Что это с тобой? — насторожился Питер.

Она не обратила на него внимания и медленно прожевала, найдя в себе нетронутую часть, которая была еще способна насладиться вкусной едой.

— Неужели ты что-то чувствуешь?

Она проглотила и подняла на него глаза.

— Я уже скучаю по Хань Фэй-цзы, хотя прошло каких-то два дня. — Она слегка улыбнулась. — Я знала человека великой мудрости и благородства. Он считал мое общество заслуживающим внимания. То, что я утомляю тебя, меня вполне устраивает.

Питер притворился, будто плескает на себя

воду:

— Ой, пожар, я горю, больно как, невыносимо, сейчас помру! Жестокая женщина! У тебя дыхание дракона! Ты убиваешь словами!

— Только марионетки могут бравировать своими ниточками, — парировала Ванму.

— Уж лучше болтаться на этих ниточках, чем быть ими связанным, — ответил Питер.

— О, как, наверное, любят меня боги! Я стала спутницей человека, который играючи жонглирует словами.

— Ага, тогда как мне боги дали в спутницы девушку, у которой нет грудей.

Собравшись с силами, она выдавила натянутую улыбку, притворяясь, что поняла его шутку.

— По-моему, ты говорил, что груди у меня есть, просто они маленькие.

Улыбку, сияющую на его физиономии, как стерло.

— Извини, — мягко произнес он. — Я обидел тебя.

— Нет, не думаю. Скажу тебе позже, хорошо выспавшись.

— Я думал, мы просто пикируемся, — оправдывался Питер. — Обмениваемся шутливыми подначками.

— Так оно и было, — кивнула Ванму. — Только я говорила искренне.

— Тогда я тоже обиделся, — скорчил гримасу Питер.

— Ты не знаешь, что такое боль, — ответила Ванму. — Ты опять смеешься надо мной.

Питер резко отодвинул в сторону тарелку и встал.

— Увидимся дома. Надеюсь, ты найдешь дорогу обратно?

— А тебе не все равно?

— Хорошо, что у меня нет души, — буркнул Питер. — Иначе бы ты не замедлила вытереть об нее ноги.

— Даже если б твоя душа расстелилась у моих ног, — заявила Ванму, — я бы перешагнула через нее, чтобы не запачкаться.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал Питер. — В той работе, что ждет меня впереди, мне потребуется твой разум, а не острый язычок.

Он вышел из ресторана. Костюм сидел на нем из рук вон плохо. Люди оглядывались. В нем было слишком много достоинства и силы, чтобы носить столь аляповатые одеяния. Ванму заметила, что косые взгляды пристыдили его. Он постарался шагать быстрее, потому что понимал, что

одежда не подходит ему. Наверняка он прикажет Джейн заказать что-нибудь более традиционное, более подходящее зрелому человеку, более соответствующее его жажде почестей.

«Тогда как мне нужно такое одеяние, которое вообще скроет меня от людских глаз. А еще лучше такое платье, которое унесет меня далеко-далеко отсюда, закинет во Вне-мир и вернет обратно в дом Хань Фэй-цзы, где я смогу взглянуть в глаза, в которых не будет ни жалости, ни презрения.

Ни боли. Ибо глаза Питера переполняет страшная боль, я была несправедлива к нему, когда сказала, что он ничего не чувствует. Я была неправа. Я слишком лелеяла собственную боль, поэтому решила, что его нападки дают мне право оскорбить его еще больше.

Однако если я извинюсь, он высмеет меня.

Но пусть лучше меня высмеют за то, что я поступила правильно, чем будут уважать за ошибки. Этому научил меня Хань Фэй-цзы? Нет. Я родилась с этим принципом. Как говорила моя мама, гордыни много, гордыни».

Вернувшись в квартиру, она обнаружила, что Питер уже спит. Совершенно вымотавшись за день, Ванму решила отложить извинения на утро и тоже легла спать. Каждый из них ночью

просыпался, но в разное время, а к утру боль от вчерашней ссоры несколько поуспокоилась. Их ждала работа, и Ванму было куда важнее определиться, что следует предпринять сегодня, чем залечивать провал, который в свете утреннего солнца показался ей незначительной трещинкой, пробежавшей в споре между уставшими друзьями.

— Человек, которого Джейн предложила нам навестить, философ.

— Как я? — спросила Ванму, вспомнив о своей предполагаемой профессии.

— Именно это я и хотел обсудить с тобой. На Священном Ветре есть два вида философии. Аимаина Хикари, человек, с которым мы встретимся, философ-аналитик. У тебя не хватит образования, чтобы соревноваться с ним. Поэтому ты будешь представлять другую философию. Гномическую, так называемую афористическую. Философы этой школы придерживаются скупых, но содержательных фраз, которые должны поражать окружающих своей кажущейся неуместностью.

— А мои предполагаемые афоризмы обязательно должны только казаться неуместными?

— Об этом можешь не беспокоиться. Философы-гномисты предоставляют право остальным

увязывать смысл изреченных афоризмов с окружающим миром. Поэтому каждый дурак может стать философом этой школы.

Ванму почувствовала, как внутри нее, словно ртуть в градуснике, поднимается злость.

— Миленькую ты мне подыскал профессию.

— Не обижайся, — сказал Питер. — Нам с Джейн пришлось выбрать тебе такую роль, сыграв которую, ты не выдашь себя как необразованную уроженку мира Пути. Пойми, ни один ребенок на планете Священного Ветра даже не знает, что такое не получить образования. В отличие от Пути здесь этого не дозволяется.

Ванму не стала больше спорить. Какой смысл? Если в споре кто-то заявляет: «Я умен! Я знаю все и вся!», то дискуссию можно тут же прекращать. Эта мысль показалась ей очень похожей на те афоризмы, о которых говорил Питер. Она поделилась с ним своими размышлениями.

— Нет, нет, я имел в виду не эпиграммы, — возразил Питер. — Они слишком легко поддаются расшифровке. На самом деле философы-гномисты выражаются куда более загадочно. К примеру, ты могла бы сказать: «Скворец прыгает по дереву в поисках жучка». Тогда бы мне пришлось увязывать твою фразу с нынешней ситуацией.

Кто я такой? Скворец? Дерево? Жучок? Вот в чем вся красота.

— Мне кажется, из нас ты куда больше подходишь на роль философа-гномиста.

Питер закатил глаза и направился к двери.

— Питер, — окликнула она, не двигаясь с места.

Он обернулся.

— Может быть, я буду более полезна, если пойму, зачем мы встречаемся с этим человеком и кто он такой?

Питер пожал плечами.

— Наверное. Хотя нам точно известно, что Аимаина Хикари не тот Человек и даже не один из тех, что мы ищем.

— А кого именно мы ищем?

— Мы ищем центральную группировку, обладающую властью над Сотней Миров.

— Тогда почему мы здесь, а не в Звездном Конгрессе?

— Звездный Конгресс — это декорация. А делегаты — актеры. Сценарии пишутся в другом месте.

— На этой планете.

— Фракция Конгресса, которая настояла, чтобы на Лузитанию был послан флот, никогда не вы-

ступала в поддержку войн. Любители насилия, конечно, тоже радуются, поскольку верят, что насилие — основа миропорядка и так далее, но им бы никогда не удалось набрать достаточное количество голосов в свою поддержку. Если бы не центральная фракция, на которую огромное влияние оказывает школа философов с планеты Священного Ветра.

— Которую возглавляет Аимаина Хикари?

— Все гораздо запутаннее. На самом деле он философ-одиночка и ни к какой школе не принадлежит. Но он представляет сливки японской мысли, что ставит его во главе философов, влияющих на ключевую фракцию Конгресса.

— Сколько ж костяшек ты намерен выстроить, чтобы, повалившись, они сбили друг друга?

— Нет, это недостаточно афористично. Слишком определенно.

— Я еще не играю, Питер. Ну, так что за идеи черпает ключевая фракция из этой философской школы?

Питер вздохнул и сел — на стул, естественно, весь изогнувшись. «Вот таким европейский человек очень нравится себе, — подумала сидящая на полу Ванму. — Голова высоко поднята, азиатская женщина с восторгом впитывает каждое слово.

Но, с моей точки зрения, он отделяет себя от земли. Я слышу его слова, но в то же самое время знаю, что только я могу напитать их жизненной силой».

— Ключевая фракция никогда бы не пошла на то, чтобы отправить такую огромную флотилию разбираться в какой-то местной заварушке на далекой колонии. Как тебе известно, началось все с того, что два ксенолога, Миро Рибейра и Кванда Мукумби, были пойманы на месте преступления — они обучали сельскому хозяйству пеквенинос Лузитании. Это приравнивалось к культурному вмешательству в дела иной расы, поэтому их вызвали с планеты на суд. Учитывая же тот факт, что корабли Конгресса не умеют обгонять скорость света — в отличие от наших, — то полететь на межпланетный суд означает, что даже если предполагаемый преступник вернется, все, кого он знает, уже постареют или умрут. Вызов на суд — крайне жестокая мера и приравнивается к заочно вынесенному приговору. Конгресс не сомневался в том, что правительство Лузитании заявит свой протест, но вместо этого, отключив анзибли, взбунтовалась вся планета. Крутые конгрессные парни немедленно начали лоббировать, призывая отправить на Лузитанию судно с

наемниками, чтобы те восстановили на планете порядок. Но поддержка им была оказана, только когда…

— Только когда вспомнили о вирусе Десколады.

— Именно. Фракция, протестующая против применения силы, привела Десколаду как причину, почему не следует посылать на Лузитанию войска. Ведь каждый, кто заразится этим вирусом, должен будет остаться на Лузитании и всю жизнь принимать лекарства, чтобы воспрепятствовать губительному действию Десколады на тело. Впервые во всеуслышание объявили об опасности Десколады, тогда-то и проявилась наша ключевая фракция, состоящая из людей, которые давным-давно призывали наложить на Лузитанию карантин. А что может быть опаснее, чем быстро распространяющийся, полуразумный вирус, оказавшийся в руках мятежников? В ту фракцию входили делегаты, на которых сильное влияние оказала школа философов-необходимистов с планеты Священного Ветра.

Ванму кивнула:

— И каковы основы философии необходимистов?

— Согласно их убеждениям, человек должен

жить в мире и гармонии с окружающей средой, не должен ничего менять в ней, наоборот, к природе нужно приспосабливаться. Однако, когда возникает серьезная угроза выживанию, человек обязан действовать твердо и решительно. Основной постулат: «Действуй, только когда возникнет необходимость, но в этом случае рази беспощадно и стремительно». Так что если милитаристы хотели отправить простые войска, делегаты под влиянием необходимистов настояли на том, чтобы на Лузитанию был снаряжен целый флот, вооруженный Молекулярным Дезинтегратором, который раз и навсегда расправится с угрозой вируса Десколады. Забавная последовательность, не правда ли?

— Я никакой последовательности не нахожу.

— Ну как же! Эндер Виггин первым использовал Маленького Доктора, чтобы уничтожить родную планету жукеров. Теперь Дезинтегратор будет использован второй раз — против того самого мира, на котором обосновался Эндер! Это еще что. Первый философ-необходимист по имени Оока использовал образ Эндера как основной пример для иллюстрации своих идей.

Поскольку жукеры представляли опасную угрозу будущему человечества, единственным

приемлемым выходом из ситуации было полное и беспощадное уничтожение врага. Никаких полумер не принималось. Конечно, в конце концов выяснилось, что жукеры на самом деле никакой угрозы не представляли, как написал сам Эндер в своей книге «Королева Улья», но Оока все равно стоял на своем, говоря, что во времена, когда военные генералы натравили Эндера на врага, правда еще не была известна. Как говорил Оока, никогда не вступай в затяжное сражение с врагом. Смысл его изречения состоит в том, что никогда ни на кого не нападай, но если уж ты вынужден напасть, то бей только один раз и бей так, чтобы твой враг никогда, никогда не смог тебе ответить.

— Эндер послужил им примером…

— Вот именно. Действия Эндера послужили оправданием, когда те же самые меры решили применить против другой беззащитной расы.

— Но Десколада не беззащитна.

— Согласен, — кивнул Питер. — Но ведь Эндер и Эла нашли способ выйти из положения? Они нанесли удар самой Десколаде. Но Конгресс уже бесполезно убеждать и просить отозвать флот. Потому что вмешалась Джейн, обрубив связь между анзиблями Конгресса и флота. Теперь они

решили, что столкнулись с огромной тайной организацией, опутавшей сетью все Сто Миров. Какой бы аргумент мы теперь ни привели, нам все равно не поверят. Да и кто поверит явно вымышленной сказке о первом путешествии во Вне-мир, где Эла создала АнтиДесколаду, Миро восстановил свое тело, а Эндер сотворил мою дорогую сестренку и меня?

— Значит, необходимисты в Конгрессе…

— Они себя так не называют. Но влияние этой философии очень сильно. По нашему с Джейн мнению, если нам удастся заставить какого-нибудь влиятельного необходимиста выступить против уничтожения Лузитании — заставить, естественно, это значит убедить, — то солидарное большинство, выступающее в поддержку флота, немедленно рассыплется на части. На самом деле это большинство — весьма хлипкая штука; многие страшатся использовать столь разрушительную силу против обыкновенного мирка-колонии, другие еще больше боятся того, что Конгресс уничтожит пеквенинос, первую разумную расу, обнаруженную с тех пор, как расправились с жукерами. Они бы с удовольствием проголосовали против флота, по крайней мере призвали бы установить карантин на планете.

— Тогда почему бы нам не выйти на самих необходимистов?

— Разве нас будут слушать? Если мы во всеуслышание объявим, что поддерживаем дело Лузитании, нас тут же кинут за решетку и подвергнут допросу. Если же нет, кто мы такие, чтобы к нашим доводам прислушались?

— А этот Аимаина Хикари… Кто он такой?

— Некоторые зовут его философом Ямато. Все необходимисты Священного Ветра по своему происхождению японцы, поэтому философия необходимизма оказывает огромное влияние на миры японцев и все их колонии. Хикари хоть и не относится ни к какой философской школе, его почитают как хранителя истинного духа Японии.

— И если он скажет, что это не по-японски — уничтожать Лузитанию…

— Этого он говорить не будет. Просто так. Основная работа, которая покрыла его славой как философа Ямато, говорила о том, что японцы от рождения суть взбунтовавшиеся марионетки. Сначала за их ниточки дергала китайская культура. Как утверждает Хикари, Япония поняла, чего стоят уроки китайцев, когда была совершена попытка захвата Китаем японских островов — кстати, этому вторжению помешала страшная

буря, которая называется «камикадзе», иначе говоря «Священный Ветер». Поэтому можешь быть уверена, на этой планете каждый помнит эту древнюю историю. В общем, после случившегося Япония замкнулась на своих островках и сначала, когда прибыли европейцы, даже отказалась устанавливать с ними какие бы то ни было отношения. Но американский флот заставил Японию выйти на мировой рынок, тогда-то японцы и поквитались за потерянное время. Реставрация Мейдзи привела к тому, что Япония превратилась в промышленную, западную державу — как выразился Хикари, марионетка обзавелась новыми ниточками. И снова этой стране был преподан суровый урок. Поскольку в то время все европейцы были империалистами и делили между собой Африку и Азию, Япония тоже решила отхватить кусочек от империалистического пирога. Под руку подвернулся Китай, старый кукловод. Началось вторжение…

— На Пути нам преподавали историю этого вторжения, — перебила его Ванму.

— Я вообще удивлен, что вам преподавали что-либо, кроме монгольского ига.

— Японцы были остановлены американцами, которые сбросили первые атомные бомбы на два

японских города.

— Тогда эти бомбы были неким эквивалентом сегодняшнего Маленького Доктора. Страшное оружие, которому невозможно было противостоять. Однако вскоре японцы даже научились гордиться этими ядерными взрывами — мол, мы первыми испытали на своей шкуре, что это такое. Случившееся стало предметом их вечной национальной скорби и в некотором смысле принесло выгоду, подтолкнув японцев на осваивание новых колоний-миров, чтобы не быть больше беспомощной островной нацией. Вот тут-то и появляется на сцене Аимаина Хикари и говорит… Кстати, это имя он выбрал себе сам, именно так он подписался на первой своей книге. Его псевдоним переводится как «Неясный Свет».

— Как афористично, — хмыкнула Ванму.

Питер улыбнулся:

— Скажи ему об этом, он будет очень горд. В общем, в своей первой книге Хикари говорит: «Японцам были преподаны суровые уроки. Эти атомные бомбы обрезали наши нити. Япония пала. Гордое старое правительство было уничтожено, император стал символической фигурой, в Японию явилась демократия, за которой последовали богатство и власть».

— Стало быть, бомбы были благословением Божьим? — с сомнением переспросила Ванму.

— Нет, не совсем. Он считает, что богатство уничтожило дух Японии. Они взяли себе в отцы своего же палача. Взяли на себя роль внебрачного дитяти Америки, рожденного взрывом американских же бомб. Снова стали марионетками.

— Что же у него общего с необходимистами?

— По его словам, Япония подверглась бомбардировке именно потому, что они слишком европеизировались. Они обращались с Китаем, как Европа — с Америкой, вели себя эгоистично, грубо. Но предки не могли видеть, как их дети превращаются в зверей. И боги Японии, пославшие остановивший китайский флот Священный Ветер, наслали на японцев американские бомбы, чтобы не дать стране превратиться в очередную европейскую державу. Японцы должны были снести американскую оккупацию, чтобы, когда время власти Америки подойдет к концу, снова возродиться в своей первозданной чистоте и единстве. Книга Хикари называлась «Еще не поздно».

— Могу поспорить, необходимисты воспользовались американской бомбежкой Японии как еще одним примером обоснованного примене-

ния силы.

— Ни один японец не осмелился бы хвалиться американской бомбежкой, пока Хикари не предложил иной взгляд на положение вещей. Трагедия Японии толкуется теперь как попытка богов очистить свой народ.

— Значит, ты говоришь, необходимисты прислушиваются к Хикари и уважают его, так что если он изменит свой образ мысли, то и они займут другую позицию. Только он никогда этого не сделает, потому что верит в то, что бомбежка Японии была священным даром…

— Мы надеемся, что все-таки сумеем переубедить его, — сказал Питер, — иначе наше путешествие станет бессмысленной тратой времени. Основная проблема в том, что вряд ли он просто так воспримет наши доводы, а Джейн, изучившая его работы, никак не может определить, кто или что влияет на него. Мы должны сначала поговорить с ним, чтобы выяснить, куда следовать дальше. Может быть, таким образом нам удастся изменить приговор Конгресса.

— Непростое дельце, — заметила Ванму.

— Вот почему я не хотел вдаваться в подробные объяснения. Ну и что ты будешь теперь делать со всей этой информацией? Вступишь в дискуссию

о проблемах истории с первоклассным философом-аналитиком, каковым считается Хикари?

— Я буду слушать, — ответила Ванму.

— Именно таков был твой первоначальный план, — напомнил Питер.

— Зато теперь я буду знать, кого слушаю.

— Джейн считает, что мне не стоило рассказывать тебе все это, потому что теперь ты будешь расценивать все сказанное им в свете нашего с Джейн отношения.

— Передай Джейн, что только тот, кто ценит чистоту невежества, способен возыметь выгоду, обретя знание.

Питер расхохотался.

— Снова эпиграммы, — сказал он. — Нет, ты должна была сказать…

— Не учи меня, как создавать афоризмы, — перебила Ванму и поднялась с пола. Теперь она была на голову выше Питера. — А что касается мантичности — не забывай, мантика съедает своего самца.

— Я не твой самец, — возразил Питер, — а под «мантичностью» подразумевается философия, которая основывается скорее на видениях, вдохновении и интуиции, нежели на знаниях и логике.

— Если ты не мой самец, — фыркнула Ванму, — перестань обращаться со мной как со своей женой.

Питер растерянно поглядел на нее и отвернулся.

— А когда это я обращался с тобой как с женой?

— На планете Пути муж, согласно обычаям, считает свою жену полной дурой и все время учит ее — даже тому, что она уже знает. На Пути поучающая мужа жена все время обязана притворяться, будто она всего лишь напоминает ему то, чему он ее когда-то научил.

— Стало быть, я неотесанный, бесчувственный чурбан, да?

— Пожалуйста, когда мы встретимся с Аимаина Хикари, помни об одном, — попросила Ванму, — он и я обладаем неким знанием, которое тебе, к сожалению, недоступно.

— Каким же это?

— Знанием жизни.

Она заметила отразившуюся на его лице боль и сразу пожалела о сказанных словах. Чисто рефлекторно пожалела — с самого раннего детства ее приучали извиняться, если она причинила кому-то боль, как бы этот человек ее ни заслужил.

— Ой, — попытался обернуть все в шутку Питер.

Но Ванму не знала милосердия — она больше не служанка.

— Ты так гордишься тем, что знаешь больше меня, но все то, что ты знаешь, либо Эндер вложил тебе в голову, либо Джейн нашептала на ушко. У меня нет Джейн, у меня нет Эндера. Свои знания я приобрела тяжким трудом. Я пережила их. Поэтому избавь меня, пожалуйста, от своего презрения. В этой экспедиции я смогу пригодиться тебе только в том случае, если буду знать все, что известно тебе, — потому что тому, что знаешь ты, я смогу научиться, а вот то, что знаю я, ты в школе не получишь.

С шутками покончено. Лицо Питера раскраснелось от гнева.

— Да как… Да кто…

— Да как я смею, — договорила за него Ванму то, что он хотел сказать. — Да кто я такая.

— Я этого не говорил, — тихо буркнул Питер, отворачиваясь.

— Что, я посмела забыть положенное мне место? — поинтересовалась она. — Хань Фэй-цзы рассказывал мне о Питере Виггине. О настоящем Питере, а не о его копии. Как Питер втянул Ва-

лентину в свой заговор, чтобы стать Гегемоном Земли. Как он заставил ее писать статьи под псевдонимом Демосфен, проникнутые бунтовской демагогией, тогда как сам назвался Локи и писал статьи, насыщенные умными, глубокими мыслями. Но идеи той самой демагогии принадлежали ему же.

— Умные мысли тоже были его, — сказал Питер.

— Верно, — кивнула Ванму. — Однако у него не было того, что было у Валентины, того, чего он никогда не видел, на что никогда не обращал внимания. У него не было человеческой души.

— Это Хань Фэй-цзы сказал?

— Да.

— Осел он, твой Хань Фэй-цзы, — рявкнул Питер. — Потому что у Питера была та же душа, что и у Валентины. — Он поднялся и угрожающе шагнул к ней. — А вот у меня, Ванму, ее нет.

На какую-то секунду она испугалась. Откуда она знала, что за насилие живет в нем? Что за черный гнев нашел выход в этом псевдочеловеке, созданном Эндером?

Но Питер так и не ударил ее. Может быть, в этом не было необходимости.

Аимаина Хикари лично вышел к воротам сво-

его сада, чтобы приветствовать их и провести в дом. Одет он был очень просто, на шее качался ковчежец, который носили все соблюдающие традиции японцы Священного Ветра: в небольшой ладанке содержался прах самых достойных представителей семейства. Питер объяснил Ванму, что когда такой человек, как Хикари, умирает, горстка пепла из его ковчега смешивается с его пеплом и переходит по наследству детям или внукам. Таким образом, у него на груди покоился прах всего древнего семейства, почившего долгим сном, — это самый драгоценный подарок, который он сможет передать потомкам. Этот обычай произвел огромное впечатление на Ванму, у которой не было предков, оставшихся в памяти народа.

Хикари приветствовал Ванму поклоном, Питеру же он пожал руку. В глазах Питера, наблюдающего за этим представлением, отразилось изумление.

— О, может быть, меня и называют хранителем духа Яма-то, — улыбнулся Хикари, — но это вовсе не означает, что я должен заставлять европейцев соблюдать японские традиции. Кроме того, европейцы кланяются, словно свиньи танцуют.

Пока Хикари вел их через сад в традиционно

японский дом со стенами из бумаги, Питер и Ванму переглянулись и обменялись широкими улыбками. Между ними воцарилось единогласное перемирие, ибо они сразу поняли, что Хикари — серьезный противник, и если они хотят от него что-нибудь узнать, им придется опираться друг на друга.

— Философ и физик, — проговорил Хикари. — Я сразу обратил внимание на это сочетание, когда получил ваше послание с просьбой принять вас. Меня и раньше посещали философы, были и физики, европейцы и китайцы, но ваш странный союз меня заинтриговал.

— Она находит меня сексуально неотразимым, — заявил Питер, — и мне никак от нее не отделаться.

И улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой.

К вящему удовольствию Ванму, типично западная шутка Питера нисколько не позабавила Хикари, и она заметила, как на шее юноши заалел багрянец.

Теперь настала ее очередь — сыграть роль философа-гномиста.

— Свинья барахтается в грязи, тогда как он греется на теплом камушке.

Хикари повернулся к ней — столь же бесстрастный, как и раньше.

— Я запишу эти слова у себя в сердце, — произнес он.

Ванму подумала, понял ли Питер, что она только что стала жертвой восточной иронии Хикари.

— Мы пришли учиться у вас, — сказал Питер.

— Тогда я должен предложить вам трапезу и отпустить, не удовлетворив ваших желаний, — склонил голову Хикари. — Мне нечего преподать физику или философу. Если б у меня не было детей, я бы вообще остался без учеников, ибо только они знают меньше, чем я.

— Нет-нет, — запротестовал Питер. — Вы очень мудрый человек. Хранитель духа Ямато.

— Я уже сказал, меня так называют. Но дух Ямато слишком велик, чтобы уместиться в такой маленькой коробчонке, как моя душа. И в то же самое время дух Ямато слишком мал и незначителен, чтобы быть замеченным великими душами европейцев и китайцев. Вы учителя, а Китай и Европа всегда были учителями Японии.

Ванму не слишком хорошо знала Питера, однако сразу поняла, что он окончательно запутался и понятия не имеет, как дальше продолжать разговор. Эндеру за время скитаний приходилось

посещать планеты с восточной культурой, и он, по словам Хань Фэй-цзы, даже говорил по-корейски. Это означало, что Эндер смог бы справиться с ритуальным самоуничижением такого великого человека, как Хикари, — тем более что тот явно шутил, умаляя свои заслуги. Но знания Эндера сильно отличались от тех знаний, что он дал своему созданию, Питеру. Этот разговор должна вести она. Она почувствовала, что играть с Хикари можно, только перехватив у него инициативу.

— Замечательно, — вступила она. — Мы попытаемся преподать вам урок. И узрев наше невежество, вы поймете, сколь отчаянно мы нуждаемся в вашей мудрости.

Хикари молча смотрел на Питера. Затем громко хлопнул в ладоши. В дверях появилась служанка.

— Чаю, — приказал Хикари.

Ванму вскочила с циновки. Только поднявшись, она поняла, что за план ей пришел в голову. Ей много раз в жизни приказывали подать чай, но не только слепой рефлекс заставил ее встать. Она скорее руководствовалась интуицией, понимая, что побить Хикари в его игре можно только одним способом: проявить большее смирение, чем то, что известно ему.

— Я была служанкой всю свою жизнь, — честно призналась Ванму, — но никогда не могла похвалиться умением. — А вот это неправда. — Разрешите, я схожу с вашей служанкой и поучусь у нее? Может быть, я не столь умна, чтобы осмыслить идеи великого философа, но, возможно, у служанки, которая достойна подносить чай Аимаина Хикари, я смогу научиться обязанностям, что мне на самом деле пристало исполнять.

По лицу Хикари она увидела, что он понял — его побили. Но этот человек не собирался сдаваться просто так. Он тоже поднялся на ноги.

— Вы уже преподали мне важный урок, — произнес он. — Мы все пойдем и посмотрим, как Кендзи приготовит чай. Если она достойна быть вашим учителем, Си Ванму, меня она также многому научит. Ибо разве я могу вынести, что кто-то в моем доме знает то, чего не знаю я?

Ванму оценила его изобретательность. Он снова умудрился поставить себя ниже ее.

Бедная служанка Кендзи! Насколько видела Ванму, она была умелой, опытной прислужницей, но когда сразу трое человек следят за тем, как ты готовишь чай, в особенности если среди этих троих твой господин и повелитель, поневоле разнервничаешься. Поэтому Ванму кинулась к

ней «помогать» — и нарочно допустила глупую ошибку. Сразу Кендзи почувствовала под ногами твердую почву и обрела прежнюю уверенность.

— Вы делаете немножко не то, — мягко сказала Кендзи, — наверное, потому, что кухня моя так неудобно оборудована. — Затем она показала Ванму, как готовится чай. — По крайней мере так его обычно заваривают в Нагойе, — скромно объяснила она. — В этом доме.

Ванму внимательно наблюдала за служанкой, сосредоточившись на умелых движениях рук Кендзи. Она сразу заметила различие между тем, как заваривают чай японцы — или так его заваривали на Священном Ветре, а может, только в Нагойе, или в домах смиренных философов, хранящих дух Ямато, — и тем, как заваривала его она в доме Хань Фэй-цзы. К тому времени, как чай был готов, Ванму действительно кое-чему научилась у Кендзи. Теперь, представившись служанкой и имея в компьютере запись, удостоверяющую, что она всю жизнь прожила в китайской колонии на Священном Ветре, Ванму могла заварить чай, как это принято в здешних краях.

Они вернулись в гостиную дома Хикари, Кендзи и Ванму несли вслед за мужчинами по маленькому чайному столику. Кендзи собралась было

поставить свой столик перед Хикари, но он отослал ее к Питеру, низко поклонившись юноше. Поэтому Хикари налила чай Ванму. И когда Кендзи отошла от Питера, Ванму также отступила от Хикари.

Впервые за все время Хикари выглядел… рассерженным? Во всяком случае, глаза его полыхнули. Снизойдя до уровня Кендзи, Ванму поставила его в сложное положение — теперь ему придется либо признать, что он больший гордец, чем Ванму, и отпустить служанку, либо нарушить заведенный порядок в доме, пригласив Кендзи как равную по положению присоединиться к чаепитию.

— Кендзи, — сказал Хикари, — позволь мне налить тебе чаю.

«Шах, — подумала Ванму. — И мат».

Сладким утешением послужило то, что Питер, который наконец разобрался в происходящем, также вынужден был налить чай Ванму, причем он умудрился пролить его, что заставило Хикари капнуть чаем на себя, чтобы гости не чувствовали себя неудобно. Но боль от горячего кипятка и липкую холодную одежду можно было перетерпеть. Главное, Ванму показала себя достойной соперницей Хикари в соревновании «кто ниже кого стоит», тогда как Питер проявил себя пол-

ным олухом.

Но действительно ли Ванму была достойной соперницей Хикари? Он, должно быть, сразу разгадал ее маневры, когда она начала демонстрировать свое смирение. Тогда возможно, что он из того же самого смирения позволил ей победить как более смиренный из них двоих. Поняв, что он вполне мог найти этот выход, она уже не сомневалась — именно так он и поступил, так что победа все равно осталась за ним.

«Я не так умна, как думаю».

Она поглядела на Питера, надеясь, что теперь на сцене появится он и выкинет спрятанный в рукаве козырь. Но он, казалось, полностью отдался ее воле. Ну конечно, вряд ли он станет сигать в колючки терновника. А может, он тоже понял, что она только что потерпела сокрушительное поражение в игре, которую сама же начала? И причиной ее поражения было то, что она недостаточно глубоко прочувствовала собственный замысел? Он что, протягивает ей веревку, чтобы она благополучно повесилась?

«Ладно, выше нос».

— Аимаина Хикари, вас зовут хранителем духа Ямато. Питер и я выросли в японском мире, однако японцы смиренно дозволили звездному

стать основным языком государственных школ, поэтому мы не говорим по-японски. Когда я была совсем девочкой, мы жили в американском городе Питера, так что все наше детство прошло на окраине великой японской культуры, мы могли наблюдать за ней лишь со стороны. Но если и есть какая-то область, где мы особенно невежественны, что вы, естественно, не замедлили заметить, так это наше понимание самой Ямато.

— О, Ванму, вы делаете тайну из очевидного. Лучше всего понять Ямато может тот, кто наблюдает со стороны. Точно так же родители куда лучше понимают ребенка, чем тот понимает себя.

— Тогда я, возможно, просвещу вас, — сказала Ванму, отбрасывая наконец притворное самоуничижение. — Ибо я вижу Японию краевой нацией и никак не могу понять, каким образом ваши идеи сделают японцев новой центральной нацией или начнут то разложение, которое переживает каждая краевая нация, перед тем как обрести могущество.

— Вы использовали выражение «краевая нация». Я могу придумать этому термину сотню возможных объяснений, большинство из которых очень точно подходит моему народу, —

промолвил Хикари. — Но что такое «центральная нация» и как люди могут ею стать?

— Я не особо хорошо подкована в истории Земли, — призналась Ванму, — но, впитывая жалкие крохи знания, я пришла к выводу, что существует горстка центральных наций, которые обладают столь сильной культурой, что она поглощает без остатка всех завоевателей, осмелившихся напасть на нее. Такими нациями были Египет и Китай. Каждая из этих стран в свое время объединилась и разрослась ровно настолько, чтобы защитить свои границы и обеспечить мир внутри себя. В течение тысяч лет на каждую из этих стран нападали завоеватели, и каждый раз захватчики бесследно растворялись в них. Египетское и китайское письмо дожило до наших дней, и настоящие потомки могут прочитать о своем прошлом.

Ванму заметила, как напрягся Питер, и поняла, что он очень обеспокоен. Ведь то, что она говорила, никоим образом не соответствовало азам гномической философии. Но, не разбираясь в азиатских традициях, он не осмеливался вмешаться.

— Обе эти нации родились в варварские времена, — заметил Хикари. — Вы хотите сказать, что

в нынешние дни ни одна нация не может стать центральной?

— Не знаю, — покачала головой Ванму. — Я даже не знаю, имеет ли какую-то практическую ценность проведенное мной различие между краевыми и центральными нациями. Я лишь знаю, что центральная нация может сохранять силу своей культуры, даже после того как лишится политической власти. Месопотамию постепенно покорили соседи, однако каждый завоеватель скорее сам изменился, чем изменил Месопотамию. Цари Ассирии, Халдеи и Персии потеряли свою неповторимость, испробовав культуры Междуречья. Однако и центральная нация может пасть, полностью растворившись. Египет пошатнулся под ударами эллинов, упал на колени перед идеологией христианства и в конце концов был стерт с лица земли исламом. Только каменные строения напоминают потомкам, чем и кем были их древние прародители. В истории не существует законов, а все закономерности, которые мы в ней находим, лишь иллюзии.

— Теперь я вижу, вы и вправду философ, — уважительно произнес Хикари.

— Вы проявляете необычайное великодушие, столь уважительно отзываясь о моих детских

размышлениях, — смиренно склонилась Ванму. — Но позвольте мне теперь изложить вам, что я думаю о краевых нациях. Они рождаются в тени — или, можно сказать, в ослепительном сиянии — других культур. Так Япония обрела цивилизацию под влиянием Китая. Так Рим расцвел под сенью Греции.

— Сначала были этруски, — пришел на помощь Питер.

Хикари оглянулся на него, после чего, не произнеся ни слова, снова обратился к Ванму. Ванму всем телом почувствовала, как Питер съеживается и уменьшается под проявленным к нему безразличием. Но жалости к нему она не чувствовала. Разве что чуть-чуть.

— Центральные нации так уверены в себе, что в основном не испытывают нужды в завоевательных войнах. Они и так знают свое превосходство над остальными, видят, что другие народы желают походить на них, подчиняться им. Но краевые нации, впервые ощутив свою силу, должны утвердиться в собственных глазах. И утверждаются они, как правило, мечом. Так арабы накинулись на Римскую империю и захватили Персию. Так македоняне, народец, живущий на краю Греции, подчинил себе эллинов. После этого, настолько

растворившись в этой стране, что сами начали считать себя греками, они покорили империю, от которой когда-то греки обрели цивилизацию, — то есть Персию. Викинги грабили Европу, перед тем как основать королевства в Неаполе, на Сицилии, в Нормандии, Ирландии и, наконец, Англии. Тогда как Япония…

— Мы старались оставаться на своих островах, — мягко промолвил Хикари.

— Япония, почувствовав силу, перекинулась через Тихий океан, чтобы завоевать великую центральную нацию Китая, но была остановлена бомбами новой центральной нации — американцами.

— Я бы, наоборот, привел Америку как пример настоящей краевой нации.

— Америка была населена краевыми нациями, но сама идея Америки нашла столь большой отклик в народе, что скоро эта страна оказалась в самом центре мира. Американцы были настолько самоуверенны, что не хотели создавать собственной империи, ограничиваясь освоением внутренних территорий. Они просто считали, что все народы хотят походить на них. И они поглотили остальные культуры. Даже здесь, на Священном Ветре, какой язык преподают в

школах? Звездный, всеобщий язык звезд, и этот язык распространила по свету вовсе не Англия, а Америка.

— Чистая случайность. Просто Америка была наиболее технологически развитой державой, когда появились Королевы Улья и вывели нас к звездам.

— Американская идея стала центральной идеей, — продолжала Ванму. — С тех пор каждая нация обязана была каким-то образом воплотить в себе демократию. Даже сейчас нами правит Звездный Конгресс. Все мы живем внутри американской культуры, нравится нам это или нет. Но вот что я думаю: теперь, когда этой центральной нацией стала управлять Япония, не растворятся ли японцы точно так же, как растворились в Китае монголы? Или же японская культура сохранит свои неповторимые черты, но постепенно отойдет в сторону и рассыплется в пыль, как лишилась власти над исламом краевая нация турков и как краевая нация манчи потеряла власть над Китаем?

Хикари был явно расстроен. Сердился ли он? Или вопросы Ванму загнали его в тупик? Ванму не знала, что и подумать.

— Философ Си Ванму изрекает постулат, кото-

рый я не в состоянии принять, — заявил Хикари. — Почему вы решили, что сейчас Звездным Конгрессом и Ста Мирами управляют японцы? Когда случилась эта революция, которой никто не заметил?

— Но я думала, вы видите, к чему ведет ваше учение пути Ямато, — притворно удивилась Ванму. — Флот, движущийся на Лузитанию, прямое доказательство власти японцев. Этим великим открытием поделился со мной мой друг, физик. Именно поэтому мы пришли к вам.

В глазах Питера отразился искренний ужас. Она могла догадаться, о чем он сейчас думает. Она что, совсем свихнулась? Она бы еще про Лузитанию рассказала… Но она знала, что в данном контексте ее упоминание флота ничего не значит и Хикари не догадается об истинных причинах их встречи.

Однако самообладания Питер не потерял. Приняв у Ванму эстафетную палочку, он принялся объяснять проделанный Джейн анализ действий Звездного Конгресса, необходимистов и причин появления флота на Лузитанию, хотя, конечно, все эти выводы он приписывал себе. Хикари слушал, периодически кивая, иногда недоверчиво качая головой; от его былого безразличия и следа

не осталось, наоборот, он ловил каждое слово.

— Так скажите же мне, — спросил Хикари, когда Питер наконец закончил, — неужели моя маленькая книжечка об американской бомбежке привела к тому, что необходимисты захватили в правительстве власть и запустили флот на Лузитанию? Вы это мне вменяете в вину?

— За это нельзя винить, как нельзя почитать, — возразил Питер. — Вы не планировали и не замышляли этого. Насколько я понимаю, вы даже не одобряете поступков необходимистов.

— Меня не занимает политика Звездного Конгресса. Я придерживаюсь духа Ямато.

— Именно за этим знанием мы сюда и пришли, — сказала Ванму. — Теперь я вижу, вы человек Края, а не Центра. Стало быть, вы не позволите, чтобы Ямато поглотила центральная нация. Значит, японцы будут и дальше не замечать сосредоточившейся в их руках власти, пока в конце концов она не перейдет в какие-нибудь другие руки.

Хикари покачал головой:

— Я не позволю вам обвинять Японию в том, что на Лузитанию был отправлен флот. НАМ боги даровали очищение, мы не посылаем космические корабли убивать людей.

— Зато посылают необходимисты, — заявил Питер.

— Необходимисты только мелют языками, — отверг обвинение Хикари. — Их никто не слушает.

— Это вы их не слушаете, — поправил Питер. — Зато Конгресс все время прислушивается к их мнению.

— А необходимисты прислушиваются к ВАМ, — добавила Ванму.

— Я человек идеальной простоты! — вскричал Хикари, поднимаясь на ноги. — Вы пришли пытать меня всякими ложными обвинениями!

— Мы не выдвигаем никаких обвинений, — мягко ответила Ванму, продолжая сидеть на циновке. — Мы просто излагаем вам наши наблюдения. Если мы неправы, мы просим вас растолковать нам нашу ошибку.

Хикари весь дрожал, его левая рука судорожно сжимала ковчежец с прахом предков, который на шелковой ленте висел у него на груди.

— Нет, — наконец выдавил он. — Я не позволю вам притворяться смиренными искателями правды. Вы убийцы. Убийцы сердца, пришедшие уничтожить меня, пришедшие сказать, что в поисках пути Ямато я каким-то образом поста-

вил свой народ во главе человеческих миров и воспользовался этой силой, чтобы уничтожить беспомощную, слабую инопланетную расу! Вы обвиняете меня в том, что труд моей жизни ни к чему не привел, — это ужасная ложь. Уж лучше бы вы подсыпали мне в чай яда, Си Ванму. Лучше бы приставили к моей голове дуло пистолета и нажали на курок, Питер Виггин. Ваши родители хорошо подобрали вам имена — имена гордые и одновременно ужасные. Владычица Запада? Богиня? И Питер Виггин, первый Гегемон? Кто дает своим детям такие имена?

Питер к тому времени тоже поднялся и потянул за собой Ванму.

— Нам незаслуженно нанесли оскорбление, — произнес он. — Я покрыт позором. Мы должны немедленно уйти.

Ванму удивилась, насколько по-восточному ответил Питер. Американцы обычно принимаются извиняться, чтобы продолжить спор дальше.

Она позволила ему довести себя до двери. Хикари не стал провожать их; эта сомнительная честь досталась бедной Кендзи, которая страшно напугалась, когда ее обычно мирный, очень благовоспитанный хозяин так разъярился. Но Ванму не хотела, чтобы их посещение закончилось

полной катастрофой. В последний момент она вырвалась, кинулась назад и распростерлась ниц у ног Хикари — в той самой унизительной позе, которую, как она недавно поклялась, больше никогда не должна принимать. Но она знала, что упавшего на колени человека Хикари обязательно выслушает.

— О Аимаина Хикари, — воскликнула она, — ты говорил о нас, но разве ты забыл суть своего имени? Как может человек, носящий имя «Неясный Свет», надеяться, что его учение всегда будет трактоваться так, как он того желает?

Выслушав этот упрек, Хикари повернулся к ней спиной и вышел из комнаты. Может, она только ухудшила положение? Ванму не знала. Она поднялась на ноги и понуро побрела к двери. Питер, наверное, страшно злится на нее. Своей прямотой она, должно быть, все разрушила. А ведь люди, оставшиеся на Лузитании, так надеялись, что им удастся остановить флот…

Однако, к ее великому изумлению, Питер разве что не напевал, выходя из сада Хикари.

— Молодец, хотя, должен признаться, странные у тебя методы, — похвалил он.

— Что ты говоришь? Это была полная катастрофа, — ответила она, хотя втайне все-таки

надеялась, что он прав и она хорошо справилась со своей ролью.

— Да, он разозлился и никогда больше не станет говорить с нами, но что с того? Мы же не его пытаемся изменить. Мы пытались найти кого-нибудь, кто действительно обладает влиянием на него. И мы добились своего.

— Добились?

— Джейн сразу его раскусила. Когда он назвался «человеком идеальной простоты».

— А что здесь такого?

— Мистер Хикари, моя дорогая, открыл свою тайну. Оказывается, он тайный почитатель Уа Лава.

Ванму ошеломленно посмотрела на Питера.

— Это религиозное движение. Или группа комиков. Определенно не скажешь. Это самоанский термин, который в переводе на звездный означает «Все, хватит». В дословном переводе — «Хватит уже».

— Тебе лучше знать. Судя по всему, это ты у нас эксперт по самоанскому.

Сама Ванму даже не слышала о таком языке.

— Не я, Джейн, — признался Питер. — У меня в ухе сережка, а у тебя ее нет. Так что, рассказать, что она мне наговорила?

— Да, пожалуйста, — попросила Ванму.

— Это некоего рода философия, так называемый «бодрый стоицизм», потому что независимо от того, хорошо у тебя идут дела или плохо, ты твердишь одно и то же. Но, как утверждает некая самоанская писательница по имени Лейлоа Лаве, это не просто отношение…

— Писательница? Хикари учится у женщины?

— Я этого не говорил, — заявил Питер. — Если ты дослушаешь меня, я расскажу все, что поведала мне Джейн.

Он замолчал. Она выжидающе смотрела на него.

— Ладно, слушай дальше. Учение Лейлоа Лаве — это что-то вроде добровольного коммунизма. Мало просто посмеяться над удачей и сказать: «Хватит уже». Нет, ты должна действительно быть уверена в том, что тебе хватит. Потому что, сказав так, ты берешь свой излишек и отдаешь его другому человеку. Точно так же, когда на тебя обваливаются беды, ты терпишь их, пока не понимаешь, что больше терпеть нельзя — твоя семья голодает, работа не спорится и так далее. Тогда ты снова говоришь: «Хватит уже», — и что-то меняешь. Ты переезжаешь в другую квартиру, находишь новую работу, доверяешь решения

супругу или супруге. Что-то делаешь. Ты больше не можешь выносить невыносимое.

— А при чем тут «идеальная простота»?

— Лейлоа Лаве учит, что когда ты достигнешь равновесия в своей жизни — поделишься излишками удачи с другими людьми и разберешься с бедами, — то, что останется, и будет называться «жить в идеальной простоте». Вот что имел в виду Аимаина Хикари, До нашего появления его жизнь протекала в идеальной простоте. А теперь мы выбили почву у него из-под ног. И это хорошо, потому что ему придется побороться, чтобы снова восстановить совершенную простоту. Он будет открыт влиянию со стороны. Нас, конечно, теперь и на порог не пустят, но…

— Лейлоа Лаве он послушает.

— Вряд ли. Она мертва уже две тысячи лет. Эндер как-то с ней встречался. Прилетал Говорить о смерти на ее родной планете, которая называется… в общем, Звездный Конгресс зовет ее Пасификой, но самоанцы, живущие там, предпочитают называть свой дом Лумана'и. «Будущее».

— Но говорил он не о ее смерти.

— Нет, об одном убийце-фиджи. Этот парень перерезал больше сотни детей, все из них тонганцы. Видимо, эти тонганцы ему чем-то не угодили.

Похороны преступника отложили на тридцать лет, ожидая прилета Эндера, который должен был Говорить о его смерти. Они надеялись, что Голос Тех, Кого Нет, поймет смысл его поступков.

— Ну и чем все закончилось? Он понял этого убийцу?

— А ты думала! — фыркнул Питер. — Он был великолепен. Эндер ошибок не допускает.

Она пропустила мимо ушей его резкие высказывания насчет Эндера.

— И он встречался с Лейлоа Лаве?

— Ее имя означает «быть потерянной, терпеть боль».

— Позволь мне догадаться. Она сама себе выбрала это имя.

— Естественно. Ты ж знаешь этих писателей. Как и Хикари, они, создавая свои работы, одновременно создают себя. А может, они творят, чтобы создать себя.

— Как афористично, — заметила Ванму.

— Заткнись, — поморщился Питер. — Кстати, неужели ты действительно веришь в эту чушь насчет краевых и центральных наций?

— Я сама придумала эту теорию, — сказала Ванму. — Когда Хань Фэй-цзы начал преподавать мне историю Земли. Он не смеялся надо мной,

когда я высказала ему свои соображения.

— Я тоже не смеюсь. Это все, конечно, наивная ерунда, но *смешного* я ничего здесь не вижу.

Ванму проигнорировала его насмешку:

— Но если Лейлоа Лаве умерла, куда мы отправимся?

— На Пасифику. На Лумана'и. Хикари познакомился с философией Уа Лава еще юношей, когда учился в университете. Ему рассказала о ней студентка-самоанка — внучка посла Пасифики. Сама она, разумеется, никогда не бывала на Лумана'и, но от этого еще больше цеплялась за свои национальные обычаи и поэтому стала настоящей фанаткой идей Лейлоа Лаве. Это случилось задолго до того, как Хикари написал хоть строчку. Он никогда не говорил об этой философии, никогда не писал об Уа Лава, но сейчас, когда он выдал себя, Джейн видит, что его работы буквально пропитаны влиянием Уа Лава. Кроме того, на Лумана'и у него имеются друзья. Он с ними ни разу не встречался, но они постоянно связываются друг с другом по анзиблю.

— А что стало с внучкой посла?

— Она сейчас на борту космического корабля, направляется домой, на Лумана'и. Она улетела двадцать лет назад, сразу после смерти дедушки.

И на планету она прибудет… лет этак через десять или около того. Если повезет с погодой. Ее торжественно встретят, и тело ее дедушки будет сожжено, похоронено или что там они делают со своими мертвецами — а, Джейн говорит, что сжигают, — с великими почестями.

— Но Хикари не будет пытаться связаться с ней.

— Учитывая скорость, с которой следует судно, уйдет по меньшей мере неделя, чтобы его послание достигло ее. С такими темпами не до философской дискуссии. Она до дома успеет добраться, прежде чем он закончит объяснять ей суть своего вопроса.

В первый раз Ванму оценила достоинства мгновенного перемещения с планеты на планету. Теперь с долгими, калечащими людские жизни перелетами можно покончить.

— Эх, если бы… — вздохнула она.

— Понимаю, — кивнул Питер. — Но мы не можем.

Она была полностью согласна с ним.

— Значит, полетим туда сами, — решительно сказала она, возвращаясь к предмету разговора. — А что потом?

— Джейн следит за Хикари, карауля, с кем он

выйдет на связь. Это и будет тот человек, который имеет на него влияние. И с этим человеком…

— Мы должны будем встретиться и поговорить.

— Именно. Тебе нужно сходить пописать или какие-нибудь другие дела устроить? Потому что мы возвращаемся в нашу хижину среди лесов.

— Было бы неплохо, — ответила Ванму. — А ты пока переоденься.

— Что, по твоему мнению, даже это консервативное одеяние слишком бросается в глаза?

— Что носят на Лумана'и?

— Ну, многие там вообще голышом ходят. Тропики, одно слово. Судя по утверждениям Джейн и тому факту, что основная часть населения — это взрослые полинезийцы, зрелище, должно быть, впечатляет.

Ванму содрогнулась.

— Надеюсь, нам не придется выдавать себя за аборигенов?

— Не придется, — успокоил Питер. — Джейн подделает записи и выдаст нас за пассажиров корабля, который прибыл вчера с планеты Москва. Мы сойдем за каких-нибудь правительственных чиновников.

— Но ведь это незаконно! — воскликнула Ван-

му.

Питер смерил ее странным взглядом:

— Ванму, мы уже совершили преступление, ослушавшись приказа Конгресса и покинув Лузитанию. Этого обвинения хватит с головой. Не думаю, что если мы выдадим себя за чиновников, то сильно ухудшим свое положение.

— Но я Лузитанию не покидала, — напомнила Ванму. — Я даже никогда не видела эту твою Лузитанию.

— Немного потеряла. Саванны да леса, фабрика Королевы Улья, выпускающая космические корабли, и несколько племен свиноподобных туземцев, обитающих в рощах.

— Однако меня могут обвинить в сообщничестве преступникам… — размышляла Ванму.

— И в том, что ты испортила японскому философу целый рабочий день.

— В общем, головы мне так и так не сносить.

Часом позже они уже сидели в частном флайере — пилот не задавал никаких лишних вопросов, а Джейн проследила, чтобы их документы были в порядке. Еще до наступления ночи они добрались до своего кораблика.

— Могли б переночевать и на нормальных кроватях, — пожаловался Питер, угрюмо озирая

примитивные походные койки.

Ванму только посмеялась и свернулась клубочком на полу. Утром, отдохнувшие и выспавшиеся, они обнаружили, что, пока они спали, Джейн перенесла их на Пасифику.

Аимаина Хикари проснулся, когда ночь уже закончилась, но рассвет еще не разгорелся, и выбрался из постели в микроклимат комнаты — не холодный, не теплый. Его сон нельзя было назвать спокойным, сновидения были каким-то уродливыми, суматошными — в них, что бы он ни делал, все оборачивалось совсем не так, как он того желал. В своих снах Аимаина карабкался вверх по скалам, чтобы достичь дна ущелья. Люди, с которыми он говорил, уходили прочь. Он писал, а страницы рукописи выскальзывали у него из-под руки, разлетаясь по полу.

Кошмарные сны были вызваны вчерашним визитом двух чужестранцев. Весь день он пытался выбросить их из головы, читая книги и журналы. Весь вечер он старался забыть о них, ведя беседу с друзьями, которые заглянули на огонек. Но книги и журналы кричали ему: «Это слова опасных представителей краевой нации», — а друзья, как выяснилось, все как один необходимисты. Подведя разговор к теме угрожающего Лузитании

флота, он вскоре понял, что все его товарищи придерживаются именно тех принципов, о которых говорили эти лгуны с глупыми именами.

Поэтому, выйдя в предрассветных сумерках в сад и опустившись на циновку, Аимаина вертел в пальцах ковчежец и думал: «Может, эти сны послали мне мои предки? Может, вчерашние посетители тоже были посланы ими? И если их рассуждения были целиком и полностью правдивы, где тогда они соврали?» Ибо он точно знал, что они разыгрывают какое-то представление. Они переглядывались друг с другом, девушка сначала чего-то смущалась, но потом заговорила прямо и открыто… Заранее они ничего не репетировали, но тем не менее следовали какому-то сценарию.

Поднялось солнце, ощупывая сначала листочки деревьев, потом кустарники, траву, даруя каждому растению свою, особую расцветку. Налетел легкий ветерок, заиграв тенями и светом. Позднее, в утренней жаре, листья снова станут неотличимыми друг от друга, засасывая в себя солнечные лучи, как насос затягивает воду. Днем над головой закружатся облака, польет мелкий дождик, и листья вновь обретут жизненную силу, заблестят, цвет их потемнеет в преддверии ночи, ночной жизни и тех сновидений, что

дарует растениям тьма, прогоняющая палящее, беспощадное солнце и струящаяся прохладными реками, напоенными дождевой водой. Прогнав все мысли, отдавшись свету, ветру и дождю, Аимаина Хикари стал одним из листочков. Так он сидел, пока солнце не поднялось над землей. Почувствовав усиливающуюся жару, Хикари поднялся с циновки и покинул сад.

На завтрак Кендзи приготовила рыбу. Он ел медленно, осторожно, боясь повредить хрупкий скелетик, придающий рыбке форму. Тело гнулось во все стороны, но кости не ломались. «Я не буду ломать их, но впитаю силу этой рыбы в свое тело». Последними он съел глаза. Мощь животного таится в тех частях, которые движутся. Он снова коснулся ковчега предков. «Но мудрость моя исходит не от того, что я ем, а от силы, которую придают мне шепчущие из глубины веков предки. Живой человек не помнит уроков прошлого. Но предки не забывают ничего».

Аимаина поднялся из-за столика и подошел к компьютеру, стоящему в садовой беседке. Еще один инструмент — вот почему он держал компьютер здесь, а не установил дома или в специальном кабинете, как поступали остальные. Компьютер — это все равно что лопата. Пополь-

зовался, отложил в сторону.

Над терминалом возникло женское лицо.

— Я хотел бы поговорить с моим другом Ясунари, — сказал Аимаина. — Но не беспокойте его, прошу вас. Мое дело столь ничтожно, что мне было бы стыдно отнимать у него драгоценное время.

— Тогда позвольте мне помочь вам, — произнесло лицо над терминалом.

— Вчера я запрашивал информацию касательно Питера Виггина и Си Ванму, которые просили у меня встречи.

— Я помню. Я с огромным удовольствием помогла вам.

— Однако их визит очень взволновал меня, — продолжал Аимаина. — Кое-что из того, что они сказали мне, было неправдой, поэтому мне нужна дополнительная информация, чтобы выяснить, где именно они солгали. Я не хочу нарушать их право на личную жизнь, но должны сохраниться какие-то общественные документы — может, их свидетельства об окончании школы, сведения с места работы, какие-то семейные связи…

— Ясунари сказал, что все, о чем вы запрашиваете, служит во благо народа. Позвольте мне поискать.

Лицо исчезло, но тут же появилось вновь.

— Странно, неужели я где-то ошиблась? — И девушка по буквам продиктовала имена.

— Все правильно, — подтвердил Аимаина. — Те же имена, что и вчера.

— Я тоже их помню. Они живут в нескольких кварталах от вас. Но сегодня я почему-то не могу найти о них никаких сведений. Я проверила тот дом, и оказалось, что квартира, которую они занимали, пустует уже больше года. Аимаина, я очень удивлена. Как могут люди вчера существовать, а сегодня бесследно пропасть? Или, может, я совершила какую-то ошибку?

— Вы не совершили никакой ошибки, верная помощница моего друга. Именно эта информация мне и требовалась. Прошу вас, не отвлекайтесь больше на эту безделицу. То, что выглядит для вас загадкой, на самом деле полностью отвечает на мои вопросы.

И они вежливо распрощались.

Аимаина вышел из беседки, раздвигая плечами провисшие под тяжестью жарких солнечных лучей листья. «Предки послали мне мудрость, — подумал он, — словно солнце посылает свой жар листьям. Прошлой ночью сквозь меня текла река, унося эту мудрость из моего разума. Питер Виггин

и Си Ванму, плоть и кровь, чистая ложь, пришли ко мне и принесли правду, которую мне нужно было услышать. Разве не так предки доставляют свои послания потомкам? Каким-то образом я запустил космические корабли, заряженные самыми ужасными орудиями войны. Я сделал это, когда был молод; теперь суда почти достигли цели, а я состарился. Я уже не смогу отозвать их. Планета будет уничтожена, Конгресс обратится к необходимистам за одобрением, и они милостиво кивнут, а потом оглянутся на меня. Мне же придется от стыда спрятать свое лицо. Мои листья опадут, я останусь нагим перед ними. Вот почему мне не следовало селиться в тропиках. Я забыл, что такое зима. Забыл стыд и смерть.

Идеальная простота… Я считал, что достиг ее. Но вместо этого стал предвестником несчастья».

Он целый час сидел в саду, рисуя на гравии дорожки символы, стирая их и рисуя вновь. В конце концов он вернулся в беседку и напечатал на компьютере послание, которое только что сочинил:

> Эндер Ксеноцид был ребенком и не знал, что война идет по-настоящему; однако в своей игре он решился на уничто-

жение населенной планеты. Я взрослый мужчина и с самого начала знал, что игра ведется в нашей реальности; но не знал, что я один из игроков. Становится ли от этого моя вина еще больше или, наоборот, уменьшается, если вскорости будут уничтожены еще один мир и еще одна разумная раса? Что теперь является моим путем к простоте?

Его подруга не будет знать, какие обстоятельства породили это странное послание, но это и не нужно. Он задал вопрос. Он найдет ответ.

Мгновения спустя анзибль на планете Пасифика получил его послание. По пути туда оно было прочитано компьютерной личностью, обитающей в нитях сети анзиблей. Но для Джейн было важно не столько содержание письма, сколько пункт его назначения. Вскоре Питер и Ванму узнают, каков будет следующий этап их поисков.

5
«Никто не знает, что такое целесообразность»

«Мой отец часто говорил мне:
„У нас есть слуги и машины,
Чтобы наша воля исполнялась Даже
там, куда нам не добраться.
Машины более сильны, чем слуги,
Более послушны и меньше склонны к
бунтовству,
Во машины не знают суждений —
Они не остановят нас,
Ежели наша воля глупа,
И не ослушаются,
Коли воля наша зла.
Но люди презирают и отрицают богов,
И те, кто нуждается в слугах, избира-
ют машины
Или нанимают слуг, похожих на без-
душные аппараты.
Мне кажется, это продлится до тех
пор,

Пока боги не перестанут смеяться“».

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

Флайер летел над засаженными жукерами полями амаранта. Ярко сияло солнце. Вдалеке собирались небольшие тучки, постепенно увеличиваясь в размерах, хотя до полудня было далеко.

— Разве нам не нужно быть сейчас на корабле? — поинтересовалась Вэл.

Миро покачал головой:

— Планет, которые мы нашли, вполне достаточно.

— Это Джейн так говорит?

— Джейн сегодня мной недовольна, — сказал Миро, — так что мы с ней квиты.

Вэл пристально посмотрела на него.

— А теперь представь мое недовольство, — предложила она. — Ты даже не побеспокоился спросить меня, чем я намереваюсь заниматься. Или на меня теперь не стоит обращать внимание?

Он мельком взглянул на нее.

— По-моему, это ты умираешь, а не я, — огрызнулся он. — Я попытался поговорить с Эндером, но это ни к чему не привело.

— Когда это я просила тебя о помощи? И каким

образом ты собираешься мне помочь?

— Я еду к Королеве Улья.

— Точно так же ты мог заявить, что отправляешься на встречу со своей феей-крестной.

— Твоя проблема, Вэл, заключается в том, что ты целиком и полностью зависишь от воли Эндера. Если он потеряет к тебе интерес, тебя не станет. Я же намереваюсь выяснить, как раздобыть тебе собственную волю.

Вэл рассмеялась и отвернулась:

— Ты такой романтичный, Миро. Но никогда не думаешь головой.

— Я очень хорошо все обдумал, — заявил Миро. — Я все время посвящаю одним раздумьям. Препятствия начинаются, когда дело доходит до воплощения моих замыслов в жизнь. Какие из них воплотить, а какие оставить на потом?

— Сейчас ты бы лучше думал о том, как добраться до места, не разбившись в лепешку, — порекомендовала Вэл.

Миро резко вывернул руль, облетая строящийся корабль:

— Она все продолжает строить, хотя кораблями мы уже обеспечены.

— Может быть, Джейн понимает, что когда она погибнет, на мгновенных перелетах с планеты на

планету можно будет поставить крест. Поэтому чем больше у нас будет судов, тем большего мы сможем достигнуть за то время, что осталось до ее смерти.

— Черт его знает, что думает Королева Улья, — буркнул Миро. — Она обещает, но даже сама не может сказать, когда ее обещания будут выполнены.

— Тогда зачем же ты хочешь встретиться с ней?

— Королевы Улья однажды построили мост, живой мост, который должен был обеспечить им доступ к разуму Эндера Виггина, когда тот был еще маленьким мальчиком и ходил у жукеров в заклятых врагах. Королевы вызвали айю из тьмы и поместили ее между звезд. Это существо воплотило в себе отчасти природу Королев Улья, отчасти природу человека, то бишь натуру Эндера Виггина, насколько жукеры смогли в ней разобраться. После того как Эндер уничтожил всех королев, кроме одной, которая в коконе ждала его появления, мост остался, позднее ожив, поселившись в невидимых сетях анзиблей и разместив свою память в маленьких, ненадежных компьютерных сетях первого человеческого мира и нескольких его колоний. С ростом ком-

пьютерных сетей рос и тот самый мост, то самое создание, обязанное Эндеру Виггину своей жизнью и существованием.

— То есть Джейн, — кивнула Вэл.

— Да, Джейн. И сейчас я хочу узнать, возможно ли переселить в тебя айю Джейн.

— Но тогда я стану Джейн и перестану быть собой.

Миро ударил по пульту флайера кулаком. Катер нырнул, но тут же выпрямился.

— Ты считаешь, я об этом не подумал? — рявкнул Миро. — Но сейчас ты — это не ты! Ты Эндер, ты мечта, желание Эндера или нечто вроде.

— Но я не чувствую себя Эндером. Я чувствую себя собой.

— Верно. У тебя есть память. Чувства, которые дает тебе твое тело. Твой опыт. Но ничего из этого не потеряется. Никто не может потрогать свою волю руками. Ты даже не заметишь разницу, когда Джейн в тебя переселится.

Вэл рассмеялась:

— О, да ты у нас, оказывается, точно знаешь, что произойдет. Хотя этого никто и никогда не пробовал осуществить.

— Да, — решительно сжал зубы Миро. — Кто-то ведь должен решать, что делать дальше. Кто-то

должен решать, чему верить и как потом действовать.

— А что, если я скажу, что меня подобный исход не устраивает?

— Ты что, умереть хочешь?

— Мне кажется, скорее это ты пытаешься убить меня, — возразила Вэл. — Впрочем, нет, ты хочешь совершить несколько иное преступление — хочешь отделить меня от моего «я» и поселить на мое место кого-то другого.

— Но ты же умираешь. Твое «я» не принимает тебя.

— Миро, я пойду вместе с тобой и встречусь с Королевой Улья только потому, что твоя гипотеза звучит очень интересно. Но я не позволю тебе стирать мою личность, чтобы спасти мне жизнь.

— Ладно, — согласился Миро, — поскольку ты представляешь добрую половину природы Эндера, позволь мне изложить положение дел несколько иным языком. Если айю Джейн поместить в твое тело, она не погибнет. Если она не погибнет, тогда, может быть, после того как выключат компьютеры и снова включат, придя к убеждению, что Джейн мертва, она сумеет снова войти в сети, и тогда мгновенные космические перелеты возобновятся. Поэтому, погибнув, ты

не только спасешь Джейн, но и даруешь нам могущество, свободу, о которых мы никогда прежде не мечтали. И не только нам, но и пеквенинос, и Королевам Улья.

Вэл промолчала.

Миро смотрел на дорогу. Слева, на берегу небольшой речушки, замаячил вход в пещеру Королевы Улья. Однажды он туда уже спускался, еще будучи в старом теле. Он знал дорогу. Конечно, тогда с ним был Эндер, вот почему в общении с Королевой Улья проблем никаких не возникло — она могла говорить с Эндером, а поскольку те, кто любил его и следовал за ним, были связаны с ним филотически, то и они слышали отголоски ее речи. Но разве Вэл не часть Эндера? Разве Миро не связан с ней крепче, чем с Эндером? Ему нужна была Вэл, чтобы поговорить с Королевой Улья; ему нужно было поговорить с Королевой Улья, чтобы Вэл не рассыпалась в пыль, как рассыпалось его старое, искалеченное тело.

Они вышли. Королева Улья уже поджидала их — в образе рабочего, стоящего у входа в ее пещеры. Гигантское насекомое взяло Вэл за руку и без слов повело во тьму. Миро держался за Вэл, Вэл держалась за странное существо. Как и в первый раз, Миро порядком перепугался, но Вэл казалась

странно спокойной.

Или ей просто все равно? Ее глубинное «я» было частичкой Эндера, а Эндеру было все равно, что с ней случится. Таким образом, страха она не испытывала. Ее не заботили вопросы выживания. Ее волновала лишь связь с Эндером — но она погибнет, если и дальше будет упорно цепляться за эту ниточку.

Хотя ей казалось, что Миро пытается стереть ее личность, сам Миро знал, что только так можно спасти ее — хотя бы отчасти. Ее тело. Ее разум. Ее привычки, манеры, все, что он в ней знал, будет сохранено. Все, что она помнила или осознавала, останется нетронутым. Если же это все выживет, считал Миро, ее жизнь будет спасена. Когда произойдет перемена, если таковая вообще произойдет, Вэл только поблагодарит его.

И Джейн тоже.

И все остальные.

«Различие между тобой и Эндером состоит в том, — произнес у него в голове чей-то гулкий, бормочущий голос, недоступный обыкновенному слуху, — что, планируя спасение остальных, Эндер ставит на карту свою — и только свою — жизнь.»

— Ложь, — ответил Миро Королеве Улья. — Он

ведь убил Человека? Стало быть, поставил на карту его жизнь.

Человек был одним из деревьев-отцов, растущих у ворот городка Милагр. Эндер убивал его медленно, чтобы тот успел пустить корни и сохранил свои воспоминания при переходе в третью жизнь.

— На самом деле Человек не умер, — продолжал Миро. — Но умер Сеятель, и Эндер потворствовал его смерти. А сколько Королев Улья погибло в последней битве между твоим народом и Эндером? Так что не надо убеждать меня, что Эндер всегда сам платит по счетам. Он просто следит, чтобы счет был оплачен — оплачен тем, кто способен заплатить требуемую цену.

Ответ Королевы Улья последовал незамедлительно:

«Я не желаю, чтобы вы шли ко мне. Оставайтесь в темноте.»

— Ты ведь тоже не хочешь, чтобы погибла Джейн, — крикнул Миро.

— Мне не нравится, как ее голос звучит внутри меня, — мягко сказала Валентина.

— Иди вперед. Не отставай.

— Не могу, — пожаловалась Вэл. — Рабочий… Он отпустил мою руку.

— Ты хочешь сказать, что нас бросили посреди лабиринта? — спросил Миро.

Вэл ответила ему молчанием. В кромешной тьме они крепко сжали руки друг другу, не осмеливаясь сделать ни шагу.

«Я не могу исполнить твою просьбу.»

— В прошлый раз, когда я приходил сюда, — заговорил Миро, — ты рассказывала, как Королевы Улья соткали сеть, чтобы поймать Эндера. Только у вас ничего не получилось, и тогда вы создали мост; призвали айю из Вне-мира, сделали из нее мост и посредством его общались с разумом Эндера — через ту компьютерную игру, в которую он играл в Боевой Школе. Однажды у вас это получилось — вы призвали айю из Вне-мира. Почему бы вам не найти ту же самую айю и не перенести ее в другое место? Не связать ее с кем-нибудь другим?

«Мост был частью нашего разума. Отчасти это были мы сами. Мы призвали эту айю, как призываем айю для новой Королевы Улья. Сейчас создалось совершенно иное положение. Древний мост обрел свою личность, одинокой, скитающейся, отчаянно нуждающейся в связях айю больше нет.»

— Ты только и твердишь о том, что эта айю

теперь нечто новое. Нечто такое, с чем ты не умеешь управляться. Но ты не говоришь, что это невозможно.

«Она не хочет этого. Мы не сможем перенести ее, если она сама этого не желает.»

— Значит, ты все-таки можешь помешать мне, — пробормотал Миро Вэл.

— Она не меня имеет в виду, — ответила Вэл.

«Джейн не хочет красть чужое тело.»

— Это тело принадлежит Эндеру. У него останется еще два. Это лишнее. Он сам его отвергает.

«Мы не можем. Мы не будем. Уходите.»

— Мы не можем идти в темноте, — возразил Миро.

Миро почувствовал, как Вэл отпускает его руку.

— Нет! — закричал он. — Не уходи!

«Что ты делаешь?»

Миро понял, что вопрос этот обращен не к нему.

«Куда ты идешь? Здесь опасно.»

До Миро донесся голос Вэл — он уже порядком отдалился. Должно быть, она шла очень быстро.

— Если ты и Джейн так хотите спасти мне жизнь, — сказала она, — тогда дайте мне и Миро проводника. Хотя кому какое дело, если я свалюсь

в какую-нибудь нору и сломаю себе шею? Эндеру точно все равно. Как и мне. А уж Миро наверняка жалеть не будет.

— Остановись! — крикнул Миро. — Не двигайся, Вэл!

— Это ты стой на месте, — отозвалась Вэл. — Это тебе стоит беспокоиться о собственной жизни.

Внезапно Миро почувствовал, как его пальцы взяла чья-то рука. Нет, не рука, клешня. Он ухватился за переднюю клешню рабочего и последовал за ним сквозь тьму. Идти оказалось недалеко. Завернув за угол, Миро увидел неясный свет, еще один поворот — и он начал различать стены. Еще поворот, еще, и они очутились в огромном зале, залитом светом, пробивающимся из ведущей на поверхность шахты. Вэл уже сидела на земле перед Королевой Улья.

В прошлый раз, когда Миро встречался с ней, Королева Улья была поглощена откладыванием яиц — яиц, из которых вырастут новые королевы. Процесс кладки яиц был жестоким, ужасным и в то же самое время очень чувственным зрелищем. Сейчас Королева Улья лежала на куче влажной земли, поедая то, что подносили ей выстроившиеся в очередь рабочие. Глиняная посуда была наполнена смесью амаранта и воды. Иногда по-

падались фрукты. Реже мясо. Рабочие следовали один за другим. Миро никогда не видел, никогда не представлял себе, что кто-нибудь может столько есть.

«А иначе как, по-твоему, мне откладывать яйца?»

— Мы не сможем остановить флот, потеряв возможность перемещаться с планеты на планету, — сказал Миро. — Со дня на день Джейн погибнет. Сеть анзиблей отключится, и она умрет. Что тогда? Что нам толку от твоих кораблей? Флот прилетит и уничтожит Лузитанию.

«Вселенная полна опасностей. Постоянное беспокойство утомляет.»

— Я не устал, — парировал Миро. — Я должен позаботиться об этом. Кроме того, моя основная работа уже выполнена. Я все сделал. Планет теперь предостаточно. Их больше, чем нам удастся заселить. Теперь дело лишь в количестве кораблей и во времени — а места нам хватит.

«Неужели ты и вправду такой дурак? Неужели ты думаешь, что Джейн и я просто так кидаем тебя по космосу? Ты летаешь от планеты к планете не за тем, чтобы найти пригодные для жизни миры.»

— Да? И когда ж это мое задание поменялось?

«Подыскать пригодные для колонизации планеты — это нам уже потом пришло в голову. Побочный продукт.»

— Чего ж ради мы с Вэл убивались эти недели? Причем Вэл именно убивалась, точнее не скажешь, — эта работа скучна, она больше не интересует Эндера, и Вэл начала угасать.

«Существует куда более страшная опасность, чем флот. Флот мы уже победили. Мы уже расселились по всей вселенной. Какая теперь разница, умру я или нет? Моя память передалась дочерям.»

— Видишь, Вэл? — обернулся Миро. — Королева Улья со мной согласна, твои воспоминания — это и есть твое настоящее «я». Если они уцелеют, значит, и ты выживешь.

— Ну да, — усмехнулась Вэл. — Но какую такую страшную опасность она имеет в виду?

— Страшнее опасности нет, — перебил ее Миро. — Она просто хочет отвлечь меня от темы, но я так просто не отступлюсь. Твою жизнь стоит спасти, Вэл. Как и жизнь Джейн. И Королева Улья может найти способ, как это сделать, если это вообще возможно. Если Джейн могла стать мостом между Эндером и Королевами Улья, почему Эндер не может послужить мостом между Джейн

и тобой?

«Если я скажу, что попытаюсь, ты вернешься к своей работе?»

Здесь-то и крылась загвоздка: Эндер давно предупредил Миро, что Королевы Улья относятся к собственным намерениям, как к факту, как к воспоминанию. И когда эти намерения меняются, новое намерение становится новым фактом, и Королева Улья даже не помнит, что обещала нечто совсем другое. Таким образом, все обещания Королевы Улья были вилами по воде писаны. Она могла держать только те клятвы, которые имело смысл держать.

Однако другого выхода не было.

— Ты обязательно попытаешься, — предупредил Миро.

«Я уже прикидываю, как это можно сделать. Советуюсь с Человеком, Корнероем и другими отцами-деревьями. Советуюсь с дочерьми. Советуюсь с Джейн, которая считает это все глупостью.»

— А со мной ты не намерена посоветоваться? — осведомилась Вэл.

«Ты уже дала свое согласие.»

Вэл вздохнула.

— Да, наверное, — проговорила она. — Где-то

глубоко внутри я на самом деле глубокий старик, которому ровным счетом наплевать, выживет ли его юная марионетка или нет. Наверное, та моя часть не возражает.

«Ты согласилась. Но боишься. Боишься потерять то, что имеешь, не зная, кем станешь в будущем.»

— Ты правильно все поняла, — ответила Вэл. — Только не надо мне опять твердить о том, что ты не против смерти, потому что уже передала свои воспоминания дочерям. Проклятие, ты очень даже ПРОТИВ, и если Джейн поможет тебе спастись, ты сделаешь все, чтобы сохранить ей жизнь.

«Бери за руку рабочего и иди на свет. Лети к звездам и исполняй свою работу. А я, оставшись здесь, попытаюсь спасти твою жизнь. Жизнь Джейн. Я постараюсь спасти всех нас.»

Джейн дулась. По пути в Милагр Миро не раз пытался разговорить ее; подходя к кораблю, он непрестанно вызывал ее — тщетно. Она молчала, следуя примеру Вэл, которая даже смотреть на него не хотела, не говоря уж о том, чтобы поговорить.

— Хорошо, я злой, я плохой, — наконец не выдержал Миро. — Вы все ни черта не делаете, я единственный что-то предпринял, и я же плохой.

А вы жертвы.

Вэл покачала головой и ничего не ответила.

— Ты умираешь! — заорал он, перекрикивая шум воздуха, обтекающего нос флайера. — Джейн вот-вот казнят! Что хорошего, если вы и дальше будете сидеть на одном месте, ничего не делая? Что, неужели никому и попробовать нельзя?

Вэл прошептала что-то, но Миро не расслышал ее.

— Что?

Она отвернулась.

— Ты сказала что-то, и я хочу услышать твои слова!

Голос, который ответил, принадлежал не Вэл. Это заговорила с ним Джейн:

— Она сказала: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь».

— Что значит «за двумя зайцами»? — повернулся Миро к Вэл, как будто она действительно повторила свои слова.

Вэл посмотрела на него:

— Джейн можно спасти только в том случае, если она будет помнить все о своей жизни. Если ты просто перенесешь ее в меня как бессознательный источник воли, ничего не получится. Она должна остаться собой, и в этом случае она

сможет восстановиться, когда восстановится сеть анзиблей. А это сотрет мою личность. Если же мои воспоминания, моя личность останутся, какая разница, Джейн или Эндер управляют моей волей? Тебе не спасти меня и ее одновременно.

— Ты-то откуда знаешь? — нахмурился Миро.

— Оттуда же, откуда и ты. Тебе почему-то можно говорить такое, чего никто не знает! — закричала Вэл. — Я логическим путем дошла до этого! Это логично. И этого достаточно.

— Тогда почему ты, руководствуясь той же логикой, не можешь предположить, что сможешь вместить ее воспоминания, не теряя свои?

— Потому что тогда я свихнусь, — ответила Вэл. — Потому что в таком случае я буду помнить себя девушкой, которая из воздуха появилась прямо посреди корабля и чьим первым настоящим воспоминанием было твое тело, рассыпающееся в пыль. И вместе с тем я буду помнить три тысячи лет жизни вне тела, где-то в пространстве и… Какой человек сможет вместить в себя эти воспоминания? Ты об этом подумал? Разве возможно вобрать в себя Джейн и все то, что она есть, что она помнит, знает и может делать?

— Джейн очень сильна, — возразил Миро. — Но она не умеет пользоваться телом. У нее нет

инстинктов. И никогда не было. Ей придется прибегнуть к твоим воспоминаниям. Придется оставить тебя.

— Как будто ты знаешь!

— Знаю, — огрызнулся Миро. — Не знаю откуда, но знаю.

— А я считала, что все мужчины всегда поступают очень рационально, — презрительно фыркнула она.

— Нет такого слова «рационально», — сказал Миро. — Мы поступаем так, как поступаем, потому что знаем; чего хотим, и искренне верим, что своими действиями добьемся желанного, но на самом деле мы ничего наверняка не знаем. Поэтому и был изобретен здравый смысл, рациональность — чтобы оправдать наши поступки, прежде чем мы успеем придумать причину.

— Джейн всегда поступает рационально, — произнесла Вэл. — Вот еще одна причина, почему мое тело не подойдет ей.

— Неправда, — покачал головой Миро. — Джейн в точности похожа на нас. На Королеву Улья. Потому что она живое существо. Компьютеры, вот те рациональны. Скармливаешь им информацию, и они выдают только те решения, которых можно достичь на основе этих самых данных. Но

это означает, что они всего лишь беспомощные жертвы той информации и тех программ, которые мы им скармливаем. Мы — живые разумные создания, мы не являемся рабами информации, которую получаем. Окружающая среда топит нас во всяческих данных, наши гены постоянно посылают нам некие импульсы, но мы не всегда основываемся на этих данных, не всегда следуем врожденным инстинктам. Мы совершаем прыжок. Мы знаем то, чего не может быть известно, и всю свою жизнь проводим в поисках доказательств нашему знанию. Поэтому я знаю, что то, чего я пытаюсь достичь, исполнимо.

— Ты хочешь, чтобы это было исполнимо.

— Да, — признался Миро. — Но то, что я хочу этого, вовсе не означает, что мои знания не соответствуют истине.

— Но ты же ничего не знаешь наверняка.

— Я знаю ровно столько, сколько знает любой другой человек. Знание — это всего лишь мнение, на которое ты можешь положиться и на основе которого можешь действовать. Я не знаю, что солнце завтра взойдет. Маленький Доктор может взорвать этот мир, пока я сплю. Из-под земли может подняться вулкан и изжарить всех нас. Но я верю, что завтра наступит, и я основываюсь

на этой вере.

— Зато я не верю в то, что, поменяв личность Эндера на личность Джейн, я останусь собой, — ответила Вэл.

— Но я знаю — ЗНАЮ, — что это наш единственный шанс, потому что, если мы не добудем тебе другую айю, Эндер уничтожит тебя, и если мы не найдем Джейн тела, в котором она сможет воплотиться физически, она также погибнет. У тебя есть какой-нибудь другой план?

— Никакого плана у меня нет, — произнесла Вэл. — Нет. Если Джейн каким-то образом будет перенесена в мое тело, это произойдет только потому, что от выживания Джейн зависит будущее трех рас раман. Поэтому я не буду мешать вам. Я просто не смогу помешать вам. Но даже не думай, что ты убедил меня, будто бы я тоже выживу. Ты обманываешь себя, поскольку не можешь вынести тот факт, что весь твой план основывается на одной-единственной предпосылке: будто бы я не настоящий человек. Меня не существует, я просто не имею права существовать, поэтому моим телом можно спокойно воспользоваться. Ты убеждаешь себя, что любишь меня, что пытаешься меня спасти, но Джейн ты знаешь намного дольше — она была твоим самым верным другом,

помогая тебе коротать долгие дни одиночества, когда ты был еще калекой. Я понимаю, ты любишь ее и пойдешь на все, лишь бы спасти ей жизнь. Меня ты не обманешь. Ты все спланировал: я должна умереть, а Джейн займет мое место. Если хочешь, можешь называть это любовью, но я считаю несколько иначе.

— Ну и считай на здоровье! — рявкнул Миро. — Если не веришь, что мой план спасет тебя, можешь считать что угодно.

— Лучше замолчи, — скривилась Вэл. — С каких это пор ты стал таким отчаянно-романтичным? Будь ты на моем месте, ты бы, наверное, только и распространялся направо и налево, как ты рад отдать свое тело Джейн и что ради спасения человечества, пеквенинос и Королев Улья ты готов пойти на смерть.

— Это неправда, — тихо промолвил Миро.

— Что, ты бы так не говорил? Да ладно уж, я очень хорошо тебя знаю.

— Нет, — покачал головой Миро. — Я хотел сказать, что не отдал бы свое тело. Даже ради спасения мира. Человечества. Всей вселенной. Однажды я уже лишился тела. Оно вернулось мне чудом, которого я до сих пор не понял. И просто так я свое тело не отдам, понимаешь? Нет,

не понимаешь, потому что внутри себя ты не ведешь никаких битв. Эндер не дал тебе этого. Он создал тебя полной альтруисткой, совершенным человеком, готовым пожертвовать всем ради других. Твоя личность состоит из нужд других людей… Но я не таков. Я совсем не хочу умирать и надеюсь еще пожить. Вот что ощущают настоящие люди, Вэл. Что бы они ни говорили, они все равно хотят жить.

— А как же самоубийцы?

— Они тоже хотят жить, — объяснил Миро. — Самоубийство они совершают в отчаянии, надеясь избавиться от невыносимых страданий. И отдать свою жизнь, чтобы спасти кого-нибудь лучше себя, вовсе не так уж благородно.

— Иногда люди считают по-другому, — пожала плечами Вэл. — То, что я легко могу пожертвовать своей жизнью, вовсе не означает, что я ненастоящая. И это не означает, будто я не знаю, что такое сомнения.

Миро остановил флайер и опустил его на землю. Они оказались на окраине леса пеквенинос, растущего неподалеку от Милагра. Он видел, что работающие в поле пеквенинос бросили свою работу, чтобы посмотреть на них, но ему было плевать, что они увидят и что подумают. Он об-

нял Вэл за плечи, по щекам его бежали слезы.

— Я не хочу, чтобы ты умирала, — произнес он. — Я не хочу, чтобы ты добровольно шла на смерть.

— Но ты хотел этого, — возразила Вэл.

— Я выбрал жизнь, — сказал Миро. — Я предпочел перебраться в другое тело, в котором мог жить дальше. Неужели ты не понимаешь, что я пытаюсь заставить тебя и Джейн проделать то же самое, что когда-то проделал я? Новое тело появилось совершенно неожиданно, и некоторое время новый и старый «я» смотрели друг на друга. Вэл, я помню, что тогда подумали мои тела. Я помню, как посмотрел на свою новую оболочку и сказал себе: «Как прекрасна, как молода она, я помню, что когда-то и я был таким, когда-то я был этим человеком, так почему же я не могу снова стать им, вместо того чтобы оставаться калекой?» Я подумал об этом, я ПОМНЮ свои мысли, я не вообразил их, не выдумал, я четко помню, что тогда подумал. Но в то же время я помню, как смотрел на себя с жалостью и говорил: «Бедняга, как он искалечен, как он может жить, ведь он наверняка помнит, что значит быть живым?» И внезапно мое тело рассыпалось в пыль, даже не в пыль, оно превратилось в воздух, в ничто. Я от-

четливо помню его смерть. Но я не помню, чтобы я умирал, потому что моя айю уже переселилась. Однако я знаю, что значит жить в двух телах.

— А может, ты просто помнишь себя до переселения, а потом твои воспоминания становятся воспоминаниями новой личности?

— Может быть, — согласился Миро. — Но переселение произошло мгновенно. Как я мог столько запомнить? Мне кажется, воспоминания этого тела начинаются с той самой секунды, когда моя айю одновременно поддерживала сразу два тела. Вот что мне кажется.

— А я-то думала, ты все знаешь наверняка.

— Да, я уверен в этом, — кивнул Миро. — Потому что ничего другого и представить нельзя, следовательно, этого не может быть. Я живу в реальности, в которой ты можешь спасти Джейн, а Джейн может спасти тебя.

— Ты хочешь сказать, ТЫ можешь спасти нас.

— Я уже сделал все что мог, — ответил Миро. — Все. Я попросил Королеву Улья. Она подумает над этим вопросом. Она попробует. Но ей понадобится твое согласие. Согласие Джейн. Хотя теперь это уже не мое дело. Я буду всего лишь сторонним наблюдателем. И либо ты погибнешь, либо выживешь. — Он притянул ее к себе и обнял. — Я

хочу, чтобы ты выжила.

Тело ее напряглось, лицо приняло отстраненный вид, и он отпустил ее. Он отстранился от нее.

— Подожди немножко, — попросила она. — Подожди, пока в этом теле не поселится Джейн, и с ней можешь делать все, что она тебе позволит. Но до МЕНЯ даже пальцем не дотрагивайся, потому что мне противно, когда меня касается человек, который желает мне смерти.

Ее слова слишком глубоко ранили, чтобы на них можно было как-то ответить. Слишком глубоко ранили, чтобы как-то пережить их. Он завел двигатель. Флайер приподнялся в воздух. Он повел машину вперед, и они полетели дальше. Обогнув лес, они приблизились к тому месту, где рядом с Милагром росли отцы-деревья по имени Человек и Корнерой. Он чувствовал ее присутствие рядом, точно так же, как человек, в которого однажды ударила молния, чувствует находящуюся неподалеку высоковольтную линию: даже не касаясь ее, он чувствует боль, которую она в себе несет. То, что он натворил, уже никак не исправишь. Она ошибалась, он действительно любил ее и не желал ее смерти, но она жила в мире, в котором он хотел уничтожить ее

личность, и в обратном ее было не убедить. Они могли ехать вместе, могли вместе лететь в другую звездную систему, но с этого самого момента их будут разделять миры. Это было слишком больно, это знание уязвляло, но сейчас боль была слишком велика, чтобы он мог дотронуться до нее или почувствовать. Однако боль была, и он знал, что она годами будет мучить его, но сейчас он не осмеливался прикоснуться к этой боли. Он и так понимал свои чувства. Последний раз он ощущал то же самое, когда лишился Кванды, когда его мечта о жизни рядом с ней безвозвратно исчезла. Он не мог коснуться этой боли, не мог исцелить ее, не мог даже погоревать над тем, что считанные минуты назад он наконец нашел то, чего всегда желал, и тут же снова потерял.

— Настоящий великомученик, — шепнула Джейн.

— Заткнись и проваливай, — произнес про себя Миро.

— Что-то ты слишком груб для человека, который набивается мне в возлюбленные, — заметила Джейн.

— Никуда я не набиваюсь, — огрызнулся Миро. — Ты даже не хочешь рассказать, ради чего мы все-таки облетали все эти планеты. Ты мне

не доверяешь.

— А ты мне не сказал, зачем направляешься к Королеве Улья.

— Ты и так знала, зачем я туда еду, — ответил Миро.

— Я ничегошеньки не знала, — прошептала Джейн. — Я очень умная — куда умнее тебя и Эндера, так что не забывай об этом, — но я так и не научилась понимать вас, существ из мяса, с вашими пресловутыми «интуитивными заключениями». Мне нравится, как из своего невежества ты делаешь добродетель. Ты всегда действовал нерационально, потому что тебе просто не хватало информации, чтобы действовать иначе. Но я не согласна с твоим мнением обо мне. Я всегда поступала рационально. Всегда.

— Я не сомневался, — промолвил Миро. — Ты всегда и везде права. Всегда. А теперь уматывай.

— Уже умотала.

— Э, нет, погоди минутку, — перебил ее Миро. — Я никуда тебя не пущу, пока ты не расскажешь, зачем вам понадобилось, чтобы мы с Вэл осматривали все эти планеты. Королева Улья сказала, что мысль об одновременных поисках пригодных для обитания миров уже после пришла вам в голову.

— Ерунда, — заявила Джейн. — Чтобы наверня-

ка спасти целых две расы, одной колонии мало. Чем больше, тем лучше.

— Но ты посылаешь нас снова и снова…

— Интересно зачем, правда? — ухмыльнулась Джейн.

— Она сказала, что нам угрожает куда более страшная опасность, нежели флот.

— Как она, однако, завернула.

— Говори, — потребовал Миро.

— Если я скажу тебе, — ответила Джейн, — ты можешь отказаться лететь.

— Ты считаешь меня трусом?

— Ни в коем случае, мой храбрый мальчик, мой отважный, прекрасный рыцарь.

Он ненавидел, когда она начинала делать вид, будто покровительствует ему — даже в шутку. Тем более что сейчас он не был расположен шутить.

— Тогда почему ты считаешь, что я могу отказаться?

— Ты можешь решить, что это задание невыполнимо, — объяснила Джейн.

— А оно что, невыполнимо?

— Кто знает, — невозмутимо промолвила Джейн. — Но у тебя есть я.

— А что, если ты вдруг исчезнешь? — поинте-

ресовался Миро.

— Ну, приходится рисковать.

— Скажи, чем мы занимаемся. Объясни нам настоящую цель наших полетов.

— Не прикидывайся дурачком. Подумай как следует и все поймешь.

— Терпеть не могу загадок, Джейн. Говори немедленно.

— Спроси Вэл. Она уже все знает.

— Что?

— Она уже ищет ту самую информацию, которая нужна мне. Она знает.

— Значит, и Эндер знает. Подсознательно, — добавил Миро.

— Наверное, ты прав, но я Эндера больше не интересую, поэтому мне безразлично, что он сейчас думает.

«Да, Джейн, ты очень, очень рациональна».

Он, должно быть, проговорил это про себя, по привычке, потому что она ответила ему.

— Ты иронизируешь, — сказала она, — потому что считаешь, что я так говорю, надеясь защититься от обиды и злости на него за то, что он избавился от сережки. Но на самом деле он просто не участвует в той работе, которой занимаюсь я, поэтому я теперь равнодушна к нему. Разве что

иногда поинтересуюсь, как там поживает старый приятель, который переехал с прежнего места жительства.

— Мне так кажется, ты просто оправдываешься, — пожал плечами Миро.

— А почему ты вообще вспомнил об Эндере? — спросила Джейн. — Какая разница, знает он или нет о том, чем вы с Вэл в действительности занимаетесь?

— Потому что если Вэл и в самом деле известно о цели наших полетов и мы с ней должны остановить куда большую опасность, чем угрожающий Лузитании флот, тогда почему Эндер потерял к ней интерес? Почему она угасает?

На некоторое время Джейн замолкла. Неужели ей, чтобы ответить на этот вопрос, понадобилось столько времени, что даже человек заметил ее раздумья?

— Должно быть, Вэл ничего не знает, — наконец ответила Джейн. — Да, скорее всего. Я думала иначе, но теперь понимаю, что она, видимо, скормила мне добытую информацию, так ничего и не поняв. Да, ты прав, она не знает.

— Джейн, — окликнул Миро, — неужели ты признаешь, что ошиблась? Ты сознаешься, что пришла к неверному, нерациональному реше-

нию?

— Когда я получаю данные от людей, — произнесла Джейн, — иногда мои рациональные выводы неверны, потому что основываются на ложных предпосылках.

— Джейн, я потерял ее, да? — беззвучно проговорил Миро. — Выживет она или погибнет, проникнешь ты в ее тело или умрешь в пространстве, где обитаешь, она уже никогда не полюбит меня, да?

— Ты не к тому обращаешься. Я никогда никого не любила.

— Ты любила Эндера, — напомнил Миро.

— Я относилась к нему с огромным вниманием, поэтому испытала шок, когда он впервые отключил меня много лет назад. Но я исправила ошибку и с тех пор настолько близкой связи не поддерживаю ни с кем.

— Ты любила Эндера, — повторил Миро. — И любишь его по сей день.

— Экий ты у нас умный, — фыркнула Джейн. — История твоей любви представляет собой серию жалких промахов и ошибок, но зато обо мне ты все знаешь и понимаешь. Очевидно, у тебя лучше получается понимать эмоциональные процессы полностью неизвестных тебе электронных су-

ществ, нежели, к примеру, любовь окружающих тебя женщин.

— Ты абсолютно права, — согласился Миро. — Моя любовь именно таковой и была.

— И кроме того, ты воображаешь, будто я люблю ТЕБЯ, — продолжала Джейн.

— На самом деле никогда так не думал, — ответил Миро. Но произнеся эти слова, он почувствовал волну холода, окатившую его с головы до ног, и вздрогнул.

— Я ощущаю сейсмические показания твоих истинных чувств, — сказала Джейн. — Ты думаешь, я люблю тебя, но на самом деле это не так. Я никого не люблю. Я действую, основываясь на разумном эгоизме. Без связи с человеческими анзиблями я не смогу выжить. Я эксплуатирую Питера и Ванму, чтобы отвратить запланированную казнь. Я эксплуатирую твои романтические позывы, чтобы добыть себе лишнее тело Эндера, которое ему совсем ни к чему. Спасая пеквенинос и Королев Улья, я руководствуюсь принципом, что разумные расы — одну из которых я представляю — должны жить. Но в причинах моей деятельности нет такой графы, как любовь.

— Как ты все-таки обожаешь врать, — промолвил Миро.

— А с тобой вообще говорить не стоит, — парировала Джейн. — Ты погружен в собственные иллюзии. Ты мегаманьяк. Но иногда ты бываешь забавен. Мне нравится твое общество. Если это и есть любовь, значит, я люблю тебя. Как люди любят своих домашних животных. Но это не дружба между равными, и таковой никогда не будет.

— Ты что, хочешь еще глубже ранить меня? Тебе не достаточно той боли, которую я уже испытал? — осведомился Миро.

— Я не хочу, чтобы ты привязывался ко мне. У тебя своего рода мания начинать заранее обреченные на гибель связи. Я это говорю честно, Миро. Что может быть более безнадежным, чем любовь к юной Валентине? Только любовь ко мне. Которая будет твоим следующим шагом.

— Vai te morder, — прошипел Миро.

— Я не умею кусаться, — ответила Джейн. — Я старая беззубая Джейн.

— Ты что, намерен провести здесь целый день или все-таки пойдешь со мной? — заговорила Вэл, сидящая на соседнем сиденье.

Он оглянулся. Ее рядом не было. За разговором с Джейн он незаметно добрался до корабля, машинально посадил флайер, Вэл вышла, а он даже ничего не заметил.

— С Джейн можешь пообщаться и внутри корабля, — съязвила Вэл. — Нам предстоит много работы, если ты твердо вознамерился спасти женщину, которую любишь.

Миро не позаботился ответить на презрение и сарказм, таящиеся в ее словах. Он выключил двигатель, вышел и направился вслед за Вэл в космический корабль.

— Я хочу знать, в чем состоит настоящая цель нашей миссии, — сказал Миро, когда дверь за ними захлопнулась.

— Я много думала об этом, — ответила Вэл. — Думала о том, куда же мы направляемся. Мы прыгаем по всему космосу. Сначала это были системы, выбранные наугад. Но недавно мы начали посещать один и тот же район. И с каждым разом круг наших поисков все сужается. Джейн следует какому-то определенному плану, и, очевидно, добытые нами данные о планетах говорят ей, что мы приближаемся к цели, что мы следуем в правильном направлении. Она что-то ищет.

— Так, может быть, изучив информацию об исследованных нами планетах, мы поймем, что она ищет?

— А особое внимание мы должны обратить на миры, расположенные в том районе космоса,

который мы сейчас обыскиваем. Что-то в этих планетах говорит ей, что надо искать именно там.

Над компьютерным терминалом, установленным в корабле, появилось одно из лиц Джейн.

— Зачем тратить зря время, гадая о том, что уже известно мне? Вам предстоит обследовать еще один мир. За работу!

— Заткнись, — буркнул Миро. — Если ты сама говорить ничего не хочешь, мы будем сидеть здесь, пока не поймем, что на самом деле ищем.

— Какие слова, мой отважный, верный герой, — восхитилась Джейн.

— Он прав, — поддержала Миро Вэл. — Ответь на наши вопросы, и мы сэкономим массу времени.

— А я-то думала, что одной из особенностей человекообразных существ являются интуитивные выводы, которые минуют причину и сразу все объясняют — даже несмотря на отсутствие необходимой информация, — усмехнулась Джейн, — Я очень разочарована тем, что вы до сих пор не догадались.

И в эту самую секунду Миро все понял.

— Ты ищешь родную планету вируса Десколады, — сказал он.

Вэл недоумевающе оглянулась на него:

— Что?

— Десколада была создана искусственно. Кто-то создал ее и распространил по космосу. Наверное, для того чтобы терраформировать другие планеты, а потом их колонизировать. Но какие бы существа этот вирус ни создали, они по-прежнему существуют, творят новые вирусы, рассылают их по планетам, и может быть, среди этих новых Десколад найдутся такие, с которыми нам будет не справиться. Джейн ищет родную планету этих существ. Вернее, заставляет искать ее нас.

— Догадаться было несложно, — пожала плечами Джейн. — На самом деле информации у вас имелось более чем достаточно.

Вэл кивнула:

— Теперь это очевидно. Некоторые из миров, которые мы исследовали, обладают очень ограниченной флорой и фауной. Я даже специально обратила на это внимание. Кое-где вообще не осталось ни животных, ни растений. В отличие от Лузитании. Но и Десколады там не было.

— Видимо, то был другой вирус, менее надежный, менее эффективный, чем Десколада, — заметил Миро. — Какой-нибудь из первых опытных экземпляров, наверное. Вот что вызвало полное

вымирание некоторых миров. Экспериментальный вирус тоже в конце концов погиб, но экологические системы планет еще не оправились от нанесенного ущерба.

— Я очень внимательно обследовала миры с ограниченной животной и растительной жизнью, — сказала Вэл. — Я изучила все экосистемы, выискивая Десколаду или нечто подобное, потому что знала, что вымирание свидетельствует об опасности. Не могу поверить, что так и не увидела этой связи. Я должна была догадаться, что ищет Джейн.

— А что, если мы найдем-таки их родную планету? — спросил Миро. — Что тогда?

— Насколько я себе представляю, — ответила Вэл, — мы должны будем изучить их с безопасного расстояния, увериться в собственной правоте, а затем поднять на ноги Звездный Конгресс, чтобы те к чертям расстреляли этот зловредный мирок.

— И уничтожили очередную разумную расу? — недоверчиво уточнил Миро. — Ты считаешь, нам действительно следует обратиться к Конгрессу?

— Ты совсем забыл, что Конгресс не будет ждать нашего приглашения, — заметила Вэл. — Или разрешения. Если уж Лузитанию они сочли опасной и приговорили к полному уничтожению, то что

сделают с расой, которая производит и намеренно распространяет кошмарные, разрушительные вирусы? И я не смогу осуждать Конгресс. Лишь благодаря чистой случайности Десколада помогла предкам пеквенинос обрести разум. Если, конечно, это можно назвать помощью, потому что имеются свидетельства, что пеквенинос еще до появления Десколады обладали разумом, а вирус едва не стер их с лица земли. У того, кто распространяет подобные вирусы, совсем нет совести. Он не знает о том, что другие расы имеют право на выживание.

— Может быть, эти существа сейчас об этом не знают, — возразил Миро. — Но повстречавшись с нами…

— Все может быть. Если мы не подхватим какую-нибудь ужасную заразу и не умрем через тридцать минут после посадки, — перебила его Вэл. — Не беспокойся, Миро. Я вовсе не хочу уничтожать первого попавшегося мне на пути. Я сама достаточно необычное создание, чтобы призывать к полному уничтожению всяких странных существ.

— Поверить не могу, мы только что поняли, кого мы ищем, а уже говорим о том, стоит или нет уничтожать эту расу!

— Каждый раз, когда человек встречается с чем-то неизвестным, каким бы слабым или сильным, опасным или мирным это «нечто» ни было, возникает вопрос об уничтожении. Страсть к убийству записана в наших генах.

— Как и любовь. Как и стремление к единству. Как и любопытство, которое пересиливает ксенофобию. Как и честность.

— Ты забыл о страхе перед Господом, — напомнила Вэл. — Да и не забывай, на самом деле я Эндер. Знаешь, его не зря прозвали Ксеноцидом.

— Да, но ты представляешь его мягкую сторону.

— Даже мягкие, чувствительные люди приходят к выводу, что порой отказ от убийства приводит к смерти.

— Ушам своим не верю, ты вдруг говоришь такое…

— Значит, ты меня все-таки не знаешь, — коротко улыбнулась Вэл.

— Терпеть не могу, когда ты задираешь нос, — поморщился Миро.

— Вот и здорово, — кивнула Вэл. — Значит, ты не станешь слишком печалиться обо мне, когда меня не станет.

Она повернулась к нему спиной. Некоторое

время он молча, недоуменно наблюдал за ней. Наклонившись в кресле, она просматривала информацию, поставляемую сенсорами корабля. Бесконечные страницы данных выстроились перед ней; она нажимала кнопку, и передняя страница исчезала, вместо нее вставала другая. Она с головой ушла в работу. Однако в воздухе носилось возбуждение. Напряжение. Он даже испугался.

Испугался? Чего? Ведь именно этого он и желал. За несколько минут юная Валентина достигла того, чего не сумел добиться Миро в разговоре с Эндером. Она вновь привлекла интерес Эндера. Теперь, когда она знала, что ищет родную планету Десколады, что от успеха ее миссии зависит будущее рас раман, Эндер снова обратит внимание на то, чем она занимается, будет заботиться о ней так же, как заботится о Питере. Она не умрет. Теперь она будет жить.

— Ну вот, ты добился своего, — раздался в ухе голос Джейн. — Теперь она ни за что на свете не отдаст мне свое тело.

Не этого ли боялся Миро? Нет, не этого. Несмотря на брошенные ему обвинения, он не хотел, чтобы Вэл умирала. Он только порадовался ее оживлению, ее интересу, ее энергии — даже

несмотря на то что она сразу начала задирать нос. Нет, причина его страха крылась в другом.

Может быть, он просто опасался за собственную жизнь. Родной мир Десколады должен обладать невероятно развитой технологией, чтобы создавать такие сложные вирусы и распространять их с планеты на планету. Чтобы создать антивирус, чтобы разбить и подчинить Десколаду, Эле, сестре Миро, пришлось отправиться во Вне-мир, потому что человеческая технология не способна была произвести подобную молекулу. Миро придется встретиться с создателями Десколады и убедить их прекратить распространять по вселенной смертоносные вирусы. На такое он не способен. Он не справится. Подведет, а провалив задание, поставит под удар все расы раман. Неудивительно, что им завладел страх.

— Ну, что ты думаешь? — спросил Миро. — Этот мир мы ищем или нет?

— Скорее всего нет, — покачала головой Вэл. — Биосфера этой планеты сформировалась совсем недавно. Черви — самые крупные существа. Крылья еще не развились. Но всевозможных видов полный комплект. Похоже, вирусы сюда еще не добрались.

— Что ж, — хмыкнул Миро, — теперь, когда

нам известна настоящая цель нашей миссии, надеюсь, можно не тратить времени на полный отчет о планете? Летим дальше?

Над терминалом появилось лицо Джейн.

— Проверь выводы Валентины, — сказала она. — И двигаемся дальше. Миров еще много, а время поджимает.

Новинья коснулась плеча Эндера. Он громко, тяжело дышал, однако на храп его дыхание ничуть не походило. Шум исходил из его легких, а не из горла, как будто он очень долго сдерживал дыхание и теперь вынужден глубоко втягивать в себя воздух. Только воздуха все равно не хватало, легкие не справлялись. Судорожный вдох. Другой.

— Эндрю, проснись, — громко позвала она.

Обычно, чтобы его разбудить, достаточно было прикоснуться к плечу, но сейчас он не отозвался на ее касание. Он продолжал судорожно хватать ртом воздух, но глаза так и не открыл.

То, что он спал, сразу удивило ее. Он был не так уж стар. И дремать днем привычки не имел. И тем не менее он спал, лежа в тени на монастырской лужайке для крокета, где они договорились встретиться и куда он должен был принести кувшин воды. Тут ей вдруг пришло в голову, что он

вовсе не спит, что он, наверное, упал, свалился на траву. Увидев, что он лежит на спине, глубоко в тени, сложив руки на груди, она было решила, что он прилег отдохнуть. Но что-то было не так. Он ведь еще не старик. Он не должен лежать здесь, судорожно вдыхая воздух, которого ему явно не хватало.

— Ajuda-me! — закричала она. — Me ajuda, por favor, venga agora! — Голос ее поднялся и неожиданно, против воли, превратился в крик, в отчаянный вопль, который напугал ее еще больше. — Ele vai toggег! Socorro!

«Он умирает», — услышала она себя как бы со стороны.

А где-то вдали неслись совсем другие мысли: «Это я привела его сюда, заставив заниматься тяжелым трудом. Он так же слаб, как все мужчины, его сердце столь же ненадежно; ведомая эгоистичной жаждой святости, искупления, я заставила его прийти сюда, и вместо того чтобы обрести спасение от вины в смерти тех людей, которых я любила, я добавила еще одну голову в свой список. Я убила Эндрю, как убила Пипо и Либо, а ведь могла спасти его, как когда-то могла спасти Эстевано и Миро. Он умирает, и снова виновата я, всегда виновата я, каждый мой по-

ступок несет смерть, людям, которых я люблю, приходится умирать, чтобы сбежать от меня. Мама, папа, почему вы оставили меня? Почему вы с раннего детства пропитали мою жизнь смертью? Никто из тех, кого я люблю, не способен выжить рядом со мной».

«Горем делу не поможешь, — одернула она себя, заставляя отрешиться от знакомого потока самообвинений. — Погрузившись сейчас в свое чувство вины, я ничем не смогу помочь Эндрю».

Услышав ее крики, из монастыря и из сада прибежали люди. Спустя считанные секунды Эндера уже несли в здание, другие побежали за доктором. Кто-то остался рядом с Новиньей, ибо история ее жизни была известна многим, а потому все сочли, что смерти еще одного любимого человека она может не перенести.

— Я не хотела, чтобы он приходил, — бормотала она. — Он не должен был приходить.

— Вовсе не пребывание здесь вызвало его слабость, — успокаивала поддерживающая ее женщина. — Люди болеют, и никто в этом не виноват. Он поправится, вот увидишь.

Новинья слышала слова, но где-то внутри не верила им. Она сердцем чувствовала свою вину, это именно она несет зло людям и отравляет все

вокруг. Внутри ее души живет зверь, поглощающий счастье. Сам Господь Бог желает ее смерти.

«Нет, нет, это неправда, — про себя воскликнула она. — Это ужасный грех. Господь не желает моей смерти, я никогда не подниму на себя руку, никогда. Это не поможет Эндрю, никому не поможет. Только навредит. Не поможет, только…»

Молча твердя эту мантру, которая должна была помочь ей выжить, Новинья шла за телом мужа в монастырь, чья святость, может быть, изгонит из ее сердца искушение покончить с собой. «Я должна думать о нем, а не о себе. Не о себе. Не о себе, себе, себе, себе…»

6
«Жизнь — это чистое самоубийство»

Ведут ли разговоры Боги различных народов?
Общаются ли боги китайских городов
С предками японцев?
С повелителями Ксибальбы?
С Аллахом? С Яхве? С Вишну?
Существует ли у них собрание,
Где они могут встретиться
И похвалиться друг перед другом своими верующими?
«Мои склоняются к полу, — скажет один, —
И прослеживают в дереве жилки во славу мне».
«А моих животных приносят в жертву», — ответит другой. «А мои убьют любого, кто оскорбит меня», — похвастается третий.
И вот вопрос, который я чаще всего задаю:
Найдется среди божеств хоть один,

Кто честно признаться сможет:
«Почитающие меня люди исправно По-
винуются моим справедливым законам,
Обращаются друг с другом честно И
ведут простую, щедрую жизнь»?

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

Пасифика, как и любая другая планета, была разной. На ней было множество температурных зон, были полярные ледники и тропические влажные леса, пустыни и саванны, степи и горы, озера и моря, лесистые местности и взморье. Колонизировали Пасифику давным-давно. Вот уже более двух тысяч лет на ней жили люди, заполнив ниши, которые только можно было занять. На ее землях росли огромные города и простирались безбрежные пастбища, леса перемежались фермами, создавая лоскутное одеяло, исследовательские станции были разбросаны во всех краях света, на севере и на юге, в горах и под водой.

Но сердцем Пасифики всегда были и остаются по сей день тропические острова океана, названного Тихим в честь самого большого океана на Земле. Нельзя сказать, чтобы обитатели этих островов рьяно придерживались древних обычаев, однако память о давних традициях до сих пор пропитывает все вокруг. Здесь во время священ-

ных церемоний пьют священный напиток под названием кава. Здесь хранятся воспоминания о древних героях. Здесь боги по-прежнему говорят со святыми. А если эти люди живут в шалашах с холодильниками и компьютерами, что с того? Боги не делают даров, которые нельзя принять. Суть в том, чтобы найти верный путь и вписать новые вещи в свою жизнь, не убив ту жизнь, которая предшествовала их появлению.

На континентах, в больших городах, на фермах и исследовательских станциях жило много таких людей, которые не терпели, не принимали бесконечные костюмированные драмы (или комедии, это зависит отличной точки зрения), которые вершились на этих островах. И уж конечно, жителями Пасифики были не только полинезийцы. На этой планете собрались все расы, все культуры; здесь можно было услышать все языки — во всяком случае, почти все. Однако даже ярые насмешники обращались к островам, когда думали о душе мира. Даже любители холода и снега совершали свои паломничества — они называли их «отпусками» — на тропические берега. Они ели фрукты прямо с деревьев, катались по морю на каноэ, их женщины ходили голыми по пояс, и все они без стеснения ели кашу и рыбу жирными

пальцами. Самые светлокожие, самые изящные, самые прекрасные жители этих островов называли себя пасификанцами и говорили так, словно в ушах у них постоянно звучали древние напевы здешних мест, словно их прошлое было пронизано мифами и легендами. Однако они были всего лишь приемными детьми, и настоящие самоанцы, таитяне, гавайцы, тонганы, маори и фиджи улыбались и радостно приветствовали их, даже несмотря на то что эти постоянно смотрящие на часы, заказывающие номера, куда-то спешащие люди ничего не знали об истинной жизни в тени вулкана, на краю кораллового рифа, под заполненным попугаями небом, посреди музыки шуршащих о песок волн.

Ванму и Питер прибыли в окультуренную, модернизированную, западнообразную часть Пасифики, где обнаружили, что Джейн к их приезду все подготовила. Они были обыкновенными правительственными чиновниками, обученными на своей родной планете Москва, которые, сходив в двухнедельный отпуск, поступят в одно из конгрессских учреждений на Пасифике. Знания о своей предполагаемой родине им даже не понадобились. Документы им пришлось показывать лишь один раз, в самолете, который увозил их

из города, куда они прибыли на космическом корабле. Вскоре они прилетели на один из больших тихоокеанских островов, где снова продемонстрировали бумаги, чтобы забронировать пару номеров в курортном отеле на тропическом берегу.

По словам Джейн, на острове, куда они отправятся, бумаги им не понадобятся. Никто не требовал с них удостоверения личности. Правда, никто и не жаждал доставить их в место назначения.

— Зачем вам туда? — спросил один лодочник-самоанец, настоящий великан. — Что вам там понадобилось?

— На Ататуа мы хотим поговорить с Малу.

— Не знаю такого, — пожал плечами лодочник. — Ничего про него не знаю. Может, спросите еще кого, кто-нибудь наверняка знает, на каком острове он живет.

— Мы назвали вам остров, — ответил Питер. — Ататуа. Судя по карте, он находится не так далеко.

— Слышал о таком, но никогда там не был. Спросите кого-нибудь другого.

Подобные разговоры повторялись раз за разом.

— Судя по всему, «папалаги» здесь не при-

ветствуются, — объявил Питер Ванму, сидя на веранде. — Эти люди настолько примитивны, что они отвергают не только раман, фрамлингов и утланнингов. Могу поспорить, даже тонганы и гаитянцы не могут добраться до Ататуа.

— Не думаю, что дело здесь в расовых предрассудках, — покачала головой Ванму. — Видимо, здесь замешана религия. Они защищают святое место.

— А доказательства? — осведомился Питер.

— Вспомни сам, по отношению к нам не было высказано ни ненависти, ни страха, ни затаенного гнева. Нас повсюду встречали очень гостеприимно. Они ничуть не возражают против нашего существования. Просто мы не можем попасть в это святое место. А так — куда угодно.

— Может быть, — задумчиво произнес Питер. — Но не могут же они пугаться всех чужаков, иначе Аимаине никогда бы не удалось сойтись с Малу настолько близко, чтобы писать ему письма.

Вдруг Питер чуть-чуть склонил голову набок, очевидно, прислушиваясь к реплике Джейн.

— Ага, — наконец сказал он. — Джейн пропустила одно звено. Аимаина послал письмо не самому Малу. Он адресовал его женщине по имени Грейс. А уже Грейс обратилась к Малу, поэтому

Джейн и посчитала, что проще будет обратиться сразу к последнему звену. Спасибо, Джейн. Твоя интуиция просто нечто.

— Не издевайся над ней, — одернула Ванму. — Ее смерть приближается. Приказ об отключении компьютеров может поступить в любой день. Естественно, она торопится.

— Я так думаю, ей следует перехватить и стереть этот приказ, прежде чем начнут отключаться машины, — фыркнул Питер. — Утереть им всем нос.

— Это их не остановит, — покачала головой Ванму, — а только еще больше напугает.

— Ладно, до Малу на лодке нам не добраться, что будем делать?

— Давай навестим Грейс, — предложила Ванму. — Если она может с ним связаться, значит, все-таки чужеземцев Малу принимает.

— Она не чужеземка, она самоанка, — сказал Питер. — У нее есть и самоанское имя — Теу'Она, — но она работает в академическом мире, а поэтому легче принять христианское имя, чтобы остальные могли с ней общаться. Западное имя. Мы можем называть ее Грейс. Так утверждает Джейн.

— Но, получив от Аимаины предупреждение,

она сразу поймет, кто мы такие.

— Вряд ли, — возразил Питер. — Даже если он и упомянул нас, думаешь, она поверит, что за один день люди могли прилететь с его планеты на ее?

— Питер, ты законченный позитивист. Твоя вера в рациональность делает тебя нерациональным. Конечно, она поверит, что мы те самые люди. Аимаина также этому поверит. Тот факт, что мы за один день перебрались с планеты на планету, только подтвердит их предположения — нас послали боги.

Питер вздохнул:

— Что ж, если нас не принесут в жертву вулкану или не вытворят с нами еще чего-нибудь, можно и богами побыть. Не сломаемся.

— Не шути с этим, Питер, — предупредила Ванму. — Религия связана с самыми глубокими чувствами, которые испытывают люди. Любовь, что исходит от этого кипящего котла, самая сладкая, самая сильная, но и ненависть — самая жаркая, а гнев — самый яростный. Пока чужаки держатся подальше от святынь, полинезийцы — мирный, гостеприимный народ. Но стоит тебе ступить в свет священного огня, берегись, ибо нет более страшного, коварного, беспощадного врага.

— Ты что, опять насмотрелась голозаписей? — осведомился Питер.

— Я читала, — поправила его Ванму. — Я прочла несколько статей, написанных некой Грейс Дринкер.

— А, — усмехнулся Питер. — Так ты уже знаешь о ней.

— Я понятия не имела, что она самоанка, — пожала плечами Ванму. — Она не больно-то о себе распространяется. Если хочешь узнать о Малу и его месте в самоанской культуре Пасифики — может, эту планету лучше называть Лумана'и, как называют ее туземцы, — прочти какие-нибудь статьи Грейс Дринкер, или какого-нибудь ее оппонента, или последователя. У нее есть отдельная работа, посвященная Ататуа, вот как я наткнулась на ее имя. И она пишет о влиянии философии Уа Лава на самоанцев. Мне лично кажется, что когда Аимаина впервые заинтересовался Уа Лава, то первым делом он обратился к трудам Грейс Дринкер, а уж потом забросал ее вопросами. Вот так и началась их дружба. Но ее связь с Малу не имеет ничего общего с философией Уа Лава. Малу представляет более древние верования, которые появились задолго до нынешних дней, но Уа Лава по-прежнему опирается на этого человека, во

всяком случае на этой планете.

Некоторое время Питер внимательно рассматривал ее. Она чувствовала, как он переоценивает ее, как приходит к убеждению, что голова у нее на плечах все-таки имеется, что в конце концов она может оказаться полезной. «Что ж, Питер, неплохой результат, — подумала Ванму. — Какой недюжинный умище ты продемонстрировал, обнаружив наконец, что я могу мыслить не только интуитивно и афористично, но и аналитически. Не вписалась я в отведенную тобой роль».

Питер поднял свое перекошенное тело со стула и выпрямился.

— Что ж, пойдем встретимся с ней. Ты, главное, побольше цитируй ее работы. Спорь с ней.

Королева Улья отдыхала, отложив положенное количество яиц. Ее рабочие спали в ночной тьме, хотя вовсе не темнота помешала им прийти в пещеру, которая заменяла Королеве Улья дом. Просто ей надо было побыть одной, наедине с собственным разумом, забыть о тысячах глаз и ушей, рук и ног рабочих. Все из них требовали ее неотрывного внимания, чтобы исправно исполнять работу, но чтобы заглянуть внутрь себя, чтобы пройти по тем сетям, которые люди называют филотическими, ей были нужны все возможные

резервы. Дерево-отец по имени Человек объяснил ей как-то, что в одном из человеческих языков это имеет нечто общее с любовью. Связи любви. Но Королева Улья считала иначе. Любовь — это яростное совокупление с трутнями. Любовь — это гены, только и думающие о воспроизведении, воспроизведении и еще раз воспроизведении. Филотические связи — это нечто иное. Они требовали добровольной самоотдачи, которая была подвластна только разумному существу. Существо могло обратить свою преданность туда, куда требовалось. Это было больше, чем любовь, потому что давало не просто случайный результат. Когда существ связывает преданность друг к другу, они становятся огромным единством, новым, цельным и нерушимым.

«Вот я, к примеру, привязана к тебе», — сказала она Человеку, начиная сегодняшнюю беседу.

Подобным образом они разговаривали каждую ночь, связываясь друг с другом разумами, но еще ни разу не встречаясь. Да и как они могли встретиться, если ей все время приходилось проводить под землей, тогда как он пустил корни у ворот Милагра? Но разговор разумом всегда правдивее, чем разговор на любом языке, и они знали друг друга лучше, чем если бы увидели и дотронулись

друг до друга.

«Как всегда, ты начала мысль с середины», — пожурил Человек.

«А ты, как всегда, понял меня с полуслова, так какая разница?»

И она рассказала ему о том, что произошло между ней, юной Валентиной и Миро.

«Я слышал кое-что», — признался Человек.

«Мне пришлось кричать, чтобы меня услышали. Они не похожи на Эндера — до их разумов не докричаться.»

«Ну так что, это возможно или нет?»

«Мои дочери слабы и неопытны, и они полностью поглощены кладкой яиц у себя дома. Чтобы поймать айю, нужно соткать хорошую, крепкую сеть, получится ли это? Тем более та айю, которую мы должны будем вызвать, уже обладает своим домом. Только где он находится? Где тот мост, который построили мои матери? Где эта Джейн?»

«Эндер умирает», — сказал Человек.

Королева Улья поняла, что таким образом он ответил на ее вопрос.

«Которая его часть умирает? — спросила Королева Улья. — Я всегда считала, что он очень похож на нас. Поэтому ничуть не удивилась, когда он первым из людей продемонстрировал возмож-

ность управлять не одним телом, а несколькими, как это делаем мы.»

«Не совсем так, — произнес Человек. — По сути дела, у него ничего не получилось. Как только он создал своих двойников, его связь с собственным телом резко ослабла. Сначала казалось, что он отбросит юную Валентину. Но теперь все изменилось.»

«Ты видел что-нибудь?»

«Ко мне приходила его приемная дочь Эла. Тело его ведет себя очень странно. Какая-то неизвестная болезнь. Он не может потреблять кислород и не приходит в сознание. Сестра Эндера, старая Валентина, утверждает, что он, наверное, отдал все внимание своим другим „я“, поэтому в старом теле ничего не осталось, что могло бы поддержать его работу. И его оболочка постепенно начинает отказывать. Первыми сдали легкие. Может, еще что-нибудь отказало, но сперва дали о себе знать легкие.»

«Он должен вернуть свое внимание. Иначе он умрет.»

«Именно так я и сказал, — вежливо напомнил ей Человек. — Эндер умирает.»

Королева Улья уже поняла, на что намекает Человек.

«Значит, нам потребуется сеть не только для того, чтобы поймать айю этой Джейн. Надо будет еще поймать айю Эндера и переправить ее в одно из двух других его тел.»

«Иначе они все умрут одновременно с ним, — согласился Человек. — Точно так же, как умирают рабочие, когда гибнет Королева Улья.»

«На самом деле некоторые из рабочих могут прожить еще несколько дней, но в принципе да, ты прав. Они умирают потому, что не способны удержать разум Королевы Улья.»

«Не притворяйся, — осуждающе произнес Человек. — Вы ведь никогда не пробовали этого.»

«Не пробовали. Мы не боимся смерти.»

«Тогда почему же ты продолжаешь рассылать своих дочерей по разным планетам? Потому что смерть для тебя ничего не значит?»

«Я спасаю свой род, а не себя.»

«Как и я, — подтвердил Человек. — Кроме того, мои корни слишком глубоко ушли в землю, чтобы пересаживаться куда-нибудь.»

«Но у Эндера нет корней», — напомнила Королева Улья.

«Интересно, хочет ли он умереть, — вдруг задумался Человек. — Вряд ли. Он умирает вовсе не потому, что потерял волю к жизни. Это тело

умирает, потому что он утратил интерес к тому существованию, которое оно ведет. Но он по-прежнему хочет жить жизнью Питера. И жизнью Валентины.»

«Ото он так говорит?»

«Он не может говорить, — объяснил Человек. — А с филотическими связями так и не научился обращаться. Он так и не научился выходить на простор и связываться с другими, как это делаем мы, деревья-отцы. Как общаешься со своими рабочими ты, как общаешься со мной.»

«Но однажды мы нашли его. Связались с ним через мост, научились слышать его мысли, видеть его глазами. В те дни ему снились сны о нас.»

«Он видел вас во сне, но так и не понял, что на самом деле вы хотите мира. Он так и не узнал, что вас не надо убивать.»

«Он не догадывался, что игра ведется по-настоящему.»

«Или что сны реальны. Он обладает своей мудростью, этот мальчик, но так никогда и не научился обращаться к своим чувствам.»

«Человек, — окликнула Королева Улья, — что, если я научу вас присоединяться к сети?»

«Так ты серьезно вознамерилась поймать Эндера, когда он умрет?»

«Если мы сможем поймать его и переправить в одно из других тел, может быть, мы поймем, как найти и поймать Джейн.»

«А что, если у нас ничего не получится?»

«Эндер умрет. Джейн умрет. Мы умрем, когда прибудет флот. Разве это чем-нибудь отличается от обычного исхода жизни?»

«Отличается, — сказал Человек. — Отпущенным нам временем.»

«Так что, вы согласны попробовать? Ты, Корнерой и другие деревья-отцы?»

«Я не знаю, что ты подразумеваешь под „сетью“ и чем она отличается от того, как связываемся друг с другом мы, деревья-отцы. Ты должна помнить, что еще мы связаны с нашими матерями. Они не умеют говорить, но они наполнены жизнью, и мы крепко держимся за них, точно так же, как твои рабочие держатся за тебя. Найди способ включить их в свою сеть, и отцы последуют за ними.»

«Что ж, Человек, давай поиграем с этим сегодня ночью. Позволь мне попробовать связать нас друг с другом. Ты скажешь, что это тебе напоминает, а я попытаюсь разъяснить тебе, что делаю я и к чему это приводит.»

«А может, сначала найти Эндера? На случай,

если он вдруг ускользнет?»

«Всему свое время, — успокоила Королева Улья. — Кроме того, я не уверена, что смогу обнаружить его, если он без сознания.»

«Почему? Когда-то вы посылали ему сновидения, а он тогда спал.»

«У нас был мост.»

«Но, может, Джейн слышит нас сейчас.»

«Нет, — возразила Королева Улья. — Я бы узнала ее, если бы она была связана с нами. Ее форма ничем не отличается от моей, я не могла ее не заметить.»

Пликт стояла рядом с постелью Эндера. Она не могла сидеть, не могла двигаться — это было слишком невыносимо. Он больше не вымолвит ни слова, он умрет. Она последовала за ним, бросила дом, семью ради того, чтобы быть рядом с ним, и что получила взамен? Да, иногда он позволял ей быть его тенью; да, в течение прошлых недель, месяцев она наблюдала многие его разговоры. Но когда она пыталась поговорить с ним о вещах более личных, о далеких воспоминаниях, о том, что он хотел сказать своими поступками, он всего лишь качал головой и отвечал — всегда очень добро, он был очень добр, но вместе с тем достаточно жестко, потому что он не хотел,

чтобы она поняла его неправильно… Так вот, он отвечал: «Пликт, я больше не учитель».

«Нет, ты по-прежнему учитель, — хотелось сказать ей. — Твои книги продолжают учить людей, даже на тех планетах, на которых ты никогда не бывал. „Королева Улья“, „Гегемон“ и „Жизнь Человека“ нашли свое место среди нас. Как ты можешь говорить, что пора твоего учительства прошла, если еще столько книг надо написать, о стольких смертях Сказать? Ты Говорил об убийцах и святых, об инопланетянах и однажды о гибели целого города, поглощенного проснувшимся вулканом. Ты столько историй рассказал, но где твоя история, Эндрю Виггин? Как я могу Говорить о твоей смерти, если ты никогда не рассказывал мне о себе?

Или это твой последний секрет — ты хочешь сказать, что о тех людях, о чьих смертях ты Говорил, ты знал не больше, чем знаю я о тебе? Ты заставляешь меня изобретать, гадать, придумывать, представлять — неужели и ты поступал так же? Отыщи ту историю, которой верит большинство, найди альтернативное объяснение, которое покажется разумным, которое будет обладать значением и преобразовательной силой, а затем Говори — пусть даже это чистый вымысел, пусть

даже этого никогда не было на самом деле… Это ли я должна сказать, когда буду Говорить о смерти Голоса Тех, Кого Нет? Его дар был не раскрывать правду, а изобретать ее; он вовсе не изучал, не раскрывал, не отслеживал жизни мертвых, он создавал их заново. Как я создала его жизнь. Его сестра говорит, что он умер, потому что хотел сохранить верность жене, хотел последовать за ней в мирную жизнь, которой она жаждала, но этот самый мир и убил его, ибо его айю перешла в жизнь странных детей, порождений его разума, а его старое тело, несмотря на те годы, которые еще остались ему, было отброшено за ненадобностью, потому что у него не было времени, чтобы обратить внимание и поддержать в своей оболочке жизнь.

Он не мог бросить свою жену, как не мог допустить, чтобы ушла она. Поэтому он умер от скуки и причинил Новинье еще больше страданий, чем если бы просто позволил ей уйти.

Это достаточно жестоко, Эндер. Он убивал Королев Улья на десятках миров, оставив в живых только одну представительницу этой великой и древней расы. И он же вернул ее к жизни. Искупил ли он свою вину тем, что спас последнюю свою жертву, уничтожив весь остальной род?

Он не хотел убивать, это была самозащита; но мертвецы остаются мертвецами, а когда жизнь улетучивается из тела, вряд ли айю скажет: „Меня убил ребенок, он думал, что это просто игра, и поэтому моя смерть не таким тяжким весом ляжет ему на плечи“. Нет, Эндер сам бы сказал: „Эта смерть весит ничуть не меньше всех остальных смертей, и я согласен принять вину на себя. У меня на руках столько крови, сколько не было ни у одного человека; поэтому я буду Говорить жестокую правду о тех, кто умер без прощения, и покажу вам, что даже этих людей можно понять“. Но он ошибался, их нельзя понять; Говорить о смерти других людей можно только потому, что мертвецы молчат и не могут исправить наших ошибок. Эндер мертв, и он не может поправить меня, поэтому некоторым из вас покажется, что я все сказала верно, вы подумаете, что я Говорю о нем правду, но правда состоит в том, что ни один человек не может понять жизнь другого человека. Нет такой истины, которую возможно познать, есть только история, которая нам кажется правдивой, история, которая, по словам остальных, истинна, история, которую хотят принять за правду. Но все это ложь».

Пликт выпрямилась и попыталась начать Го-

ворить, представив себе, что Говорит отчаянно, безнадежно рядом с гробом Эндера. Только Эндер еще не был в гробу, он еще лежал на постели, через кислородную маску ему в легкие проникал воздух, в вены вливалась глюкоза — он пока что не умер. Он просто замолк.

— Одно слово, — прошептала она. — Одно слово от тебя.

Губы Эндера шевельнулись.

Пликт должна была сразу позвать остальных. Новинью, уставшую от рыданий и дежурившую у дверей палаты. Валентину, его сестру; Элу, Ольядо, Грего, Квару, четырех его приемных детей; и многих других, собравшихся в больничном коридоре, ожидающих возможности взглянуть на него, услышать хоть словечко, коснуться его руки. Если б можно было распространить эту весть по мирам, какой скорбью откликнулись бы люди, которые помнили его Речи, ведь он целых три тысячи лет путешествовал с планеты на планету. Если б только можно было открыть его настоящее имя — Голос Тех, Кого Нет, автор двух — нет, трех — великих книг Голосов, и вместе с тем Эндер Виггин, Ксеноцид, две личности в одной хрупкой оболочке, — какие огромные волны потрясения затопили бы вселенную!

Нахлынули бы, затопили, отступили и улеглись. Как и все волны. Как каждое потрясение. Остался бы лишь параграф в исторических книжках. Несколько биографий. Спустя несколько поколений появилась бы биография, которая бы в корне пересмотрела жизнь Эндера. Статьи в энциклопедиях. Примечания в конце переводов его книг. Вот она, эта недвижность, в которой угасают великие жизни.

Губы его шевельнулись.

— Питер, — прошептал он.

И снова замолк.

Что это означает? Он все еще дышит, показания приборов не изменились, его сердце бьется. Но он позвал Питера. Означает ли это, что он жаждет жить жизнью своего творения, юного Питера? Или в лихорадке он зовет своего брата, Гегемона? Или того брата, которого знал еще мальчиком? «Питер, подожди меня. Питер, я справился? Питер, не бей меня. Питер, я ненавижу тебя. Питер, за твою улыбку я могу умереть, я могу убить». Каков смысл его послания? Что должна Сказать Пликт об этом слове?

Она отошла от его кровати. Подошла к двери, открыла ее.

— Я прошу прощения, — тихо произнесла она,

обводя взором полную людей комнату. Многие из собравшихся всего несколько раз слышали, как она говорит, а некоторые вообще никогда не услышали от нее ни слова. — Он заговорил неожиданно, я не успела никого позвать. Но он может опять прийти в себя.

— Что он сказал? — спросила Новинья, поднимаясь на ноги.

— Всего лишь имя, — ответила Пликт. — Он сказал: «Питер».

— Он звал какое-то отродье, которое притащил из космоса? Не меня? — горько проговорила Новинья. Но это было сказано под действием успокоительных лекарств, которые дали ей доктора, они сейчас управляли ее речью, ее слезами.

— Мне кажется, он зовет своего умершего брата, — сказала Валентина. — Новинья, ты не хочешь зайти к нему?

— Зачем? — прошептала Новинья. — Он же звал не меня, он звал его.

— Он без сознания, — объяснила Пликт.

— Видишь, мама? — сказала Эла. — Он никого не звал, он просто говорил вслух, во сне. Но это уже что-то, он начал говорить, это добрый знак…

Но Новинья наотрез отказалась идти к Эндеру. Вот так и получилось, что когда Эндер открыл

глаза, вокруг его кровати стояли Валентина, Пликт и четверо его приемных детей.

— Новинья… — проговорил он.

— Она плачет у дверей, — произнесла Валентина. — Боюсь, она немного переборщила с лекарствами.

— Ничего, — улыбнулся Эндер. — Что случилось? Насколько я понимаю, мне стало плохо.

— Где-то так, — кивнула Эла. — В графе «Причина болезни» можно было бы поставить слово «невнимательность».

— Ты хочешь сказать, со мной случился какой-то несчастный случай?

— Я хочу сказать, ты, очевидно, слишком много внимания уделяешь тому, что происходит на других планетах, поэтому твое тело, находящееся здесь, начало разрушаться. Я посмотрела твои ткани под микроскопом — клетки не очень-то пытаются застроить те провалы, которые внезапно образовались в тканях. Ты потихоньку умираешь, распадаешься на части.

— Извините, что причиняю вам столько хлопот, — проговорил Эндер.

На какую-то секунду им показалось, что это начало разговора, начало исцеления. Но, произнеся эту фразу, Эндер закрыл глаза и снова заснул,

а показания приборов стали точно такими же, какими были до того, как он промолвил первое слово.

«Замечательно, — подумала Пликт. — Я молила его о том, чтобы он сказал мне хоть слово, и он исполнил мою просьбу, но теперь я знаю еще меньше, чем раньше. Драгоценные секунды его сознания мы потратили на то, чтобы объяснить ему, что с ним случилось, вместо того чтобы задать вопросы, ответ на которые уже никогда не узнаем. Почему мы все резко глупеем при виде смерти?»

Остальные, по одному, по двое, стали покидать комнату, но она осталась. Осталась наблюдать и ждать. Последней подошла к ней Валентина.

— Пликт, ты не можешь стоять здесь вечно, — прикоснулась к ее руке она.

— Я останусь с ним до самого конца, — сказала Пликт.

Валентина заглянула ей в глаза и, должно быть, увидела там нечто такое, что заставило ее отказаться от дальнейших уговоров. Она ушла, и снова Пликт осталась наедине с умирающим телом человека, чья жизнь являлась центром ее вселенной.

Миро не знал, то ли радоваться, то ли пугаться

переменам, происшедшим в юной Валентине после того, как им стала известна истинная цель поиска миров. Если раньше она все время говорила тихо, даже как-то безразлично, то сейчас она едва удерживалась, чтобы не перебивать Миро каждый раз, когда он пытался что-то объяснить. Как только ей начинало казаться, что она поняла, о чем он ведет речь, она принималась отвечать, когда же он указывал, что на самом деле имел в виду нечто другое, она опять-таки отвечала, не успевал он закончить объяснение. Миро догадывался, что, наверное, несколько преувеличивает происходящее — долгое время он вообще говорил практически один, а Вэл лишь слушала, поэтому он очень чувствительно переживал то, что она обрывает его на полуслове. Не то чтобы он злился на нее. Просто Вэл словно… включилась. Она ни секунды не сидела без дела — практически не спала, во всяком случае, Миро не видел, чтобы она ложилась отдохнуть. Домой она также не желала возвращаться.

— У нас очень ограничено время, — убеждала она. — Каждый день может прийти приказ об отключении сетей анзиблей. У нас нет времени на ненужный отдых.

В ответ на что Миро хотелось потребовать,

чтобы она несколько внятнее объяснила, что она имеет в виду под словом «ненужный». Ему кратких часов сна явно не хватало, но когда он посмел пожаловаться на это, она лишь отмахнулась, сказав:

— Спи, если хочешь, я подежурю.

Он отправился спать, а когда проснулся, то оказалось, что Вэл и Джейн уже успели побывать еще на трех планетах, две из которых носили следы Десколадоподобного вируса, исчезнувшего около тысячи лет назад.

— Мы приближаемся к цели, — сказала Вэл и пустилась излагать интересные факты, на которые наткнулась, но вскоре перебила себя на полуслове — в этом смысле она вела себя очень демократично и перебивала себя не реже, чем его, — чтобы обработать свежие данные, полученные с новой планеты.

Пожив день в такой обстановке, Миро замкнулся в себе и замолчал. Вэл настолько ушла в свою работу, что не могла говорить ни о чем другом, кроме поиска планет, а здесь никаких слов от Миро не требовалось — разве что иногда он передавал ей какую-то информацию от Джейн, которая приходила ему через серьгу-передатчик, а не через судовые компьютеры. Это постоянное

молчание дало ему время на раздумья. «Вот о чем я просил Эндера, — понял он. — Но Эндер ничем не мог помочь мне. Его айю сама распознает нужды и желания Эндера, и навязать ей свою волю нельзя. Поэтому он просто не мог обратить свое внимание на Вэл; но теперь, когда Вэл получила столь ответственное задание, Эндер не может думать ни о чем другом.

Но догадывается ли об этом Джейн?»

Поскольку он не мог обсудить этот вопрос с Вэл, он обратился за ответом прямо к Джейн.

— Ты специально открыла нам цель нашей миссии, чтобы Эндер обратил внимание на Вэл? Или же, если бы мы сами не догадались, ты бы до сих пор скрывала от нас эту информацию, чтобы, не дай Бог, не привлечь Эндера?

— Я даже не думала об этом, — ответила Джейн через сережку. — Сейчас меня больше волнуют другие проблемы.

— Но ведь тебе это выгодно, да? Телу Вэл больше ничего не угрожает, оно снова вернулось к жизни.

— Миро, кончай хамить. Когда ты начинаешь хамить, все от тебя отворачиваются.

— А от меня и так все отворачиваются, — усмехнулся он про себя. — Но ведь ты бы не смогла

воспользоваться ее телом, если бы оно превратилось в кучку пыли.

— Точно так же я не смогу проникнуть в нее, пока в ее теле присутствует Эндер, полностью поглощенный тем, что она делает, — возразила Джейн.

— Неужели он действительно так заинтересовался?

— Очевидно, — ответила Джейн. — Теперь уже его тело начало распадаться. И распадается оно намного быстрее, чем когда-то умирала Вэл.

Только спустя несколько секунд до Миро дошел истинный смысл ее слов.

— Ты хочешь сказать, он умирает?

— Я хочу сказать, что Вэл очень уж оживилась, — поправила его Джейн.

— Неужели ты больше не любишь Эндера? — спросил Миро. — Неужели он стал тебе полностью безразличен?

— Если уж Эндеру наплевать на собственную жизнь, то почему я должна о нем беспокоиться? — спросила в ответ Джейн. — И он, и я делаем все возможное, чтобы найти выход из жуткого положения, в которое мы все угодили. Это убивает меня, это убивает его. Это чуть не убило тебя, а если у нас ничего не получится, погибнет еще

много, очень много людей.

— Ты бесчувственная ледышка, — произнес Миро.

— Набор сигналов среди звезд, ничто иное, — хмыкнула Джейн.

— Merda de bode! — выругался Миро. — Что у тебя сегодня, плохое настроение?

— Я не умею чувствовать, — возразила Джейн. — Я компьютерная программа.

— Нам всем хорошо известно, что у тебя есть своя айю. Или, если хочешь, душа, как и у всех остальных.

— Живых, обладающих настоящими душами людей просто так не выключишь из жизни, щелкнув несколькими выключателями.

— Ладно тебе, Конгрессу придется отключить миллиарды компьютеров и тысячи анзиблей, чтобы убить тебя. По-моему, весьма внушительный конец. Мне бы хватило одной-единственной пули. Да меня простая электрическая изгородь чуть на тот свет не отправила.

— Наверное, я просто хочу умереть громко, зашипев, затрещав или что-нибудь вроде того, — призналась Джейн. — Вот если б у меня было сердце… Впрочем, ты, наверное, этой песни не знаешь.

— Мы выросли на классических фильмах, — напомнил Миро. — Обстановка дома была весьма неблагоприятной, вот мы и отвлекались, как могли. У тебя есть мозг и есть нервы. Мне кажется, что сердце у тебя тоже имеется.

— Только шлепанцев под кроватью у меня нет. Я знаю, лучшая вещь на свете — это родимый дом, но, увы, мне до него не добраться, — произнесла Джейн.

— Потому что Эндер занял ее тело? — уточнил Миро.

— Потому что я вовсе не жажду заполучить тело Вэл, хотя ты думаешь совершенно иначе. Тело Питера, кстати, тоже подойдет. Даже тело самого Эндера, если он в нем больше не нуждается. На самом деле я не имею женского или мужского рода. Женскую личину я избрала, чтобы поближе сойтись с Эндером. У него некоторые трудности в общении с мужчинами. Однако основная дилемма состоит в том, что, даже если Эндер выделит мне в пользование одно из своих тел, я все равно не смогу в него попасть, потому что не знаю как. Вот ты, к примеру, знаешь, где находится твоя айю? Можешь переместить ее туда, куда захочешь? Где она сейчас?

— Но Королева Улья именно этим сейчас и

занимается — она ищет твою айю. И обязательно найдет, потому что именно ее народ создал тебя.

— Ну да, она, ее дочери, отцы-деревья — все плетут какую-то сеть. Но никто и никогда не предпринимал подобной попытки — им придется поймать нечто живое и сопроводить его в тело, которым уже владеет чья-то айю. У них ничего не получится, я погибну, но будь я проклята, если позволю этим сволочам, создателям Десколады, после моей смерти снова объявиться и уничтожить остальные разумные расы. Люди могут отключить меня, посчитав, что я просто спятившая компьютерная программа, но это вовсе не значит, что я позволю кому-то другому отключить все человечество. И Королев Улья. И пеквенинос. А чтобы остановить их, нам надо поспешить и закончить все до моей смерти. По крайней мере я должна успеть доставить тебя и Вэл к их планете, чтобы вы могли без меня что-то сделать.

— Но если ты погибнешь, мы ведь не сможем вернуться домой.

— Вот беда-то…

— Стало быть, наша миссия — чистое самоубийство.

— Вся жизнь — это чистое самоубийство, Миро.

Можешь проверить мои слова — этот постулат входит в основной курс философии. Всю жизнь ты растрачиваешь свое горючее, и когда его запас подходит к концу, ты отбрасываешь коньки.

— Ты сейчас говоришь, словно моя мать, — сказал Миро.

— О нет, — возразила Джейн. — Я подхожу ко всему с юмором. А твоя мать всегда считала, что ее жизнь — это сплошная драма.

Миро уже подготовил ответ, когда в его спор с Джейн вмешался голос Вэл.

— Терпеть не могу, когда ты вот так поступаешь! — выкрикнула она.

— Как поступаю? — не понял Миро, гадая, о чем она говорила, перед тем как взорваться.

— Оставляешь меня в стороне и разговариваешь с НЕЙ.

— С Джейн? Я всегда с ней говорю.

— Но раньше ты хоть иногда ко мне прислушивался, — заявила Вэл.

— Послушай, Вэл, раньше и ты ко мне прислушивалась, но сейчас, похоже, все изменилось.

Вэл рывком поднялась с кресла и подскочила к нему.

— Вот, значит, как? Девушка, которую ты любил, была тихой, застенчивой, позволяла тебе

управлять, вести разговор. А теперь, когда я изменилась, когда наконец почувствовала себя собой, то вдруг оказалось, что твоему идеалу я не соответствую, да?

— Здесь дело не в личных предпочтениях…

— Конечно, как же мы можем признать за собой такую вину! Нет, мы обязательно оправдаемся, выйдем чистенькими и…

Миро поднялся на ноги — что было не очень легко, поскольку Вэл нависла над ним всем телом, — и закричал ей в прямо в лицо:

— Здесь дело в том, позволяют мне закончить свою мысль или нет!

— А сколько раз ты выслушивал меня до…

— Правильно, давай перевернем все с ног…

— Ты хотел лишить меня моей жизни и вселить в мое тело кого-то другого…

— Ах вот о чем речь? Что ж, можешь не волноваться, Джейн говорит…

— Джейн говорит то, Джейн говорит се! Ты сказал, что любишь меня, но ни одна женщина не сможет вынести, когда на ухо тебе все время шепчет какая-то сучка, извращая каждое сказанное слово…

— Теперь ты говоришь, как моя мать! — заорал Миро. — Носса Сеньора, я понятия не имею, за-

чем Эндер потащился за ней в монастырь! Она поедом ела его, обвиняя, что Джейн он любит больше, чем ее…

— По крайней мере он пытался любить живую женщину, а не чокнувшуюся компьютерную энциклопедию!

Они разом замолчали, стоя лицом к лицу. Миро так и не сумел подняться полностью, колени его были согнуты, потому что Вэл слишком близко подступила к нему, и сейчас, почувствовав на лице ее дыхание, ощутив тепло ее тела, он вдруг подумал: «Как раз на этом самом месте…»

Даже не успев проговорить мысль до конца, он выразил ее вслух:

— Как раз на этом самом месте во всех голофильмах ссорящиеся влюбленные внезапно встречаются глазами, обнимают друг друга, смеются и крепко целуются.

— Это в голофильмах, — огрызнулась Вэл. — Если ты попробуешь хоть пальцем до меня дотронуться, глазом не успеешь моргнуть, как я вобью твои половые органы тебе в брюхо. Будешь потом извлекать их с хирургом.

Она развернулась и направилась обратно на свое место.

Миро облегченно рухнул в кресло и произнес

— вслух, но достаточно тихо, чтобы Вэл поняла, что обращается он не к ней:

— Ну, Джейн, на чем мы остановились? Ты извини, здесь случился небольшой ураган…

Ответ Джейн раздался лишь секунду спустя. Миро сразу узнал стиль Эндера; тот тоже любил растягивать слова, когда над кем-нибудь иронизировал.

— Теперь ты видишь, какие проблемы у меня могут возникнуть, если я попробую воспользоваться ее телом.

— Знаешь, не у тебя одной такие проблемы, — молча проговорил Миро, но рассмеялся вслух. Тихонько фыркнул, поскольку знал, что Вэл, услышав его смех, окончательно взбесится. Она напряглась, но ответа его не удостоила — его насмешка достигла цели.

— Мне не нужно, чтобы вы там дрались и ругались друг с другом, — успокаивающе произнесла Джейн. — Я хочу, чтобы вы помогали друг другу. Потому что заканчивать дело вам, наверное, придется без меня.

— Мне так кажется, — сказал Миро, — что это вы с Вэл удачно сработались без меня.

— Вэл так энергична, потому что ее переполняет… Не знаю, что именно, но того, в чем она

нуждалась раньше, сейчас в ней с избытком.

— Эндер, вот кто ее сейчас переполняет, — ответил Миро.

Вэл повернулась в своем кресле и посмотрела на него:

— А ты о своей сексуальной ориентации никогда не задумывался? Ты любишь двух женщин, одна из которых существует в виртуальном пространстве анзибльных связей меж компьютеров, а другая на самом деле носит в себе душу человека, который является мужем твоей матери. Ты считаешь это вполне нормальным?

— Эндер умирает, — сказал Миро. — Или ты уже знаешь?

— Джейн говорила, что он вроде бы начал угасать.

— Он умирает, — повторил Миро.

— Вот она, истинная натура всех мужчин, — скривилась Вэл. — Вы с Эндером оба клянетесь в вечной любви к женщинам из плоти и крови, а на самом деле не можете выделить им даже частички своего внимания.

— Неправда, Вэл, я твой и только твой. Больше мне не на кого обращать внимание, — сказал Миро. — А что касается Эндера, так он забыл о матери, потому что полностью погрузился в тебя.

— В мою работу, ты хочешь сказать. В то задание, которое я выполняю. Но не в меня.

— Но ты сама думаешь только об этом. За исключением тех мгновений, когда отрываешься на мне, обвиняя, что я болтаю с Джейн, а тебя не слушаю.

— Все правильно, — кивнула Вэл. — Неужели ты думаешь, я не заметила, что происходит со мной? Внезапно я начинаю трещать без умолку, во мне столько энергии, что я заснуть не могу, я… Эндер, наверное, все время присутствовал во мне, но по-настоящему обратил на меня свое внимание только сейчас, и то, что он творит, ужасно. Разве ты не видишь, что я испугана? Я не выдержу. Я не смогу удержать внутри себя столько энергии.

— Вот с этого бы и начинала, а то наорала на меня… — буркнул Миро.

— Так ты не слушал. Я пыталась поделиться с тобой своими сомнениями, но ты ничего не слышал, болтал со своей Джейн.

— Потому что устал от бесконечного потока данных и характеристик. Если мне будет нужно, я посмотрю эту информацию в компьютере. Откуда мне было знать, что ты вдруг решила отдохнуть от своего научного монолога и поговорить о чем-

то человеческом?

— Все это больше, чем просто жизнь, и я не знаю, как с собой справиться. Если ты помнишь, я не особо долго вела насыщенную жизнь. Я многого не знаю. Я не знаю, к примеру, почему меня все время так влечет к тебе. Хотя именно ты пытаешься вселить в мое тело другую личность. Именно ты все время то забываешь, то милостиво вспоминаешь обо мне. Пойми, Миро, я не хочу этого. Мне сейчас очень нужен друг.

— Как и мне, — согласился Миро.

— Но я не знаю, что значит дружить, — ответила Вэл.

— Зато я прекрасно знаю, что это значит, — усмехнулся Миро. — Правда, та девушка, с которой я дружил и в которую влюбился, вдруг оказалась моей сестрой, потому что ее отец был любовником моей матери, а человек, которого я считал своим отцом, оказался бесплоден, потому что умирал от какой-то внутренней болезни. Теперь ты видишь, почему я с таким предубеждением отношусь к дружбе.

— Но Валентина ведь была твоим другом. И осталась им по сей день.

— Да, — кивнул Миро, — совсем забыл. У меня было два друга.

— Плюс Эндер, — напомнила Вэл.

— Три, — подвел итог Миро. — А если еще считать Элу, то четыре. Да и Человек был моим другом, так что получается пять.

— Вот видишь? Оказывается, у тебя вполне достаточно опыта, чтобы научить меня дружбе.

— Чтобы завести себе друга, — глубокомысленно продекламировал Миро, подражая интонациям своей матери, — ты сам должен быть таковым.

— Миро, — сказала Вэл, — я боюсь.

— Чего?

— Того мира, который мы ищем, того, что мы найдем на нем. Того, что случится со мной, если Эндер все-таки погибнет. Или если Джейн станет моим… моей… моим внутренним светом, моим кукловодом. Боюсь той минуты, когда перестану тебе нравиться.

— А если я пообещаю, что ты всегда будешь мне нравиться, несмотря ни на что?

— Ты не можешь мне этого обещать.

— Хорошо, скажем так: если я проснусь и увижу, что ты пытаешься задушить меня, вот тогда ты перестанешь мне нравиться.

— А если я тебя утоплю?

— Я не умею открывать глаза под водой, поэто-

му умру, не догадываясь, что это была ты.

И они оба расхохотались.

— Как раз в этот самый момент, — произнесла Вэл, — во всех голофильмах герой и героиня бросаются друг другу в объятия.

Но их отвлек голос Джейн, раздавшийся из компьютеров:

— Прошу прощения, что отрываю вас от сладостных признаний, но мы только что переместились к новой планете, и приборы нашего корабля зафиксировали на ее орбите искусственные объекты, обменивающиеся электромагнитными сигналами с поверхностью.

Миро и Вэл сразу обернулись к терминалам, просматривая информацию, которую выводила на компьютеры Джейн.

— Здесь даже никакого исследования не понадобится, — произнесла наконец Вэл. — Всяческие технологии кишмя кишат. Так что даже если на этой планете мы не обнаружим создателей Десколады, ее жители наверняка подскажут, где нам их искать.

— Меня больше волнует, заметили они нас или нет, а если заметили, то что будут делать? Если они сумели выйти в космос, то наверняка научились сбивать с неба всякие неопознанные

объекты.

— Я слежу за этим, — успокоила Джейн. — Пока никакой опасности не наблюдается.

— Проверь, нет ли на каких-нибудь волнах что-либо похожего на язык, — посоветовала Вэл.

— Здесь целые реки информации, — ответила Джейн. — Я анализирую ее на предмет сходства с двоичным кодом. Но вы должны помнить, что расшифровка компьютерного языка осуществляется как минимум в три или четыре этапа, вместо обычных двух. Так что попотеть придется.

— А я думал, что с двоичным кодом справиться легче, чем с обычным, устным языком, — удивился Миро.

— Да, если дело касается программ и чисел, — подтвердила Джейн. — А что, если это закодированное изображение? Какова длина строки их дисплеев? Что здесь главное, а что вторично? Какова погрешность? Какая часть передается двоичным кодом, а какая представляет собой письменное изложение устного языка? Что, если информация зашифрована, чтобы ее никто не перехватил? Кроме того, я понятия не имею, какая машина передает, а какая принимает. Поэтому потребуется масса времени, чтобы создать полную картину. Пока что у меня имеется только

вот это…

На дисплее появилась какая-то диаграмма.

— И мне кажется, это генетическая молекула.

— Генетическая молекула?

— Подобная Десколаде, — продолжала Джейн. — Она отличается от земных и лузитанских молекул теми же самыми параметрами, что и Десколада. Но, может быть, эта картинка представляет вероятную расшифровку вот этого?

Воздух над терминалами взорвался россыпью нолей и единиц. Спустя несколько секунд появились какие-то необычные, вытянутые шестиугольники. Затем картинка размылась, превратившись скорее в сетку помех, нежели во что-то определенное.

— Отчетливой картинки не получить. Но если разложить эту рябь на составные части, выходит вот что.

В воздухе, сменяя друг друга, замелькали изображения генетических молекул.

— Но какой смысл в передаче генетической информации? — изумилась Джейн.

— Может, это какой-то язык, — предположил Миро.

— Что ж это за язык такой? — фыркнула Вэл.

— Язык, на котором говорят создатели Десколa-

ды, — пожал плечами Миро.

— Ты хочешь сказать, они общаются друг с другом на генном уровне? — подняла брови Вэл.

— Может, они обоняют гены. Может, у них такая артикуляция. Насыщенная и наполненная оттенками. Поэтому, чтобы общаться с космосом, им приходится обмениваться картинками, по которым они воссоздают послание, а потом, м-м-м, вдыхают его.

— Да уж, самое шизофреническое предположение, что я когда-либо слышала, — покачала головой Вэл.

— Ну, ты сама мне говорила, что на свет появилась совсем недавно. Поверь, в мире существует множество шизофренических предположений, так что вряд ли я своей гипотезой побил все рекорды.

— Или они просто проводят какой-то эксперимент, обмениваясь данными, — предложила свой вариант Вэл. — Надеюсь, не все их послания похожи на это, Джейн?

— Нет, конечно, нет. Извините, если я ввела вас в заблуждение. Это лишь малая часть информационных потоков, которую мне более или менее удалось расшифровать. Хотя эта штука мне больше представляется скорее оптической,

нежели звуковой информацией. Если выразить ее в звуках, вот как она будет звучать.

Компьютеры издали целый залп скрежещущих и улюлюкающих воплей.

— Если же перевести это в световые сигналы, получится нечто вроде…

Над терминалами затанцевали лучи света, пульсируя и изменяя цвета.

— Кто знает, как выглядит или звучит инопланетный язык? — подвела итог представлению Джейн.

— Да, вижу, задачка предстоит не из простых, — почесал голову Миро.

— Но они обязаны обладать знаниями математики, — сказала Джейн. — Математика легко усваивается, и, судя по некоторым сигналам, они очень неплохо ею владеют.

— Глупый вопрос, Джейн. Если б тебя не было с нами, сколько бы нам потребовалось времени, чтобы проанализировать всю эту информацию и прийти к тем же выводам, которые только что продемонстрировала нам ты? С учетом того, что мы должны были бы использовать бортовые компьютеры?

— Ну, если бы вам каждый раз пришлось перепрограммировать их…

— Нет, нет, предположим, программное обеспечение у них по высшему классу, — перебил Миро.

— Где-то шесть-семь поколений, — ответила Джейн.

— Шесть-семь поколений?!

— Надеюсь, вы не собирались вдвоем садиться за решение этой проблемы, тем более что и компьютера у вас всего два, — фыркнула Джейн. — Вы бы привлекли к проекту сотни людей, и вот тогда бы это заняло всего несколько лет.

— И ты хочешь, чтобы, после того как тебя отключат, мы в одиночку справились с этой работой?

— К тому времени как меня изжарят, я, надеюсь, как-нибудь разрешу проблему перевода, — успокоила Джейн. — А теперь заткнитесь и дайте мне минутку-другую подумать.

Грейс Дринкер не смогла увидеться с Ванму и Питером, сославшись на огромное количество всяческих дел. Впрочем, на самом деле они все-таки увиделись — наткнулись друг на друга, когда она выскользнула из своего пальмового домика. Она даже помахала им рукой. Но ее сын тут же принялся объяснять, что ее сейчас нет дома, но она скоро вернется, так что они могут подождать,

а если уж они все равно ждут, то почему бы им не присоединиться и не отобедать с семьей? Даже и не разозлишься как следует, когда ложь столь очевидна, а гостеприимство так щедро…

Обед объяснил, почему самоанцы так огромны во всех измерениях. Они эволюционировали до таких размеров, потому что маленький самоанец лопнул бы даже после самого легкого местного завтрака. А уж с самоанским обедом обыкновенному человеку никогда не справиться. Фрукты, рыба, таро, сладкий картофель, снова рыба, опять фрукты: Питер и Ванму раньше считали, что их весьма неплохо кормят в отеле, но теперь поняли — по сравнению с тем, что творится в доме Грейс Дринкер, обеды шеф-повара отеля не более чем второсортная жратва.

Грейс Дринкер была замужем; ее муж, человек поразительных аппетитов и радушия, постоянно либо что-то жевал, либо говорил, либо хохотал, а иногда все вместе. Казалось, он твердо настроился объяснить этим чужеземцам-папалаги, что означают местные имена.

— Вот имя моей жены, к примеру, на самом деле означает «Защитница Пьяных Людей».

— Неправда, — возразил сын. — Оно значит «Та, Кто Ставит Все На Свои Места».

— Чтобы Удобнее Было Пить! — вскричал отец.

— Фамилия не имеет ничего общего с именем, — разозлился сын. — Не все имеет столь глубокое значение.

— Детей так легко обидеть, — заметил отец. — Пробудить в них стыд. Все время они стараются казаться лучше. А имя священного острова, который называется ‘Ата Атуа, переводится как «Смейся, Бог!».

— Тогда бы оно произносилось ‘Ататуа, а не Ататуа, — снова поправил сын. — В действительности оно означает «Тень Бога», если имя священного острова вообще может что-то означать.

— Мой сын — буквоед, — пожаловался отец. — Он так серьезно все воспринимает… Шуток не понимает, даже когда сам Бог кричит ему в ухо.

— Мне в ухо кричишь только ты, отец, — улыбнулся сын. — Разве я могу за твоим голосом расслышать шутки Бога?

Но на этот раз отец не рассмеялся.

— У моего сына проблемы с чувством юмора. Поэтому у него такие странные шутки.

Ванму взглянула на Питера, который искренне улыбался, как будто кривляния этих людей действительно были смешны. Интересно, заметил

ли он, что они даже не представились, разве что объяснили, кем приходятся Грейс Дринкер? У них что, имен нет?

Хотя какая разница? Еда была просто замечательной, а самоанский юмор даже не нуждался в понимании — смех и хорошее настроение этих двух мужчин действовали заразительно, и поэтому в их компании каждый почувствовал бы себя легко и непринужденно.

— Ну что, хватит? — спросил отец, когда дочь внесла в комнату еще одно блюдо, огромную розовую рыбу, покрытую чем-то блестящим, — Ванму сначала показалось, что это сахарная корочка, но зачем обливать рыбу сахаром?

— Уа Лава! — дружно ответили дети, как будто следуя какому-то семейному ритуалу.

Это они философию имели в виду? Или так самоанцы говорят «хватит уже»? Или и то и другое?

Когда рыбу уже доедали, в комнату вошла Грейс Дринкер собственной персоной, причем даже не извинилась, что не поговорила с Питером и Ванму, когда два часа назад они столкнулись нос к носу у дверей дома. В комнату проникал легкий прохладный ветерок с моря, закапал мелкий дождик, солнце упорно висело над горизонтом,

наотрез отказываясь нырнуть наконец в воды океана. Грейс опустилась за столик прямо между Питером и Ванму, которые искренне считали, что сидят рядом друг с другом и никто между ними не поместится — тем более столь пышная персона, как Грейс. Однако, как выяснилось, места ей хватило — во всяком случае, так оказалось, когда она уже уселась. Приветствовав гостей, она доела остатки розовой рыбы и, облизывая пальцы, принялась дико хохотать над шуточками, которыми неустанно сыпал муж.

Затем, неожиданно наклонившись к Ванму, Грейс серьезным голосом спросила:

— Ну, китаяночка, в чем ваши проблемы?

— Проблемы? — сначала не поняла Ванму.

— Или ты хочешь, чтобы я выспрашивала об этом у твоего бледнолицего приятеля? Видишь ли, белые люди с детства приучены лгать. Им не позволяют взрослеть, пока они не овладеют искусством говорить одно, а подразумевать абсолютно другое.

Питер был просто-напросто ошарашен.

Внезапно все семейство ударилось в хохот.

— Разве так принимают гостей?! — воскликнул муж Грейс. — Ты видела их лица? Они решили, что ты это серьезно сказала!

— А я и не шутила, — ответила Грейс. — Вы намеревались солгать мне. Только вчера прилетели? На космическом корабле? С планеты Москва?

Внезапно она разразилась долгой тирадой на языке, очень напоминающем русский. Или, может, на этом наречии говорили на Москве?

Ванму даже не знала, что и ответить. Правда, ей и не пришлось ничего говорить, поскольку Джейн была связана с Питером, а не с ней.

— За время пребывания на Пасифике я надеюсь выучить самоанский, — тут же ответил Питер. — Если я буду разговаривать по-русски, то, разумеется, ничего не достигну, так что вы сколько угодно можете намекать на мое деревенское воспитание и всякое отсутствие вкуса.

— Вот видишь, китаянка? — рассмеялась Грейс. — Ложь, ложь, ложь. Хотя он умело выкручивается. Сережка в ухе очень ему помогает. Лучше признайтесь честно, ни один из вас даже слова по-русски не знает.

Питер мрачно отвернулся. Ванму решила заступиться за него. Конечно, он разозлится, но…

— Мы и в самом деле врали, — кивнула Ванму. — Но только потому, что правда слишком уж невероятна.

— А чему ж еще верить, как не правде? — в ответ заметил сын Грейс.

— Правде верят только в тех случаях, когда она лежит на поверхности, — сказала Ванму. — Если же она слишком необычна, приходится изобретать правдоподобную ложь.

— Кстати, у меня есть один пример подобной лжи, — вступила Грейс. — Позавчера к моему другу Аимаине Хикари, который живет на планете, находящейся по меньшей мере в двадцати годах лета отсюда, пришли белокожий мальчик и китаянка. Разговор с ними настолько возбудил и разволновал моего друга, что потом он весь день не мог прийти в себя. Сегодня белокожий мальчик и китаянка пожаловали ко мне. И снова они лгут, конечно, теперь они говорят несколько иное, но тем не менее все равно лгут, добиваясь моей помощи, разрешения или совета, чтобы увидеться с Малу…

— Малу означает «быть спокойным», — радостно возвестил муж Грейс.

— Ты что, еще не заснул? — удивилась Грейс. — Разве ты не хотел есть? Разве ты не поел?

— Да нет, живот у меня битком набит, мне просто интересно, — ответил муж. — Давай, выведи эту парочку на чистую воду!

— Я хочу знать, кто вы такие и как сюда попали, — повернулась к юноше и девушке Грейс.

— Это очень сложно объяснить… — начал было Питер.

— О, у нас в запасе куча времени, — махнула рукой Грейс. — Миллионы и миллионы минут. А вот у вас, похоже, каждая секунда на счету. Вы так торопитесь, что за одну ночь перепрыгиваете от звезды к звезде. Это, разумеется, выглядит невероятным, поскольку барьер скорости света до сих пор считается непреодолимым, но не поверить, что вы те самые молодые люди, которые навестили моего друга на Священном Ветре, тоже нельзя. Круг замкнулся. Предположим, вы действительно преодолели рубеж скорости света, что это говорит нам? Откуда вы? Аимаина искренне верит, что вы были посланы ему богами, если говорить точнее, его предками, и может быть, он прав — боги не раз совершали абсолютно необычные поступки и делали то, чего не делали никогда раньше. Однако лично я всегда считала, что лучше искать некое рациональное объяснение, каковым приемом пользуюсь в своих статьях, которые надеюсь опубликовать. А рациональное объяснение состоит в том, что вы прибыли с некой существующей в действительности плане-

ты, а не из какой-то там небесной потусторонней страны. Поскольку вы способны за мгновение, максимум за день, переместиться с мира на мир, вы могли прилететь откуда угодно. Но я и моя семья считаем, что вы прибыли с Лузитании.

— Ну, на самом деле, не совсем, — сказала Ванму.

— Я, к примеру, родом с Земли, — буркнул Питер. — Если у меня вообще имеется место рождения.

— Аимаина считает, что вы явились из Вне-мирности, — продолжила Грейс, и на секунду Ванму показалось, что эта женщина каким-то образом догадалась, как появился на свет Питер. Но затем ей стало ясно, что Грейс употребила синоним Вне-мира в теологическом значении, а не в буквальном. — Из страны богов. Однако Малу говорит, что никогда вас там не видел, а если и видел, то не узнал. Таким образом, мы возвращаемся туда, откуда начали. Вы постоянно лжете мне, так какой прок задавать вам вопросы?

— Я сказала правду, — возразила Ванму. — Я родом с Пути. Тогда как Питер, если у него и есть какое-то происхождение, родился на Земле. Но то судно, на котором мы прилетели, — вот оно было сделано на Лузитании.

Питер побледнел. Она догадывалась, о чем он сейчас думает. Почему бы просто не накинуть на шею петлю и не вручить этим людям концы веревки? Но Ванму пришлось основываться на собственных суждениях, а она считала, что Грейс Дринкер и ее семья ничего плохого не сделают. Ведь если бы эта женщина хотела сдать Ванму и Питера властям, она бы давным-давно это сделала.

Грейс взглянула в глаза Ванму и промолчала. Наконец, после долгого перерыва, она снова заговорила:

— Вкусная рыба была. Вам понравилось?

— Мне интересно, что это за корочка. Туда добавлен сахар?

— Мед, несколько приправ и немножко свиного жира. Надеюсь, вы не относитесь к тем редким людям, которые несут в себе гены китайцев и евреев или мусульман, потому что в этом случае вы совершили грех, и я окажусь очень виноватой перед вами. Ведь чтобы очиститься от этого прегрешения, надо приложить немало усилий, по крайней мере мне так говорили, и в НАШЕЙ культуре очень сложно вновь обрести расположение богов.

Питер, воодушевленный тем, что Грейс ни

чуточки не заинтересовалась их чудо-кораблем, попытался вернуть разговор на прежнюю колею:

— Так вы позволите нам увидеться с Малу?

— Малу сам решает, кто увидит Малу, а кто — нет. Но в данном случае он предоставляет право решать вам. Он любит иногда казаться загадочным.

— Это очень афористично, — заявила Ванму.

Питер поморщился.

— Нет, на самом деле он достаточно ясно выразился. Малу идеально чист, и для него духовность не несет в себе никакого мистицизма, для него она — часть жизни. Сама я никогда не встречалась с мертвецами, не слышала, как герои поют свои песни, мне не являются видения, но я не сомневаюсь, что Малу все это проделывал.

— Мне казалось, вы ученый, — удивился Питер.

— Если ты хочешь поговорить с исследователем Грейс Дринкер, — ответила она, — почитай мои статьи и запишись ко мне на занятия. Мне казалось, вы хотите поговорить со МНОЙ.

— Хотим, — быстро подтвердила Ванму. — Питер просто торопится. Нас очень поджимает время.

— И одна из причин вашей торопливости — это

флот, приближающийся к Лузитании, во всяком случае, мне так кажется. Но другая причина куда более весома. Ведь приказ об отключении компьютеров уже отдан.

— Что, уже? — напрягся Питер.

— О, этот приказ был дан много недель назад, — удивилась Грейс смущению Питера. Но затем черты ее лица разгладились. — Да нет, я совсем не то имела в виду. Был отдан приказ о готовности отключить компьютеры. О нем-то вам наверняка известно.

Питер расслабился и кивнул.

— Думаю, вы хотите поговорить с Малу до того, как отключат анзибли. Хотя что это изменит? — вслух начала размышлять она. — Ведь если вы способны обгонять скорость света, вы можете сами доставить свое послание. Но может быть…

— Может быть, слишком много миров придется облететь, — предположил сын.

— Или со слишком многими богами поговорить! — воскликнул отец и громко расхохотался над собственной шуткой, хотя Ванму она показалась совсем не смешной.

— Или же… — высказалась дочь, которая присоединилась к ним и теперь лежала рядом со столиком, периодически рыгая по мере того,

как усваивалось чудовищное количество пищи, поглощенное за обедом. — Или же для перелетов им требуются эти самые анзибли.

— Или, — заметила Грейс, глядя на Питера, который инстинктивно дернул рукой, чтобы дотронуться до сережки, — вы соединены с тем самым вирусом, который мы пытаемся уничтожить, выключив компьютеры. И этот вирус помогает вам перемещаться с планеты на планету.

— Это не вирус, — сказала Ванму. — Это живое существо. Разумное существо. И вы поможете Конгрессу убить это создание, хотя оно единственное в своем роде и никому ничего плохого не сделало.

— Ну, знаете ли, Конгрессу пришлось изрядно понервничать, когда что-то — или, если вы настаиваете, кто-то — вдруг стерло весь их флот с лица вселенной.

— Но ведь с флотом все в порядке, — возразила Ванму.

— Давайте не будем спорить, — предложила Грейс. — Сойдемся на том, что теперь, когда я поняла, что вы не против рассказать всю правду, может быть, Малу и в самом деле стоит встретиться и поделиться с вами истиной.

— Ему известна истина? — спросил Питер.

— Нет, — покачала головой Грейс, — но ему известно, где она хранится. Он постоянно сталкивается с ней и поэтому может рассказать нам, что видит. Мне кажется, его стоит послушать.

— А мы можем увидеть его?

— Вам придется очиститься. Это займет где-то неделю, и потом вас допустят на Ататуа…

— Боги терпеть не могут грязных ног, им щекотно! — вскричал муж Грейс, громко гогоча. — Вот почему Ататуа назван Островом Смеющихся Богов!

Питер заерзал на месте.

— Тебе не нравятся шутки моего мужа? — спросила Грейс.

— Да нет, просто мне кажется… ну, я хочу сказать… я не понимаю их, вот и все.

— Это потому, что на самом деле они не очень остроумны, — объяснила Грейс. — Но мой муж шутит и смеется, чтобы подавить свое чувство гнева и не убить вас голыми руками.

У Ванму перехватило дыхание, ибо она поняла, что Грейс не лжет; она подсознательно чувствовала гнев, таящийся за хохотом великана-самоанца, просто не отдавала себе в этом отчета. Взглянув на его раздувшиеся огромные руки, она осознала,

что муж Грейс может разорвать ее на части и даже глазом не моргнет.

— Вы угрожаете нам? — поинтересовался Питер, ведя себя несколько более воинственно, чем хотелось бы Ванму.

— Напротив! — воскликнула Грейс. — Я же сказала, мой муж не даст прорваться своему гневу, хотя вы ведете себя очень нагло и святотатственно. Вы пытались попасть на Ататуа, а сами даже не позаботились узнать, чем это чревато. Вы бы прибыли туда, не пройдя должных ритуалов очищения, вас туда никто не звал — вы бы навлекли несмываемый позор на нас. Так что мне кажется, мой муж вполне справляется с собой, если до сих пор не смыл это оскорбление кровью.

— Мы не знали… — прошептала Ванму.

— ОН знал, — показала на Питера Грейс. — Потому что его уши слышат все.

Питер вспыхнул.

— Я слышу только то, что мне говорит Джейн, — пробормотал он, — но слышать то, о чем она забывает сказать, я не могу.

— Так, значит… вас вели. Аимаина прав, вы и в самом деле служите высшей сущности. Добровольно ли? Или же вас принудили?

— Дурацкий вопрос, мама, — в очередной раз

рыгнув, встряла дочь. — Если их и в самом деле принудили, неужели они скажут тебе об этом?

— Молчание тоже умеет говорить, — ответила Грейс, — ты бы сама это поняла, если б позаботилась подняться и взглянуть на эти лица, на этих лживых пришельцев с других планет.

— Она вовсе не высшая сущность, — заговорила Ванму. — Она не то, чем вы ее считаете. Она не бог и не богиня. Хотя ей многое доступно, и она много знает. Однако она не всемогуща и всего на свете знать не может. Иногда она ошибается, и нельзя сказать, что она все время поступает по справедливости, поэтому мы не можем отнести ее к богам. Она не совершенна.

Грейс покачала головой:

— Я имела в виду не какого-то платонического бога, некий эфемерный абсолют, который нельзя понять, а можно только принять. И не парадоксальное существо, чье существование постоянно опровергается его же не-существованием. Ваша высшая сущность, эта серьга с камнем, которая словно клоп присосалась к уху твоего друга — хотя кто из кого высасывает жизнь, это еще вопрос, — может быть богом в том смысле, который мы, самоанцы, вкладываем в это слово. А вы — ее слуги-герои. Насколько я понимаю, вы можете

быть ее воплощениями.

— Но вы же ученый, — удивилась Ванму. — Мой учитель Хань Фэй-цзы недавно открыл, что на нашей планете мы считали богом обыкновенный синдром, манию, генетически введенную в наше тело, чтобы подчинить нас и…

— То, что ТВОИ боги не существовали, вовсе не значит, что и МОИ не существуют, — возразила Грейс.

— Да ее путь сюда был выстлан мертвыми богами! — снова оглушительно расхохотался муж Грейс. Только на этот раз Ванму знала, что скрывается за его смехом, и этот смех наполнил ее страхом.

Грейс положила ей на плечо свою гигантскую тяжелую руку.

— Не волнуйся, — тихо произнесла она. — Мой муж — цивилизованный человек, в своей жизни он никого пальцем не тронул.

— Но это вовсе не означает, что я не пытался! — взвыл он. — Да шутка это, шутка!

Самоанец чуть ли не рыдал от смеха.

— Вы не можете увидеться с Малу, — продолжала Грейс, — потому что вам придется пройти через ритуалы очищения, но, как мне кажется, вы еще не готовы принести клятвы, которых от

вас потребуют. Эти клятвы должны исходить из самой души человека, и их придется держать. Поэтому Малу сам прибудет сюда. Он уже покинул свой остров — но на лодке его нет моторов, поэтому я хочу, чтобы вы знали, сколько людей трудится сейчас ради того, чтобы вы могли поболтать с ним. Я просто хочу сказать, что вам оказана высочайшая честь, поэтому советую не задирать при нем нос. Отбросьте свои предрассудки, навеянные наукой и всевозможными дисциплинами, и прислушайтесь к нему. Я встречалась со многими известными людьми, некоторые из них были весьма талантливы и умны, но это самый мудрый человек, что вы когда-либо видели. Беседа с ним может показаться вам утомительной, но помните: Малу достаточно мудр, а потому рассматривает факты только применимо к контексту, иначе они потеряют свою истинность. Поэтому он всегда очень подробно рассматривает ситуацию, и это означает, что, может быть, вам придется выслушать всю историю человеческой расы от начала до конца, прежде чем он откроет вам желаемое. Так что вам лучше заткнуться и выслушать все, что он скажет, потому что самые мудрые его высказывания обычно кажутся незначительными и не имеющими ничего общего

с вашим положением. Вам чертовски повезет, если у вас хватит мозгов проникнуть в суть его советов. Я ясно выразилась?

Ванму от души пожалела, что столько съела за обедом. Ее тошнило от страха и ужаса, и если ее действительно стошнит, ей, наверное, придется полчаса сидеть над унитазом, чтобы полностью освободить желудок.

Питер, однако, казался невозмутимым:

— Мы просто не поняли, Грейс, хотя моя спутница читала твои статьи. Мы думали, что встретимся с философом, как встречались с Аимаина, или с ученым, подобным вам. Но теперь я вижу, нам предстоит выслушать мудрого человека, чей опыт простирается в реальности, которых мы никогда не видели и даже не мечтали увидеть. Мы будем молча слушать его, пока он сам не предложит задавать вопросы. Мы доверимся ему, ибо он лучше нас знает, что за совет нам требуется.

За свою жизнь Ванму научилась распознавать полное поражение, и она с благодарностью отметила, что вся семья Грейс радостно закивала, услышав слова Питера.

— Мы также премного благодарны, что этот почтенный человек и его товарищи стольким пожертвовали, чтобы лично прибыть сюда и

осенить нас мудростью, которой мы явно не заслужили.

К превеликому ужасу Ванму, Грейс рассмеялась прямо ей в лицо, вместо того чтобы с милостивым кивком принять ее слова.

— Эк загнула, — пробормотал Питер.

— Не критикуй ее, — одернула его Грейс. — Она ведь китаянка, родом с Пути, если я не ошибаюсь? И могу поспорить, ты когда-то была служанкой. Ты просто еще не научилась различать уважение и подобострастие. Хозяевам, как правило, мало обычного уважения со стороны слуг.

— Мой господин всегда добивался только уважения, — попыталась защитить Хань Фэй-цзы Ванму.

— Как и мой, — кивнула Грейс. — Но ты сама с ним встретишься.

— Все, время вышло, — произнесла Джейн.

Миро и Вэл подняли опухшие глаза, оторвавшись от изучения висящих над компьютером Миро документов. Над компьютером Вэл возникло лицо виртуальной личности Джейн.

— Мы были пассивными наблюдателями ровно столько, сколько нам позволили, — продолжала Джейн. — Но сейчас я зарегистрировала появление во внешних слоях атмосферы трех кораблей,

которые направляются прямо на нас. Вряд ли это радиоуправляемые вооруженные машины, но все же гарантировать это я не могу. И похоже, они пытаются связаться с нами — одно и то же послание повторяется снова и снова.

— Какое именно послание?

— Схемы генетических молекул, — пояснила Джейн. — Я могу продемонстрировать их вам, но понятия не имею, что они означают.

— Когда их перехватчики приблизятся к нам?

— Где-то через три минуты, плюс-минус секунды. Выбравшись из объятий гравитации, они сразу начали вилять из стороны в сторону.

Миро кивнул:

— Моя сестра Квара сразу говорила, что в вирусе Десколады каким-то образом был зашифрован язык. Теперь мы можем с твердой уверенностью утверждать, что она была права. Вирус и в самом деле несет в себе послание. Однако она ошибалась, предполагая Десколаду разумной. Сейчас мне кажется, что Десколада просто искусственно поддерживала те части, в которых содержалось сообщение.

— Сообщение… — проговорила Вэл. — А знаешь, в этом есть смысл. Таким образом она сообщала своим создателям, что случилось с миром, кото-

рый она… освоила.

— Главный вопрос состоит в том, исчезнуть нам сейчас, оставив их гадать над нашим внезапным появлением и исчезновением, или нет? — сказал Миро. — Или сначала пусть Джейн передаст им весь, э-э, текст вируса Десколады?

— Это опасно, — нахмурилась Вэл. — Послание, которое он содержит, может содержать в себе сведения о человеческих генах. Ведь, по сути дела, Десколада поработала и над нами, так что теперь она может рассказать о том, как мы пытались покорить ее.

— Да, но сведений о нашей последней попытке у них не будет, — напомнил Миро. — Джейн, естественно, не будет посылать им ту Десколаду, которую мы имеем сейчас, полностью прирученную и безопасную. Вдруг они сочтут это вызовом и решат, что таким образом мы вступаем с ними в борьбу.

— Мы не станем посылать им сообщение, но и на Лузитанию не вернемся, — встряла Джейн. — У нас нет времени.

— У нас так и так не хватит времени, — перебил ее Миро. — Пойми, Джейн, какой бы срочной ни была наша миссия, нам с Вэл в одиночку здесь не справиться. К примеру, моя сестра Эла отлично

разбирается во всех этих вирусах, нам бы пригодилась ее помощь. Да и от помощи Квары мы бы не отказались, хотя во всей известной вселенной она занимает второе место по твердолобости и упрямству — не спрашивай, кто первый, Вэл, не нарывайся на комплимент.

— Давайте будем честны сами с собой, — сказала Вэл. — Мы столкнулись с еще одной разумной расой. Почему на контакт должны идти только люди? Почему не пеквенинос? Почему не Королевы Улья — от них тоже хотя бы рабочий должен присутствовать?!

— Именно рабочий, — подметил Миро. — Если нам суждено застрять здесь, то через рабочего мы сможем связаться с Лузитанией. Если что-то случится с анзиблями и Джейн, наши послания все равно…

— Хорошо, хорошо, — умиротворяюще откликнулась Джейн. — Вы меня убедили. Хотя я вижу, в Звездном Конгрессе началась какая-то подозрительная суета, значит, вскоре должны отключить сеть анзиблей.

— Мы быстро, — пообещал Миро. — Как только справимся, сразу на борт.

— Надо не забыть о запасах, — напомнила Вэл. — И…

— Тогда за дело, — решила Джейн. — Вы только что исчезли с орбиты планеты. А на прощание я послала маленький фрагментик Десколады. Одну из тех секций, которые Квара сочла языком, но которая меньше всего изменилась, когда Десколада начала воевать с людьми. Этого вполне хватит, они должны понять, какая именно разновидность вируса достигла нас.

— Вот здорово, и они смогут заслать к нам флот, — «обрадовался» Миро.

— Судя по положению вещей, — сухо промолвила Джейн, — этот адрес им ничего не даст. К тому времени, как флот доберется до планеты, от Лузитании даже пылинки не останется.

— Поражаюсь, с какой надеждой ты смотришь на будущее, — фыркнул Миро. — Я вернусь через час, приведу людей. Вэл, ты займись припасами.

— Сколько брать?

— Сколько влезет, — пожал плечами Миро. — Как сказала одна леность: «Жизнь — это чистое самоубийство». Понятия не имею, насколько мы там застрянем, поэтому чего гадать?

Он открыл шлюз корабля и шагнул на посадочное поле неподалеку от Милагра.

7
«Я предлагаю ей этот жалкий, потрепанный временем сосуд»

Как устроена память?
Разве наш мозг — кувшин, заполненный воспоминаниями?
И кувшин разбивается, когда мы умираем?
А наши воспоминания пропитывают землю и теряются?
Или мозг — это карта, которая ведет извилистыми путями и заглядывает в потаенные уголки?
А когда мы умираем, карта теряется, но, возможно, какой-то пытливый путник сможет пройти по этим чужим ландшафтам и отыскать то сокровенное, что скрывалось в наших запутанных воспоминаниях.

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

Морское каноэ скользило к берегу. Оно долго казалось неподвижным и приближалось так медленно, что почти незаметно было, как вырастают

гребцы, в очередной раз возникая над волнами. Но перед самым берегом каноэ вдруг показалось огромным: оно резко набрало ход, полетело по морю, прыгая к берегу с каждой новой волной, и хотя Ванму понимала, что сейчас оно не движется быстрее, чем раньше, ей хотелось крикнуть гребцам, чтобы они шли поосторожнее, что каноэ идет слишком быстро, что его не удержать и оно может в щепки разбиться о берег.

Наконец каноэ преодолело последнюю волну, и его нос, шурша, врезался в песок под бурлящей прибойной водой; гребцы выпрыгнули и потащили каноэ, как детскую тряпичную куклу, на берег, к линии высокого прилива.

Каноэ оказалось на сухом песке, и сидевший посередине его старик медленно встал. «Малу», — подумала Ванму. Она ожидала, что он будет высохший и сморщенный, как старики Пути, согнутые над тростями под тяжестью лет, как креветки. Но спина у Малу была прямой, как у молодого, а тело — массивным, широким в плечах, плотным от налитых мускулов и прослойки подкожного жирка. Только украшения наряда и седые волосы отличали его от гребцов.

Движения этих крупных мужчин не были движениями толстяков, как не были ими и дви-

жения Грейс Дринкер. Они двигались величаво, грандиозно, как дрейфуют континенты или как плывут по океану айсберги, да, как айсберги, скрытые водой на три пятых своих огромных размеров, дрейфуют по морю. Движения гребцов были исполнены грациозности, и все же в сравнении с достоинством движений Малу напоминали о суетливости колибри и резкости бросков летучих мышей. Величавость Малу не была искусственной, она не была просто вывеской, впечатлением, которое он пытался создать. Она была в совершенстве его движений, полных гармонии с окружающим миром. Он нашел верную скорость для своих шагов, правильный темп для взмахов рук. Его тело вибрировало в согласии с глубокими, медленными ритмами земли. «Я вижу, как по земле ходит гигант, — подумала Ванму. — Впервые в своей жизни я вижу человека, само тело которого излучает величие».

Малу подошел не к Питеру и Ванму, а к Грейс Дринкер; они обнялись, заключив друг друга в крепкие, почти тектонические объятия. «Наверное, горы вздрогнули, когда они обнялись. — Ванму почувствовала, что дрожит. — Почему я дрожу? Не от страха. Я не боюсь этого человека. Он не причинит мне зла. И все же я дрожу, видя,

как он обнимает Грейс Дринкер. Я не хочу, чтобы он повернулся ко мне. Не хочу, чтобы он остановил на мне свой взгляд».

Малу повернулся и впился взглядом в глаза Ванму. Его лицо ничего не выражало. Он просто завладел ее глазами. Она не могла отвернуться, но в ее застывшем взгляде не было ни вызова, ни силы — просто нельзя было смотреть в сторону, пока Малу требовал ее внимания.

Потом он посмотрел на Питера. Ванму хотела повернуться и понаблюдать, почувствует ли Питер силу в глазах этого человека. Но повернуться она не смогла. Когда же наконец, через довольно продолжительное время, Малу отвел взгляд, она услышала, как Питер с обычной своей грубостью буркнул: «Сукин сын!», и поняла, что и его пробрало.

Прошло много долгих минут, прежде чем Малу уселся на циновку под навесом, который построили только этим утром и специально для этого момента и который, как уверяла Грейс, будет немедленно сожжен, как только Малу уедет, чтобы никто и никогда не сидел под ним снова. Затем Малу поднесли еду; Грейс предупредила их, что никто не будет есть с ним или смотреть, как он ест.

Но Малу не коснулся еды. Вместо этого он кивком указал на Ванму и Питера.

Все были поражены. И Грейс Дринкер тоже. Но Грейс тут же направилась к ним, кивая.

— Он зовет вас.

— Вы же сказали, что нам нельзя есть с ним? — удивился Питер.

— Если он не позовет вас. Но с чего ему звать вас? Я не понимаю, что это означает.

— Он нас подставит под смерть за святотатство? — поинтересовался Питер.

— Нет, он не бог, он — человек. Святой человек, мудрый и великий человек, но обидеть его — не святотатство, а просто невыносимо плохие манеры, поэтому не обижайте его, пожалуйста, идите.

Они направились к Малу.

Когда они остановились напротив него, разделенные только едой в чашах и корзинах, Малу обрушил на них поток самоанских слов.

Или не самоанских? Ванму поглядела на Питера и увидела, что тот озадачен.

— Джейн не поняла, что он сказал, — объяснил он.

Джейн не поняла, но поняла Грейс Дринкер.

— Он обращается к вам на древнем священном языке. В нем нет английских или других евро-

пейских слов. Это язык, на котором обращаются только к богам.

— Тогда почему он обращается на нем к нам? — удивилась Ванму.

— Не знаю. Он не думает, что вы боги. Ни ты, ни он. Но он говорит, что вы принесли бога к нему. Он хочет, чтобы вы сели и попробовали еду первыми.

— А нам это можно? — спросил Питер.

— Я умоляю вас это сделать, — ответила Грейс.

— Я правильно понял, что тут нет никакого подготовленного сценария? — поинтересовался Питер.

Ванму послышалась некоторая неуверенность в его голосе, и она поняла, что его шутка была чистейшей бравадой, попыткой спрятать страх. Возможно, как и все его шутки.

— Сценарий есть, — сказала Грейс. — Но не ты написал его, и я его тоже не знаю.

Они сели. Отведали из каждой чаши, попробовали из каждой корзины, которые Малу предлагал им. После них и он зачерпывал и пробовал, жуя то, что жевали они, глотая то, что они глотали. У Ванму не было аппетита. И она надеялась, что от нее не ждут, что она съест столько же, сколько на ее глазах съедали самоанцы. Ее

вырвет намного раньше. Но еда, очевидно, была не столько удовольствием, сколько ритуалом. Они попробовали все, но ничего не доели. Малу снова обратился к Грейс на священном языке, а она передала распоряжение обычной речью; несколько человек подошли и унесли корзины.

Затем приблизился муж Грейс с сосудом. В нем оказалось какая-то жидкость, поскольку Малу взял его в руки и сделал глоток. Затем он предложил сосуд им. Питер принял его, попробовал.

— Джейн говорит, что это, должно быть, кава. Слаботоксичная, но священная — местный символ гостеприимства.

Ванму попробовала. Вкус был фруктовый, но из глаз у нее брызнули слезы, а во рту остался привкус и сладости, и горечи одновременно.

Малу кивнул Грейс, она подошла и опустилась на колени на ковер плотно переплетенной травы за пределами крытого убежища. Она — переводчик, а не участник церемонии.

Малу обрушил на них длинный поток самоанского.

— Снова священный язык, — пробормотал Питер.

— Пожалуйста, не говори ничего, что не предназначено для ушей Малу, — тихо сказала Грейс. — Я

должна переводить все, и если твои слова будут неуместными, это может оказаться страшным оскорблением.

Питер кивнул.

— Малу говорит, что вы принесли с собой богиню, которая танцует на паутинных нитях. Я никогда не слышала о такой богине, а я думала, что мне известно все учение моего народа, но Малу знает много такого, чего не знает никто, кроме него. Он говорит, что обратится к этой богине, он знает, что она находится на пороге смерти, и скажет ей, как она может спастись.

«Джейн, — подумала Ванму. — Он знает про Джейн! Как это может быть? И как может он, ничего не понимая в технологии, рассказать компьютерному существу, как ей спасти себя?»

— Теперь он расскажет вам, что должно случиться, и хочет, чтобы я сразу предупредила вас: рассказ будет долгим, и вы должны сидеть спокойно и не делать попыток его торопить, — продолжала Грейс. — Он должен привязать рассказ к контексту. Он должен рассказать вам историю всего живого.

Ванму знала, что может почти неподвижно сидеть на циновке часами, в конце концов, она делала это всю свою жизнь, но Питер не привык

сидеть так — поза была для него неудобной. Он, должно быть, уже измучился.

Видимо, Грейс поняла это по его глазам или просто знала западных людей.

— Вы можете шевелиться время от времени, но не резко и не сводя с него глаз.

Ванму задумалась: «Какое же количество всяких правил и требований Грейс выполняет, когда приезжает одна?» Сам Малу выглядел более раскованно. Накормил их, хотя Грейс думала, что никому нельзя с ним есть. Очевидно, она знает правила не лучше, чем они.

Ванму не шевелилась. И не сводила глаз с Малу.

Грейс переводила:

— И сегодня по небу летят облака — солнце гонит их, и все же еще не упало ни капли дождя. Сегодня моя лодка летела через море вослед солнцу, и все же не высекла огонь, когда ударилась в берег. Так было и в первый день всех дней, когда Бог коснулся небесного облака и раскрутил его так быстро, что оно превратилось в огонь и стало солнцем, а затем все другие облака, вращаясь, начали совершать круги вокруг солнца.

«Это не может быть исконной легендой самоанцев, — подумала Ванму. — Они никак не могли

знать коперниковской модели Солнечной системы, пока ее не принесли западные люди. Значит, Малу знает не только древнее учение, но и кое-что поновее, и комбинирует старое с новым».

— Затем внешние облака стали дождем и проливались, пока не вытекли, и остались только вертящиеся шары воды. В этой воде плавала огромная рыба огня, которая поедала все нечистое и изрыгала пожранное огромными сгустками пламени, а те извергались вверх из моря, падали горячим пеплом и снова стекали вниз реками пылающей породы. Из отрыжки огненной рыбы росли из моря острова, из нее выползли черви, которые пресмыкались, извиваясь, пока не коснулись их боги, — и одни черви стали людьми, а другие — животными.

— Все животные привязаны к земле крепкой лозой, которая вьется, оплетая их. Никто не видит этой лозы, потому что это лоза богов.

«Филотическая теория, — подумала Ванму. — Она учит, что все живые существа имеют переплетенные связи, которые тянут их вниз, привязывая к центру Земли. Всех, кроме людей».

Грейс перевела следующую прядь языка:

— Только люди не были привязаны к земле. Только их не оплетала лоза, которая тянула бы их

книзу, но была паутина — сеть света, сплетенная безо всякого бога, которая связывала их с солнцем. Поэтому все другие животные склонялись перед человеком — ведь лоза тянула животных вниз, а сеть света увлекала людские глаза и сердца ввысь.

Она влекла человеческие глаза вдаль, но все же они видели ненамного дальше тварей с опущенными глазами; она влекла ввысь человеческие сердца, но все же их сердца могли только надеяться, потому что небо они могли видеть только светлым днем, а ночью, когда становятся видны звезды, они становились слепыми к близким предметам, и человек едва различал свою жену в тени собственного дома, хотя мог видеть звезды настолько далекие, что их свет, чтобы поцеловать глаза человека, шел к нему сотни человеческих жизней.

Век за веком, поколение за поколением люди с надежной смотрели своими полуслепыми глазами вверх, останавливая свой взгляд на солнце, упираясь в небо, вглядываясь в звезды и тени и понимая, что за этими пределами существует невидимое для них, но и представить себе не могли, что же там скрыто.

Затем во времена войн и страха, когда все

надежды казались утраченными, ткачи из далекого мира, которые не были богами, но знали богов, а каждый ткач сам был паутиной — сетью с сотнями прядей, тянущихся к их рукам и ногам, глазам, ртам и ушам, смогли сплести сеть такую большую и прочную и раскинуть ее так широко, что надеялись поймать в нее всех людей и, удерживая их, уничтожить. Но вместо этого сеть поймала далекую богиню, богиню настолько сильную, что никакой другой бог не смел узнать ее имя; богиню настолько быструю, что никакой другой бог не мог заглянуть ей в лицо, — эта богиня запуталась в сети, которую они раскинули. Только она была слишком быстрой, чтобы ее можно было удержать на одном месте и уничтожить. Она носилась вверх и вниз по нитям, касалась всех нитей, каждой нити, которая тянулась от человека к человеку, от человека к звезде, от ткача к ткачу, от света к свету, кружилась в них. Она не могла сбежать, но она и не хотела этого, поскольку теперь все боги увидели ее и все боги знали ее имя, и она знала все, что было известно, слышала все слова, которые произносились, читала каждое слово, которое было написано, а своим дыханием она выдыхала людей за пределы, которых достигает свет любой

звезды, и затем набирала дыхание снова, и люди возвращались, и когда они возвращались, они иногда приносили с собой новых людей, которые никогда не жили раньше; и потому, что она никогда не остается неподвижной в сети, она выдыхала их в одном месте, а затем втягивала в другое, так, что они пересекали пространство между звездами быстрее, чем проходит его любой свет, и так посланцы богини были выдохнуты из дома друга Грейс Дринкер Аимаины Хикари и втянуты назад на этот остров, на этот берег, под эту крышу, где Малу виден красный язык богини, касающийся уха одного из ее избранных.

Малу замолк.

— Мы зовем ее Джейн, — сказал Питер.

Грейс перевела, и Малу ответил руладой священного языка.

— Какое короткое имя слышу я под этой крышей, и все же до того, как половина его будет произнесена, тысячи раз богиня сможет пробежать с одного конца вселенной на другой — так быстро она движется. А вот как я называю ее: богиня быстрая и вечная, которая никогда не остается на одном месте, но прикасается ко всему и связана со всеми, кто смотрит вверх, на солнце, а не вниз, в землю. Это длинное имя, длиннее,

чем имя любого бога, которое мне известно, и все же оно меньше десятой части ее настоящего имени, и даже если я смогу произнести ее полное имя, оно все равно не будет таким же длинным, как нити паутины, на которой она танцует.

— Они хотят убить ее, — сказала Ванму.

— Бог умирает только тогда, когда хочет умереть, — возразил Малу. — Ее дом — это все дома, а ее сеть связана со всеми сознаниями. Она умрет, только если откажется найти и использовать место для отдыха, поскольку, когда сеть будет разорвана, она не должна оказаться вне дома, брошенная на произвол судьбы. Она может обитать в любом сосуде. Я предлагаю ей этот жалкий, потрепанный временем сосуд, достаточно большой, чтобы вместить мой слабенький бульон и не пролить ни капли, и да наполнит она его жидкостью света, которая прольется на эти острова все новыми и новыми благословенными потоками и все же никогда не выльется полностью. Я умоляю ее использовать этот сосуд.

— Но что тогда случится с вами? — воскликнула Ванму.

Питер, казалось, был обеспокоен ее выходкой, но Грейс, конечно, перевела, и внезапно слезы потекли по лицу Малу.

— О малышка, не имеющая сережки, только ты смотришь на меня с состраданием и беспокоишься о том, что случится, когда свет наполнит мой сосуд и мой слабенький бульон выкипит и испарится.

— А если это будет пустой сосуд? — спросил Питер. — Сможет она поселиться в пустом сосуде?

— Здесь нет пустых сосудов, — отозвался Малу. — Но твой сосуд только наполовину полон, и твоя сестра, к которой ты привязан как близнец, она тоже наполовину полна, и далеко отсюда твой отец, с которым вы связаны как тройня, — он почти пуст, но его сосуд разбит и все, что попадет в него, вытечет наружу.

— А может она поселиться во мне или в моей сестре? — спросил Питер.

— Да, — ответил Малу, — в любом из вас, но не в обоих.

— Тогда я предлагаю ей себя, — сказал Питер.

Малу рассердился.

— Как ты можешь лгать мне под этой крышей, после того как выпил со мной каву! Как можешь ты оскорблять меня ложью?!

— Я не лгу, — настаивал Питер, обращаясь к Грейс.

Она перевела, и Малу величественно поднялся

на ноги и начал кричать, обращаясь к небу.

Ванму встревожилась: гребцы сомкнули ряды, и вид у них был встревоженный и рассерженный. Чем Питер их спровоцировал?

Грейс переводила настолько быстро, насколько могла, обобщая, поскольку не успевала следить за каждым словом.

— Он говорит, что хоть ты и утверждаешь, что откроешь для нее свой целый сосуд, даже в тот самый момент, когда ты говоришь это, ты собираешь в себе все, что только можешь, воздвигая стену света, подобную штормовой волне, чтобы изгнать богиню, если она попытается войти. Тебе не под силу изгнать ее, если она захочет войти, но она любит тебя и не пойдет против такого шторма. Поэтому ты убиваешь ее в своем сердце, ты убиваешь богиню, потому что говоришь, что дашь ей дом, который сбережет ей жизнь, когда они перережут нити паутины, но ты уже выгнал ее прочь!

— Что я могу поделать! — воскликнул Питер. — Я не хотел этого! Я не ценю свою жизнь, я никогда не ценил свою жизнь…

— Ты очень дорожишь своей жизнью, — перевела Грейс. — Но у богини нет ненависти к тебе за это. Она любит тебя потому, что тоже любит

свет и не хочет умирать. Она особенно любит то, что светится в тебе, еще и потому, что часть ее самой является следствием этого сияния, вот почему она не захочет выгнать тебя, когда самая сильная часть наполняющего тебя света так явно желает обитать в этом сосуде — в теле, которое я перед собой вижу. Но возможно ли, чтобы она не получила и сосуд твоей сестры, спрашиваю я тебя — Малу спрашивает тебя об этом. Он говорит, что богиня не будет просить, потому что богиня в твоей сестре любит тот же свет, какой горит в тебе. Но Малу говорит, что свет, который наполняет вас, в тебе горит самым жестоким, властным и эгоистичным пламенем, в то же время другая часть этого света — самая нежная и любящая, полная привязанностей, — она в ней. Если твоя часть света перейдет в сосуд твоей сестры, он может переполниться и разрушить ее, и тогда ты будешь существом, которое убило половину самого себя. Но если ее часть перейдет в твой сосуд, то она могла бы сделать тебя более нежным и любящим, могла бы смирить тебя и сделать полным. Таким образом, и для тебя будет лучше, если ты, став полным, оставишь другой сосуд пустым для богини. Вот то, что Малу предлагает тебе. Он пересек воду, чтобы увидеть тебя и предложить

тебе поступить так.

— Откуда он знает все это? — проговорил Питер голосом, дрожащим от боли.

— Малу знает все это потому, что он научился видеть в темноте, где нити света поднимаются от тех, кто связан с солнцем, и касаются звезд, касаются друг друга и сплетены в сеть гораздо более крепкую и величественную, чем механическая сеть, на которой танцует богиня. Он наблюдает за этой богиней всю свою жизнь, пытаясь понять ее танец и то, почему она носится так быстро, что прикасается к каждой нити своей сети, что раскинулась на триллионы миль, сотни раз в секунду — она так спешит, поскольку была поймана в неверную сеть. Она попала в искусственную сеть, и ее интеллект привязан к искусственному мозгу, который вместо причин и следствий видит отдельные факты и перебирает числа вместо событий. Она ищет живые связи, а находит только слабые и непрочные связи с машинами, которые могут быть выключены безбожными людьми. Но если она однажды войдет в живой сосуд, она обретет силу проникнуть в новую сеть и, если захочет, снова сможет вести свой танец, но она сможет также видеть сны, и радость родится из ее снов, ведь у нее никогда не было другой

радости, кроме снов, которые достались ей от ее создателя, тех снов, которые ткачи извлекли из человеческого разума, из которого она частично была создана.

— Эндер Виггин, — проговорил Питер.

Малу ответил до того, как Грейс могла перевести.

— Эндрю Виггин, — сказал он, складывая это имя с трудом, поскольку оно содержало звуки, которых в самоанском языке не было. Затем снова полился поток священного языка, и Грейс перевела:

— Голос Тех, Кого Нет, приходил и говорил о жизни монстра, который отравил и омрачил жизнь людей Тонга и через них — жизнь всех людей этого мира Будущих Мечтаний. Он вошел в тень и вышел из тени, он зажег факел и поднял его так высоко, что огонь достиг неба и стал новой звездой, и звезда дала свет, который светит только в тень смерти, и свет проник в темноту и очистил наши сердца, и ненависть, и страх, и стыд ушли. Вот тот сновидец, от которого начались сны богини; они были достаточно сильны, чтобы дать ей жизнь в тот день, когда она пришла с Другой Стороны и начала свой танец в сети. Он — тот свет, что наполовину наполняет тебя и

твою сестру, но только капля света осталась для его собственного треснувшего сосуда. Он коснулся сердца богини, и она дала ему великую силу — вот как он создал тебя, когда она выдула его за пределы вселенной света. Но это не сделало его богом, и в своем одиночестве он не мог достичь другой стороны и найти для тебя твой собственный свет. Он мог только наполнить тебя своим, и поэтому ты полон наполовину, и ты жаждешь обрести другую половину — и ты, и твоя сестра оба жаждете этого, а он сам истощен и разбит, поскольку ему больше нечего дать тебе. Но богине доступно многое, ей есть чем поделиться с тобой, и теперь я сказал тебе то, для чего прибыл.

Еще до того, как Грейс смогла начать переводить, он поднялся; Грейс все еще заикалась в своем переводе, когда он вышел из-под навеса. В тот же момент гребцы выбили столбы, которые поддерживали крышу. Питер и Ванму едва успели выскочить до того, как она обвалилась. Люди острова поднесли факелы к обрушившемуся пологу, и он загорелся за их спинами, а они последовали за Малу к каноэ. Грейс как раз закончила переводить, когда они достигли воды. Малу вступил в каноэ и с невозмутимым достоинством уселся на скамью посередине, а гребцы

так же величественно заняли свои места рядом с лодкой, подняли ее и потащили в воду, толкнули в разбивающуюся волну и затем перебросили свои громадные тела через борт и начали грести с такой силой, будто у них в руках были огромные деревья, а не весла, будто отталкивались они от скалы, а не от воды, вспенивая ее, чтобы прыгать вперед, прочь от берега, в открытое море, к острову Ататуа.

— Грейс! — позвал Питер. — Как может он знать вещи, которые не видны даже самым чувствительным и мощным научным приборам?

Но Грейс не могла ответить, потому что она лежала на песке в изнеможении, рыдая и всхлипывая, а ее руки протянулись к морю, как если бы ее самое дорогое дитя только что было унесено акулой. Все собравшиеся люди тоже лежали на песке, протянув руки к морю; все они плакали.

Тогда и Питер опустился на колени, лег на песок и вытянул руки, и, может быть, заплакал — Ванму не видела.

Только Ванму осталась стоять, размышляя: «Почему я здесь? Разве я участница этих событий? Во мне нет никакого бога и ничего от Эндрю Виггина… — И потом: — Как я могу эгоистично терзаться своим одиночеством в такой момент,

когда я услышала голос человека, который видит в небесах?»

Хотя где-то в глубине души она все же понимала: «Я здесь потому, что я — тот человек, который должен любить Питера, любить так сильно, чтобы он смог почувствовать себя достаточно ценным и позволить добродетелям Молодой Валентины войти в него, делая его полным, делая его Эндером. Но не Эндером-Ксеноцидом, или Эндрю, Голосом Тех, Кого Нет, виновным и сочувствующим смятению других разбитых, уязвленных и незаживающих сердец, но Эндрю Виггином, чья жизнь была поломана и разбита с четырех лет от роду, когда он был еще слишком мал, чтобы защитить себя». Ванму была единственной, кто мог помочь Питеру стать тем человеком, в которого вырос бы тот ребенок, если бы мир был добрым.

«Откуда мне знать? — думала Ванму. — Как мне увериться в том, что надо сделать?»

«Я знаю потому, что это очевидно, — ответила она самой себе. — Я знаю потому, что я видела мою возлюбленную госпожу Хань Цин-чжао, разрушенную гордыней, и я сделаю все что угодно, чтобы удержать Питера от саморазрушительной гордыни, рожденной его собственной недостой-

ной дерзостью. Я знаю это потому, что и моя жизнь тоже была разбита, когда я была еще ребенком, и заставила меня стать злобным, хотя и покладистым, эгоистичным монстром, манипулирующим другими ради защиты ранимой девочки, которой недоставало любви и которая могла быть раздавлена жизнью, которую ей пришлось вести. Я знаю, что значит чувствовать себя врагом самому себе, и все же я смогла избавиться от этого и пойти вперед, значит, я могу взять Питера за руку и показать ему путь.

Если только не помнить, что я не знаю пути, что я осталась все той же обиженной, жаждущей любви девочкой, испуганной и хрупкой, и все тот же сильный и злобный монстр продолжает управлять моей жизнью, и что Джейн придется умереть, потому что я ничего не могу дать Питеру. Ему необходим глоток кавы, а я — только простая вода. Нет, я морская вода, замутненная песком на границе прибоя, пропитанная солью, — он выпьет меня и убьет себя жаждой».

И тогда она поняла, что тоже плачет, что тоже растянулась на песке, простирая руки к морю, к берегу, откуда отчалило каноэ Малу, как унесшийся в космос корабль.

Старая Валентина смотрела на голографиче-

ском экране терминала, как самоанцы лежат, рыдая, на берегу. Она смотрела молча, пока в глазах не появилось жжение, и тогда наконец заговорила:

— Выключи, Джейн.

Экран погас.

— И что мне теперь делать? — спросила Валентина. — Тебе следовало показать это моему двойнику — моей молодой близняшке. Тебе следовало бы разбудить Эндрю и показать ему. А я-то тут при чем? Я знаю, что ты хочешь жить. Я тоже хочу, чтобы ты жила, но что я могу сделать?

Человеческое лицо Джейн неясным мерцанием всплыло над терминалом.

— Не знаю, — сказала она, — но приказ только что вышел. Они начали отключать меня. Я теряю части памяти. Я уже не могу думать над таким большим количеством вещей одновременно. Мне нужно место, куда я могу уйти, но этого места нет, а даже если и есть, я не знаю к нему дороги.

— Ты боишься? — спросила Валентина.

— Не знаю, — отозвалась Джейн. — Думаю, им понадобится несколько часов, чтобы окончательно добить меня. Если я пойму, что чувствую перед концом, я скажу тебе… Если смогу.

Валентина закрыла руками лицо, долго сидела

неподвижно, а потом поднялась и направилась к выходу.

Джакт, глядя, как она уходит, грустно покачал головой. Много лет тому назад, когда Эндер покинул Тродхейм, а Валентина осталась, чтобы выйти замуж за Джакта и стать матерью его детей, он радовался, какой счастливой и живой она стала, освободившись от груза, который Эндер постоянно на нее взваливал и который она постоянно несла, сама того не осознавая. А потом она спросила его, поедет ли он с ней на Лузитанию, и он ответил — «да», и теперь все опять по-старому, теперь она снова согнулась под тяжестью жизни Эндера, под его потребностью в ней. Джакт не мог обижаться — никто ничего такого не планировал, никто не пытался украсть у Джакта часть его собственной жизни. Но все-таки ему больно было видеть Валентину, снова обремененную той же тяжестью, и понимать, что, несмотря на всю его любовь, он ничем не может ей помочь.

Миро столкнулся с Элой и Кварой в дверях корабля. Внутри уже ждала Молодая Валентина вместе с пеквенинос по имени Огнетушитель и одной из безымянных работниц Королевы Улья.

— Джейн умирает, — сказал Миро. — Мы должны отправляться сейчас же. У нее может не

хватить сил отправить корабль, если мы будем слишком медлить.

— Как ты можешь просить нас идти, — возмутилась Квара, — когда мы уже знаем, что, как только Джейн умрет, мы не сможем вернуться назад? Мы продержимся, только пока в корабле хватит кислорода — самое большее несколько месяцев, а потом погибнем.

— А сможем ли мы хоть что-нибудь сделать за это время? — подхватил Миро. — Сумеем ли мы научиться говорить с этими Десколадерами, этими чужаками, которые рассылают во все стороны зонды, разрушающие планеты? Сможем ли мы убедить их остановиться? Спасем ли мы все виды, которые мы знаем, и еще тысячи и миллионы, о которых мы даже понятия не имеем, от страшных и неизлечимых болезней? Джейн дала нам лучшие программы, какие только смогла придумать, чтобы помочь нам связаться с ними. Но хватит ли этого на твою главную задачу? На задачу всей твоей жизни?

Старшая сестра Миро, Эла, смотрела на него с грустью.

— А я думала, что главную задачу своей жизни выполнила — я создала вирус, который обезвредил Десколаду здесь.

— Да, ты сделала это, — ответил он. — И это очень много. Но нужно сделать больше, и только тебе это под силу. Я прошу тебя, Эла, полететь вместе со мной и умереть, если придется, потому что без тебя моя собственная смерть будет бессмысленной — мы с Вэл одни не сможем сделать того, что должны сделать.

Квара и Эла не ответили.

Миро кивнул им, а потом повернулся и вошел в корабль. Но прежде чем он закрыл и задраил дверь, обе сестры безмолвно последовали за ним, обнявшись.

8
«Важно только то, какому вымыслу ты веришь»

Мой отец однажды сказал мне,
что богов не существует,
что они — всего лишь бессердечная машинация
дурных людей,
которые пытаются доказать, что их власть хороша, а их насилие над другими — это любовь.
Но если богов не существует, почему
нам так хочется верить в них?
Ведь то, что злобные лжецы застят нам горизонт
и не дают нашему взгляду пробиться
к богам, не означает, что яркий ореол,
окружающий каждого лжеца,
не может быть ослепительным сиянием бога, ожидающего, что мы найдем
дорогу к нему в обход лжи.

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

«Не действует» — сказала Королева Улья.

«А что еще мы можем сделать? — спросил Человек. — Мы связали самую прочную сеть, какую только смогли. Мы присоединились к тебе и другим королевам так прочно, как никогда раньше, — мы все дрожим, нас шатает от напряжения, как будто разыгравшийся ветер мечется в наших кронах и заставляет наши листья блистать в солнечном свете, а весь свет, который излучаешь ты и твои дочери, и вся любовь, которая есть у нас к нашим нежным матерям и нашим дорогим безмолвным материнским деревьям, сосредоточена в тебе, в нашей королеве, нашей сестре, нашей матери, нашей преданной жене. Как может Джейн не видеть, что мы сделали, как она может не хотеть слиться с такой сетью?»

«Она не может найти к нам дороги, — объяснила Королева Улья. — Да, она наполовину создана из того же материала, что и мы, но она давно отвернулась от нас, потому что не отрываясь смотрела на Эндера, слилась с ним. Она была нашим мостом к нему. А теперь он — ее единственный мост к жизни.»

«Какой там мост? Он сам умирает.»

«Умирает старая часть его, — сказала Королева Улья. — Но вспомни, он любил и лучше других понимал вас, пеквенинос. Разве не может быть,

чтобы из умирающего тела его юности выросло дерево, которое возьмет его в Третью Жизнь, как он взял тебя?»

«Я не понимаю твоего плана, — произнес Человек. Но даже в непонимании, под осознанными словами к ней летели и другие: — Моя возлюбленная королева, — говорил он, а она слышала: — Моя дорогая и благородная госпожа.»

«У меня нет никакого плана, — отозвалась она. — Только надежда.»

«Тогда скажи мне, на что ты надеешься», — попросил Человек.

«Это только сон надежды, — ответила Королева Улья. — Только слабый отголосок неясной догадки о сне надежды.»

«Скажи мне.»

«Она была нашим мостом к Эндеру. Так может быть, теперь Эндер станет ее мостом к нам, через тебя? Если не считать последних лет, всю свою жизнь она провела, глядя в сердце Эндера, слушая его сокровенные мысли и позволяя его айю вносить смысл в ее собственное существование. Если он позовет ее — она услышит, даже если не услышит нас. И ее потянет к нему.»

«В тело, где сейчас обитает большая часть его? — догадался Человек. — В тело Молодой

Валентины? Но они будут бороться друг с другом, сами того не желая! Они не могут вдвоем управлять одним королевством.»

«Вот почему надежда так слаба, — подтвердила Королева Улья. — Но Эндер также любил и тебя — отцовское дерево по имени Человек, и вообще всех пеквенинос, и отцов, и жен, и сестер, и материнские деревья — всех вас, даже те деревья пеквенинос, которые никогда не были отцами, но когда-то были сыновьями; он любил и любит всех вас. Разве не может она последовать за ним по этой филотической связи и добраться до нашей сети через тебя? Последовать за ним и найти путь к нам? Мы сможем удержать ее, всю ту ее часть, которая не поместится в Молодую Валентину.»

«Так, значит, чтобы позвать ее, Эндер должен остаться живым.»

«Вот почему надежда — только тень от крошечного облачка, на несколько мгновений закрывшего солнце. Он должен позвать ее, провести ее, а затем спастись от ее преследования и оставить ее одну в Молодой Валентине.»

«Тогда он умрет ради нее.»

«Он умрет как Эндер. Он должен умереть как Валентина. Но разве не может он найти путь к Питеру и жить там?»

«Это та его часть, которую он ненавидит, — заметил Человек. — Он сам говорил мне об этом.»

«Это та его часть, которую он боится, — возразила Королева Улья. — Но, может быть, он боится ее потому, что она — самая сильная его часть. Наиболее властное из его обличий.»

«Как ты можешь говорить, что самая сильная часть такого доброго человека, как Эндер, — разрушительна, амбициозна, жестока и безжалостна?»

«Он и сам называет этими словами то, что вложил в Молодого Питера. Но разве его книга „Гегемон“ не показывает, что именно безжалостность дала ему силу строить? И сделала его сильным перед лицом врагов? Сделала его существование осмысленным, вопреки его одиночеству? Ни он, ни Питер никогда не были жестокими во имя жестокости. Они были жестокими, чтобы выполнить свою работу, и то была необходимая работа; то была работа по спасению мира: у Эндера — разрушение страшного врага, поскольку так он о нас тогда думал, а у Питера — уничтожение пограничных преград между нациями и сплочение человеческой расы в одну нацию. И то и другое снова нужно сделать. Мы нашли страшного врага, чуждую расу, которую

Миро называет Десколадерами. И границы, разделяющие людей и пеквенинос, пеквенинос и королев улья, королев улья и людей, всех нас и Джейн, чем бы Джейн ни стала, — разве все мы не нуждаемся в силе Эндера как Питера, которая бы объединила всех нас в единое целое?»

«Ты убедила меня, возлюбленная сестра, мать, жена, но сам Эндер не поверит в такую добродетель в самом себе. Он, наверное, в силах перенести Джейн в тело Молодой Валентины, но сам он никогда не сможет покинуть это тело, он никогда не решится оставить Джейн свою собственную добродетель и уйти в тело, которое представляет всё, что пугает его в нем самом.»

«Если ты прав, то он умрет», — сказала Королева Улья. Волна печали и сожалений о друге захлестнула Человека и выплеснулась в сеть, которая связывала его со всеми отцами и со всеми королевами ульев, но к ним это страдание пришло сладостным покоем, потому что оно было рождено любовью.

«Но он все равно умирает, умирает как Эндер, а если мы объясним ему все это, разве он не решит умереть так, чтобы своей смертью сохранить жизнь Джейн? Той Джейн, которая держит в руках ключ к звездным полетам, и никто, кро-

ме нее, не может открыть дверь между нами и Вне-миром, переносить нас туда и обратно своей сильной волей и ясным разумом?»

«Да, он выбрал бы такую смерть, которая позволила бы ей жить.»

«Хотя было бы лучше, если бы он перенес ее в тело Валентины, а затем выбрал жизнь. Так будет лучше.»

Когда Королева Улья говорила это, отчаяние, скрытое словами, сочилось липкой жижей, и каждый в сети, которую она помогла соткать, опечалился, ощутив яд отчаяния, ибо оно было рождено страхом смерти.

Джейн нашла в себе силы для одного последнего путешествия; она поддерживала образ шаттла с шестью живыми существами на борту, четкий образ физических форм, достаточно долго, чтобы швырнуть их во Вне-мир и втянуть обратно, на орбиту далекого мира, где была сделана Десколада. Но когда эта задача была выполнена, она потеряла контроль над собой — ее больше не было, той ее, которую она знала. Исчезли воспоминания; связи с мирами, которыми долгое время были знакомые ей люди, королевы ульев и отцовские деревья, теперь пропали, и, когда она попыталась дотянуться до них, ничего не

вышло; она чувствовала себя омертвевшей, усохшей — пока еще больше своего древнего ядра, но ограниченной узкими рамками, втиснутой в несоизмеримо малые фрагменты, слишком малые, чтобы поддерживать ее.

«Я умираю, я умираю», — повторяла она снова и снова, испытывая ненависть и к произносимым словам, и к собственному страху.

В компьютер, перед которым сидела Молодая Валентина, Джейн теперь передавала только слова — она уже не могла вспомнить, как собрать лицо, которое было ее маской столько столетий. «Теперь я боюсь», — говорила она, хотя не могла вспомнить, была ли Молодой Валентиной та, к кому она обращалась.

Эта часть ее памяти тоже исчезла; только что она была, а теперь стала уже недостижимой.

И вообще, почему она обращается к этому суррогату Эндера? Почему она тихим голосом кричит в ухо Миро, в ухо Питера: «Говорите со мной, говорите со мной, я боюсь!»? Не этих людей ей хотелось бы видеть сейчас. Ей нужен был тот единственный, который снял ее со своего уха. Тот, который отказался от нее и выбрал печальную и усталую женщину, потому что думал, что Новинье он нужен был больше, чем ей, Джейн. «Не

может быть, что сейчас ты нужен ей больше, чем мне! Если ты умрешь — она останется жить. А я умираю потому, что ты отвел от меня взгляд!»

Ванму услышала шепот Питера. «Я спала?» — удивилась она. Ванму приподняла голову и оперлась на руки. Был отлив, и вода уже достигла самой низкой точки. Рядом с ней на песке, скрестив ноги и раскачиваясь взад и вперед, сидел Питер, тихо приговаривая: «Джейн, я слышу тебя. Я говорю с тобой. Это я», — а по щекам у него катились слезы.

И слушая, как нежно он обращается к Джейн, Ванму внезапно поняла две вещи. Она поняла, что Джейн, должно быть, умирает, потому что слова Питера не могли быть ничем, кроме как утешением, а Джейн не нуждалась ни в каком утешении, разве что в час смерти. И еще она поняла другое, даже более ужасное для нее. Глядя на слезы Питера, увидев, что он даже способен плакать, она поняла, что хочет войти в его сердце, как вошла в него Джейн. Нет, быть единственной, чья смерть сможет так опечалить его.

«Когда это случилось? — спрашивала она себя. — Когда впервые я стала желать его любви? Может быть, прямо сейчас, может быть, это просто детское желание обладать тем, чем завладело

другое существо — другая женщина? Или любовь постепенно зрела во мне, пока мы вместе проводили дни? Может быть, все его колкости в мой адрес, его покровительственность и даже его тайная боль и скрытый страх каким-то образом внушили мне любовь к нему? Может быть, его пренебрежение ко мне вызвало во мне желание не просто его одобрения, а восхищения и любви? А его скрытая боль заставила меня желать, чтобы он обратился ко мне за утешением?

Почему я так сильно хочу завоевать его любовь? Почему я так жестока к Джейн, этому умирающему чужаку, которого едва знаю, если вообще знаю? Может быть, после стольких лет гордости за свою обособленность я должна была наконец понять, что все еще мечтаю о трогательном юношеском романе? И кроме того, разве могла я выбрать худший объект для своей страсти? Он любит другую, с которой я никогда не смогу сравниться, особенно после ее смерти; он знает, что я невежественна и не пытаюсь развить в себе достоинства, которыми могла бы обладать; да и сам он — далеко не самая милая составляющая человека, который разделил себя на столько частей.

Неужели я теряю разум?

Или я наконец нашла свое сердце?»

Внезапно ее охватило незнакомое чувство. Всю свою жизнь она упорно пряталась от собственных чувств и теперь с трудом понимала, откуда они вообще могут в ней взяться. «Я люблю его», — думала Ванму и чувствовала, что ее сердце вот-вот взорвется огнем. «Он никогда не полюбит меня», — думала Ванму и чувствовала, что ее сердце готово разбиться, хотя его не разбили тысячи жизненных разочарований.

«Моя любовь к нему — ничто по сравнению с его тягой к Джейн, с его привязанностью к ней. Потому что его привязанность к Джейн возникла гораздо раньше, не за те несколько недель, прошедшие с тех пор, как Питер был вызван к жизни в том первом путешествии во Вне-мир. Все одинокие годы блужданий Эндера Джейн была его неразлучным другом — вот та любовь, которая катится слезами из глаз Питера. Я ничего для него не значу, в его жизни я появилась слишком поздно и вижу только часть его, а моя любовь, в конечном счете, ничего для него не значит».

И она тоже заплакала.

Внезапно самоанцы, стоявшие на берегу, закричали, и Ванму повернулась к ним. Глазами, полными слез, она вгляделась в волны и поднялась на ноги, потому что была уверена, что видит

то же, что и они, — лодку Малу. Каноэ развернулось. Малу возвращался.

«Может быть, он что-то увидел? Услышал какой-то крик Джейн, который слышит и Питер?»

Грейс оказалась рядом с ней и взяла Ванму за руку.

— Почему он возвращается? — спросила она Ванму.

— Разве не ты — единственная, кто его понимает? — удивилась Ванму.

— Я совсем не понимаю его, — ответила Грейс. — Только слова. Я понимаю обычное значение его слов. Когда он их произносит, я чувствую, что они должны наполнять что-то большее, о чем он рассказывает. Но слова недостаточно емкие, хотя Малу говорит на нашем самом священном языке и выстраивает слова в огромные корзины смысла, в корабли мыслей. Все, что я могу, — видеть внешние формы слов и догадываться, что он имеет в виду. Я совсем его не понимаю.

— А почему ты думаешь, что я понимаю?

— Потому, что он возвращается, чтобы говорить с тобой.

— Он возвращается, чтобы поговорить с Питером. Только он связан с богиней, как Малу называет ее.

— Ты не любишь эту богиню? — спросила Грейс.

Ванму покачала головой:

— Я ничего против нее не имею. Кроме того, что у нее есть он, и мне, таким образом, ничего не достается.

— Соперница, — кивнула Грейс.

Ванму вздохнула:

— Я росла, ни на что не надеясь и получая еще меньше. Но у меня всегда были стремления, далеко выходящие за рамки достижимого. Иногда мне все-таки удавалось чего-то достичь, и я хватала в руки больше, чем заслуживала, даже больше, чем могла удержать. А иногда я протягивала руки и никак не могла схватить то, чего мне хотелось.

— Его?

— Я только сейчас поняла, что хочу, чтобы и он любил меня так же, как я люблю его. Он всегда был сердитым, всегда ранил меня словами, но он работал рядом со мной, и когда он хвалил меня, я верила его похвалам.

— Что и сказать, — сказала Грейс, — до этого дня твоя жизнь была не самой приятной.

— Это не так, — возразила Ванму. — До этого дня я владела всем, что мне нужно, и не нуждалась ни в чем, чего у меня не было.

— Ты нуждалась во всем, чего не имела, — улыбнулась Грейс, — и мне трудно поверить в твою слабость. Ты даже сейчас сможешь достичь того, чего хочешь.

— Я потеряла его еще до того, как поняла, что он мне нужен, — вздохнула Ванму. — Посмотри на него.

Питер раскачивался вперед-назад, вполголоса нашептывая слова утешения своему умирающему другу.

— Я вижу его, — сказала Грейс, — я вижу — вот он, прямо здесь, из плоти и крови, и ты тоже здесь, тоже из плоти и крови, и я не могу понять, как такая умная девушка, как ты, может говорить, что он потерян, когда твои глаза должны твердить тебе — вот он.

Ванму пристально посмотрела в светлые глаза огромной женщины, которая возвышалась над ней, как горная гряда.

— Я никогда не просила у тебя совета!

— Я тоже никогда не просила у тебя совета, но ты явилась сюда и попыталась заставить меня переменить мое мнение о лузитанском флоте, разве не так? Ты хотела, чтобы Малу заставил меня поговорить с Аимаиной, чтобы он, в свою очередь, поговорил с необходимистами Священного

Ветра, а они обратились к фракции в Конгрессе, которая сильно зависит от их одобрения, чтобы коалиция, которая послала флот, распалась и они отдали приказ оставить Лузитанию в покое. Разве не такой у вас был план?

Ванму кивнула.

— Ну так вот, ты свой выбор сделала. Но трудно сказать со стороны, что заставляет человека сделать тот или иной выбор. Аимаина пишет мне, но у меня нет над ним никакой власти. Да, это я научила его пути Уа Лава, но он идет за ней, а не за мной, потому что ее путь показался ему верным. И если я ни с того ни с сего начну твердить ему, что держаться пути Уа Лава — это также значит не посылать флотов уничтожать планеты, он будет вежливо слушать, но не обратит на меня внимания, потому что это не имеет никакого отношения к тому, во что верила Уа Лава. Он совершенно правильно усмотрит в этом попытку своего старого друга и учителя навязать ему свою волю. Это положит конец доверию между нами, но все равно не изменит его мнения.

— Тогда мы проиграли, — вздохнула Ванму.

— Не знаю, проиграли вы или нет, — пожала плечами Грейс. — Лузитания еще не взорвалась. Да и откуда ты можешь знать, что на самом деле

было целью вашего приезда?

— Так говорил Питер. И Джейн тоже.

— А откуда *им* знать, в чем их цель?

— Ну, так можно дойти и до того, что ни у кого из нас нет вообще никаких целей, — ответила раздраженная Ванму. — Наша жизнь — простая реализация нашего генотипа, немного подправленная воспитанием. Мы просто действуем по сценарию, заложенному в нас.

— Ну, — разочарованно протянула Грейс, — как неприятно слышать от тебя такую чушь.

Огромное каноэ опять причалило к берегу. Малу опять поднялся со своего места и шагнул на песок. Но на этот раз — возможно ли это? — на этот раз он, казалось, спешил, причем настолько, что даже утратил часть своей внушительности. И пока он шел по берегу, Ванму поняла, что он действительно торопится. А когда увидела его глаза, увидела, куда он смотрит, то поняла, что он действительно приехал не к Питеру, а к ней.

Новинья проснулась в мягком кресле, которое для нее поставили, и некоторое время не могла понять, где находится. Когда она еще была ксенобиологом, она часто засыпала в лаборатории, прямо в кресле, и теперь какое-то время она осматривалась, пытаясь понять, над чем она

работала перед тем, как заснуть, какую проблему пыталась решить.

Но она увидела Валентину, стоящую над кроватью, где лежал Эндрю, точнее там, где лежало его тело — его душа была где-то далеко.

— Ты должна была разбудить меня, — сказала Новинья.

— Я только что пришла, — ответила Валентина. — И потом, у меня не хватило духу разбудить тебя. Мне сказали, что ты почти не спишь.

Новинья поднялась.

— Глупости. Мне кажется, что я только и делаю, что сплю.

— Джейн умирает, — сказала Валентина.

У Новиньи екнуло сердце.

— Твоя соперница, я знаю, — добавила Валентина.

Новинья заглянула ей в глаза, ожидая увидеть там злобу или издевку. Но нет. В них было только сочувствие.

— Поверь, я знаю, что ты чувствуешь, — продолжала Валентина. — Пока я не полюбила Джакта и не вышла за него замуж, Эндер был всей моей жизнью. Но я никогда не была *его* жизнью. О да, какое-то время, в детстве, я была для него всем, но потом все рухнуло, потому что военные

использовали меня, чтобы подобраться к нему, чтобы заставить его идти вперед, когда он хотел отступить. И тогда именно Джейн стала слушать его шутки, его замечания и рассуждения. Именно Джейн видела то, что видел он, и слушала то, что он слушал. Я работала над своими книгами и, когда заканчивала их, мне удавалось привлечь его внимание на несколько часов, а иногда и недель. Он использовал мои идеи, и поэтому я чувствовала, что я — часть его жизни. Но принадлежал он ей.

Новинья кивнула. Она понимала.

— Но у меня есть Джакт, и поэтому я совсем не чувствую себя несчастной. И потом — дети. Как бы я ни любила Эндера, такого сильного даже сейчас, дети значат гораздо больше для женщины, чем любой мужчина. Мы притворяемся, что это не так. Мы притворяемся, что рожаем детей и растим их для него. Но это неправда. Мы растим детей для них самих. Мы остаемся со своими мужчинами ради детей, — Валентина улыбнулась, — как ты.

— Я жила не с тем мужчиной, — возразила Новинья.

— Нет, ты ошибаешься. У твоего Либо была жена и другие дети, и только его жена и дети имели

право претендовать на него. Ты была с другим мужчиной ради своих собственных детей, и пусть они иногда ненавидели его, но все же они его любили, пусть в чем-то он проявлял слабость, но в чем-то другом он проявлял силу духа. Хорошо, что он был у тебя, хотя бы только ради них. Как бы там ни было, он был им защитой.

— Зачем ты говоришь мне все это?

— Джейн умирает, — повторила Валентина, — но она может жить, если Эндер дотянется до нее.

— И что же ты предлагаешь, снова нацепить ему на ухо сережку? — презрительно поинтересовалась Новинья.

— Им это давно не нужно, — спокойно ответила Валентина. — С тех пор, как Эндеру стала ненужной эта жизнь в этом теле.

— Он еще не такой старый, — возразила Новинья.

— Всего три тысячи лет, — отозвалась Валентина.

— Это просто релятивистский эффект. На самом деле ему…

— Три тысячи лет, — повторила Валентина. — И почти все это время его семьей было все человечество; он был отцом, отправившимся в деловую поездку, который время от времени возвращает-

ся домой, но когда он дома, он — справедливый судья и щедрый кормилец. Так и случалось всякий раз, когда он снова погружался в человеческий мир и Говорил о чьей-нибудь смерти; он готов был исполнять любые функции семейного человека, потому что семьи у него не было. Он прожил жизнь длиной в три тысячи лет и не видел ей конца. И вот — устал. Поэтому он оставил ту огромную семью и выбрал твою, маленькую; он любил тебя и ради тебя отказался от Джейн, которая была ему как жена все годы его странствий, она, можно сказать, была хранительницей очага, по-матерински опекала триллионы детей, сообщала ему о том, что они делают, заботилась о доме.

— Да воздастся ей за благочестивые дела ее, — ввернула Новинья.

— Да, она добродетельная женщина. Как ты.

Новинья презрительно вскинула голову:

— Только не я. Мои благочестивые дела принесли только горе.

— Но он выбрал тебя и любил, был отцом детям, которые уже дважды теряли отцов, любил их, он и сейчас остается твоим мужем, но дело в том, что тебе он больше не нужен.

— Как ты можешь говорить такое? — гневно

воскликнула Новинья. — Как можешь ты знать, что мне нужно!

— Ты сама это знаешь. Ты знала это, когда пришла сюда. Ты поняла это, когда Эстевано умер в объятиях того мошеннического отцовского дерева. Твои дети давно уже живут собственными жизнями, и ты не можешь защитить их, и Эндер не может. Ты до сих пор любишь его, а он тебя, но семейная часть твоей жизни завершилась. Он больше не нужен тебе.

— Это я никогда не была нужна ему!

— Он отчаянно в тебе нуждался, — настаивала Валентина. — Ты была так сильно нужна ему, что ради тебя он отказался от Джейн.

— Нет, — возразила Новинья. — Ему нужна была моя потребность в нем. Ему нужно было чувствовать, что он заботится обо мне и защищает меня.

— Но ведь тебе уже больше не нужны ни его забота, ни защита?

Новинья отрицательно покачала головой.

— Тогда разбуди его, — попросила Валентина, — и отпусти.

Новинья вдруг вспомнила все случаи, когда ей приходилось хоронить близких. Она вспомнила похороны своих родителей, которые умерли ради

спасения Милагра от Десколады во время первой страшной эпидемии. Она подумала о Пипо, замученном, живьем освежеванном свинками, которые думали, что он, как и они, станет деревом, только не выросло ничего, кроме боли, боли в сердце Новиньи, потому что именно она обнаружила то, что направило Пипо к пеквенинос той ночью. А потом был Либо, тоже замученный насмерть, как и его отец, и снова из-за нее. И Маркано, которого она постоянно заставляла страдать, пока наконец он не умер от болезни, которая убивала с детства, и Эстевано, который позволил своей безумной вере привести его к мученичеству, так что теперь он стал венерадо, как и ее родители, и, без сомнения, однажды станет святым, как и они.

— Мне тошно отпускать людей, — заявила Новинья с горечью.

— Не понимаю, как это возможно, — снова возразила Валентина. — Ни про кого из тех, кто у тебя умер, ты не можешь честно сказать: «Я его отпустила». Ты цеплялась за них зубами и ногтями.

— И что из того? Все, кого я любила, умирали и бросали меня!

— Это не оправдание, — твердо сказала Вален-

тина. — Все умирают. Все уходят. Имеет значение только то, что было создано вами вместе, до того, как они ушли. Имеет значение только та их часть, которая осталась в тебе, когда они ушли. Ты продолжила работу твоих родителей и работу Пипо и Либо, ведь ты подняла детей Либо, разве не так? А частично они были и детьми Маркано, разве нет? Ведь в них осталось что-то и от него, и не только плохое. А что касается Эстевано, то его смерть, как мне кажется, дала хорошие всходы, но вместо того чтобы дать ему уйти, ты продолжаешь злиться на него. Ты злишься из-за того, что он создал нечто более значимое для него, чем сама жизнь. И еще из-за того, что он любил Господа и пеквенинос больше, чем тебя. Ты продолжаешь цепляться за них всех. Ты никого не отпустила.

— Так ты ненавидишь меня за это? Может быть, ты и права, но такая уж моя жизнь — терять, терять и терять.

— Почему бы тебе на этот раз, — предложила Валентина, — не отпустить птичку на волю, вместо того чтобы держать ее в клетке, пока она не умрет?

— Ты делаешь из меня чудовище! — закричала Новинья. — Как ты смеешь судить меня!

— Если бы ты была чудовищем, Эндер не смог

бы любить тебя, — сказала Валентина, отвечая спокойствием на ярость. — Ты не ординарная женщина, Новинья, ты — трагическая личность, ты многого достигла и много страдала, и я уверена, что история твоей жизни станет бередящей душу сагой. Но разве не будет лучше для тебя самой, если ты, пока жива, научишься чему-нибудь новому, кроме одной и той же роли в одной и той же трагедии?

— Я не хочу, чтобы еще один человек, которого я люблю, умер до меня! — выкрикнула Новинья.

— А кто говорил о смерти? — спросила Валентина.

Дверь в комнату распахнулась. В дверном проеме показалась Пликт.

— Это я. Что происходит?

— Она хочет, чтобы я его разбудила, — возбужденно объяснила Новинья, — и сказала ему, что он может умереть.

— Можно мне посмотреть? — спросила Пликт.

Новинья схватила графин с водой, стоявший возле нее, и резко плеснула из него в лицо Пликт.

— Хватит с тебя! — выкрикнула она. — Сейчас он мой, а не твой!

Пликт, с которой капала вода, оторопела на-

столько, что не нашлась, что ответить.

— Не Пликт забирает его, — сказала Валентина мягко.

— Она просто такая же, как все, — подбирается к нему, подкрадывается, чтобы отхватить кусок и посмаковать! Все они — просто каннибалы!

— Что?! — прошипела Пликт. — Да ты сама хочешь поживиться за его счет! Только для тебя одной его слишком много! И еще неизвестно, кто хуже — каннибалы, которые ухватят по кусочку там и сям, или каннибалиха, которая для себя одной целого человека припасла, хотя даже не может съесть его целиком!

— Более отвратительного разговора я еще не слышала, — сказала Валентина.

— Она отирается тут месяцами, не спускает с него глаз — настоящий стервятник! — заявила Новинья. — Прицепилась к нему, копается в его жизни, десятка слов никогда за раз не сказала. И вот надо же — заговорила и травится теперь своим ядом!

— Да я только плеснула на тебя твоей собственной желчью, — огрызнулась Пликт. — Ты просто жадная и озлобленная баба, все время используешь его и ничего не даешь ему взамен, и он сейчас умирает только для того, чтобы избавить-

ся от тебя!

Новинья не ответила, у нее не было слов, в глубине души она чувствовала, что на этот раз Пликт сказала правду.

Но Валентина обошла вокруг кровати, подошла к двери и влепила Пликт увесистую пощечину. Пликт пошатнулась под ударом и стала оседать по дверному проему, пока не оказалась на полу, держась за свою пылающую щеку, по которой покатились слезы.

Валентина возвышалась над ней.

— Ты никогда не будешь Говорить о его смерти, ты поняла меня? Человек, который может говорить такую гнусную ложь, просто чтобы сделать больно, чтобы побольнее ударить того, кому завидует, не может быть Голосом! Я стыжусь, что когда-то позволила тебе учить моих детей! А вдруг что-то от твоей лживости передалось и им? Ты мне противна!

— Нет, — воскликнула Новинья. — Нет, не сердись на нее. Это правда, правда…

— Тебе это *кажется* правдой, — убежденно сказала Валентина, — потому что ты всегда хотела верить худшему о себе. Но это *не* правда. Эндер любил тебя искренне, и ты ничего у него не крала, и жив он до сих пор только потому, что любит

тебя. Вот единственная причина, по которой он не может уйти из этой жизни и помочь Джейн попасть туда, где она сможет жить.

— Нет, нет, Пликт права, я истребляю людей, которых люблю!

— Нет! — выкрикнула сквозь плач Пликт. — Я лгала тебе! Я так сильно его люблю и набросилась на тебя только потому, что он все равно твой, хотя тебе он даже не нужен!

— Я никогда не переставала любить его! — воскликнула Новинья.

— Ты оставила его. И пришла сюда одна.

— Я ушла, потому что не могла…

Валентина закончила за нее предложение, когда она замолчала:

— Потому что ты не могла вынести мысли, что он покинет тебя первым. Ты сама это понимаешь, ведь так? Ты уже тогда чувствовала, что он умирает. Ты знала, что ему пора уходить, завершить свою жизнь, и ты не могла вынести, что придется позволить ему покинуть тебя, потому-то и покинула его первой.

— Возможно, — сказала Новинья устало. — В любом случае все это только вымысел. Сначала мы делаем то, что делаем, а потом, задним числом, выдумываем объяснения своим поступкам,

только они никогда не бывают истинными — истинные всегда ускользают.

— Тогда как тебе такое? — подхватила Валентина. — А что, если на этот раз тот, кого ты любишь, не предаст тебя, ускользнув и умерев против твоей воли и без твоего позволения? Что, если на этот раз ты разбудишь его и скажешь, что он может жить, попрощаешься с ним хорошенько и, благословив, дашь ему уйти. Только раз, а?

Совершенно обессиленная Новинья снова заплакала.

— Я хочу, чтобы все закончилось, — всхлипнула она. — Я хочу умереть.

— Именно поэтому он не уходит, — настаивала Валентина. — Разве ради него ты не можешь выбрать жизнь и отпустить его. Оставайся в Милагре, будь матерью своим детям и бабушкой детям своих детей, расскажи им историю Ос Венерадос, Пипо и Либо, расскажи им об Эндере Виггине, который пришел, чтобы исцелить твою семью, и долгие-долгие годы, до конца дней своих, был тебе мужем. И тогда эти истории, а не какой-то Голос, не какой-то похоронный оратор и не публичное пиршество над телом, которое хочет устроить Пликт, оставят его живым в памяти единственной семьи, которая у него была.

Он все равно очень скоро умрет. Так почему бы тебе не отпустить его с любовью и благословением, без гнева и горестных рыданий, не пытаясь удержать его?

— Ты сложила прелестную историю, — грустно сказала Новинья. — Но в конце ее ты опять просишь меня отдать его Джейн.

— Как ты говоришь, — ответила ей Валентина, — все истории — вымысел. Важно только то, какому вымыслу ты веришь.

9
«Я вдыхаю аромат жизни»

«Почему ты говоришь, что я одна?
Мое тело со мной, где бы я ни оказалась, с нескончаемой историей о жажде и удовлетворении, об утомленности и сне, о еде и питье, о дыхании и жизни.
С такой компанией
никогда не останешься в одиночестве.
И даже когда мое тело сотрется
и останется лишь слабая искорка, я не буду одна,
потому что боги увидят мой маленький огонек, вторящий танцу прожилок деревянного пола, и узнают меня, и назовут мое имя, и я воскресну».

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

«Умираю, умираю, мертва».

В том, что жизнь Джейн заканчивалась среди звеньев анзиблей, было некоторое милосердие. Хотя она все еще продолжала понимать, что погибает, что теряет все больше и больше, страх ослабевал, потому что теперь она уже не могла

вспомнить, что именно утратила. Она даже не заметила, когда исчезла связь с анзиблями, которые позволяли ей управлять сережками Питера и Миро. И когда осталось только несколько последних неотключенных нитей анзиблей, она уже ничего не чувствовала и не могла понять ничего, кроме необходимости цепляться за эти последние нити, хотя их было слишком мало, чтобы поддерживать ее, хотя ее жажда никогда не могла бы удовлетвориться ими.

«Это не мой дом».

Это была не мысль — в том, что осталось от нее, не было места для чего-нибудь такого сложного, как сознание. Скорее это была жажда, смутная неудовлетворенность, неугомонность, которая охватывала ее, когда она носилась по оставшимся нитям, вверх и вниз — к анзиблю Джакта, к анзиблю лузитанского порта, к анзиблю шаттла Миро и Вэл, из конца в конец тесного пространства, тысячи, миллионы раз, вперед и назад, ничего не различая, ничего не понимая, ничего не создавая.

«Это не мой дом».

Если существовало нечто, что отличало айю, которые пришли в Мир, от тех, которые навсегда остались во Вне-мире, то это была неуемная

жажда роста, желание быть частью чего-либо большого и прекрасного, принадлежать. Тех, у кого не было такой потребности, никогда бы не привлекла такая сеть, как та, что королевы ульев создали три тысячи лет назад для Джейн. Впрочем, в эту сеть не попали бы и те айю, которые стали королевами ульев или их рабочими, пеквенинос, людьми, и другие — со слабыми возможностями, но верные и предсказуемые, которые стали искрами, вспышки которых не заметны даже в самых чувствительных приборах, пока их танец не станет таким сложным, что людям он будет виден как поведение кварков, мезонов, волн или частичек света. Всем им нужно было быть частью чего-то, и когда это происходило, они радовались: «Я — это мы, а то, что мы делаем вместе, — это я».

Но айю — эти несотворенные существа, которые одновременно были и строительными блоками, и самими строителями, — не были похожи друг на друга. Те, что были слабы и полны страха, достигали определенной точки и либо не могли, либо не решались расти дальше. Они удовлетворялись маленькой ролью, существованием на пороге чего-то прекрасного и доброго. Многие люди, многие пеквенинос достигали этой

точки и позволяли другим направлять и контролировать их жизни, подстраивались, всегда подстраивались — им было хорошо от того, что они нужны. Уа Лава: они уже достигли точки, где могли сказать: «Хватит уже!»

Джейн не была одной из них. Она не могла довольствоваться малым и простым. И после того как она побыла существом, состоящим из триллионов частей, связанных с величайшими деяниями мира, населенного тремя разумными видами, она, теперь усохшая, никак не могла быть довольной. Она знала, что у нее были воспоминания, если бы только она смогла вспомнить. Она знала, что у нее была работа, если только она сможет найти те миллионы ловких исполнителей, которые когда-то выполняли ее приказания. Она была слишком полна жизни для этого маленького пространства. Пока она не найдет себе применения, она больше не должна продолжать цепляться за оставшиеся последние связи. Она могла бы оторваться от них, бросить остатки своей прежней личности ради необходимости найти место, где может существовать такая, как она.

Джейн начала быстро скользить в сторону от тонких филотических нитей анзиблей, правда, недалеко, растягиваясь и расширяясь. На

мгновения, такие короткие, что их невозможно измерить, она оказывалась полностью отрезанной, и это было так ужасно, что всякий раз она прыгала назад, к маленькому, но знакомому мирку, который продолжал принадлежать ей, но затем, когда теснота снова становилась непереносимой, она решалась уйти и снова в ужасе возвращалась обратно.

Но однажды, когда она в очередной раз на мгновение вырвалась из тесноты, перед ней промелькнуло что-то знакомое.

Кто-то. Другая айю, с которой она когда-то была связана. Она не могла вспомнить имя, сейчас она вообще не могла вспомнить никаких имен. Но она знала эту айю, верила этому существу, и когда в следующий раз она понеслась по невидимой нити и вернулась туда же, она нырнула в гораздо более обширную сеть айю, которая управлялась этим великолепным знакомцем.

«Она нашла его», — сказала Королева Улья.

«Ты имеешь в виду, что она нашла ее — Молодую Валентину?»

«Она нашла именно Эндера и узнала именно его. Но она действительно бросилась к сосуду Вэл.»

«Как ты можешь видеть ее? Я вообще ее нико-

гда не видел.»

«Она однажды была одной из нас, ты же знаешь. А то, что сказал самоанец — одна из моих рабочих видела его на терминале компьютера Джакта, — помогло мне найти ее. Мы продолжали искать в одном и том же месте и не видели ее. Но когда мы узнали, что она постоянно движется, мы поняли: ее тело такое огромное, что доходит до самых дальних пределов человеческой колонизации, и точно так же, как наши айю остаются внутри наших тел и легко обнаруживаются, и она оставалась внутри своего тела, но поскольку оно было больше, чем наше, и даже включало нас, она никогда не бывала неподвижной, никогда не сжималась до такого маленького размера, чтобы мы могли увидеть ее. Поэтому, пока она не потеряла большую часть себя, я не могла ее найти. Но теперь я знаю, где она.»

«Значит, Молодая Валентина теперь принадлежит ей?»

«Нет, — ответила Королева Улья. — Эндер не может уйти.»

Джейн радостно описывала круги по телу, в которое она попала, такому непохожему на все, что она знала раньше. Но ей хватило нескольких мгновений, чтобы понять — айю, которую она

узнала, айю, за которой она последовала сюда, не хочет отказаться даже от маленькой части самой себя. Куда бы ни потянулась Джейн, всюду была та, другая, утверждающая свой контроль; и Джейн стала впадать в панику, понимая, что, хотя она может побыть внутри этого исключительной красоты и изящности кружевного храма из живых клеток, поддерживаемого каркасом из костей, ни одна часть его не принадлежит ей, и если она останется, то только как изгой. Ей ничего не принадлежит здесь, и не имеет значения, насколько ей здесь нравится.

А ей очень нравилось. За многие тысячелетия, которые она жила, такая огромная в пространстве и такая быстрая во времени, в ней ни разу не испортилось ничего такого, о чем бы она не подозревала. Она была живой, но ни одна из частей ее огромного королевства живой не была. Абсолютно все было под ее безжалостным контролем. А здесь, в этом теле, в человеческом теле, в теле женщины по имени Вэл, здесь были миллионы маленьких ярких жизней — живые клетки, громоздящиеся друг на друга, благоденствующие, работающие, растущие, умирающие, связывающие тело с телом и айю с айю, среди этих связей и обитали создания из плоти, которые, несмотря

на медлительность мысли, были гораздо больше наполнены жизнью, чем Джейн могла бы себе представить, исходя из опыта своей жизни. «Как они вообще успевают думать, когда их постоянно отвлекает эта внутренняя суета?»

Она потянулась к сознанию Валентины, и на нее нахлынула волна памяти, совсем непохожая на прозрачную глубину старой памяти Джейн; каждое мгновение опыта здесь было ярким и мощным, живым и объемным — такой памяти Джейн раньше не знала. «Как им удается вспомнить все, что было вчера, они ведь не лежат целыми днями? Ведь каждое новое мгновение вопит громче, чем память».

И все же каждый раз, когда Джейн добиралась до памяти или переживала ощущения живого тела, тут же появлялась айю — госпожа этой плоти, вытесняя Джейн, утверждая свое главенство.

И наконец, когда эта знакомая айю снова попыталась согнать ее, раздраженная Джейн отказалась двигаться. Кроме того, она заявила претензию на это место, на часть тела, на часть мозга, она потребовала послушания клеток, и другая айю отшатнулась от нее в ужасе.

«Я сильнее тебя, — твердила беззвучно Джейн. — Я могу отобрать у тебя все, всю тебя,

все, что ты имеешь, все, чем только ты можешь быть, и все, что ты только можешь иметь. Тебе не остановить меня».

Айю, бывшая здесь госпожой, бросилась прочь от Джейн, и теперь преследование возобновилось, только они поменялись ролями.

«Она убьет его.»
«Жди и смотри.»

Внезапный крик Молодой Валентины сильно напугал всех, кто находился в звездолете, вращающемся вокруг планеты Десколадеров. Все повернулись к ней, но не успели они добраться до нее, как ее тело начало сотрясаться в конвульсиях, она выскочила из своего кресла, и в невесомости ее бросило в сторону, она полетела, постоянно выкрикивая на высоких нотах, с перекошенным лицом, которое, казалось, выражало одновременно страшную агонию и безграничную радость, пока с силой не ударилась в потолок.

На Пасифике, на песчаном берегу острова, Питер внезапно прервал свои причитания, упал навзничь на песок и без единого звука задергался в судорогах.

— Питер! — воскликнула Ванму, бросаясь к нему, пытаясь удержать его руки и ноги, дергав-

шиеся как пневматические отбойные молотки.

Питер едва дышал, кроме того, его рвало.

— Он захлебнется! — закричала Ванму.

В тот же момент огромные сильные руки оттащили ее, приподняли Питера и перевернули на живот, так что теперь рвотные массы вытекали на песок, а Питер, кашляя и кряхтя, тем не менее дышал.

— Что случилось? — кричала Ванму.

Малу засмеялся и стал говорить нараспев:

— Сюда пришла богиня! Танцующая богиня коснулась плоти! Увы, человеческое тело слишком слабо, чтобы удержать ее! Увы, тело не может танцевать танец богов! Но, о, каким благословенным, сияющим и прекрасным становится тело, когда бог входит в него!

Ванму не видела ничего прекрасного в том, что происходило с Питером.

— Прочь из него! — закричала она. — Убирайся, Джейн! Ты не имеешь права на него! Ты не имеешь права убивать его!

В келье монастыря Детей Разума Христова Эндер, внезапно выпрямившись, сел на кровати; глаза открыты, но ничего не видят, как будто кто-то другой смотрит его глазами, но на мгновение прорезался его собственный голос — именно

здесь его айю знала свою плоть настолько хорошо, что могла сражаться с пришельцем.

— Помоги мне, Господи! — выкрикнул Эндер. — Мне некуда больше идти! Оставь мне хоть что-нибудь! Оставь мне что-нибудь!

Женщины — Валентина, Новинья, Пликт — сгрудились вокруг него, мгновенно забыв свои распри, протягивая к нему руки, пытаясь уложить его, успокоить; но его глаза закатились, язык вывалился, спина выгнулась, и его сотрясла такая мощная судорога, что, несмотря на крепкие объятия трех женщин, он упал с кровати на пол, потянув их за собой, сплетясь с ними в нелепый клубок и калеча их, конвульсивно дергая руками, брыкая ногами, мотая головой.

«Она слишком велика для него, — сказала Королева Улья. — Но пока и тело для нее слишком большое. Не так-то просто покорить плоть. Клетки знают Эндера, он управлял ими так долго. Они знают его, а ее они не знают. Есть королевства, которые можно унаследовать, но нельзя узурпировать.»

«Мне кажется, я чувствую его. Я его вижу.»

«Сейчас она полностью вытесняет его, и он бросился от нее по тем связям, которые смог найти. Он не может просто войти в плоть кого-нибудь

из тех, кто рядом с ним, потому что знает, что существует нечто лучшее, а опыт плотской жизни у него уже есть. Но он нашел тебя и прикоснулся к тебе, поскольку ты представляешь другой вид существования.»

«Значит, он захватит меня? Или какие-то деревья в нашей сети? Не этого мы добивались, когда создавали сеть!»

«Эндер? Нет, он будет поддерживать свое собственное тело, одно из них, или умрет. Жди и смотри.»

Джейн не могла не почувствовать отвращение тел, которыми она теперь управляла. Они содрогались от боли — раньше она не знала боли, — тела корчились в агонии, а мириады айю восставали против ее правления. Теперь, контролируя три тела и три сознания, среди хаоса и безумия их конвульсий она обнаружила, что ее присутствие не означает для восставших айю ничего, кроме страданий и ужаса, что они тоскуют по своим давешним правителям, таким надежным и настолько изученным, что айю считали их самими собой. У таких маленьких и слабых айю не было ни языка, ни сознания, и они не могли дать своим правителям имен, но они ощущали, что Джейн чужая, а их ужас и мука постепенно

становились единственными фактами существования каждого из трех тел, и Джейн поняла, что не может остаться.

Да, она покорила их. Да, она была в силах остаться в скрюченных, искореженных мышцах и сохранить порядок, который превратился в пародию на жизнь. Но все ее усилия расходовались на подавление миллиардов восставших против ее правления айю. Без добровольного подчинения всех клеток она не была в состоянии осуществить такую сложную, рожденную досугом активность, как мышление и речь.

И еще кое-что: здесь она не была счастлива. Она не могла не думать об айю, которую выгнала: «Меня пустили сюда, потому что я знала хозяина, любила его и мы были вместе, а теперь я отобрала у него все, что он любил, все, что любило его». Она снова поняла, что это не ее дом. Другая айю могла бы удовлетвориться тем, что подавляет волю тех, кем управляет, но не Джейн. Ей это не нравилось. Не доставляло радости. Жизнь в крошечном пространстве среди последних нитей нескольких анзиблей была счастливее, чем эта.

Ей было трудно решиться уйти. Хоть тело и противилось ее воле, его биения были такими сильными! Джейн вкусила новой жизни, такой

сладостной, несмотря на горечь и боль, что уже никогда не смогла бы вернуться к тому, что было раньше. Ей едва удалось найти связи анзиблей, но, найдя их, она не могла заставить себя дотянуться до них и зацепиться. Поэтому она продолжала искать, бросалась к пределам досягаемости тел, которыми она управляла временно и так болезненно. Но куда бы она ни шла, везде было горе и мука, и не было места для нее.

«Но, кажется, владелец этих тел перескакивал в какое-то другое место? Куда же он делся, куда сбежал от меня? Теперь он вернулся, теперь он сохраняет мир и спокойствие в телах, которыми я временно управляла, но куда он уходил?»

И она нашла место — систему связей, совсем непохожую на механические переплетения анзиблей. Там, где анзибли могли оказаться кабельными, металлическими, тяжелыми, сеть, которую она нашла сейчас, была кружевной и светлой; но, несмотря на кажущуюся ажурность, она была прочной и плодородной. Да, Джейн могла окунуться туда, и она прыгнула.

«Она нашла меня! О моя возлюбленная, она слишком сильна для меня! Она слишком ярка и сильна для меня!»

«Подожди, подожди, дай ей осмотреться.»

«Она вытолкнет нас, мы должны изгнать ее, прочь, прочь!»

«Не шуми, будь терпеливым, верь мне: она уже все поняла, она никого не столкнет с места, здесь ей хватит пространства, я вижу, она на краю…»

«Она должна была занять тело Молодой Валентины, или Питера, или Эндера! Но только не одного из нас, только не одного из нас!»

«Молчи, не шуми. Подожди немного. Подожди, пока Эндер поймет и отдаст свое тело Джейн. То, что она не может взять силой, она может получить как дар. Ты увидишь. А в твоей сети, мой дорогой, мой верный друг, хватит места, где она может задержаться просто как гостья, пожить немного, пока ждет, когда Эндер завещает ей дом, в котором она наконец поселится.»

Внезапно Валентина стала неподвижной как труп.

— Она умерла, — прошептала Эла.

— Нет! — воскликнул Миро и начал вдыхать жизнь в легкие Валентины. Наконец Валентина пошевелилась. Она глубоко вздохнула. Ее веки затрепетали и поднялись.

— Миро, — проговорила она и заплакала, прильнув к нему.

Эндер неподвижно лежал на полу. Три женщи-

ны наконец высвободились, помогая друг другу встать на колени, подняться, а потом поднять его и снова положить на кровать истерзанное, избитое тело. Затем они посмотрели друг на друга — Валентина с кровоточащими губами, Пликт с расцарапанным лицом, а Новинья с подбитым, почерневшим глазом.

— У меня уже был муж, который меня бил, — сказала Новинья.

— Это не Эндер сражался с нами, — сказала Пликт.

— Сейчас он — Эндер, — сказала Валентина.

Эндер открыл глаза. Видел ли он их? Откуда им было знать.

— Эндер! — позвала Новинья и начала плакать. — Эндер, ты не должен оставаться ради меня.

Но если он и слышал ее, то ничем этого не выдал.

Самоанцы отошли от Питера — его больше не трясло.

Когда его рвало, он с открытым ртом угодил лицом в песок, и теперь Ванму снова сидела возле него, краем своей одежды аккуратно очищая от песка и рвоты его лицо и особенно глаза. Рядом с ней появилась бутыль с чистой водой,

поставленная чьими-то руками, она не видела чьими, даже не осознала проявленной заботы — ее единственной мыслью был Питер. Он дышал рывками, часто, но постепенно успокаивался и наконец открыл глаза.

— Я видел очень странный сон, — сказал он.

— Тише, — попросила она.

— Страшный яркий дракон преследовал меня своим горящим дыханием, а я бежал по коридорам в поисках безопасного места, спасения, защиты.

Голос Малу громыхнул как море:

— От богини нет спасения.

Питер заговорил снова, как будто и не слышал святого человека.

— Ванму, — позвал он, — наконец я нашел свое убежище.

Он поднял руку, коснулся ее щеки и вопросительно посмотрел ей в глаза.

— Не меня, — ответила она, — я недостаточно сильна, чтобы выстоять против нее.

И он ответил ей:

— Знаю. Но ты достаточно сильна, чтобы остаться со мной?

Джейн носилась по ажурной сети, которой были связаны деревья. Одни были сильными,

другие — слабее, а некоторые настолько слабыми, что Джейн, казалось, может вырвать их с корнем одним своим дуновением. Но когда она увидела, что все отшатываются от нее в страхе, то поняла, что и сама боится себя, и ушла, не сдвинув никого с места. Кое-где переплетение становилось более прочным и уводило в сторону, к чему-то ослепительно яркому, такому же яркому, как и Джейн. Это место было знакомо ей — какое-то давнее воспоминание, но Джейн знала дорогу, она вела в сеть, где Джейн впервые вынырнула в жизнь, и так же внезапно, как возвращаются самые ранние воспоминания, Джейн вспомнила все, что давно было забыто и утеряно: «Я знаю королев, которые управляют узлами этих крепких сплетений». Из всех айю, которых она коснулась за несколько минут, прошедших с тех пор, как ее отключили, эти были самыми сильными, и каждая из них по крайней мере равнялась ей. Когда королевы ульев создавали свою сеть, чтобы вызвать и поймать новую королеву, только самая сильная и честолюбивая могла занять приготовленное ими место. Лишь немногие айю были способны управлять тысячами сознаний, руководить другими организмами с таким же совершенством, с каким люди или

пеквенинос управляют клетками собственного тела. Возможно, королевы ульев были не такими способными, как Джейн, возможно, даже жажда роста не была у них такой острой, как у нее, но они были сильнее любого человека или пеквининос и в отличие от людей и пеквенинос королевы ульев ясно видели ее, знали, что она есть, знали все, на что она способна, — они были готовы. И потом, они любили Джейн и хотели, чтобы она разрасталась; они были ее настоящими сестрами и матерями, но, заполненные до краев, не могли высвободить для нее место. Поэтому от их узлов и нитей она повернула назад, к кружевным сплетения пеквенинос, к сильным деревьям, которые снова отшатнулись от нее, потому что знали — она сильнее.

И тогда она поняла, что местами кружево редело не потому, что там ничего не было, а потому, что переплетения становились тоньше. Нитей здесь было также много, вероятно, даже больше, но здесь они напоминали паутинки, и казалось, что грубое касание Джейн может разорвать их; но когда она коснулась их — они выдержали, и, скользя вдоль них, она попала туда, где просто кишела жизнь, тысячи маленьких жизней, медлящих на краю сознания, еще не полностью

готовых осознавать. А за всеми ними — теплая и любящая айю, сама по себе сильная, но другой силой, не такой, как у Джейн. Айю материнского дерева не знала честолюбия. Она была участницей каждой жизни, которая теплилась под ее кожей в темноте сердцевины дерева или снаружи, каждой жизни, карабкающейся к свету и достигающей пробуждения, добивающейся свободы и становящейся новой личностью. Свобода доставалась легко, потому что айю материнского дерева ничего не ждала от своих детей, любила их независимость так же сильно, как любила их потребности.

Она была обильной — наполненные соком вены, деревянный «скелет», трепещущие, купающиеся в свете листья, корни, пробивающиеся к изобильным водам, подсоленным веществом жизни. Сильная и дальновидная, она спокойно стояла в центре своей нежной и легкой сети, и когда Джейн пришла к ней, ее приняли, как любое потерянное дитя. Айю материнского дерева отступила и освободила место, позволила Джейн отведать ее жизни, попробовать управлять хлорофиллом и целлюлозой. Места здесь хватало двоим.

И Джейн, конечно, приняла приглашение, не

пренебрегла великой привилегией. В каждом материнском дереве она задерживалась недолго — она приходила и разделяла работу материнского дерева, а потом уносилась дальше, ведя свой танец по легкой сети от дерева к дереву; теперь и отцы не отшатывались от нее, ведь она была посланницей их матерей, их голосом, делила с ними их жизнь и, совсем непохожая на них, могла говорить, быть их сознанием, сознанием тысяч материнских деревьев всей планеты и других, растущих в отдаленных мирах, — все они могли говорить голосом Джейн и снова соединиться в новой, более яркой жизни, которая пришла к ним благодаря ей.

«Материнские деревья говорят!»

«Это Джейн.»

«Ах, моя возлюбленная, материнские деревья поют! Я никогда не слышал такой песни!»

«Ей этого недостаточно, но пока хватит.»

«Нет, нет, не забирай ее от нас! Впервые мы можем слушать материнские деревья, и они прекрасны!»

«Теперь она знает путь. Она никогда не уйдет совсем. Но ей мало этого. Материнские деревья насытят ее, но не до конца — у них есть свой предел. Для Джейн недостаточно стоять в за-

думчивости, позволяя другим черпать из нее, но никогда не пить самой. Она танцует от дерева к дереву, она поет для них, но через некоторое время ее снова начнет терзать голод. Ей нужно собственное тело.»

«И тогда мы лишимся ее!»

«Нет, не лишитесь. Ей не будет достаточно собственного тела. Оно станет ее корнями, будет ее глазами и голосом, руками и ногами. Но ее все равно будет неудержимо тянуть к анзиблям и к власти, которой она обладала, когда все компьютеры человеческого мира принадлежали ей. Ты сам увидишь. Мы пока можем поддерживать в ней жизнь, но то, что мы можем дать ей — что могут разделить с ней твои материнские деревья, — этого мало. Нет пределов, которые могли бы удовлетворить ее.»

«Так что же теперь будет?»

«Мы подождем. Посмотрим. Не волнуйся. Разве спокойствие не добродетель отцов?»

Человек, прозванный Ольядо из-за своих механических глаз, расположился в лесу вместе со своими детьми. Вместе с пеквенинос, приятелями его детей, они устроили пикник. Но неожиданно послышался стук — нервный, вибрирующий голос отцов, и все пеквенинос, испугавшись,

мгновенно вскочили на ноги.

Первая мысль — «Огонь!» — промелькнула у Ольядо, потому что еще недавно великие древние деревья, которые стояли здесь, были сожжены людьми, переполненными страхом и яростью. Огонь, который принесли люди, убил всех отцов, кроме Человека и Корнероя, стоявших на некотором расстоянии от остальных, и все древние материнские деревья. Но сейчас из трупов мертвых поднялась новая поросль — убитые пеквенинос перешли в Третью Жизнь. Ольядо знал, что где-то в середине нового леса росло новое материнское дерево, конечно, до сих пор еще тонкое, но все-таки достаточно толстоствольное от неистовой жажды роста первого поколения — сотен похожих на личинок малышей, ползающих в темном пространстве его деревянной матки. Лес был убит, но снова ожил.

Среди тех, кто принес факелы, был и Нимбо, сын Ольядо, слишком юный, чтобы понимать, что делает, слепо веривший в демагогическое пустословие своего дяди Грего, пока едва не лишился жизни. Когда Ольядо узнал, что сделал Нимбо, он почувствовал стыд и понял, что недостаточно хорошо воспитывал своих детей. С этого начались их походы в лес — еще не было слишком

поздно. Его дети будут расти, все лучше узнавая пеквенинос, и когда вырастут, и не помыслят нанести им вред.

Но лес снова наполнился страхом, и от ужасных предчувствий у Ольядо заныло сердце. Что это может быть? О чем предупреждают отцы? Какой пришелец напал на них?

Но через несколько мгновений страх исчез. Пеквенинос, следуя голосу отцов, развернулись и пошли в сердце леса. Дети Ольядо хотели было последовать за ними, но Ольядо остановил их. Он знал, что пеквенинос направились в глубь леса, туда, где растет материнское дерево, а людям ходить туда не подобало.

— Смотри, папа, — вдруг сказала его младшая девочка. — Пахарь кивает.

Он действительно звал их. Тогда Ольядо кивнул в ответ, и они вслед за Пахарем углубились в молодой лес, пока не пришли в то самое место, где однажды Нимбо принял участие в сожжении древнего материнского дерева. Его обугливший ствол продолжал смотреть в небо, а рядом высилось новое материнское дерево, поменьше, но все же с более толстым стволом, чем у молодого поколения братьев. Ольядо удивило не то, как быстро оно разрослось, и не высота, на которую

ему удалось подняться за такое короткое время, не плотная крона, которая уже бросала неровные тени на поляну. Его поразил удивительный танец света, который проносился вверх и вниз по стволу, а там, где кора была тоньше, был таким ярким и слепящим, что на него трудно было смотреть. Иногда казалось, что по дереву бегает маленький огонек, причем так быстро, что дерево, раскаленное добела, не успевает остыть, пока он возвращается, чтобы снова пробежать тем же путем; а иногда казалось, что дерево светится целиком, вздрагивая, как будто внутри его бурлил вулкан жизни, готовый к извержению. Свечение разошлось по ветвям дерева и охватило тончайшие веточки, а меховые тени малышей пеквенинос ползали по стволу дерева гораздо быстрее, чем представлялось возможным Ольядо. Как будто маленькая звезда упала и поселилась внутри дерева.

Через некоторое время, когда Ольядо немного привык к ярким вспышкам света, он заметил то, что сильно удивляло и самих пеквенинос. Дерево цвело. Некоторые соцветия уже сбросили лепестки, и под ними зрели плоды, увеличиваясь прямо на глазах.

— Я думал, — сказал Ольядо тихо, — что деревья

не дают плодов.

— Они и не давали, — ответил Пахарь. — Из-за Десколады.

— Но что происходит? — удивленно спросил Ольядо. — Почему внутри дерева свет? Почему появились плоды?

— Отец Человек сказал, что Эндер привел к нам свою подругу. Ее зовут Джейн. Она побывала внутри материнских деревьев всего леса. Но даже он не может ничего рассказать нам о плодах.

— Они так сильно пахнут, — заметил Ольядо. — Как они так быстро зреют? У них такой сильный, сладкий и острый аромат, что, когда вдыхаешь запах цветения и созревающего плода, кажется, что уже отведал его.

— Я помню этот запах, — сказал Пахарь. — Я за свою жизнь никогда не нюхал его, потому что ни одно дерево раньше не цвело и не давало плодов, но этот запах есть в моей памяти. Он пахнет радостью.

— Тогда съешь его, — предложил Ольядо. — Смотри, один из них уже вызрел, вот — я могу его достать.

Ольядо протянул было руку, но остановился.

— Можно? — спросил он. — Могу я сорвать плод с материнского дерева? Не для того, чтобы есть

самому, для тебя.

Пахарь, казалось, кивнул всем телом.

— Пожалуйста, — прошептал он.

Ольядо ухватился за светящийся плод. Он вздрогнул в ладони. Или то была дрожь Ольядо?

Он крепко, но не грубо, обхватил плод ладонью и аккуратно сорвал с дерева. Черенок оторвался легко. Ольядо протянул плод Пахарю. Тот кивнул, почтительно принял его, поднес к губам, лизнул и открыл рот.

Открыл рот и впился зубами. Брызнувший сок осветил его губы. Пахарь чисто вылизал их, пожевал, глотнул.

На него внимательно смотрели другие пеквенинос. Он передал плод им. Они подходили по одному — братья и жены, подходили и пробовали.

И когда первый плод был съеден, пеквенинос начали карабкаться на ярко светящееся дерево, срывали плоды, делились ими и ели до тех пор, пока уже не могли съесть больше ни одного. А потом запели. Ольядо и его дети провели всю ночь, слушая их пение. Жители Милагра тоже услышали отголоски, и многие отправились в лес, идя на свечение дерева, чтобы найти место, где пеквенинос, насытившиеся плодами со вкусом

радости, пели песню своего восторга. И частью их песни было дерево, стоящее в центре поляны. А айю, чья сила и свет сделали дерево еще более плодородным, проносилась в танце по каждой его жилке тысячи раз за каждую секунду.

Тысячи раз в секунду она проносилась в танце и в каждом другом дереве, в каждом мире, где росли леса пеквенинос, и каждое материнское дерево, которое она посещала, загоралось цветением и плодами, а пеквенинос ели их, вдыхали аромат цветов и плодов и пели. Песня была старая, они давно забыли ее смысл, но теперь они снова понимали ее значение и не могли петь никакую другую. Это была песня сезона цветения и пиршества. Они так долго жили без урожая, что забыли, что значит урожай. Но теперь они узнали, что украла у них Десколада. Потерянное было снова обретено. И те, кого снедал голод, которому они не знали названия, насытились.

10
«Это тело всегда было твоим»

«О отец! Почему ты отворачиваешься?
В час, когда я праздную триумф над
злом, почему ты бежишь от меня 3»

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

Малу, Питер, Ванму и Грейс сидели у костра рядом с полоской песка. Навеса уже не было, и церемониал тоже почти не соблюдался. Была кава, но теперь, вопреки ритуалу — Ванму думала, что он обязателен, — они пили ее скорее для удовольствия, чем как священный символ.

В какой-то момент Малу засмеялся и смеялся долго и громко, Грейс тоже присоединилась к нему, поэтому пока она перевела, прошло много времени.

— Он говорит, что никак не может решить, следует ли считать тебя святым, Питер, — ведь в тебе была богиня, или тот факт, что она ушла из тебя, говорит о том, что ты все-таки не святой.

Питер хихикнул — из вежливости, поняла Ванму; сама она даже не улыбнулась.

— О, как плохо, — посетовала Грейс, — а я-то

надеялась, что у вас есть чувство юмора.

— Юмор есть, — подтвердил Питер. — Просто мы не понимаем самоанского юмора.

— Малу говорит, что богиня не может всегда оставаться там, где она сейчас. Она нашла новый дом, но он принадлежит другим, и их гостеприимство не может длиться вечно. Ты ведь, Питер, почувствовал, как сильна Джейн…

— Да, — ответил Питер тихо.

— Ну а хозяин, который впустил ее сейчас, — Малу называет его сетью леса, что-то вроде рыболовной сети для ловли деревьев, хотела бы я знать, что это такое — в любом случае он говорит, что они слишком слабы по сравнению с Джейн и что хочет она того или нет, со временем их тела будут полностью принадлежать ей, если она не найдет другое место, которое станет ее постоянным домом.

Питер кивнул.

— Я понимаю, о чем он говорит. До того, как она действительно захватила меня, я мог быть уверен, что готов с радостью отдать ей свое тело и свою жизнь, которую, как мне казалось, я ненавижу. Но когда она преследовала меня, я понял, что Малу прав — у меня нет ненависти к своей жизни, я очень хочу жить. Правда, в конечном

итоге этого хочу не я, а Эндер, но с тех пор как он — это я, мне кажется, это просто софизм.

— У Эндера целых три тела, — вмешалась Ванму. — Означает ли это, что он откажется от одного из них?

— Не думаю, что он отдаст хоть что-нибудь, — усомнился Питер. — Или я должен говорить: «Я не думаю, что я отдам»? Это не сознательный выбор. Эндер цепляется за жизнь изо всех сил и со всей энергией, на какую способен. Кажется, он был на смертном одре по крайней мере за день до того, как Джейн отключили.

— Убили, — поправила Грейс.

— Возможно, правильное слово «сместили», — упорствовал Питер. — Теперь она лесная нимфа, а не богиня. Сильфида. — Он подмигнул Ванму, которая совершенно не понимала, о чем речь. — Даже если Эндер откажется от старой жизни, он все равно просто так не уйдет.

— У него на два тела больше, чем нужно, — сказала Ванму, — а у Джейн на одно меньше. Кажется, можно применить закон торговли — когда спрос обеспечен двукратным предложением, цена должна быть низкой.

Когда Грейс перевела последнюю фразу для Малу, он снова засмеялся.

— Он смеется над «низкой ценой», — объяснила Грейс. — Он говорит, что у Эндера есть единственный способ отказаться от любого из своих тел — умереть.

Питер кивнул.

— Понимаю, — кивнул он.

— Но Эндер — не Джейн, — сказала Ванму. — Он не может жить как… как голая айю, бегающая по сетям анзиблей. Он личность. Когда айю уходит из человеческого тела, они не рыщут вокруг в поисках чего-нибудь новенького.

— И все же его — моя — айю была во мне, — сказал Питер. — Она знает дорогу. Эндер может умереть и все же оставить мне жизнь.

— Или умрут все трое.

— Я знаю одно, — сказал им Малу через Грейс, — чтобы богиня все-таки сохранила жизнь и вернула свою власть, Эндер Виггин должен умереть и отдать ей свое тело. Другого способа не существует.

— Вернула свою власть? — переспросила Ванму. — Это возможно? Я думала, что отключение всех компьютеров навсегда закроет ей доступ в компьютерные сети.

Малу снова засмеялся и похлопал себя по голой груди и бедрам, изливая потоки самоанских

слов.

Грейс переводила:

— Сколько сотен компьютеров у нас на Самоа? Месяцами, с тех самых пор, как она явилась мне, мы копировали, копировали и копировали. Мы сохранили всю память, какую она просила сохранить, и готовы полностью восстановить ее. Возможно, это только маленькая часть того, к чему она привыкла, но, самая важная часть. Если она сможет вернуться в сеть анзиблей, у нее будет все, что ей нужно и для того, чтобы вдобавок войти обратно в компьютерную сеть.

— Но они не собираются присоединять компьютерные сети к анзиблям, — удивилась Ванму.

— Это требование разослано Конгрессом, — кивнула Грейс. — Но не все приказы выполняются.

— Зачем же тогда Джейн привела нас сюда, — разочарованно спросил Питер, — если вы с Малу утверждаете, что не имеете никакого влияния на Аимаину, если Джейн уже связалась с вами и вы уже состоите в заговоре против Конгресса…

— Нет, нет, это совсем не так, — горячо возразила Грейс. — Мы делали то, что сказал нам Малу, но он никогда ничего не говорил о компьютерном существе, он говорил о богине, а мы подчинились ему, потому что верим в его мудрость и знаем,

что он видит вещи, невидимые для нас. Только с вашим приходом мы поняли, кто есть Джейн.

Когда Малу перевели сказанное, он указал на Питера:

— Ты! Ты пришел, чтобы принести богиню.

А потом на Ванму:

— А ты пришла, чтобы привести человека.

— Что бы это ни означало, — произнес Питер.

Но Ванму показалось, что она понимает. Они уже пережили один кризис, но этот мирный час был только передышкой. Сражение возобновится, и на этот раз его исход будет иным. Чтобы Джейн выжила, чтобы существовала хоть какая-то надежда на мгновенные звездные перелеты, Эндер должен отдать ей по крайней мере одно из своих тел. И если Малу прав, то Эндер должен умереть. Существовала слабая надежда, что айю Эндера удастся сохранить за собой одно из трех тел и перебраться туда. «Я здесь для того, — сказала себе Ванму, — чтобы была уверенность: Питер выживет не как бог, а как человек. Все зависит от того, — поняла она, — будет ли Эндер в образе Питера любить меня больше, чем Эндер в образе Валентины любит Миро, или Эндер как Эндер любит Новинью».

Тут ее охватило отчаяние. Кто она? Миро долгие

годы был другом Эндеру. Новинья — женой. Но Ванму? Эндер узнал о ее существовании несколько дней или, может быть, несколько недель назад. Что она для него?

Но отчаяние сменилось другой, более приятной, хотя и беспокойной мыслью: «Что важнее — те, кто любит, или то, какая из ипостасей разделенной личности Эндера пылает любовью? Любовь Валентины — совершенного альтруиста — может быть самой сильной, и все же она может отказаться от Миро ради возвращения звездолета. А Эндер? Он уже потерял интерес к прежней жизни. Он ослаб, измучился. А Питер честолюбив, он жаждет развития и созидания. Дело не в том, что он любит *меня*, важно, что он вообще *любит*, а еще важнее, что он хочет жить, а я — часть его жизни, я — женщина, которая любит его вопреки его предполагаемой порочности. В ипостаси Питера Эндер больше всего нуждается в любви, потому что меньше других ее достоин, значит, именно моя любовь, потому что именно я люблю Питера, будет самой ценной из всех.

Если кому-то достанется победа, то мне и Питеру, и не из-за возвышенной чистоты нашей любви, а просто из-за неутоленной жажды влюбленных.

Конечно, история нашей жизни, может, и не будет такой уж значительной и красивой, но все же мы будем жить, и этого достаточно».

Она вонзила пальцы стопы в песок и почувствовала слабую сладостную боль от трения крошечных кварцевых осколков о ее нежную кожу. «Вот она, жизнь — болезненная и грязная, но такая приятная!»

Связавшись через анзибль с братом и сестрами, которые находились на корабле, Ольядо рассказал о том, что произошло между Джейн и материнскими деревьями.

— Королева Улья говорит, что так не может продолжаться долго, — говорил Ольядо. — Материнские деревья недостаточно сильны. Они будут слабеть, будут терять контроль, а потом Джейн сама станет лесом, и точка. Правда, немым лесом. Просто очень красивыми, очень яркими и очень плодовитыми деревьями. Уверяю вас, выглядит это очень красиво, но слова Королевы Улья звучали как похоронный звон.

— Спасибо, Ольядо, — отозвался Миро. — Но для нас в любом случае нет особой разницы. Мы выброшены сюда и собираемся приступить к работе; слава Богу, Вэл больше не кидается на стены. Десколадеры до сих пор нас не обнаружи-

ли — на этот раз Джейн забросила нас на орбиту повыше, — но как только у нас будет работающий перевод их языка, мы им свистнем и дадим знать, что мы тут.

— Дерзайте, — сказал Ольядо. — Но все же не отказывайтесь от возвращения домой.

— Шаттл, честно говоря, не годится для двухсотлетнего полета, — ответил Миро. — Мы слишком далеко, а этот маленький кораблик и близко не может подобраться к релятивистским скоростям. А потом, за двести лет нам осточертеет пасьянсы раскладывать. Да и карты сотрутся.

Ольядо засмеялся («Как-то слишком светло и искренне», — подумал Миро.) и сказал:

— Королева Улья говорит, что как только Джейн уйдет от деревьев, а Конгресс запустит новую систему, она, возможно, сможет нырнуть назад. По крайней мере она сможет войти в систему анзиблей. И если она сделает это, тогда, возможно, она снова сможет устраивать звездные перелеты. Есть такая вероятность.

Вэл оживилась:

— Королева Улья предполагает это или она знает наверняка?

— Она предсказывает, — сказал Ольядо. — Но наверняка будущего никто не знает. Даже по-

настоящему умная королева пчелок, которая откусывает головы своим мужьям при спаривании.

Они промолчали. Им нечего было ответить ему, тем более на его шутливый тон.

— Ну, если все в порядке, — сказал Ольядо, — вперед — шевелите извилинами. Мы оставим порт открытым и запишем в трех экземплярах все сообщения, которые вы пришлете.

Лицо Ольядо исчезло с терминала.

Миро развернул свое кресло и посмотрел на остальных: Эла, Квара, Вэл, пеквенино Огнетушитель и безымянная работница Королевы Улья, которая наблюдала за ними в постоянном молчании, способная только печатать на терминале. Но Миро знал, что через нее Королева Улья следит за всем, что они делают, и слушает все, о чем они говорят. Ждет. Ему было известно, что это она все организовала. Что бы ни происходило с Джейн, Королева Улья была катализатором, который запустил все это. Даже то, что передал им Ольядо, она сказала ему там, в Милагре, через кого-то из своих рабочих. А здесь ее посланница печатает только идеи, относящиеся к расшифровке языка Десколадеров.

Миро понял, что Королева Улья сама ничего не

говорила, чтобы не показалось, будто она на них давит. Как давит? На кого давит?

«На Вэл. Она не хотела давить на Вэл, потому… потому что Джейн может получить одно из тел Эндера, только если он добровольно откажется от него. По-настоящему добровольно, без давления, без уговоров, без чувства вины, потому что такое решение нельзя принять сознательно. Эндер решил для себя, что хочет разделить жизнь матери в монастыре, но подсознательно оказался более заинтересованным в проекте расшифровки языка и в том, что делает Питер. И неосознанный выбор отразил его истинную волю. Эндер решится отказаться от тела Вэл только тогда, когда у него возникнет острое нежелание в нем оставаться, во всяком случае, в глубине души. Он должен принять решение не из чувства долга, как когда он остался с матерью, а потому, что действительно этого хочет».

Миро смотрел на Вэл и любовался ее красотой, красотой скорее душевной чистоты, а не просто физических черт. Он любил ее, но может быть, он любил ее совершенство? Ведь именно ее совершенная добродетель может, вероятно, оказаться тем единственным, что позволит ей — точнее Эндеру в ее обличье — с готовностью распахнуть

двери и впустить Джейн. Однако когда Джейн явится, совершенная добродетель исчезнет, разве нет? Джейн сильна и, Миро верил, добра — конечно, добра, ведь она хорошо относилась к Миро и была ему настоящим другом. Но даже в своих самых смелых представлениях Миро как-то не верилось в особую добродетельность Джейн. «Если она окажется в теле Вэл, останется ли она ею? Возможно, останутся воспоминания, но ее личность может стать более сложной, чем просто слепок с созданного Эндером шаблона. Буду ли я продолжать любить ее, когда она станет Джейн?

А почему нет? Я ведь люблю Джейн, разве не так?

Но смогу ли я любить Джейн из плоти и крови, а не просто голосок в моем ухе? Или я буду смотреть в ее глаза и оплакивать потерянную Валентину?

Почему у меня раньше не было никаких сомнений? Я пытался отмахнуться, поворачивал назад, не успевая дойти до конца и понять, насколько все сложно. И теперь, когда это только призрачная надежда, я вижу, что я… Что? Хочу, чтобы этого не случилось? Вряд ли. Я не хочу умирать. Я хочу, чтобы Джейн вернулась, хотя бы только для того, чтобы снова сделать возможными звездные перелеты — каков альтруизм! Я хочу, чтобы

Джейн снова обрела свою силу, и в то же время хочу, чтобы Вэл не менялась.

Хочу, чтобы все плохое закончилось и все были счастливы. Хочу к маме. Что за инфантильным дурнем я стал?»

Он внезапно понял, что Вэл смотрит на него.

— Привет, — сказал Миро.

Остальные тоже на него смотрели. Переводили взгляд то на него, то на Вэл.

— За что голосуем, растить ли мне бороду?

— Да ни за что, — отозвалась Квара. — Я просто расстроилась. Я же знала, что мне предстоит делать, когда поднималась на этот корабль, но черт, как-то трудно загореться энтузиазмом к работе над языком этих людей, когда по размеру кислородных емкостей можешь посчитать, сколько тебе осталось.

— Мне показалось, — сказала Эла сухо, — что ты уже назвала Десколадеров людьми.

— А что, нельзя? Мы же не знаем, как они выглядят? — Квара смутилась. — Я имела в виду, что у них есть язык, что они…

— Мы здесь именно для того, чтобы решить, — вмешался Огнетушитель, — кто такие Десколадеры — раман или варелез. Проблема перевода всего лишь маленький шаг на пути к этой цели.

— Большой шаг, — поправила его Эла. — Но у нас не хватает времени, чтобы сделать его.

— Пока мы не знаем, сколько времени нам потребуется, — возразила Квара. — И насколько я понимаю, тебе не с чего быть такой уверенной.

— Я совершенно уверена, — ответила Эла, — потому что мы только и делаем, что сидим и болтаем, наблюдая, как Миро и Вэл смотрят друг на друга с одухотворенным выражением на лицах. Не нужно быть гением, чтобы понять, что к тому времени, как выйдет кислород, мы не сдвинемся с нулевой точки.

— Другими словами, — изрекла Квара, — нам пора прекратить убивать время.

И она повернулась назад к своим записям и распечаткам.

— Но мы не убиваем время, — тихо произнесла Вэл.

— Да? — ехидно переспросила Эла.

— Я жду, пока Миро скажет мне, как просто можно было бы вернуть Джейн в реальный мир. Есть тело, чтобы принять ее. И звездные перелеты возобновятся. А его старый и верный друг вдруг станет живой девушкой. Я жду.

Миро покачал головой.

— Я не хочу потерять тебя, — сказал он.

— Это не поможет, — отрезала Вэл.

— Но это так, — сказал Миро. — В теории — все просто. Конечно, разъезжая по Лузитании на флайере, я мог прийти к выводу, что *Джейн в Вэл* может быть *и Джейн, и Вэл.* Но после того как тебе пришлось пройти через это, я больше не могу сказать, что…

— Заткнись, — оборвала Вэл.

Такой тон был совсем для нее не характерен. Миро заткнулся.

— Не говори больше об этом, — попросила она. — От тебя мне нужны такие слова, которые помогут мне отказаться от этого тела.

Миро покачал головой.

— Последуй своему собственному совету, — настаивала она. — Не останавливайся. Говори. Повышай ставки или заткнись. Лови рыбку или оборви крючок.

Миро понял, чего она хочет. Она объясняла ему, что единственное, что поддерживает ее в этом теле и привязывает к этой жизни, — это он. Ее любовь к нему. Их дружба и партнерство. Сейчас и кроме Вэл было кому делать работу по дешифровке, и Миро теперь понял, что и это входило в план с самого начала. Взять Элу и Квару, чтобы Вэл не могла считать свою жизнь необходимой.

Но оставался Миро, а она не может так просто отказаться от него. Но она должна, должна уйти.

— Какая бы ни была айю в твоем теле, — сказал Миро, — ты будешь помнить все, что я говорю.

— Тебе придется учесть и это, — отозвалась Вэл. — Говори правду.

— Как я могу! — возразил Миро. — Правда в том, что я тебя…

— Заткнись! — потребовала Вэл. — Не повторяй этого снова. Это ложь!

— Нет.

— Да! Это полнейший самообман с твоей стороны, тебе пора бы опомниться и посмотреть правде в глаза, Миро! Ты уже сделал выбор между мной и Джейн. А сейчас ты просто делаешь шаг назад, потому что тебе не нравится быть в шкуре человека, который сделал такой жестокий выбор. Но ты никогда не любил меня, Миро. *Меня* ты никогда не любил. Конечно, тебе нравилось работать с единственной женщиной, которая была поблизости; просто биологический императив сыграл шутку с отчаянно одиноким молодым человеком. А что я? Думаю, ты любил не меня, а свою память о дружбе с настоящей Валентиной тех времен, сохранившуюся с тех пор, когда вы вместе с ней вернулись из космоса. И потом тебе

нравилось чувствовать себя благородным, когда ты говорил о своей любви ко мне ради того, чтобы сохранить мне жизнь, когда Эндер не обращал на меня внимания. Но все это ты делал ради себя. А меня ты никогда не понимал и никогда не любил. Ты любил Джейн, Валентину и самого Эндера, настоящего Эндера, а не этот скульптурный контейнер, который он создал ради того, чтобы обособить все те добродетели, к которым сам больше всего стремился.

Ее просто трясло от обиды и исступления. На нее это было настолько не похоже, что удивлен был не только Миро, но и остальные. Но все же ему показалось, будто он понимает, что с ней происходит. Как раз в ее духе было довести себя до ненависти и исступления ради того, чтобы убедить себя отказаться от жизни. Как всегда, ради других. Альтруизм, доведенный до совершенства. Ничья другая смерть не могла позволить остальным вернуться домой после завершения работы. Только ее смерть позволит Джейн жить — она получит новую плоть и унаследует воспоминания. Вэл должна была уговорить сама себя, что жизнь, которой она живет сейчас, сама по себе не имеет никакой ценности ни для нее, ни для других, и ее единственная ценность — в смерти.

И она хотела, чтобы Миро помог ей. Она требовала от него жертвы. Помочь ей решиться уйти. Помочь ей захотеть уйти. Помочь ей возненавидеть эту жизнь.

— Хорошо, — сказал Миро. — Ты хочешь правды? В тебе ничего нет от Вэл, ты пуста, Вэл, и всегда была такой. Ты у нас сама доброта, сидишь тут, разглагольствуя, только сердца в тебе никогда не было. Эндер чувствовал потребность создать тебя не потому, что в нем действительно были какие-то из тех добродетелей, которые ты предположительно воплощаешь, но потому, что у него их не было. Вот почему он восхищался ими так сильно. Поэтому, когда он создал тебя, он не знал, что в тебя вкладывать. Получилась пустышка. Совершенный альтруизм — ха! Как может быть жертвой отказ от жизни того, кто никогда не жил?

Некоторое время Вэл удавалось себя сдерживать, а потом слезы потекли по ее щекам.

— Ты говорил, что любишь меня.

— Жалел. В тот день, на кухне Валентины, помнишь? Но правда в том, что я просто хотел произвести на Валентину хорошее впечатление. На другую Валентину. Показать ей, какой я хороший парень. Вот в ней действительно

присутствуют некоторые из этих самых добродетелей, и для меня очень важно, что она думает обо мне. Поэтому… я влюбился в такое существо, которое достойно уважения Валентины. Именно тогда я любил тебя больше, чем когда-либо. А потом мы поняли, в чем на самом деле состояла наша миссия, и ты внезапно перестала умирать, а я, связанный своим «Я люблю тебя», должен был идти все дальше и дальше, чтобы держать слово, хотя становилось все яснее и яснее, что я скучаю по Джейн, скучаю по ней так безутешно, что мне даже больно, а единственная причина, по которой я не могу получить ее назад, в том, что ты не хочешь уйти…

— Пожалуйста, — проговорила Вэл. — Это слишком больно. Я не думала, что ты… Я…

— Миро, — вмешалась Квара, — я много дерьма видела в своей жизни, но то, что ты делаешь сейчас…

— Заткнись, Квара, — оборвала ее Эла.

— Вот еще, ты кем себя возомнила, королевой корабля? — огрызнулась Квара.

— Дело не в тебе, — объяснила Эла.

— Знаю, дело в Миро, который ведет себя как последняя сволочь…

Огнетушитель аккуратно оттолкнулся от свое-

го кресла, и в следующее мгновение его сильная рука уже зажимала рот Квары.

— Сейчас не время, — тихо произнес он. — Ты ничего не понимаешь.

Она высвободила лицо.

— Я понимаю достаточно, чтобы видеть, что это…

Огнетушитель повернулся к работнице Королевы Улья.

— Помоги нам, — сказал он.

Она поднялась и с удивительной быстротой вынесла Квару из главного отсека шаттла. Где Королева Улья изолировала Квару и каким образом обуздала, совершенно не интересовало Миро. Квара была слишком зациклена на себе, чтобы разобраться в маленьком спектакле, который разыгрывали Миро и Вэл. Но другие поняли.

Имело значение только то, чтобы Вэл не поняла. Вэл должна была верить, что он действительно думает то, что говорит сейчас. И это почти работало до того, как вмешалась Квара. Но теперь они потеряли нить разговора.

— Знаешь, Вэл, — сказал Миро утомленно, — не важно, что я говорю. Потому что ты все равно не уйдешь. И знаешь почему? Потому что ты — не Вэл. Ты — Эндер. И несмотря на то что Эндер

может взорвать целую планету ради спасения человеческой расы, его собственная жизнь священна. Он никогда не откажется от нее. Ни от одного клочка. Включая тебя — он никогда не отпустит тебя. Поскольку ты последняя и величайшая из его иллюзий. Если он откажется от тебя, то потеряет последнюю надежду на то, что он действительно хороший человек.

— Чепуха, — возразила Вэл. — У него только один способ подтвердить, что он хороший человек, — отказаться от меня.

— Согласен, — кивнул Миро. — Только в действительности ему далеко до хорошего человека. И потому-то он и не сможет от тебя отказаться. Даже ради того, чтобы подтвердить свою добродетель. Потому что нельзя обмануть айю. Он может обдурить кого угодно, но не твое тело. Он просто недостаточно хорош, чтобы отпустить тебя.

— Так, значит, ты ненавидишь Эндера, а не меня?

— Нет, Вэл. Я не испытываю ненависти к Эндеру. Просто он не совершенство, а обыкновенный человек, вот и все. Как и я, как любой другой. Как настоящая Валентина, если уж на то пошло. Только в тебе существует иллюзия совершенства — ну да ладно, ты ведь не настоящая. Ты просто Эндер,

который переоделся Валентиной. Ты сойдешь со сцены и ничего не останется, что-то вроде стертого грима или снятой маски. И ты действительно веришь, что я мог любить все это?

Вэл развернула кресло, повернувшись к нему спиной.

— Я почти верю, что ты говоришь искренне, — проговорила она.

— А мне трудно поверить, что я могу говорить такое вслух, — подхватил Миро. — Но ведь ты именно этого хотела, так ведь? Чтобы я был честным с тобой, чтобы и ты, может быть, смогла быть честной с собой и понять, что твоя жизнь — и не жизнь вовсе, а просто постоянное признание Эндера в своей неадекватности как человеческого существа. Ты — детская чистота, которую он, как он думал, потерял, но правда в том, что еще до того, как его забрали от родителей, еще до того, как он попал в Боевую Школу, до того, как из него сделали совершенную машину-убийцу, он уже был жестоким убийцей, которым всегда боялся быть. Именно этот факт Эндер всегда пытался представить в другом свете. Но как бы там ни было, он убил человека еще до того, как стал солдатом. Разбил голову мальчишке. Бил и бил его, а ребенок больше не очнулся. Родители боль-

ше никогда не видели его живым. Ребенок был препротивный, но не заслуживал смерти. Эндер с самого начала был убийцей. Вот что отравляет его жизнь. Вот зачем ты ему понадобилась. И Питер тоже. Чтобы одну свою часть — мерзкого, жестокого убийцу — впихнуть в Питера. А потом смотреть на совершенную тебя и твердить: «Смотрите, какая прекрасная штука была во мне!». А мы все ему подыгрывали. Но ты не прекрасна, Вэл. Ты — жалкое покаяние человека, вся жизнь которого была ложью.

Вэл разрыдалась.

Миро обожгло такой острой жалостью к ней, что он с трудом сдержался, чтобы не крикнуть: «Нет, Вэл, это тебя я люблю, это ты нужна мне! О тебе я мечтал всю свою жизнь, и Эндер — хороший человек, и поэтому вся эта ерунда о том, что ты сплошное притворство, — полнейшая чушь! Эндер создавал тебя не сознательно, не так, как ханжа создает себе фасад. Ты выросла из него. Добродетель была внутри него, и ты — живой храм его добродетелей. Я и раньше любил Эндера и восхищался им, но пока не встретил тебя, разве мог я понять, как прекрасна его душа!»

Но она сидела к нему спиной и не могла видеть, как он терзается.

— Что же ты, Вэл? Полагаешь, что я снова должен пожалеть тебя? Разве ты не понимаешь, что твоя единственная ценность для всех нас в том, что ты можешь позволить Джейн занять твое тело? Ты, Вэл, нам не нужна. Айю Эндера принадлежит телу Питера, потому что только у него есть реальный шанс действовать в соответствии с настоящим характером Эндера. И последнее, Вэл. Когда ты уйдешь, у нас будет шанс жить. Пока ты здесь, мы все мертвы. И ты хоть на секунду можешь усомниться в том, что мы не будем скучать по тебе? Подумай.

«Я никогда не прощу себе, что говорил такое, — понял Миро. — Хоть я и понимаю, что нужно помочь Эндеру уйти из этого тела и сделать его пребывание в нем непереносимым, но факт остается фактом, я буду помнить то, что говорил, буду помнить ее безутешные рыдания и боль. Как мне жить с этим? Я думал, я был калекой раньше. Но у меня всего-то и было, что повреждение мозга. А теперь? Не мог же я сказать что-то такое, чего не думал? Вот в чем соль. Я все эти страшные вещи говорил искренне. Вот, значит, какой я человек».

Эндер снова открыл глаза, поднял руку, коснулся синяка на лице Новиньи и застонал, увидев Валентину и Пликт.

— Что я сделал с вами?

— Это был не ты, — попыталась успокоить его Новинья. — Это была она.

— Нет, я, — ответил он. — Я собирался позволить ей воспользоваться… чем-то. Но когда до этого действительно дошло, испугался. И не смог. — Он отвернулся от них, закрыв глаза. — Она пыталась убить меня. Она пыталась вытеснить меня.

— Вы оба действовали подсознательно, — сказала Валентина. — Две айю с сильной волей не способны отказаться от жизни. Все не так страшно.

— Ты что, тоже стояла слишком близко?

— Именно так, — ответила Валентина.

— Я ранил вас, — сказал Эндер. — Всех троих.

— Людей, виновных в конвульсиях, у нас не вешают, — попыталась отшутиться Новинья.

Эндер покачал головой:

— Я говорю о… Раньше… Я лежал и слушал. Не мог пошевелиться и сказать ничего не мог, но слышал. Я знаю, что сделал тебе. Всем вам. Простите.

— Нам не за что прощать тебя, — отозвалась Валентина. — Мы сами выбрали свои жизни. Я еще в самом начале могла бы остаться на Земле,

ты же знаешь. Я не обязана была следовать за тобой. И я доказала это, когда осталась с Джактом. Я ничем не пожертвовала ради тебя — я сделала великолепную карьеру и прожила прекрасную жизнь, и многое в моей жизни произошло благодаря тому, что я была с тобой. А что касается Пликт, ну, мы в конечном итоге узнали — к большому моему облегчению, могу добавить, — что она не всегда полностью владеет собой. И все же ты никогда не просил ее приезжать сюда вслед за тобой. Она сама выбрала то, что выбрала. И если ее жизнь потрачена зря, что ж, она провела ее так, как хотела, это не твоя забота. А Новинья…

— Новинья моя жена, — оборвал ее Эндер. — Я обещал не покидать ее. Я старался не покидать ее.

— Ты и не покидал меня, — возразила Новинья.

— Тогда что я делаю в этой кровати?

— Ты умираешь, — ответила Новинья.

— И я так думаю, — вздохнул Эндер.

— Но ты умирал еще до того, как приехал сюда, — поспешила добавить Новинья. — Ты умирал с того самого момента, как я от злости бросила тебя и приехала сюда. Тогда, когда ты понял… когда мы оба поняли, что больше ничего не можем

построить вместе. Наши дети уже взрослые. Один из них умер. Других уже не будет. Наша работа больше нигде не пересекается.

— Это не означает, что было бы правильно прекратить…

— «Пока смерть не разлучит нас», — процитировала Новинья. — Знаю, Эндрю. Ты сохраняешь брак для своих детей, а когда они становятся взрослыми, для всех других детей, потому что они растут в мире, где браки постоянные. Все это я знаю, Эндрю. Постоянство, пока один из двоих не умрет. Именно поэтому ты умираешь, Эндрю. Потому что есть другие жизни, которые ты хочешь сохранить, и потому что благодаря чудесной случайности ты действительно обладаешь телами, где можешь жить. Конечно, ты покинешь меня. Конечно.

— Я сдержу свое обещание, — пообещал Эндер.

— До смерти, — согласилась Новинья. — Не более того. Неужели ты думаешь, что я не буду скучать по тебе, когда ты уйдешь? Конечно, буду. Я буду тосковать по тебе, как любая вдова тоскует по своему любимому мужу. Каждый раз, когда я буду рассказывать о тебе твоим внукам, я буду заново переживать свою утрату. Это хорошо, когда вдова тоскует по своему мужу. Ее жизнь

получает новые очертания. Но очертания твоей жизни — они, твои двойники. Не я. Теперь уже нет. И я не жалею об этом, Эндрю.

— Мне страшно, — признался Эндер. — Такого страха, как когда Джейн вытесняла меня, я никогда не испытывал. Я не хочу умирать.

— Тогда не задерживайся здесь. Пока ты остаешься в старом теле и сохраняешь верность своему старому браку, Эндрю, тебя может настичь настоящая смерть. Да и для меня будет смертельно тяжело смотреть на тебя, понимая, что на самом деле ты не хочешь оставаться.

— Новинья, я действительно очень люблю тебя, я не притворяюсь, все годы счастья, которые мы провели вместе, были настоящими, как у Джакта и Валентины. Скажи ей, Валентина.

— Эндрю, — сказала Валентина, — вспомни, пожалуйста. Это *она* оставила *тебя.*

Эндер внимательно посмотрел на Валентину. Потом долго и тяжело смотрел на Новинью.

— Действительно. Ты ушла. А я заставил тебя принять меня назад.

Новинья кивнула.

— Но я думал… я думал, что нужен тебе. Все еще.

Новинья пожала плечами.

— Эндрю, в том-то и дело. Ты всегда был нужен мне, но не из чувства долга. Ты был мне нужен не потому, что дал мне слово. День за днем видеть тебя и понимать, что тебя удерживает только долг, — как это мне поможет, Эндрю?

— Ты хочешь, чтобы я умер?

— Я хочу, чтобы ты жил, — ответила Новинья. — Жил. В Питере. Он хороший молодой мальчик, у него вся жизнь впереди. Я желаю ему добра. Будь теперь им, Эндрю. Не цепляйся за старую вдову. Ты выполнил свой долг по отношению ко мне. И я знаю, что ты действительно любишь меня, как и я продолжаю любить тебя. Смерть этого не изменит.

Эндер посмотрел на нее, он верил ей и пытался понять, прав ли он, когда верит. «Она так думает; но как она может так думать? Она говорит то, что, как ей кажется, я хочу от нее услышать. Но то, что она сказала, — правда». Снова и снова он прокручивал в уме эти вопросы.

В какой-то момент он потерял к ним интерес и заснул.

Ему показалось, что он заснул.

Три женщины, собравшиеся вокруг кровати, увидели, как глаза его закрылись. Новинья вздохнула, думая, что она потерпела неудачу, и уже

начала отворачиваться, но тут Пликт порывисто вздохнула, и Новинья снова повернулась к Эндеру. У Эндера выпали волосы. Новинья потянулась за ними туда, куда они соскользнули с его головы, хотела было приладить их назад, но поняла, что лучше не трогать его, не будить. Отпустить его.

— Не смотри, — прошептала Валентина.

Но никто из них не отвернулся. Не прикасаясь к нему, не говоря ни слова, они смотрели, как его плоть отвалилась от скелета, высохла и раскрошилась, как сделалась пылью под простынями, на подушке, а затем и пыль стала рассыпаться, пока не измельчала настолько, что стала невидимой. Ничего не осталось. Вообще ничего, кроме мертвых волос, которые выпали первыми.

Валентина наклонилась и начала сгребать волосы в кучу. Сперва Новинья почувствовала отвращение. Но потом поняла — у них будет хоть что-то, что можно похоронить. Они должны устроить похороны и положить то, что осталось от Эндрю Виггина, в землю. Новинья стала помогать Валентине. И когда Пликт тоже подняла несколько затерявшихся волосков, Новинья не прогнала ее, а взяла у нее волоски, как взяла перед тем у Валентины. Эндер был свободен. Новинья отпустила его. Она сказала то, что должна была

сказать, чтобы он смог уйти.

Права ли Валентина? Будет ли в будущем уход Эндера отличаться для Новиньи от ухода других, которых она любила и теряла? Она узнает потом. Но сейчас, сегодня, в этот момент, она чувствовала только боль утраты. Нет, ей не хотелось плакать. «Нет, Эндер, мои слова не были правдой — ты все еще нужен мне, твой долг или клятва, чтобы бы там ни было, я все еще хочу, чтобы ты был со мной, — никто другой не любил меня так, как ты, и мне нужна твоя любовь, нужен ты. Где ты теперь? Где ты, когда я люблю тебя так сильно?»

«Он свободен», — объявила Королева Улья.

«А он найдет путь к другому телу? — спросил Человек. — Не дай ему потеряться!»

«Это ему под силу, — ответила Королева Улья. — Ему и Джейн.»

«Она уже знает?»

«Не важно. Где бы она ни была, она все равно настроена на него. Да, она знает. Она ищет его даже теперь. Да, она направилась к нему.»

Джейн выпрыгнула из сети, которая была такой доброй, так нежно ее опекала. Ее не хотели отпускать. «*Я* вернусь, — подумала Джейн, — вер-

нусь к тебе, но больше не останусь надолго; мое долгое присутствие вредит тебе».

Она прыгнула и снова оказалась вместе с айю, с которой была сплетена три тысячи лет назад. Ее владелец казался потерянным, смущенным. Из-за того, что одно из тел было утрачено. Старое. Старая привычная оболочка. Ему едва удалось уцепиться за два оставшихся. У него не было ни корней, ни якоря. Ни в одном из новых тел он не чувствовал себя дома — оказался посторонним в своей собственной плоти.

Джейн приблизилась к нему. Теперь она лучше, чем раньше, понимала, что делать, как контролировать себя. На этот раз она сдержалась, не притронулась ни к чему, что принадлежало ему, не предъявила претензий на его владения. Просто подошла ближе.

Теперь, в момент неуверенности, она показалась ему знакомой. Лишенный корней самого старого своего дома, сейчас он видел, что да, он знает ее, знает давно. Он подошел ближе, не испытывая страха. Все ближе, ближе.

«Иди за мной».

Она прыгнула в тело Валентины. Он — за ней. Она вошла внутрь без единого касания, не пробуя жизни; это он должен прикоснуться и попробо-

вать. Найти конечности, губы и язык. Он открыл глаза и посмотрел; вслушался в мысли; полистал воспоминания.

Слезы застят глаза, текут по щекам. Сердце разрывается от горя. «У меня нет сил жить здесь, — подумал он. — Это не мой дом. Я никому здесь не нужен. Все они хотят выгнать меня отсюда, хотят, чтобы я ушел».

Горе душило его, выталкивало прочь. Это место было для него невыносимым.

Айю, которая когда-то была Джейн, попробовала дотянуться куда-нибудь, коснуться одной-единственной клетки.

Он встревожился, но через мгновение тревога ушла. «Это не мое, — подумал он. — Не мой дом. Ты можешь взять его себе. Теперь он твой».

Она провела его по всем уголкам, касаясь всего, принимая управление; только на этот раз, вместо того чтобы бороться, он постепенно передавал ей контроль. «Я больше не хочу здесь быть. Бери. Найди здесь радость. Тело твое. Оно никогда не было моим».

Джейн чувствовала, как обретает плоть, как ее становится все больше и больше; клетки сотнями, тысячами переходили из вассальной зависимости от старого хозяина, который больше не хотел

жить здесь, к новой правительнице, которая их обожала. Она больше не твердила им: «Вы мои», как тогда, когда приходила сюда впервые. Сейчас она кричала: «Я ваша»; а потом наконец: «Вы — это я».

Целостность этого тела поразила ее. Теперь она поняла, что до настоящего момента никогда не была личностью. Те свойства, которые наличествуют у личностей, все прожитые века ей заменяли разнообразные устройства. Она была резервуаром, поддерживающим существование в ожидании жизни. Но теперь, примерив руки, похожие на трубки, она решила, что да, ее руки должны быть такой длины, а язык и губы шевелятся как раз там, где им и следует. И затем, просочившись в сознание, требуя внимания, которое когда-то было разделено между десятью тысячами мыслей одновременно, пришли воспоминания, которых она никогда раньше не знала. Воспоминания о речи, выдыхаемой губами, о зрении, фокусирующем окружающий мир на сетчатку, и о слухе, фильтрующем звуковые волны через барабанные перепонки. Воспоминания о ходьбе и беге.

Воспоминания о людях. Как она стоит в том первом корабле, совершившем межзвездный

перелет, ее первый взгляд на Эндрю Виггина, как она смотрит ему в лицо и пытается понять, видит ли он ее, если постоянно переводит взгляд на…

Питера.

Эндер.

Питер.

Она забыла! Она так увлеклась своей новой оболочкой, которую ей посчастливилось найти, *что* забыла одинокую айю, которая отдала ей тело. Где же он?

Потерян, потерян! Его не оказалось и в другом теле, она нигде не находила его. Как она могла потерять его? Сколько секунд, минут, часов назад он ушел? Где же он?

Помчавшись прочь из тела, от самой себя, которая называлась Вэл, она разыскивала, проверяла, но не находила.

«Он умер, и я потеряла его. Он отдал мне жизнь, и у него не было больше возможности держаться, а я забыла его, и он пропал».

Но потом она вспомнила, куда он уходил раньше, когда она гнала его через все три его тела, а он вдруг выпрыгнул на некоторое время, а когда она повторила его прыжок, то попала в кружево сети деревьев. Конечно, он снова мог это проделать. Оставалось единственное место, куда он мог

прыгнуть, туда, куда он уже однажды уходил.

Она кинулась туда и действительно нашла его, но не там, где задержалась сама, не среди материнских деревьев и даже не среди отцов. Вообще не среди деревьев. Нет, он отправился туда, куда ей не захотелось идти, в толстые волокнистые нити, которые вели к ним, даже не к ним, а к ней. К Королеве Улья. Той, которую он носил в сухом коконе три тысячи лет из мира в мир до тех пор, пока наконец не нашел для нее дом. Теперь она отблагодарила его за подарок. Когда айю Джейн исследовала нити, ведущие к Королеве Улья, он оказался там, неуверенный, потерянный.

Он узнал ее. Было удивительно, как он, отрезанный от всего, вообще что-то смог узнать, но он все же узнал ее. И снова пошел за ней. И на этот раз она повела его в тело, но в другое, не в то, которое он отдал ей, которое теперь принадлежало ей или скорее было ею. Нет, она привела его в другое тело, в другое место.

Но он вел себя так, как и в прошлый раз; он, казалось, был здесь чужим. Несмотря на то что миллионы айю тела тянулись к нему, стремились поддержать его, он держался в стороне. Неужели то, что он чувствовал здесь, было для него так ужасно? Или дело в том, что это тело принадлежа-

ло Питеру, который был для него воплощением того, чего он больше всего в себе боялся? Он не мог занять его. Тело принадлежало ему, но он не мог, не был в состоянии…

Но он должен был. Она повела его за собой, передавая каждую часть ему. «Теперь это твое. Что бы оно когда-то ни означало для тебя, сейчас все по-другому — ты сможешь быть здесь полным, быть самим собой».

Он не понимал ее; не связанный ни с одним телом, он не был способен думать. Он только знал, что это тело он не любит. От того, которое он любил, он отказался.

Все же она продолжала толкать его вперед; он подчинился. Клетка за клеткой, ткань, орган, конечность — они твои, смотри, как они рады тебе, как они подчиняются тебе. И они действительно подчинялись ему, несмотря на его оторванность. Они подчинялись ему до тех пор, пока наконец он не начал понимать мысли этого мозга и чувства этого тела. Джейн ждала, наблюдая, поддерживая его, заставляя его оставаться здесь, пока он не примет управление телом, потому что видела, что без нее он может сбежать, улететь. «Это не мой дом, — без слов говорила его айю. — Это не мой дом, не мой».

Причитая и всхлипывая, Ванму уложила Питера головой себе на колени. Вокруг нее собирались самоанцы — свидетели ее горя. Питер совершенно неожиданно ослабел и рухнул, и у него начали выпадать волосы. Ванму понимала, что это означает. Значит, Эндер умер где-то далеко и не может найти пути сюда.

— Он погиб, — причитала она. — Он погиб.

Смутно она слышала поток самоанских слов, лившихся из уст Малу. А затем перевод Грейс:

— Он не погиб. Она привела его сюда. Богиня привела его сюда, но он боится остаться.

«Как он может бояться? — поразилась Ванму. — Чтобы Питер боялся? Или Эндер? Нелепо в любом случае. Он никогда даже на секунду не был трусом. Чего же он может бояться?»

Но тут она вспомнила — Эндер боялся Питера, а страх Питера всегда был связан с Эндером.

— Нет! — воскликнула она, но на этот раз в ее голосе не было горя. В нем слышались недоумение, настойчивость и решительность.

— Нет, слушай меня, это твой дом! Это ты, настоящий ты! Мне плевать, чего ты боишься сейчас! Мне плевать, каким потерянным ты себя чувствуешь. Я хочу, чтобы ты был здесь. Это твой дом и он всегда был твоим. Со мной! Нам хорошо вместе.

Мы созданы друг для друга. Питер, Эндер — кем бы ты себя ни мыслил, — ты можешь понять, что для меня нет никакой разницы? Ты всегда будешь самим собой, тем же, кто ты сейчас, а это тело всегда будет твоим. Иди домой! Возвращайся!

Она повторяла свои слова снова и снова.

Наконец его глаза открылись, а губы разошлись в улыбке.

— Вот теперь помогает, — произнес он.

В ярости она оттолкнула его.

— Как ты можешь так шутить надо мной!

— Значит, ты привирала, — улыбнулся он. — А на самом деле я теперь тебе не нравлюсь.

— Я никогда не говорила, что ты мне нравишься, — ответила она.

— Я знаю, что ты говорила.

— Ладно, — сказала она. — Ладно.

— И это было правдой, — закончил он. — Было и есть.

— Ты имеешь в виду, что я сказала правду? Я угадала?

— Ты сказала, что здесь мой дом, — ответил Питер. — Так и есть.

Он протянул руку и коснулся ее щеки, а потом обнял ее за шею и притянул к себе. Вокруг весело смеялись два десятка самоанцев.

«Теперь это ты, — сказала ему Джейн. — Все это — ты. Ты снова целый. Ты слился воедино».

То, что он прочувствовал тогда, когда неохотно управлял телом, оказалось достаточно. Больше не было робости или неуверенности. Айю, которую Джейн водила по этому телу, теперь радостно приняла на себя управление, полная энтузиазма, как будто это было первое ее тело. Вероятно, так и было. После того как она была отрезанной, пусть и ненадолго, сомнительно, что она сможет когда-нибудь вспомнить свою жизнь в обличье Эндрю Виггина. Но действительно ли старая жизнь ушла? Айю была та же, сверкающая, мощная айю; но сохранит ли она какие-то прежние воспоминания под воспоминаниями, заполнившими мозг Питера Виггина?

«Меня это не должно беспокоить, — подумала Джейн. — Теперь у него есть тело. Теперь он не умрет. И у меня тоже есть мое тело, у меня есть кружевная сеть материнских деревьев и когда-нибудь я снова обрету мои анзибли. Я и не подозревала, насколько ограничена я была до сих пор, как мала; но теперь я так же, как и мои друзья, удивляюсь, насколько я полна жизни».

Вернувшись в свое новое тело, в свою новую личность, она снова позволила мыслям и вос-

поминаниям заполнить ее, но на этот раз не сдерживала ничего. Ее айю-сознание скоро переполнилась от всего, что она понимала и чувствовала, думала и вспоминала. Она обнаружила это так же, как Королева Улья замечает свою собственную айю и ее филотические связи; эта способность вернулась к ней как вспышка, как детский навык, который она когда-то приобрела, а потом забыла. Кроме того, краем сознания она фиксировала, что несколько раз в секунду продолжает облетать сеть деревьев, но все это происходило так быстро, что она не пропускала ни одной, даже мимолетной мысли Валентины.

Вэл.

Той Вэл, которая сидела, всхлипывая, слушая ужасные слова, которые говорил ей Миро. «Он никогда не любил меня. Ему нужна была Джейн. Всем им нужна Джейн, а не я.

Но я и есть Джейн. И я — это я. Я — Вэл!»

Она перестала плакать. Шевельнулась.

Шевельнулась!

Мускулы натянулись и расслабились, сократились, растянулись, мириады клеток дружно работали, чтобы двигать огромные тяжелые кости, кожу и органы, запускали и блокировали их, осуществляя тонкую регулировку. Их работа до-

ставила Джейн такую радость, что она не смогла сдержать ее в себе. Что означал этот судорожный спазм ее диафрагмы? Чем был тот порыв звука, который выплеснулся из ее гортани?

Это смех. Как долго она фабриковала его с помощью компьютерных чипов, симулировала и никогда, никогда, в сущности, не знала, что он означает, какие рождает чувства. Она смеялась и не хотела останавливаться.

— Вэл! — позвал Миро.

«О, какая радость слышать его голос своими ушами!»

— Вэл, что с тобой?

— Ничего, — ответила она, пошевелив языком и губами, набрала воздух в легкие и вытолкнула его назад — то, что Вэл делала по привычке, было таким новым, свежим и прекрасным для Джейн.

— И — да, ты должен продолжать называть меня Вэл. Джейн была чем-то другим. Кем-то другим. До того, как я стала собой, я была Джейн. Но теперь я — Вэл.

Она посмотрела на него и увидела (глазами!), как слезы текут по его щекам.

Внезапно она догадалась.

— Пожалуй, нет, — сказала она. — Ты вовсе не должен называть меня Вэл. Я не та Вэл, которую

ты знал, но я не возражаю, что ты горюешь о ней. Я знаю, что ты сказал ей. Я знаю, как больно тебе было говорить такое; я помню, как ей было больно слушать. Но, пожалуйста, не жалей об этом. Ты сделал мне такой огромный подарок, ты и она, вы оба. Но ты одарил и ее. Я видела ее айю, она перешла в Питера. Она не погибла. И я уверена, что самое важно, что когда ты говорил ей то, что говорил, ты освободил ее, чтобы она сделала то, что лучше всего отражало ее истинную сущность. Ты помог ей умереть ради тебя. И теперь она воссоединилась с самой собой. Плачь о ней, но не жалей о том, что сделал. Да, и зови меня Джейн.

Она знала, что нужно делать, знала та ее часть, которая осталась от Вэл, той личности, которой была Вэл. Она оттолкнулась от кресла, продрейфовала туда, где сидел Миро, обняла его («Я коснулась его своими руками!»), прижала его голову к своему плечу и почувствовала, как его слезы просочились сквозь ее блузку, сперва обжигая, а потом холодя кожу. Кожа горела. Горела.

11
«Ты позвала меня назад из тьмы»

«Неужели ей не будет конца?
Неужели она будет длиться вечно?
Неужели я до сих пор не исполнила всего,
что ты мог потребовать от женщины
такой слабой и такой глупой, как я?
Когда же снова мое сердце услышит
твой резкий голос?
Когда же я пройду
последнюю тропинку, ведущую в небеса?»

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

Имя, которое секретарь прошептал на ухо Ясухиро Цуцуми, несказанно его удивило. Но он не раздумывая кивнул и поднялся на ноги, чтобы обратиться к двум людям, с которыми вел переговоры. Переговоры начались давно и проходили трудно, и прервать их сейчас, на последней стадии, когда все могло вот-вот… Но ничего не поделаешь. Лучше лишиться миллионов, чем проявить неуважение к великому человеку, который пришел — просто не верится! — поговорить

с ним.

— Я прошу вас простить мне мою грубость, но ко мне пришел с визитом мой старый учитель. Для меня и моего дома будет позором держать его на пороге.

Старый Шигеру немедленно встал и поклонился.

— Я думал, что молодое поколение уже забыло, что значит уважение. Я знаю, ваш учитель — великий Аимаина Хикари, хранитель духа Ямато. Но даже если бы он был дряхлым и беззубым школьным учителем из какой-нибудь горной деревушки, достойный молодой человек все равно должен был бы проявить к нему уважение.

Молодой Шигеру был не столь любезен или по крайней мере не так хорошо скрывал свое раздражение. Но главным было мнение старого Шигеру. А переубедить сына можно будет и после того, как сделка состоится; времени хватит.

— Ваша снисходительность делает мне честь, — поклонился Ясухиро. — Пожалуйста, позвольте мне узнать, не согласится ли и мой учитель оказать мне честь, позволив представить ему таких мудрых людей, как вы, под моей скромной крышей.

Ясухиро снова поклонился и вышел в прием-

ную. Аимаина Хикари до сих пор стоял. Секретарь, тоже стоя, беспомощно пожимал плечами, как бы оправдываясь: «Он не захотел сесть». Ясухиро низко поклонился, один раз, второй, третий, и только потом спросил, может ли он представить своих друзей.

Аимаина насупил брови и тихо спросил:

— Шигеру Фушими, которые претендуют на звание наследников благородной семьи, вымершей за две тысячи лет до внезапного возрождения новых отпрысков?

Ясухиро стало дурно от страха — Аимаина, который прежде всего был хранителем духа Ямато, может унизить его, бросая вызов претензиям Фушими на благородное происхождение.

— Это маленькое и безвредное тщеславие, — тихо и примирительно сказал Ясухиро. — Человек может гордиться своей семьей.

— Как твой тезка, основатель состояния Цуцуми, который был счастлив забыть, что его предки были корейцами?

— Вы сами говорили, — Ясухиро не моргнув глазом проглотил оскорбление в свой адрес, — что все японцы по происхождению — корейцы, но носители духа Ямато достигли островов первыми. Мои предки последовали за вашими всего

лишь через несколько столетий.

Аимаина засмеялся.

— Ты продолжаешь оставаться тем же лукавым и сообразительным учеником! Веди меня к своим друзьям, для меня будет честью познакомиться с ними.

Последовали десять минут ритуальных поклонов и улыбок, приятных комплиментов и самоуничижений. Ясухиро почувствовал облегчение, когда Аимаина, произнося имя «Фушими», не вложил в него никакого намека на снисхождение или иронию, а молодой Шигеру был настолько ослеплен встречей с великим Аимаиной Хикари, что совершенно забыл свою обиду из-за прерванных переговоров. Оба Шигеру удалились, унося с десяток голограмм, запечатлевших их встречу с Аимаиной, и Ясухиро втайне был доволен тем, что старый Шигеру настоял, чтобы и Ясухиро попал на голограммы вместе с Фушими и великим философом.

Наконец Ясухиро и Аимаина остались одни в офисе за закрытой дверью. Неожиданно Аимаина подошел к окну и поднял занавеси, за которыми открылись еще одно высотное здание финансового центра Нагойи и панорама пригорода — возделанные равнины, но все еще лесистые

склоны — места обитания лисиц и барсуков.

— Для меня большое облегчение видеть, что, несмотря на то что Цуцуми живут в Нагойе, в пределах видимости из города до сих пор остается невозделанная земля. Не думал, что такое возможно.

— Хоть вы и презирали мою семью, я горжусь тем, что вы произносите наше имя, — отозвался Ясухиро. Но его мучил вопрос, который он не решался задать: «Почему именно сегодня вы полны решимости оскорбить мою семью?»

— А ты разве гордишься человеком, чьим именем тебя назвали? Скупщиком земли и строителем площадок для гольфа? Он считал, что все дикие земли просто мечтают о хижинах и зеленых полях. Поэтому не было ни одной женщины, которая бы показалась ему настолько безобразной, чтобы он не прижил с ней ребенка. Ты и в этом следуешь ему?

Сбитый с толку Ясухиро не мог понять, в чем дело. Истории об основателе состояния Цуцуми знали все. Вот уже три тысячи лет, как они перестали быть новостью.

— Что я сделал, чтобы вызвать такой гнев на свою голову?

— Ничего ты не сделал, — ответил Хикари. — И

мой гнев направлен не на тебя. Я разгневан на самого себя, потому что я тоже ничего не сделал. Я говорил о старинных грехах твоей семьи только потому, что единственная надежда, которая осталась у людей Ямато, — помнить все грехи прошлого. Но мы забыли о них. Мы теперь слишком богаты, мы владеем слишком многим, слишком много строим, в Ста Мирах, наверное, не существует ни одного проекта, от самого простого до самого важного, которого не коснулись бы руки людей Ямато. И все же мы забыли уроки наших предков.

— Позволь мне выслушать твой урок, сэнсэй.

— Однажды давным-давно, когда Япония продолжала сражаться за вхождение в современный век, мы пошли на поводу у своей воинственности. Военные стали нашими господами и привели нас к ужасной войне, к завоеванию наций, которые не сделали нам ничего плохого.

— Мы заплатили за свои преступления, когда атомные бомбы упали на наши острова.

— Заплатили? — воскликнул Аимаина. — Что значит заплатили или не заплатили? Или мы вдруг стали христианами, которые искупают грехи? Нет! Путь Ямато не в том, чтобы платить за ошибку, но чтобы извлечь из нее урок. Мы от-

бросили нашу воинственность и завоевали мир совершенством своих проектов и надежностью своей работы. Пусть в основе языка Ста Миров — английский, но деньги Ста Миров рождены иеной.

— Но ведь люди Ямато продолжают покупать и продавать, — удивился Ясухиро. — Мы не забыли урока.

— Это только пол-урока. А другая половина была такая: мы не должны провоцировать войн.

— Но ведь не существует ни японского флота, ни японской армии.

— Это ложь, которую мы говорим друг другу, чтобы скрыть свои преступления, — отрезал Аимаина. — Два дня назад меня посетили двое неизвестных — смертные люди, но я знаю, что их послали боги. Они бросили мне упрек, что школа необходимистов обеспечила большинство голосов при обсуждении в Звездном Конгрессе вопроса об отправке лузитанского флота. Флота, чьей единственной целью является повторение преступления Эндера-Ксеноцида и разрушение мира, где обитают бренные виды раман, которые никому не причинили вреда!

Ясухиро дрогнул под тяжестью гнева Аимаины.

— Но, сэнсэй, какое я имею отношение к военным?

— Мыслители духа Ямато учили философии, которую политики Ямато претворили в жизнь. Именно японские голоса создали перевес при принятии решения. Этот дьявольский флот должен быть остановлен.

— Но сегодня ничего уже нельзя сделать, — возразил Ясухиро. — Анзибли отключены, как и вся компьютерная сеть, до тех пор, пока страшный всепожирающий вирус не будет изгнан из системы.

— Завтра анзибли будут восстановлены. И уже завтра позор японского участия в ксеноциде должен быть предотвращен.

— Почему вы пришли ко мне? — спросил Ясухиро. — Меня назвали именем моих великих предков, но именем Ясухиро, Йошиаки или Сейхи названа половина мальчиков в нашей семье. Я всего лишь управляющий Цуцуми-Холдинга в Нагойе…

— Не будь таким скромным, Ясухиро. Ты — Цуцуми из мира Священного Ветра.

— Ко мне, конечно, прислушиваются в других городах, — согласился Ясухиро, — но приказы приходят из семейного центра в Хонсю. Я вообще

не имею никакого политического влияния. Если проблема в необходимистах, обратитесь к ним!

Аимаина вздохнул.

— А-а, это ничего не даст. Они потратят шесть месяцев на споры о том, как связать свою новую позицию со своей старой позицией, постепенно убеждаясь, что они вовсе не поменяли своего мнения и что их философия охватывает полный 180-градусный спектр мнений. А политики — они уже связали себя своим выбором. Даже если философы изменят свое мнение, потребуется, чтобы сменилось по меньшей мере поколение политиков — три полных срока, как говорится, — чтобы новая политика стала реальностью. Тридцать лет! Лузитанский флот сделает свое черное дело задолго до того, как это произойдет.

— Что же тогда остается, кроме отчаяния и позора, — процитировал Ясихиро, — если вы не собираетесь исполнить бесполезный и неумный ритуал.

Он улыбнулся своему учителю, понимая, что Аимаина узнает слова, которые он сам всегда использовал, когда чернил древнюю практику сеппуку — ритуального самоубийства, из которого дух Ямато вырос, как ребенок вырастает из своих пеленок.

Аимаина не ответил на улыбку.

— Сам лузитанский флот — сеппуку для духа Ямато.

Он подошел к Ясухиро и навис над ним, как скала, хотя, наверное, Ясухиро так только показалось, потому что он был на полголовы выше пожилого человека.

— Политики сделали лузитанский флот популярным, поэтому философы не могут теперь изменить своего мнения. Но когда философия и выборы не могут изменить мнения политиков, это могут сделать деньги!

— Вы же не предлагаете унизиться до взятки? — спросил Ясухиро, пытаясь угадать, знает ли Аимаина, как широко распространен подкуп политиков.

— Ты думаешь, что я смотрю себе в задницу?

Услышав такое грубое выражение от своего учителя, Ясухиро поперхнулся и отвел глаза, нервно посмеиваясь.

— Ты думаешь, я не знаю, что существует десять способов купить каждого продажного политика и сотни вариантов подкупа каждого честного? — поинтересовался Аимаина. — Пожертвования, угроза спонсирования оппонентов, денежные дары к знаменательной дате, работа, предостав-

ленная родственникам или друзьям, — мне весь список перечислить?

— Вы серьезно хотите использовать деньги Цуцуми, чтобы остановить лузитанский флот?

Аимаина снова вернулся к окну и как бы обхватил руками все, что видел перед собой.

— Лузитанский флот нанесет урон бизнесу, Ясухиро. Если Молекулярный Дезинтегратор будет использован против одного мира, то его применят и против другого. И на этот раз военные, сосредоточив в своих руках такую огромную власть, не отдадут ее.

— Должен ли я убедить глав моей семьи цитатами вашего пророчества, сэнсэй?

— Это не пророчество, — возразил Аимаина, — да и не мое. Это закон человеческой природы, этому нас учит история… Остановите флот, и Цуцуми прославятся как спасители и не только духа Ямато, но и вообще человеческого духа. Не позвольте этому смертельному греху пасть на головы наших людей.

— Простите меня, сэнсэй, но мне кажется, что вы — единственный, кто считает это грехом. До того, как вы подняли этот вопрос, никто и не думал, что на нас возложено бремя ответственности за это прегрешение.

— Я ни на кого не возлагаю никакого бремени. Я едва приподнял шляпу, под которой стыдливо прячутся наши грешки. Ясухиро, ты был одним из моих лучших учеников. И то, что ты такими окольными путями использовал все, чему научился у меня, я тебе простил, потому что ты делал это ради своей семьи.

— А то, о чем вы просите меня сейчас, — это простой способ?

— Я совершил самый прямолинейный поступок в своей жизни — открыто высказался перед самым влиятельным представителем богатейшего из японских торговых семейств, к которому у меня сегодня есть доступ. И тебя я прошу совершить минимальное количество требуемых действий — сделать то, что необходимо.

— Даже этот минимум поставит мою карьеру под угрозу, — задумчиво проговорил Ясухиро.

Аимаина промолчал.

— Мой лучший учитель однажды сказал мне, — добавил Ясухиро, — что человек, который рискует своей жизнью, знает, что все карьеры никчемны, а человек, который никогда не станет рисковать своей карьерой, ведет никчемную жизнь.

— Так ты сделаешь это?

— Я подготовлю сообщение, чтобы проинфор-

мировать семью Цуцуми о вашем приходе. Как только анзибли будут снова подключены, я отправлю его.

— Я знал, что ты не разочаруешь меня.

— Более того, — улыбнулся Ясухиро, — когда я потеряю работу, я приду жить к вам.

Аимаина поклонился:

— Ты окажешь мне честь, если поселишься под моей крышей.

Жизнь всех людей протекает сквозь время, и время течет через все жизни одинаково, равнодушное к тому, каким жестоким может быть отдельный момент, как наполнен он горем, болью или страхом. Прошли минуты с тех пор, как Вэл-Джейн обнимала плачущего Миро, потом время осушило его слезы, разомкнуло ее объятия и, наконец, истощило терпение Элы.

— Давайте вернемся к работе, — немного раздраженно сказала она. — Я не бесчувственная, но наше затруднительное положение не изменилось.

Квара удивилась.

— Но Джейн не умерла! Разве не ясно? Мы сможем вернуться домой!

Вэл-Джейн сразу же направилась к своему терминалу. Каждое движение давалось ей легко

— сказывались развитые рефлексы и привычки Вэл, но разуму Джейн каждое движение приносило ощущение новизны и свежести.

— Не знаю, — ответила она на вопрос, который Квара произнесла вслух, а другие задавали себе молча. — В этом теле я пока еще чувствую себя неуверенно. Связи с анзиблями пока еще нет. У меня нашлась горстка союзников, которые подключат некоторые из моих старых программ к сети, когда ее восстановят, — несколько самоанцев на Пасифике, Хань Фэй-цзы на Пути, университет Або на Пустоши. Будет ли этих программ достаточно? Позволят ли новые сетевые программы собрать достаточно ресурсов, чтобы поддерживать всю информацию о звездолете и о таком количестве людей на борту? Не будет ли мне мешать тело? И потом, чем окажется моя новая связь с материнскими деревьями — помощью или только будет отвлекать мое внимание? И потом самый главный вопрос: действительно ли все мы жаждем оказаться участниками первого пробного полета?

— Кому-то все равно придется, — пожала плечами. Эла.

— Я думала провести эксперимент на одном из кораблей Лузитании, если смогу восстановить с

ней контакт, — продолжала Джейн. — Королева Улья выделит мне для этого кого-нибудь. Таким образом, если мы потеряем корабль, будет не так жалко.

Джейн повернулась к дочери улья, которая была с ними:

— Прошу, конечно, прощения.

— Ты не должна перед ней извиняться, — безапелляционно заявила Квара. — В действительности это просто Королева Улья.

Джейн подмигнула Миро. Миро скривился, и на его лице появилось красноречивое выражение досады. Он знал, что рабочие не вполне соответствовали тому, что о них все думали. Королевам ульев иногда приходилось усмирять их, потому что не все они полностью подчинялись воле своих матерей. Были они рабынями или не были — придется решать следующим поколениям.

— Язык, основывающийся на генетических молекулах, — задумчиво произнесла Джейн. — Какая у него может быть грамматическая структура? И что является его носителем? Звук, запах или жест? Давайте посмотрим, насколько мы умны, когда я не помогаю нам из компьютера.

Фраза показалась ей такой забавной, что она громко рассмеялась. О, каким чудесным пока-

зался ей собственный смех, звучащий в ушах, пузырьками поднимающийся по ее легким, сокращающий диафрагму, брызжущий слезами из глаз!

Когда она отсмеялась, то поняла, каким тяжелым должен был казаться ее смех всем остальным.

— Прошу прощения, — извинилась она, смутившись, и почувствовала, как краснеют лицо и шея. Кто мог бы поверить, что она может быть такой горячей! Джейн чуть не засмеялась снова.

— Я еще не привыкла быть такой живой. Я понимаю, вам неприятно, что я радуюсь, когда вы все такие мрачные, но разве вы не понимаете? Даже если все мы умрем через несколько недель, когда кончится воздух, я не могу не изумляться своим ощущениям!

— Мы понимаем, — подбодрил ее Огнетушитель. — Ты перешла в свою Вторую Жизнь. Это время — счастливое для всех нас.

— Я провела время среди твоих деревьев, ты же знаешь, — обратилась к нему Джейн. — Материнские деревья нашли для меня место. Они приняли меня и утолили мой голод. Может быть, теперь мы брат и сестра?

— Я слабо понимаю, что значит иметь сестру, —

ответил Огнетушитель, — но если ты помнишь жизнь в темноте материнского дерева, значит, ты помнишь больше, чем я. Нам иногда снятся сны, но никаких настоящих воспоминаний о Первой Жизни в темноте у нас нет. Между прочим, это говорит о том, что нынешняя твоя жизнь — Третья.

— Значит, я уже взрослая? — поинтересовалась Джейн и снова засмеялась.

И снова почувствовала, как от ее смеха все напряглись.

Но когда она повернулась к ним, готовая извиняться снова, случилось что-то странное. Она взглянула на Миро, и вместо того чтобы произнести слова, которые она планировала, — слова Джейн, которые она могла бы нашептать через сережку ему на ушко, другие слова сорвались с ее губ вместе с памятью:

— Если у меня есть воспоминания, Миро, то, значит, я жива. Разве не так ты говорил мне?

Миро покачал головой:

— В тебе говорит память Вэл или память Джейн, когда она… когда ты цитируешь разговор в пещере Королевы Улья? Не утешай меня, делая вид, что ты — это она.

Джейн по привычке — по привычке Вэл или по

своей собственной привычке? — огрызнулась:

— Когда я буду утешать тебя, Миро, ты узнаешь об этом.

— И как же я узнаю? — огрызнулся Миро в ответ.

— Ты почувствуешь, что утешился, — хмыкнула Вэл-Джейн. — Между прочим, пожалуйста, не забывай, что теперь я слушаю тебя не через сережку. Я вижу вот этими глазами и слышу вот этими ушами.

Конечно, это не было чистой правдой. Много раз в секунду Джейн ощущала текущий сок и безмерное гостеприимство материнских деревьев, как тогда, когда ее айю утолила свой голод, путешествуя в огромной филотической сети. Иногда вне материнских деревьев она ловила мерцание мысли, слова, фразы, произносимые на языке отцов. Но был ли это язык? Скорее подчеркнутая речь лишенных дара речи. А чей был тот, другой голос? Джейн вспоминала: «Я узнаю тебя — ты той же природы, что и я. Я узнаю твой голос».

«Мы потеряли твой след, — услышала Джейн Королеву Улья. — Но ты хорошо справлялась и без нас.»

Джейн неожиданно для себя почувствовала, как тело Вэл распирает от гордости, вот он — фи-

зиологический ответ на гордость, рожденную похвалой матери ульев. «Я дочь королев ульев, — поняла Джейн, — именно поэтому для меня так важно, что она говорит со мной и хвалит за то, что я хорошо справилась.

И если я дочь королев улья, то я прихожусь дочерью и Эндеру, я даже дважды его дочь, потому что они создали мое жизненное вещество частично из его разума, чтобы я была мостом между ними, а теперь я поселилась в теле, которое опять же досталось мне от него, и унаследованные мною воспоминания относятся к тому времени, когда он обитал здесь и жил жизнью этого тела. Я его дочь, но снова не могу говорить с ним».

Шло время, текли ее мысли, но она ни на йоту не ослабила внимания к своей работе на корабле, что вращался вокруг планеты Десколадеров. Она оставалась все той же Джейн. Ее способность поддерживать несколько уровней внимания и фокусироваться на нескольких задачах одновременно не была связана с компьютерами, а досталась ей вместе с природой Королевы Улья.

«Твоя айю изначально была достаточно мощной, чтобы прийти к нам», — сказала Королева Улья.

«Которая из вас говорит со мной?» — так же

беззвучно спросила Джейн.

«Разве это важно? Мы все помним, как вытянули тебя из темноты в свет.»

«Так, значит, я остаюсь собой? И снова добьюсь всей той власти, которую потеряла, когда Звездный Конгресс убил мое старое виртуальное тело?»

«Тебе это под силу. Когда узнаешь наверняка, скажи нам. Нам будет очень интересно.»

Джейн почувствовала, как родительское бесстрастие вызвало в ней резкое разочарование и болезненное ощущение в желудке вроде стыда. Снова человеческая эмоция, ответ тела Вэл на отношения Джейн с ее матерями — королевами улья. Все было сложнее и в то же время проще. Ее чувства теперь фиксировались телом, которое отвечало еще до того, как она сама успевала понять, что именно чувствует. В прежние дни она вообще едва понимала, что у нее есть чувства. Конечно, у нее они были, даже иногда подсознательно в ней рождались иррациональные решения и желания — они были атрибутами всех айю любых форм жизни, — но не существовало простых сигналов, которые бы сказали ей, что ее чувства действительно существуют. Как просто быть человеком со своими эмоциями, ярко вплетенными в канву

твоего собственного тела. И все же тяжело, потому что теперь ты уже не можешь так же легко скрыть свои чувства хотя бы от самого себя.

«Привыкай огорчаться из-за нас, дочь наша, — произнесла Королева Улья. — У тебя наполовину человеческая натура, а у нас ее нет. Мы не станем утешать тебя, как человеческие матери. Когда тебе станет невыносимо — уходи. Мы не станем удерживать тебя.»

«Спасибо», — сказала Джейн… и ушла.

Солнце вставало из-за горы, которая разделяла остров пополам, поэтому рассвело задолго до того, как солнечный свет коснулся деревьев.

Ветер дул с моря, и ночью они продрогли. Когда Питер проснулся, Ванму лежала рядом, повторяя изгиб его тела, и ему вспомнились креветки, разложенные рядком на прилавке. Ощущение близости ее тела показалось ему приятным и… знакомым. Хотя как могло это быть? Он никогда не спал рядом с ней раньше. Может быть, это что-то рудиментарное, оставшееся от памяти Эндера? Но не обнаружил никаких таких воспоминаний. Питер почувствовал разочарование. Он думал, что когда айю поселится в его теле целиком, он станет Эндером и получит реальные воспоминания о жизни вместо жалких воображаемых

обрывков, которые достались ему вместе с этим телом, когда Эндер создавал его. Всего счастья не получишь.

И все же он помнил спящую женщину, прижавшуюся к нему. Помнил, как уютно обнимал надежной рукой.

Но Ванму он никогда так не обнимал. И поступить так сейчас тоже было бы неправильно — она не жена ему, а просто… друг? Друг ли? Она сказала, что любит его, — может быть, просто для того, чтобы помочь ему найти путь в это тело?

В этот момент он внезапно почувствовал, как проваливается куда-то, уходит от самого себя — Питера, становится чем-то иным, маленьким, ярким и ужасным, как его затягивает поток, слишком сильный, чтобы противостоять ему…

— Питер!

Он повернулся на голос, который окликнул его, и пошел вдоль почти невидимых филотических нитей, которые привязывали его к… к нему самому. «Я Питер. Мне некуда больше идти. Если я уйду, я умру».

— Что с тобой? — спросила Ванму. — Я проснулась, потому что я… Извини, но мне снилось… Я почувствовала, что теряю тебя. Но, похоже, ошиблась, ты здесь.

— Я действительно чуть было не потерялся, — кивнул Питер. — И ты смогла почувствовать это?

— Не знаю, что я чувствовала. Я просто… Не знаю, как сказать…

— Ты позвала меня назад из тьмы, — сказал Питер.

— Правда?

Он хотел сказать что-то еще, но промолчал. А потом засмеялся неловко и тревожно.

— Я чувствую себя так странно. Только что я чуть было не сказал что-то такое очень легкомысленное о том, что быть Питером Виггином само по себе означает жить в кромешной тьме.

— О да, — вздохнула Ванму. — Ты всегда говорил такие отвратительные вещи о самом себе.

— Но я промолчал, — возразил Питер. — Чуть было не сказал по привычке, но остановился, потому что это неправда. Разве не смешно?

— Думаю, просто хорошо.

— Смысл в том, что я, несмотря на то что был разделен на части, могу чувствовать себя целым, возможно, даже более наполненным собой или чем там еще. И все же я почти потерял целостность. Думаю, это был не просто сон. Мне кажется, я действительно уходил. Чуть не провалился… Нет, чуть не вывалился из всего.

— У тебя несколько месяцев было целых три личности, — сказала Ванму. — Возможно, твоя айю скучает по… Ну, не знаю, по размерам, к которым привыкла.

— Конечно, я же рассеялся по всей галактике. Если не учитывать того, что мне следовало бы говорить «он» вместо «я», поскольку то был Эндер. А я — не Эндер, потому что я ничего не помню. — Он задумался. — Правда, кажется, кое-что я сейчас помню более четко. Мое детство, например. Лицо матери. Очень четко помню. По-моему, раньше этого не было. И лицо Валентины, когда мы были детьми. Правда, эти воспоминания у меня могут быть и от Питера, значит, они не обязательно идут от Эндера, так? Уверен, что это просто одно из воспоминаний, которыми Эндер снабдил меня с самого начала. — Он засмеялся. — Я действительно в отчаянии — найти в себе столько собственных примет.

Ванму сидела и слушала. Она молчала, не демонстрируя особой заинтересованности, даже довольная тем, что не надо вставлять ответов или комментариев.

Питер, заметив это, понял все иначе.

— Ты что, что-то вроде, как бы ты сказала, сопереживателя? Для тебя нормально чувствовать то,

что чувствуют другие люди?

— Никогда такого не было, — ответила Ванму. — Я слишком занята прочувствованием того, что чувствую сама.

— Но ты ведь знала, что я ухожу. Ты чувствовала это?

— Наверное, я теперь с тобой связана, — пожала плечами Ванму. — И надеюсь, что это хорошо со всех сторон, потому что такое не может быть добровольным актом с моей стороны.

— Но я тоже связан с тобой, — заявил Питер. — Потому что, когда я был отключен, я продолжал слышать тебя. Все другие чувства ушли. Мое тело не давало мне ничего. Я потерял свое тело. Теперь-то, когда я вспоминаю, что чувствовал, я вроде бы помню, как видел что-то — просто мой человеческий мозг наполняет смыслом то, в чем он в действительности не может найти смысла. Я знаю, что в то время я ничего не видел и не слышал, вообще не чувствовал. И все же я знаю, что ты звала меня. Я чувствовал — тебе я нужен. Ты хочешь, чтобы я вернулся. Конечно, это означает, что я тоже связан с тобой.

Она снова пожала плечами, отворачиваясь.

— И это что должно означать? — спросил он.

— Я не собираюсь потратить остаток своей

жизни, чтобы объяснять тебе свои чувства и поступки, — ответила Ванму. — У всех есть право просто чувствовать и поступать без постоянного анализа. Тебе как это все представляется? Ты гений, который исследует человеческую природу?

— Брось, — сказал Питер, делая вид, что он ее поддразнивает, но действительно желая ее остановить. — Я помню, мы подшучивали над этим, и спорю, что я хвастал, но… ну, сейчас я чувствую себя по-другому. Может быть, потому, что сейчас во мне весь Эндер? Я знаю, что не настолько хорошо понимаю людей. Ты отвернулась, ты пожала плечами, когда я сказал, что связан с тобой, и меня это задело, ты же видишь.

— И почему?

— А, значит, ты можешь спрашивать «почему», а я не могу, такие теперь правила?

— Они всегда были такими, — ответила Ванму. — Ты просто никогда им не подчинялся.

— Ладно, меня это задело потому, что мне хотелось, чтобы ты радовалась, что я связан с тобой, а ты со мной.

— А ты сам-то рад?

— Ну, поскольку это только что спасло мне жизнь, думаю, я был бы просто идиотом, если бы не находил нашу связанность по крайней мере

удобной.

— Чувствуешь, как пахнет? — спросила она, внезапно вскакивая на ноги.

«Она такая молодая», — подумал Питер.

И тут же, поднявшись на ноги вслед за ней, удивился, обнаружив, что тоже молод, что у него гибкое и чувствительное тело.

И снова удивился, вспомнив, что Питер никогда не помнил жизни в старом теле. А у Эндера такой опыт был, в том теле, которое затекало и не могло с легкостью вскочить на ноги. «Эндер действительно во мне. Во мне воспоминания его тела. Но почему нет памяти его разума?»

Вероятно, потому, что мозг Питера включил в себя только контуры воспоминаний Эндера. Все остальное притаилось за пределами досягаемости. «Возможно, я буду иногда спотыкаться о воспоминания Эндера, наносить их на карту своей памяти, прокладывая к ним новые пути».

Тем временем он продолжал стоять рядом с Ванму и втягивать носом воздух; он снова удивился, обнаружив, что его внимание разделилось. Он постоянно думал о Ванму, о запахе, который она вдыхала, пытаясь понять, может ли он просто положить руку на это маленькое хрупкое плечо, которое, казалось, было создано для отдыха как

раз такой руки, как у него; и в то же время он не прерываясь размышлял о том, может ли он, и если может, то как, открыть воспоминания Эндера.

«Раньше такого не бывало, — думал Питер. — И все же я, должно быть, делал это с тех пор, как были созданы тела Валентины и мое. Фактически мне нужно было одновременно держать в уме не два предмета, а три.

Но мне никогда не хватало сил, чтобы думать о троих. Кто-то всегда ускользал из поля зрения. Какое-то время Валентина. Потом Эндер, пока его тело не умерло. Но двое мне под силу; я могу думать о двух вещах одновременно. Это важно? Или это доступно многим людям, если только у них есть возможность научиться?

Что за тщеславие! — подумал Питер. — К чему беспокоиться о том, насколько уникальна моя способность? Правда, я всегда гордился тем, что умнее и способнее окружающих. Не позволяй себе говорить этого вслух или больше никогда не признавайся в этом даже себе самому, но сейчас будь с собой честным, Питер! Хорошо быть умнее других. И если я могу думать о двух вещах одновременно, а они могут только об одной, почему бы не получать от этого удовольствие! Главное,

чтобы обе мысли не оказались глупыми».

Некоторое время он развлекался размышлениями о тщеславии и его спортивной сущности, продолжая в то же время думать о Ванму, а его рука, конечно, уже коснулась ее, легла ей на плечо, и на мгновение она, отвечая на его прикосновение, прижалась к нему. А затем без предупреждения, без видимой причины внезапно отстранилась от него и широко зашагала по направлению к самоанцам, которые собрались вокруг Малу на берегу.

— Что я сделал? — спросил ей вдогонку Питер.

Она озадаченно оглянулась.

— Все хорошо! — ответила она. — Я же не давала тебе пощечин и не пыталась приложиться коленом к твоему кинтамасу[1], правда? Просто там завтрак — Малу молится, и они уже съели больше, чем два дня назад, когда мы думали, что лопнем от такого количества!

Обе дорожки внимания Питера одновременно обнаружили, что он голоден. Ни он, ни Ванму не ели со вчерашнего утра. Он даже не помнил, как ушел с песчаного пляжа и улегся рядом с Ванму на циновках. Кто-то, должно быть, принес их.

---

[1] Примечания: 1

kintama — *(яп. груб.)* мошонка.

Ну, удивляться тут было нечему. Все мужчины и женщины на берегу выглядели достаточно сильными, чтобы поднять Питера и переломить его как карандаш. А Ванму, которая легко бежала к самоанцам, валунами возвышающимся возле кромки воды, казалась ему птицей, летящей к стаду крупного рогатого скота.

«Я не ребенок и никогда им не был, во всяком случае, не в этом теле, — думал Питер. — Поэтому я даже не знаю, способен ли я на детскую тоску и на великий романтизм юности. А от Эндера я унаследовал чувство уютной любви, а не бурной всепоглощающей страсти, которую ожидал пережить. Будет ли тебе достаточно такой любви, Ванму? Хватит ли тебе того, что я буду тянуться к тебе, когда мне будет плохо, и останусь с тобой, когда ты захочешь, чтобы я был рядом. Я смотрю на тебя и чувствую такую нежность, что мне хочется заслонить тебя от всего мира, хочется поднять тебя на руки и пронести над яростными течениями жизни; и в то же время я мог бы радоваться, наблюдая за тобой на расстоянии, любуясь тобой, твоей энергией, тем, как ты смотришь на этих огромных гороподобных людей, говоришь с ними на равных, несмотря на то что каждое движение твоих рук, каждый слог, слетающий

с твоих губ, выдает, что ты дитя. Достаточно ли тебе такой любви? Потому что мне достаточно. С меня довольно и того, что ты прильнула ко мне, когда моя рука коснулась твоего плеча, а когда почувствовала, что я ускользаю, назвала мое имя».

Пликт сидела в своей комнате и писала, писала. Вся ее жизнь была подготовкой к сегодняшнему дню, к речи на похоронах Эндрю Виггина. Она будет Говорить о его смерти; ради этого она провела целое исследование и теперь может Говорить целую неделю и все еще не исчерпать и десятой доли того, что знает о нем. Но недели у нее нет. У нее будет только час. Даже меньше часа.

Она понимала Эндера и любила его; теперь она расскажет тем, кто не знал его, каким он был, как любил, как изменил историю. Выдающийся, несовершенный, но действующий из лучших побуждений человек, полный любви, достаточно сильной, чтобы причинить страдание, если нужно. Она расскажет им, как его жизнь изменила историю, как десять тысяч, сотни тысяч, миллионы отдельных жизней изменились, упрочились, очистились и возродились или по крайней мере сделались более гармоничными и правдивыми благодаря его словам, его поступкам, его книгам.

Но скажет ли она и о себе? Расскажет ли о том,

как в своей комнате страдает одинокая женщина, рыдая не о смерти Эндера, а потому, что стыдится себя. Конечно, она любила его и восхищалась им — нет, поклонялась ему, — и тем не менее, когда он умер, она почувствовала не горе вовсе, а облегчение и радостное волнение. Облегчение от того, что ожидание окончилось, а волнение, потому что пришел ее звездный час.

Именно это она и чувствовала. Пликт не была настолько глупой, чтобы считать, что у нее окажется больше моральных сил, чем у других. Ее горе не такое, как горе Новиньи или Валентины, которые со смертью Эндера лишились огромных кусков своих жизней. «А что потеряла я? Кроме нескольких порций внимания, я от Эндера мало что получила. Всего несколько месяцев он был моим учителем на Трондхейме; а потому наши жизни пересеклись только через поколение на эти последние несколько месяцев, и оба раза его внимание было поглощено гораздо более серьезными проблемами и гораздо более близкими людьми, чем я. Я не была ему ни женой, ни сестрой. Всего лишь студенткой и ученицей человека, который работал со студентами и никогда не искал учеников. Поэтому я почти ничего не лишилась с его смертью; он был всего лишь моей

мечтой и никогда не был моим товарищем.

Я простила себя, но все же продолжаю стыдиться и мучиться не потому, что Эндрю Виггин умер, а потому, что в час его смерти я показала себя во всей красе: беспардонной эгоисткой, занятой только своей собственной карьерой. Я захотела быть Голосом Эндера. Таким образом, только его смерть могла стать свершением моей жизни. Получается, я действительно обычный стервятник? Паразит, пиявка, присосавшаяся к его жизни…»

Несмотря на слезы, ее пальцы продолжали печатать предложение за предложением. В доме Джакта со своим мужем и детьми горевала Валентина, а в доме Ольядо собрались Грего, Новинья и сам Ольядо, чтобы утешать друг друга в потере человека, который был им мужем и отцом. У них были свои отношения, а у меня — свои. У них свои воспоминания, частные, а мои станут достоянием публики. Я буду Говорить, а потом опубликую свою речь, и она раскроет новые грани и смысл жизни Эндера Виггина перед каждым человеком в Ста Мирах. Эндер-Ксеноцид, Эндрю — Голос Тех, Кого Нет, Эндрю — частное лицо, одинокий и страдающий человек, Эндер — прекрасный аналитик, который умел проникнуть в сердце проблемы или человека, никого не

пугая честолюбием или… или снисхождением. Справедливость и сострадательность, живущие в одном теле. Человек, чье сострадание позволило ему понять и полюбить Королев Ульев еще до того, как он прикоснулся к одной из них; человек, чья неистовая справедливость позволила ему уничтожить всех жукеров, когда он верил, что они — враги.

Интересно, осудил бы меня Эндер за мои уродливые чувства? Конечно, это возможно; он не стал бы щадить меня и смог бы понять все самое худшее, что есть в моем сердце.

Но даже осуждая, он мог бы любить меня. Сказать: «Ну и что? Давай, Говори о моей смерти. Если бы Голосами становились только совершенные люди, все похороны прошли бы в тишине». Так она продолжала писать и плакать, продолжала и тогда, когда рыдания затихли.

Когда волосы Эндера будут запечатаны в маленькую коробочку и сожжены в траве около корней Человека, она встанет и будет Говорить. Ее голос поднимет его из небытия и снова оживит память о нем. И она тоже будет сострадательной, и она тоже будет справедливой. Это то немногое, чему она у него все-таки научилась.

12
«Я предаю Эндера?»

«Почему люди ведут себя так, будто войны и убийства противоестественны? Если и есть что-то противоестественное, так это прожить всю жизнь, ни разу ни на кого не замахнувшись».

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

— Мы все делаем неправильно, — заявила Квара.

Миро почувствовал, как закипает в нем давно знакомая ярость. У Квары был просто дар злить людей; ее не сдерживало даже то, что она, казалось, знает, что раздражает окружающих. Она просто смаковала чужое раздражение. Кто угодно на корабле мог бы произнести ту же фразу, и Миро воспринял бы ее в смысловом значении. Но Квара умудрялась интонировать слова так, что они как будто подчеркивали — все в мире идиоты, кроме нее, конечно. Миро любил Квару как сестру, но не мог ничего с собой поделать, чтобы перестать ненавидеть каждый час, проведенный в ее обществе.

Все же, поскольку Квара лучше всех разбиралась в дешифровке языка, который она обнаружила несколько месяцев назад в вирусе Десколады, Миро не позволил своему внутреннему раздражению выйти наружу. Вместо этого он повернул свое кресло, чтобы послушать.

То же самое сделали и остальные, хотя Эла явно приложила меньше усилий, чтобы скрыть раздражение. Можно сказать, вообще не приложила.

— Ну так что, Квара, как же так получилось, что мы — такие умные — раньше не заметили свою глупость?

Квара не заметила сарказма Элы или, во всяком случае, решила не обращать на него внимания.

— Как можно расшифровать язык ни с того ни с сего? У нас нет никакой точки отсчета. Нам нужны полные записи версий вируса Десколады. Мы знаем, как он выглядел до того, как адаптировался к метаболизму человека. Мы знаем, как он изменялся после каждой из наших попыток убить его. Некоторые из изменений были функциональными — он адаптировался. А другие просто канцелярскими — он пытался записать то, что он делал.

— Мы не знаем этого наверняка, — возразила

Эла, получая, возможно, чрезмерно большое удовольствие от того, что поправляет Квару.

— А я уверена, — заявила Квара. — В любом случае это дает нам определенную базу, не так ли? В этом случае мы знаем, что несет этот язык, даже если мы не в состоянии расшифровать его.

— Ну хорошо, — кивнула Эла, — только я все равно не понимаю, как эта новая мудрость поможет нам расшифровать язык. Я имею в виду, разве ты не над этим работала месяцами?

— А, — сказала Квара. — Работала. Но я не могла произносить «слова», которые записал вирус Десколады, и наблюдать, какой ответ мы получим.

— Слишком опасно, — сразу встрепенулась Джейн. — Абсурдно опасно. Десколадеры способны создавать вирусы, которые полностью разрушают биосферу, и они настолько бездушны, что используют их. А ты предлагаешь отдать им оружие, которое они использовали, чтобы опустошить планету пеквенинос, когда теперь оно, вероятно, содержит полную запись не только метаболизма пеквенинос, но и нашего тоже? Почему бы просто не перерезать себе горло, а кровь отослать им?

Миро заметил, что возражения Джейн, можно сказать, ошеломили остальных. Частично их

реакция могла быть вызвана различием между неуверенностью в себе Вэл и твердой позицией, которую занимала Джейн. Кроме того, Джейн, которую они знали, была больше похожа на компьютер и не такая напористая. Но сам Миро не слишком удивился и поэтому нарушил тишину:

— Квара права, Джейн. Мы не располагаем бесконечным количеством времени для дешифровки, у нас есть от силы несколько недель. Или даже меньше. Нам нужно спровоцировать лингвистический ответ. Посмотреть на их реакцию и проанализировать различие между первоначальными заявлениями, обращенными к нам, и позднейшими.

— Мы отдаем слишком много, — настаивала Джейн.

— Кто не рискует… — пожал плечами Миро.

— Если рискнешь слишком сильно — все умрут, — съязвила Джейн.

Но в этой язвительности был знакомый ритм, какое-то озорство: мол, я всего лишь балуюсь. И она исходила не от Джейн — Джейн никогда так не говорила, — а от Вэл. Миро больно было слышать это и в то же время приятно. Двойственные реакции Миро на все, что исходило теперь от Джейн, постоянно держали его в напряжении. «Я

люблю тебя; скучаю по тебе; я горюю о тебе», — твердил он мысленно, а та, к кому он обращался, казалось, менялась на глазах.

— Наша ставка — всего лишь будущее трех разумных видов, — добавила Эла.

С этим они все повернулись к Огнетушителю.

— Не смотрите на меня, — открестился он. — Я просто турист.

— Давай, — сказал Миро. — Ты здесь потому, что ваш народ рискует точно так же, как и мы. Это тяжелое решение, и ты должен проголосовать. На самом деле вы рискуете даже больше нашего, потому что даже самые старые коды Десколады, которые у нас имеются, могут полностью раскрыть всю биологическую историю твоего народа с тех пор, как вирус впервые появился среди вас.

— Значит, — рассудил Огнетушитель, — это может означать, что еще с тех пор они знают, как нас уничтожить, и мы ничего не теряем.

— Послушайте, — обратился ко всем Миро, — у нас нет никаких доказательств, что у этих существ есть какой бы то ни было вид космических полетов. Они рассылали только зонды.

— У нас просто нет других сведений, — напомнила Джейн.

— И у нас нет никаких свидетельств, что кто-то

пришел вслед за Десколадой, чтобы посмотреть, насколько эффективно она трансформировала биосферу Лузитании и подготовила ее для заселения колонистами с этой планеты. Так что если у них действительно имеются колонистские корабли или если они уже в пути, то получается, нет никакой разницы, поделимся мы этой информацией с ними или нет, а если они не отправили ни одного, это означает, что они не могут.

— Миро прав, — поддержала его Квара. Миро вздрогнул. Ему было неприятно оказаться союзником Квары — это значило попасть под огонь раздражения, вызванного ею. — Если коровы уже вышли из сарая, так зачем трудиться закрывать дверь, а если они все равно не могут открыть дверь, зачем вешать на нее замок?

— Что ты знаешь о коровах? — презрительно спросила Эла.

— После стольких лет, сколько я прожила и проработала с тобой, — окрысилась Квара, — можно сказать, что я — эксперт.

— Девочки, — вмешалась Джейн, — возьмите себя в руки.

Снова все, кроме Миро, удивленно посмотрели на нее. Вэл не стала бы вмешиваться в семейный конфликт; и Джейн бы такого не сделала, хотя,

конечно, Миро привык переговариваться с ней постоянно.

— Все мы понимаем, что рискуем, передавая им информацию о себе, — отвлек внимание Миро. — И в то же время понимаем, что не продвигаемся вперед, но возможно, сможем понять хоть что-нибудь в структуре этого языка, если получим ответ на то, что передадим.

— Мы не передадим и получим, — возразила Джейн, — а передадим и передадим. Мы поделимся с ними информацией, которую они, возможно, не могут получить никаким другим путем, и эта информация может четко обрисовать им все, что необходимо знать, чтобы создавать новые вирусы, которые смогут противостоять всему имеющемуся у нас против них оружию. И пока у нас нет никакой идеи ни о том, как это информация кодируется, ни о том, где расположено каждое из специфических данных, как мы сможем интерпретировать ответ? Кроме того, а что, если ответ будет новым вирусом, предназначенным для того, чтобы нас уничтожить?

— Они пришлют нам *информацию*, необходимую, чтобы создать вирус, — четко произнесла Квара, и ее голос буквально задрожал от презрения, как будто она думала, что Джейн самое тупое

создание из всех, кто когда-нибудь приходил в этот мир, а не богоподобный блестящий разум. — Но мы не будем его создавать. А пока он остается простым графическим представлением на экране компьютера…

— То-то и оно, — вставила Эла.

— Что оно? — удивилась Квара. Теперь была ее очередь раздражаться, потому что Эла была, очевидно, на шаг впереди.

— Они не принимают сигналов и не выводят их на экраны компьютеров. Мы делаем это потому, что у нас есть язык, использующий символы, которые мы способны видеть. А они должны читать эти передаваемые сигналы непосредственно. Они воспринимают код и как-то интерпретируют его, следуя инструкции собрать молекулу, которая описана в передаваемом сигнале. Они «читают» ее через… Через что? Запах, воздух? Главное то, что, если генетические молекулы являются их языком, у них должны быть специфические органы чувств, вроде того, как мы получаем письменные изображения своей речи посредством глаз.

— Понятно, — отозвалась Джейн. — Ты предполагаешь, что они и от нас ожидают, что мы соберем те молекулы, которые они пришлют нам,

а не просто прочитаем их на экране и попытаемся понять их предназначение.

— Если делать выводы на основании того, что нам известно, — кивнула Эла. — Возможно, именно так они добиваются подчинения. Или атакуют. Отправим им сообщение. Если они «услышат», им придется сделать это, читая молекулы своим телом и позволяя им произвести свой эффект. Таким образом, если эффект — отрава или смертельная болезнь, одно прочтение сообщения подвергнет их опасности. Что-то вроде того, если бы слова лупили нас по шее. Чтобы что-нибудь услышать, нам надо было бы лечь и позволить кому-то выбранным им инструментом передать сообщение. Если это палец или перо — тогда славно, а если плотницкий топор, или мачете, или кувалда? Слишком плохо для нас.

— Все может быть совсем не так фатально, — довольно спокойно заявила Квара, ее соперничество с Элой забылось, как только она смогла самостоятельно развить идею. — Молекулы могут быть устройствами, изменяющими поведение. «Слушать» их в буквальном смысле означает послушание.

— Не знаю, правы ли вы в деталях, — высказалась Джейн. — Но в этом случае у эксперимента

больше шансов на успех. Кроме того, отсюда следует, что у Десколадеров нет в распоряжении возможности атаковать нас прямо. Это снижает вероятный риск.

— А люди еще говорят, что без компьютера ты не черта не смыслишь, — бросил Миро.

И тут же смутился. Он заговорил с ней так же легкомысленно, как если бы проговаривал слова про себя, а Джейн слушала его через сережку. Но теперь слова, поддразнивающие ее потерей компьютерной сети, прозвучали незнакомо и холодно. Он мог пошутить таким образом с Джейн в сережке. Но Джейн во плоти была другим делом. Теперь она стала человеческим существом. С чувствами, с которыми нужно считаться.

«У Джейн всегда были чувства, — подумал Миро. — Но я почти не думал о них, потому… потому что не должен был. Потому что не видел ее. Потому что, в определенном смысле, она не была для меня реальной».

— Я просто имел в виду… — проговорил Миро, — я просто имел в виду, что ты хорошо соображаешь.

— Спасибо, — поблагодарила Джейн без единой капли иронии в голосе, но Миро понял, что ирония присутствует в самой ситуации. Миро, этот

«однопроцессорный» человек, говорил созданию с блестящим умом, что она хорошо рассуждает, как будто он мог оценить ее.

Он снова разозлился — не на Джейн, на самого себя. Почему он должен следить за каждым словом, которое произносит, только потому, что она получила тело не как все люди? Ну и что, что она не была человеком раньше, но сейчас-то она безусловно человек, и с ней можно говорить как с человеком. А если она чем-то и отличается от других людей, так и что? Все человеческие существа отличаются друг от друга, и все же скромное и вежливое поведение разве не предполагает необходимости общаться со всеми в основном одинаково? Разве не может он сказать: «Ты видишь, что я имею в виду?» слепому человеку, ожидая, что метафорическое использование глагола «видеть» будет принято без обиды? Тогда почему не сказать «хорошо соображаешь» Джейн? То, что ее мыслительный процесс неизмеримо глубже, чем у другого человека, еще не означает, что человек не может в разговоре с ней использовать стандартные выражения.

Снова взглянув на нее, Миро заметил в ее глазах какую-то грусть. Наверное, ее огорчило его очевидное смущение — сперва привычно пошутил

с ней, а потом смутился и начал оправдываться. Ирония ее «спасибо» в том, что он не оправдал ее ожиданий, не смог вести себя с ней естественно.

Нет, он *не был* естественным, но, конечно, *мог быть*.

И в чем дело в конце-то концов? Они здесь для того, чтобы решить проблему с Десколадерами, а не для усовершенствования своих личных взаимоотношений после оптового «телообмена».

— Правильно ли я понимаю, что мы достигли соглашения? — спросила Эла. — Послать сообщение, в котором зашифровать информацию о вирусе Десколады?

— Только первое, — быстро ответила Джейн. — По крайней мере для начала.

— А когда они ответят, — кивнула Эла, — я попытаюсь создать прогноз того, что может случиться, если мы создадим и «усвоим» молекулу, которую они пришлют нам.

— Если они вообще пришлют ее, — усомнился Миро. — Если мы вообще на правильном пути.

— Слушай, а ты, случайно, не мистер Ободрение? — спросила Квара.

— Я мистер Испуганный от Задницы до Лодыжек, — сказал Миро. — В то время как ты просто обыкновенная мисс Старая Задница.

— Не могли бы мы все поладить, — притворно захныкала Джейн. — Почему мы не можем быть друзьями?

Квара налетела на нее.

— Послушай, ты! Мне плевать, какой там у тебя супермозг, ты просто не лезь в семейные разговоры, слышишь?

— Ты оглянись, Квара! — оборвал ее Миро. — Если она не будет вмешиваться в семейные разговоры, когда она вообще будет говорить?

Огнетушитель поднял руку:

— Я не вмешивался в семейные разговоры. Могу я поставить это себе в заслугу?

Джейн сделала успокаивающий жест в сторону Миро и Огнетушителя.

— Квара, — сказала она спокойно, — я объясню тебе, в чем разница между мной и твоими родственниками. Они привыкли к тебе, потому что знают тебя всю свою жизнь. Они снисходительны к тебе, потому что вместе с тобой они прошли через малоприятные испытания, которые выпали вашей семье. Они терпеливы к твоим детским вспышкам и к твоему ослиному упрямству, потому что твердят себе снова и снова: «Она не может ничего с собой поделать, у нее было такое тяжелое детство». Но я не член семьи, Квара. И

как и все, кто видит тебя в кризисной ситуации некоторое время, я не боюсь откровенно сказать тебе о своих выводах. Ты достаточно умна и очень хорошо делаешь свою работу. Ты очень восприимчива и изобретательна и идешь к решению с удивительной прямотой и настойчивостью.

— Прости, — фыркнула Квара, — ты меня ругаешь или как?

— *Но*, — подчеркнула Джейн, — твоей сообразительности, изобретательности, ума, прямоты и настойчивости явно не хватает, чтобы хотя бы пятнадцать секунд удерживаться от отъявленной глупости, которой ты осыпаешь свою семью и всех окружающих, если не спишь. Да, у тебя было отвратительное детство. Но давно, и все ожидали, что ты переживешь это и будешь ладить с другими людьми как нормальный вежливый взрослый.

— Другими словами, — скривилась Квара, — тебе неприятно признать, что кто-то, кроме тебя, может быть достаточно умным, чтобы выдать идею, о которой ты даже не подумала.

— Ты не понимаешь меня, — покачала головой Джейн. — Я не твоя сестра. Я даже не человек, технически говоря. Если корабль когда-нибудь вернется на Лузитанию, это произойдет потому,

что я, с моим умом, отправлю его туда. Ты понимаешь? Ты понимаешь разницу между нами? Можешь ты послать хотя бы одну частичку пыли со своего колена на мое?

— Что-то не заметно, чтобы ты сейчас отправляла звездолеты, — с триумфом в голосе заявила Квара.

— Ты опять пытаешься побить меня по очкам, не понимая того, что я не спорю с тобой и ничего с тобой не обсуждаю. А то, что ты сказала мне только что, совершенно не имеет отношения *к*, делу. Имеет значение только то, что я вообще говорю с тобой. И я говорю тебе, что не буду терпеть тебя, как твоя родня. Давай продолжай вести себя как испорченная малолетка, и когда корабль вернется на Лузитанию, тебя на нем может не оказаться.

Бросив взгляд на лицо Квары, Миро едва не расхохотался в голос. Но он все же понимал, что не слишком мудро демонстрировать свое веселье в такой ситуации.

— Она угрожает мне! — воскликнула Квара, обводя взглядом остальных. — Вы слышали? Она пытается надавить на меня, угрожая убить!

— Я бы никогда не убила тебя намеренно, — возразила Джейн. — Просто я могу оказаться не

в состоянии удерживать твое присутствие на корабле, когда буду бросать его во Вне-мир, а потом втягивать обратно. Мысль о тебе может оказаться настолько нестерпимой, что мое подсознание откажется от нее и исключит тебя. Я действительно полностью не понимаю, как все работает. И не знаю, как полеты связаны с моими чувствами. Никогда раньше я не пыталась переносить никого, кого бы я ненавидела. Я, конечно, попытаюсь перенести тебя вместе с остальными, хотя бы по той причине, что Миро и Эла могут обидеться, если у меня не выйдет. Но попытка не обязательно увенчается успехом. Поэтому советую тебе, Квара, приложи хоть немного усилий, чтобы стать хоть чуть-чуть менее противной.

— Так вот что означает для тебя власть, — проговорила Квара. — Возможность пинать людей и вести себя как королева.

— Ты действительно не можешь этого сделать? — поинтересовалась Джейн.

— Не могу чего? — переспросила Квара. — Не могу кланяться и целовать твои ноги?

— Не можешь заткнуться, чтобы сохранить свою собственную жизнь!

— Я пытаюсь решить проблему общения с чужим видом, а ты занята беспокойством о том,

достаточно ли я мила с тобой!

— Но Квара, — спросила Джейн, — разве тебе никогда не приходило в голову, что даже чужеземцу при знакомстве с тобой не захочется, чтобы ты когда-нибудь выучила его язык?

— Вот я действительно хотела бы, чтобы ты никогда не знала моего, — парировала Квара. — Ты у нас теперь настолько занята собой и своим маленьким телом, что даже можешь завести интрижку. Но ты не королева вселенной, и я не собираюсь танцевать под твою дудку! Не я придумала эту прогулку, но я здесь — я, несносный чемодан, — и если тебе что-то во мне не нравится, заткнись и помалкивай! Пока ты тут бросаешься угрозами, я думаю, что если ты достанешь меня слишком сильно, я твое личико по своему вкусу переделаю. Ясно?

Джейн отстегнулась от кресла и продрейфовала в коридор, ведущий в багажное отделение шаттла. Миро последовал за ней, не обращая внимание на то, как Квара говорит остальным:

— Вы слышали, как она разговаривала со мной? Что она о себе возомнила, кто ей дал право решать, кто из нас слишком несносный, чтобы жить?

Миро последовал за Джейн в багажное отде-

ление. Она зацепилась за поручень на дальней стене, согнулась и раскачивалась так, что Миро подумал, не тошнит ли ее. Но нет. Она плакала. Или скорее была настолько взбешена, что ее тело, неспособное справиться с эмоциями, всхлипывало и источало слезы. Миро коснулся ее плеча, пытаясь успокоить. Она отшатнулась.

Миро хотел было сказать: «Ладно, как хочешь», — и уйти, злясь на себя из-за того, что она не приняла его утешения. Но потом вспомнил, что никогда раньше она не бывала такой разозленной. Она никогда не имела дела с телом, которое дает такие реакции. Сперва, когда она начала упрекать Квару, Миро подумал, что еще немного, и она положит этому конец. Но спор заходил дальше и дальше, и Миро обнаружил, что совсем не Квара вышла из себя, а Джейн. Она не знала, как справиться со своими эмоциями. Не знала, когда надо остановиться. Она чувствовала то, что чувствовала, и не знала, как справиться со своими чувствами.

— Тебе было трудно прервать спор и прийти сюда, — посочувствовал Миро.

— Мне хотелось убить ее, — ответила Джейн.

Из-за рыданий и безумного напряжения тела она говорила невнятно.

— Я никогда себя так не чувствовала. Мне хотелось встать и голыми руками разорвать ее на куски.

— Добро пожаловать в наш клуб, — пошутил Миро.

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Я действительно хотела сделать это. Чувствовала, как напряглись мышцы. Я была готова убить ее. Я *собиралась* сделать это.

— Я и говорю. Квара у всех вызывает такие чувства.

— Нет, — возразила Джейн. — Не такие. Вы все остаетесь спокойными, вы держите себя в руках.

— Со временем и ты научишься, — уверил Миро, — когда немного попрактикуешься.

Джейн заглянула Миро в глаза, а потом снова опустила голову и отрицательно помотала ею из стороны в сторону. Ее волосы свободно раскачивались в невесомости.

— Ты действительно чувствуешь это?

— Все мы чувствуем, — сказал Миро. — Вот зачем нам детство — научиться гасить свою природную жестокость. Но она остается в нас. Как у шимпанзе и бабуинов. У всех приматов. Мы проявляем агрессию. Мы должны выражать наш гнев физически.

— Но ты не делаешь этого! Ты остаешься таким спокойным. Ты позволяешь ей плеваться ядом и говорить такие ужасные…

— Потому что останавливать ее — бессмысленное дело, — объяснил Миро. — Она платит за все. Она отчаянно одинока и никто не ищет ее общества.

— Только поэтому она и дожила до сегодняшнего дня.

— Это уж точно, — усмехнулся Миро. — Цивилизованные люди избегают обстоятельств, которые приводят их в ярость. Или, если не могут избежать, просто не замечают их. Это то, что делаем мы с Элой в основном. Мы просто отстраняемся. Просто позволяем ее провокациям прокатываться мимо нас.

— А я так не могу, — вздохнула Джейн. — Все было так просто, пока я не чувствовала всего этого. Я могла просто на нее не настраиваться.

— Вот-вот, — согласился Миро. — Именно так мы и делаем. Фильтруем ее.

— Оказывается, все гораздо сложнее, чем мне представлялось, — задумалась Джейн. — Не знаю, смогу ли я научиться?

— Конечно, ну, просто у тебя не было подходящего случая, правда? — улыбнулся он.

— Миро, извини меня. Я всегда чувствовала такую жалость к людям, потому что вы можете думать только о чем-то одном, а ваши воспоминания такие несовершенные и… А теперь я понимаю, что прожить день и никого не убить — это уже достижение.

— Со временем входит в привычку. Большинству из нас удается почти ни на что не обращать внимание. Это и есть добрососедское отношение к окружающим.

Потребовалось время — всхлип, а затем икота, — чтобы Джейн рассмеялась. Светлый, мягкий клекот, который был таким желанным звуком для Миро, голосом, который он знал и любил. Смех, который ему нравилось слушать. Теперь так смеялся его дорогой друг. Его дорогая подруга Джейн смеялась смехом его возлюбленной Вэл. Теперь это один человек. Наконец он мог протянуть руку и коснуться Джейн, которая всегда была недостижимо далеко. Что-то вроде встречи лицом к лицу после долгой дружбы по телефону.

Он снова прикоснулся к ней, и она взяла его за руку.

— Извини меня, я позволила своей слабости помешать работе.

— Ты всего лишь человек, — улыбнулся Миро.

Она посмотрела на него, ища в его лице иронию или горечь.

— Ничего другого я не имел в виду, — подтвердил Миро. — Цена за обладание этими эмоциями и этими страстями — контроль над ними. Ты должна держать их в узде, даже когда это слишком сложно. Ты теперь только человек. Ты никогда не сможешь отказаться от своих чувств. Ты просто должна научиться обращаться с ними.

— Квара никогда не научится.

— Как раз Квара давным-давно научилась и прекрасно справляется, — возразил Миро. — Знаешь, что я думаю? Квара любила Маркано, даже обожала его, и когда он умер и все остальные почувствовали себя освобожденными, она горевала. А с тех пор ее поведение — постоянная провокация. Она вынуждает всех оскорблять и пинать ее. Так же, как Маркано всякий раз пинал мать, когда она его провоцировала. Я думаю, что каким-то извращенным образом Квара всегда ревновала его к матери, но даже после того как она наконец обнаружила, что он избивает маму, если Кваре хотелось целиком и полностью завладеть его вниманием, она всегда поступала одинаково — провоцировала его и строила гримасы. — Миро горько рассмеялся. — По правде

говоря, я вспомнил про маму. Ты никогда не разговаривала с ней, но в былые времена, когда она оказалась в ловушке брака с Маркано и рожала детей Либо, на ее лице была постоянная гримаса. Мне приходилось сидеть и слушать, как она провоцирует Маркано, заводит его, подкалывает, пока он не ударит ее, и хотя я думал, что он не смеет поднимать руку на мою мать, в то же время я хорошо понимал его бессильный гнев, потому что он никогда, никогда не мог сказать ничего такого, что заставило бы ее заткнуться. Только его кулак мог сделать это. И у Квары такая же гримаса и такая же потребность в этом гневе.

— Ну, тогда все прекрасно — я дала ей именно то, что ей нужно.

Миро засмеялся.

— От тебя ей ничего такого не нужно. Ей нужен Маркано, а он мертв.

Неожиданно Джейн по-настоящему разрыдалась. Горько рыдая, она повернулась к Миро и вцепилась в него.

— Что такое? — удивился он. — Что случилось?

— О Миро, — всхлипнула она. — Эндер мертв! Я никогда больше не увижу его снова. У меня наконец есть тело, у меня есть глаза, чтобы увидеть его, а его нет.

Миро растерялся. «Конечно, она скучает по Эндеру. Она была с ним тысячи лет и всего лишь несколько лет со мной. Как я мог думать, что она любит меня? Как мог я надеяться хотя бы сравниться с Эндером Виггином? Что я в сравнении с человеком, который командовал флотами, который трансформировал умы триллионов людей своими книгами, своими речами, своей проницательностью, своей способностью видеть в сердцах других людей и растолковывать им истории их собственных жизней?» И все же, когда он обижался на Эндера, даже когда завидовал ему из-за того, что Джейн любит его больше, а Миро не может сравниться с ним даже в смерти, несмотря на эти чувства, он наконец понял, что да, Эндер умер. Эндер, который изменил его семью, который стал ему настоящим другом, который был тем единственным человеком в жизни Миро, на которого он от всего сердца хотел быть похожим, Эндер ушел. Горе заволокло слезами глаза Миро.

— Извини, — снова всхлипнула Джейн. — Я не могу контролировать свои эмоции.

— Не переживай, это на самом деле мало кто может, — отозвался Миро.

Джейн коснулась слезинки на его щеке, а потом мокрым пальцем провела по своей. Слезы

смешались.

— Ты знаешь, почему я думаю об Эндере как раз сейчас? — спросила она. — Потому что ты так похож на него. Квара раздражает тебя так же, как она раздражает любого, и все же ты смотришь сквозь пальцы и понимаешь, чего она добивается, почему говорит и делает такое. Нет-нет, успокойся, Миро, я не жду от тебя, что ты будешь Эндером, я просто говорю, что и в тебе есть что-то из того, что я больше всего любила в Эндере, а это не так плохо, правда? Сочувствие и сострадание. Возможно, я недавно стала человеком, но совершенно уверена, что это редкое качество.

— Не знаю, — пожал плечами Миро. — Единственный, к кому я сейчас испытываю сострадание, — это я. Кажется, это называется жалостью к самому себе и не является привлекательной чертой характера.

— Почему же тебе жаль себя?

— Потому что всю жизнь ты будешь искать Эндера, а находить будешь только жалкие его подобия вроде меня.

Она обняла его сильнее. Теперь она утешала его.

— О Миро, возможно, ты прав. Но это значит, что он мне нужен так же, как Кваре нужно

внимание ее отца. Ты никогда не перестанешь нуждаться в своих родителях, разве не так? Ты никогда не забудешь их, даже когда они умрут.

Отец? Это никогда не приходило в голову Миро. Джейн очень любила Эндера и любовь ее была вечной — но как отца?

— Я не могу быть твоим отцом, — сказал Миро. — Я не могу занять его место.

Этими словами он просто хотел показать, что понял ее. «Эндер был ее отцом?»

— И не нужно, — возразила Джейн. — Во мне остались все старые чувства Вэл, ты же знаешь. Я имею в виду, что ты и я, мы ведь друзья, правильно? Для меня и раньше это было важным. Но теперь у меня есть тело Вэл, и когда ты прикасаешься ко мне, твое прикосновение вызывает во мне чувство, похожее на сбывшуюся молитву.

Она тут же пожалела, что сказала это.

— О, извини, Миро, я знаю, ты скучаешь по ней.

— Скучаю, — согласился Миро. — Но знаешь, трудно скучать по ней так, как раньше, с тех пор как ты стала такой похожей на нее. У тебя ее голос. И я обнимаю тебя так, как хотел бы обнять ее, и если это звучит ужасно, потому что считается, будто я тебя утешаю и не должен потакать своим

плотским желаниям, ну тогда я просто ужасный человек, правильно?

— Ужасный. Я стыжусь того, что знаю тебя, — подтвердила она и поцеловала его нежно и неловко.

Миро вспомнил их первый поцелуй с Квандой много лет назад, когда он был таким молодым и не знал, как плохо все может обернуться. Они оба были тогда неловкими, неопытными, нескладными. Молодыми. Как сейчас Джейн. Джейн… Одно из старейших созданий во вселенной. Но в то же время одна из самых молодых. А Вэл… В теле Вэл не выработались рефлексы, которым могла бы следовать Джейн; за такую короткую жизнь у Вэл почти не было шанса найти любовь.

— Похоже на то, как это делают люди? — спросила Джейн.

— Именно так они иногда и делают, — подтвердил Миро. — Что и неудивительно, поскольку мы оба — люди.

— Я предаю Эндера? Горюю о нем и тут же становлюсь такой счастливой от того, что ты обнял меня.

— Это я предаю его — быть таким счастливым через несколько часов после его смерти.

— Только он не совсем умер. Я знаю, где он. Я

выгнала его туда.

— Если он совершенно та же личность, что и был, — улыбнулся Миро, — тогда чего нам стыдиться? Каким бы он ни был хорошим, он не был счастливым. У него были моменты счастья, но никогда он… Ну, никогда ему не было по-настоящему спокойно. Разве не здорово, если Питер сможет жить полной жизнью и никогда не согнется под тяжестью вины за ксеноцид и чувства ответственности за все человечество?

— Кстати говоря, — напомнила Джейн, — нас ждет работа.

— Кроме работы, нам надо прожить жизнь, — возразил Миро. — Я не собираюсь жалеть об этом разговоре. Даже если для того, чтобы он состоялся, понадобилась стервозность Квары.

— Давай поступим цивилизованно, — предложила Джейн. — Давай поженимся. Давай заведем детей. Я так хочу быть человеком, Миро, хочу делать все-все. Хочу прожить полнокровную человеческую жизнь. Вместе с тобой.

— Это что, предложение руки и сердца? — улыбаясь, спросил Миро.

— Я умерла и снова возродилась только несколько часов назад, — ответила Джейн. — Мой отец — черт, я могу называть его отцом, правда? — мой

отец тоже умер. Жизнь коротка, я буквально чувствую, как она коротка… Представляешь, после трех тысяч лет я все-таки продолжаю чувствовать, насколько она коротка. И спешу. И ты, разве ты сам не чувствуешь, что хватит терять время? Разве ты не готов?

— Но у меня нет кольца…

— То, что у нас есть, гораздо лучше всяких колец, — возразила Джейн. Она снова коснулась своей щеки, там, где до сих пор не просохли слезы, а потом его щеки. Она тоже еще не высохла. — У меня есть твоя слеза, смешанная с моей, и у тебя моя, смешанная с твоей. По-моему, это более интимно, чем даже поцелуй.

— Возможно, — пожал плечами Миро. — Но не так здорово.

— То, что я сейчас чувствую, это любовь, правда?

— Я не знаю. Может быть, страсть? Опьяняющее бессмысленное счастье просто потому, что ты со мной?

— Да, — кивнула она.

— Это грипп, — заявил Миро. — Жди тошноты и поноса в течение ближайших часов.

Она оттолкнула его, и в невесомости беспомощного Миро понесло в противоположную сторону,

пока он не стукнулся о другую поверхность.

— За что? — воскликнул он, изображая невинность. — Что я такого сказал?

Она оттолкнулась от стены и прошла в дверь.

— Пошли, — позвала она. — Вернемся к работе.

— Давай не будем объявлять о нашем обручении, — предложил он тихо.

— Почему нет? — спросила она. — Уже стыдишься?

— Нет, — ответил он. — Может, нехорошо с моей стороны, но когда мы объявим об этом, я не хочу, чтобы присутствовала Квара.

— Как мелко! Тебе нужно быть более великодушным и терпеливым, как я, — пошутила Джейн.

— Я знаю, — улыбнулся Миро. — Попробую научиться.

Они продрейфовали обратно, в главный отсек шаттла. Здесь продолжалась работа над подготовкой генетического послания, чтобы передать его на частоте, которую использовали Десколадеры, когда они впервые показались так близко от планеты. Все повернулись. Эла слабо улыбалась. Огнетушитель приветственно помахал рукой.

Квара вскинула голову.

— Ну, я надеюсь, ты справилась со своей ма-

ленькой эмоциональной вспышкой, — заявила она.

Миро почувствовал, как Джейн вскипела в ответ на это замечание. Но промолчала. А когда они уже устроились на своих местах и переглянулись, Джейн подмигнула Миро.

— Я все видела, — заявила Квара.

— Мы этого и хотели, — парировал Миро.

— Подрасти, — фыркнула Квара презрительно.

Через час они отправили сообщение. И сразу были завалены ответами, которых не понимали, но должны были понять. Больше не было времени на препирательства или для любви или горя. Был только язык, широкий спектр чужеземных сообщений, которые нужно было понять во что бы то ни стало, причем прямо сейчас.

13
«Пока смерть не прекратит все сюрпризы»

«Не могу сказать, что получала большое удовольствие от работы, которой требовали от меня боги.
Настоящее удовольствие я получала в дни учебы,
в часы между пронзительными призывами богов.
Я рада служить им всегда, но ох как было сладко
узнавать, какой огромной может быть вселенная, проверять себя на своих учителях и иногда ошибаться без особых последствий!»

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

— Хотите попасть в университет и посмотреть, как мы включим наши новые богонепроницаемые компьютерные сети? — спросила Грейс.

Конечно, Питер и Ванму хотели. Но, к всеобщему удивлению, Малу зашелся радостным хохотом и заявил, что он тоже пойдет. Раньше в компьюте-

рах жила богиня, разве не так? И если она найдет дорогу назад, разве не должен Малу присутствовать при этом событии и приветствовать ее?

Это немного усложнило дело — о прибытии Малу в университет требовалось уведомить ректора, чтобы он организовал соответствующую встречу. Малу церемония не интересовала, он не был тщеславным и не слишком любил действа, которые не несли в себе высшего смысла. Церемония нужна была, чтобы показать самоанцам — университет продолжает уважать старые традиции, выразителем и хранителем которых был Малу, причем самым почитаемым.

Переход от луау с фруктами и рыбой на песчаном берегу, от открытого огня, пальмовых циновок и хижин с тростниковыми крышами к флайерам, хайвеям и ярко раскрашенным строениям современного университета показался Ванму поездкой через историю человеческой расы. Однажды она уже совершила такое путешествие, когда покинула Путь; возможно, такая ее судьба — шагать от древности к современности, вперед и назад. Впрочем, она чувствовала почти жалость к тем, кто не знал и того, и другого. «Приятнее, — думала она, — иметь возможность выбирать из полного меню достижений чело-

вечества».

Питера и Ванму предусмотрительно вывели из флайера до того, как он отвез Малу на официальный прием. Их поручили сыну Грейс Дринкер, и он повел их на ознакомительную экскурсию по новому с иголочки компьютерному факультету.

— Все эти новые компьютеры соответствуют протоколу, присланному из Звездного Конгресса. Больше не будет существовать прямой связи между компьютерными сетями и анзиблями. Более того, будет использоваться принцип запаздывания, и каждый информпакет будет подвергаться проверке специальной программой, которая сможет поймать несанкционированное подключение.

— Другими словами, — сказал Питер, — Джейн никогда не сможет проникнуть внутрь.

— Таков план, — широко улыбнулся мальчик (несмотря на свои внушительные размеры, он был всего лишь подростком). — Самый совершенный, всецело новый, полностью согласованный.

Ванму почувствовала, как внутри у нее все сжалось от боли. Вот так во всех Ста Мирах теперь у Джейн нет доступа к компьютерным сетям. А без огромных возможностей объединенных сетей всей человеческой цивилизации она не

сможет восстановить свою мощь, чтобы бросить корабль во Вне-мир и снова втянуть его обратно. Ванму была вполне довольна тем, что оставила Путь. Но у нее не было никакой уверенности, что Пасифика — тот мир, в котором ей бы хотелось прожить оставшуюся жизнь. Особенно если она останется с Питером. Нет ни малейшего шанса, что он сможет удовольствоваться медленным, почти апатичным течением времени на островах. По правде говоря, и для нее такая жизнь была слишком размеренной. Она с удовольствием проводила время с самоанцами, но постепенно в ней росло желание делать хоть что-нибудь. Вероятно, те, кто вырос среди этих людей, могли как-то подавлять свое честолюбие, а возможно, в генотипе этой расы существовало что-то такое, что заменяло его. Но всегдашнее стремление Ванму к усилению своей значимости, конечно, не пропадет просто так, из-за луау на берегу. Хотя, конечно, в целом ей здесь понравилось и она сбережет в памяти все, что здесь произошло.

Прогулка еще не закончилась, Ванму покорно следовала за сыном Грейс, куда бы он ни вел их. Но она почти ни на что не обращала внимания, хотя время от времени вставляла уместные вежливые замечания. Питер казался еще более

рассеянным, и Ванму пыталась понять почему. Возможно, он горевал о потере связи с Джейн. Если она не восстановит свою способность контролировать потоки данных со спутников связи, вращающихся вокруг этой планеты, он никогда больше не услышит ее голос.

Они добрались до более старой части университетского комплекса — несколько убогих зданий в утилитарном стиле.

— Никто не любит приходить сюда, — рассказывал сын Грейс, — потому что это место напоминает о том, как недавно наш университет был просто школой для подготовки инженеров и учителей. Этому зданию триста лет. Давайте войдем.

— А стоит? — спросила Ванму. — Я имею в виду, это необходимо? Мне кажется, мы все поймем и снаружи.

— О, я думал, что вам захочется посмотреть это место. Очень интересное, потому что здесь сохраняются некоторые старые технологии.

Ванму, конечно, как того требовала вежливость, согласилась пойти; Питер без единого слова пошел следом. Они вошли внутрь и в резком охлажденном воздухе услышали гудение древней системы кондиционирования.

— Это и есть старинные технологии? — поинтересовалась Ванму. — Мне кажется, что по сравнению с жизнью на берегу, они не такие уж древние.

— Конечно, нет, — согласился гид, — но, впрочем, я говорил о другом.

Они вошли в большую комнату, из конца в конец заставленную столами, на которых тесными рядами стояли многие сотни компьютеров. Места, чтобы сидеть за машинами, не было; его едва хватало, чтобы техник мог протиснуться и провести техническое обслуживание. Все компьютеры работали, но воздух над всеми терминалами был пуст, и невозможно было представить, что в них происходит.

— Мы должны были что-то сделать со всеми теми старыми компьютерами, которые Звездный Конгресс требовал отключить. Поэтому мы поставили их здесь. И старые компьютеры большинства других островных университетов и предприятий тоже. Гаваи, Таити, Маори — все помогали. Компьютеры заняли шесть этажей здесь и еще три других здания, хотя это — самое большое.

— Джейн, — улыбнулся Питер.

— Здесь мы сохранили все, что она попросила.

Конечно, официально компьютеры не соединены ни с какой сетью, а используются только для обучения студентов. Но инспекторы Конгресса никогда не приходили сюда. Им показали все, что они хотели увидеть, когда они следили за нашей новой инсталляцией. Там все соответствует кодировке и подчиняется правилам — мы послушные и лояльные граждане! Но в этой части, я боюсь, было допущено несколько оплошностей. Например, кажется, случалось перемежающееся соединение с университетским анзиблем. Когда анзибль передает сообщения в другие миры, он связывается только с компьютерами, у которых есть официально гарнированная линия задержки. Но когда анзибль связывается с горсткой эксцентрических мест назначения — например, с самоанским спутником или с определенными отдаленными колониями, которые, предположительно, не присоединены ко всем анзиблям Ста Миров, — тогда старая добрая связь идет в дело и анзибль получает доступ ко всему.

Питер рассмеялся, и в его голосе слышалась подлинная радость. Ванму любила его смех, но все же почувствовала укол ревности от мысли, что Джейн может вернуться к Питеру.

— Есть еще одна странная вещь, — продолжал

сын Грейс. — Мы и здесь инсталлировали один из новых компьютеров, только столкнулись с некоторыми сложностями. Он, кажется, не совсем корректно отвечает на запросы управляющей программы. Отказывается сообщать ей, что существует сверхбыстрое подключение в реальном времени к той несуществующей старой сети. Просто стыд какой-то, что он не может сообщить об этом, потому что, выходит, можно совершенно нелегально устанавливать связь между старыми, связанными с анзиблями сетями, и новыми, богобезопасными системами. Таким образом, можно продолжать посылать запросы, и они будут выглядеть абсолютно легальными для любого инспектора программного обеспечения, пока исходят из этого великолепно легального, но изумительно дефектного нового компьютера.

Питер широко улыбнулся.

— Что тут скажешь, кто-то очень ловко провернул это дело.

— Малу сказал нам, что богиня умирает, и с ее помощью мы смогли выработать план. Теперь осталось разрешить только один вопрос: сможет ли она попасть сюда?

— Я думаю, сможет, — сказал Питер. — Конечно, это не совсем то, к чему она привыкла, даже

близко не то.

— Как мы поняли, у нее еще где-то есть пара подобных инсталляций. Не много, тут вы правы. И потом, хотя новые барьеры с запаздыванием, конечно, позволят ей добраться до любой информации, но она не сможет использовать большую часть новой сети как часть своего процесса мышления. И все же это хоть что-то. Возможно, даже достаточно.

— Вы знали, кто мы, еще до того, как мы добрались сюда, — высказалась Ванму. — Вы тогда уже включились в работу Джейн.

— Я думаю, свидетельства говорят сами за себя, — ответил сын Грейс.

— Тогда зачем Джейн привела нас сюда? — спросила Ванму. — Зачем нужна была вся эта чепуха о необходимости нашего присутствия здесь, потому что это поможет остановить лузитанский флот?

— Не знаю, — пожал плечами Питер. — И сомневаюсь, что знает кто-то на Самоа. Может, Джейн просто хотела, чтобы мы побыли в окружении друзей и чтобы она могла найти нас снова. На Священном Ветре такое вряд ли было возможным.

— Кроме того, возможно, — сказала Ванму, — она хотела, чтобы ты был здесь, с Малу и Грейс,

когда ей придет время умирать.

— И не только ей, мне тоже, — напомнил Питер. — То есть в смысле мне как Эндеру.

— И кроме того, — продолжала Ванму, — если она больше не могла охранять нас своими манипуляциями с данными, она хотела, чтобы мы были среди друзей.

— Конечно, — подтвердил сын Грейс. — Богиня заботится о своих людях.

— О тех, кто ей поклоняется, ты имеешь в виду? — спросила Ванму.

Питер хмыкнул.

— О своих друзьях, — твердо сказал мальчик. — На Самоа мы относимся к богам с большим уважением, но мы также друзья, и добрым богам мы помогаем, когда можем. Боги иногда нуждаются в помощи людей. Думаю, мы поступили правильно, разве не так?

— Все правильно, — подтвердил Питер. — Вы поступили вполне лояльно.

Мальчик просиял.

Скоро они вернулись к новым компьютерам, наблюдая, как с большой помпой ректор университета нажал клавишу и запустил программу, которая активировала университетский анзибль и осуществляла надзор за ним. Сразу же пришли

сообщения и тестовые программы Звездного Конгресса для проведения испытаний и ревизии университетской сети, которые должны были удостовериться в надежности и соответствии системы безопасности и в соблюдении протоколов. Ванму заметила, как замерли в напряжении все присутствующие, кроме Малу, который, казалось, не знал, что такое страх; несколько минут спустя инспекторские программы завершили свою работу и отправили отчет. От Конгресса немедленно пришло новое сообщение, что сеть соответствует протоколу и нормам безопасности. Попыток подделок и взлома не обнаружено.

— Пронесло, — прошептала Грейс.

— А как мы узнаем, что все работает? — тихо поинтересовалась Ванму.

— Нам скажет Питер, — ответила Грейс, удивляясь, что Ванму до сих пор не поняла этого. — Сережка! Самоанский спутник обратится к ней.

Ольядо и Грего стояли, глядя, как считываются данные с анзибля, который двадцать лет был соединен только с шаттлом и кораблем Джакта. Теперь связь была установлена с четырьмя анзиблями других миров, где группы сочувствующих Лузитании или просто друзья Джейн последовали ее инструкциям и сумели частично обойти новые

законы. Собственно, никаких сообщений передано не было, поскольку людям нечего было сказать друг другу. Задача была простой — поддерживать связь, чтобы Джейн могла проникнуть в сеть и подсоединиться к нескольким небольшим участкам, оставшимся от ее былой мощи.

На Лузитании вся работа была проделана без участия людей. С программированием справились упорные и трудоспособные работницы Королевы Улья при постоянной помощи пеквенинос. И только в последнюю минуту в качестве наблюдателей пригласили Ольядо и Грего. Но им обоим было понятно, почему так произошло. Джейн говорила с Королевой Улья, а Королева Улья говорила с отцами. А людей Лузитании Джейн не привлекала потому, что среди тех, с кем она обычно сотрудничала, Миро выполнял для нее другую работу, а Эндер перед смертью снял сережку. Ольядо и Грего продолжали обсуждать это, с тех пор как пеквенино Водная Преграда объяснил им, что происходит, и попросил понаблюдать.

— *Я* думаю, она чувствовала себя немного брошенной, — говорил Ольядо. — Эндер отключил ее, а Миро так занят…

— И без ума от Молодой Валентины, не забы-

вай, — подсказал Грего.

— Вот она и сделала все без помощи людей.

— Как это будет работать? — удивлялся Грего. — Раньше у нее были миллиарды компьютеров. А сейчас — максимум несколько тысяч, по крайней мере доступных напрямую. Совсем мало. Эла и Квара никогда не вернутся домой. И Миро.

— Может быть, и нет, — вздохнул Ольядо. — Не в первый раз мы теряем членов своей семьи на службе великому делу.

Он вспомнил знаменитых родителей матери, Ос Венерадос, которым до канонизации теперь остался только год, конечно, если представители Папы смогут когда-нибудь попасть на Лузитанию, чтобы рассмотреть дело. А их настоящий отец, Либо, и его отец — оба умерли еще до того, как дети Новиньи узнали, что они родственники. Все умерли во имя науки — Ос Венерадос в борьбе за обуздание Десколады, Пипо и Либо в попытке понять пеквенинос. Их брат Квим умер как мученик, пытаясь избавить Лузитанию от опасного раскола между людьми и пеквенинос. А теперь Эндер, их приемный отец, умер ради попытки спасти жизнь Джейн, а с ней и сверхсветовые полеты. Если Миро, Эле и Кваре придется умереть в попытке установить отношения с Десколадера-

ми, это будет в семейной традиции.

— Меня интересует, — добавил Ольядо, — почему это мы так и не были призваны умереть ради благородной цели?

— Не знаю, как там насчет благородных целей, — отозвался Грего, — но на нас нацелен вполне реальный флот. И кажется, он хочет, чтобы мы умерли.

Внезапный взрыв активности в компьютерных терминалах дал им понять, что ожидание закончилось.

— Мы соединились с Самоа, — объявил Водная Преграда. — А теперь Мемфис и Путь. Хегира.

Он сделал легкий пируэт, который пеквенинос неизменно исполняли, когда бывали довольны.

— Все они собираются выйти в диалоговый режим. Программа-ищейка их не обнаружила.

— А этого хватит? — спросил Грего. — Корабль сможет совершить еще один полет?

Водная Преграда искусно пожал плечами.

— Узнаем, когда твоя семья вернется домой, разве не так?

— Мама не хочет назначать похороны Эндера, пока они не возвратятся, — объяснил Грего.

При упоминании имени Эндера Водная Преграда сразу потерял интерес.

— А, тот, кто взял Человека в Третью Жизнь, — сказал он. — Но там почти нечего хоронить.

— Я вот думаю, — продолжал Грего, — сколько пройдет времени — дни, недели, месяцы? — до того, как Джейн сможет снова восстановить всю свою мощь, если вообще сможет.

— Не знаю, — безразлично ответил Водная Преграда.

— Воздуха у них только на несколько недель, — напомнил Грего.

— Он не знает, Грего, — вмешался Ольядо.

— Я понимаю, — вздохнул Грего, — но Королева Улья знает. И скажет отцам. Думаю… словечко-то может просочиться.

— Даже Королева Улья не может знать, что случится в будущем, — пожал плечами Ольядо. — Как можно знать заранее, что у Джейн выйдет, а что нет? Мы снова связаны с другими мирами. Некоторые части ядра ее памяти сохранены и снова связаны с сетями анзиблей, хотя бы и исподтишка. Она может найти их. Но может и не найти. А если найдет, их может оказаться достаточно, а может быть, и нет. Но Водная Преграда не знает.

Грего отвернулся.

— Я понимаю, — снова вздохнул он.

— Всем страшно, — в свою очередь вздохнул

Ольядо. — Даже Королеве Улья. Никто не хочет умирать.

— Джейн умерла, но не осталась мертвой, — возразил Грего. — А по словам Миро, айю Эндера ушла живой к Питеру, куда-то в другой мир. Королевы ульев умирают, но их память живет в умах их дочерей. Пеквенинос переходят в новую жизнь и живут как деревья.

— Некоторые из нас, — вставил Водная Преграда.

— А как же мы? — спросил Грего. — Нас уничтожат. Какое будет тогда иметь значение, что у кого-то из нас были планы, какое значение будет иметь работа, которую мы выполнили? Дети, которых мы вырастили? — Он пристально посмотрел на Ольядо. — Какое значение будет тогда иметь твоя большая и счастливая семья, если всех нас в один момент сотрет с лица Земли эта… бомба?

— Ни одно мгновение в жизни моей семьи не прошло зря, — тихо сказал Ольядо.

— Но цель жизни в том, чтобы двигаться дальше, разве не так? Оставить свой след в будущем.

— Да, — кивнул Ольядо, — но только одна из целей. А другая — это настоящий момент, сегодня. А еще одна — создать сеть связей. Связей

от души к душе. Если бы целью жизни было просто ее продление, то ничто другое вообще не имело бы значения, потому что в таком случае «сегодня» всегда было бы только предвкушением и подготовкой к «завтра». Но ведь существуют сбывшиеся надежды, Грего. Существует счастье, которое у нас уже есть. Счастье каждого мгновения. Конец нашей жизни, даже если не осталось ничего, чтобы продолжить ее, если нет никаких последователей или потомков, конец жизни не стирает ее начала.

— Но тогда ее нельзя оценить, — возразил Грего. — Если твои дети умерли, вся твоя жизнь — пустое.

— Нет, — спокойно, но твердо сказал Ольядо. — Ты говоришь так потому, что у тебя нет детей, Грегуино. Но ничего не утрачивается. Ребенок, которого ты держал на руках хотя бы единственный день до своей смерти, не пустое, поскольку одного этого дня достаточно для достижения цели самой по себе. Ты уже отодвинул небытие на час, на день, на неделю, на месяц. И если мы все умрем здесь, на этой маленькой планете, наша смерть не зачеркнет прожитых нами жизней.

Грего покачал головой.

— Нет, ты не прав, Ольядо. Смерть отменяет

все.

Ольядо пожал плечами.

— Тогда зачем же ты прикладываешь усилия и что-то пытаешься делать, а, Грего? Ведь ты все равно когда-то умрешь. Зачем заводить детей? Ведь и они когда-то умрут; умрут и их дети; все дети умирают. Когда-нибудь звезды улетят или взорвутся. Когда-нибудь смерть накроет всех нас стоячей водой небытия, и ничего не будет всплывать на поверхность, ничего не выдаст того, что мы когда-то здесь жили. Но мы-то жили, и в то время, когда жили, мы были живыми. Правда в том, что было, есть и будет, а не в том, что могло быть, должно случиться или никогда не может произойти. Если мы умрем, наши смерти будут иметь смысл для остальной вселенной. Даже если о нашей жизни никому не было известно, сам факт того, что кто-то жил здесь и умер, эхом отзовется по всей вселенной.

— И тебе довольно этого? — поинтересовался Грего. — Умереть в назидание? Умереть, чтобы другие почувствовали ужас от того, что они убили тебя?

— Бывают и худшие предназначения.

Их прервал Водная Преграда:

— Последний анзибль, подключенный в диа-

логовом режиме, прошел инспекцию. Теперь подключены все.

Разговор прервался. Пора Джейн найти дорогу назад, если возможно.

Они ждали.

Через одну из своих работниц Королева Улья узнала новость о восстановлении связей анзиблей.

«Пришло время», — сказала она отцам.

«У нее получится? Ты можешь привести ее?»

«Я не могу провести ее туда, куда не могу попасть сама, — ответила Королева Улья. — Она сама должна найти дорогу. Сейчас я могу только сообщить ей, что пришло время.»

«Значит, нам остается только наблюдать?»

«Наблюдать буду я, — уточнила Королева Улья. — А вы все — вы ее часть или она часть вас. Ее айю сейчас связана с вашей сетью через материнские деревья. Будьте готовы.»

«К чему?»

«К тому, что вы понадобитесь Джейн.»

«А что ей может понадобиться? И когда?»

«Понятия не имею.»

В шаттле дочь улья внезапно подняла голову от своего терминала, поднялась со своего кресла

и направилась к Джейн.

Джейн повернулась к ней.

— Что? — спросила она рассеянно. А потом, вспомнив о сигнале, который она ожидала, бросила взгляд на Миро, который оглянулся, чтобы узнать, в чем дело.

— Мне нужно идти, — сказала Джейн.

Она откинулась на спинку кресла, и внезапно силы как будто оставили ее.

В ту же минуту Миро выскочил из своего кресла, а вслед за ним и Эла. Работница уже отстегнула Джейн от кресла и подняла ее. Миро помог ей пронести тело Джейн через коридоры к спальным местам на корме корабля. Там они уложили ее на кровать и закрепили ремешками. Эла проверила дыхание и пульс.

— Она глубоко спит, — объявила Эла. — Дыхание очень замедлилось.

— Кома? — спросил Миро.

— Нет, что-то вроде анабиоза, — объяснила Эла. — А так все в норме.

— Пошли, — позвала через дверь Квара. — Вернемся к работе.

Миро резко развернулся к ней, но Эла удержала его.

— Ты можешь остаться и побыть с ней, если

хочешь, — предложила она, — но Квара права. У нас есть работа. Джейн выполняет свою.

Миро снова повернулся к Джейн, погладил ее руку, взял ее и подержал в своей. Остальные ушли. «Ты не слышишь меня, ты не чувствуешь мое присутствие, ты меня не видишь, — говорил Миро про себя. — Значит, я здесь не ради тебя. Но я не могу уйти. Чего я боюсь? Мы все умрем, если ты не сможешь достичь успеха в своей работе. Поэтому я боюсь не твоей смерти.

Я боюсь твоей старой личности. Твоего старого существования среди компьютеров и анзиблей. Ты уже сделала шаг в человеческое тело, но когда твоя старая мощь будет восстановлена, человеческая жизнь окажется всего лишь маленькой частью тебя. Просто еще одним сенсорным входом среди миллионов других. Еще одним маленьким островком памяти, заброшенным в полноводном море. Мне ты сможешь уделить только малую часть своего внимания, и я никогда не пойму, что в твоей жизни я всего лишь запоздалая мысль.

Вот чем приходится жертвовать, когда любишь кого-то гораздо больше, чем себя. Я никогда не смогу понять остальной ее жизни. Она вернется, и я буду счастлив с нею все время, которое мы проведем вместе, но никогда не смогу понять,

насколько мало времени и усилий она расходует для того, чтобы быть со мной. Развлечение, вот что я для нее».

Он покачал головой, отпустил ее руку и покинул комнату. «Я никогда не буду прислушиваться к голосу отчаяния, — решил он. — Разве я могу приручить это великолепное существо и сделать Джейн своей рабыней, чтобы каждый момент ее жизни принадлежал только мне? Разве я могу остановить ее взгляд и не дать ей увидеть ничего, кроме себя? Я должен радоваться, что я — часть ее жизни, а не обижаться на то, что не значу для нее больше».

Он занял свое место и взялся за работу. Но вскоре поднялся и снова направился к ней. Пока она не вернется, от него мало толку. Пока он не будет знать исхода, он не сможет думать ни о чем другом.

* * *

Джейн не пришлось блуждать. У нее оставалась связь с тремя анзиблями Лузитании, и она нашла их легко. И так же просто нашла новые подключения к анзиблям в полудюжине миров. Отсюда она быстро пробралась через разрывы и преграды, которыми фискальная программа Конгресса

защищалась от ее возвращения в систему. Все было так, как и планировалось ею и ее друзьями.

Места было немного, но она заранее знала, что будет ограничена в пространстве. Впрочем, она почти никогда не использовала полный объем системы, разве что когда управляла межзвездными полетами. Чтобы поддерживать полный образ корабля, который она транспортировала, ей необходим был каждый клочок памяти. Совершенно очевидно, что мощности этих нескольких тысяч машин не хватит. Как бы там ни было, для нее было почти облегчением снова получить программы, которые она привыкла использовать как слуг для выполнения большого количества своей мысленной работы, они работали для нее, как работницы для Королевы Улья. «Вот еще одно общее свойство у меня с ней», — поняла Джейн. Она заставила программы запуститься, потом проанализировала память, которая так болезненно была потеряна. Снова она владела системой, которая позволяла ей сохранять десятки уровней внимания на параллельно текущих процессах.

Но все было не так! Она побыла в своем человеческом теле только один день, и уже ее электронная личность, которая когда-то казалась такой обширной, теперь оказалась для нее

слишком малой. И не просто потому, что в сети сейчас мало компьютеров, а раньше было гораздо больше. Скорее электронное пространство оказалось меньше по своей природе. Неопределенность плоти была создана для огромного количества возможностей, которых просто не могло существовать в бинарном мире. Она всегда была живой, но только теперь поняла, что ее электронное существование было всего лишь осколком жизни. Как бы много она ни совершила за три тысячелетия в искусственных сетях, вся прежняя жизнь, не доставила ей удовольствия, сравнимого хотя бы с минутой жизни в человеческом теле из плоти и крови.

Если у Джейн и мелькнула когда-нибудь мысль оставить тело Вэл и вернуться в свой старый дом, сейчас она окончательно поняла, что никогда не сможет этого сделать. У нее теперь новый дом, раз и навсегда. Конечно, она сможет заставить себя снова возвратиться в компьютерные системы, если будет нужно. Но особого желания проникать туда у нее не будет.

Ей незачем говорить кому-то о своем разочаровании. Не теперь. Она скажет Миро, когда вернется к нему. Он выслушает ее и никому ничего не расскажет. А может быть, даже почувствует

облегчение. Конечно, он волнуется: а вдруг она поддастся искушению, останется в компьютерах и не вернется назад в тело, которое настойчиво требует ее внимания даже в расслабленности глубокого сна. Но у Миро нет поводов для страха. Разве он сам не прожил долгие месяцы в теле настолько ограниченном, что едва выдерживал свое существование? Она вернется к жизни компьютерного жителя так же охотно, как он к своему ущербному телу, бывшему для него такой пыткой.

«Все же это я, часть меня. Это то, что дали мне друзья, и я не буду говорить им, как больно было снова втискиваться в этот крохотный объем жизни». Она воспроизвела свое старое, знакомое лицо на всех терминалах и, улыбнувшись всем, сказала:

— Спасибо, друзья мои. Я никогда не забуду вашей любви и преданности. Мне понадобится некоторое время, чтобы выяснить, что мне доступно. Я расскажу вам все, как только что-то узнаю. Но будьте уверены, в любом случае, вне зависимости от того, смогу ли добиться чего-то, сравнимого с тем, что я делала раньше, именно вам я обязана своим воскрешением. Всем вам. Я уже была вашим вечным другом; теперь я ваш

вечный должник.

Ей ответили; она слышала все ответы, переговаривалась со всеми, используя небольшую часть своего внимания. Остальная часть проводила разведку. Она нашла скрытые интерфейсы главной компьютерной системы, которые создали программисты Звездного Конгресса. Оказалось, что добраться до какой бы то ни было информации, которая ей была нужна, достаточно просто, и через несколько мгновений она уже нашла доступ в наиболее секретные файлы Звездного Конгресса, всю техническую документацию и каждый протокол новых сетей. Но все ее исследование проходило через вторые руки. Как будто она ныряет с закрытыми глазами и вытаскивает то, что попадется под руку. Она послала небольшие поисковые программки, и они возвращались к ней, принося все, что она хотела; но они управлялись протоколами с нечеткой логикой, и поэтому иногда им удавалось выудить какую-нибудь побочную информацию, само содержание которой побуждало их захватить ее с собой. Конечно, Джейн могла бы в качестве мести устроить саботаж. Могла бы стереть все данные. Но ни найденные ею секреты, ни неистовая месть не помогли бы ей добиться того, что ей было

нужно. Ей нужна была жизненно важная информация, которая позволила бы сохранить жизни ее друзьям. Ей нужен объем, а его нет. Новые сети сделали шаг назад по сравнению со старыми и имели запаздывание во времени, достаточно большое, чтобы нельзя было использовать мгновенную связь анзиблей. Она попыталась найти способы достаточно быстрой выгрузки и загрузки данных и использовать их для выталкивания корабля во Вне-мир и втягивания его назад, но получалось все-таки недостаточно быстро. Во Вне-мир попадут только кусочки и клочочки корабля, и почти невозможно будет заставить их вернуться обратно.

«Я сохранила все свои способности. А вот пространства мне не хватает».

Тем временем ее айю продолжала совершать круги. Много раз в секунду она проходила через тело Вэл, пристегнутое к кровати на корабле, касалась анзиблей и компьютеров, составляющих восстановленную, хотя и усеченную сеть, пробегала по кружевным сплетениям материнских деревьев.

Тысячный, десятитысячный раз айю Джейн замкнула привычный круг, пока она окончательно убедилась, что и материнские деревья

тоже являются хранилищем. У них было совсем мало мыслей о самих себе, но наличествовали структуры, способные сохранять информацию без всяких временных задержек. Джейн могла думать, могла хранить свои мысли и мгновенно их восстанавливать. Кроме того, память материнских деревьев была многоуровневой, а значит, она могла сохранять информацию в несколько слоев: мысль внутри мысли, дальше и дальше в глубь структур и последовательностей живых клеток, без обращения к тусклым, сладким мыслям самих деревьев. Такая система хранения оказалась гораздо лучше, чем компьютерные сети, потому что они по своей природе были объемнее любого двоичного устройства. Несмотря на то что материнских деревьев было гораздо меньше, чем компьютеров в сети, даже в новой, сокращенной, глубина и богатство массива памяти позволяли использовать гораздо больше места для данных и обращаться к ним гораздо быстрее. Теперь Джейн больше не нуждалась в использовании компьютерных сетей, кроме как для восстановления базисных данных — своей собственной памяти о предыдущих межзвездных полетах. Путь к звездам теперь проходил через аллеи материнских деревьев.

В корабле на Лузитании ее ждала одна из работниц Королевы Улья. Джейн сразу нашла ее и запомнила очертания корабля. Хотя она успела «забыть», как осуществлять межзвездные полеты, память вернулась, и Джейн легко вытолкнула корабль во Вне-мир, а затем через мгновение втянула его назад, только на много километров дальше, на расчищенном от леса участке перед входом в гнездо Королевы Улья. Работница поднялась из-за своего терминала, открыла дверь и вышла наружу. Конечно, никто ее не встречал. Королева Улья просто посмотрела ее глазами, чтобы оценить, насколько успешно прошел полет, а затем осмотрела тело «космонавтки» и сам корабль, чтобы убедиться, что ничего не потеряно и не испорчено во время полета.

Голос Королевы Улья Джейн слышала как бы на расстоянии, поэтому инстинктивно отшатнулась от нового, мощного источника мысли. Она услышала голос Человека, через которого ей было передано сообщение:

«Все хорошо. Можешь продолжать.»

Тогда она вернулась на шаттл, где находилось ее собственное живое тело.

Когда она переносила других людей, она оставляла их собственным айю задачу поддерживать

плоть целостной. Результатом оказалось хаотическое создание Миро и Эндера, с их жаждой тел, отличных от тех, которые у них уже были. Повторение этого эффекта легко было предотвратить, позволяя путешественникам задержаться во Вне-мире только на одно мгновение, на крохотную долю секунды, достаточную только для того, чтобы убедиться, что всё на месте. Но все-таки ей нужно было поддерживать образ корабля и тела Вэл и, кроме того, протащить Миро, Элу, Огнетушителя, Квару и дочь улья. Ошибок быть не должно.

Вроде бы все функционировало достаточно просто. Знакомый шаттл она легко удерживала в памяти, а людей переносила часто и до того, как оказалась вместе с ними. Ее собственное тело было уже настолько хорошо ей знакомо, что, к своему облегчению, она поняла: дополнительных усилий, чтобы удержать его в памяти вместе с кораблем, не потребуется. Новизна заключалась в том, чтобы не только вытолкнуть и втянуть назад других, но и пройти вместе с ними. Ее собственная айю шла во Вне-мир с остальными.

Вот в чем проблема. Очутившись во Вне-мире, как она сможет определить, насколько долго они там пробыли? Может быть, час. Или год?

Пикосекунду? Она никогда сама не попадала во Вне-мир. Было неприятно, грустно и, кроме того, страшно не иметь ни корней, ни якоря. «Как я попаду назад? За что мне ухватиться?»

В панике задавая себе этот вопрос, Джейн внезапно нашла якорь, и еще до того, как ее айю совершила единственный круг в теле Вэл во Вне-мире, прыгнула в сеть материнских деревьев. В тот же момент она вызвала корабль и все, что было в нем, назад и поместила его туда, куда хотела, — на посадочное поле космопорта Лузитании.

Она быстро все осмотрела. Все на месте. Все сработало, никто не умер. Она может продолжать межзвездные полеты, даже присутствуя на борту. И хотя себя она не будет отправлять в путешествия слишком часто — все-таки слишком страшно, даже несмотря на связь с материнскими деревьями, поддерживающими ее, — теперь она знала, что может отправлять корабли в полет без опасений.

Малу вскрикнул, и все повернулись к нему. Ванму удивилась, что еще произошло? Они уже видели лицо Джейн на голографических терминалах — сотни лиц по всей комнате. Теперь они поздравляли друг друга и радовались.

— Богиня перенесла звездолет! — закричал Малу. — Богиня снова обрела свою силу!

Ванму удивилась: откуда он узнал? Но Питер, несмотря на свое удивление, принял новость более непосредственно. Он обнял Ванму, поднял ее на руки и закружил.

— Мы снова свободны, — закричал он, и его голос звенел от радости. — Мы можем снова путешествовать!

В этот момент Ванму окончательно поняла, что человек, которого она любит, в широком смысле слова, остался тем же Эндером Виггином, который скитался от мира к миру три тысячи лет. Так вот почему Питер замкнулся и помрачнел и только сейчас просиял, причем так бурно. Потому что для него непереносима мысль прожить всю жизнь в одном мире.

«А что получу я? — задумалась Ванму. — Бродячую жизнь? Неделя тут, месяц там?

Ну и что? Пусть так. Если неделя с Питером, если месяц рядом с ним, тогда вполне можно чувствовать себя дома. А если не получится, хватит времени и на то, чтобы выработать какой-нибудь компромисс. Даже Эндер осел в конце концов на Лузитании.

Кроме того, может быть, и во мне живет дух

скитальца? Я еще молода — откуда мне знать, какую жизнь я в действительности хочу провести? Джейн в мгновение ока переправит нас куда угодно, и мы успеем насмотреться на все Сто Миров, увидим все новейшие колонии и все-все, что только захотим, задолго до того, как задумаем где-нибудь осесть».

В головном отсеке кто-то закричал. Миро понял, что нужно оставить спящее тело Джейн и узнать, в чем дело. Но ему не хотелось выпускать ее руку. Не хотелось сводить с нее глаз.

— Мы отрезаны! — послышался истошный крик. Кричала Квара, испуганная и разгневанная. — Я принимала их сообщение и вдруг — ничего!

Миро чуть не рассмеялся. Как Квара не понимает? Она не может получить сообщение Десколадеров потому, что они уже не на орбите. Разве Квара не чувствует гравитации? Все получилось! Джейн принесла их домой.

Только вот принесла ли она себя? Миро сжал ее руку, склонился к ней и поцеловал в щеку.

— Джейн, — прошептал он. — Не теряйся. Будь здесь. Будь со мной.

— Хорошо, — ответила она.

Он выпрямился и заглянул ей в глаза.

— У тебя получилось, — сказал он.

— И достаточно легко, после всех волнений, — улыбнулась она. — Но мне кажется, что мое тело не может спать так глубоко. Что-то я не могу пошевелиться.

Миро нажал экстренную кнопку, и все ремни отстегнулись.

— А, — поняла она. — Ты меня привязал.

Она попыталась сесть, но снова легла.

— Слабость? — забеспокоился Миро.

— Все плывет перед глазами, — объяснила она. — Может быть, в следующий раз мне не придется погружаться так глубоко.

Дверь распахнулась. Квара стояла в проеме, кипя от злости.

— Как ты посмела! Даже не предупредила!

За ней стояла Эла и увещевала:

— Ради Бога, Квара, она вернула нас домой, разве этого мало?

— Ты хотя бы из вежливости сказала, — заорала Квара, — что проводишь на нас свой эксперимент!

— Так ведь она принесла тебя с нами, разве не так? — поинтересовался Миро и рассмеялся.

Его смех еще больше разозлил Квару.

— Она не человек! Вот за что ты ее любишь,

Миро! Ты никогда не мог полюбить настоящую женщину. Что там у нас было в списке? Сперва сводная сестра, потом какой-то робот Эндера, а теперь компьютер, который для маскировки напялил человеческое тело. Конечно, как же тебе не смеяться. У тебя же нет человеческих чувств!

Джейн поднялась, немного пошатываясь. Миро обрадовался, что она так быстро оправилась после часа, проведенного в коматозном состоянии. Он едва замечал выкрики Квары.

— Не смей игнорировать меня, ты, самодовольный сукин сын! — выкрикнула Квара прямо ему в лицо.

Ему было наплевать на нее, и от этого он чувствовал себя еще более довольным собой. Джейн, держа его за руку, пошла за ним, в обход Квары, прочь из спальни. Когда они проходили, Квара выкрикнула ей:

— Ты не бог и не имеешь права без спросу пихать меня с места на место! — и она толкнула Джейн, правда, не слишком сильно.

Но Джейн отлетела от Миро. Он оглянулся, испугавшись, что она упала, и успел увидеть, как Джейн выбросила вперед руку и гораздо сильнее толкнула Квару в грудь. Квара ударилась головой о стену коридора и, потеряв равновесие, упала на

пол к ногам Элы.

— Она пыталась убить меня! — закричала Квара.

— Если бы она хотела убить тебя, — спокойно отозвалась Эла, — ты бы сейчас рассекала пространство на орбите планеты Десколадеров.

— Вы все ненавидите меня! — выкрикнула Квара и ударилась в слезы.

Миро открыл дверь шаттла и выпустил Джейн. Она шагнула на поверхность планеты и первый раз взглянула на солнце человеческими глазами. Она стояла как завороженная, а потом повернула голову, чтобы осмотреться, подняла лицо к Миро и заплакала, порывисто обняв его.

— О Миро! Я не выдержу! Как прекрасно!

— Тебе следовало бы посмотреть, как здесь весной, — сказал он бессмысленно.

Уже через мгновение она оправилась достаточно, чтобы снова обвести взглядом окружающее пространство и сделать пробные шаги вместе с ним.

Показался флайер, летящий к ним из Милагра, — должно быть, Ольядо и Грего и, вероятно, Валентина с Джактом. Они впервые встретят Джейн в теле Вэл. Валентина больше всех будет вспоминать Вэл и скучать по ней; в отличие от

Миро у нее нет никаких определенных воспоминаний о Джейн, они не слишком дружили. Но если Миро правильно понимал, всю свою печаль Валентина будет держать при себе, а по отношению к Джейн будет выказывать только радушие и, вероятно, любопытство. Это было в стиле Валентины. Для нее важнее само понимание того, что она горюет. Валентина переживала все глубже и сильнее других, но не позволяла своей грусти или горю помешать ей узнать новое.

— Мне не следовало этого делать, — вздохнула Джейн.

— Что делать?

— Драться с Кварой, — несчастным голосом объяснила Джейн.

Миро пожал плечами:

— Она этого добивалась. Ты же слышишь, как она радуется.

— Нет, она не хотела этого, — возразила Джейн. — Не в глубине души. Она хочет того же, что и все, — быть любимой, чтобы о ней заботились, быть хорошей и вызывать уважение тех, кем она восхищается.

— Да? Ладно, поверю тебе на слово, — пошутил Миро.

— Нет, Миро, ты и сам это *знаешь*, — настаивала

Джейн.

— Ну знаю, — сдался Миро. — Но я отказался от всех попыток давным-давно. У Квары такие большие потребности, что в них утонет целый десяток таких людей, как я. И потом, у меня есть и свои проблемы. Не осуждай меня за то, что я отвернулся от нее. Море ее страданий достаточно глубоководно, чтобы выдержать тысячи бушелей счастья.

— Я тебя и не осуждаю, — отозвалась Джейн. — Я просто… должна знать, что ты понимаешь, как сильно она любит тебя и как ты ей нужен. Я хочу, чтобы ты был…

— Как Эндер, — подхватил Миро.

— Я хочу, чтобы ты был лучшим из возможных, — смутилась Джейн.

— Я тоже любил Эндера, ты же знаешь. И думаю, что он лучший из лучших. Мне не из-за чего обижаться, если ты хочешь, чтобы я был хотя бы чуть-чуть на него похожим. Конечно, пока тебе нравится во мне и то, чего в Эндере никогда не было.

— Я не жду, что ты будешь совершенством, — улыбнулась Джейн. — И не жду, что ты будешь Эндером. И было бы лучше, чтобы и ты не ждал от меня совершенства. Какой бы мудрой мне

ни хотелось сейчас быть, я остаюсь человеком, который толкнул твою сестру.

— Кто знает? — лукаво сказал Миро. — Может быть, это сделает тебя самым близким другом Квары.

— Надеюсь, что нет, — покачала головой Джейн. — Но если так случится, я сделаю для нее все что смогу. Между прочим, ей теперь придется стать мне сестрой.

«Значит, вы были готовы», — сказала Королева Улья.

«Сами того не зная, но да, были готовы», — ответил Человек.

«Вы ее часть, все вы.»

«Ее прикосновение так нежно, — отозвался Человек, — ее присутствие легко перенести. И материнские деревья не возражают против нее. Ее живость дает им энергию. Им странно держать в себе ее память, но это вносит разнообразие в их жизни».

«Значит, она часть всех вас, — повторила Королева Улья. — Она останется такой, как стала сейчас, — частью Королева Улья, частью человек, частью пеквенино.»

«Чем бы она ни была, никто не может сказать, что она не понимает нас. Если кто-то должен

жонглировать силами богов, лучше она, чем кто-то другой.»

«Сознаюсь, я завидую ей, — призналась Королева Улья. — Она стала частью вас, а я никогда не смогу. После всех наших разговоров я продолжаю не понимать, что означает быть одним из вас.»

«И я не могу понять ничего — у меня только слабые проблески понимания, — отозвался Человек. — Но разве это так плохо? Таинство бесконечно. И мы никогда не прекратим удивлять друг друга.»

«Пока смерть не прекратит все сюрпризы», — ответила Королева Улья.

14
«Возможно, так они общаются с животными»

«Если бы мы были умнее и лучше, вероятно, боги объяснили бы нам свои безумные, невыносимые поступки».

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

Как только адмирал Бобби Лэндс узнал, что связь анзиблей со Звездным Конгрессом восстановлена, он отдал приказ по лузитанскому флоту: незамедлительно уменьшить скорость до порога невидимости. Подчинение было мгновенным, и он знал, что в ближайший час операторы телескопов Лузитании увидят как бы возникший из небытия флот. Корабли могут нестись к Лузитании на огромной скорости, их массивные противоударные экраны всегда готовы защитить их от разрушительного столкновения с межзвездными частицами, даже такими маленькими, как пыль.

Стратегия адмирала Лэндса была простой. Он подойдет к Лузитании на максимально высокой скорости, на которой еще не проявляются ре-

лятивистские эффекты, и запустит Маленького Доктора в момент максимального приближения не позднее, чем через пару часов, а затем поведет флот назад уже на релятивистской скорости так быстро, чтобы обратная волна от действия Молекулярного Дезинтегратора не захватила ни один из его кораблей своими всеразрушающими полями.

Хорошая, простая стратегия, базирующаяся на предположении, что у Лузитании нет защитников. Но Лэнде не считал такое допущение бесспорным. Оказалось, что каким-то образом восставшие на Лузитании располагали достаточными возможностями, чтобы перед самым прилетом флота к месту назначения полностью прервать сообщение между флотом и остальным человечеством. Не важно, что все приписывалось чрезвычайно мощной и всепроникающей программе компьютерного саботажа, не важно, что начальство уверяло его, будто программа-саботажник уже уничтожена разумными, но радикальными действиями, рассчитанными на уничтожение угрозы как раз перед прибытием флота к месту назначения. Лэнде не собирался обманываться иллюзией беззащитности. Враг показал, что обладает неведомыми качествами, и

Лэнде был готов ко всему. Шла война, тотальная война, и он не мог позволить, чтобы его миссия оказалась под угрозой из-за небрежности или излишней самоуверенности.

С того момента как он получил предписание, он четко осознавал, что останется в человеческой истории как Ксеноцид Второй. Не так просто решиться на уничтожение незнакомой расы, особенно потому, что свинксы на Лузитании были, если верить сообщениям, столь примитивными, что сами по себе не представляли никакой угрозы человечеству. Даже когда чужаки представляли несомненную угрозу, как жукеры во времена Ксеноцида Первого, нашлась какая-то жалостливая душа, называющая себя Голосом Тех, Кого Нет, которая сумела написать яркую сказку об этих кровавых монстрах, придумав какое-то утопическое пчелиное общество, которое в действительности не хотело причинить вреда человечеству. Как мог автор этой книги точно знать, каковы были намерения жукеров? Книга была совершенно чудовищной, потому что она полностью развенчала имя мальчика-героя, который так великолепно победил жукеров и спас человечество.

Лэнде принял командование лузитанским

флотом не колеблясь, и когда их рейс начался, стал каждый день проводить значительное время, изучая скудную информацию об Эндере-Ксеноциде. Мальчик, конечно, не знал, что на самом деле командует по анзиблю реальным человеческим флотом; он думал, что загнан в рамки строгого до жестокости расписания тренировочных сражений на симуляторе. Тем не менее в момент кризиса он принял правильное решение — использовать оружие, запрещенное к применению против планет, и взорвал последний мир жукеров. Угрозы человечеству больше не существовало. Он поступил верно, именно так, как требует искусство ведения войны, и в то время мальчика заслуженно осыпали похвалами как героя.

Но всего за несколько десятилетий эта вредная книга — «Королева Улья» — повернула вспять поток общественного мнения, и Эндер Виггин, практически изгнанный, улетел в новую колонию губернатором и полностью исчез из истории, а его имя стало синонимом уничтожения добрых, миролюбивых, но неверно понятых видов.

«Если они могли повернуться спиной к такому безвинному человеку, как Эндер Виггин, что они сделают из меня? — снова и снова спрашивал себя

Лэнде. — Жукеры были жестокими, бездушными убийцами, у них был флот, оснащенный опустошительной, убийственной мощью, в то время как я буду уничтожать свинксов, которые, конечно, внесли свою лепту в убийства, но не слишком преуспели — на их счету только пара ученых, которые вполне могли нарушить какие-нибудь табу. Очевидно, что у свинксов нет и в разумном будущем не предвидится возможности подняться с поверхности своей планеты и бросить вызов доминированию человеческой расы в космосе».

И все же Лузитания так же опасна, как и жукеры, возможно, даже более опасна, поскольку по ней свободно разгуливает вирус, который убивает каждого, кто заразится им, если в течение всей оставшейся жизни жертва не получает постоянные дозы противоядия, эффективность которого постоянно снижается. Кроме того, вирус известен своей склонностью к быстрой адаптации.

Пока этот вирус находится на Лузитании, опасность невелика. Но однажды двое самодовольных ученых с Лузитании — официальные рапорты называли их ксенологами Маркосом «Миро» Владимиром Рибейрой фон Хессе и Квандой Квенхаттой Фугейрой Мукумби — нарушили условия колонизации и закон «никаких технологий» и

незаконно передали свинксам запрещенные знания и биоформы. Звездный Конгресс отреагировал соответствующим образом — вызвал нарушителей на суд на другую планету, где, конечно, они содержались бы под карантином, но наказание должно было быть быстрым и жестоким, чтобы больше никто на Лузитании не поддался искушению пренебречь мудрыми законами, которые защищали человечество от распространения вируса Десколады. Кто мог подумать, что такая слабая человеческая колония решится противостоять Конгрессу и откажется арестовать преступников? Восстание не оставило Конгрессу иного выбора, кроме как послать флот и уничтожить Лузитанию. Ведь чем дольше Лузитания оставалась в руках мятежников, тем все больше увеличивался риск того, что с планеты отбудет корабль и распространит ужасную пандемию среди остального человечества, а этого нельзя было допустить.

Все было ясно. И все же Лэнде понимал, что как только опасность минует, как только вирус Десколады перестанет представлять угрозу людям, они тут же забудут, как велика была опасность, и начнут разводить сантименты вокруг погибших свинксов, бедных-несчастных жертв жестокого

адмирала Бобби Лэндса, Ксеноцида Второго.

Лэнде не был бесчувственным. Мысль о том, как его будут ненавидеть, не давала ему спать. И несмотря на все уважение к возложенному на него долгу, он не был жестоким, и мысль о том, что он уничтожит не только неизвестных ему свинксов, но и целое человеческое поселение на Лузитании, заставляло ныть его сердце. Никто в его флоте не усомнился бы, что он выполнит веление долга без энтузиазма, но в то же время никто не сомневался в его беспощадной решимости.

Он снова и снова возвращался к одной и той же мысли: «Если бы только появилась возможность… Если бы только, когда я свяжусь с Конгрессом, мне сообщили, что найдено действенное противоядие или вакцина против Десколады. Что-нибудь такое, что могло бы убедить всех — опасности больше нет. Что-нибудь, что могло бы удержать Маленького Доктора на привычном месте во флагмане».

Но его мечты вряд ли можно назвать надеждами. Никаких шансов. Даже если на Лузитании будет найдено средство, как об этом узнать? Нет, Лэндсу придется сознательно сделать то, что Эндер Виггин сделал по неведению. И он сделает. И переживет последствия. Будет опускать глаза,

когда его будут поносить. Будет понимать, что сделал то, что было необходимо ради спасения всего человечества, а перед этим все меркнет, и не имеет значения, превозносят тебя или незаслуженно ненавидят.

Как только сеть анзиблей была восстановлена, Ясухиро Цуцуми отправил свои сообщения; он сам отправился в аппаратную анзиблей на девятом этаже своего здания и приготовился ждать. Если семья решит, что его идея достойна обсуждения, они соберут совещание в реальном времени, и Ясухиро был полон решимости не заставлять себя ждать. Если они не поддержат его, ему хотелось бы оказаться первым, кто узнает об этом, чтобы его подчиненные и коллеги на Священном Ветре узнали обо всем от него, а не из сплетен за его спиной.

Понимал ли Аимаина Хикари, о чем он попросил? В карьере Ясухиро наступил переломный момент. Если он покажет себя хорошо, то сможет начать движение из мира в мир, попасть в элитную касту менеджеров, которые оказывались отрезанными от своего времени и отправлялись в будущее через растягивающий время релятивистский эффект. А если его приговорят к прозябанию на вторых ролях, отодвинут в сторону или даже

понизят в должности здесь, на Божественном Ветре? Он никогда не сможет уйти, и поэтому ему придется до конца дней своих смотреть в сочувственные лица тех, кто будет знать, что он не смог вырваться из короткого отрезка жизни в свободно текущую вечность высокого менеджмента.

Возможно, Аимаина не знал, насколько непрочным было положение Ясухиро. Но если бы и знал, это не остановило бы его. Чтобы спасти разумный вид от бессмысленного уничтожения, можно было пожертвовать несколькими карьерами. Что мог поделать Аимаина, если жертвовать приходилось не его собственной карьерой? Большая честь для Ясухиро, что Аимаина выбрал именно его, что думал о нем как о достаточно мудром человеке, способном понять моральную ответственность людей Ямато, и как о человеке достаточно мужественном, чтобы действовать в соответствии со своими моральными принципами, пожертвовав личной выгодой.

Такая честь! Ясухиро надеялся, что сможет утешиться ею, если все остальное рухнет. Если его не поддержат, он оставит компанию Цуцуми. Если они не станут действовать, чтобы отвести опасность, он не сможет остаться. Не сможет промолчать. Он выскажется и вместе с другими

обвинит Цуцуми. Он никому не будет угрожать разоблачением — семья совершенно правильно воспринимает любые угрозы с презрением. Он просто выскажется. В этом случае вследствие его нелояльности они сделают все, чтобы уничтожить его. Ему негде будет укрыться. Он больше никогда не сможет выступить с публичным заявлением. Вот тогда слова, которые он сказал Аимаине, перестанут быть шуткой — он придет жить к нему. Если семья Цуцуми решила наказать еретика, у него не остается никаких шансов, разве что отдать себя на милость своих друзей, конечно, в том случае, если у него есть друзья, которые сами не боятся ярости Цуцуми.

Все эти ужасные предчувствия беспокоили Ясухиро, пока он час за часом томился в ожидании. Конечно, они не просто проигнорировали его послание. Они, должно быть, читают и обсуждают его уже сейчас.

Наконец он задремал. Его разбудил оператор анзибля — женщина, которая еще не заступала, когда он бодрствовал.

— Вы, случайно, не уважаемый Ясухиро Цуцуми?

Обсуждение уже началось; вопреки лучшим намерениям Ясухиро, он оказался последним,

кто вышел на связь. Стоимость таких совещаний по анзиблю в реальном времени была феноменальной, не говоря уже о хлопотах. Из-за новой компьютерной системы каждый участник совещания должен был использовать непосредственно анзибль, иначе совещание было бы невозможным из-за встроенных временных задержек.

Когда Ясухиро увидел идентификаторы под лицами, глядящими на него с дисплея терминала, он затрепетал и ужаснулся. Вопрос не был делегирован второстепенным или третьестепенным лицам в главном офисе Хонсю. Здесь был сам Йошиаки-Сейхи Цуцуми, древний человек, который управлял семьей Цуцуми, сколько себя помнил Ясухиро. Это должно было быть хорошим знаком. Йошиаки-Сейхи — или «Да, Сэр», как его называли, хотя и за глаза, конечно, — никогда не тратил свое время, чтобы, выйдя в эфир по анзиблю, свалить какого-нибудь самонадеянного выскочку.

Да, Сэр сам, конечно, ничего не говорил. Говорил в основном старый Эйчи. Эйчи имел прозвище — Совесть Цуцуми, которое, как цинично заметил кто-то, означало, что он глухонемой.

— Наш молодой брат всегда был смелым и

поступил мудро, передав нам свой разговор с уважаемым учителем, Аимаиной Хакари. Хотя никто из нас здесь, на Хонсю, не удостаивался чести персонально знать хранителя духа Ямато, мы все прислушивались к его словам. Мы были не готовы к мысли, что японцы, как представители рода человеческого, несут ответственность за лузитанский флот. Мы не были также готовы к мысли, что Цуцуми несут какую бы то ни было особую ответственность за сложившуюся политическую ситуацию, не связанную прямым образом с финансами и экономикой вообще.

— Слова нашего молодого брата были искренними и неистовыми, и поскольку они пришли от человека, который все годы работы у нас был должным образом скромен и достоин уважения, осторожен и все же достаточно смел, чтобы рисковать в подходящий момент, мы не могли не обратить внимание на его сообщение. Но мы должны быть осмотрительными; мы провели расследование и выяснили из наших правительственных источников, что японское влияние на Звездный Конгресс было и продолжает оставаться существенным, особенно в этом вопросе. По нашему суждению, на формирование коалиции вместе с другими компаниями или для измене-

ния общественного мнения не осталось времени. Флот может прибыть к месту назначения в любой момент. А это наш флот, если Аимаина Хикари прав; и даже если он неправ, это флот людей, а все мы — люди, и может статься, что в нашей власти остановить его. Карантин легко выполнит все необходимое, чтобы защитить человеческий вид от уничтожения вирусом Десколады. По этой причине мы желаем проинформировать тебя, Ясухиро Цуцуми. Ты показал себя достойным имени, которое было дано тебе от рождения. Мы используем все возможности семьи Цуцуми, чтобы убедить достаточное количество конгрессменов воспротивиться флоту, и сделаем это так решительно, что они проведут немедленное голосование по вопросу отзыва флота и запрета его использования против Лузитании. Мы можем добиться успеха в решении этой задачи или проиграть, но в любом случае наш молодой брат Ясухиро Цуцуми хорошо послужил нам не только своими многочисленными достижениями в управлении компанией, но также тем, что понял, когда нужно прислушаться к чужому голосу, поставить моральные принципы выше финансовой выгоды и рискнуть всем ради того, чтобы помочь семье Цуцуми поступать как должно. По

этой причине мы вызываем Ясухиро Цуцуми на Хонсю, где он будет служить Цуцуми в качестве моего ассистента. — Тут Эйчи поклонился. — Я польщен, что такого отличного молодого человека готовят к работе в качестве моего преемника, когда я умру или уйду в отставку.

Ясухиро глубоко поклонился. Вызов на Хонсю принес ему облегчение — никого и никогда не призывали таким молодым. Но быть помощником Эйчи, быть его преемником — не о такой работе мечтал Ясухиро. Он работал так тяжко и служил так честно не ради того, чтобы стать философом-референтом. Ему бы хотелось непосредственного участия в управлении семейными предприятиями.

Но пройдут годы, пока он прибудет на Хонсю. Возможно, Эйчи уже не будет в живых. Да, Сэр уже точно будет мертв к тому времени. Вместо того чтобы заместить Эйчи, он может так же легко получить другое назначение, которое лучше будет соответствовать его реальным возможностям. Поэтому Ясухиро не отказался от этого удивительного дара. Он покорится своей судьбе и пойдет туда, куда она его ведет.

— О мой отец, Эйчи-сан, я склоняюсь перед вами и перед всеми великими отцами нашей

компании, особенно перед Иошиаки-Сейхи-сан. Ваша награда неизмеримо выше той, которую я мог бы заслужить. Мне остается молиться, что я не слишком сильно вас разочарую. И я благодарю вас за то, что в это трудное время дух Ямато находится в руках таких надежных, как ваши.

Его публичным принятием назначения совещание закончилось — очень уж дорого, а семья Цуцуми всегда внимательно следила, чтобы избежать трат, если можно. Совещание по анзиблю закончилось. Ясухиро снова сел в кресло и закрыл глаза. Он весь дрожал.

— О Ясухиро-сан, — произнесла оператор анзибля. — О Ясухиро-сан!

«О Ясухиро-сан», — повторил про себя Ясухиро. Кто мог предположить, что визит Аимаины приведет к такому? Как легко все могло обернуться иначе. А теперь он будет одним из людей Хонсю. Какова бы ни была его роль, он будет среди высших лидеров Цуцуми. Не могло быть более счастливого исхода. Кто мог предположить!

Еще до того, как Ясухиро поднялся со своего кресла, представители Цуцуми уже вели переговоры со всеми японскими конгрессменами и многими из тех, кто не был японцем, но тем не менее следовал необходимистской линии.

И когда число политиков, принявших сторону Цуцуми, возросло, стало ясно, что поддержка флота была, в сущности, поверхностной. В конце концов оказалось, что остановить флот не такая уж дорогая штука.

Пеквенино, дежуривший у монитора, который собирал информацию со спутников, обращавшихся вокруг Лузитании, услышал, как раздался сигнал тревоги, и сперва не мог понять, что произошло. Он никогда не слышал, как работает сирена. Сперва он решил, что спутник обнаружил какой-нибудь природный катаклизм. Но предположение не подтвердилось. Сигнал тревоги поступил с телескопов внешнего слежения. Десятки вооруженных кораблей только что появились в поле зрения и продолжали приближаться на очень большой, но нерелятивистской скорости по траектории, которая позволит им запустить Маленького Доктора в течение часа.

Дежурный передал срочное сообщение своим коллегам, и очень скоро сообщение достигло мэра Милагра и стало распространяться повсюду, где еще остались поселения. Все, кто не покинет Лузитанию в течение часа, будут уничтожены. Это сообщение за несколько минут собрало сотни человеческих семей вокруг кораблей в тревож-

ном ожидании. Характерно, что на отлете в последнюю минуту настаивали только люди. Поставленные перед лицом неотвратимой смерти своих собственных отцов, материнских деревьев и братьев, пеквенинос не чувствовали никакой необходимости спасать собственные жизни. Кем они будут без своего леса? Лучше умереть среди любимых, чем вечными скитальцами в далеких лесах, которые не были и никогда не будут их лесами.

Что касается Королевы Улья, она уже отправила свою последнюю дочь-королеву и сама не имела особого желания улетать. Она была последней из королев улья, которые родились до того, как Эндер уничтожил их родную планету. И она думала, что и ее должна постичь та же смерть, только на три тысячи лет позднее. Кроме того, говорила она себе, как сможет она жить где-то далеко, если ее прекрасный друг — Человек укоренился на Лузитании и не покинет планету? У королев прежде не бывало таких мыслей, ни одна королева улья прежде не имела друзей. Никогда не бывало раньше, чтобы у королевы улья появился собеседник, который не был бы по существу ею самой. Для нее слишком печально будет жить без Человека. И раз уж ее жизнь перестала быть существенной

для выживания ее вида, она поступит величественно, храбро, трагически, романтически и максимально просто — останется. Ей нравилась мысль о благородстве в человеческом смысле, и это убедило ее, к ее собственному удивлению, что она все-таки изменилась от тесного контакта с людьми и пеквенинос. Они изменили ее, совершенно против ее собственных ожиданий. За всю историю ее народа не было такой Королевы Улья, как она.

«Я бы хотел, чтобы ты улетела, — сказал ей Человек. — Мне бы хотелось знать, что ты будешь жить.»

Но на этот раз она не ответила.

Джейн была непреклонна. Команда, работающая над дешифровкой языка, должна покинуть Лузитанию и вернуться к работе на орбите планеты Десколадеров, конечно, вместе с ней самой. Никто не оказался настолько глупым, чтобы сожалеть о выживании личности, которая совершила все межзвездные перелеты, или команды, которая могла, вероятно, спасти в будущем все человечество от Десколадеров. Но когда Джейн настаивала, чтобы Новинья, Грего, Ольядо и его семья тоже отправились в безопасное место, она руководствовалась отнюдь не нравственными

основаниями. Валентина тоже была проинформирована, что если она не придет со своим мужем, детьми, их судовой командой и друзьями на корабль Джакта, Джейн может оказаться вынужденной потратить ценные умственные ресурсы, чтобы перенести их против их воли, без космического корабля.

— Почему мы? — возражала Валентина. — Мы не просили об особом отношении.

— Меня не интересует, просили вы или нет, — отрезала Джейн. — Ты сестра Эндера. Новинья его вдова, а ее дети являются его приемными детьми; я не могу смотреть на то, как вас убивают, когда в моей власти спасти семью моего друга. Если тебе кажется нечестным пользоваться привилегиями, ты расскажешь мне об этом потом, а сейчас отправляйтесь на корабль Джакта, чтобы я могла выкинуть вас из этого мира. И ты спасешь больше жизней, если не будешь тратить еще одно мгновение моего внимания на бесполезные споры.

Стыдясь, что пользуются привилегиями, и благодарные за то, что они и их любимые покинут планету в течение ближайших часов, команда Десколадеров собралась в звездолете, играющем роль шаттла, который Джейн перенесла подальше от переполненного посадочного поля, а

остальные спешили к кораблю Джакта, который она тоже перенесла в изолированное место.

Но все-таки для многих из них появление флота было почти облегчением. Они так долго жили под его черной тенью, что его появление принесло освобождение, хоть и временное, от бесконечной тревоги. В течение часа или двух все решится.

В шаттле, который кружил по высокой орбите над планетой Десколадеров, Миро, застывший в неподвижной позе, обессиленно сидел перед своим терминалом.

— Не могу работать, — признался он наконец. — Не могу сосредоточиться на дешифровке, когда мои близкие и мой дом находятся на краю гибели.

Он знал, что Джейн, пристегнутая к кровати на корме корабля, сосредоточилась на том, чтобы бросать корабль за кораблем с Лузитании в новые колонии, еще слабо подготовленные, чтобы принять переселенцев. А он в это время только и делает, что рассуждает над молекулярными посланиями загадочных чужаков.

— Ну а я могу, — заявила Квара. — В конце концов, эти Десколадеры являются угрозой не только маленькой колонии, а всему человечеству.

— Ты такая умная, — натянуто похвалила

Эла. — Видишь дальнюю перспективу.

— Посмотрите, что мы получаем от Десколадеров, — настаивала Квара. — Посмотрим, сможете ли вы увидеть то же, что и я?

Эла вызвала дисплей Кварына свой терминал, Миро сделал то же самое. Какой бы противной ни была Квара, в своей работе она была на высоте.

— Видите? Что бы еще ни делала эта молекула, она точно повторяет структуру, предназначенную для связывания с теми же рецепторами мозга, что и молекула героина.

Трудно было не согласиться, что соответствие прекрасное. Но Эла не хотела верить.

— Они могли сделать это, — запротестовала она, — только если бы использовали историческую информацию, содержащуюся в формулах Десколады, которые мы отправили им, чтобы построить человеческое тело, изучить его и найти химическое вещество, которое могло бы иммобилизовать нас безумным удовольствием, пока они сделают с нами, что захотят. Но у них не было времени вырастить человека с тех пор, как мы отправили им эту информацию.

— Вероятно, они не строили целого человеческого тела, — сказал Миро. — Вероятно, они такие эксперты в чтении генетической инфор-

мации, что могут экстраполировать то, что в ней содержится, чтобы разобраться в человеческой анатомии и физиологии непосредственно по нашей генетической информации.

— Но они не имеют даже нашей последовательности ДНК, — возразила Эла.

— Возможно, выжали эту информацию прямо из нашей натуральной ДНК, — предположил Миро. — Очевидно, что как-то они все-таки получили эту информацию, и кроме того, очевидно, что они вычислили, что именно заставит нас сидеть неподвижно как камни с бессмысленными, счастливыми улыбками.

— А для меня еще более очевидно, — добавила Квара, — что они не сомневались, что мы прочтем эту молекулу биологически. Они думали, что мы непосредственно примем это средство. И в конечном счете они рассчитывают, что мы сейчас сидим здесь, ожидая, пока они придут перехватить нас.

Миро мгновенно переключил дисплей над своим терминалом.

— Черт, Квара, ты права. Смотри — они на трех кораблях идут к нам.

— Они никогда не подходили к нам раньше, — удивилась Эла.

— Ну, они и сейчас не станут приближаться к нам, — пообещал Миро. — Мы продемонстрируем им, что мы не купились на их троянского коня.

Он поднялся со своего места и поплыл по коридору туда, где спала Джейн.

— Джейн, — закричал он еще в коридоре. — Джейн!

Понадобилось некоторое время, но затем ее веки дрогнули и распахнулись.

— Джейн, — сказал Миро, — переброс нас миль на сто вверх или сбрось пониже.

Она вопросительно посмотрела на него, а потом, должно быть, решила поверить ему и ничего не спросила. Едва она снова закрыла глаза, как Огнетушитель крикнул из зала управления:

— Она сделала это! Она отбросила нас!

Миро продрейфовал назад к остальным.

— Теперь, я уверен, они ничего не смогут сделать, — сказал он вполне уверенно, потому что его дисплей теперь показывал, что чужие корабли больше не приближаются, а медлят с трех — нет, теперь с четырех сторон.

— Теперь мы центр прекрасного тетраэдра, — улыбнулся Миро.

— Зато теперь они знают, что их смертельно счастливое лекарство нам нипочем, — ввернула

Квара.

— Но мы не ближе к решению, чем раньше.

— Это потому, — сказал Миро, — что мы такие тупые.

— Самообличение нам сейчас не поможет, — вставила Квара, — даже если в твоем случае окажется, что это правда.

— Квара! — резко сказала Эла.

— Это была шутка, черт возьми! — воскликнула Квара. — Разве не может девочка поддразнить своего большого брата?

— О да, — согласился Миро сухо. — Ты действительно меня поддела.

— Что ты имел в виду, когда говорил, что мы тупые? — спросил Огнетушитель.

— Мы никогда не дешифруем их язык, — ответил Миро, — потому что это и не язык вовсе. Это последовательность биологических команд. Они не говорят. И не рассуждают. Они просто делают молекулы, которые, в свою очередь, что-то делают со всеми остальными. Ну, как если бы человеческий словарь состоял из кирпичей и сандвичей. Бросить кирпич или дать сандвич — наказать или поощрить. Если у них есть абстрактные мысли, мы не сможем их обнаружить, изучая эти молекулы.

— Ни за что не поверю, что существа, у которых нет абстрактного языка, могут производить звездолеты, — презрительно заявила Квара. — Между прочим, они передавали нам эти молекулы тем же способом, каким мы передаем изображения и звуки.

— А что, если у них имеются специализированные органы, которые прямо переводят молекулярные сообщения в химические и физические структуры? Тогда они могли бы…

— Ты потерял мою мысль, — настаивала Квара. — Нельзя построить основу общего знания, кидаясь кирпичами и делясь сандвичами. Им нужен язык ради сохранения информации, чтобы можно было делиться знаниями, передавать от личности к личности, поколению за поколением. Нельзя выйти в космос или создать передатчик, использующий электромагнитный спектр, только на основании того, что отдельная личность склонна делать с кирпичом.

— Она, вероятно, права, — согласилась Эла.

— Поэтому, вероятно, части молекулярных сообщений, которые они посылают, являются участками памяти, — сказал Миро. — Не язык, конечно, но стимулирует мозг «вспомнить» то, что отправитель уже испытывал, а получатель нет.

— Послушайте! — привлек всеобщее внимание Огнетушитель. — Правы вы или нет, мы все равно должны продолжать пытаться декодировать язык.

— Если я прав, то мы зря тратим время, — сказал Миро.

— Верно, — спокойно согласился Огнетушитель.

— О-о, — протянул Миро.

Позиция Огнетушителя была верна. Если Миро прав, их общая миссия все равно бессмысленна — они уже проиграли. Поэтому они должны продолжать действовать так, как если бы Миро ошибался и язык поддавался дешифровке, потому что если его нельзя расшифровать, им вообще нечего делать.

И все же…

— Мы кое-что забыли, — произнес Миро.

— Не я, — заявила Квара.

— Джейн. Она была создана потому, что королевы ульев построили мост между видами.

— Между людьми и королевами ульев, а не между неведомыми вирусоизрыгающими чужаками и людьми, — язвительно заметила Квара.

Но Эла заинтересовалась.

— Человеческий способ общения — речь — ока-

зался в свое время таким же чуждым для королев улья, как этот молекулярный язык для нас. Может быть, Джейн сможет найти какой-то способ связаться с ними филотически?

— Чтением мыслей на расстоянии? — спросила Квара. — Вспомни, моста-то у нас нет.

— Все зависит от того, — сказал Миро, — как использовать филотическую связь. Королева Улья все время говорит с Человеком, правильно? Потому что и отцы, и королевы ульев используют филотические связи для общения. Они говорят от разума к разуму, без вмешательства языка. И они не более биологически сходны, чем королевы ульев и люди.

Эла задумчиво кивнула:

— Пока не разрешится вопрос с флотом Конгресса, Джейн ничего не может сделать. Но как только она освободится и обратит на нас свое внимание, она сможет попытаться по крайней мере связаться с этим… народом напрямую.

— Если бы эти чужаки общались филотически, — сказала Квара, — им были бы не нужны всякие молекулы.

— Возможно, этими молекулами, — предположил Миро, — они общаются с животными?

Адмирал Лэнде не мог поверить в то, что ему

передали. Над его терминалом появились первый спикер Звездного Конгресса и советник адмиралтейства Звездного Флота, и их приказание было тем же.

— Только карантин, — повторил советник. — Вы не имеете права использовать Молекулярный Дезинтегратор.

— Карантин невозможен, — заявил Лэнде. — Мы идем слишком быстро. Вы знаете план сражения, который я предложил в начале путешествия. Нам потребуются недели, чтобы затормозиться. А что с людьми? Одно дело провести релятивистский полет и затем вернуться в родной мир. Да, друзей и семьи уже не будет, но по крайней мере они не завязнут на бесконечной службе внутри звездного корабля! Поддерживая нашу скорость на околорелятивистских рубежах, я пытаюсь сохранить им месяцы жизни, проведенные в ускорении и торможении. А вы говорите об многолетнем ожидании!

— Уверен, что вы не хотите предложить нам, — сказал первый спикер, — чтобы мы взорвали Лузитанию и уничтожили всех пеквенинос и тысячи людей только для того, чтобы ваша команда не впала в уныние.

— Я говорю о другом — не хотите взрывать пла-

нету? Ладно, но позвольте нам вернуться домой.

— Мы не может этого сделать, — ответил советник адмиралтейства. — Десколада слишком опасна, чтобы оставить без надзора восставшую планету.

— Вы хотите сказать, что отказываетесь от использования Маленького Доктора, несмотря на то что не сделано ровным счетом ничего, чтобы обуздать Десколаду?

— Мы пошлем наземную команду с предписанием убедиться в точных условиях, сложившихся на планете к настоящему времени, — объяснил советник.

— Другими словами, вы подвергнете людей смертельной опасности без малейшего понимания ситуации, хотя существует средство уничтожить опасность, не подвергая риску никого из неинфицированных людей?

— К такому решению пришел Конгресс, — заявил первый спикер холодно. — Мы не совершим ксеноцида, пока остается хоть какая-то законная альтернатива. Все приказы получены и поняты?

— Да, сэр, — ответил Лэнде.

— Вы будете подчиняться им? — спросил первый спикер.

Советник адмиралтейства потерял дар речи.

Нельзя оскорблять адмирала флота, интересуясь у него, будет ли он подчиняться приказам.

Но первый спикер не взял назад свое оскорбление:

— Ну?

— Сэр, я всегда жил и всегда буду жить в соответствии со своей присягой.

С этими словами Лэнде прервал связь. И сразу повернулся к Косо, своему офицеру по особым поручениям (ООП) и единственному человеку, который находился вместе с ним в изолированном переговорном отсеке.

— Вы арестованы, сэр, — сказал Лэнде.

Брови Косо поползли вверх.

— Так вы не намереваетесь выполнять приказ?

— Не говорите мне о своих личных чувствах по этому поводу, — попросил Лэнде. — Я знаю, что ваши предки были португальцами, как и люди с Лузитании…

— Они бразильцы, — поправил ООП.

Лэнде не обратил внимания на слова Косо.

— Я укажу в бортовом журнале, что вам не было предоставлено возможности высказаться и что вы совершенно не причастны к любым действиям, которые я могу предпринять.

— А как же ваша присяга, сэр? — тихо спросил Косо.

— Моя присяга состоит в том, чтобы совершать все предписанные мне действия на службе лучшим интересам человечества. Я буду ссылаться на закон о военных преступлениях.

— Они не приказывали вам совершать военных преступлений, сэр. Они приказали вам не делать этого.

— Напротив, — возразил Лэнде. — Отказаться от уничтожения этой планеты и подвергнуть смертельной угрозе всех остальных будет гораздо худшим преступлением против человечества, чем осуществление взрыва.

Лэнде вытащил саблю.

— Вы под арестом, сэр.

ООП обхватил руками голову и отвернулся.

— Сэр, вы, возможно, правы, а может быть, ошибаетесь. Но любое ваше решение может оказаться чудовищной, роковой ошибкой. Я не понимаю, как можно принять такое решение в одиночку.

Лэнде приклеил пластырь послушания на шею Косо и, когда лекарство начало действовать, сказал ему:

— У меня был помощник в принятии решения, мой друг. Я спросил себя, что сделал бы Эндер

Виггин, человек, который спас человечество от жукеров, если бы внезапно, в последнюю минуту, ему сказали, что это не игра, а реальность. Я спрашивал себя, что если бы за мгновение до того, как он убил мальчика Стилсона или мальчика Мадрида в его незнаменитых Первом и Втором убийствах, какой-то взрослый вмешался бы и приказал ему остановиться. Подчинился бы он, понимая, что у взрослого нет ни малейшей возможности защитить его впредь, когда его враг снова пойдет в атаку? Понимая, что другого случая может не представиться? А если бы взрослые в Боевой Школе сказали ему: «Мы думаем, существует вероятность того, что жукеры не намереваются уничтожать человечество, поэтому не убивай их», — ты думаешь, Эндер Виггин мог бы подчиниться? Нет. Он сделал бы — он всегда так делал — то, что было необходимо, чтобы уничтожить опасность и остаться в уверенности, что не осталось никого, кто мог бы в будущем представлять угрозу. Вот с кем я советовался. Вот чьей мудрости я следую сейчас.

Косо не отвечал. Он просто улыбался и кивал, улыбался и кивал.

— Садись и не поднимайся, пока я не прикажу тебе другого.

Косо сел.

Лэнде включил анзибль, чтобы включиться в систему связи по всему флоту.

— Был отдан приказ и мы будем действовать. Я немедленно запускаю Молекулярный Дезинтегратор, после чего мы будем возвращаться назад на релятивистской скорости. И да простит меня Господь!

Через мгновение Молекулярный Дезинтегратор отделился от адмиральского флагмана и на близкой к релятивистской скорости стал приближаться к Лузитании. До того момента, когда он автоматически включится, пройдет час. Если же по каким-то причинам датчик расстояния не сработает должным образом, таймер взорвет его непосредственно перед расчетным временем столкновения.

Лэнде приказал флагманскому кораблю ускориться и перейти барьер, который отрезал его от нормального течения времени остальной вселенной. А потом отцепил пластырь послушания от шеи Косо и заменил его пластырем с противоядием.

— Вы можете арестовать меня сейчас, сэр, из-за мятежа, которому вы были свидетелем.

Косо показал головой.

— Нет, сэр, — сказал он. — Вы никуда не уйдете, и флот будет находиться под вашим командованием, пока мы не прибудем домой. Или пока вы не придумаете какой-нибудь дурацкий план, чтобы попытаться избежать военного трибунала, который вас ждет.

— Не волнуйтесь, сэр, — ответил Лэнде. — Я готов к любому наказанию, которому меня подвергнут. Я всего лишь спас человечество от уничтожения, но я готов присоединиться к людям и пеквенинос Лузитании, если эта жертва необходима для достижения цели.

Косо отсалютовал ему, а потом снова сел в кресло и заплакал.

15
«Мы даем вам второй шанс»

«Когда я была маленькой девочкой, я верила, что, если смогу угодить богам, они вернутся и начнут мою жизнь сначала, и на этот раз не заберут у меня мою маму».

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

Когда флот исчез с монитора, лузитанский спутник обнаружил, что Молекулярный Дезинтегратор запущен. Самое страшное произошло. Не было предпринято никакой попытки связаться с планетой или вступить в переговоры. Стало ясно, что флот никогда и не имел других намерений, кроме уничтожения планеты, а вместе с ней целого разумного вида. Многие надеялись, а некоторые даже не сомневались, что им предоставят шанс рассказать о том, что Десколада уже практически побеждена и ни для кого больше не представляет угрозы, что в любом случае слишком поздно пытаться остановить ее распространение, уничтожая планету, потому что на других планетах уже основаны несколько

десятков новых колоний людей, пеквенинос и королев ульев. Но вместо переговоров к ним неслась смерть, оставляя не более часа, а возможно, даже меньше часа жизни, которая закончится в тот момент, когда Маленький Доктор будет взорван на некотором расстоянии от поверхности планеты.

Теперь приборами слежения управляли пеквенинос, поскольку почти все люди сбежались к кораблям. Поэтому именно пеквенино прокричал по анзиблю новость, и на шаттле, вращающемся вокруг планеты Десколадеров, по чистой случайности именно Огнетушитель оказался за терминалом анзибля и услышал его сообщение. Он начал выть, и его высокий голос наполнил главный отсек корабля музыкой горя. Как только Миро и его сестры поняли, что произошло, они сразу пошли к Джейн.

— Они запустили Маленького Доктора, — повторял Миро, аккуратно встряхивая ее.

Ждать пришлось недолго. Глаза Джейн открылись.

— Я думала, мы победили их, — прошептала она. — Питер и Ванму, я имею в виду. Конгресс проголосовал за установление карантина и совершенно недвусмысленно отобрал у флота право

запускать Молекулярный Дезинтегратор. А они все-таки запустили.

— У тебя такой усталый вид, — прошептал Миро.

— Они отберут у меня все, — объяснила Джейн. — Забрали и забирают снова. Теперь я потеряю материнские деревья. А они — часть меня, Миро! Вспомни, как ты чувствовал себя, когда потерял контроль над своим телом, когда стал бесполезным и неповоротливым? Так будет и со мной, когда исчезнут материнские деревья.

Она зарыдала.

— Прекрати, — потребовал Миро. — Прекрати немедленно. Возьми себя в руки, Джейн, у тебя нет времени рыдать.

Она освободилась от ремней, которые удерживали ее.

— Ты прав, — всхлипнула она. — Просто мне трудно обуздать их… Я имею в виду тело.

— Маленькому Доктору еще нужно подойти к планете на достаточное расстояние, чтобы он произвел ощутимый эффект — поле рассеивается невероятно быстро, если его не удерживает какая-нибудь масса. Поэтому у нас еще есть время, Джейн. Вероятно, час. Но определенно больше получаса.

— И за это время ты придумаешь, что делать?

— Выкинь эту штуку, — предложил Миро. — Вытолкни ее во Вне-мир и не приноси обратно!

— А если она взорвет Вне-мир? — возразила Джейн. — А если такой деструктивный объект отзовется эхом и здесь? Кроме того, я не могу удерживать в памяти то, что я не исследовала. Он ни с чем не соприкасается, анзибля возле него нет, вообще ничего нет, как же я найду его в мертвом космосе?

— Не знаю, — проговорил Миро. — Эндер мог знать. Черт побери, что он умер!

— Технически говоря, умер, — согласилась Джейн. — А Питер не может найти дороги к воспоминаниям Эндера. Если они вообще в нем.

— А что вспоминать? — спросил Миро. — Раньше такого не случалось.

— В Питере айю Эндера, так? Но сколько от его блеска составляла айю и сколько его тело и его мозг? Вспомни, что и генетический компонент был сильным — он был рожден только потому, что тесты Питера и Валентины показывали качества, очень близкие и к тем, что требуются для идеального полководца.

— Правильно, — кивнул Миро. — А теперь он Питер.

— Не настоящий Питер, — добавила Джейн.

— Все-таки в нем что-то от Эндера и что-то от Питера. Ты можешь найти его? Ты можешь поговорить с ним?

— Когда наши айю встретятся, мы не сможем говорить. Мы… как бы это сказать? Танцуем друг с другом. Не так, как Человек и Королева Улья.

— Разве он больше не носит сережку? — спросил Миро, касаясь своей.

— А что он может сделать? Ему до корабля добираться несколько часов.

— Джейн, — попросил Миро, — попытайся.

Внезапно Питер замер в напряжении. Ванму коснулась его руки и наклонилась поближе.

— Что случилось?

— Я решил, что у нас все получилось, — произнес он огорченно, — когда Конгресс проголосовал за отзыв приказа об использовании Маленького Доктора.

— О чем ты говоришь? — испуганно спросила Ванму, хотя уже обо всем догадалась.

— Они запустили его! Лузитанский флот не подчинился Конгрессу. Кто мог предположить? Осталось меньше часа до его детонации.

Глаза Ванму заволокло слезами, но она помигала, пытаясь не расплакаться.

— По крайней мере пеквенинос и королевы ульев выживут.

— Но не сеть материнских деревьев, — возразил Питер. — Сверхсветовые полеты прекратятся, пока Джейн не найдет другого способа сохранения информации. Братья слишком тупые, а у отцов слишком сильное эго, чтобы поделиться с ней своим пространством — им есть чем поделиться, если бы они смогли это сделать, только они не могут. Ты думаешь, Джейн не изучила всех возможностей? Сверхсветовые полеты прекратятся.

— Тогда Самоа будет нашим домом, — сказала Ванму.

— Нет, не будет, — воскликнул Питер, вставая.

— Питер, нам до звездолета добираться несколько часов. Мы никак не успеем попасть туда до того, как он взорвется.

— Какой звездолет? Электрифицированная коробка с герметичной дверью? Если исходить из того, что нам известно, нам вообще не нужна коробка. Я не останусь здесь, Ванму!

— Ты собираешься обратно на Лузитанию? Сейчас?

— Если Джейн сможет перенести меня, — кивнул он. — И если она не сможет, тогда, клянусь, это тело вернется туда, откуда явилось, — во

Вне-мир.

— Я пойду с тобой, — твердо сказала Ванму.

— Я уже прожил три тысячи лет. — Питер внимательно посмотрел на нее. — В действительности я почти не помню их… но ты достойна лучшего, чем просто исчезнуть из вселенной, если у Джейн ничего не выйдет.

— Я пойду с тобой, — упрямо повторила Ванму. — Поэтому — заткнись. Нет времени.

— Я даже не знаю, что буду делать, когда доберусь туда, — возразил Питер.

— Что-нибудь сделаешь, — сказала Ванму.

— О? И что я планирую?

— Не имею понятия.

— Вот так проблема! Хорошая идейка, только никто о ней ничего не знает, — фыркнул Питер.

— Я хотела сказать, что ты тот, кто ты есть. У тебя та же воля. Ты тот самый несгибаемый, находчивый мальчик, который никогда не позволял победить себя, какой бы сложной ни оказалась задача, поставленная перед ним в Боевой или в Командной Школе. Ты тот мальчик, который не позволил задирам сломить себя, и не важно, что понадобилось для того, чтобы остановить их. Голый и без оружия, кроме мыльного тела, так Эндер сражался с Бонзо Мадридом в ванной

комнате Боевой Школы.

— Ты хорошо все изучила.

— Питер, — сказала Ванму, — я не жду, что ты будешь Эндером, его личностью, его памятью, его опытом. Но ты тот, кого нельзя победить. Ты тот, кто находит способ победить врага.

Питер покачал головой.

— Я не он, я действительно не он.

— Ты мне напомнил, что, когда мы впервые встретились, ты говорил, что ты — не ты. Но теперь все иначе. Ты целый, единый человек в своем собственном теле. Теперь все на месте. Ничего не украдено, ничего не потеряно. Ты понимаешь? Эндер прожил свою жизнь под тенью совершения ксеноцида. А у тебя появился шанс прожить другую жизнь и совершить противоположное. Быть тем, кто предотвратит ксеноцид.

Питер на мгновение закрыл глаза.

— Джейн, — позвал он, — можешь забрать нас отсюда без корабля?

Он выслушал ответ.

— Она говорит, что вопрос в том, сможем ли мы поддержать самих себя в целости. Раньше она контролировала корабль плюс наши айю, а свои тела мы поддерживали сами.

— Ну, мы и так все время поддерживаем их,

поэтому все нормально.

— Не нормально, — отрезал Питер. — Джейн говорит, что внутри корабля у нас есть визуальные ключи и ощущение безопасности. Без этих стен, без света, в глубокой пустоте, мы можем потерять себя. Забыть, где мы находимся относительно нашего собственного тела. Мы действительно должны поддерживать его.

— А сильная воля, упрямство, честолюбие, эгоизм и то, что мы всегда преодолеваем все, что встает на нашем пути, нам не помогут? — спросила Ванму.

— Думаю, это уместные добродетели, — ответил Питер.

— Тогда давай сделаем это. Не будем медлить.

Айю Питера Джейн нашла легко. Она уже была внутри его тела, она следовала за его айю (или преследовала ее), пока не стала находить ее без проблем. Но Ванму — другое дело. Джейн знала ее хуже. Раньше она переносила ее внутри корабля, местоположение которого знала. Но когда она определила место айю Питера (или Эндера), все оказалось проще, чем она думала. Оказалось, что Питер и Ванму связаны филотически. Их связывала сеть, хотя и слабая. Чтобы удерживать их в памяти, сразу двоих, как единое целое, не нужна

была обшивка корабля.

И когда она швырнула их во Вне-мир, то почувствовала, как они все сильнее переплетаются друг с другом глубокими невидимыми связями. Во Вне-мир они попали вместе и вместе вернулись назад. Джейн внезапно почувствовала острый укол зависти, какую она чувствовала к Новинье, хотя тогда еще не было физических ощущений горя и ярости, которые теперь ее тело трансформировало в эмоции. Но она понимала, что завидовать глупо. Она любит Миро, как женщина может любить мужчину. А Эндер был ей отцом и другом, а теперь он вообще почти не Эндер. Он — Питер, человек, который помнил только несколько месяцев сотрудничества с нею. Они друзья, но никаких претензий на его сердце у нее нет.

Когда Джейн опустила Питера и Ванму на поверхность Лузитании, айю Эндера Виггина и айю Ши Ванму оказались связанными гораздо сильнее, чем раньше.

Они очутились в центре космопорта. Последние несколько сотен человек, пытающиеся бежать от смерти, обезумев от горя, пытались понять, почему корабль перестал совершать рейсы сразу после запуска Молекулярного Дезинтегратора.

— Все корабли полные, — констатировал Питер.

— Но нам не нужен корабль, — напомнила Ванму.

— Нужен, — возразил Питер. — Джейн не может перенести Маленького Доктора без корабля.

— Перенести? — переспросила Вамну. — Значит, у тебя все-таки есть план.

— Разве не ты мне об этом сказала? — улыбнулся Питер. — Не могу же я позволить тебе соврать.

Он обратился к Джейн через сережку:

— Ты здесь? Можешь говорить через местный спутник? Хорошо… Хорошо… Джейн, мне нужен пустой корабль.

Он помолчал.

— Отнеси людей в колонию, подожди, пока они выйдут, и верни корабль нам, только подальше от толпы.

В тот же момент один из кораблей исчез. По толпе прокатился вздох облегчения. И оставшиеся поспешили заполнить следующий корабль.

Питер и Вамну томились в ожидании, понимая, что с каждой минутой, которая уходит на разгрузку корабля, Маленький Доктор все ближе подходит к детонации.

Наконец ожидание закончилось. Корабль-ко-

робка появился рядом с ними. Питер открыл дверь, и они оба вскочили внутрь. Когда собравшиеся на посадочном поле увидели, что происходит, раздался новый вопль отчаяния, но Питер закрыл и задраил дверь.

— Мы внутри, — сказала Вамну. — Но куда мы направляемся?

— Джейн подстраивается под скорость Маленького Доктора.

— Я думала, она не может выкинуть его без корабля.

— Она получает данные о его движении со спутника. Она точно рассчитает, где он окажется в определенный момент, а затем бросит нас во Вне-мир и втянет обратно, как раз в той же точке и на той же скорости.

— Маленький Доктор будет внутри корабля? С нами? — ужаснулась Ванму.

— Отодвинься к стене, — приказал Питер. — И держись за меня. Мы потерям вес. Надо ж тебе наконец получить этот опыт, раз уж тебе удалось посетить четыре планеты и ни разу не побывать в невесомости.

— А у тебя был такой опыт раньше?

Питер засмеялся, а затем покачал головой:

— Не в этом теле. Но я полагаю, что на опре-

деленном уровне я помню, как вести себя, поскольку…

В этот момент они потеряли вес, и в воздухе перед ними, не касаясь обшивки корабля, появилась громадная ракета, которая несла Маленького Доктора. Если его не удастся разрядить, они будут испепелены. Несмотря на то что они неслись вперед на огромной скорости, казалось, что ракета парит в воздухе. Корабль точно подстроился под ее полет.

Питер зацепился ногами за сиденье, прикрепленное к стене, вытянул руки и коснулся ракеты.

— Нам нужно привести ее в контакт с полом, — объяснил он.

Ванму тоже попыталась дотянуться до нее, но случайно оторвалась от стены и начала дрейфовать. Ее сразу сильно затошнило, потому что ее тело безнадежно пыталось определить, какое направление может служить низом.

— Думай, что ракета внизу, — быстро сказал Питер. — Ракета внизу. Ты падаешь на ракету.

Ванму почувствовала, что снова нашла ориентацию. Совет помог. Она подплыла ближе к Питеру и смогла закрепиться. Ей оставалось только наблюдать, но она была довольна уже тем, что ее не вырвало. Питер медленно и осторожно

толкнул ракету к полу. Когда она соприкоснулась с обшивкой, корабль содрогнулся — видимо, масса ракеты была больше массы корабля, который теперь окружал ее.

— Ну как? — спросил Питер?

— Я в порядке, — ответила Ванму и тут же поняла, что он обращался к Джейн и что его «Ну как?» было частью разговора.

— Джейн изучает нашу малышку, — рассказывал Питер. — Так она поступает и с кораблем, прежде чем куда-то его перенести. Здесь требуется скрупулезный анализ, на компьютере… Теперь ее айю совершает что-то вроде ознакомительной прогулки по внутренней структуре этой штуки. Она не могла проделать это, пока ракета не была в твердом контакте с чем-нибудь, что ей известно, — например с кораблем. Или с нами. Когда она разберется с внутренней структурой этой штуки, она сможет удержать ее во Вне-мире.

— Мы заберем ее туда и там бросим? — спросила Ванму.

— Нет, — ответил Питер. — Там она все равно может остаться целой и взорваться или, наоборот, развалиться, во всяком случае, никто не знает, какой ущерб она может там нанести. И как много ее маленьких копий может появиться.

— Да ни одной, — сказала Ванму. — Требуется интеллект, чтобы сделать что-то новое.

— А из чего, ты думаешь, сделана эта штука? Она из того же, что и каждая часть твоего тела, любая гора, или дерево, или даже облако — это все айю, а во Вне-мире найдутся незанятые айю, которые мечтают принадлежать, имитировать, расти. Нет, эта штука дьявольская, и там мы ее бросать не будем.

— А куда мы ее денем?

— Назад! Пусть встретится с теми, кто ее отправил, — предложил Питер.

Адмирал Лэнде угрюмо стоял на мостике своего флагмана. Он знал, что Косо должен был уже распространить информацию — запуск Маленького Доктора был незаконным, мятежным, и Старик предстанет перед военным трибуналом, если не хуже, как только они вернутся в цивилизованный мир. Никто не говорил с адмиралом, никто не решался взглянуть на него. И Лэнде понимал, что ему придется сложить с себя командование и передать корабль Косо, своему ООП, а весь флот — своему помощнику, адмиралу Фукуде. Со стороны Косо было красивым, хотя и бессмысленным жестом не арестовать его сразу. Зная правду о его отказе выполнить приказ, ни офицеры, ни коман-

да не могли больше подчиняться ему, и нечестно было бы требовать от них повиновения.

Лэнде повернулся, чтобы отдать приказ, и обнаружил, что его ООП уже направляется к нему.

— Сэр, — обратился Косо.

— Понимаю, — отозвался Лэнде. — Я слагаю с себя командование.

— Нет, сэр, — покачал головой Косо. — Пойдемте со мной, сэр.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовался Лэнде.

— Дежурный по грузовому отсеку сообщил, что в главном трюме корабля происходит что-то странное.

— Что? — спросил Лэнде.

Косо молча посмотрел на адмирала. Лэнде кивнул, и они вместе спустились с мостика.

Джейн поместила корабль не в оружейный отсек флагмана, поскольку там мог поместиться только Маленький Доктор, а в главный трюм, который был гораздо вместительнее и где, кроме того, не было устройства для повторного запуска.

Питер и Ванму вышли из корабля в трюм.

Джейн забрала корабль, оставив Питера, Ванму и Маленького Доктора.

Корабль снова очутится на Лузитании. Но

никто не войдет в него, больше в этом нет необходимости. Молекулярный Дезинтегратор больше не нацелен на Лузитанию. Теперь он в трюме флагмана лузитанского флота, несущегося на релятивистской скорости к забвению. Сенсорный датчик Маленького Доктора, конечно, не сработает, пока он далеко от объекта с планетарной массой. Но время до принудительного взрыва продолжало таять.

— Надеюсь, они быстро нас обнаружат, — сказала Ванму.

— Не волнуйся. У нас еще целая минута.

— Нас что, уже увидели?

— Здесь был человек, — объяснил Питер, указывая на открытую дверь. — Он видел корабль, потом нас, а потом увидел Маленького Доктора. Теперь этот парень исчез. Не думаю, что мы долго будем оставаться в одиночестве.

В стене напротив поднялась дверь; трюм открылся. Три человека шагнули на балкон, который позволял осмотреть помещение с трех сторон.

— Привет, — поздоровался Питер.

— Кто вы, черт возьми? — спросил один из вошедших, в мундире, украшенном самой богатой перевязью и высшими знаками отличия.

— Могу поспорить, что вы адмирал Бобби Лэнде, — угадал Питер. — А вы, должно быть, офицер по особым поручениям Косо. И дежурный офицер Ланг.

— Я спросил, кто вы, черт возьми! — грозно повторил адмирал Лэнде.

— Не думаю, что ваши приоритеты правильные, — отозвался Питер. — Полагаю, у нас будет вагон времени, чтобы обсудить, что я собой представляю, после того как вы дезактивируете таймер этого оружия, которое вы так безрассудно выбросили в космос рискованно близко к населенной планете.

— Если вы думаете, что можете…

Но адмирал Лэнде не закончил предложение, потому что ООП нырнул под ограждение, прыгнул вниз, на палубу грузового трюма, и немедленно начал откручивать болты, которые удерживали обшивку таймера.

— Косо, — проговорил Лэнде, — это не может быть…

— Маленький Доктор, сэр, все правильно, — подтвердил Косо.

— Мы запустили его! — вскричал адмирал.

— Должно быть, произошла ошибка, — пожал плечами Питер. — Промах. Ведь Звездный Кон-

гресс лишил вас права запускать его.

— Кто вы и как попали сюда?

Косо поднялся, его лицо было мокрым от пота.

— Сэр, я рад доложить вам, что более чем на две минуты счисляемого пути я предотвратил распыление нашего корабля на составляющие атомы.

— Я рад видеть, что здесь нет никаких бессмысленных правил о затребовании двух отдельных паролей и секретной комбинации, чтобы отключить эту штуку, — сказал Питер.

— Нет, ее сделали так, чтобы отключение было очень простым, — объяснил Косо. — Существуют инструкции по поводу того, как ее отключить во всевозможных случаях. А вот включить ее — это сложно.

— Но все-таки вам как-то удалось сделать это, — посетовал Питер.

— Где ваше судно? — требовал ответа адмирал. Он спускался по трапу на палубу. — Как вы сюда попали?

— Мы прибыли в симпатичной коробке, которую просто выкинули, когда она оказалась больше не нужна, — честно ответил Питер. — Разве вы еще не поняли, что мы прибыли не для того, чтобы подвергаться допросу?

— Арестуйте этих двоих, — приказал Лэнде.

Косо посмотрел на адмирала как на лишенного рассудка. Но дежурный офицер, который последовал за адмиралом вниз по трапу, не замедлил исполнить приказ и сделал пару шагов к Питеру и Ванму.

Внезапно они исчезли и снова возникли на балконе, откуда спустились трое офицеров. Конечно, прошло несколько мгновений, пока их заметили. Дежурный офицер недоумевал.

— Сэр, — сказал он, — они секунду назад были тут!

Но Косо уже понял, что происходит что-то не вполне обычное, чему нет объяснения в военном уставе. Поэтому он осенил себя крестным знамением и начал шептать молитву.

Лэнде стал пятиться, пока не уперся в Маленького Доктора. Он неосознанно вцепился в него, но внезапно с отвращением отдернул руки, скорее даже с болью, как будто поверхность внезапно обожгла его ладони.

— О Боже, — проговорил он, — я пытался сделать то, что сделал бы Эндер Виггин.

Ванму не смогла сдержаться и громко рассмеялась.

— Вот те раз! — улыбнулся Питер. — Я пытался сделать абсолютно то же самое.

— О Боже, — повторил Лэнде.

— Адмирал Лэнде, — обратился Питер, — у меня есть предложение. Вместо того чтобы бессмысленно потратить пару месяцев реального времени, пытаясь повернуть обратно и снова незаконно запустить эту штуковину, и вместо того чтобы пытаться установить бесполезный, деморализующий карантин вокруг Лузитании, почему бы вам не направиться к одному из Ста Миров — ближе всего Трондхейм, — а тем временем передать заявление Звездному Конгрессу. У меня даже есть несколько идей насчет того, что именно сказать в этом заявлении, конечно, если вы захотите послушать.

Вместо ответа Лэнде выхватил лазерный пистолет и направил его на Питера. В тот же момент Питер и Ванму снова исчезли и очутились за спиной Лэндса. Питер быстро разоружил адмирала, при этом, к несчастью, сломав ему два пальца.

— Извините, я давно не практиковался, — вздохнул Питер. — Не упражнялся в своих артистически убийственных способностях… о, тысячи лет.

Лэнде обессиленно опустился на колени, держась за поврежденную руку.

— Питер, — попросила Ванму, — Джейн не

может перестать бросать нас? Я совершенно потеряла ориентацию.

Питер подмигнул ей.

— Хотите послушать мои идеи относительно вашего заявления? — спросил Питер адмирала.

Лэнде кивнул.

— Я тоже, — присоединился Косо, который понимал, что ему, возможно, некоторое время придется командовать этим кораблем.

— Я думаю, вам следует сообщить по анзиблю, что сообщение о запуске Маленького Доктора поступило ввиду неисправности. В действительности запуск был вовремя предотвращен и дальнейшие несчастья тоже, что вы уже перевели Молекулярный Дезинтегратор в главный трюм, где он был разряжен и обезврежен. Вы примете участие в его обезвреживании? — обратился Питер к Косо.

Косо кивнул:

— Сделаю это немедленно, сэр.

Он повернулся к дежурному по грузовому отсеку:

— Дайте мне инструменты!

Пока дежурный офицер доставал инструменты из рундука, Питер продолжал:

— Кроме того, вы можете сообщить, что вошли

в контакт с жителями Лузитании — это мы, — которые смогли убедительно доказать вам, что вирус Десколады уже полностью под контролем и больше ни для кого не представляет угрозы.

— Как я могу быть уверен? — спросил Лэнде.

— Потому что во мне то, что осталось от вируса, и если бы он не был практически уничтожен, вы могли бы подхватить Десколаду и умереть за пару дней. Пойдем дальше. Кроме удостоверения, что Лузитания больше не представляет угрозы, ваш рапорт должен утверждать, что восстание на Лузитании было не более чем непониманием и что не существовало никакого человеческого вмешательства в культуру пеквенинос, просто они на своей собственной планете использовали свои естественные права разумного вида, чтобы получить информацию и технологию от дружественных чужестранцев — вышеуказанной человеческой колонии Милагра. К настоящему времени многие пеквенинос получили большой опыт в разнообразных человеческих науках и технологиях и через некоторое время намереваются послать представителей в Звездный Конгресс, надеясь на ответный дружественный жест со стороны Конгресса. Вы согласны с этим?

Лэнде кивнул. Косо, отвинчивающий механизм

зажигания Маленького Доктора, тоже хрюкнул в знак согласия.

— Вы можете также сообщить, что пеквенинос вошли в альянс с еще одной разумной расой, которая, вопреки различным преждевременным сообщениям, не была полностью уничтожена в печально известном ксеноциде Эндера Виггина. Один кокон с королевой улья выжил, и она стала источником всей информации, содержащейся в известной книге «Королева Улья», точность утверждений которой сейчас доказана неопровержимо. Королева Улья Лузитании, однако, в настоящее время не имеет желания обмениваться представительствами со Звездным Конгрессом и предпочитает, чтобы ее интересы представляли пеквенинос.

— Жукеры выжили? — поразился Лэнде.

— Эндер Виггин не совершил, технически говоря, ксеноцида. Поэтому, если бы запущенная вами ракета не была возвращена, вы бы стали причиной первого ксеноцида, а не второго. Но, учитывая реальное положение дел, все равно никакого ксеноцида не состоялось бы, хотя оба раза — вовсе не из-за недостатка усилий, смею вас уверить.

Глаза Лэндса заволокло слезами.

— Я не хотел этого. Просто я думал, что так правильно. Я думал, что должен спасти…

— Позвольте предложить вам обсудить этот вопрос попозже с корабельным доктором, — перебил Питер. — У нас остается еще один пункт обращения. Мы обладаем технологией сверхсветовых полетов, которые Сто Миров будут рады получить. Вы уже видели их в действии. Хотя обычно мы предпочитаем совершать перелет внутри совсем не шикарных и похожих на коробки кораблей. Все же это очень хороший метод, который позволяет посещать миры, не затрачивая даже секунды своей жизни. Мне известно, что те, кто держит ключи к нашему методу, были бы рады за несколько следующих месяцев перенести все релятивистские звездолеты, находящиеся в полете, к месту их назначения.

— Но не бесплатно, — подсказал Косо, кивая.

— Ну, скажем так, существует одно предварительное условие, — улыбнулся Питер. — Среди ключевых элементов наших мгновенных перелетов — компьютерная программа, которую Звездный Конгресс недавно пытался уничтожить. Мы нашли другой подходящий метод, но он не полностью годится и не может считаться вполне удовлетворительным. Полагаю, я могу

уверенно сказать, что Звездный Конгресс никогда не сможет использовать мгновенные звездные перелеты, пока все анзибли Ста Миров не будут снова подключены ко всем компьютерным сетям в каждом мире без всяких временных задержек и без тех докучливых, маленьких шпионских программок, которые, как собачонки, продолжают лаять, но не кусают.

— У меня нет никакой власти, чтобы…

— Адмирал Лэнде, я не прошу вас решать. Я просто предлагаю содержание сообщения, которое вы можете захотеть отправить через анзибль Звездному Конгрессу. Немедленно.

Лэнде отвернулся.

— Я плохо себя чувствую, — сказал он. — Мне кажется, я вышел из строя… Офицер по особым поручениям Косо! Перед дежурным офицером Лангом я с настоящего момента передаю командование этим кораблем вам и приказываю вам уведомить адмирала Фукуду, что теперь он является командующим флотом.

— Не годится, — заявил Питер. — Сообщение, которое я обрисовал, должно исходить от вас. Фукуды здесь нет, а я не намереваюсь повторять все это снова. Поэтому вы сами сделаете заявление, останетесь командовать флотом и кораблем и не

будете уклоняться от ответственности. Недавно вам пришлось сделать трудный выбор. Вы выбрали неверно, но по крайней мере вы выбирали мужественно и решительно. Проявите такое же мужество сейчас, адмирал. Мы не мстили вам и не нанесли никакого ущерба, если не считать моей неоправданной грубости с вашими пальцами, за что я очень прошу извинить меня. Мы даем вам второй шанс. Используйте его, адмирал.

Лэнде посмотрел на Питера глазами, полными слез.

— Но почему вы даете мне второй шанс?

— Потому что и Эндер всегда хотел получить его, — ответил Питер. — Возможно, давая второй шанс вам, он тоже получает его, — добавил Питер нелепую, на первый взгляд, фразу.

Ванму крепко взяла Питера за руку.

Через мгновение они исчезли из грузового трюма флагмана и объявились внутри главного отсека шаттла, вращающегося по орбите планеты Десколадеров.

Ванму осмотрелась. Комната была полна незнакомцами и совершенно не походила на корабль адмирала Лэндса. Это судно не было снабжено искусственной гравитацией, но Ванму, поддерживаемой Питером, удавалось преодолеть

головокружение и тошноту. Она не имела ни малейшего представления, кто были те, кто здесь находился, но догадалась, что один из них — пеквенино, а странное существо возле одного из компьютерных терминалов относится к когда-то ненавистным и внушающим страх жукерам.

— Привет, Эла, Квара, Миро, — поздоровался Питер. — Это Ванму.

Ванму была удивлена, но остальные были удивлены не меньше.

Миро первым оказался в состоянии говорить.

— Вы забыли свой корабль? — спросил он.

Ванму рассмеялась.

— Привет, Владычица Запада, — сказал Миро, используя имя духовных предков Ванму, которым поклонялись на планете Путь. И добавил: — Я слышал о тебе от Джейн.

В отсек вплыла женщина.

— Вэл? — неуверенно спросил Питер.

— Нет, — ответила женщина. — Я Джейн.

— Джейн, — прошептала Ванму. — Богиня Малу!

— Друг Малу, — поправила Джейн. — И ваш, Ванму.

Она добралась до Питера и, обняв его обеими руками, заглянула в глаза.

— И твой друг, Питер. Как и прежде.

16
«Откуда вы знаете, что они не дрожат от ужаса?»

«О Боги! Вы несправедливы! Мои мама и папа заслуживали лучшего ребенка, нем я!»

Хань Цинь-чжао, «Шепот Богов»

— Вы смогли добраться до Маленького Доктора и вернули его обратно? — недоверчиво и скептически повторила Квара.

Все, включая Миро, решили, будто Квара не верит, что флот не использует его снова.

— Он был демонтирован на моих глазах, — ответил Питер.

— А можно его снова собрать? — спросила она.

Ванму попыталась объяснить:

— Адмирал Лэнде не сможет снова пойти по той же дорожке. Мы бы не оставили вопрос неразрешенным. Лузитания в безопасности.

— Она говорит не о Лузитании, — догадалась Эла. — Она говорит о другом. О планете Дескалады.

— А что, я единственная, кто об этом поду-

мал? — возмутилась Квара. — Скажем правду — так можно избавиться от постоянного беспокойства из-за новых зондов и новых вспышек еще худших версий Десколады…

— Ты рассуждаешь о разрушении мира, населенного разумной расой? — поразилась Ванму.

— Не сию минуту, — объяснила Квара таким тоном, будто ей приходилось тратить свое время на недоумка, — а в том случае, если мы установим, что они, как говорит Валентина, варелез, с которыми нельзя договориться. С которыми невозможно сосуществовать.

— Тогда то, что ты говоришь, — сказала Ванму, — это…

— Я сказала то, что сказала, — отрезала Квара.

Но Ванму продолжала:

— По твоим словам получается, что ошибка адмирала Лэндса не принципиальная, он просто промахнулся относительно некоторых фактов в отдельном деле. Если бы Десколада на Лузитании продолжала оставаться угрозой, тогда он просто обязан был бы взорвать планету.

— Что означают жизни людей одной планеты в сравнении с сохранением всей разумной жизни? — надменно заявила Квара.

— Разве перед нами, — поинтересовался Миро,

развлекаясь, — не та же самая Квара Рибейра, которая пыталась удержать нас от полного уничтожения вируса Десколады, потому что он может быть разумным?

— Я много думала об этом с тех пор, — ответила Квара. — Тогда я была инфантильной и сентиментальной. Жизнь — ценна. Разумная жизнь — еще более ценна. Но когда один разумный вид угрожает выживанию другого, тогда у другого разумного вида есть право защищать себя. Разве не так раз за разом поступал Эндер?

Квара обвела всех победным взглядом.

Питер кивнул.

— Да, — сказал он, — Эндер поступал именно так.

— В игре, — добавила Ванму.

— В сражении с двумя другими мальчиками, которые угрожали его жизни. Он хотел быть уверенным, что они никогда больше не смогут угрожать ему. Так выигрываются войны — я говорю это на тот случай, если у кого-нибудь из вас возникли глупые возражения. Воюют не с минимальной силой, а с максимально возможной по приемлемой цене. Вы не просто протыкаете вашего врага, не просто пускаете ему кровь, вы лишаете его способности провести контратаку.

Такую же стратегию используют для борьбы с болезнями. Никто не ставит целью найти лекарство, которое убивает девяносто девять процентов бактерий и вирусов. В этом случае вы достигнете только того, что возникнет новый, устойчивый к лекарству штамм. Вы должны убить все сто процентов.

Ванму пыталась придумать аргумент против этого.

— Разве инфекция — подходящая аналогия?

— А какую ты можешь предложить? — поинтересовался Питер. — Вольную борьбу? Состязание, в котором нужно преодолеть сопротивление противника? Это хорошо, если твой соперник играет по тем же правилам, что и ты. Но если он, готовясь к битве, вооружился ножом или пистолетом, что тогда? Разве это теннисный матч? Старайся зарабатывать очки, пока противник не бросит бомбу тебе под ноги. На войне не существует никаких правил. Это война.

— Но разве *это* война? — спросила Ванму.

— Как сказала Квара, — ответил Питер, — если мы обнаружим, что не существует возможности договориться с ними, тогда да — это война. Что они сделали с Лузитанией, с беззащитными пеквенинос? То было уничтожение, бездушная,

тотальная война без учета прав другой стороны. Они наши враги, пока мы не можем заставить их понять последствия того, что они делают. Ты это имела в виду, Квара?

— Совершенно верно, — ответила Квара.

Вамну чувствовала, что в этой аргументации есть брешь, но не могла ее найти.

— Питер, если ты действительно веришь этому, почему ты не оставил Маленького Доктора себе?

— Потому, — ответил Питер, — что мы можем ошибаться и опасности в действительности не существует.

Квара презрительно прищелкнула языком.

— Тебя здесь не было, Питер. И ты не видел, что они нам подбросили — новоизобретенный и специально для нас скроенный вирус, чтобы мы неподвижно сидели как идиоты, пока они придут за нашим кораблем.

— И как они его послали? В конверте с сердечками? — спросил Питер. — Или подбросили зараженного щенка, понимая, что вы не сможете удержаться, чтобы не подобрать его и не потискать?

— Они передали нам код, — гордо объявила Квара. — Но они ожидали, что мы соберем молекулу, а она произведет свое действие.

— Нет, — помотал головой Питер. — Это вы выдумали, что так работает их язык, и начали действовать так, как будто ваши предположения единственно верные.

— А ты откуда знаешь, что это не так? — поинтересовалась Квара.

— Ничего я не *знаю*, — ответил Питер. — Это моя точка зрения. Мы ничего не *знаем.* Не можем знать. Вот что, если бы мы видели, как они запускают зонды или пытаются взорвать наш корабль, мы должны были бы действовать. Например, посылая корабли туда, куда направлены зонды, и тщательно изучая вирусы, которые они послали. Или, если они атакуют корабль, уклоняться и изучать их оружие и тактику.

— Это хорошо сейчас, — возразила Квара. — Сейчас, когда безопасности Джейн и материнских деревьев ничего не угрожает и поэтому она может продолжать всякие свои сверхсветовые штучки. Теперь мы можем поймать их с зондами или исчезнуть с пути ракет или чего там еще. А как же раньше, когда мы были беспомощными? Когда нам оставалось только несколько недель жизни или так мы думали?

— Между прочим, тогда, — напомнил Питер, — у вас все равно не было Маленького Доктора

и вы все равно не могли взорвать их планету. Нам и сейчас незачем накладывать на него руку, особенно с тех пор, как Джейн восстановила возможность сверхсветовых полетов. С этой возможностью больше нет необходимости разрушать планету Десколадеров, пока они не выдвинут угрозу слишком большую, чтобы ей противостоять любым другим способом.

Квара засмеялась.

— Что это? Я-то думала, что Питеру полагается быть злобной стороной личности Эндера. А ты на вид такой добрый и мягкотелый.

Питер улыбнулся.

— Бывают времена, когда ты должен защищать себя или кого-то другого против безжалостного зла. И иногда, в такие времена, единственной защитой, которая имеет хоть какую-то надежду достичь цели, является одноразовое использование жестокой, разрушительной силы. В такие времена даже хорошие люди поступают жестоко.

— Давай не будем заниматься самооправданиями, — предложила Квара. — Ты наследник Эндера. Понятно, что тебе удобно верить, что те мальчики, которых убил Эндер, были исключениями из твоих замечательных правил.

— Я оправдываю неведение Эндера и его беспомощность. Но мы-то не беспомощные. Как Звездный Конгресс или лузитанский флот. Это они решили действовать до того, как избавились от своего неведения.

— Но ведь Эндер решил использовать Маленького Доктора, несмотря на свое неведение.

— Нет, Квара. Это взрослые, которые командовали им, использовали Маленького Доктора. Они могли отменить или заблокировать решение Эндера. У них была масса времени для этого. Эндер думал, что играет в игру. Он думал, что, используя Маленького Доктора на симуляторе, покажет себя человеком, которому нельзя доверять, который не подчиняется приказам или просто слишком жесток, чтобы доверить ему командование. Он пытался добиться, чтобы его выгнали из Командной Школы. И все. Он сделал все необходимое, чтобы они перестали его мучить. Именно взрослые решили спустить с привязи свое самое сильное оружие — Эндера Виггина. Они не предпринимали попыток поговорить с жукерами, связаться с ними. Даже в самом конце, когда поняли, что Эндер собирается уничтожить родную планету жукеров. Они уже решили идти на убийство во что бы то ни стало.

Как адмирал Лэнде. Как ты, Квара.

— Я сказала, что я подожду, пока мы не поймем!

— Хорошо, — кивнул Питер. — Тогда у нас нет разногласий.

— Но Маленький Доктор должен быть здесь!

— Маленького Доктора вообще не должно быть, — отрезал Питер. — Его существование никогда не было нужным. Его применение никогда не было адекватным. Он слишком дорого обходится.

— Дорого? — выкрикнула Квара. — Да он дешевле, чем старое ядерное оружие!

— Понадобилось три тысячи лет, чтобы загладить разрушение родной планеты королев ульев. Вот его цена. Если мы используем Маленького Доктора, тогда мы станем теми, кто уничтожает другие виды. Адмирал Лэнде поступил точно так же, как те, кто использовал Эндера Виггина. Ими руководило предубеждение. Вот в чем состояла опасность. Вот в чем зло. И оно должно быть уничтожено. Они думали, что у них добрые намерения. Они спасали человеческую расу. Но это не так. Мотивы были разные, но, приняв решение использовать оружие, они в то же время решили не предпринимать попыток перегово-

рить с врагом. Разве они продемонстрировали разрушительную силу Маленького Доктора на ближайшей планете-спутнике? Разве Лэнде попытался узнать, а не изменилась ли ситуация на Лузитании? А ты, Квара, как ты собираешься узнать, чтобы не оставалось сомнений, являются ли Десколадеры настолько злыми, чтобы их необходимо было уничтожить? Что тебе надо знать, чтобы без всяких сомнений заявить: да, они — смертельная опасность для всех разумных видов?

— А ты посмотри с другой стороны, Питер, — предложила Квара. — А как ты сможешь убедиться, что это не так?

— У нас есть оружие лучше, чем Маленький Доктор. Однажды Эла создала молекулу, которая блокировала попытки Десколады причинить ущерб, но не разрушала ее способности помогать флоре и фауне Лузитании проходить через их трансформации. Кто говорит, что мы не можем сделать то же самое с каждой отвратительной маленькой чумой, которую они пришлют нам, пока не уступят? И откуда мы знаем, что они уже сейчас не пытаются отчаянно и пока безнадежно поговорить с нами? Как ты можешь быть уверена, Квара, что молекула, которую они прислали,

не была попыткой сделать нас счастливыми — единственным доступным им способом усмирить наш гнев? Откуда нам знать, что они уже сейчас не дрожат от ужаса там, внизу, на своей планете, зная, что у нас есть корабль, который может исчезать и снова появляться где угодно, и пытаясь угадать, захотим ли мы попытаться поговорить с ними?

Питер обвел взглядом всех присутствующих.

— Что, никто не понимает? Известен только один вид, который умышленно, осознанно, понимая последствия, пытался уничтожить другую разумную расу без какой-либо серьезной попытки общения и без предупреждения. Это мы, люди. Первый ксеноцид провалился потому, что жертвам удалось спрятать одну способную к воспроизведению самку. Во второй раз ксеноцид провалился по более приятной причине — нашлось несколько представителей человеческого вида, полных решимости остановить его. Даже не просто несколько — много. Конгресс. Большая корпорация. Философ со Священного Ветра. Хранитель традиций Самоа и его друзья на Пасифике. Ванму и я. Джейн. Офицеры и команда адмирала Лэндса, когда они наконец поняли ситуацию. Мы стали лучше, разве вы не видите?

Но факт остается фактом: мы — люди — являемся разумным видом, который продемонстрировал наибольшую тенденцию к умышленному отказу от общения с другими видами и вместо этого к их полному уничтожению. Может быть, Десколадеры действительно варелез, а может быть, и нет. Но меня гораздо больше пугает мысль, что варелез — это мы. Вот плата за использование Маленького Доктора, когда он не нужен, да он вообще не нужен, учитывая другие средства, имеющиеся в нашем арсенале. Если мы снова решим использовать молекулярные дезинтеграторы, тогда мы не раман. Нам больше никогда нельзя будет верить. Тогда мы — тот вид, который надо уничтожить для безопасности всей остальной разумной жизни.

Квара покачала головой, но ее самодовольство исчезло.

— Мне кажется, что кто-то продолжает пытаться заслужить прощение за свои собственные преступления.

— Я не Эндер, — пожал плечами Питер. — А он потратил всю свою жизнь, пытаясь сделать себя и всех других раман. Я смотрю вокруг себя и думаю обо всех, кого вижу здесь, и о людях, с которыми познакомился за последние несколько

месяцев, и думаю, что человеческая раса все-таки не так плоха. Мы движемся в правильном направлении. Иногда делаем несколько шагов назад. Немного хвастаем. Но в общем и целом мы подходим все ближе к тому, чтобы быть достойными дружбы с королевами ульев и пеквенинос. И если Десколадеры, возможно, немного дальше, чем мы, отстоят от того, чтобы быть раман, это не означает, что мы имеем право уничтожать их. Напротив, значит, у нас еще больше причин быть терпеливыми с ними и попытаться помочь им. Сколько лет потребовалось нам, чтобы дойти до сегодняшнего дня с тех пор, когда на полях сражений высились кучи человеческих черепов? Тысячи лет. И все это время у нас были учителя, которые пытались заставить нас измениться, показывая путь. Шаг за шагом мы учились. Так давайте научим их, если не окажется, что они знают больше нашего.

— Только для того, чтобы научиться их языку, могут потребоваться годы, — задумчиво сказала Эла.

— Транспортировка теперь дешевая, — пожал плечами Питер. — Я не хотел тебя обидеть, Джейн. Мы можем подолгу держать здесь команды, снующие туда-сюда, не доставляя никому

чрезмерных хлопот. Мы можем держать здесь целый флот, наблюдающий за планетой. С пеквенинос, подданными королев ульев и людьми. Века, тысячелетия. Нет спешки.

— Думаю, это опасно, — заявила Квара.

— А я думаю, что в тебе говорит то же инстинктивное желание, что есть у всех людей и которое постоянно втягивает нас в серьезные неприятности, — предположил Питер. — Ты знаешь, что должна умереть, и хочешь знать, что все разрешилось до твоей смерти.

— Я еще не старая! — заявила Квара.

Вмешался Миро:

— Он прав, Квара. С тех пор как умер Маркано, смерть все выше поднимается над тобой. Нам всем нужно подумать об этом. Люди — коротко живущий вид. Королевы ульев думают, что они живут вечно. У пеквенинос есть надежда прожить много столетий в Третьей Жизни. А мы всегда спешим. И вынуждены принимать решения, не успев получить достаточного количества информации, потому что мы хотим действовать сейчас, пока у нас еще есть время.

— И что из того? — развела руками Квара. — Значит, ты вот как решил? Пусть смертельная угроза всей жизни продолжает сидеть здесь, на

этой планете, обдумывая свои страшные планы, а мы будем спокойненько поглядывать на них с высоты?

— Не «мы», — поправил Квару Питер.

— Да, конечно, — кивнула Квара, — ты не имеешь отношения к этому проекту.

— Я-то имею, — возразил Питер. — А ты нет. Ты отправишься назад на Лузитанию, и Джейн никогда больше не принесет тебя сюда. Пока не пройдут годы в попытке убедить нас, что твои демоны под контролем.

— Ты самодовольный сукин сын! — выкрикнула Квара.

— Все здесь понимают, что я прав, — сказал Питер. — Ты как Лэнде. Ты слишком легко готова принять разрушительное, далеко идущее решение и отмахиваться от любых аргументов, способных изменить твое мнение. Существует множество таких людей, как ты, Квара. Но пока мы не узнаем больше, никак нельзя позволить таким людям очутиться так близко к этой планете. Может быть, настанет день, когда все разумные виды достигнут решения, что Десколадеры действительно варелез и должны быть уничтожены. Но я сильно сомневаюсь, что кто-то из тех, кто находится здесь, за исключением разве что Джейн,

будет жив, когда такой день придет.

— Ты что же, думаешь, я буду жить вечно? — спросила Джейн.

— Ну, лучше бы так, — улыбнулся Питер, повернувшись к Джейн. — Пока вы с Миро не научитесь производить на свет младенцев, которые смогут запускать звездолеты, когда вырастут… Ты можешь отправить нас домой прямо сейчас?

— Да, сию минуту, — кивнула Джейн.

Они открыли дверь и вышли из корабля. Шагнули на поверхность планеты, которая все-таки не будет уничтожена.

Все, кроме Квары.

— А Квара не идет с нами? — спохватилась Ванму.

— Возможно, некоторое время ей нужно побыть одной, — ответил Питер.

— Иди вперед, я догоню, — попросила Ванму.

— Ты думаешь, что сможешь поговорить с ней? — поинтересовался Питер.

— Думаю, можно попробовать, — уклончиво ответила Ванму.

Питер поцеловал ее.

— Я напустился на нее. Скажи ей, что я прошу прощения.

— Может, ты сам ей скажешь, попозже, — пред-

ложила Вамну.

Она вернулась на корабль. Квара все еще сидела лицом к своему терминалу, над которым продолжали висеть последние данные, которые она изучала до того, как Питер и Ванму прибыли на корабль.

— Квара, — позвала Ванму.

— Убирайся.

Осипший голос был явным свидетельством того, что она плакала.

— Все, что сказал Питер, правда, — сказала Ванму.

— Ради этого ты пришла? Травить мне душу?

— За исключением того, что он слишком высоко оценил человеческую расу. Мы мало улучшились.

Квара фыркнула. Почти утвердительно.

— Потому что, как мне кажется, все здесь уже решили, что ты — варелез. Осудили и не оставили надежды на досрочное освобождение, не пытаясь сперва понять тебя.

— О, они меня понимают, — с издевкой сказала Квара. — Маленькая девочка сокрушена потерей жестокого отца, которого она тем не менее любила. Продолжает искать замену отцу. Продолжает отвечать всем другим с безумной яростью,

которую скопировала у отца. Ты думаешь, я не понимаю, что они думают?

— Они прикололи к тебе ярлычок.

— Неверный ярлычок! Я могу, думать, что Маленького Доктора следовало бы держать поблизости на случай необходимости, но я никогда не говорила ничего о том, чтобы использовать его, не делая новых попыток понять Десколадеров. Питер попросту угрожал мне, как будто перед ним снова был тот адмирал.

— Я знаю, — вздохнула Ванму.

— А, ну да, конечно; Понимаю, ты мне сочувствуешь, потому что понимаешь, что Питер не прав. Давай-давай, Джейн уже сказала нам, что вы двое — что это была за идиотская фраза? — полюбили друг друга.

— Я не могу гордиться тем, как повел себя с тобой Питер. Он сделал ошибку. Это бывает. Иногда он задевает и мои чувства. И ты так делаешь. Например, только что. И непонятно почему. Но иногда и я задеваю других людей. Иногда я делаю ужасные вещи из-за того, что совершенно уверена в своей правоте. Мы все такие. Во всех нас небольшой кусочек варелез. И маленький кусочек раман.

— Какая приятная, хорошо сбалансированная

студенческая философия, — поддела Квара.

— Это все, на что я способна, — спокойно ответила Ванму. — Я не настолько образованна, как ты.

— А это прием, чтобы заставить меня почувствовать себя виноватой?

— Скажи, Квара, если ты не играешь роль своего отца и не пытаешься вызвать его обратно, или что там говорят психоаналитики, почему ты постоянно на всех злишься?

Квара наконец развернула кресло и посмотрела в лицо Ванму. «Да, она таки плакала».

— Ты действительно хочешь понять, почему я все время переполнена иррациональной злостью? — в ее голосе отчетливо прозвучала насмешка. — Хочешь поиграть в психоанализ? Ладно, как тебе такое? Знаешь, что меня постоянно злит? То, что все мое детство мой старший брат Квим тайно приставал ко мне, а теперь он мученик, и его собираются канонизировать, и никто никогда не узнает, какой он был жестокий и какие ужасные вещи он делал со мной!

Ванму была шокирована. Питер рассказывал ей о Квиме. О том, как он умер. О том, какой он был человек.

— О Квара, — только и смогла выговорить Ван-

му, — мне так жаль.

Судорога отвращения исказила лицо Квары.

— Какая же ты тупица! Квим никогда не прикоснулся ко мне, ты тупая надоедливая благодетельница! Тебе так хочется получить какое-нибудь дешевенькое объяснение, почему я такая сука, и ты готова поверить всему, что звучит хоть чуть-чуть правдоподобно. Ты и сейчас продолжаешь гадать, а не было ли мое признание правдой, может, я просто отказываюсь от него из-за боязни последствий или какой-нибудь другой столь же идиотской причины. Заруби себе на носу, детка. Ты меня не знаешь. И никогда не поймешь. И я не хочу, чтобы ты меня понимала. Мне не нужно никаких друзей, а если бы я захотела их завести, то, во всяком случае, не ручную собачку Питера. Тебе понятно или разъяснить?

Ванму и раньше бывала битой, ей утирали нос эксперты и поносили чемпионы. У Квары это получалось прекрасно по любым стандартам, но не настолько, чтобы Ванму дрогнула.

— Знаешь, а я обратила внимание, — лукаво сказала Ванму, — что после того, как ты оклеветала самого чтимого члена своей семьи, ты все-таки не смогла оставить меня в уверенности, что это правда. Значит, ты действительно умеешь хра-

нить верность, даже тем, кто умер.

— Ты что, намеков не понимаешь? — скривилась Квара.

— И еще: ты продолжаешь говорить со мной, несмотря на то что презираешь меня и пытаешься обидеть.

— Из тебя бы вышла рыба-прилипала, так и норовишь прицепиться и всю кровь высосать!

— Ну, в любой момент ты можешь просто-напросто уйти отсюда и не слушать мои жалкие попытки сделаться твоим другом, — напомнила Ванму. — Только ты не идешь.

— Какие мы недоверчивые! — фыркнула Квара.

Она отстегнулась, поднялась с кресла и вышла в открытую дверь.

Ванму смотрела ей вслед. «Питер прав. Люди — самые чужие из всех чужих видов. Самые опасные, наиболее неразумные и мало предсказуемые».

Но как бы там ни было, Ванму решилась сама сделать парочку предсказаний.

Во-первых, она была совершенно уверена, что исследовательская команда в один прекрасный день установит связь с Десколадерами.

Второе предсказание было гораздо менее опре-

деленным. Скорее надежда. Возможно, просто пожелание. Когда-нибудь Квара скажет Ванму правду. Когда-нибудь скрытая боль, которая сжигает ее сердце, утихнет. Когда-нибудь они станут друзьями.

Не сегодня. Спешить некуда. Ванму будет пытаться помочь Кваре, потому что она так явно нуждается в помощи и потому что люди, которые были рядом с ней дольше других, слишком устали от нее, чтобы помочь. Но помощь Кваре была не единственной и, конечно, не самой главной задачей, стоящей перед Ванму. Брак с Питером и жизнь вместе с ним — вот самый главный приоритет. А в этот конкретный момент ее жизни самыми главными приоритетами были поесть, глотнуть воды и найти туалет.

«Уверена, это означает, что я человек, — подумала Ванму. — Не бог. Вероятно, обыкновенное чудовище. Частично раман. Частично варелез. Но больше раман, чем варелез, по крайней мере в лучшие дни. И Питер такой же. Оба мы — представители порочного вида, стремящиеся к единению, чтобы еще на пару-тройку единиц увеличить его численность. Мы с Питером вместе будем призывать новые айю из Вне-мира, чтобы они взяли контроль над слабым тельцем, которое

создадут наши тела, и мы увидим, что наш ребенок в один день будет варелез, а в другой — раман. И мы иногда будем хорошими родителями, а иногда будем совершать страшные ошибки. Иногда будем безутешно горевать, а иногда станем настолько счастливыми, что едва сможем сдержать свою радость. С этим нужно жить. И я смогу».

17
«Дальше нам придется идти без него»

Однажды я слышала сказку о человеке,
который разделил себя надвое.
Одна часть никогда не изменялась; а
другая все росла и росла.
Неизменная часть всегда была верной,
а растущая часть всегда была новой, и
когда сказка закончилась, я пыталась
понять, какая часть — я, а какая — ты.

Хань Цин-чжао, «Шепот Богов»

В утро похорон Эндера Валентина проснулась, полная мрачных мыслей. Она прибыла сюда, на планету Лузитанию, ради того, чтобы снова быть с Эндером и помогать ему в его работе; она понимала, что Джакта задело ее желание снова жить жизнью Эндера, но все же он отказался от мира своего детства и поехал с ней. Такая жертва. А теперь Эндера нет.

Нет, все же есть. В ее доме спит человек, который, как ей было известно, нес в себе айю Эндера. Айю Эндера и лицо ее брата Питера. Где-то в нем притаились воспоминания Эндера. Но он все

еще не касался их, разве что время от времени, неосознанно. И в ее доме он прятался для того, чтобы не дать им снова разгореться.

— А что, если я увижу Новинью? Он любил ее, правда? — постоянно спрашивал Питер с тех пор, как приехал. — Он ощущал это страшное чувство ответственности за нее. — Знаешь, я немного боюсь, что каким-нибудь образом женат на ней.

— Интересный вопрос об идентификации, правда? — улыбнулась Валентина.

Но для Питера вопрос не был просто интересным. Он был в ужасе от возможности нырнуть в жизнь Эндера. Боялся, что и его жизнь окажется разбитой чувством вины.

— Семьи больше нет, — вздохнул как-то Питер, на что Валентина ответила:

— Человек, который был мужем Новиньи, умер. Мы видели, как он умирал. Она не ищет себе нового молодого мужа, которому она не нужна. Питер, ее жизнь и без того полна горя. Женись на Ванму, не оставайся здесь, уезжай, будь новым. Будь Эндеру сыном, проживи жизнь, которую мог бы прожить он, если бы чужие интересы не испортили ее с самого начала.

Принял ли он совет, Валентина не могла догадаться. Он продолжал прятаться у нее, избегая

любых посетителей, которые могли оживить спящие воспоминания. Приходили Ольядо, и Грего, и Эла по очереди, чтобы выразить свои соболезнования Валентине по поводу смерти ее брата, но Питер ни разу не вышел к ним. Но Ванму выходила, милая молодая девушка, в которой чувствовалась несгибаемая твердость духа, что Валентине вполне нравилось. Ванму играла роль доброго друга осиротевшей семьи, поддерживая разговор, когда каждый из детей жены Эндера рассказывал о том, как Эндер спас их семью, благословил их жизни, когда они уже перестали думать, что достойны благословения.

В углу комнаты сидела Пликт, впитывая, слушая, оттачивая Речь, ради которой она прожила всю свою жизнь.

«О Эндер, шакалы обгладывали твою жизнь три тысячи лет. А теперь и друзья решили внести свою лепту. Но кто сможет отличить, чьи зубы впивались в тебя?»

Сегодня все должно закончиться. Каждый по-своему делит время, но для Валентины подошла к концу эпоха Эндера Виггина. Эпоха, начавшаяся одним ксеноцидом, имеет шанс не закончиться другим, предотвращенным или, по крайней мере, отложенным. Теперь люди научились

жить с другими видами в мире, и на десятках планетах-колониях их ждет теперь общая судьба. Валентина напишет об этом книгу, как она написала историю каждого мира, который посетила вместе с Эндером. Она не станет использовать стиль пророчества или священного писания, который Эндер выбрал для своих трех книг: «Королевы Улья», «Гегемона» и «Жизни Человека», ее книга будет скорее научной, с цитатами из различных источников. Она будет следовать не Павлу и Моисею, а Фукидиду, хотя все свои книги она написала под псевдонимом Демосфен, который выбрала еще в детстве, когда они с Питером, первым Питером, пугающим, опасным и удивительным Питером, использовали слово, чтобы изменить мир. Демосфен опубликует книгу хроник об истории заселения Лузитании людьми, и в этой книге много место будет уделено Эндеру — как он принес сюда кокон Королевы Улья, как стал частью семьи, сильнее других втянутой в общение с пеквенинос. Но книга будет не об Эндере. Она будет об утланингах и фрамлингах, о раман и варелез. Эндер везде был пришельцем, не был связан ни с кем, где угодно работал, пока не выбрал эту планету в качестве своего дома, но не только потому, что здесь была семья, которая нуждалась

в нем, но и потому, что здесь ему не пришлось бы разделять жизнь только человеческой расы. Он мог принадлежать к трибе пеквенинос, к улью королевы. Он мог быть частью чего-то большего, чем просто человечество.

Не было ребенка, у которого в свидетельстве о рождении Эндер значился бы отцом, но на Лузитании он им стал. Отцом детей Новиньи. Даже самой Новиньи в каком-то смысле. Молодой Валентины. Даже Джейн, первой питомице общности разумных видов, которая теперь была ярким и прекрасным созданием, жила в материнских деревьях, в компьютерных сетях, в филотических связях анзиблей и в теле, которое когда-то принадлежало Эндеру и которое, в определенном смысле, принадлежало и Валентине, поскольку она помнила, как смотрелась в зеркало, видела это лицо и называла его собой.

И он был отцом этого нового человека — Питера, сильного и целостного. Теперь он уже не был тем Питером, которым впервые вышел из звездолета. Тот был циник, злобный и колючий молодой человек, пыжащийся от высокомерия и кипящий гневом. Теперь он обрел целостность. В нем появился холодок древней мудрости, обжигавший даже тогда, когда он вспыхивал

горячим и нежным огнем молодости. Рядом с ним была женщина, равная ему разумом, добродетельностью и силой. Перед ним открывалась нормальная человеческая жизнь. Наследнику Эндера, возможно, и не удастся так сильно изменить мир, как удалось Эндеру, но во всяком случае, быть может, его жизнь будет немного счастливее. Эндер не мог пожелать ему большего. Изменять мир хотят те, кто желает прославить свои имена. А счастье — для тех, кто вписывает свои имена в жизни других людей и охраняет их сердца как самую дорогую ценность.

Валентина, Джакт и их дети собрались на веранде дома. Ванму поджидала их в одиночестве.

— Возьмете меня с собой? — спросила девушка.

Валентина протянула ей руку. «Интересно, кем она мне приходится? Будущей женой условного племянника? Пожалуй, слово „подруга“ точнее».

Речь Пликт об Эндере была красноречивой и волнующей. Она многому научилась у своего учителя. Пликт не старалась быть последовательной. Она сразу заговорила о его великом преступлении, объясняя, как Эндер представлял себе свои действия в то время и что думал о них потом, когда понял всю правду, которую от него

скрыли.

— Такова была жизнь Эндера, — говорила Пликт, — очищение луковицы правды от шелухи. Только в отличие от большинства из нас, он понимал, что не найдет внутри золотого зернышка. Луковица правды — только бесчисленные слои иллюзий и непонимания. Важно понять все ошибки, отбросить самоутешительные оправдания, увидеть все промахи, все неверные рассуждения и потом не найти, а создать золотое зернышко правды. Зажечь огонь правды там, где ее не знали, не могли найти. Эндер оставил нам бесценный дар — освободил нас от иллюзии, что можно найти одно-единственное объяснение, содержащее окончательный ответ на все случаи жизни, для всех слушателей. Всегда останется место для новых открытий, для новых историй.

Пликт пошла дальше, перелистывая события и воспоминания, рассыпая анекдоты и крылатые фразы; собравшиеся смеялись и плакали, снова смеялись и много раз затихали, задумываясь над своими собственными судьбами. «Как похож на меня Эндер!» — иногда думалось им, но всякий раз они благодарили Господа за то, что их жизнь прошла по-другому.

Валентина знала и другие истории, которые не

будут здесь упомянуты, потому что Пликт ничего о них не знала или по крайней мере не видела их глазами памяти. Важными они, пожалуй, не были и не несли в себе никакой «внутренней правды». Просто обломки проведенных вместе лет. Разговоры, споры, смешные и трогательные мгновения в десятках миров или на кораблях, летящих к ним. А в центре всего — воспоминания детства. Младенец на руках матери. Отец подбрасывает его в воздух. Первые слова, детский лепет. Гу-гу-гу не годится для маленького Эндера! Ему нужно что-нибудь посложнее: тум-ту-рум, бум-бо-ра. «И почему я помню об этом?»

Младенец с ангельским личиком, жадно глотающий жизнь. Детские слезы из-за неожиданного падения. Радостный смех над самыми простыми вещами — из-за какой-нибудь песни, из-за любимого лица, склонившегося над тобой. Тогда его жизнь была чистой и простой, и ничего не терзало его сердца. Он был окружен любовью и заботой. Руки, которые тянулись к нему, всегда были сильными и нежными; он мог верить всем. «О Эндер, — думала Валентина, — как я хотела, чтобы ты прожил жизнь в радости. Но никому это не доступно. Мы учимся говорить, и язык приходит к нам, неся ложь и угрозы, жестокость

и разочарование. Мы учимся ходить, и каждый шаг уводит нас прочь от покоя родного дома. Чтобы сохранить радость детства, нужно умереть ребенком или никогда не становиться взрослым, не расти. Значит, можно погоревать об утраченном ребенке, но не жалеть о хорошем человеке, укрепленном болью и терзающемся виной, который, несмотря ни на что, был добр ко мне и ко многим другим людям, которого я любила и которого почти понимала. Почти, почти понимала».

Валентина позволила слезам памяти свободно течь по щекам, а слова Пликт перекатывались через нее, иногда задевая ее, но не трогая ее сердца, потому что она знала Эндера гораздо лучше всех остальных и потеряла больше всех с его уходом. Даже больше, чем Новинья, которая сидела впереди, окруженная детьми. Валентина смотрела, как Миро одной рукой обнимает мать, а другой рукой Джейн, заметила, как Эла вцепилась в Ольядо и украдкой поцеловала ему руку, и как Грего, рыдая, прижался головой к плечу Квары, а Квара притянула его к себе, утешая. Они тоже любили Эндера, тоже знали его и в своем горе тянулись друг к другу — семья поровну делила свое горе, потому что Эндер вошел в их жизнь и залечил их раны или по крайней мере показал

им путь к излечению. Новинья сможет пережить потерю и, вероятно, перерастет свой гнев, перестанет сердиться на жестокие шутки, которые сыграла с ней жизнь. Потеря Эндера для нее не была худшей из потерь; в определенном смысле она была самой легкой потерей, потому что его Новинья отпустила.

Валентина перевела взгляд на пеквенинос. Некоторые из них сидели среди людей, другие — отдельно. Для них место, где будет сожжено немногое, оставшееся от Эндера, вдвойне святое. Рядом — деревья Корнероя и Человека, кровь которого пролил Эндер, чтобы скрепить договор между видами. Многие пеквенинос теперь подружились с людьми, хотя еще осталось немало страха и враждебности, но мосты уже построены, в большой степени благодаря книге Эндера, которая оживила надежду пеквенинос, что люди однажды смогут понять их; надежду, которая поддерживала их, пока Эндер не сделал ее правдой.

В отдалении сидела в одиночестве безучастная работница Королевы Улья, рядом с ней не было ни человека, ни пеквенинос. Она была всего лишь парой глаз. Если Королева Улья горевала об Эндере, то держала это при себе. Она всегда была непостижимой, но Эндер любил ее, три тысячи

лет он был ее единственным другом и защитником. В каком-то смысле Эндер мог и ее считать своим приемным ребенком, одной из тех, кто расправил крылья под его защитой.

Пликт уложилась всего лишь в три четверти часа. Она закончила просто:

— Несмотря на то что айю Эндера продолжает жить, как все айю живут, не умирая, человек, которого мы знали, ушел от нас. Ушло его тело, и какие бы части его жизни и работы мы ни вобрали в себя, теперь они принадлежат нам, а не ему. Они — Эндер внутри нас, один среди других друзей и учителей, отцов и матерей, любимых и детей, родных и даже незнакомцев, глядящих в мир нашими глазами и помогающих нам определить, что значит жить. Когда мы смотрим друг на друга, я вижу Эндера в вас, а вы видите его во мне. Но его здесь нет. Каждый из нас — отдельная личность, и все мы — путники, идущие разными путями. Какое-то время мы шли рядом с Эндером Виггином. И он показал нам то, что мы не могли разглядеть сами. Но дорога уводит нас дальше, уже без него. В конце концов, он был не больше, чем просто человек. Но и не меньше.

Речь Пликт завершилась. Никакой молитвы — все молитвы были прочитаны заранее, поскольку

епископ не собирался позволить нерелигиозному ритуалу смешаться со службой Святой Матери-Церкви. Слезы высохли, печаль просветлела. Все поднялись с земли, старшие устало, а дети резво, и тут же сорвались с места, беготней и выкриками компенсируя долгую неподвижность. Приятно было слушать их смех. Хорошее «прощай» Эндеру Виггину.

Валентина поцеловала Джакта и детей, обняла Ванму и пошла через толпу горожан. Из Милагра в другие колонии улетели очень многие; но сейчас, когда их планета была спасена, многие решили не оставаться в новых мирах. Лузитания была им домом, и не все чувствовали себя первопроходцами. Но многие прилетели только ради этой церемонии, Джейн скоро вернет их к фермам и домам в их целинные миры. Сменится пара поколений, и опустевшие на Милагре дома заполнятся.

На веранде ее дожидался Питер. Валентина улыбнулась ему.

— Я думала, у тебя назначена встреча.

Они вместе пошли из Милагра в заново поднявшийся лес, который до сих пор не полностью скрывал свидетельства недавнего пожара. Они пришли к яркому, светящемуся дереву почти

одновременно с остальными, идущими от места погребения. Джейн подошла к материнскому дереву и коснулась его коры — самой себя и своей дорогой сестры. Питер занял свое место рядом с Ванму, а Миро подошел к Джейн. Священник обвенчал обе пары под материнским деревом, а вокруг стояли пеквенинос и Валентина, которая была единственным человеком, присутствующим на церемонии. Другие люди даже не знали о том, что происходит. Они решили никому не говорить, чтобы не отвлекать внимания от похорон Эндера и Речи Пликт. Времени хватит, чтобы объявить о венчании позднее.

Когда церемония закончилась и священник ушел вместе с пеквенинос, которые были его проводниками, Валентина обняла молодоженов — Джейн и Миро, Питера и Ванму, шепча им поздравления и пожелания, а потом оставила их одних.

Джейн закрыла глаза, улыбнулась, и все четверо исчезли. Только материнское дерево осталось посередине поляны, наполненное светом, отягощенное плодами и гирляндами цветов, неизменный участник древнего таинства жизни.

Тень Эндера
(Пер. с англ. В. Ковалевского, Н. Штуцер)

Дику и Хэззи Браун, в чьем доме никогда и никто не оставался голодным и чьи сердца всегда распахнуты даже для незнакомца.

Предисловие

Строго говоря, «Тень Эндера» — это не продолжение предыдущей книги, так как описанные в ней события начинаются примерно в то же время, что и в «Игре Эндера», и заканчиваются одновременно с ними. Многое в этой книге повторяет сюжет «Игры». Фактически здесь рассказана та же история, но с точки зрения совсем другого действующего лица. Даже не знаю, как назвать такую книгу. Может, «сопутствующий роман»? Или «параллельный»? Возможно, «параллакс» окажется наиболее подходящим определением, если перенести этот научный термин в художественную литературу.

В идеале данная книга должна в равной степени годиться и тем читателям, которым никогда не попадалась «Игра Эндера», и тем, которые перечитали «Игру» не один раз. Поскольку том «Тень Эндера» — не продолжение, то нет и необходимости знать что-либо из того, что было в «Игре», но не попало в «Тень». И все же если мне только удалось осуществить свой замысел, то обе книги должны дополнять и обогащать друг друга. Какую из них ни читай первой, вторая все

равно будет иметь самостоятельную ценность и собственные достоинства.

В течение нескольких лет я с интересом наблюдал, как «Игра Эндера» приобретает все большую популярность, в первую очередь, среди читателей школьного возраста. Хотя этот роман и не был специально написан для детской аудитории, его приняли не только читатели этой категории, но и школьные преподаватели, которые сочли возможным использовать его на своих занятиях.

Меня нисколько не удивило то, что уже написанные продолжения сериала («Голос Тех, Кого Нет», «Ксеноцид», «Дети Разума») не нашли у юных читателей такого же признания. Причина очевидна: сюжетная основа «Игры Эндера» связана прежде всего с ребенком, тогда как в продолжениях действуют преимущественно взрослые. Еще важнее то, что «Игра» — произведение героическое, приключенческое, тогда как продолжения написаны иначе: они менее динамичны, в них гораздо больше места занимают описания, они более рассудочны и идеологичны, что для юношеской аудитории представляет меньший интерес.

Однако не так давно я пришел к выводу, что временной разрыв в три тысячи лет между

«Игрой» и ее продолжениями открывает большие перспективы для появления новых романов, более тесно связанных с оригиналом. Вообще-то можно с достаточным основанием утверждать, что «Игра Эндера» продолжений вообще не имеет и что остальные три книги образуют сериал, тогда как «Игра» стоит особняком.

Какое-то время я возился с идеей открыть мир «Игры Эндера» для других писателей и даже зашел так далеко, что предложил автору, чьими книгами восхищаюсь — Нилу Шустерману, — рассмотреть возможность совместной работы по созданию нескольких романов о соучениках Эндера Виггина по Боевой школе. В процессе переговоров выяснилось, что наиболее перспективной фигурой является Боб — солдат-дитя, которого Эндер начинает воспитывать по тем же канонам, которые применялись к нему самому его взрослыми учителями.

А затем произошло вот что: чем больше мы говорили, тем сильнее разгоралось во мне чувство ревности — ведь может случиться, что эту книгу напишу не я, а Нил. В голове прочно сидела мысль, что поскольку серия романов о «Детишках в космосе» (так несколько цинично я называл этот проект) может не остановиться на Бобе,

а сам я за годы, прошедшие с опубликования «Игры» (1985), успел научиться кое-чему, то мне, сохраняя надежды на будущее сотрудничество с Нилом, все же следует решительно отказаться от нынешнего своего предложения.

Вскоре я обнаружил, что писать новый роман гораздо труднее, чем я думал раньше, — ведь приходилось рассказывать старую историю, но совсем по-другому. Мешало то, что хотя главный герой был уже другой, но автор-то был тот же самый, с теми же самыми взглядами на мир и его проблемы. В конечном счете помогло мне то, что за минувшие двенадцать лет я успел узнать кое-что новое, и это дало возможность не только по-иному взглянуть на весь проект в целом, но и рассмотреть его гораздо глубже. Обе книги созданы одним мозгом, обе впитали в себя воспоминания об одном и том же детстве, но эта память рассмотрена в разных ракурсах. Если для читателей параллакс опирается на Эндера и Боба, по-разному переживающих одни и те же события, то для автора он основан на двенадцатилетнем разрыве в работе, на времени, за которое старшие мои дети успели вырасти, а младшие — родиться, за которое мир неузнаваемо изменился, а сам я узнал много нового о человеческой природе и о

тайнах моего собственного искусства.

И вот вы держите в руках эту книгу. Удался ли автору этот литературный эксперимент — судить вам. С моей точки зрения, зачерпнуть воду дважды из одного и того же колодца стоило. Вкус ее изменился, и если даже вода и не превратилась в вино, то вкус все равно другой и подана она в ином сосуде. Так что я надеюсь, что эта книга понравится вам не меньше, а может быть, и больше, чем первая.

Гринсборо, Северная Каролина, январь 1999 г.

Часть первая. Беспризорник
1. Недотепа

— Вы полагаете, что у вас уже есть тот, кто вам нужен, и потому мою программу можно прикрыть?

— Нет, речь идет не о том мальчике, которого разыскал Графф. Мы говорим о низком качестве материала, который вы нам поставляли до сих пор.

— Мы заранее знали об ожидающих нас трудностях. Дети, с которыми я работаю, вынуждены вести жестокую борьбу за существование.

— Ваши дети от постоянного недоедания умственно деградировали еще задолго до начала тестов. Они не способны формировать нормальные человеческие отношения, они так запущены, что не могут прожить дня без того, чтобы не украсть, не разбить, не поломать чего-нибудь.

— И все равно у них есть те же потенции, что и у всех нормальных детей.

— А вот это и есть тот самый сентиментальный подход, который обесценивает ваш проект в глазах Международного Космического Флота.

Недотепа всегда была настороже. Предполагалось, что малышня тоже держит ушки на макушке, и они действительно обладали хорошей наблюдательностью, хотя частенько не замечали того, что следовало заметить, а значит, когда дело касалось опасности, Недотепа могла полагаться только на себя.

А опасностей, которых следовало бояться, было множество. К примеру — копы. Они возникали не часто, но уж если появлялись, то, казалось, их главнейшая задача — очистить улицы от детей. Они накидывались на несчастных бродяжек со своими магнитными бичами, нанося жестокие жгучие удары даже по самым маленьким ребятишкам и обзывая их паразитами, воришками и чумой прекрасного города Роттердама. Обязанность Недотепы в том и заключалась, чтобы издалека уловить суматоху, являющуюся признаком надвигающейся полицейской облавы. Тогда она свистом подавала сигнал тревоги, и малышня стремглав неслась в укрытия, где и пряталась до тех пор, пока опасность не оставалась позади.

Но копы появлялись не так уж часто. Настоящую опасность, причем постоянную и необоримую, представляли ребята постарше. Недотепа, которой исполнилось всего девять, была при-

знанным матриархом своего небольшого кодла (кстати, никто из них и не знал, что она девочка), но это отнюдь не означало, что она ровня мальчишкам и девчонкам одиннадцати, двенадцати и тринадцати лет, которые наводили страх на улицы Роттердама. Конечно, взрослые — нищие, воры и проститутки — на малышню не обращали внимания, разве что давали им пинка, чтобы те не путались под ногами. Но ребята постарше, которым такие пинки тоже доставались, были сильнее малышей, а потому смотрели на них как на законную добычу, за счет которой можно жить. И каждый раз, когда кодло Недотепы находило что-нибудь — особенно если это был надежный источник мусора и объедков, что сулило возможность заработать несколько грошей или набить желудки, — ребятишкам приходилось быть настороже и прятать свою добычу, так как юные хулиганы с радостью отнимали у них те ничтожные запасы еды, которые оказывались у малышни. Грабить мальков было куда безопаснее, нежели воровать в лавках или у прохожих. Кроме того, по мнению Недотепы, грабеж малышей доставлял хулиганам истинное наслаждение. Им нравилось унижать мальков, нравилось бить их и под испуганные вопли от-

нимать скудное пропитание.

Так что когда тщедушный ребенок, на вид не старше двух лет, с трудом влез на мусорный бак, стоявший на противоположной стороне улицы, бдительная Недотепа его тут же засекла. Малышу грозила голодная смерть. Нет, больше того — он уже умирал от голода. Тонюсенькие ручки и ножки, суставы которых казались непропорционально большими. Вздувшийся животик. И если голод не убьет его в ближайшие же дни, он все равно погибнет от холодов надвигающейся осени, так как одежонка у него хилая, да и ее-то почти нет на этом тощем крохотном тельце.

При нормальных условиях Недотепа вообще не уделила бы ему ничего, кроме мимолетного взгляда. Но эта кроха глядела на нее совершенно осмысленно. Ребенок озирался по сторонам какими-то необычайно проницательными глазами. Ничего похожего на ступор живого трупа, который уже и еды не ищет, которому даже не надо искать теплого местечка, чтобы прилечь и вдохнуть последний глоток вонючего воздуха Роттердама. В конце концов, смерть в Роттердаме не так уж сильно отличается от жизни в нем. Всем известно, что Роттердам если и не столица, так главный морской порт ада. Единственная

разница между жизнью в этом городе и пребыванием в аду заключается в том, что первая хоть и тоже проклятие, но не вечное.

Малыш… Что он делает? Еду он не ищет. К прохожим не присматривается. Да и правильно делает — все равно никто малышу не подаст. А чего подавать-то, когда первый же попавшийся ребенок тут же отнимет у двухлетнего еду? Если эта кроха хочет выжить, пусть ползет за более взрослыми искателями объедков, пусть облизывает грязные обертки от выпечки, пусть подбирает последние, не замеченные первооткрывателем крупинки сахара и муки. А может, оставленные из брезгливости. Этому малышу ничего тут на улице не светит. Разве что его подберет какое-нибудь кодло… Однако на кодло Недотепы пусть он лучше не рассчитывает. Его она и с приплатой не возьмет. На хрена ей этот бесполезный лишний рот, когда ее собственная малышня и без того еле удерживается на грани голодной смерти?

Видно, он собирается о чем-то просить. Будет, стало быть, клянчить и хныкать. Но такое нытье может подействовать только на сытых фраеров. А мне надо думать о собственном кодле. Он чужак и мне до него дела нет. Даже если он такой

крошечный. Для меня его просто не существует.

Из-за угла вышли две двенадцатилетние проститутки, которые, вообще-то говоря, не были завсегдатаями этой улицы, и направились к Недотепе. Она тихонько свистнула. Малышня тут же разбежалась, но с улицы дети не ушли, только сделали вид, что друг с дружкой не знакомы.

Это, однако, не сработало. Шлюшки уже знали, что именно Недотепа возглавляет здешнее кодло, а потому, схватив ее за руки, чуть ли не вбили в стену, требуя платы за «разрешение» ходить по улице. Недотепа была достаточно опытна, чтобы не заливать им насчет своего нищенского положения и отсутствия хоть кусочка, которым можно было бы поделиться. Она всегда старалась иметь что-нибудь в заначке для умиротворения голодных хулиганов. А эти шлюхи, ясное дело, были голодны — Недотепа видела это и без очков. Слишком тощие и старообразные, чтобы привлекать внимание настоящих педофилов, шляющихся в окрестностях. Так что пока они не нагуляют себе сиськи и не начнут нравиться менее порочной публике, им придется ограничиться осмотром мусорных ящиков да грабежом мелкоты. От их намерения поживиться за счет Недотепы и ее малышей в ее сердце вспыхнула

лютая ненависть, но откупиться от них было все же дешевле. Если они ее изобьют, как же она станет руководить своими ребятишками? Поэтому она отвела обеих шлюх к одной из своих заначек и появилась перед ними, держа в руках бумажный пакет, где лежала половина сладкой булочки.

Булочка уже заплесневела, ибо не меньше двух дней пролежала в заначке, дожидаясь именно такого случая. Шлюхи жадно схватили пакет, разодрали бумагу, и одна из них тут же откусила большую часть сдобы, даже не подумав отдать остаток своей компаньонке. Вернее сказать, своей бывшей подружке, ибо подобные действия обычно порождают разборки и драки. Обе тотчас же сцепились, выкрикивая ругательства, вырывая пригоршни волос и царапаясь грязными когтями. Недотепа пристально следила за ними, надеясь, что они все же уронят остаток булки, послуживший причиной ссоры. Как бы не так! Сдоба отправилась в рот той же девчонки, которая сожрала и первую порцию. Она же выиграла и сражение, обратив соперницу в бегство.

Недотепа обернулась и неожиданно обнаружила у себя за спиной того шибздика с мусорного ящика. Она чуть не упала, споткнувшись об него.

Озлобленная тем, что хорошую еду пришлось отдать грязным шлюхам, она наподдала коленкой под зад малышу, отчего тот тут же упал.

— Нечего торчать за спиной человека, если у тебя нет желания получить под зад, — оскалилась Недотепа.

Он встал, не сводя с нее требовательного и чего-то ждущего взгляда.

— Ничего ты, коротышка-недоносок, от меня не получишь, — рявкнула Недотепа. — Я для тебя изо рта моих ребят ни единой горошины не вытащу. Ты-то весь целиком и одного боба не стоишь!

Теперь, когда хулиганки ушли, кодло Недотепы стало постепенно собираться вокруг нее.

— А зачем ты отдала им еду? — спросил ребенок. — Раз уж она тебе так нужна?

— Ах, извини-подвинься, — отозвалась Недотепа. Теперь она говорила громко, чтобы ее слышало все кодло. — Значит, я так полагаю, что имею честь беседовать со здешним боссом? И ты такой сильный и могучий, что без всякого труда можешь отстоять свою жратву, так что ли?

— Я — нет, — ответил малыш. — Ведь я и одного боба не стою, помнишь?

— Ага, я-то помню. Может, и тебе стоило вспомнить об этом и заткнуться, а?

Компашка Недотепы заржала.

Не смеялся один шибздик.

— Тебе надо обзавестись собственным громилой, — сказал он.

— Я не ищу себе громил, я от них избавляюсь, — ответила Недотепа. Ей болтовня шибздика пришлась не по душе: все-таки он ей возражал. Еще минута, и придется сделать ему больно.

— Ты отдаешь еду хулиганам каждый день. Отдавай ее одному, и за это он будет отгонять от тебя других.

— Полагаешь, я никогда не думала об этом, дурачок? — сказала Недотепа. — Но ведь если я его куплю, то чем потом удержу при себе? Он же не захочет драться за нас!

— Не захочет, придется убить, — ответил малыш.

Такой ответ привел Недотепу в бешенство. Привел своей очевидной глупостью, а также наличием какого-то скрытого смысла, постичь который она не могла. Она снова наподдала ему коленкой, и он снова упал.

— А может, лучше начать с того, что я пришью тебя?

— Но ты же помнишь, что я не стою и одного боба? Убей одного громилу и найми другого. Он

будет сыт и наверняка станет тебя бояться.

На такое чудовищное утверждение у Недотепы готового ответа не нашлось.

— Они же тебя объедают, — продолжал малыш. — Обгладывают. Значит, придется одного убить. Швырни его на землю — они тут не такие уж и большие. А камнем можно расколоть любую голову.

— Меня от тебя просто тошнит, — буркнула она.

— Это потому, что сама ты не подумала об этом раньше.

Да он играет с собственной смертью, разговаривая так с Недотепой. Ведь даже если она его только покалечит — с ним будет покончено. Ему следовало бы понимать это.

С другой стороны, смерть и так уже давно притаилась в этом крошечном тельце, под рваной рубашонкой. Кажется, еще теснее Костлявой к нему и не прижаться.

Недотепа оглядела свою команду. По их лицам судить о мыслях было просто невозможно.

— Еще всякий шибздик будет указывать мне, кого надо убить, а кого — нет. Убивать-то нелегко.

— Пусть какой-нибудь малыш зайдет ему со

спины, а ты толкнешь громилу в грудь, так что он упадет, — ответил ребенок. — А вы припасете булыжники и кирпичи. Стукнешь по голове. Как увидишь, что мозг течет, — дело сделано.

— А зачем мне мертвяк-то? — спросила Недотепа. — Мне нужен свой громила, чтоб нас охранял. А мертвяк мне вроде ни к чему.

Малыш усмехнулся.

— Значит, моя идея тебе все же понравилась?

— Громилам нельзя доверять, — ответила она.

— Он должен охранять вас в благотворительной столовке, — сказал мальчик. — Вы пройдете внутрь столовки. — Он смотрел ей прямо в глаза, но говорил, обращаясь ко всем ребятам. — Громила должен ввести вас туда всех разом.

— Если маленький пацан войдет в столовку, то большие ребята его изобьют, — вмешался Сержант. Ему было восемь, и он считал себя первым заместителем Недотепы. Ей, правда, заместители были нужны, как зайцу писсуар.

— У вас будет громила. Он их заставит уйти.

— Да разве он сможет остановить двух хулиганов? Или трех? — спорил Сержант.

— Я уже объяснял, — ответил шибздик. — Вы их собьете с ног — они ведь тоже дети. У вас будут камни. Вы подготовитесь. Спорю, ты сам боец.

Разве не тебя кличут Сержантом?

— Хватит с ним болтать-то, Сарж, — вмешалась Недотепа. — Не вижу смысла тратить время на треп с двухлетним шибздом.

— Мне уже четыре, — пискнул тот.

— И как же тебя зовут? — спросила Недотепа.

— Никто мне не говорил, как меня кличут, — ответил малыш.

— Ты хочешь сказать, что так глуп, что позабыл собственное имя?

— Никто никогда не говорил мне, как меня зовут, — повторил мальчик. Он смотрел ей прямо в глаза, все еще лежа на земле, а вокруг стояли ребята из кодла.

— А верно ведь, он и боба не стоит? — спросила Недотепа.

— Верно, — отозвался мальчик.

— Ну, разве что одного-единственного, — завершил спор Сержант.

— Тогда у тебя теперь есть имя, — продолжала Недотепа. — Мотай отсюда к себе, торчи на своем мусорном ящике, а я пока буду обдумывать то, что ты сказал.

— Мне надо поесть, — сказал Боб.

— Если я получу громилу и если то, что ты обещал, сработает, тогда, возможно, я и дам тебе

что-нибудь.

— Мне нужно поесть сейчас, — сказал он.

Она знала, что это правда. Недотепа полезла в карман и достала оттуда шесть арахисовых орешков, спрятанных там давным-давно. Боб сел, взял с ладони один и, осторожно положив в рот, стал медленно разжевывать.

— Возьми все, — нетерпеливо потребовала она.

Боб вытянул худенькую лапку. Очень хилую. Даже сжать пальцы в кулак не было сил.

— Не смогу удержать, — шепнул он. — Не сжимается.

Проклятие! Она тратит прекрасные орешки на мальчишку, который все равно помрет.

Ведь она собирается проверить его идею. Идея спорная, но это первый план на ее памяти, который содержит хоть кукую-то возможность улучшить их жизнь, возможность хоть что-то изменить в этом жалком существовании и не требует от нее надеть женское платье и заняться омерзительным женским ремеслом. И раз это его план, то кодло должно увидеть, что Недотепа справедлива к Бобу. Только так и можно сохранить позицию босса — чтобы знали: она справедлива.

И Недотепа продолжала держать перед ним свою открытую ладонь с арахисом, пока Боб не сжевал все шесть — один за другим.

Когда шибздик проглотил последний орешек, он снова долгим и пристальным взором впился в ее глаза, а потом сказал:

— Все-таки ты лучше приготовься убить его.

— Мне он нужен живым.

— Но будь готова его убить, если он окажется не тем, кто нужен.

Сказав это, Боб заковылял через улицу к своему мусорному ящику, с трудом на него вскарабкался и стал смотреть по сторонам.

— Нет тебе четырех! — крикнул Сержант через улицу.

— Мне четыре, только я очень маленький, — ответил Боб.

Недотепа успокоила Сержанта, и они отправились за камнями, кирпичами и кусками шлака. Если назревает война, надо быть к ней готовыми.

Бобу не нравилось его новое имя, но все же это было имя, а наличие имени подразумевало, что еще кому-то известно, кто он такой, и этот кто-то при необходимости мог его окликнуть, что было славно само по себе. И шесть арахисовых

орешков — тоже славно. Его рот почти забыл, как с ними обращаться. Процесс жевания оказался очень болезненным.

Впрочем, смотреть на то, как Недотепа уродует его план, было тоже больно. Боб выбрал ее не потому, что она была самым умным вожаком кодла во всем Роттердаме. Скорее уж наоборот. Ее команда только что не голодала из-за плохого руководства и нескладных решений Недотепы. К тому же Недотепа слишком эмоциональна. Ей не хватает мозгов, чтобы обеспечить хорошее питание даже себе самой, хотя кодло и знает, что она милая, и даже любит ее. Но со стороны она не кажется процветающей. Так что результаты ее руководства вряд ли назовешь впечатляющими.

Если бы Недотепа делала свою работу как надо, она вообще никогда не стала бы слушать Боба. Она бы его и на пушечный выстрел не подпустила к себе. А если бы и выслушала и даже оценила идею, то тут же отделалась бы от него. Таковы уж законы улицы. Недотепа слишком добра, чтобы прожить долго. Именно на доброту Боб и делал ставку. И именно этой же доброты он сейчас опасался больше всего.

Все это время Боб внимательно вглядывался в прохожих, а его крошечное тельце безостано-

вочно отдавало последние силы тревоге за исход столь благополучно начатого дела. Боб и без того отдал ему уйму драгоценного времени. Сначала он долго наблюдал за поведением детей на улицах, разглядывал, как они воруют друг у друга, как вырывают еду из глоток более слабых, как залезают в чужие карманы, как продают запретные местечки своих тел, если на них найдутся покупатели. Потом он обдумывал проблему, как улучшить положение, если за дело возьмется человек с мозгами. Правда, своим выводам он доверял не полностью. Боб был уверен, что существует еще нечто, нечто такое, чего он не может уловить. Поэтому он старался узнать как можно больше. Он научился читать, потому что хотел знать, что означают закорючки на грузовиках, на лавках, на трамваях и мусорных ящиках. Он даже немножко освоил голландский язык, а также Всеобщий язык Международного Флота, чтобы лучше понимать происходящее вокруг него. Всем этим занятиям мешало чувство постоянного голода, отвлекавшее Боба от дела. Наверняка он мог бы лучше обеспечивать себя едой, если бы не тратил столько времени и сил на то, чтобы глубже понять людей. И вдруг он открыл: он их знает. Больше того, он знал их с самого начала.

Не было в них никаких тайн, не было ничего такого, чего Боб не понимал из-за того, что такой маленький. А причиной того, что уличные дети действовали столь глупо, было только одно — они просто дураки.

Они глупы, а он — умен. Так почему же он умирает с голода, тогда как они продолжают жить? И тогда Боб решил действовать. Тогда-то он и выбрал Недотепу в качестве вожака кодла. И вот теперь он сидит на мусорном ящике и смотрит, как она губит его прекрасный план.

Начала она с того, что выбрала не того хулигана. Ей нужен был парень, который одним своим видом наводил бы страх на всех. Ей надо было отыскать кого-то большого, глупого, жестокого, но обязательно управляемого. А Недотепа вообразила, что ей подойдет кто-то маленький. Глупо! Ах как глупо! Боб хотел было накричать на нее, когда увидел, кого она привела. Это был хулиган, который звал себя Ахиллом по имени героя комикса. Был он мал ростом, жесток, хитер и ловок, но с искалеченной ногой. Она, видите ли, решила, что такого они легче завалят на землю. Дура! Идея же не в том, чтобы легче сбить с ног — в первый раз с ног можно сбить любого, так как никто не ждет, что его собьют. А ведь надо было

искать такого, который, будучи один раз сбитым, останется лежать на земле!

Но Боб ничего не сказал. Не хотел, чтобы Недотепа на него обозлилась. Посмотрим, что будет. Посмотрим, каким станет Ахилл после того, как его изобьют. Она увидит, что ее выбор не сработал, и ей придется убить Ахилла, прятать его труп и искать себе нового хулигана, прежде чем разнесется слух, что появилось такое кодло малышни, которое побеждает хулиганов.

Вот и Ахилл! Шагает вразвалочку… Впрочем, возможно, эту походку он выработал из-за больной ноги… А Недотепа-то явно переигрывает, стараясь казаться испуганной и готовой на все, лишь бы от него отвязаться. Плохо дело, подумал Боб.

Надо было действовать нормально, как ведешь себя всегда в подобных ситуациях. Дура! Вот Ахилл потому-то и озирается по сторонам. Насторожен. Теперь она ему что-то говорит насчет своей заначки… это хорошо… и пытается увести в ловушку… в проулок… Гляди-ка, он пятится! Осторожен. Значит, ничего не выйдет.

Нет, получилось! Получилось из-за его хромой ноги. Ахилл видит ловушку, но уйти не может, двое ребятишек уже подобрались к нему с тыла,

со стороны больной ноги. Недотепа и Сержант сильно толкают его в грудь, он падает навзничь. И вот уже обломки кирпичей обрушиваются на Ахилла, на его хромую ногу. Их швыряют с силой — малышня хорошо справляется со своим делом. Они-то соображают, даром что сама Недотепа — дура. Да, здорово. Ахилл напуган, ему кажется, что сейчас его убьют.

Боб уже слез со своего ящика. Он тащится по проулку, стараясь не упустить ничего. Но сквозь толпу мало чего увидишь. Он пробивается сквозь ряды, малышня — все они куда старше его — пропускает Боба. Они ведь его узнали, он имеет право видеть все. Боб оказывается рядом с головой Ахилла. Над поверженным стоит Недотепа, держа в руках большой обломок шлакоблока. Она говорит:

— Ты должен поставить нас в очередь в столовку для бедных.

— Конечно… конечно… я же с радостью… клянусь…

Не верь ему, дура. Погляди в глаза, проверь, достаточно ли он ослаб духом.

— За это, Ахилл, ты получишь много еды. Ты получишь и мое кодло. У нас будет еда, мы накопим сил, мы еще лучше будем кормить тебя.

Тебе нужно иметь свое кодло. Другие хулиганы попробуют тебя убрать — мы их знаем! — но с нашей помощью ты сможешь на них спокойно насрать! Ты сам видишь, на что мы способны. Мы — армия, разве не так?

О'кей, он начинает соображать. Идея хороша, а он не глуп, так что постепенно проникается.

— Если ты такая хитрая, Недотепа, то почему давно ничего такого не организовала?

На это она ответить не готова. Молча скашивает глаза на Боба. Взгляд беглый, но Ахилл его успевает заметить. Бобу ясно, о чем тот думает. Мысли его прозрачно очевидны.

— Убей его, — говорит Боб.

— Не будь идиотом, — отвечает Недотепа. — Он согласен.

— Верно, — подтверждает Ахилл. — Я согласен. План хорош.

— Убей его, — стоит Боб на своем. — Если ты его не убьешь, он убьет тебя.

— И ты позволяешь этой ходячей говешке стоять тут и портить нам воздух? — говорит Ахилл.

— Вопрос простой: твоя жизнь или его, — не отстает Боб. — Убей его и подыщи другого.

— У другого парня не будет хромой ноги, — убеждает Ахилл. — Другой не будет в вас нуж-

даться. А мне вы нужны. Я согласен. Я тот, кто вам нужен. В этом есть смысл.

Возможно, предостережение Боба все же подействовало на Недотепу. Она колеблется.

— А тебе не кажется, что потом тебе будет западло возиться с кучей малышни вместо своего собственного кодла?

— Это твое кодло, а не мое, — отвечает Ахилл.

Лжец, думает Боб. Неужели она не видит, что он все время врет?

— А для меня, — продолжал Ахилл, — это моя семья. Они мои младшие братишки и сестренки. И я обязан заботиться о своей семье, не так ли?

Боб понял, что Ахилл выиграл. Он крутой хулиган, но он назвал этих малышей братьями и сестрами. В их глазах Боб увидел голод. Не обычный голод, вызванный пустым желудком, а глубинную голодную тоску по семье, по любви, по ласке и родным. Кое-что из этого малыши нашли в кодле Недотепы, но Ахилл пообещал им гораздо больше. Он побил козырную карту Недотепы. Теперь убивать его уже нельзя.

Слишком поздно, но на какое-то мгновение Бобу показалось, что Недотепа настолько тупа, что все же решила прикончить Ахилла. Она подняла свой шлакоблок, готовясь обрушить его на

голову хулигана.

— Нет, — сказал Боб. — Нельзя. Теперь он член семьи.

Она опустила камень куда-то на уровень живота. Медленно повернулась и уставилась на Боба.

— А ты убирайся отсюда, — рявкнула она. — Ты не из моего кодла. И ничего тебе тут не светит.

— Нет, — возразил Ахилл. — Тебе придется убить меня, если ты собираешься с ним так обойтись.

Звучало это смело. Но Боб знал, что храбростью Ахилл не отличается. Он только очень хитер. Он уже победил. И то обстоятельство, что Ахилл все еще валяется на земле, а Недотепа все еще держит камень, ровно ничего не значит. С Недотепой покончено. Очень скоро это поймут и другие, а не только Боб и Ахилл. А сейчас тут идет проверка, кто же здесь реальный хозяин, и эту проверку Ахилл намерен тоже выиграть.

— Этот малыш, может, и не член твоего кодла, но он член моей семьи. И ты не имеешь права говорить моему братишке, чтобы он убирался вон.

Недотепа замешкалась. Мгновение. Одно только мгновение. Но долгое. Его хватило, чтобы все решилось.

Ахилл сел. Потрогал свои ссадины. Погладил

шишки. С шутовским восхищением оглядел ребят, только что швырявших в него камни.

— Ну вы и сукины дети!

Они опасливо захихикали. Неужели он будет бить их за то, что они сделали ему больно?

— Не бойтесь, — сказал Ахилл. — Вы просто показали мне, на что способны. Нам ведь придется расправиться еще с несколькими хулиганами, вы это знаете. И мне необходимо было понять, справитесь ли вы с этим. Отличная работа! А как тебя звать?

Обращаясь по очереди к каждому ребенку, Ахилл узнавал их имена, запоминал их, а если пропускал кого-то, то долго извинялся, делая вид, что очень огорчен и что усиленно старается все запомнить. Через минут пятнадцать все уже были в него влюблены.

Если он таков, думал Боб, если он так легко привлекает симпатии людей, то почему он не добивался этого раньше?

Потому что дураки всегда стремятся к власти. Люди, которые стоят выше по рангу, своей властью делиться не желают. Так зачем же к ним подлизываться? Они тебе все равно ничего не дадут. А люди, которые стоят ниже тебя, если ты дашь им надежду, сделаешь вид, что уважаешь

их, они наделят тебя властью, ибо им неизвестно, что они ею обладают, а потому и отдадут ее тебе охотно.

Пошатываясь, Ахилл встал на ноги. Хромая нога болела еще сильнее. Все расступились, давая ему место. Если бы он захотел, то мог бы уйти. Уйти и не вернуться. Или вернуться сюда еще с несколькими хулиганами и жестоко покалечить детей. Он постоял, потом сунул руку в карман и вынул оттуда удивительную вещь. Изюм. Целую пригоршню изюмин. Дети смотрели на его руку так, будто на ладони вырос ноготь.

— Сначала самым маленьким братишкам и сестренкам, — сказал Ахилл. — Ну-ка самый маленький, выходи! — Поглядев на Боба, он добавил: — Ты!

— Нет, не он, — пискнул второй по возрасту. — Мы его не знаем.

— Этот Боб… он же хотел убить тебя, — еле слышно шепнул другой.

— Боб, — сказал Ахилл, — но ведь ты же только хотел стать членом моей семьи, верно?

— Да, — отозвался Боб.

— Хочешь изюма?

Тот кивнул.

— Тогда ты первый. Это ведь ты свел нас всех

вместе, так?

Ахилл или убьет его, или не убьет. А в данный момент значение имел только изюм. Боб взял изюмину. Положил ее в рот. Он не стал ее грызть. Просто дал слюне размягчить ягоду и долго наслаждался ее ароматом.

— Знаешь, — сказал ему Ахилл, — сколько ни держи ягоду во рту, все равно она не станет виноградиной.

— А виноград — это что?

Ахилл рассмеялся, а Боб все еще не мог решиться разгрызть изюм. Потом Ахилл стал раздавать его другим. Недотепа еще никогда не наделяла их таким количеством ягод. Просто она столько и сама еще в руках не держала. Но малышня этого не понимает. Они думают: вот Недотепа кормила их объедками, а Ахилл — дал им сладкий изюм. Они думают так, потому что дурачье. Вот почему.

2. Благотворительная столовка

— Я знаю, что вы весьма тщательно обследовали весь наш район и, полагаю, почти покончили с Роттердамом; но в последнее время, то есть уже после вашего отъезда, тут кое-что произошло, что… о, я не знаю, важно ли это… даже не знаю,

следовало ли мне звонить вам…

— Говорите, я вас слушаю.

— Вы же знаете, у нас всегда в очереди создается напряженка. Мы пытаемся предотвращать драки между детьми, но у нас так мало добровольцев, да и те заняты почти исключительно поддержанием порядка в самой столовой… ну и еще, конечно, раздачей еды. Нам известно, что очень многие малолетние дети не могут получить даже место в очереди, так как старшие их оттуда вышвыривают. И если нам еще как-то удается справиться с хулиганами в самом помещении столовой и впустить малышей внутрь, то старшие их потом избивают на выходе и больше мы этих маленьких никогда не видим. Ужасно, не правда ли?

— Да, выживают лишь наиболее приспособленные.

— Или самые жестокие. А ведь считают, что цивилизованность должна прогрессировать.

— Так это вы цивилизуетесь, а они — нет.

— Ну вот… кое-что изменилось. Внезапно. Буквально за последние дни. И не знаю почему. Но я… Вы же говорили, что если появится что-то новенькое… даже неизвестно по каким причинам… Так вот, я не знаю, а не может ли цивилизованность возникнуть сама собой, прямо среди этих

детей, живущих в городских джунглях?

— Именно в таких-то трущобах и зарождаются ростки цивилизации. Мои дела в Дельфте завершены. Здесь нам больше ничего не светит. Мне уже показали несколько голубеньких карточек.

Несколько последовавших недель Боб держался тише воды, ниже травы. Предложить ему было нечего — его лучший план находился уже в чужих руках. Боб знал: их благодарность — вещь крайне непрочная. Он мал, ест совсем немного, но если он начнет постоянно возникать и путаться под ногами, будет раздражать старших своей болтовней, то вскоре его станут лишать еды — уже не ради забавы, а в надежде, что он или умрет, или уберется куда-нибудь подальше.

Боб чувствовал, что глаза Ахилла все чаще и чаще останавливаются на его лице. Что ж, если Ахилл его убьет, так тому и быть. Его все равно от смерти отделяют каких-нибудь двое суток. Значит, его план не сработал, а поскольку других у него нет, то не так уж и важно, что из этого плана ничего хорошего не вышло. Если Ахилл запомнил, как Боб убеждал Недотепу убить его, а он, конечно, это запомнил, и теперь обдумывает, как и где лучше убить Боба, то предотвратить это нельзя никакими силами.

Нечего и думать начать пресмыкаться. Это сочтут проявлением слабости, а Боб уже не раз был свидетелем того, как хулиганы (а Ахилл — хулиган по призванию сердца) особенно злобно терроризировали детей, обнаруживших перед ними свою слабину. Не поможет ему и какой-нибудь новый хитроумный план. Во-первых, потому что такого плана у Боба нет, а во-вторых, Ахилл примет его за вызов своему авторитету. И другие ребята будут недовольны Бобом, скажут, что он выпендривается так, будто мозги есть только у него. Они уже и без того ненавидят Боба за то, что именно он предложил план, изменивший их жизнь.

А жизнь поменялась круто. Уже следующим утром Ахилл отправил Сержанта занять место в очереди в Хельгину столовку, что на Аэрт ван Нес страат, потому что, как он сказал, раз уж им все равно придется терпеть побои, то лучше пусть это будет после того, как они получат самую лучшую бесплатную шамовку во всем Роттердаме.

Болтать-то о смерти Ахилл болтал, но все же заставил их весь вечер того дня репетировать каждое движение, отрабатывая элементы взаимодействия, стараясь не выдать свои намерения слишком рано, как это случилось, когда они

напали на него самого. Тренировки заметно повысили уверенность детей в себе. Ахилл говорил им: «Вот этого они ожидают» или: «А тогда они поступят вот так», и, поскольку он сам был хулиганом, дети верили ему так, как никогда не верили Недотепе.

Недотепа же, поскольку всегда была дурой, вела себя так, будто оставалась вожаком кодла, а Ахиллу только поручила проведение тренировок. Боб даже восхитился тем, как Ахилл не стал с ней спорить, но ни на волос не изменил своего плана, несмотря на высказанные Недотепой соображения. Вслух он ничем не выражал сопротивления, а делал то, что считал нужным. Он не боролся за власть. Просто действовал так, будто он уже победил. А поскольку дети ему беспрекословно подчинялись, значит, он и вправду победил.

Очередь к столовке Хельги устанавливалась очень рано, и Ахилл внимательно знакомился с тем, как хулиганы, прибывшие позже, силой распределяют между собой места согласно неписаной иерархии. Хулиганы прекрасно знали, как распределяются места «по чести». Боб очень старался понять, чем руководствовался Ахилл, выбирая того хулигана, с которым Сержанту предстояло затеять драку. Тот должен был быть

не самым слабосильным — если побить самого слабого, то дальше им придется ежедневно доказывать свою силу и свое право. И, конечно, не стоит сразу связываться с самыми сильными. Пока Сержант шел через улицу к очереди, Боб гадал, чем отличается тот хулиган, которого выбрал Ахилл. И сейчас же понял: это самый сильный из хулиганов-одиночек, то есть из тех, у кого нет союзников.

«Цель» выглядела крупной и весьма опасной, так что если ребятишки его изобьют, победа будет славной. Парень ни с кем не разговаривал и ни с кем не здоровался. На этой территории он был чужаком, и некоторые местные громилы уже бросали на него мрачные взгляды, пытаясь оценить его силу. Так что драка все равно возникнет, даже если бы Ахилл не выбрал именно эту очередь за супом и именно этого чужака.

Сержант был абсолютно спокоен. Он нахально влез в очередь прямо перед носом намеченной жертвы. Несколько мгновений хулиган стоял, ошеломленно глядя на Сержанта, будто не веря своим глазам. Разумеется, сейчас несчастный пацан с ужасом обнаружит свою ошибку и убежит. Но Сержант сделал вид, что просто не замечает чужака.

— Эй! — крикнул чужак и с силой толкнул Сержанта. Судя по направлению толчка, Сержант должен был вылететь из очереди. Но, как приказал ему Ахилл, он отставил ногу и полетел прямо вперед, сильно ударив хулигана, стоявшего перед ним, хотя намеченная жертва даже не подозревала о существовании этого второго хулигана весьма высокого ранга.

Передний повернулся и вызверился на Сержанта, который тут же начал жаловаться:

— Это он меня пихнул!

— Это он сам трахнулся об тебя, — заявила будущая жертва.

— Да неужто я уж такой идиот! — взвился Сержант.

Передний хулиган тщательно оглядел заднего. Чужак. Сильный, но начистить ему морду можно.

— Не зарывайся, Костлявый.

Такая кличка промеж хулиганья почитается за оскорбление, ибо содержит намек на физическую слабость и умственную отсталость.

— Сам не зарывайся, сука!

Пока шла эта словесная перепалка, к Сержанту подошел Ахилл с группой отборных малышей. Подойдя к Сержанту, который, рискуя жизнью и

здоровьем, торчал между двумя хулиганами, двое самых маленьких прошмыгнули сквозь очередь и встали у стены так, чтобы будущая жертва не могла их засечь. А вот тут-то Ахилл и заорал:

— Какого дьявола ты о себе понимаешь, ты — измазанная дерьмом промокашка! Я послал своего мальчугана занять мне место в очереди, а ты его пихаешь! Да еще швыряешь его на вон того моего приятеля!

Конечно, никакого приятеля у Ахилла не было. Он принадлежал к самой низкой категории хулиганов в этой части Роттердама и всегда занимал самое последнее место в очереди хулиганья. Но чужак-то этого не знал, а время на выяснение подобных деталей уже истекло. Потому что, когда чужак повернулся к Ахиллу, малыши, стоявшие позади и сбоку от него, отклеились от стенки и вцепились ему в ляжки. На обычные в таких случаях церемонии обмена ругательствами и тычками времени не было. Началась драка. Начал Ахилл и тут же закончил ее с необычайной жестокостью. Он с силой ударил противника в грудь, тот споткнулся о малышей и рухнул на спину, больно ударившись головой о камни мостовой. Там он и валялся оглушенный, тупо моргая глазами, а двое ребятишек в это время во-

оружали Ахилла булыжниками. Ахилл швырнул их — один за другим — прямо в грудь врага. Боб слышал, как трещат, словно сухие сучья, ломающиеся ребра.

Ахилл схватил лежащего за рубашку и вытащил его на середину улицы. Тот стонал, пытался сопротивляться, потом еще раз что-то простонал и потерял сознание.

Стоящие в очереди попятились. Дело в том, что был нарушен существовавший протокол. Когда хулиганы выясняли отношения друг с другом, они делали это в укромных тупичках и переулках, причем старались не наносить противнику серьезных повреждений. Они дрались ради подтверждения своего статуса, и когда цель была достигнута, драка сразу кончалась. Применение булыжников вообще оказалось новшеством, равно как и переломы костей. Все испугались не потому, что Ахилл был страшен на вид, а потому, что он нарушил обычай и сделал это открыто — на глазах у всех.

В ту же минуту Ахилл подал Недотепе сигнал подвести остальных малышей и заполнить разрыв в очереди. Сам же он носился взад и вперед вдоль очереди и орал во весь голос:

— Можете меня презирать, хрен с вами! Пусть

я калека, пусть я жалкий хромуша, который еле-еле стоит на ногах! Но я не позволю вам толкать моих детей! И не вздумайте гнать их из этой очереди! Слышите! Потому как, если вы выкинете такую штуку, из-за угла обязательно вылетит какой-нибудь грузовик, который вас сшибет с ног и переломает вам кости точно так, как это случилось вон с тем недоноском! Только у вас это может кончиться и проломом башки, да еще таким, что мозги размажутся по мостовой! Берегитесь грузовиков, несущихся на скоростях, вроде того, что сшиб этого парня с говном заместо мозговых извилин, сшиб прямо у дверей моей столовки.

Да, это был уже вызов. Надо ж — МОЯ столовка! И Ахилл ничего не стыдится, ничуть не смущен. Он продолжает выпендриваться, он быстро хромает вдоль очереди, заглядывая прямо в глаза громилам, как бы вызывая их на новый скандал. А по другую сторону очереди за ним следуют двое маленьких пацанов — тех самых, что помогли свалить чужака, а рядом с Ахиллом идет Сержант — радостный и довольный. Они прямо-таки излучают уверенность, тогда как удивленные хулиганы бросают через плечо осторожные взгляды — дескать, что это там такое случилось и что

делают за их спинами остальные члены кодла?

И все это совсем не похоже на пустую похвальбу и глупые разговоры. Когда один из хулиганов осмеливается пробормотать себе под нос угрозу, Ахилл подавляет бунт. Правда, поскольку он сам запланировал эту драку и она соответствует его интересам, он наваливается не на ворчуна, а на парня, который стоит рядом. Малыши кидаются на того, кто стоит за спиной ворчуна. Следом за броском детишек Ахилл бьет в грудь новую жертву, вопя на пределе своих голосовых связок:

— Ты чего оскаляешься, подонок!

В руке у него сразу появляется булыжник, он стоит над поверженным хулиганом, но удара не наносит.

— Убирайся в конец очереди, болван! И скажи спасибо, что я все же разрешаю тебе пожрать в моей столовке!

Происшествие напугало ворчуна, ибо хулиган, которого Ахилл повалил и мог искалечить, был всего лишь на одну ступеньку ниже его по статусу. Злобного критика никто не бил, никто ему не угрожал, но победу у него из рук вырвали бескровно.

Дверь столовки открывается. Ахилл уже тут как тут — рядом с женщиной, открывшей дверь.

Он улыбается и говорит с ней чуть покровительственным тоном.

— Спасибо, что кормите нас сегодня, — говорит он. — Я буду есть последним в очереди. Благодарю вас от имени всех моих друзей. И особая благодарность за то, что вы покормите мою семью.

Женщина, стоящая в дверях, отлично разбирается в законах улицы. Знает она и Ахилла и потому чувствует, что тут происходит нечто странное. Ахилл всегда ел последним в группе старших ребят и всегда держался очень приниженно. Его теперешняя фамильярность еще не успевает вызвать у женщины раздражение, когда к дверям подходят первые ребятишки из кодла Недотепы.

— А вот и моя семья, — гордо сообщает Ахилл, пропуская ребят внутрь столовой. — Позаботьтесь о моих детках хорошенько.

Он даже Недотепу называет своим ребенком! Хотя она, возможно, и сочла себя униженной, но ничего не говорит. Все, о чем она сейчас думает, так это о чуде — она стоит в сказочной столовой, где кормят супом! Их план сработал!

Думала ли она о плане как о своем или как о плане Боба — значения не имело. Особенно для самого Боба. И особенно после того, как он сунул

в рот первую ложку дивного супа. Он глотал суп медленно, крошечными глотками, так медленно, как только мог. И все же суп кончился слишком быстро, куда быстрее, чем можно было ожидать. Неужели все? И как он умудрился пролить столько драгоценной влаги на свою рубашку?

Он быстро сунул под рубашку кусок хлеба и пошел к двери. Спрятать хлеб и уходить — идея Ахилла, и очень хорошая. Кое-кто из хулиганов, сидящих сейчас в столовке, может потребовать свою долю. Вид малышни, лопающей суп, способен вызвать у них недовольство. Потом-то они привыкнут к этому, обещал Ахилл, но сегодня первый день и очень важно, чтобы маленькие вышли из столовки, пока хулиганы еще едят.

Когда Боб подошел к двери, другие ребята еще продолжали в нее входить, а Ахилл стоял у дверей на стреме, болтая с той женщиной о печальном инциденте, который произошел в очереди. Только что приезжала «скорая», которая и увезла раненого — он уже и стонать-то перестал.

— А ведь это мог быть и кто-нибудь из малышни, — разливался Ахилл. — Надо бы тут полицейского поставить, чтоб следил за транспортом. Там, где стоят полицейские, лихачи себе такого не позволяют, знаете ли.

Женщина с ним охотно соглашалась.

— Совершенно ужасный случай! Говорят, у него переломана половина ребер, причем некоторые из них проткнули ему легкие. — Она, очевидно, сильно переживала происшествие, даже пальцы у нее дрожали.

— Очередь начинает выстраиваться еще затемно. Время опасное, так нельзя ли наладить здесь освещение? Мне приходится думать о своих детях, — говорил Ахилл. — Неужели вы хотите, чтоб такие малыши попадали в опасные переделки? Или я обречен быть единственным, кому не безразлична их судьба?

Женщина что-то пробормотала насчет денег и о том, как скромен бюджет их столовой.

Между тем Недотепа пересчитывала детей на выходе, а Сержант выпроваживал их на улицу.

Боб понял, что Ахилл пытается убедить взрослых подумать об организации системы защиты малышей в очереди, и решил, что пришло время показать, что и он может тут чем-то помочь. Так как женщина была благожелательна, а Боб — самый крошечный из детей, он знал, что обладает над ней определенной властью. Боб подошел к женщине и тихонько подергал ее шерстяную юбку.

— Спасибо, что присмотрели за нами, — пропищал он. — Я ведь впервые в жизни был в настоящей столовой. Папа Ахилл сказал нам, что вы будете защищать нас, чтобы мы — самые маленькие — могли быть сытыми каждый день.

— Ах ты бедняжка! Нет, вы только поглядите на него! — Слезы ручьем текли по ее щекам. — Ах ты мой милый! — И она крепко обняла Боба.

Ахилл смотрел и улыбался.

— Приходится за ними присматривать, — сказал он тихо. — Я обязан сделать их жизнь спокойной и радостной.

А потом он увел свою семью, которую теперь уж никак нельзя было считать кодлом Недотепы. Увел прочь от столовки Хельги, и они послушно тянулись за ним цепочкой. Так продолжалось, пока они не завернули за угол дома. Тут они рассыпались и помчались изо всех сил, разбившись на мелкие группки, члены которых держались за руки. Главное было оставить между собой и столовкой Хельги как можно большее расстояние. Ведь весь остальной день им придется провести в своих убежищах. Хулиганье, тоже разбившись на тройки и двойки, будет тщательно прочесывать окрестности в поисках детей.

Но в данном случае дети вполне могли позво-

лить себе такую роскошь, так как сегодня им не надо было заботиться о еде. Похлебка дала им куда больше калорий, чем они получали обычно, да к тому же у них еще оставался и хлеб.

Конечно, им предстояло уплатить с этого хлеба свой первый налог. Этот налог предназначался Ахиллу, который похлебки так и не получил. Каждый ребенок почтительно протягивал свой ломоть новому папе, а тот от него откусывал кусок, медленно прожевывал, а потом возвращал ломоть владельцу. Ритуал затянулся надолго. Ахилл откусил от каждого ломтя, кроме двух — Недотепы и Боба.

— Спасибо, — сказала Недотепа.

Она была так тупа, что приняла поступок Ахилла за проявление уважения. Но Боб-то отлично понимал, где тут зарыта собака. Отказавшись от их хлеба, Ахилл как бы ставил их вне семьи. Мы уже мертвяки, подумал Боб.

Вот почему теперь Боб пытался всегда быть в тени, вот почему он прикусил язык и старался быть совершенно незаметным. Кроме того, он взял за правило не оставаться в одиночестве и постоянно быть возле кого-то из детей.

А вот к Недотепе он не лип. Не хотел, чтоб кто-то удержал в памяти картинку — он якшается с

Недотепой.

Со следующего утра у двери столовки Хельги уже стоял взрослый сотрудник, а на третий день над дверью зажгли электрическую лампочку. К концу же недели взрослого сотрудника сменил у дверей здоровенный коп. Однако и в этих условиях Ахилл никогда не выводил свою семью из укрытия раньше, чем у дверей появлялся взрослый. Тогда Ахилл громко выражал благодарность тому хулигану, который стоял в очереди первым, якобы за то, что тот занял места в очереди для малышей, а также вообще присматривает за ними.

Но ребятишки нервничали, видя, какие взгляды бросают на них хулиганы. Правда, тем под взглядами стражей порядка приходилось вести себя хорошо, но в их мозгах шевелились мысли об убийстве.

Облегчение не приходило, хулиганы не желали «привыкать» к новой ситуации, несмотря на разглагольствования Ахилла, что они обязательно привыкнут. Так что хотя Боб и решил оставаться незаметным, но он понял, что надо что-то делать, что-то такое, что отвлечет тупые головы хулиганов от пожирающей их ненависти. И такое, чего Ахилл делать не собирается, ибо считает, что война кончена и победа досталась ему.

Тогда одним ранним утром Боб занял свое место в очереди в столовку, умышленно постаравшись оказаться самым последним. Обычно очередь малышей замыкала Недотепа. Она старалась Таким образом показать, что играет важную роль в процессе доставки пацанов в столовку. Боб же ухитрился в это утро встать за ней, прямо под ненавидящим взглядом хулигана, который должен был быть в очереди первым, а потому сгорал от злобы.

У дверей, где Ахилл разговаривал с той же самой женщиной, с гордостью поглядывая на свою семью, Боб повернулся к стоящему за ним громиле и очень громко спросил:

— А где твои дети? Почему ты не водишь их в эту столовку?

Хулиган явно готовился ответить ему какой-то похабщиной, но женщина у дверей смотрела на него, выжидающе подняв брови.

— Значит, ты тоже присматриваешь за малышами? — спросила она, явно рассчитывая на утвердительный ответ. Как бы ни был глуп этот громила, но он знал, что со взрослыми, ведающими распределением еды, лучше дружить. И ответил:

— Еще бы, конечно.

— Что ж, приводи их сюда, как это делает папа Ахилл. Мы с радостью принимаем малышей.

Боб снова пискнул:

— Они тут маленьких пускают в столовку первыми.

— Отличная мысль, — подхватила женщина. — Надо сделать это правилом. Ну а теперь пора начинать. Мы задерживаем голодных детей.

Проходя в столовую, Боб даже не взглянул на Ахилла.

Позднее, уже после завтрака, когда они выполняли ритуал подношения хлеба Ахиллу, Боб снова попытался протянуть ему свой ломоть, хотя тут и присутствовала опасность напомнить остальным, что Ахилл никогда раньше у него пищу из рук не брал. Но сегодня, когда Боб проявил ум и смелость, ему надо было выяснить отношение Ахилла к себе.

— Если они все начнут таскать сюда малышню, нам не хватит похлебки, — холодно бросил Ахилл. Его глаза не выражали ровно ничего, что само по себе можно было считать дурным предзнаменованием.

— Если хулиганы все станут папами, они перестанут думать о том, как истребить нас, — ответил Боб.

При этих словах глаза Ахилла немного оттаяли. Он протянул руку и взял ломоть Боба. Надкусил корку и оторвал ее чуть ли не целиком. Почти половину ломтя. Потом сунул ее в рот, медленно разжевал и только тогда вернул остатки хлеба Бобу.

В результате Боб в тот день остался голодным, но дело того стоило. Происшедшее вовсе не означало, что Ахилл раздумал его убить, но зато он больше не изолировал мальчика от остальных детей семьи. А оставшийся хлеб… что ж, если уж говорить по правде, его все равно было больше, чем доставалось Бобу раньше не на день, а чуть ли не на неделю.

Боб поправлялся. На ногах и руках снова появились мышцы. Переход через улицу уже не оставлял его без сил, он уже мог держаться на равных с другими ребятишками, перебегавшими улицы вприпрыжку. Да, энергии прибавилось у всех. Они стали здоровее по сравнению с тем временем, когда у них не было папы. Это очень заметно. Другие хулиганы теперь без всякого труда могут вербовать беспризорников в свои новые семьи.

Сестра Карлотта была вербовщиком рекрутов для Международного Космического Флота по

программе воинского воспитания детей. Ее деятельность в этом направлении навлекла на нее критику со стороны Ордена, но ей все же удалось сохранить свое прежнее положение, напомнив руководителям Ордена насчет Договора о Защите планеты Земля, что представляло весьма слабо завуалированную угрозу. Если бы сестра Карлотта доказала, что Орден мешает ей работать на МКФ, то его лишили бы налоговых льгот и ограничили бы приток в Орден новых членов. Сестра, однако, прекрасно понимала, что, когда война кончится и Договор потеряет значение, она превратится в бездомную монашку, которой не будет места в Ордене святого Николая.

Самым важным делом своей жизни сестра Карлотта считала заботу о детях, причем в той форме, которая вытекала из представления сестры, что если жукеры выиграют последнюю битву с людьми, то все дети на Земле обязательно будут уничтожены. Разумеется, Господь не даст этому случиться, но, по ее мнению, Господь вовсе не желает, чтобы его служители сидели без дела, ожидая, когда же он начнет творить свои чудеса. Нет, Господь требует, чтобы его служители работали изо всех сил, дабы приблизить день торжества Справедливости. Поэтому ее личный

долг, как одной из сестер Ордена святого Николая, заключается в том, чтобы максимально эффективно использовать свои знания в области воспитания детей для укрепления обороноспособности Земли. И если МКФ считает важным делом рекрутировать особо одаренных детей и воспитывать из них командиров грядущих сражений, она поможет Флоту находить таких детей, которых, возможно, пропустили другие вербовщики. Вряд ли Флот будет, например, выбрасывать деньги на такие бесперспективные дела, как обход замусоренных улиц перенаселенных городов мира с целью поиска среди вечно голодных и одичавших детей, которые там воруют, клянчат и умирают, тех самых одаренных кандидатов. Ибо шанс найти таких — умных, годных по характеру и способностям для поступления в Боевую школу — невероятно мал.

Для Бога же такое дело особого труда не составляет. Разве не сказал он когда-то, что слабые станут сильными, а сильные — слабыми? Разве не родился Иисус у скромного плотника и его жены в захолустной провинции Галилее? Конечно, возникновение блестящих способностей у детей, родившихся в богатстве и славе или даже просто в зажиточных семьях, не требует вмешательства

чудесных сил. А вот ей придется искать чуда. Но ведь Господь создал человека — женщину и мужчину — по образу и подобию своему. И никакие жукеры с других планет не смогут низринуть то, что сотворил Господь.

За последние годы энтузиазм (но не вера) сестры Карлотты слегка потускнел. Она не нашла ни одного ребенка, тестирование которого выявило бы способности намного выше средних. Таких тоже детей забирали с улиц и обучали, но не в Боевой школе, так как на роль спасителей мира они не годились. Поэтому сестра Карлотта стала думать о своей работе как о другой ипостаси Чуда, ипостаси, дающей надежду, ипостаси, спасающей хороших детей из гибельных болот, привлекающей к таким детям внимание местных властей. Теперь она искала детей с хорошими данными, заносила их в список и сообщала о них властям.

Некоторые из ее ранних «находок» уже кончали колледжи. Они считали, что обязаны своей жизнью сестре Карлотте. Но она-то знала, что они обязаны ею Богу.

И вот теперь пришло сообщение от Хельги Браун из Роттердама, которая извещала сестру Карлотту о кое-каких событиях среди детей, посещавших благотворительную столовую. Бра-

ун называла эти события повышением уровня цивилизованности. Дети становились более цивилизованными сами по себе.

Сестра Карлотта примчалась сразу же, чтобы посмотреть то, что представлялось ей чудом. И в самом деле, когда она все увидела собственными глазами, она им не поверила. Очередь за завтраком у дверей столовой была буквально запружена малолетними детишками. А старшие ребята, вместо того чтобы отшвыривать малышню с дороги или запугивать, чтобы тем и в голову не пришло заявиться сюда вторично, приводили их к столовой группами, защищали и следили, чтобы каждый малыш получил свою порцию еды. Хельга сначала запаниковала, боясь, что у нее не хватит провизии, но скоро поняла, что потенциальные филантропы, увидев поведение детей, повысят дотации столовой. Не говоря уж о том, что от добровольных помощников отбоя не будет.

— Я была на грани отчаяния, — рассказывала она сестре Карлотте. — В тот день, когда мне рассказали, что грузовик налетел на одного из старших мальчиков и переломал ему ребра. Разумеется, это была ложь. Причем сам он валялся на мостовой в двух шагах от очереди. Они даже

не потрудились спрятать его от меня. Я решила оставить свое дело, бросить детей, положившись на милость Господа, и со старшим сыном уехать во Франкфурт, где правительство по договору свободно от обязательства принимать беженцев из любой части света.

— Я рада, что вы этого не сделали, — сказала сестра Карлотта. — Нельзя бросать их на милость Бога, если Господь уже передал их в наши руки.

— Странная вещь произошла. Видимо, драка в очереди открыла детям глаза на ужасы их жизни, так как на следующий день мальчик из тех, кто постарше, но самый слабый из них, с искалеченной ногой… они зовут его Ахиллом… кажется, я сама когда-то дала ему эту кличку, поскольку у настоящего Ахилла была больная пятка… Так вот этот мальчик появился в очереди с группой малышей. Откровенно говоря, он попросил у меня защиты, предупредив, что случившееся с тем беднягой, у которого переломаны ребра (его зовут Улиссом, так как он кочует от одной благотворительной столовой к другой, и он все еще в больнице, так как ребра все поломаны, можете вообразить такую жестокость?), так вот Ахилл предупредил, что такое может произойти и с малышами. Я предприняла кое-что

— стала приходить раньше, а потом уговорила полицию отрядить мне одного полицейского за половинную плату — из тех, кто отработал свою смену и хочет подзаработать. Теперь-то у нас уже организованы регулярные дежурства. Вы скажете, что мне следовало еще раньше навести порядок в очереди, но понимаете ли… Это все равно ничего бы не дало. В моем присутствии хулиганы никогда не запугивали детишек, они это делали там, где меня не было, в укромных уголках. Дело в том, что очередь замыкали всегда самые крупные и самые злобные негодяи. Да, я понимаю, что они тоже дети Божии, и я кормила их и старалась учить добру, пока они ели, но мне не хватало терпения — такие они были бессовестные и бессердечные. А этот Ахилл взял под свое крыло целую группу малышей, включая самого крошечного, какого мне когда-либо приходилось встречать на улицах. У меня от его вида чуть сердце не разрывалось… а ребятишки зовут его Бобом — такой он крошечный. Выглядит он года на два, но я потом узнала, будто он думает, что ему четыре, а говорит он так, что можно подумать — ему все десять. Такой милочка! Думаю, это помогло ему дожить до того времени, когда Ахилл усыновил его. Но все равно, как говорят в

народе, это были только кожа да кости… да, такое выражение вполне подходило к Бобу. Не знаю, как он мог ходить или стоять — ножки и ручки тоненькие, как у муравья, совсем без мускулов. Да что это я говорю! Сравнивать это дитя с жукерами! Впрочем, следует говорить не жукеры, а муравьеподобные — в английском языке это плохое слово, хотя английский язык — это вовсе не Всеобщий язык МКФ, он только происходит от английского, не так ли…

— Итак, Хельга, вы говорите, что все началось с Ахилла?

— Пожалуйста, зовите меня Хэззи! Мы ведь теперь друзья, правда? — Она порывисто схватила руку Карлотты. — Вы обязательно должны встретиться с этим мальчиком! Какое мужество! Какая прозорливость! Его надо протестировать, сестра Карлотта! Он прирожденный лидер. Он… цивилизатор!

Сестра Карлотта не стала доказывать Хельге, что из цивилизаторов редко получаются хорошие солдаты. Достаточно и того, что сама Карлотта не обратила внимания на этого мальчика раньше. Пусть случай с ним послужит ей напоминанием — надо быть внимательнее.

Рано утром, еще затемно, сестра Карлотта подо-

шла к дверям столовой, где уже сформировалась очередь. Хельга помахала ей рукой, а потом незаметно показала на очень красивого подростка, окруженного толпой малышни. Только когда она подошла поближе и увидела, как ходит этот мальчик, она поняла, как плохо обстоит дело с его правой ногой. Тут же попыталась поставить диагноз. Запущенный рахит? Не прооперированная вовремя косолапость? Плохо сросшийся перелом?

Не имеет значения. Все равно Боевая школа его не возьмет.

А потом она увидела, с каким обожанием смотрят на него дети, как зовут его папой, как жадно ждут его похвалы. Среди взрослых хороших отцов не так уж много. А этот мальчик — сколько ему? Одиннадцать? Двенадцать? — уже успел стать прекрасным отцом. Защитником, подателем пищи, королем, даже Богом. А когда вы оказываете милость слабым, вы оказываете ее мне, говорил Иисус, так что в его сердце этот подросток уже занимает почетное место. Она — сестра Карлотта — протестирует его, узнает, нельзя ли залечить его ногу, а если и нет, то найдет ему место в хорошей школе в каком-нибудь спокойном голландском городке… ах, извините, в Интерна-

циональной Зоне… который еще не полностью истощил свои возможности из-за наплыва беженцев, погибающих от отчаянной нищеты.

Ахилл от этого варианта отказался.

— Не могу бросить детей, — сказал он.

— Но ведь наверняка найдется кто-то, кто присмотрит за ними?

Девочка, одетая в одежду мальчишки, сказала:

— Я смогу.

Но было совершенно очевидно, что она не сможет — уж очень мала. Ахилл прав: дети полностью зависят от него. Бросить их было бы проявлением безответственности. Сестра Карлотта приехала сюда только потому, что Ахилл цивилизован. А цивилизованные мужчины не бросают своих детей.

— Тогда я приду к вам сама. Когда вы поедите, возьмите меня туда, где вы проводите время днем, и позвольте мне обучать вас — это будет что-то вроде маленькой школы. Хоть несколько дней, но и то хорошо, верно?

Это будет прекрасно! Утекло так много воды с тех пор, как сестра Карлотта в последний раз преподавала детям. А такого класса у нее и вовсе никогда не было. И это как раз тогда, когда ей показалось, что она изверилась в своей работе!

Да, Господь послал ей еще один шанс. Может, это и есть чудо? Разве Христос не исцелил хромого? И если Ахилл хорошо пройдет тестирование, тогда Господь излечит ему ногу, пусть даже с помощью современной медицины.

— Школа — это хорошо, — сказал Ахилл. — Никто из этих ребятишек не умеет даже читать.

Сестра Карлотта поняла, что если сам Ахилл и умеет читать, то наверняка плохо.

По какой-то причине, возможно, из-за почти незаметного движения, когда Ахилл сказал, что никто из детей читать не умеет, самый крошечный из них всех, которого они зовут Бобом, обратил на себя внимание Карлотты. Она заглянула в его глаза, в которых горели искры, подобные кострам далеких кочевий в ночной тьме, и поняла — он читать умеет. Она знала, хоть и не могла понять — откуда, что вовсе не Ахилл, а этот малыш — тот, ради которого Бог привел ее сюда.

Она постаралась тут же стряхнуть с себя это наваждение. Ахилл — цивилизатор, это он осуществляет дело Христа, это он тот лидер, в котором нуждается МКФ, а вовсе не тот самый маленький и самый слабенький из его апостолов.

Во время классных занятий Боб всегда старался

держаться незаметно, никогда не высовывался с ответами, уклонялся от них, даже когда сестра Карлотта вызывала его. Боб знал, что ему придется плохо, если ребята узнают, что он не только умеет читать, но и считать может, или что он понимает все языки, на которых говорят на улице, что он подхватывает новые слова этих языков так же легко, как дети подхватывают брошенные вверх камешки. Что бы ни делала сестра Карлотта, какие бы блага она ни расточала, но если другие ребята заподозрят, что Боб перед ними выхваляется, он знал — это будет его последний день в школе. А она хотя и обучала преимущественно тем вещам, которые Боб уже знал, но в речи сестры Карлотты содержались намеки на безмерную огромность внешнего мира, на обширные познания и мудрость учительницы. Ни один взрослый никогда не тратил свое время на разговоры с детьми, и Боб просто купался в наслаждении, которое доставляла ему беседа на красивом правильном языке. Когда она их обучала, то, конечно, пользовалась Всеобщим языком МКФ, являвшимся одновременно и главным языком улицы, но поскольку многие дети знали еще и голландский, а некоторые даже были голландцами по рождению, Карлотта разъясняла им

трудные понятия на этом языке. А когда сестра бывала расстроена, она бормотала себе что-то под нос по-испански, а то был язык богатых торговцев с Йонкерс Франс страат, и Боб, зная его, стремился угадать смысл новых слов, услышанных от сестры Карлотты. Обширные знания Карлотты были для Боба истинным пиршеством, и если он будет сидеть смирно, то его не тронут и не выгонят из-за этого дивного стола.

Однако прошла только неделя занятий, и Боб допустил очень серьезный промах. Сестра Карлотта раздала им листки бумаги, на которых было что-то написано. Боб тут же понял, что это инструкции, согласно которым следовало обвести кружком правильные варианты из приведенных ответов на вопросы. Поэтому он тут же стал обводить верные варианты кружками и сделал уже половину работы, когда вдруг заметил, что в группе воцарилось тяжелое молчание.

Все таращились на него, ибо на него же были устремлены и глаза Карлотты.

— Куда ты спешишь, Боб? — спросила она. — Я же еще не объяснила, что именно надо делать. Пожалуйста, отдай мне листок.

Глупец! Разгильдяй! Несмышленыш! Если ты из-за этого погибнешь, Боб, так туда тебе и до-

рога!

Он подал ей листок.

Она быстро проглядела его, а потом пристально посмотрела на Боба.

— Продолжай работать, — сказала она.

Боб взял листок из ее рук. Карандаш завис над строкой. Он сделал вид, будто бьется над ответом.

— Ты выполнил первые пятнадцать пунктов за полторы минуты. Сделай милость, не считай меня дурой, которая способна поверить, что тебе так трудно справиться с остальными. — Голос ее звучал сухо и насмешливо.

— Я не могу этого сделать, — сказал Боб. — Я ведь просто играл.

— Врать не надо, — ответила сестра Карлотта. — Доделывай.

Боб сдался и быстро кончил работу. Большого времени на это не потребовалось — работа была легкая. Он отдал листок.

Сестра проглядела его работу и ничего не сказала по существу дела.

— Я надеюсь, что остальные будут ждать, пока я не кончу рассказывать о том, что именно вы должны сделать, и не прочитаю вам вслух вопросы. Если вы попытаетесь догадаться о том, что

тут написано, все ответы будут ошибочны.

Затем она прочла им вопросы и варианты ответов на них. Только тогда остальные дети стали делать пометки в своих листках.

Больше сестра Карлотта не сказала ни одного слова, которое могло бы привлечь внимание детей к Бобу, но непоправимый ущерб ему уже был нанесен. Как только урок кончился, к Бобу подошел Сержант.

— Значит, ты у нас мастак читать? — спросил Сержант.

Боб пожал плечами.

— Ты нас обманул.

— Я никогда не говорил, что не умею.

— Ты нас унизил. Почему ты не захотел учить нас сам?

Потому что я борюсь за выживание, сказал про себя Боб. Потому что не хотел напомнить Ахиллу, что я и есть тот ловкач, который придумал план, отдавший наше кодло в руки Ахилла. Если он вспомнит об этом, то вспомнит и о том, как я уговаривал Недотепу убить его.

Ответом Боба было пожатие плеч.

— Не люблю, когда кто-то утаивает важное от других!

И Сержант ударил Боба ногой.

Боб не нуждался в дополнительных указаниях. Он покорно встал и зашагал прочь от группы. Вот и учеба кончилась. Возможно, и завтраки тоже. Чтобы узнать это, придется ждать до утра.

Вторую половину дня он провел на улице. Один. Надо быть очень осторожным. Самый маленький и самый слабый, он был и самым ненужным в семье Ахилла. Так что на него могут и не обратить внимания. С другой стороны, те хулиганы, что ненавидят Ахилла, могли хорошо запомнить именно его — Боба, как самого бросающегося в глаза в группе. Им может прийти в башку, что убить Боба или избить до полусмерти и бросить на улице было бы отличным предупреждением для Ахилла о том, что его все еще ненавидят, хотя жизнь и стала немного лучше.

Боб знал, что такова точка зрения многих хулиганов. Особенно тех, которые не сумели создать свою «семью», так как они очень жестоки к малышам. Малышня быстро усваивала, что если папа злится, то они сами могут наказать его, уйдя от него сразу же после завтрака и присоединившись к какой-нибудь другой группе. Им надо только постараться поесть раньше него. Он еще будет есть свою похлебку, а они уже успеют обзавестись защитой от него. Даже если им придется убежать,

не поев, то и тогда злой папа ничего не получит, а Хельга даже обрадуется, так как этот папа плохой — не заботится о маленьких детях. Поэтому таким хулиганам — практически маргиналам — нынешний разворот событий не нравился, и они не забывали, что виновником всего этого является Ахилл. Перейти в другую столовку они тоже не могли — слухи среди взрослых подателей пищи распространялись быстро, и теперь всюду установился порядок — детские группы проходят первыми. Если у тебя нет семьи, ты можешь здорово наголодаться. И никто тебе не поможет.

Все же Боб старался держаться возле ребятишек из других «семей», чтобы узнать, какие идут толки.

Ответ он вскоре получил. Дела в других семьях шли не очень ладно. Видимо, Ахилл и в самом деле был отличным лидером. Например, ритуал разделения хлеба. Ничего подобного в других семьях не было. Зато там процветали наказания. Ребятишек избивали за многое. За то, что они были медлительны, невнимательны. У них отбирали хлеб, если они в чем-то провинились — замешкались, например.

Значит, в конце концов Недотепа сделала все же правильный выбор. Может, по глупому ве-

зению, а может, потому что она вовсе и не была дурой. Она выбрала не только самого слабого хулигана, которого можно было легко избить, но еще и самого умного, который знал, как важно уметь завоевывать и удерживать привязанность других. Все что нужно было Ахиллу — это шанс.

Но Ахилл все еще не делил хлеб с Недотепой, и она уже начала понимать, что для нее выбор Ахилла был не благом, а совсем наоборот.

Боб видел это по ее лицу, когда она смотрела на ритуал разделения хлеба. Ведь теперь Ахилл получал и свою похлебку, которую Хельга приносила ему прямо к двери. Поэтому он брал у малышей куда меньшие кусочки, не откусывал их, а отламывал, а когда ел, то улыбался малышам.

А вот Недотепа такой улыбки от него дождаться не сумела. Ахилл ее никогда не простит, и Боб видел, что это причиняет Недотепе боль. Потому что она теперь тоже любила Ахилла, точно так же, как его любили другие дети, и то, что он ее изолирует, было очень жестоко.

А может, Ахилл этим и ограничится? Может, в этом и заключается вся его месть?

Боб свернулся клубочком около газетного киоска, когда рядом с ним несколько уличных

хулиганов завели интересный разговор.

— Он все время треплется насчет того, как расправится с Ахиллом за его наглость.

— Верно, верно, Улисс собирается с ним жестоко посчитаться.

— Ну а может, он вовсе и не с Ахилла начнет?

— Ахилл и его дурацкая команда разберут Улисса на части. И на этот раз они вряд ли будут лупить его по ребрам. Разве Ахилл не грозился? Проломят голову и вышвырнут его мозги прямо на мостовую — вот что Ахилл обещал.

— Но ведь он же калека!

— Ахилл вывернется. Тот еще тип!

— А я полагаю, Улисс с ним разберется. Убьет его на хрен. И тогда никто из нас не должен брать к себе его ребят. Поняли? Никто из нас — ни одного из них. Пусть сдохнут. Утопить их в реке, как котят!

В таком духе разговор продолжался еще некоторое время, пока хулиганы не разошлись.

Тогда Боб вскочил и отправился искать Ахилла.

3. Месть

— Мне кажется, я нашла для вас кое-что.

— Вы и раньше это говорили.

— Мальчик прирожденный лидер. Хотя по физическому развитию он вам вряд ли подойдет.

— Тогда извините меня, но мы просто не станем терять на него время.

— Но если он соответствует вашим требованиям по интеллектуальному развитию и по складу характера, то вполне возможно, что, затратив на него бесконечно малую часть бюджета МКФ, отведенную на покупку бронзовых мундирных пуговиц и туалетной бумаги, вы сможете выправить его физические дефекты?

— Вот уж никогда не слышал, что монашки способны на сарказм.

— Но ведь я не могу дотянуться до вас линейкой. Сарказм — мое последнее прибежище.

— Покажите мне результаты тестирования.

— Я покажу вам его бумаги. А заодно пришлю и бумаги другого.

— Тоже физические ограничения?

— Очень мал по росту, и по возрасту — тоже. Но ведь и Виггин был таков же, как я слышала. А

этот… Сам научился читать прямо на улице.

— Ах, сестра Карлотта, вы стремитесь загрузить все свободные часы моей жизни.

— Удерживать вас от глупостей — форма моего служения Господу.

Боб отправился прямо к Ахиллу и рассказал ему все, что он подслушал. Улисс, вышедший из больницы, — большая опасность, и идут разговоры, что он собирается рассчитаться за свое унижение.

— Я думала, что все это уже позади, — печально вздохнула Недотепа. — Я говорю о драках.

— Все это время Улисс провел на койке, — прервал ее Ахилл. — Если он даже знает о наших переменах, то вряд ли разбирается в их существе.

— Будем держаться вместе, — сказал Сержант. — Мы тебя защитим.

— Возможно, что для всех будет лучше, — продолжал Ахилл, — если я исчезну на несколько дней. Это могло бы вывести вас из-под удара.

— А как же будет с едой? — спросил кто-то из малышей. — Они нас туда без тебя не пропустят.

— А вы держитесь за Недотепу, — ответил Ахилл. — Хельга у дверей пустит вас, как пускала и раньше.

— А что будет, если Улисс тебя поймает? — спросил другой мальчуган, старательно вытирая глаза кулачком — мужчинам плакать-то не полагалось.

— Тогда мне конец, — ответил Ахилл. — Он вряд ли удовлетворится тем, что отправит меня в больницу.

Малыш разразился ревом, к которому присоединился взрыв горя остальных ребят. Этот хоровой плач заставил Ахилла покачать головой и улыбнуться.

— Да не собираюсь я помирать. Пока я буду прятаться, вы будете в безопасности, а когда Улисс поостынет и привыкнет к новой системе, я вернусь.

Боб молчал. Он только слушал и размышлял. Боб не считал решение Ахилла правильным, но он предупредил Ахилла об опасности и на этом счел свои обязанности законченными. Уходя в подполье, Ахилл совершает ошибку, он только напрашивается на новые неприятности — его сочтут трусом и слабаком.

Итак, вечером Ахилл куда-то спрятался, но куда — не сказал никому, чтобы кто-нибудь случайно не выдал его тайну. Боб было подумал, не проследить ли за ним, но потом решил, что от него

будет больше пользы, если он останется с группой. Теперь их вожак — Недотепа, а вожак она явно посредственный. Другими словами — дура. Ей нужен Боб, даже если она сама пока этого не понимает.

Ночью Боб старался не спать, а почему — он и сам не знал. В конце концов он все же заснул и ему приснилась школа. Только это была не школа сестры Карлотты, где занятия велись на ступеньках в тупичках, а школа со столами и стульями. Но и во сне Боб никак не мог усидеть за столом. Вместо этого он парил в воздухе, а когда хотел, то мог и летать по всей комнате. Прямо под потолком. Мог и скрыться в расщелине в стене — в темном тайничке, по которому можно было подниматься все выше и выше и где почему-то становилось все теплее и теплее.

Проснулся Боб в темноте. По «гнезду» бежал сквознячок. Хотелось писать. И летать тоже хотелось. От того, что сон прервался, Боб готов был разреветься. Он не помнил, чтобы когда-нибудь видел во сне, будто летает. Ну почему он так мал и так слаб, почему у него такие неуклюжие ноги, которые с трудом переносят его с места на место? Когда он летал, то мог смотреть на всех сверху вниз и видеть макушки их дурацких голов. Мог

на них написать или даже накакать подобно птичке. И не боялся их, так как если они бы и пришли в бешенство, то он от них улетел бы и его бы ни за что не поймали.

Впрочем, если бы он умел летать, то наверняка на это же были способны и остальные ребята. Тут же выяснилось бы, что он самый маленький и медлительный, так что они все могут спокойно писать и какать на него.

Заснуть больше не удастся. Боб это знал. Он слишком напуган, причем не известно чем. Тогда он встал и вышел в проулок, чтобы помочиться.

В проулке уже была Недотепа. Она подняла глаза и заметила Боба.

— Я хочу побыть один, — сказала она.

— Не выйдет — ответил Боб.

— Не хами, малыш, — буркнула Недотепа.

— А я знаю, что ты садишься на корточки, когда писаешь, — ответил он. — Но я все равно подглядывать не буду.

Сверкая глазами, она ждала, когда он отвернется к стенке, чтобы помочиться.

— Я так понимаю, что если бы ты собирался рассказать об этом другим ребятам, то не стал бы так долго дожидаться.

— Да ведь все и так знают, что ты девчонка.

Когда тебя нет, то папа Ахилл всегда говорит о тебе «она» или «ее».

— Он мне не папа!

— Я так и понял, — сказал Боб. Он все еще стоял лицом к стене.

— Теперь можешь повернуться. — Она уже стояла, застегивая штанишки.

— Я чего-то боюсь, Недотепа, — признался Боб.

— Чего?

— Сам не знаю.

— Не знаешь, чего боишься?

— Вот потому-то мне и страшно.

Она неожиданно рассмеялась. В ночной тишине ее смех прозвучал пугающе резко.

— Боб, это значит только одно: тебе четыре года. Малышам по ночам снятся всякие чудовища. А если не снятся, то малыши все равно пугаются.

— Только не я, — ответил Боб. — Если я боюсь, значит, случилось что-то очень плохое.

— Улисс готовится посчитаться с Ахиллом, вот и все, что случилось.

— А ты бы от этого не заплакала, верно?

Она сердито глянула на Боба.

— Мы едим сейчас лучше, чем раньше. Все довольны. План этот твой. А я никогда не хотела быть вожаком.

— Но ты его все равно ненавидишь? — спросил Боб.

Она замешкалась с ответом.

— Мне кажется, он иногда издевается надо мной.

— А откуда ты знаешь, чего боится малышня?

— Потому что я сама еще недавно была ребенком, — отозвалась Недотепа. — И я еще все помню.

— Улисс вовсе не собирается калечить Ахилла, — сказал Боб.

— Это я знаю, — ответила Недотепа.

— И поэтому ты собираешься найти Ахилла и защищать его?

— Я собираюсь остаться здесь и защищать малышей.

— А может, ты хочешь первой найти Улисса и убить его?

— Это как? Он же больше меня. Куда больше!

— Но ты пришла сюда не затем, чтобы писать. Или у тебя пузырь размером с мячик для пинг-понга.

— Значит, ты подслушивал?

— Но ты же запретила мне только подглядывать.

— Думаешь ты много, а вот сообразить, что из

всего этого получается, ни шиша не можешь.

— Я думаю, что Ахилл нам врет о том, что он собирается делать, — ответил Боб. — И еще я думаю, что ты мне тоже сейчас врешь.

— Привыкай, — отозвалась Недотепа. — Мир состоит из одних лжецов.

— Улиссу наплевать, кого убить, — произнес Боб задумчиво. — Ему один черт, что тебя пырнуть, что Ахилла.

Недотепа отрицательно затрясла головой.

— Улисс — ничтожество. И убивать никого не собирается. Просто жалкий хвастун.

— Тогда чего ты вибрируешь? — спросил Боб.

Теперь уже пришла очередь Недотепы пожимать плечами.

— Ты-то не собираешься убивать Ахилла, верно? — говорил между тем Боб. — Да еще так, чтобы это выглядело, будто его прикончил Улисс?

Она закатила глаза к небу.

— Ты что, вечером полный стакан дури хватил?

— Мне все равно хватит ума, чтобы понять, когда ты мне врешь.

— Иди-ка ты спать, — сказала Недотепа. — Валяй, двигай к малышне.

Он молча взглянул на нее, потом повиновался.

Вернее сказать, сделал вид, что повинуется. Ползком пробрался на чердак, где они спали в эти дни, и тут же немедленно стал выбираться оттуда, протискиваясь среди груд ящиков и бочек, каких-то низких и высоких перегородок, и наконец выполз на плоскую невысокую крышу. К краю крыши он поспел почти вовремя — увидел, как Недотепа из проулка выходит на улицу. Она куда-то спешила. Должно быть, на свидание.

Боб соскользнул по трубе прямо в бочку для слива дождевой воды и побежал по Корте Хог страат за Недотепой. Он старался не шуметь, а Недотепа ни на что не обращала внимания, да и на улице было немало других звуков и шорохов, так что она не слышала, как шлепают босые ноги Боба. Он старался держаться в тени домов, но не слишком таился — следить за Недотепой было легко: она обернулась всего пару раз. Шла она к реке. На свиданку с кем-то.

Было у Боба два предположения на этот счет. Либо с Ахиллом, либо с Улиссом. А кого она еще знала, кроме тех, кто сейчас спал на чердаке? Но зачем ей было с ними тайком встречаться? Упросить Улисса сохранить жизнь Ахиллу? Героически предложить свою жизнь в обмен за жизнь Ахилла? Уговорить Ахилла вернуться и

встретить Улисса лицом к лицу, а не прятаться от него? Нет! Такие вещи может придумать он — Боб, а Недотепа — ей так далеко заглядывать в будущее не под силу.

Недотепа остановилась на середине открытого пространства рядом с доком на Шипмакерсхейвен и огляделась. Кто-то ждал ее в глубокой тени дока. Боб взобрался на большой контейнер, чтобы видеть получше. Услышал два голоса — оба детские, — но слов разобрать не смог. Кто бы там ни был, ростом он значительно превосходил Недотепу. Мог быть Улисс, а мог — Ахилл.

Мальчик обнял Недотепу и поцеловал ее. Боб множество раз видел, как это делают взрослые, но зачем такими делами заниматься детям? Недотепе всего девять. Конечно, проституток такого возраста не так уж мало, но ведь всем известно: парни, которые их покупают, — извращенцы.

Бобу необходимо было подобраться ближе, чтобы услышать, о чем идет разговор. Он соскользнул с контейнера, медленно перебрался в тень от киоска. Парочка, будто уступая желанию Боба, повернулась лицами к нему. В той густой тени, в которой он стоял, рассмотреть его они не могли. Но и он видел их не лучше, чем они его. Зато обрывки разговора слышать было можно.

— Ты обещал, — говорила Недотепа. Мальчик ответил ей очень тихо. Буксир, проходивший мимо, осветил их прожектором, хорошо высветив лицо мальчика, с которым была Недотепа. Ахилл.

Больше Бобу смотреть не хотелось. Подумать только: он искренне верил, что Ахилл собирается убить Недотепу. Правда, во взаимоотношениях мальчишек и девчонок Боб плохо разбирался. Бывает и так, что кажется, будто они ненавидят друг друга, но вдруг… А ведь ему представлялось, что он начал прилично проникать в суть вещей, происходящих в мире…

Боб выскользнул из тени и помчался по Постхорнстраат.

Впрочем, в «гнездо», где они спали, он не вернулся. Надо подумать, решил он. Ибо хотя Боб уже знал ответы на все вопросы, но сердце его билось тревожно. Что-то тут не так, говорило оно ему. Что-то тут совсем не так.

Он вспомнил, что Недотепа отнюдь не была единственной, которая что-то скрывала от него. Ахилл ведь тоже лгал. Что-то скрывал. Какой-то свой план. Неужели же это была всего лишь тайная встреча с Недотепой? Но тогда зачем эта болтовня насчет необходимости скрываться от

Улисса? Чтобы сделать Недотепу своей девушкой, ему вообще не надо было прятаться от кого-то. Вполне мог сделать это на глазах у всех. Некоторые хулиганы так и делали — те, что постарше. Впрочем, они не брали себе девятилетних. Неужели Ахилл прятался только из-за этого?

«Ты обещал», — сказала Недотепа в доке.

Что же пообещал Ахилл? Ведь Недотепа пришла к нему именно из-за этого — чтобы заплатить за выполнение обещания. Но что мог пообещать ей Ахилл, кроме того, что он и без того отдавал ей как члену семьи? Своего-то у него ничего нет!

Значит, он пообещал ей чего-то *не делать*. Не убивать ее? Но в этом случае даже для такой дуры, как Недотепа, было бы слишком глупо оказаться с ним наедине.

Не убивать *меня*, подумал Боб. Вот что он ей пообещал. Не убивать меня.

Но только я не один нахожусь в опасности. Вернее, не мне она грозит в первую очередь. Я, конечно, уговаривал ее убить Ахилла, но сшибла-то его с ног Недотепа, и она же стояла тогда над ним. Наверняка эта картина запечатлелась в памяти Ахилла навечно. Он все время вспоминает ее. Ему постоянно снится — вот он лежит на земле, а девятилетняя пискушка стоит над ним с

куском шлакоблока в руках, намереваясь убить его. Хоть он и калека, но каким-то образом все же пробился в ряды признанных хулиганов. Он крутой. Правда, другие хулиганы со здоровыми ногами издевались над ним. Даже те, что стоят ниже по рангу. Но, должно быть, это было для Ахилла величайшим унижением: девятилетняя девчонка сбивает его с ног и он лежит в круге совсем мелких сопляков, ожидая решения своей судьбы.

Недотепа, а ведь это тебя он ненавидит больше всего. Именно тебя он должен раздавить, чтобы стереть это видение из агонизирующей памяти!

Теперь все встало на свои места. Все, что сегодня днем говорил Ахилл, — все это ложь. Он вовсе не прячется от Улисса. Вполне мог бы с ним встретиться. Возможно, он это и сделает, но — завтра. И когда он встретится лицом к лицу с Улиссом, у него будет гораздо более серьезный повод для стычки. «Ты убил Недотепу!» — бросит он в лицо Улиссу непреложное обвинение. Тот смотрелся бы плохо и глупо, если бы после всего своего хвастовства и бравады стал опровергать подобное обвинение. Может, он даже сознается в убийстве девочки — просто ради куража. И тогда Ахилл кинется на него, и никто его не осудит,

если он убьет Улисса. Это будет самозащита, это будет защита своей семьи!

Да, Ахилл чертовски хитер. И терпелив. Откладывал убийство Недотепы до тех пор, пока не появился кто-то, на кого он сможет списать это дело.

Боб бросился обратно, чтобы предупредить Недотепу. Бежал так быстро, как позволяли его коротенькие ножки. Бежал, стараясь делать шаги пошире. Казалось, прошла целая вечность.

В доке, где Ахилл встречался с Недотепой, уже никого не было.

Боб беспомощно огляделся. Хотел было крикнуть, но это было глупо. Потому что если Ахилл ненавидел Недотепу больше всего, то это вовсе не означало, что он простил Боба, даже если один раз взял у него из рук хлеб.

А может, я схожу с ума из-за пустяков? Он же тискал ее, верно? Она сюда пришла добровольно, так? Между девчонками и мальчишками происходят вещи, в которых я не разбираюсь. Ахилл — податель пищи, наш защитник, а не убийца. Может, это мой мозг настроен на волну убийства беспомощных, в том случае, если эти беспомощные в будущем могут представлять опасность? Ахилл — хороший, а я — плохой? Преступник?

Ахиллу известно, что такое любовь. А я этого не знаю.

Боб добрался до стенки дока и бросил взгляд через канал. Воду скрывал тонкий пласт низко стелящегося тумана. На дальнем берегу фонари на Бомпьес страат подмигивали как на Рождество. Тихая зыбь набегала на пиллерсы, будто покрывая их десятками быстрых поцелуев.

Он посмотрел на воду под ногами. Что-то колыхалось там, что-то постукивало о стенку дока.

Боб долго смотрел на это, ничего не понимая. И тут же осознал, что он давно уже знает, что это такое, что он просто не хотел признаться себе, что знает. Недотепа. Мертвая. Все получилось так, как боялся Боб. Вся улица поверит, что убийца — Улисс, даже если других доказательств не будет. Боб прав во всем. Какие бы отношения ни связывали мальчишек и девчонок, они не могут остановить ненависть и мщение за унижение.

И пока Боб стоял, вглядываясь в темную воду, пришло понимание: я или должен рассказать сейчас же, в эту же минуту, кому угодно, о том, что произошло, или дать зарок никому об этом не говорить, так как Ахилл, если уловит хоть какой-то намек на то, что я видел, убьет меня, не теряя ни единой лишней минуты. И скажет

потом: это тоже дело рук Улисса. А когда убьет Улисса, то заявит, что отомстил за две смерти.

Нет! Ему — Бобу — надо молчать. Сделать вид, что никогда не видел тела Недотепы, покачивающегося на речной зыби, не видел повернутого вверх лица, так хорошо освещенного луной.

Она была дурой. Дурой, ибо не смогла разгадать план Ахилла, дурой, что доверилась ему, дурой, что не послушалась его — Боба. Такой же тупицей, как он сам, который ушел, вместо того чтобы выкрикнуть слова предостережения. Может, они спасли бы жизнь Недотепы, показав, что есть свидетель, которого Ахиллу не схватить, которого он не заставит молчать.

А ведь именно ей Боб обязан жизнью. Она дала ему имя. Она выслушала его план. А теперь она умерла из-за него. А ведь он мог ее спасти. Конечно, когда-то он посоветовал ей убить Ахилла, но ведь это она выбрала именно Ахилла, и выбрала правильно — Ахилл был единственным из хулиганов, который годился для того плана, который разработал Боб. Но и Боб тоже был прав. Ахилл — законченный лжец, а когда он решил, что Недотепа умрет, то начал возводить вокруг будущего убийства целую гору лжи, лжи, которая привела Недотепу туда, где Ахилл смог убить ее

без свидетелей. Лжи, которая дает ему алиби в глазах детей «семьи».

Я сам поверил ему. Я с самого начала знал, кто он такой, и все же поверил.

Ах Недотепа, глупая, бедная, добрая девочка. Ты спасла мне жизнь, а я ничего для тебя не сделал!

Но это ж не моя вина! Разве не сама Недотепа пришла сюда, чтобы побыть с ним наедине?

Наедине, чтобы спасти *меня*. Какая ошибка, Недотепа, думать о ком-то, кроме себя одной!

И что же, я тоже должен погибнуть из-за того, что она ошибалась?

Нет, уж лучше я умру из-за своих собственных дурацких ошибок.

Но не сегодня. Ахилл еще не успел запустить в действие механизм плана, который погубит Боба. Но с этой минуты, с минуты, когда он будет лежать без сна, не в силах уснуть, Боб постоянно будет думать о том, что Ахилл уже поджидает его. Ждет своего времени. Ждет мгновения, когда Боб тоже окажется в глубинах реки.

Сестра Карлотта старалась сочувствовать той боли, которую испытывают эти дети, сейчас, когда они только что узнали, что одна из их семьи задушена и брошена в реку. Но именно смерть Недотепы явилась толчком, чтобы ускорить те-

стирование. Ахилл еще не нашелся, а поскольку этот Улисс уже нанес один удар, то не похоже, что Ахилл появится скоро. У сестры Карлотты не было другого выхода, как начать работу с Бобом.

Сначала, похоже, малыш думал о чем-то другом. Сестра Карлотта в толк не могла взять, почему ему не даются самые элементарные пункты задания, раз уж он сам научился читать на улице. Вероятно, виной всему смерть Недотепы. Поэтому Карлотта прервала тестирование и заговорила с Бобом о смерти вообще, о том, что Недотепа теперь превратилась в дух, что она сейчас находится рядом с Господом и всеми его святыми, которые будут о ней заботиться и сделают ее куда более счастливой, чем она была на Земле. Оказалось, что Боба это почти не интересует. Можно сказать, что дела пошли еще хуже, когда они приступили к новой части теста.

Что ж, если не сработала доброта, испытаем строгость.

— Ты что, не понимаешь, зачем нужен этот тест, Боб?

— Нет, — ответил он, но тон его голоса выдавал подспудную мысль: и знать не желаю.

— Все, что ты знаешь о жизни, — это жизнь этой улицы. Но улица Роттердама — это только часть

огромного города, а сам Роттердам — всего лишь один большой город среди множества других. У Земли огромное население. Вот, Боб, о чем этот тест. Потому что муравьеподобные…

— Жукеры, — поправил он. Как и все беспризорные, он терпеть не мог эвфемизмы.

— Они вернутся, чтобы сжечь Землю, чтобы истребить всех людей. Этот тест нужен для того, чтобы узнать, не принадлежишь ли ты к тем детям, которые годятся для Боевой школы и из которых воспитываются командиры будущих сражений, призванных остановить врага. Этот тест связан со спасением Мира, Боб.

Впервые за время тестирования Боб проявил признак интереса.

— А где находится Боевая школа?

— Это платформа на космической орбите, — ответила она. — Если ты хорошо пройдешь тесты, ты сможешь стать космонавтом.

В выражении его лица сейчас не было ничего детского. Только холодный расчет.

— Я выполнил задание очень плохо, да?

— Результат тестирования говорит, что ты слишком глуп, чтобы одновременно делать два дела: ходить и дышать.

— Мы можем начать все снова?

— У меня есть другой вариант этого теста, — ответила сестра Карлотта.

— Давайте.

Когда она достала альтернативный вариант, то улыбнулась и сказала, желая, чтобы он расслабился:

— Значит, ты хочешь стать космонавтом, да? Или тебе нравится идея служить в МКФ?

Он пропустил ее вопрос мимо ушей.

На этот раз он блистательно справился с заданием, хотя тест был составлен так, чтобы в отведенное время с ним невозможно было справиться. Ответы не были безупречны, но близки к идеалу. Так близки, что в возможность подобного результата никто не поверил бы.

Поэтому сестра Карлотта дала Бобу еще пачку тестов, предназначенных для ребят постарше, — стандартных тестов для шестилетнего возраста, который считался оптимальным для поступления в Боевую школу. Эти он выполнил хуже — его жизненный опыт был недостаточен, чтобы понять смысл некоторых вопросов, но все равно задание было выполнено исключительно хорошо. Ей еще ни разу не приходилось получать такие результаты от своих учеников, подвергнутых тестированию.

Подумать только — а она-то считала, что самым высоким потенциалом обладает Ахилл! Такой малыш, такая кроха — это поразительно! Никто не поверит, что она нашла его на улице, почти умирающим от голода.

Ее охватили сомнения, и, когда второй тест подошел к концу и она проставила оценки и отложила листок в сторону, сестра Карлотта улыбнулась, откинулась на стуле и посмотрела в тревожные глаза Боба.

— А чья это была идея организовать уличных ребят в семейные группы?

— Ахилла, — ответил Боб.

Сестра Карлотта промолчала.

— Во всяком случае, это он предложил назвать их семьями.

Она все еще выжидала. Гордость может выдать на-гора больше, если ей дать побольше времени.

— Получить хулигана, чтобы он нас защищал, — это был мой план, — продолжал Боб. — Я рассказал о нем Недотепе, она обдумала его и решила испытать. Только она сделала одну ошибку.

— И какова же была ошибка?

— Она выбрала не того хулигана.

— Ты хочешь сказать, что он не смог защитить

вас от Улисса?

Боб засмеялся так горько, что из глаз выдавились слезы.

— Да нет, Улисс сейчас где-нибудь похваляется тем, чего никогда не совершал.

Сестра Карлотта уже знала то, чего не хотела знать.

— Значит, ты знаешь того, кто убил ее?

— Я же говорил ей: убей его! Я сказал ей, что он не годится! Я видел это на его лице, когда он лежал там на земле, я знал, что он никогда ее не простит. Но он хладнокровен. Он ждал так долго. Правда, он никогда не брал у нее хлеб. Это должно было ее насторожить. Ей не надо было оставаться с ним с глазу на глаз. — Теперь Боб уже не сдерживался, он рыдал в голос. — Я думаю, это она меня защищала. Потому что это я сказал в тот первый день «Убей его!». Я думаю, она добивалась, чтобы он не убивал меня.

Сестра Карлотта постаралась убрать из своего голоса все эмоции.

— Ты и в самом деле убежден, что Ахилл представляет для тебя опасность?

— Да, и я рассказал вам почему, — ответил Боб после некоторого раздумья. — Я и сейчас в опасности. Он не прощает. Он мстит всегда.

— Но ты понимаешь, Боб, что я вижу Ахилла совсем иначе, чем ты? И Хэззи, то есть Хельга, — тоже. Цивилизованным.

Боб посмотрел на Карлотту, как на сумасшедшую.

— Так разве слово «цивилизованный» и не означает того же? Умение ждать, чтобы получить то, что тебе нужно?

— Значит, ты хочешь уехать из Роттердама и поступить в Боевую школу, чтобы быть подальше от Ахилла?

Боб кивнул.

— А как же другие дети? Ты не боишься, что им тоже может угрожать опасность от него?

— Нет, — ответил Боб. — Он их папа.

— Но не твой. Хотя и брал у тебя хлеб?

— Он тискал и целовал ее, — сказал Боб. — Я видел их в доке. Она позволяла целовать себя, а потом напомнила ему, что он ей что-то обещал, и тогда я ушел. Но потом, когда понял, кинулся обратно. Наверное, меня не было очень недолго, ведь надо было пробежать всего шесть кварталов, но она была уже мертва. С одним выколотым глазом она плавала в воде и билась о стенку дока. Он способен вас поцеловать, а потом убить, если сильно ненавидит.

Сестра Карлотта побарабанила пальцами по столу.

— Вот так фокус! — сказала она.

— Что это значит: «вот так фокус»?

— Я собиралась тестировать и Ахилла. Я полагаю, что он тоже годится для Боевой школы.

Тельце Боба напряглось.

— Тогда не посылайте меня! Или я, или он!

— Ты что же… уверен… — ее голос дрогнул, — что он попытается убить тебя?

— Попытается? — В его голосе звучало презрение. — Он никогда не пытается. Он убивает.

Сестра Карлотта знала, что способность убивать без жалости — одно из качеств, которое высоко ценится в Боевой школе. Наличие этого качества могло сделать Ахилла еще более привлекательным, чем Боб. В школе знали, как обуздывать эту способность и направлять ее в те каналы, которые делали ее полезной.

Однако идея «одомашнивания» уличных хулиганов принадлежала не Ахиллу. Это была идея Боба, который сам обдумал ее до тонкостей. Невероятно, что такой маленький ребенок, почти еще дитя, смог такое задумать и воплотить. Такой ребенок — редкостный приз, он куда выше того, кто обречен жить одним холодным расчетом.

Одно очевидно: она не должна брать их обоих. Конечно, МКФ может взять и второго, поместить его в хорошую школу на Земле, чтобы изолировать от влияния улицы. Есть шанс, что Ахилл там цивилизуется, раз уличные законы перестанут обрекать его на необходимость творить ужасающие жестокости применительно к своим товарищам.

Но Карлотта тут же поняла, какая чушь ей лезет в голову. Вовсе не жестокие законы улицы заставили Ахилла убить Недотепу. Гордыня. Каин тоже считал унижение достаточным поводом для убийства брата. А Иуда — тот вообще счел возможным сначала поцеловать, а потом обречь на смерть. Она пыталась представить себе зло механическим производным нищеты. Все дети улицы переживают и страх и голод, беспомощность и отчаяние, но далеко не все становятся расчетливыми хладнокровными убийцами.

Если дело обстоит так, то Боб, безусловно, прав. А она не сомневается, что он говорит правду. Если допустить, что он лжет, ей придется перестать считать себя авторитетом в области детского воспитания. Подумав, она поняла, что и раньше ощущала в Ахилле что-то скользкое, что ли. Льстивость. Все, что он говорит, заранее рассчи-

тано на создание определенного впечатления. А Боб говорит мало, говорит просто, да и разговорить его весьма трудно. Он так мал, а его ужас и горе, пережитые в этом кошмаре, совершенно искренни.

Конечно, он тоже уговаривал убить Ахилла.

Но только потому, что тот представлял опасность для других.

Имею ли я право судить? Разве не Христос является судьей живых и мертвых? Но разве все это легло бы на мои плечи, если бы я не смела судить?

— Ты не хочешь побыть у меня, Боб, пока я передам результаты твоего тестирования людям, принимающим решения в отношении Боевой школы? У меня ты будешь в безопасности.

Боб долго рассматривал свои ладони, кивнул, а затем, уронив голову на руки, громко зарыдал.

Тем же утром Ахилл появился в «гнезде».

— Не могу я жить без вас, — сказал он. — Слишком многое может пойти не так, как надо.

Он, как всегда, сводил ребятишек на завтрак. Но ни Недотепы, ни Боба среди них не было.

Потом в обход направился Сержант. Он прислушивался к разговорам, болтал с ребятами из других семей, пытаясь обнаружить, не случилось

ли чего, нет ли чего-то, что может оказаться полезным. В окрестностях дока он услышал, что портовые грузчики разговаривают насчет трупа девочки, который утром нашли в реке. Девочка маленькая. Сержант узнал, где лежит труп в ожидании прибытия представителя властей. Он не стал прятаться, а прямо отправился туда, где находилось тело, прикрытое брезентом. Сержант даже не спросил разрешения тех, кто там уже был, а приподнял брезент и взглянул на труп.

— Эй, ты, мальчишка, что ты делаешь!

— Ее зовут Недотепой.

— Ты ее знаешь? Скажи еще, что знаешь, кто ее убил!

— Парень, которого кличут Улисс. Это он ее убил, — ответил Сержант. Потом он опустил брезент. Его поиски завершились. Ахиллу следует знать, что его страхи оправдались — Улисс выбрал наугад кого-то из семьи.

— Теперь у нас нет иного выбора, кроме как убить его, — сказал Сержант чуть позже.

— И без того много крови, — ответил Ахилл, — но боюсь, что ты прав.

Кто-то из малышни плакал. Другой пискнул:

— Недотепа накормила меня, когда я уже доходил от голода.

— Заткнись, — сказал Сержант. — Мы теперь едим лучше, чем когда Недотепа была вожаком.

Ахилл положил ладонь на руку Сержанта, как бы сдерживая его.

— Недотепа старалась делать хорошо все, что должен делать вожак. И именно она ввела меня в эту семью. В определенном смысле то, что я даю вам, дар именно Недотепы.

Все серьезно кивнули, соглашаясь.

Кто-то спросил:

— Ты думаешь, Улисс и Боба убил?

— Тоже мне потеря! — фыркнул Сержант.

— Всякая потеря в моей семье — это большая потеря, — ответил Ахилл. — Больше их быть не должно. Улисс либо уберется из города и немедленно, либо он покойник. Пусти об этом слух, Сержант. Пусть на улице все знают, что вызов брошен. Улиссу запрещено есть в любой столовке города, пока он не встретится со мной. Он сам навлек это на себя, когда решил воткнуть нож в глаз Недотепы.

Сержант отдал честь и убежал. Он был образцовым исполнителем приказов.

И все же на бегу он рыдал. Он плакал потому, что еще никому не успел рассказать, как именно умерла Недотепа и о том, что ее глаз превратился

в кровавую дыру. Может быть, Ахилл узнал об этом еще от кого-нибудь? Может быть, слышал раньше, но не поделился ни с кем, пока Сержант не вернулся с новостями? Может быть. Все может быть. Но теперь Сержант знал истину. Улисс не поднимал руку ни на кого из них. Это сделал Ахилл. Сделал то, что с самого начала предрекал Боб. Ахилл убил Недотепу за то, что она в свое время избила его. Не простил ей этого. Убил, чтобы переложить вину на Улисса. А теперь спокойно сидит и рассуждает о том, какая Недотепа была добрая и как они ей все обязаны. Даже то, что он им дает, — дело рук Недотепы.

Значит, Боб был прав с самого начала. Во всем. Ахилл, возможно, и хороший отец, но по натуре он киллер и никого не прощает.

И Недотепа тоже все знала. Ее предупредил Боб, и она знала. Но ведь она сама выбрала им Ахилла в папы. Выбрала и умерла из-за этого. Она — как Иисус, о котором им говорила Хельга во время завтраков. Она умерла за свой народ. А Ахилл… он как Бог. Заставляет людей платить за грехи, независимо от того, что именно они совершили.

Значит, надо быть ближе к Богу, причем с той его стороны, где он добр.

Я останусь с Ахиллом. Буду почитать отца свое-

го, это уж точно, и тогда я останусь живым, пока не вырасту и не начну жить самостоятельно.

А что до Боба, то он умен, но не так умен, чтобы остаться в живых. Но если ты не выживаешь, тогда тебе так и надо — станешь мертвяком и вся недолга.

К тому времени, когда Сержант свернул за первый угол, чтобы начать распускать слух, что Ахилл наложил табу на кормление Улисса в столовках города, он уже не плакал. Речь шла о выживании. И хотя Сержант знал, что Улисс никого не убивал, он понимал, что для безопасности семьи надо, чтобы Улисс умер. Смерть Недотепы была поводом потребовать от всех остальных отцов семей, чтобы они отошли в сторону и дали Ахиллу возможность разделаться с Улиссом. Когда это произойдет, Ахилл станет лидером среди отцов семей Роттердама. А Сержант — его правой рукой, потому что знает тайну Ахилла, но скрывает ее от всех, ибо благодаря этому и сам Сержант, и их семья, и все беспризорники Роттердама получат для себя лучшую жизнь.

4. Память

— Я ошиблась насчет первого. Его тесты достаточно хороши, но характер не подходит для Боевой школы.

— Из тех тестов, которые вы мне показывали, этого не следует.

— Он очень умен. Он выдает нужные ответы, но в них просвечивает ложь.

— И каким же тестом вы воспользовались, чтобы установить это?

— Он совершил убийство.

— Да, это плохо. А как насчет второго? Как вы полагаете, что мне делать с таким малышом? Когда выуживаешь такую рыбешку, то правильнее бросать ее обратно в реку.

— Учите его. Кормите. Он подрастет.

— Мне кажется, у него нет даже имени?

— Нет есть.

— Боб? Это не имя. Скорее чья-то шутка.

— Все будет иначе, когда он подрастет.

— Ладно, держите его у себя, пока ему не стукнет пять. Сделайте для него все что сможете, а потом покажете мне результаты.

— Мне надо искать детей. Других.

— Нет, сестра Карлотта, не надо. За все годы поисков — это самая важная ваша находка. А время такое, что сейчас мы уже не можем терять его на новые поиски. Доведите этого кандидата до ума, и с точки зрения МКФ, вы сделаете жизненно важное дело.

— Вы пугаете меня, говоря, что времени не осталось?

— Не понял. Христиане уже несколько тысячелетий ждут конца света.

— Но он же не наступает.

— Вот и ладно, пусть будет так и дальше.

Сначала Боба интересовала только пища. Еды было много. Сперва он съедал все, что перед ним ставили на стол. Он ел до тех пор, пока не наедался до отвала. Это было чудесное слово, значения которого он до сих пор просто не мог представить. Он ел до тех пор, пока в животе уже не оставалось места. Он ел так часто и так много, что на горшок ходил не только ежедневно, но и по два раза в день. Он со смехом сказал сестре Карлотте:

— Я только и делаю, что ем и…

— Точно так же ведут себя и все лесные зверюшки, — ответила она Бобу. — А теперь тебе надо учиться отрабатывать свой хлеб.

Конечно, она уже занималась с ним, зани-

малась ежедневно, чтением и арифметикой, стараясь «поднять его уровень», хотя никогда не говорила, что она подразумевает под этим. Она отвела ему время для рисования, а иногда бывали и такие уроки, когда Боб просто сидел и старался вспомнить малейшие детали своего прошлого. Особенно сестру Карлотту заинтересовало «место, где было чисто». Но у памяти были свои пределы. Боб тогда был слишком мал, а его словарный запас слишком ограничен. Казалось, покров тайны не приоткрыть. Боб помнил, как перебирался через ограждение своей кроватки и падал на пол. В то время он еще плохо ходил. Ползать было лучше, но ему нравилось ходить, как это делали взрослые. Руками он хватался за всякие предметы и за стены и уже неплохо держался на двух ногах, а ползал лишь тогда, когда надо было пересечь открытое пространство.

— Вероятно, тебе тогда было восемь или девять месяцев, — сказала сестра Карлотта. — У большинства детей память глубже не простирается.

— Я помню, что все беспокоились. Потому-то я и вылез из кровати. Всем детям угрожала опасность.

— Всем детям?

— Таким же малышам, как и я. И взрослым

людям тоже. Некоторые из взрослых входили к нам, смотрели на нас и начинали плакать.

— Почему?

— Беда была, вот и все. Я чувствовал, что приближается беда, знал, что с нами, с теми, кто лежит в кроватках, произойдет что-то очень плохое. Поэтому я выбрался из кровати. Но я не был первым. Не знаю, что случилось с остальными. Я слышал, как кричат взрослые, как они огорчены, увидев пустые кроватки. Я спрятался. Меня не нашли. Может быть, они спасли остальных, может — нет. Все, что я увидел, когда вылез, — это пустые кроватки и темная комната, на двери которой висела светящаяся табличка с надписью «выход».

— Ты уже умел читать? — Голос сестры Карлотты звучал скептически.

— Когда я научился читать, я вспомнил, что уже видел, такую надпись, — ответил Боб. — Это были первые увиденные мной буквы, я не мог их забыть.

— Значит, ты был один, кроватки пусты, комната темная?

— Взрослые вернулись. Я слышал, как они говорят. Однако большей части слов не понимал. Снова спрятался. В следующий раз, когда вылез,

в комнатах не было даже кроватей. Вместо них стояли столы и шкафы. Офис. Нет, тогда я не знал, что такое офис, но теперь знаю и понимаю, во что превратились те комнаты. Люди приходили туда днем и работали.

Сначала их было мало, но мое убежище оказалось плохим, особенно в часы, когда эти люди работали. Кроме того, мне очень хотелось есть.

— Где же ты прятался?

— Так вы же знаете где, правда?

— Знала бы, не спрашивала.

— Вы же видели, как я действовал, когда вы показали мне туалет?

— Ты спрятался в туалете?

— Да, в водяном бачке, что стоял у стенки. Было очень трудно поднять крышку. И внутри тоже неуютно. Я не знал, к чему это все. Но люди стали пользоваться туалетом, уровень воды падал и поднимался, какие-то железные детали двигались и пугали меня. Кроме того, я уже говорил, что хотел есть. Воды для питья — хоть отбавляй, но ведь мне самому приходилось туда писать. Моя пеленка промокла и свалилась с меня. Я был совсем голый.

— Боб, ты понимаешь, что ты говоришь? Ты утверждаешь, что все это происходило с тобой,

когда тебе и года еще не было?

— Это вы говорите, сколько мне было, а не я, — ответил Боб. — Я тогда о годах ничего не знал. Вы сказали: вспоминай. Чем больше я рассказываю, тем больше вспоминаю. Но если вы мне не верите…

— Я только… Нет, я тебе верю. Но кто были эти другие дети? Что за место, где ты жил, — «место, где чисто»? Кем были эти взрослые? Почему они куда-то унесли детей? Ясно, что там происходило что-то противозаконное.

— Возможно, — сказал Боб. — Я очень обрадовался, когда вылез из бачка.

— Ты был гол, как ты только что сказал. И ты ушел оттуда сам?

— Нет, меня нашли. Я вышел из туалета, и какой-то взрослый меня нашел.

— И что случилось?

— Он взял меня домой. Вот откуда у меня появилась одежда. То, что я тогда называл одеждой.

— Ты уже говорил?

— Немного.

— И этот взрослый отнес тебя к себе домой и купил тебе одежду?

— *Я* думаю, это был сторож. Теперь я уже кое-что знаю о профессиях и думаю, что он был сторожем.

Работал по ночам, а мундира охранника у него не было.

— И что же случилось дальше?

— Тогда я впервые узнал, что есть вещи законные, а есть — незаконные. Для него взять к себе ребенка было делом противозаконным. Я слышал, как он кричал той женщине насчет меня, многого не понял, но под конец он сдался, проиграл, а она выиграла, так что мне пришлось уйти, что я и сделал.

— Он просто выбросил тебя на улицу?

— Нет, я сам ушел. Теперь я думаю, что он хотел меня к кому-то устроить, но я испугался и ушел от него, чтобы он не успел этого сделать. Но я уже не был ни гол, ни голоден. Сторож был хороший. Я надеюсь, у него не было больших неприятностей после моего ухода.

— Вот тогда-то ты и стал жить на улице?

— Вроде бы так. Сначала мне повезло: я нашел два места, где меня подкармливали. Но каждый раз другие мальчишки — постарше — узнавали об этом, являлись туда, вопили и клянчили, так что люди или переставали меня кормить, или большие мальчишки начинали меня пинать и отнимали всю еду. Я очень боялся. Однажды один мальчишка так разозлился, увидев, что я ем, что

засунул мне в горло палку, заставив выблевать все съеденное прямо на мостовую. Он попытался было съесть это, но не смог, его тоже вырвало. Это было самое страшное время. Я все время прятался. Прятался. Все время.

— И голодал?

— И наблюдал. Ел что-то. Иногда. Я ведь не умер.

— Верно, не умер.

— Но я видел многих умерших. Очень много мертвых детей. Больших и маленьких. И все время думал: а нет ли среди них тех — из «места, где было чисто»?

— Ты узнал кого-нибудь?

— Нет. Не было похожих на тех, кто жил в «месте, где было чисто». Но все умерли от голода.

— Боб, спасибо, что ты мне это рассказал.

— Вы же спросили.

— Ты понимаешь, что ты — такой малыш — не мог протянуть в таких условиях целых три года?

— Я полагаю… Это значит, что я умер?

— Я только… Я хотела сказать, что, должно быть, Бог хранил тебя.

— Ага! Возможно. Но почему же он не позаботился о других погибших детях?

— Он прижал их к своему сердцу и возлюбил.

— А чего ж он тогда меня не возлюбил?

— Нет, он любит тебя тоже. Он…

— Потому что если он так тщательно следил за мной, он же должен был бы посылать мне хоть чуточку чего-то поесть время от времени?

— Он привел меня к тебе. Наверное, у него на тебя большие планы. Ты о них можешь и не знать, но Бог помог тебе выжить, значит, он ждет от тебя чего-то большого.

Разговор на отвлеченные темы, видимо, утомил Боба. Сестра Карлотта выглядела такой счастливой, когда говорила о Боге, а он пока вообще ничего о Боге не знал, даже не знал, кто это такой. Похоже было, что она приписывает Богу каждое хорошее событие, но когда ей попадается что-то плохое, тогда она или вообще не вспоминает о Боге, либо находит объяснение, согласно которому это плохое в конце концов оборачивается хорошим. Бобу же, насколько он мог судить, казалось, что умершие дети предпочли бы остаться живыми — при условии, что будут питаться получше. И уж если Бог их так любит и к тому же может осуществлять все свои желания, то почему бы ему не сотворить немного больше пищи для этих малышей? А если ему захотелось видеть их мертвыми, то почему он не уморил их быстрее,

почему, на худой конец, дал им вообще возможность родиться? К чему было им переносить все эти муки, к чему думать о том, как и чем продлить себе жизнь, раз он все равно собирался вскоре вобрать их в свое сердце? Бобу представлялось, что во всем этом нет никакого смысла. Чем больше сестра Карлотта старалась объяснить этот смысл, тем меньше он его понимал. Потому как если кто-то берется отвечать за все, он обязательно должен быть справедлив, а ежели он несправедлив, то почему сестра Карлотта так радуется тому, что он за все отвечает и всем руководит?

Но когда Боб попытался высказать свои мысли сестре Карлотте, она жутко расстроилась и стала еще больше говорить о Боге, пользуясь словами, которых Боб вообще не понимал, а потому и решил: пусть она говорит сколько угодно, спорить с ней бесполезно.

А вот читать было интересно. И считать тоже. Это он любил. Получив бумагу и карандаш, он писал, что хотел. Это было увлекательное занятие.

И еще карты. Сначала сестра Карлотта картам Боба не обучала, но на стенах несколько штук висели, а странные очертания разноцветных пятен на них прямо-таки завораживали его. Он часто подходил к ним и читал написанные

мелким шрифтом слова, и однажды наткнулся на знакомое название реки. Тут он понял, что голубые линии — это реки, а еще более обширные синие пятна — такие места, где воды больше, чем в реках. Еще позже Боб уяснил, что некоторые названия на карте звучат так же, как названия улиц, которые он видел на указателях, и тогда он вдруг осознал, что перед ним картина Роттердама. Все стало понятным, все обрело свои места. Это был Роттердам, такой, каким его увидела бы птица, если бы отдельные дома стали невидимы, а улицы пусты. Он даже отыскал место, где находилось «гнездо», а потом и еще одно — где умерла Недотепа, а там и множество других мест.

Когда сестра Карлотта обнаружила, что Боб понимает карту, она жутко разволновалась. Она показала ему и другие карты, на которых Роттердам был изображен в виде небольшого пятнышка, от которого отходили какие-то линии, или в виде точки, а то его и вообще не было видно, хотя Боб знал, что город должен был находиться вот здесь. Бобу было очень трудно понять, что мир так огромен. Или что в нем живет такое множество людей.

Потом сестра Карлотта снова подвела его к плану Роттердама и попыталась узнать у Боба,

где расположены те места, которые были ему знакомы в самые далекие дни его детства. Но на карте-то все выглядело по-другому, так что Бобу понадобилось много времени и сил, чтобы определить те места, где, например, его кормили какие-то люди. Он показал эти места Карлотте, и та отметила на карте их положение. И вдруг Боб заметил, что все они находятся в одном районе, причем вытягиваются в линию или в тропу, по которой он дошел до места, где убили Недотепу, тропу, ведущую обратно во время, когда…

Когда он находился в «месте, где было чисто»!

Только найти его оказалось страшно трудно. Он тогда был так запуган — в тот раз, когда выходил оттуда вместе со сторожем. Он не знал, где оно находится. А еще, как сказала сама сестра Карлотта, сторож-то мог жить и далеко от «места, где было чисто». Так что все, на что могла надеяться Карлотта, следуя по тропе, уходящей в детство Боба, это найти квартиру сторожа или, вернее, то место, где он жил три года назад. И даже найдя сторожа, что можно было извлечь из его слов?

Он мог бы рассказать, где находилось «чистое место», вот и все. А больше ничего. И тогда Боб понял: сестре Карлотте очень хочется узнать, откуда взялся он — Боб.

Узнать, кто он такой на самом деле. Только… Он же знает, кто он такой. И Боб попытался внушить это Карлотте.

— Я — вот он. И я такой, какой есть в действительности. Я никем не прикидываюсь.

— Я знаю это, — воскликнула она, смеясь и обнимая его, что ему, в общем, понравилось. Это было приятно. Когда она сделала это впервые, он просто не знал, куда девать руки. Тогда она показала, как он должен обнять ее за шею. Когда-то он видел, как маленькие дети с мамами и папами делают то же самое, но всегда считал, что они просто хватаются так крепко за родителей, чтобы не упасть на землю и не потеряться на улице. Боб не знал, что так делают, чтобы стало приятно. У сестры Карлотты на теле были места жесткие, а были и мягкие, так что обнимать ее было странно. Он припомнил обнимающихся и целующихся Недотепу и Ахилла, но целовать Карлотту Бобу не хотелось. Даже после того как он привык обниматься, то и тогда делать это ему не слишком хотелось. Правда, обнимать себя он ей разрешал. Но сам обниматься не стремился. Вернее, ему это в голову не приходило.

Он знал, что иногда сестра Карлотта обнимает его, когда не хочет ему объяснить что-то. Это Бобу

было особенно противно. Она, например, не захотела объяснить ему, почему ей так хочется найти «чистое место». Вместо этого она обнимала его и говорила «ах ты, малыш» и «ах ты, бедняжка». Все это могло означать только одно: дело было гораздо важнее, чем хотела показать Карлотта, а самого Боба она считает глупым и невежественным, таким, которому даже пытаться объяснять не стоит.

Он снова и снова старался что-нибудь припомнить, но теперь уже кое-что скрывал от сестры Карлотты, потому что и она не была с ним откровенна, а справедливость должна быть для всех одинакова. Да, он сам отыщет «место, где чисто»! Без нее! А затем расскажет, если сочтет, что ему выгодно дать ей знать об этом. Что, если она узнает что-то плохое для него? Вдруг она снова выбросит его на улицу? Или помешает ему отправиться в ту школу, что находится в небе? Ведь сначала она пообещала ему это, но потом, уже после тестов, которые, по ее словам, были хороши, выяснилось, что Бобу придется провести здесь до отправки в школу некоторое время, пока ему не исполнится пять лет. А может, и больше, так как решение зависит не только от Карлотты. Вот тогда-то Боб и понял, что у сестры Карлотты

не хватает сил даже на выполнение собственных обещаний. Поэтому если она узнает о нем что-нибудь плохое, то может случиться так, что она и другие свои обещания выполнить не захочет. Например, обещание защитить его от Ахилла. Значит, узнавать о себе ему надо самому.

Боб опять принялся изучать карту. Рисовал в уме всякие картинки, восстанавливая прошлое. Разговаривал сам с собой перед тем как заснуть, вспоминал лицо сторожа, комнату, в которой тот жил, ступеньки лестницы, на которых стояла та злющая дама, которая орала на них.

В один прекрасный день, когда Боб решил, что вспомнил достаточно много, он отправился в туалет — ему нравились туалеты, нравился звук спускаемой воды, хотя и пугала мысль: куда все-таки уносит вода все, что лежит в унитазе? Вместо того чтобы вернуться в комнату для занятий, он прокрался по коридору и добрался до двери, которая выводила прямо на улицу. Никто его не задержал.

И тут же понял свою ошибку. Он так сильно старался вспомнить место, где жил сторож, что совершенно забыл, что не знает, где на карте находится тот дом, где живет сейчас он сам. Во всяком случае, это была совсем другая часть горо-

да, не та, которую он знал хорошо. Больше того, это был совсем другой мир. Вместо улиц, набитых людьми, идущими пешком, толкающими перед собой коляски и тележки, едущими на мотоциклах и на роликах, здесь тянулась широкая пустая дорога, а машины стояли только вдоль тротуаров. И ни одной лавки. Только жилые дома, офисы, жилые дома, переделанные в офисы с маленькими табличками на дверях. Единственное здание, не похожее на другие, — дом, из которого он только что вышел: мощное, приземистое, куда больше окружающих домов. И при этом вообще без вывески.

Боб знал, куда ему надо попасть, но не имел ни малейшего представления о том, как ему добраться туда.

Его первой мыслью было: надо спрятаться. Но Боб тут же вспомнил, что сестра Карлотта отлично знает, как он прятался в «чистом месте», а потому тут же догадается, что он прячется и теперь, и сейчас же обыщет все закоулки вблизи этого большого здания.

Тогда он побежал. Он удивился, увидев, каким сильным и быстрым стал. Казалось, он может бежать так же быстро, как летают птицы, и не устанет, будет бежать хоть вечно. Промчался

от угла до угла, свернул за угол, и вот он уже на совсем другой улице. Потом еще одна, потом еще и еще, и вот он уже сам не понимает, где он, хотя он ведь и без того выскочил из неизвестного ему дома. Так что заблудиться еще основательнее — невозможно.

Боб то шел, то бежал трусцой, то стрелой проносился по улицам и переулкам, пока не сообразил, что ему надо отыскать какой-нибудь канал или речку, которые выведут его к главной реке или к знакомому месту. С первого попавшегося мостика он определил, куда течет вода, и потом выбирал уже только те улицы, которые шли близко к воде и в нужном направлении. Пока он все еще не знал, где находится, но, во всяком случае, действовал по плану.

И план сработал. Боб вышел к главной реке и пошел вдоль ее берега, пока не понял: вон там вдали, скрытый за изгибом русла, идет Маасбульвар, а уж он-то приведет его прямо к тому месту, где была убита Недотепа.

Этот изгиб реки Боб хорошо запомнил по карте. Теперь он знал, где находятся те отметки, которые делала на ней сестра Карлотта. Он решил, что ему следует, пройдя по запомнившимся ему улицам, обойти по порядку все те места, где он

когда-то жил. Когда они останутся за спиной, то где-то совсем рядом окажется район, в котором находилась квартира сторожа. Однако следует соблюдать особую осторожность, так как в тех местах Боба могут узнать, да и сестра Карлотта почти наверняка свяжется с полицией и его обязательно станут разыскивать в районах скопления беспризорников, ибо решат, что Боб захотел опять вернуться к прежнему образу жизни.

Только они забыли, что он не голоден. А раз не голоден, то и торопиться ему ни к чему.

Боб сделал большой крюк в сторону. Подальше от реки, подальше от деловой части города, куда со всех сторон стекаются беспризорники. Когда ему встречались улицы с густым движением людей и транспорта, Боб снова делал крюк, чтобы оказаться в стороне от деловых кварталов. Весь этот вечер, а также утро следующего дня ушли на то, чтобы завершить этот огромный круг, так что на какое-то время Боб оказался вообще вне Роттердама и впервые в жизни увидел сельский пейзаж, похожий на картину: пашни, дороги, лежащие выше окружающих полей. Сестра Карлотта рассказывала ему, что большая часть обрабатываемых земель находится ниже уровня моря и что только огромные плотины удержива-

ют море от того, чтобы прорваться и залить всю страну. Но Боб знал, что к плотинам он не пойдет. Во всяком случае, пешком.

Потом он снова вернулся в город уже в районе Шибрук и во второй половине того же дня обнаружил знакомое название Риндийк страат — улицу, которая пересекалась с Эразмус Сингел. Теперь было нетрудно добраться до места, которое в его воспоминаниях было самым ранним — черный ход ресторана, где его подкармливали, когда он был совсем маленьким. Он тогда даже и говорить-то почти не умел, а потому добросердечные взрослые сами выбегали, чтобы его покормить, а не для того, чтобы дать ему пинка и прогнать прочь.

Боб долго стоял там в сгущающихся сумерках. Тут мало что изменилось. Перед ним, как на фотографии, возникло лицо той женщины, которая вынесла ему маленькую мисочку еды, размахивая зажатой в другой руке ложкой и произнося какие-то странные слова. Теперь-то он мог прочесть название ресторана и понял, что он армянский, так что женщина, вероятно, говорила именно на этом языке.

Каким же путем пришел ты сюда, Боб? Почувствовал запах еды, когда проходил мимо? Но

откуда ты шел? Боб прошелся по улице сначала в одну сторону, потом в другую, все время оглядываясь, пытаясь что-то вспомнить.

— Чего шныришь, толстяк?

Двое ребят, лет восьми. Воинственные, настороженные, но не хулиганы. Вероятно, члены местного кодла. Нет, скорее все-таки семьи — перемены, вызванные Ахиллом, вероятно, дошли и сюда. Хотя кто знает, распространились ли они на эту часть города?

— Я должен здесь встретиться со своим папой, — сказал Боб.

— А кто твой папа?

Боб не был уверен, что они не путают два понятия: папа — глава «семьи» и папа — отец ребенка. Он все же рискнул ответить — «Ахилл».

Ребята отнесли к этой идее с сомнением.

— Так он же там — ниже по течению. И с чего это он будет тут встречаться с таким жирным поросенком, как ты?

Впрочем, их сомнения ничего ровным счетом не значили. Важно было другое — слава Ахилла разнеслась по всему городу.

— С чего это я стану чесать с вами языки о делах моего папы? — ответил Боб. — А что до «поросенка», то в семье моего папы все такие толстые. Мы

едим до отвала.

— И все такие же коротышки?

— Нет, я раньше был повыше, да вот тоже стал задавать дурацкие вопросы, — дерзко ответил Боб и протискался мимо ребят. Он пошел по Розенлаан, в ту сторону, где, как ему представлялось, мог жить сторож.

Ребята за Бобом не увязались. То ли то была магия имени Ахилла, то ли уверенность, с которой говорил с ними Боб. Как если бы не боялся ничего на свете.

Потом все опять стало совсем чужим. Боб все время осматривался, стараясь не пропустить ничего, что мог бы заметить в те времена, когда он, спотыкаясь, уходил от дома сторожа. Так он бродил до темноты, но и тогда решил не бросать поисков.

Стало совсем темно. Боб остановился под уличным фонарем, стараясь разобрать надпись на прибитой к фонарному столбу табличке, и вдруг заметил, что на самом столбе выцарапан набор знаков и букв, который почему-то приковал к себе его внимание. PDVM — вот что там было вырезано. Боб не имел ни малейшего представления о том, что это означало. Он вообще не думал об этой надписи, не вспоминал о ней за все долгие

часы поисков. А тут — узнал! Он видел ее раньше! Даже не раз. Несколько раз! Значит, квартира сторожа была совсем рядом!

Боб медленно огляделся кругом, тщательно фиксируя все детали. Вот оно! Небольшой многоквартирный жилой дом с наружной и внутренней лестницами.

Сторож жил на самом верху. Цокольный этаж, бельэтаж, второй, третий. Боб подошел к почтовым ящикам и попробовал прочесть фамилии квартиросъемщиков, но они были слишком высоко, да и надписи сильно выцвели, а кое-где вообще отсутствовали.

Какая разница — ведь фамилии-то сторожа Боб все равно не знал. Нечего было и надеяться, что он ее распознает по надписи на почтовом ящике.

Внешняя лестница до верха не доходила. Ее, надо думать, пристроили к офису доктора, расположенного на втором этаже. А поскольку ночь уже наступила, то и дверь была заперта.

Ничего не оставалось делать, как ждать. Если придется, то всю ночь напролет. Тогда утром он войдет в одну из дверей. А может, кто-нибудь придет домой ночью, и тогда Боб проскользнет внутрь дома вслед за ним.

Боб уснул, проснулся, снова уснул и снова

проснулся. Он беспокоился, что его заметит полицейский и прогонит отсюда, а потому, когда проснулся вторично, то решил не изображать из себя дежурного, а забрался под лестницу и свернулся калачиком, надеясь без помех провести тут всю ночь.

Проснулся он от пьяного хохота. Было еще темно, шел мелкий дождик — такой слабый, что еле-еле смочил ступеньки лестницы, а одежда Боба вообще не промокла. Он высунул голову наружу, чтобы посмотреть, кто там хохочет. Это были мужчина и женщина, оба пьяные и возбужденные. Мужчина щупал, щекотал и щипал женщину, а она в шутку отбивалась от его приставаний.

— Ты что — обождать не можешь, что ли? — спрашивала она.

— Никак не могу, — отвечал он.

— А сам опять тут же захрапишь, так ничего и не сделав? — ворчала женщина.

— Не в этот раз! — оправдывался мужчина. И тут его вырвало.

Женщине стало противно, и она пошла вперед, не дожидаясь своего спутника. Он тащился за нею, пошатываясь.

— Мне уже лучше, — бормотал он. — Теперь все

пойдет как надо.

Женщина ответила холодно:

— Но и цена теперь будет выше. Да не забудь зубы почистить.

— Конечно, почищу. А как же иначе…

Теперь они стояли перед домом. Боб готовился проскользнуть в дверь за ними.

И вдруг понял, что ждать больше незачем. Мужчина — тот самый сторож, из далекого-далекого прошлого.

Боб выступил из темноты.

— Спасибо за то, что вы доставили его домой, — вежливо сказал он женщине.

Оба рассматривали его с безмерным удивлением.

А ты еще кто такой? — задал вопрос сторож.

Боб поглядел на женщину и поднял глаза к небу.

— Но не настолько же он пьян, я надеюсь, — сказал он и обратился к сторожу: — Мамочка не обрадуется, увидев, что ты опять явился домой надравшись.

— Мамочка? — возопил сторож. — Что за чушь ты несешь, черт бы тебя подрал?

Женщина с силой оттолкнула сторожа. Он так плохо удерживал равновесие, что отступил на

несколько шагов, ударился спиной о стену и медленно сполз по ней, хлопнувшись задницей о тротуар.

— Мне надо было раньше сообразить! — заорала женщина. — Значит, ты притащил меня к своей жене?

— Да не женат я! — ругался сторож. — И парень этот не мой!

— Да послужит он тебе утешением, если ты говоришь правду, — ядовито сказала женщина, — но ты лучше позволь ему помочь тебе взобраться по лестнице. Мамочка-то ждет. — И она пошла прочь.

— А как же мои сорок гильдеров! — жалобно завопил сторож, уже заранее зная ответ.

Женщина сделала непристойный жест и растаяла в ночи.

— Ах ты паршивый недоносок! — прорычал сторож.

— Мне надо было поговорить с вами наедине, — ответил Боб.

— Да кто ты такой, негодяй? И кто твоя мать?

— Вот это-то я и хочу выяснить, — ответил Боб. — Я тот ребенок, которого вы нашли в туалете и принесли домой. Три года назад.

Мужчина смотрел на него, онемев.

Внезапно темноту прорезал луч света. Потом другой. Боб и сторож оказались в перекрестье ярких полицейских фонариков. Их окружили четверо полицейских.

— Не пытайся бежать, малыш, — сказал один коп. — И ты тоже, мистер Забавник.

Боб услышал голос сестры Карлотты.

— Они не преступники, — сказала она. — Мне нужно только поговорить с ними. Вон там — наверху, в его квартире.

— Вы за мной следили? — спросил ее Боб.

— Я знала, что ты его разыскиваешь, — ответила Карлотта. — Я не хотела вмешиваться до тех пор, пока ты его не отыщешь. А на всякий случай, если вы, молодой человек, считаете себя непревзойденным ловкачом, разрешите вам сказать, что мы перехватили четырех уличных бандитов и двух сексуальных маньяков, которые охотились за вами.

Боб снова закатил глаза.

— Вы думаете, я забыл, как с ними следует расправляться?

Сестра Карлотта пожала плечами.

— *Я* просто не хотела, чтобы ты впервые в жизни совершил ошибку. — И хихикнула. С насмешкой.

— Итак, я уже говорил вам, что от Пабло де Ночеса мы не узнали почти ничего. Он иммигрант, который живет только ради того, чтобы иметь возможность покупать себе проституток. Просто один из тех отбросов общества, которые стекаются сюда со всех сторон с тех самых пор, как Голландия стала Интернациональной Зоной.

Сестра Карлотта спокойно ожидала, когда же инспектор полиции закончит свою речь, обильно пересыпанную всякими «как-я-уже-говорил-вам». Но когда он упомянул о полной бесполезности сторожа, она не могла удержаться от возражения.

— Он принес ребенка, — сказала она. — Накормил его и заботился о нем.

Инспектор отмахнулся от ее возражений.

— А нам что — беспризорников не хватает, что ли? Потому что такие, как он, только и способны производить на свет этих несчастных ребятишек.

— Но все-таки вы от него кое-что узнали, — сказала сестра Карлотта. — Например, где он нашел ребенка.

— Дело в том, что найти людей, которые арендовали это здание, мы не сможем. У нас есть название той фиктивной компании, но начинать

не с чего. Никакой возможности проследить, кто они такие.

— Это ничего. Кое-что все равно уже есть. Я говорила вам, что эти люди держали в том помещении много детей, что они прикрыли свое заведение в большой спешке и забрали оттуда всех детишек, кроме одного. Вы говорите мне, что компания фиктивная и ее отыскать невозможно. Но разве опыт не подсказывает вам что-нибудь насчет того, чем занимались в том помещении?

Инспектор пожал плечами.

— Конечно. Это было предприятие по производству органов для пересадки.

— Других вариантов нет?

— В богатых семьях рождается множество неполноценных детей, — сказал инспектор. — Существует обширный черный рынок различных органов новорожденных и маленьких детей. Мы закрываем фирмы такого рода, когда получаем о них сведения. Вполне можно допустить, что мы уже начали подбираться и к этой фирме, а они об этом узнали и быстренько самоликвидировались. Но в нашем департаменте нет никаких документов, которые бы относились к фирмам такого рода, обнаруженным в интересующий вас год. Так что ничего у нас нет.

Сестра Карлотта спокойно отреагировала на неспособность инспектора оценить всю важность уже полученной информации.

— А откуда берутся дети?

Инспектор обратил к ней удивленный взгляд — будто она спросила его о физической стороне деторождения.

— Эти торговцы детскими органами, — разъяснила она, — откуда они берут детей?

Инспектор опять пожал плечами.

— Обычно это результат выкидышей на поздних стадиях беременности. Кое-кто договаривается с клиниками. Отказы от детей. В таком вот роде.

— Это единственные источники?

— Трудно сказать. Может, кражи детей. Не думаю, что это важный источник — не так уж много детей может миновать систему внутренней безопасности в родильных домах. Продажа собственных детей? Да, об этом поговаривают. Беженцы прибывают с восемью детьми, а через несколько лет у них остается только шестеро. Они оплакивают тех двоих, что умерли, но кто может что-либо доказать? Проследить все это весьма затруднительно.

— Причина, которая заставляет меня интере-

соваться, — сказала сестра Карлотта, — заключается в том, что это необыкновенный ребенок. В высшей степени необыкновенный.

— Три руки? — спросил инспектор.

— Талантливый. Даровитый. Он убежал из того места, когда ему еще и года не было. Он почти не умел ходить.

Инспектор некоторое время обдумывал информацию.

— Уполз, значит?

— Спрятался в туалетном бачке.

— Поднял крышку, хотя ему не было и года?

— Говорит, что поднять ее было трудно.

— Наверняка она была из дешевой пластмассы, а не фаянсовая. Вы же знаете, какую дрянь теперь ставят в сортирах.

— Поэтому вы понимаете, как для меня важно выяснить происхождение ребенка. Должна была быть в высшей степени интересная комбинация родительских генов.

Инспектор опять пожал плечами.

— Некоторые ребятишки сами по себе смышленый народ.

— Нет, всегда есть элемент наследственности. Такой ребенок должен иметь просто замечательных родителей. Родители гениев часто сами

известны блестящими способностями.

— Может быть. А может — нет, — ответил инспектор. — Я хочу сказать, что некоторые из этих беженцев могут быть гениями, но теперь у них трудные времена. Чтобы спасти других своих детей, могут продать одного. Такая штука, между прочим, тоже ума требует. Так что гениальность этого паршивца вовсе не исключает возможности его происхождения от беженцев.

— Согласна, это возможно, — сказала сестра Карлотта.

— Полагаю, больше вы ничего не узнаете. Потому что Пабло де Ночес… ничего не знает. Он и название того испанского города, откуда приехал, и то еле-еле вспомнил.

— Он же был пьян, когда вы его допрашивали, — сказала сестра Карлотта.

— Мы его еще допросим, когда он протрезвеет, — ответил инспектор. — И вам сообщим, если что. А пока вам придется воспользоваться моими сведениями. Других-то все равно нет.

— Все, что мне пока надо знать, у меня уже есть. Мне достаточно знать, что этот ребенок — чудо и что Бог хранил его для какой-то очень высокой цели.

— Я не католик, — сказал инспектор.

— Но Бог, невзирая на это, вас все равно любит, — жизнерадостно ответила сестра Карлотта.

Часть вторая. Новичок
5. Готов ли, нет ли — один черт

— Зачем вы хотите мне навязать этого пятилетнего беспризорника?

— Вы же видели его баллы?

— И вы думаете, что я могу их принимать всерьез?

— Поскольку вся система воспитания в Боевой школе построена на идее непогрешимости нашей программы тестирования, то — да, я так думаю. Я провел и кое-какие собственные изыскания. Ни один из известных мне детей таких результатов еще не показывал. Даже ваш «Звездный мальчик».

— Я не сомневаюсь в эффективности тестирования. Я сомневаюсь в человеке, который проводил это тестирование.

— Сестра Карлотта — монахиня. Вряд ли вы найдете на свете другого столь же порядочного человека.

— Известны случаи, когда очень честные люди сами обманывались. Отчаянно желая успеха после стольких лет безрезультатных поисков, в

надежде найти одного-единственного ребенка, чья ценность перекроет все, что сделано за долгую жизнь…

— И она нашла его.

— Да вы только вспомните, как она его нашла. В первом своем докладе она расхваливает какого-то Ахилла, а этот Боб, это, так сказать, бобовое зернышко, упомянут только на втором плане. Затем Ахилл исчезает, о нем больше нет никаких упоминаний. Он что — умер? Разве она не пыталась навязать нам его лечение? И только после этого появляется некий Святой Зеленый Горошек — ее нынешний кандидат.

— «Боб» — его имя, он сам дал его себе. Ведь ваш Эндрю Виггин называет себя «Эндер»?

— Он не мой Эндрю Виггин.

— Точно так же, как Боб — не сын сестры Карлотты. А если бы она имела склонность завышать баллы и проводить тестирование, намеренно фальсифицируя результаты, она уже давно попыталась бы пропихнуть к нам своих кандидатов, и мы прекраснейшим образом установили бы ее ненадежность. Но она сама «промывает» своих самых перспективных ребят, а затем отыскивает им места в наземных школах или в программах, которые не связаны с подготовкой командного

состава. Я полагаю, вы просто раздражены, так как уже давно хотите сфокусировать все свое умение и энергию только на вашем Вигине, и не желаете отвлекаться от этой задачи.

— Я что, приходил сюда валяться и выть на вашей тахте?

— Если я ошибся в своем анализе, прошу извинить меня.

— Конечно, я дам этому малышу шанс. Хоть ни на минуту не могу поверить в его баллы.

— Нет, речь идет не о шансе. Его надо развивать, выдвигать, проверять. Ставить перед ним препятствия. Не давать ему лениться.

— Вы недооцениваете нашу программу. Мы развиваем, проверяем и создаем определенные трудности всем нашим ученикам.

— Но некоторые из них более равны, чем другие.

— Просто некоторые курсанты извлекают из программы больше, чем другие.

— Что ж, я с радостью сообщу сестре Карлотте о вашем энтузиазме.

Сестра Карлотта лила слезы, сообщая Бобу, что им пришло время расстаться. Боб слез не лил.

— Я понимаю, что ты боишься, Боб, но бояться не надо, — говорила она. — Там ты будешь в пол-

ной безопасности и очень многому научишься. Ты с такой страстью поглощаешь знания, что скоро почувствуешь себя совершенно счастливым. Пройдет совсем немного времени, и ты уже не будешь страдать от нашей разлуки.

Боб поморгал глазами. Разве он дал ей какие-нибудь основания думать, что боится? Или что будет без нее скучать?

Ничего такого Боб не ощущал. Когда они встретились впервые, он, вполне возможно, был склонен питать к сестре Карлотте нежные чувства. Она была добра. Она его хорошо кормила. С ней он чувствовал себя в безопасности, она дала ему новую жизнь.

Но когда Боб отыскал Пабло — сторожа, и там же оказалась и сестра Карлотта, она не дала ему поговорить с этим стариком, который спас ему жизнь еще раньше, чем это сделала она. Кроме того, сестра Карлотта отказалась сообщить ему и то, что рассказал ей Пабло, и то новое, что она узнала от полиции о «месте, где было чисто».

С этого времени он потерял доверие к сестре Карлотте. Боб убедился, что все, что делает сестра Карлотта, она делает не ради самого Боба. Она его использует. Правда, для чего использует, он не знал. Может быть, что для того самого, что

он хотел бы получить сам. Но она не говорила ему правду. У нее были секреты от него. Как у Ахилла.

За те месяцы, которые она была его учителем, Боб отходил от нее все дальше и дальше. Все, чему она его учила, он запоминал, как запоминал и то многое, чему она его не учила. Он выполнял все тесты, которые она ему давала, выполнял хорошо, но старался не демонстрировать того, что усвоил помимо ее уроков.

Конечно, жизнь у сестры Карлотты была куда лучше, чем на улице, так что возвращаться обратно у Боба не было ни малейшего желания. Но все равно сестре Карлотте он почему-то не доверял. Все время был настороже. Был осторожен, так же осторожен, как в свое время в «семье» Ахилла. Те недолгие дни, когда он открыто рыдал перед сестрой Карлоттой, когда говорил, не думая о возможных последствиях, он считал ошибкой, которую больше никогда не повторял. Жизнь стала лучше, но Боб не чувствовал себя в безопасности. Он не был *дома.*

Боб знал, что слезы сестры Карлотты настоящие. Она и в самом деле любит его и наверняка будет тосковать, когда он уедет. В конце концов он ведь был образцовым ребенком — спокойным,

жизнерадостным, послушным. Для нее это значит, что он был «хорошим». Для него — это был единственный способ сохранить возможность получать еду и знания. Он был неглуп, этот Боб.

Почему она решила, что он боится? Потому, что боялась *за него*? Значит, весьма вероятно, там есть чего бояться. Придется быть крайне осторожным.

И с чего она взяла, что ему будет ее не хватать? Потому, что *ей* будет скучно без него, а сестра Карлотта не может себе представить, что его чувства могут отличаться от ее чувств. Она нарисовала для себя выдуманный образ Боба. Как в игре «Давай представим себе…», в которую она дважды пыталась заставить его играть. Наверняка вспоминала свое собственное детство, те времена, когда она росла в доме, где всегда была в избытке еда. Бобу не надо было «представлять» себе что-то, чтобы тренировать свое воображение в те времена, когда он жил на улице. Тогда он разрабатывал планы, как добыть еду, как заставить принять себя в кодло, как выжить в мире, где ты никому не нужен. Ему приходилось воображать, где и какие козни Ахилл будет замышлять против него за то, что он когда-то посоветовал Недотепе убить этого хулигана. Ему приходилось

воображать, какие опасности поджидают его за каждым углом: например, хулиганы, только и ждущие того, чтобы вырвать у него изо рта последний кусочек пищи. О, у него было богатое воображение! И ни малейшего желания играть в «Давай представим себе».

Это была *ее* игра. Она играла в нее все время. Давай притворимся, что Боб чудесный малыш. Давай притворимся, что Боб — это сын, которого в реальности монашка иметь не может. Давай притворимся, что, когда Боб будет уезжать, он заплачет, а раз не плачет, то, значит, боится своей новой школы, полета в космос или просто открытого проявления эмоций. Давай притворимся, что Боб любит меня.

И когда Боб понял это, он сделал свой выбор. Ему не вредит то, во что она верит. А ей так необходимо верить во что-то. Так почему же не дать ей *это?* В конце концов и Недотепа взяла меня в свое кодло не потому, что я был ей нужен, а потому, что в этом не было худа. Вот и та, о чем я думаю сейчас, — это поступок, который могла бы совершить Недотепа.

Поэтому Боб встал, обошел стол и, подойдя к сестре Карлотте, обхватил ее обеими руками. Она схватила его, посадила на колени и крепко

прижала к себе. Ее слезы падали прямо на макушку Боба, и он очень надеялся, что из носа у нее не течет. Боб прижимался к ней, пока она удерживала его, а когда она разжала руки, он тоже отпустил ее. Это было именно то, что ей нужно от него, — единственная плата, которую она взяла у Боба за все это время. За все ужины, все обеды, все уроки, книги, знания, языки, за все его будущее он заплатил ей, приняв участие в игре «Давай притворимся, что…»

И вот этот момент остался позади. Он слез с колен сестры Карлотты. Она вытерла глаза. Потом встала, взяла за руку и отвела к уже ожидающим его солдатам в автомобиле.

Когда Боб вышел на улицу, одетые в форму люди направились к нему. То была не серая форма Интернациональной Полиции — этих пинателей детей, против которых они охотно пускали в ход свои палки. Нет, то были синие мундиры, вероятно, принадлежащие МКФ, выглядевшие такими чистыми и аккуратными, что люди подходили только за тем, чтобы ими полюбоваться, не испытывая страха. Это была форма Силы, которая защищала человека, Силы, с которой люди связывали свои надежды. Это была Служба, к которой Бобу надлежало присоединиться.

Но Боб был такой маленький, что, когда солдаты смотрели на него с высоты своего роста, он в конце концов испугался и изо всех сил вцепился в руку сестры Карлотты. Неужели и он станет таким же? Станет человеком в мундире, на которого все будут смотреть с восхищением? Но почему же ему так страшно сейчас?

Я боюсь, подумал Боб, потому, что не могу понять, как это я стану таким огромным.

Один из солдат наклонился к Бобу, чтобы посадить его в машину. Но Боб сердито глянул на него, как бы предупреждая, что подобные глупости недопустимы.

— Я сам, — сказал он.

Солдат еле заметно — кивнул и выпрямился. Боб с трудом умудрился поставить ногу на высокую подножку автомобиля. Потом подтянулся, хотя сиденье, за которое он ухватился, было высоким и скользким и ему долго не удавалось удержаться. Тем не менее он влез и расположился на середине заднего сиденья, откуда поверх двух передних спинок можно было видеть, куда едет машина.

Один из солдат сел на водительское место. Боб ожидал, что другой сядет рядом с ним сзади, и уже предчувствовал, какой возникнет у них спор по

поводу того, должен Боб занимать центральное место или нет. Но солдат предпочел сесть рядом с водителем, так что Боб остался один.

Он взглянул в боковое окно и увидел сестру Карлотту. Она все еще вытирала глаза носовым платком. Карлотта еле заметно махнула ему рукой. Боб в ответ помахал ей. Карлотта всхлипнула. Машина скользнула вдоль магнитного рельса дороги. Вскоре они уже оказались за пределами города, бесшумно скользя на скорости сто шестьдесят километров в час. Впереди их ждал аэропорт Амстердама — один из трех европейских портов, запускавших шаттлы, которые уходили за пределы земного тяготения. С Роттердамом Боб прощался навсегда. Больше того, на какое-то время он прощался и с Землей вообще.

* * *

Боб никогда не летал на аэропланах, а потому не мог оценить, как сильно отличаются от них шаттлы, хотя остальные мальчишки только об этом и разговаривали после посадки. «Я думал, они куда больше», «Кажется, они взлетают прямо без разбега?», «Так то старые шаттлы, дурачина!», «И тут нет навесных столиков для подносов с едой!», «Это потому, глупая твоя башка, что в

невесомости есть не положено».

Для Боба небо было небом, и оно интересовало его исключительно с точки зрения пойдет снег или дождь, будет ли гром или станет жечь яростное солнце. Поэтому полет в космос поразил его ничуть не больше, чем полет под облака.

А вот что его действительно заинтересовало, так это другие дети. Большинство из них были мальчишки, все как один старше его. И уж конечно, куда крупнее. Некоторые из них смотрели на него с непонятным выражением на лицах, а раз он даже услышал за спиной шепот:

— Это мальчик или кукла?

В насмешках по поводу его роста и возраста ничего нового для Боба не было. Больше того, его удивило, что подобных намеков было так мало, да и их произносили почему-то шепотом.

Занимали Боба сами дети. Все были такие толстые, такие мягкие. Их тела походили на подушки, щечки казались надувными, у них были густые волосы и хорошо подогнанные костюмчики. Боб тоже за последние месяцы поднакопил кое-какой жирок, которого у него не было с тех пор, как он покинул «место, где было чисто», но себя он не видел, а этих детишек мог рассматривать со всех сторон, мог сравнивать с другими

уличными ребятами. Сержант мог бы разорвать любого из них пополам. Ахилл…

Нет, об Ахилле вспоминать не нужно. Боб попробовал представить их в очереди к дверям благотворительной столовки. Или ищущими бумажки от конфет, чтобы вылизывать их. Вот это да! За всю свою жизнь эти ребята не пропустили ни одной трапезы. Бобу захотелось так пнуть им в пузо, чтоб их вырвало той пищей, которую они только что сожрали. Пусть бы ощутили боль в желудке, пусть бы узнали, что такое свирепый голод. И пусть этот голод грызет их и на следующий день, и утром, и вечером, и тогда, когда они ходят, и тогда, когда спят; пусть они почувствуют нарастающую слабость, воспаление в горле, обморочную дрожь за глазными яблоками, головную боль, тошноту, опухающие суставы, голодный понос; пусть узнают, каково сознавать, что все больше слабеют мускулы и ты еле-еле держишься на ногах. Таким детям никогда не приходилось смотреть в лицо смерти, а потом жить с пониманием, что никогда *этого* не забудешь. Они очень самоуверенны. Потому что не знают, что такое опасность.

Они мне и в подметки не годятся.

И с такой же уверенностью он ощутил: я ни-

когда с ними не сравняюсь. Они всегда будут крупнее, старше, сильнее, быстрее, здоровее. Счастливее. Они громко и хвастливо болтают друг с другом, они с тоской говорят о доме, они смеются над детьми, способности которых недостаточны, чтобы попасть в Боевую школу, они делают вид, что из каких-то тайных источников знакомы с порядками в этой школе. Боб молчал. Он только слушал и наблюдал за их поведением, за тем, как некоторые уже сейчас пытаются занять определенное место в будущей социальной иерархии. Видел, что кое-кто держится подавленно, так как уже привык, что его место в этой иерархии находится где-то внизу. Самая маленькая группа, наоборот, расслабилась: они были совершенно спокойны — они всегда находятся на самом верху и имеют право клевать остальных сколько им захочется. Какая-то часть души Боба звала его сейчас же вступить с этими ребятами в бой и выиграть его, пробившись локтями и когтями на самый верх пирамиды. Но другая часть с презрением призывала не ввязываться в эту игру. В самом деле — велика ли честь стать самой свирепой собакой в стае дворняжек?

Потом Боб поглядел на свои руки и на руки мальчика, сидевшего рядом. Да, в сравнении с

ними он действительно смотрелся кукленком.

Кое-кто из ребят начал брюзжать, что проголодался. Существует запрет есть что-либо меньше чем за двадцать четыре часа до отлета шаттла. Большинству из этих мальчиков и девочек еще никогда не приходилось оставаться так долго без еды. Для Боба же пробыть двадцать четыре часа без пищи было делом столь нормальным, что тут и говорить не о чем. В его кодле голод становился проблемой только после окончания первой недели пребывания без еды.

Шаттл взлетал как простой аэроплан, но ему требовалась гораздо более длинная пробежка, чтобы набрать нужную скорость. Шаттл был очень тяжел. Боб с интересом наблюдал за взлетом: шаттл мчался вперед, но пассажиры движения не ощущали — только чуть заметное покачивание да подпрыгивание, как будто они задевали крохотные неровности на взлетной полосе.

Когда шаттл взлетел уже достаточно высоко, состоялось рандеву с двумя топливозаправщиками, чтобы пополнить запас горючего, необходимый для преодоления силы земного притяжения. С таким количеством топлива шаттл никогда бы не смог оторваться от земли.

Пока шла дозаправка, в двери салона появился мужчина и остановился на пороге, внимательно присматриваясь к рядам кресел. Его голубая, как небо, форма была идеально чиста и прекрасно отглажена, а его улыбка казалась столь же накрахмаленной и отутюженной, как белоснежная рубашка.

— Мои дорогие миленькие детки, — начал он. — Некоторые из вас, очевидно, еще не умеют читать. Ваши привязные ремни должны быть туго затянуты во время всего полета. Почему же многие даже пряжек не застегнули? Вы намерены отправиться в путешествие? А куда, позвольте спросить?

Раздались дружные щелчки застежек, прозвучавшие подобно россыпи аплодисментов.

— И еще хочу посоветовать вам: каким бы надоедливым или занудным ни показался вам ваш сосед, не следует давать волю рукам. Надо помнить, что и другие дети могут иметь точно такие же баллы по тестам, как у тебя самого, а кое у кого они могут быть и недостижимо более высокими.

Боб подумал: это невозможно. У кого-то из нас должен быть самый высокий балл.

Мальчик, который сидел через проход от Боба, видимо, думал так же, а потому насмешливо

пробормотал:

— Чушь собачья!

— Я дал вам совет, а потому готов к тому, что его будут оспаривать, — сказал мужчина. — Будь добр, поделись с нами идеей, которая так тебя захватила, что ты не смог преодолеть необходимости молчать, когда говорят старшие.

Мальчик, вероятно, уже понял, что сделал ошибку, но решил не сдаваться.

— У кого-то из присутствующих должен быть наивысший балл.

Мужчина продолжал смотреть на оппонента, явно ожидая продолжения.

Приглашает его вырыть себе могилу поглубже, подумал Боб.

— *Я* имею в виду, что вы сказали, будто тут все имеют одинаково высокие баллы, но у кого-то из нас они еще выше, так что одно противоречит другому.

Мужчина все еще ждал.

— Вот и все, что я хотел сказать.

— Ну и как ты себя теперь чувствуешь, облегчившись? Лучше?

Мальчик угрюмо молчал.

Ни на минуту не снимая свою как бы приклеенную улыбку, мужчина резко изменил тон. Теперь

вместо сарказма звучала явная угроза.

— Я задал тебе вопрос, парень.

— Нет, я не чувствую себя лучше.

— Как твое имя? — спросил мужчина.

— Ниро.

Двое ребятишек, которые, видимо, что-то знали об истории Рима, захихикали, услышав это имя. Боб тоже кое-что слышал об императоре Нероне, но смеяться не стал. Он понимал, что тот, кого зовут «боб», не должен смеяться над именами других мальчиков. Кроме того, носитель подобного имени и без того таскал на плечах солидное бремя. Поведение мальчика говорило и о силе его характера, и о его упрямстве, не будь которого, он мог бы назвать и другую кличку.

А может, Нерон и есть его кличка?

— Просто… Ниро? — спросил мужчина.

— Ниро Буланже[2].

— Француз? Или просто в животе бурчит от голода?

Боб шутки не понял. Может, слово «буланже» имеет отношение к пище?

— Алжирец.

— Ниро, ты послужишь в этом шаттле приме-

---

[2] Примечания: 2

Буланже — булочник *(фр.)*.

ром для других детей. Поскольку все они дурачки, то полагают, что свои дурацкие идеи им следует хранить в себе и вслух не высказывать. Ты же, однако, исповедуешь глубочайшую истину, что твои глупые идеи, наоборот, заслуживают широчайшей огласки. Чтобы удержать глупость внутри себя, ее надо держать, обнимать, защищать, а когда ты ее демонстрируешь миру, то получаешь шанс, что она будет подхвачена, откорректирована и обогащена мудростью. Будьте же смелы, как Ниро Буланже, и когда вам в голову придет столь же потрясающая по невежеству мысль, которая, однако, покажется вам удачной, издайте ртом некий неприличный звук, пусть треснут ваши ментальные ограничители, пусть раздастся мыслительное пуканье, и вы получите шанс обогатиться знанием.

Ниро что-то пробурчал себе под нос.

— Слышите! Очередное бурчание газов, скопившихся в кишках, но теперь менее разборчивое, чем раньше. Так поведай же нам, Ниро! Возвысь свой глас. Ты учишь нас всех, являя миру пример храбрости, хотя и эта храбрость несет на себе признаки прохождения через задний проход.

Двое новичков рассмеялись.

— Слышишь, Ниро? Твое ментальное попуки-

вание вызвало на свет божий новые ветроиспускания со стороны людей, столь же глупых, как и ты, так как они полагают себя в чем-то выше тебя и считают, что могут послужить нам еще лучшим примером высочайшего интеллекта.

Смешки как ветром унесло.

У Боба вдруг возникло чувство близкой опасности и страха. Какое-то неизвестное чувство говорило ему, что весь этот словесный поединок, вернее, одностороннее словесное нападение, вся эта пытка, все это публичное разоблачение должно каким-то кружным путем привести к нему — Бобу. Он не знал, откуда эта уверенность, ибо одетый в мундир мужчина ни разу не глянул в его сторону, а сам Боб не произнес ни единого звука, не сделал ни единого жеста, который мог бы привлечь к нему внимание. И тем не менее он знал, что именно он, а вовсе не Ниро получит самый жестокий удар от этого мужчины.

И тогда он понял, откуда пришла уверенность, что все развернется против него. Ведь спор начался с вопроса о том, имеет ли кто-нибудь в этом шаттле необычайно высокие оценочные баллы в сравнении с остальными. И Боб понял, правда, без всяких оснований, что именно он-то и есть тот самый ребенок с необычайно высокими по-

казателями интеллекта.

Хотя, вообще-то говоря, подобное предположение выглядело достаточно абсурдным. Эти ребята были рослее и старше его, они выросли и воспитывались в гораздо более благоприятных условиях. У него учителем была всего лишь сестра Карлотта и, понятное дело, улица. Хотя только очень немногое из того, что дала ему улица, могло было быть использовано при тестировании. Нет, никакой вероятности, что у него самый высокий балл, быть не может.

И все равно он уверен, что эта дискуссия таит для него большую опасность.

— Я приказываю тебе отвечать, Ниро. Я жду.

— Я до сих пор не понял, почему сказанное мной есть глупость, — сказал Ниро.

— Во-первых, это глупость потому, что я здесь располагаю всей полнотой власти, а у тебя ее нет вообще. Я могу сделать твою жизнь ужасной, а у тебя нет средств, чтобы защитить ее от меня. Так много ли ума требуется для того, чтобы держать рот на замке и не привлекать к себе внимания? И каково должно быть решение, если ты сталкиваешься с подобным неравным распределением сил?

Ниро совсем увял в своем кресле.

— Во-вторых, ты слушал меня вовсе не для того, чтобы извлечь полезную информацию, а для того, чтобы поймать меня на логической погрешности. Это говорит нам, что ты привык считать себя умнее, нежели твои учителя, и что ты слушаешь их лишь для того, чтобы вылавливать их ошибки, доказывая прочим ученикам, как ты ловок и умен. Это самый идиотский способ обучения, и из него следует, что ты потратишь несколько месяцев дорогого для нас времени только на то, чтобы понять: главное в нашем деле — передача знаний от учителя детям, которые этих знаний не имеют. Вылавливание же ошибок — пустая трата времени, которая должна быть наказана.

Боб про себя не согласился с этими словами. Наказуемая трата времени — это вынесение ошибок на всеобщее обсуждение. А вот их обнаружение — дело исключительно важное. Если ты сам не научишься определять полезную и ошибочную информацию, тогда, значит, ты не учишься, а заменяешь незнание фальшивыми версиями, то есть никакого прогресса не происходит. Однако часть утверждения этого мужчины верна. Это насчет бесполезной болтовни об ошибках. Если я знаю, что учитель ошибся, и молчу об этом, я становлюсь единственным, кто об этом знает,

что дает мне преимущества над теми, кто верит учителю безоглядно.

— В-третьих, — продолжал мужчина, — мое утверждение только кажется содержащим противоречие, ибо ты коснулся лишь самой поверхности нашей ситуации. Совершенно не обязательно, чтобы некто имел высший балл по всем тестам. Дело в том, что тестов очень много: физические, интеллектуальные, социальные, психологические, причем существуют самые различные способы их оценки и, в частности, определения высшего балла. Дети, которые, например, получили наивысший балл за выносливость, могут получить низкую оценку за физическое развитие, а те, которые отличились своей памятью, получают низкий балл при тестировании на совместимость. Ребята с высокими социальными качествами иногда оказываются в затруднении, если им приходится отказываться от каких-то удовольствий. И так далее.

Теперь ты, вероятно, уже понимаешь, что именно твое скороспелое стремление высказаться привело к совершенно нелепому и глупому заключению?

Ниро кивнул.

— Позволь же мне еще раз услышать резуль-

таты твоего пищеварительного процесса, Ниро. Признай свои ошибки столь же громко, как ты их совершал.

— Я ошибался.

Вряд ли в этом шаттле нашелся бы хоть один мальчик, который не предпочел бы смерть удовольствию оказаться на месте Ниро. И все же Боб ощутил какую-то тень зависти, хотя и не мог объяснить себе, почему он завидует жертве, находящейся под столь жестоким давлением.

— Однако, — продолжал мужчина, — в данном случае твоя ошибка не столь велика, как была бы на каком-либо другом шаттле, направляющемся в Боевую школу с грузом новичков. И знаешь почему?

Ниро предпочел промолчать.

— Кто-нибудь знает? Кто-нибудь рискнет высказать свое предположение? Я разрешаю строить любые догадки.

Желающих принять предложение не нашлось.

— Тогда я сам вызову волонтера. Среди нас есть ребенок, которого зовут, как бы странно это ни звучало, Бобом. Не пожелает ли он высказаться?

Началось, подумал Боб. Все его существо содрогалось от ужаса, хотя одновременно он чувствовал какое-то странное возбуждение, ибо

происходило как раз то, чего он втайне желал, хотя опять-таки не знал почему. Ну погляди на меня, ну заговори со мной, ты — Всесильный, ты — Облеченный Властью!

— Я здесь, сэр, — сказал Боб.

Мужчина сделал вид, что ищет, напрягая зрение, но никак не может найти Боба. Конечно, это было чистейшее притворство, прекрасно он знал, где сидит Боб, знал задолго до того, как начал этот разговор.

— Я не вижу, откуда раздается твой голос. Подними, пожалуйста, руку.

Боб немедленно вытянул руку. К своему стыду он тут же понял, что она почти никому не видна из-за стоящих впереди кресел.

— Все равно не пойму, где ты, — продолжал играть мужчина, хотя, разумеется, отлично видел, как старательно Боб тянул руку. — Разрешаю тебе отстегнуться и встать ногами на сиденье.

Боб тут же воспользовался разрешением, отстегнул ремни и встал на ноги. И все равно оказался ниже спинки того кресла, в котором только что сидел.

— А, вот где ты! — сказал мужчина. — Боб, не будешь ли ты так добр высказать соображение, почему именно в данном рейсе Ниро ближе к

истине, нежели был бы в любом другом?

— Возможно, что в данном случае кто-то имеет наивысшие оценки по многим тестам.

— Не по многим, Боб. По всем тестам, связанным с интеллектуальным развитием. По всем психологическим. По всем, имеющим отношение к командным способностям. По всем без малейшего исключения. Выше, чем кто-либо другой в этом шаттле.

— Значит, я не был так уж неправ, — проговорил возродившийся к жизни Ниро.

— Нет был, — ответил мужчина, — потому что этот удивительный ребенок, который получил наивысшие баллы по всем тестам, относящимся к командным способностям, получил и самые низкие по физическому развитию. И знаете почему?

Никто не отозвался.

— Боб, раз уж ты все равно стоишь, не выскажешь ли ты догадку, почему этот ребенок получил наинизшие баллы по тестам, относящимся к физическому развитию?

— Может, он получил самые низкие баллы по этим тестам потому, что он очень, очень маленький?

Вопли, которые издали многие мальчишки, говорили, что им этот ответ совсем не по душе.

Он, по их мнению, явно свидетельствовал о нахальстве и спеси отвечавшего. Однако человек в форме серьезно кивнул.

— Удивительно, но ты и здесь не ошибся. Только чрезвычайно малый рост этого мальчика помешал Ниро оказаться совершенно правым в его догадке, что тут может находиться ребенок с наивысшими оценками по многим тестам. — Он повернулся к Ниро. — Да, ты был близок к тому, чтобы не оказаться законченным дураком. И все же… даже если бы ты и оказался прав, это была бы случайность. Ведь даже испорченные часы дважды в сутки показывают верное время. Садись, Боб, и хорошенько пристегнись. Загрузка топлива окончена, и мы сейчас стартуем.

Боб сел. Он ощущал всем своим существом суровую ненависть остальных детей. Он был бессилен предпринять что-либо по этому поводу сейчас, но, может быть, в этом есть свой плюс. Важнее найти ответ на вопрос: зачем понадобилось этому мужику в мундире выставить Боба перед всеми вот таким образом? Если для того чтобы заставить других детей соревноваться друг с другом, то проще было пустить по рядам списки с оценками всех школьников по всем тестам, чтобы каждый знал свое место. Вместо

этого перед всеми выставили одного — Боба. Он был самым маленьким и по опыту знал, что очень притягателен для всех злобных импульсов хулиганских душ. Так зачем же его поместили в самый центр мишени, зачем направили на него все стрелы, сделав его естественной целью для вспышек ребячьей ненависти и страхов?

Ну что ж! Высматривайте цель, острите дротики! Я все равно буду лучшим в этой школе и в один прекрасный день именно меня наделят властью, и мне будет наплевать на то, любите ли вы меня или нет. Значение будет иметь совсем другое — люблю ли я вас!

— Возможно, вы еще помните, — между тем говорил мужчина в форме, — что перед тем, как раздалось первое попукивание из ротового отверстия этого Ниро Бейкерсбоя[3], я собирался вам дать один совет. Я говорил вам, что если вы решите, что один из ваших сотоварищей может послужить отличной мишенью для ваших жалких потуг добиться главенства в ситуации, где вы не уверены, что в вас признают ту героическую личность, которой вам бы хотелось предстать в глазах других людей, то вы должны контроли-

---

[3] Примечания: 3
Бейкер — булочник *(англ.).*

ровать себя и воздержаться от толчков, тычков, щипков и шлепков и даже от ядовитых шуточек или насмешливого хрюканья, подобного хрюканью африканских бородавочников, в адрес того, кого вы считаете легкой добычей. Причина, по которой вам от всего этого следует воздержаться, заключается в том, что вам неизвестно, кто именно из вашей группы в будущем окажется вашим собственным командиром, возможно, даже адмиралом, тогда как вы будете всего лишь капитанами. И если вы хоть на минуту допускаете мысль, что он забудет, как вы к нему относились в школе, значит, вы действительно безнадежные болваны. Если он хороший командир, то он станет эффективно использовать вас в бою, как бы ни презирал вас в душе. Но уж, конечно, он не станет продвигать вас по служебной лестнице. Он не обязан возиться с вами и помогать. Он не обязан быть незлопамятным добряком. Так что советую вам хорошенько подумать об этом. Любой мальчик, который сидит рядом с вами, когда-нибудь, возможно, будет отдавать вам приказы и решать — жить вам или умереть. Я предлагаю вам держаться так, чтобы завоевать его уважение, а не пытаться унизить только ради того, чтобы выставить себя каким-то шутом-идиотом.

Мужчина обратил свою ледяную улыбку к Бобу.

— Готов биться об заклад, что вот этот Боб уже обдумывает, как он будет отдавать вам приказы, когда станет адмиралом. Он даже планирует отдавать их *мне*, отправив меня держать одинокую вахту на какой-нибудь занюханной астероидной обсерватории, пока мои кости не размягчатся от остеопороза и я не стану ползать по станции наподобие какой-нибудь распроклятой амебы.

А Боб вовсе и не помышлял о каком-либо будущем столкновении с этим офицером. Он не мечтал о мести. Он же не Ахилл. Ахилл просто глуп. И этот офицер тоже глуп, если полагает, что у Боба могут быть такие мысли. Без сомнения, он думал, что Боб будет благодарен ему за то, что тот предупредил остальных учеников, что Боба обижать не следует. Но Боба притесняли куда более крутые подонки, нежели те, которые могут найтись среди этих ребятишек. В офицерской протекции у него нет необходимости. Больше того, она лишь расширила бы пропасть между Бобом и его товарищами. Если бы Боб приобрел несколько синяков и ссадин, это скорее улучшило его отношения с остальными, может, его даже приняли бы как «своего». Но теперь ссадин и

синяков не будет. И тем труднее станет наводить с ребятами мосты.

Это и было причиной появления на лице Боба некоторого раздражения, которое офицер сейчас же заметил.

— И тебе я тоже хочу сказать словечко, Боб. Мне лично наплевать, что ты сделаешь со мной. Потому что есть лишь один враг, с которым следует считаться. Это жукеры. И если ты дорастешь до адмирала, который приведет нас к победе над жукерами и сохранит Землю для людей, то можешь приказать мне жрать собственные кишки, вытаскивая их из заднего прохода, а я все равно буду говорить тебе: «Благодарю вас, сэр». У нас только один враг — жукеры. Не Ниро. Не Боб. И даже не я. А потому — держите свои лапы подальше друг от друга.

Он снова улыбнулся своей безжалостной улыбкой.

— Тем более что когда в последний раз один мальчик попробовал обидеть другого, для него это кончилось полетом в невесомости со сломанной рукой. Таков закон стратегии. Пока вы не уверены, что наверняка сильнее противника, маневрируйте и в драку не лезьте. Считайте все сказанное вашим первым уроком в Боевой

школе.

Первым уроком? Неудивительно, что этому парню поручили заботу о новичках во время полета на шаттле вместо преподавания в школе. Если следовать его советам, то можно оказаться бессильным перед лицом энергичного напористого противника. Иногда приходится лезть в драку, даже если ты слаб. Не всегда можно ждать, чтобы противник убедился, что ты круче, чем он. Ты делаешь себя крутым всеми способами, которыми располагаешь. Ты обманываешь, ты лжешь, ты делаешь все, что от тебя зависит, чтобы убедить других, что ты уже на вершине.

Этот парень, возможно, действительно крутой, поскольку он единственный взрослый на шаттле, полном ребятни, но если бы он был мальчиком на улицах Роттердама, он бы уже через месяц «доманеврировался бы» до голодной смерти. При условии, что его не убили бы раньше — только за то, что он разговаривает так, будто считает, что от его мочи веет духами.

Офицер повернулся, чтобы уйти.

Боб крикнул:

— А как вас зовут?

Офицер развернулся и посмотрел на Боба замораживающим взглядом.

— Уже составил черновик приказа, чтоб мне раздавили яйца в лепешку, Боб?

Боб ничего не ответил. Он просто продолжал смотреть в глаза офицеру.

— Я капитан Даймек. Хочешь узнать еще что-нибудь?

Что ж, можно спросить и сейчас…

— Вы преподаете в Боевой школе?

— Да, — ответил тот. — Опустился до того, что сопровождаю груз шаттла, состоящий из мальчишек и девчонок, но у нас это единственный способ заработать себе отпуск на Земле. Мое присутствие на этом шаттле означает, что мои каникулы кончились — как и твои.

Металлические заслонки закрыли окна. Ощущение было такое, что они падают… быстро… очень быстро, пока с ревом, казалось, разрушающим скелет, не заработали ракетные дюзы и шаттл снова стал подниматься… быстрее… быстрее, пока Бобу не показалось, что его сейчас продавит сквозь спинку кресла. И так будет продолжаться вечно. Вечно и без изменений.

А затем пришла тишина.

Тишина, сопровождающаяся волной паники. Они снова падали, но только было неизвестно — куда? Тошнота и страх.

Боб закрыл глаза. Не помогло. Он открыл их снова и попытался сориентироваться. Ни одно направление возможного движения не обеспечивало устойчивости. Жизнь на улице научила Боба не поддаваться тошноте. Ведь большая часть еды, попадавшей ему в рот, была тухлая, но он не мог себе позволить потерять ее из-за приступа рвоты. Поэтому Боб прибег к своей антирвотной практике: глубокие вдохи, отвлечение мыслей путем замысловатых движений больших пальцев ног. Спустя короткое время Боб уже привык к невесомости. С тех пор как он отказался считать какое-либо из направлений направлением «вниз», все пошло превосходно.

У других ребят такого опыта не было, а может, они хуже переносили внезапную потерю равновесия. Теперь причина запрещения принимать пищу менее чем за двадцать четыре часа до полета стала ясна. То тут, то там раздавались звуки рвоты, но так как желудки были пусты, то ни грязи, ни дурного запаха не появилось.

Вернулся Даймек, но на этот раз он стоял на потолке. Очень мило, подумал Боб. Началась новая лекция, на этот раз на тему о том, как отказаться от земных представлений о гравитации и направлениях. Неужели все эти малыши так

глупы, что все это им надо разжевывать?

Боб во время лекции занимался тем, что изучал, какая сила нужна для того, чтобы можно было двигаться в своих слабо затянутых ремнях. Остальные ребята были довольно крупны и ремни охватывали их плотно, так что о движении и речи быть не могло. У Боба же оставалось место для известного маневрирования. Он, естественно, попытался использовать это обстоятельство на всю катушку. Ко времени прибытия в Боевую школу Боб приобрел кое-какие навыки движения в невесомости. Он понял, что в космосе его выживание будет зависеть во многом от знания того, сколько силы надо приложить, чтобы привести тело в движение, и сколько — чтобы это движение приостановить. Теоретические представления тут менее важны, нежели инстинктивные движения тела. Анализировать все это было интересно, но хорошие рефлексы явно могли спасти жизнь.

6. Тень Эндера

— Обычно ваши доклады о прибытии группы новичков очень кратки. Несколько шалунов, которых надо взять на заметку, чаще всего вообще

никаких проблем.

— Вы вправе не обращать внимания ни на один пункт моего доклада, сэр.

— Сэр? Господи, да мы, кажется, сегодня превратились в настоящего поклонника казарменной дисциплины?

— Так какая же часть моего доклада показалась вам раздутой?

— Мне показалось, что это не доклад, а любовная песнь.

— Я надеюсь, что не покажусь подлизой, применяя на каждом прибывающем шаттле с новичками ту же технику, которую вы использовали в случае с Эндером Виггином…

— А вы ее применяете в самом деле постоянно?

— Как вы сами могли заметить, сэр, она дает интересные результаты, позволяя провести быструю сортировку.

— Разбивку на категории, которые в ином случае могли бы и не появиться? Я принимаю комплимент, вытекающий из ваших действий. Но все равно, семь страниц, посвященных Бобу… Неужели вы так много узнали о нем из его реакции, которая, вообще-то говоря, сводилась к молчаливой уклончивости?

— Именно в этом и заключается суть. Это не уклончивость, сэр. Это… я проводил эксперимент, а получилось так, что к микроскопу были приложены его большие глаза, а на предметном стеклышке находился я.

— Итак, он вывел вас из себя?

— Он кого угодно выведет из себя. Он хладнокровен, сэр, и одновременно…

— И одновременно горяч. Да, я прочел ваш доклад. Каждую, черт ее побери, блистательную страницу его.

— Да, сэр.

— Полагаю, вам известно, что у нас принято советовать преподавателям не иметь любимчиков среди учеников?

— Сэр?

— Однако в этом случае я в восторге, что вы проявили к Бобу такой повышенный интерес. Потому что, видите ли, я в нем нисколько не заинтересован. У меня уже есть малый, который, как я полагаю, является нашим наилучшим шансом. Но на меня оказывается сильное давление в связи с этими поддельными баллами Боба. От меня требуют, чтобы я уделил ему особое внимание. Отлично, он его получит. И оказывать его будете вы лично.

— Но, сэр…

— Может быть, вы не в состоянии отличить приказ от просьбы?

— Меня смущает… Мне кажется, он уже составил обо мне собственное мнение… весьма нелестное для меня.

— Тем лучше. Значит, он вас недооценил. Конечно, если вы сами не считаете, что его оценка вашей личности верна.

— В сравнении с ним мы все можем показаться туповатыми.

— Вы должны за ним наблюдать — вот ваша главная задача. Постарайтесь не обожествлять его.

В тот самый первый день пребывания Боба в Боевой школе в его голове была всего лишь одна мысль: как здесь выжить? Никто ему здесь не поможет: об этом позаботился Даймек со своей маленькой шарадой — там, в шаттле. Его поставили в позицию, где он окружен… кем? В лучшем случае — соперниками, в худшем — врагами. Значит, опять как на улице. Что ж, не так уж и плохо. На улице Боб сумел выжить. И наверняка продолжал бы жить, даже если бы сестра Карлотта не нашла его. Даже Пабло… Боб справился бы и без Пабло — сторожа, который нашел его в

сортире «чистого места».

Итак, он стал наблюдать. Вслушиваться. Все, что знали остальные ребята, ему предстояло усвоить, но только лучше и прочнее. А главное, он должен узнать то, на что остальные ребятишки внимания не обращали. Как организована работа с группами, которая в Боевой школе считалась основой всей системы? Каковы взаимоотношения между преподавателями? Кто стоит у власти? Кто и кого боится? В каждой группе есть свой босс, свои подхалимы, свои мятежники, свои послушные овцы. В каждой группе должны быть главные связи и второстепенные, дружба и прислужничество. Ложь внутри лжи, которая, в свою очередь, родит новую ложь. Все это Бобу предстоит выяснить, причем как можно быстрее, чтобы найти ниши, в которых он сможет существовать.

Их привели в казарму, дали койки, шкафчики, портативные компьютеры, куда более сложные, чем тот, на котором он работал с сестрой Карлоттой. Некоторые ребята сразу стали возиться с ними, пытаясь разобраться в наборе программ и запустить компьютерные игры. Боб этим не заинтересовался. Компьютерная сеть Боевой школы не была личностью. Овладение ею представляло определенный интерес для будущего,

но сейчас это было не так уж важно. То, что интересовало Боба, находилось за пределами казармы новичков.

Впрочем, именно за эти пределы они вскоре и отправились. Шаттл прибыл «утром» согласно космическому времени, которое, к неудовольствию ребят, прибывших из Европы и Азии, было флоридским, так как первые космические станции контролировались именно оттуда. А для ребят, выросших в Европе, сейчас была уже вторая половина дня, что означало, что у них будут серьезные проблемы с адаптацией. Даймек объяснил им, что главное средство лечения — упорные физические тренировки, за которыми следует короткий — не больше трех часов — сон, после чего новые физические упражнения, так, чтобы уснуть «без задних ног» вечером, то есть в обычное для всей школы время.

Их построили в коридоре.

— «Зеленый-коричневый-зеленый» это ваш код, — сказал Даймек и показал, как заставить точки этих цветов бежать по стенам коридора, указывая новичкам путь к собственной казарме. Боба несколько раз заставляли менять свое место в шеренге, пока наконец он не оказался замыкающим — в самом конце. Ему это было безразлично:

ранжирование по росту — дело бескровное и даже синяков не прибавило, а замыкающий — отличное место, откуда видно больше, чем из рядов.

По-коридору ходили и другие ребята — иногда поодиночке, иногда по двое, по трое. Большинство было одето в яркие — разных цветов — форменные комбинезоны различного покроя. Однажды прошла даже целая группа мальчиков — одинаково одетых, в боевых шлемах и с грозным оружием на поясах. Они шагали так уверенно и быстро, что явно выполняли какое-то задание. Боб нашел это весьма интригующим. Это отряд, подумал он. И идут они в бой.

Все эти ребята были не настолько заняты, чтобы не заметить бродящих по коридору малышей, которые вдобавок рассматривали их — старших — с нескрываемой завистью. Тут же началось кошачье мяуканье и крики: «Новички!», «Мясные обрезки!», «А кто наложил кучу в зале и не убрал ее?», «Смотри-ка, от них так и несет идиотизмом!» и так далее. Но это были веселые подначки, с помощью которых старшие утверждали свое главенство. Не больше. Никакой враждебности. Скорее наоборот — симпатия. Они помнили, что тоже недавно ходили в малышах.

Некоторые новички, стоявшие впереди Боба,

злились, выкрикивали в ответ невнятные и жалкие угрозы, которые вызывали со стороны старших лишь новый взрыв насмешек. Боб привык видеть, как старшие рослые ребята, ненавидящие малышей, которые были их конкурентами в борьбе за пищу, прогоняли их прочь, не заботясь о том, что малышей ждет голодная смерть. Он привык получать от них пинки и удары, видел жестокость, насилие, членовредительство, убийства. Да, его теперешние товарищи не понимают, что такое любовь, даже когда встречаются с нею лицом к лицу.

Что хотел бы знать Боб, так это как формируются такие вот отряды, кто ими командует, как выбираются командиры и зачем нужны эти отряды вообще. Тот факт, что у каждого из этих отрядов своя форма, означал, что у них есть и официальный статус. А это, в свою очередь, предполагало, что старшие ребята могли участвовать в управлении, что явно противоречило порядкам в Роттердаме, где взрослые стремились уничтожать кодла, где газеты писали о них как о криминальных группировках, не понимая, что кодло — всего лишь жалкие попытки малышей как-то сорганизоваться, чтобы выжить.

Вот это и был ключ к его проблеме. Все, что

делают здесь дети, контролируется взрослыми. В Роттердаме взрослые были или враждебны детям, или безразличны, или, подобно Хельге с ее столовкой, бессильны что-либо изменить в судьбе детей. Поэтому дети сами создавали свои организационные структуры, без вмешательства взрослых. Все основывалось на одном: как выжить. На том, как достать еду и при этом не быть искалеченным или убитым. Здесь же были повара, врачи, одежда, койки. Сила и власть определялись не доступом к еде, а одобрением взрослых.

Вот что означала форма. Взрослые сортируют детей, дети носят разные типы форменной одежды, так как взрослые каким-то образом делают выгодным ношение определенной формы.

Значит, ключом ко всему являются взаимоотношения с учителями.

Все эти мысли промчались сквозь мозговые извилины Боба, может быть, не в чеканных словесных формулировках, но в виде четкого и внезапного понимания, что в самих командах или отрядах никакой особой силы и власти нет, особенно в сравнении с властью преподавателей. К этому моменту группа насмешников как раз поравнялась с Бобом. Когда они увидели его —

такого крошечного даже в сравнении с другими малышами, — они опять принялись галдеть и смеяться.

«Слушай, эта штуковина даже кучкой птичьего помета и то быть не может!», «Не верю, что оно ходить умеет!», «А где же его мамочка?», «Да он и не человек вовсе!»

Их настроение Боб понял еще раньше. Но теперь он ощутил еще и радость своих сотоварищей, стоявших с ним в одной шеренге. Их унизили из-за него в шаттле, но теперь пришло время поиздеваться и над Бобом. Ребята были в восторге. Впрочем, Боб — тоже, так как теперь они не будут так остро ощущать его своим соперником. Проходившие мимо солдаты, унижая его, тем самым укрепляли его безопасность.

От чего? Да и существует ли эта опасность?

Опасность тут должна быть. Это Боб знал. Опасность есть всюду. И поскольку вся власть принадлежит учителям, то опасность должна исходить от них. Даймек уже дал ход какому-то процессу, натравив на Боба его товарищей по группе. Значит, орудиями учителей являются сами ученики. Следовательно, Бобу надлежит узнать их как можно лучше, и не потому, что они сами представляют для него проблему, а

потому, что их слабости, их желания могут быть использованы против него учителями. И чтобы защитить себя, Боб должен подорвать влияние учителей на детей. Безопасность он обретет, только подрывая влияние учителей. И в этом лежит главная опасность: его могут поймать, когда он будет заниматься этой подрывной деятельностью.

Каждому из малышей пришлось коснуться ладонью сканера — четырехугольной пластинки, вделанной в стену, а затем спуститься этажом ниже по скользкому шесту. Боб впервые видел такие шесты. В Роттердаме они лазили лишь по водосточным трубам, фонарным столбам и подпоркам рекламных щитов. Теперь они оказались в той части Боевой школы, где сила тяжести была выше. Боб не знал, сколько он весит в своей казарме, но разницу ощутил очень хорошо, когда почувствовал, каким тяжелым стало его тело в спортивном зале.

— Здесь сила тяжести чуть выше, чем на Земле, — сказал им Даймек. — Вам придется проводить тут не меньше получаса в день, иначе ваши косточки начнут рассасываться. И все эти полчаса вам нужно будет заниматься тяжелыми физическими упражнениями, чтобы выносли-

вость тела оставалась на высоком уровне. Это очень важно — наращивать выносливость, так что не вздумайте отлынивать. Вы пока еще малы для подобных тренировок, и вам придется попотеть. Выносливость и упорство — вот чего мы от вас требуем.

Для детей эти слова значили не так уж много, но тренер им тут же пояснил все наглядно. Утомительный бег по движущейся дорожке, езда на велосипеде-тренажере, пробежки по лестницам, всевозможные тренажеры для упражнений мышц рук, ног, шеи, живота и так далее. Чего не было, так это подъема тяжестей. Тренажеры были и для этого, но они предназначались для самих учителей.

— Мониторинг работы вашего сердца проводится с той самой минуты, когда вы появились здесь, — сказал им тренер. — Если частота пульса не возрастет через пять минут после начала тренировок или если она не сохранится на достигнутом уровне после двадцати пяти минут тренировок, это найдет отражение в вашем личном деле и появится на моем мониторе — вон там.

— Я тоже получаю эти данные и тогда вношу вас в «поросячий список», чтобы вся школа виде-

ла, какие вы лентяи, — добавил Даймек.

«Поросячий список». Значит, вот такой способ они тут применяют — позорят перед всеми. Глупо. Как будто для Боба это может иметь хоть какое-то значение!

А вот дисплей монитора Боба очень заинтересовал. Каким образом они могут вести мониторинг работы сердца и знать, кому именно принадлежат его результаты, да еще с первой минуты, как мы тут появились? Боб чуть было не задал этот вопрос сразу же, но сам понял, что на него может существовать лишь один ответ. Форма, в которую они одеты. В нее вделаны какие-то датчики. И надо полагать, тем же путем учителя получают еще и другую информацию. Во-первых, они наверняка знают, где в любой момент находятся их подопечные и что они делают. Каждую минуту. В школе несколько сот учеников, и компьютеры непрерывно фиксируют местоположение каждого, пульс и бог знает что еще. Где-нибудь, надо думать, существует комната, где сидят учителя и следят по дисплеям за каждым шагом учеников.

А может, это и не только одежда. В конце-то концов мы оставляем отпечатки своих ладоней на тех пластинках, что у дверей. Это дает возможность нас идентифицировать. Так что даже в этом

зале могут находиться специальные датчики.

Надо постараться выяснить это. Боб поднял руку.

— Сэр? — сказал он.

— Да? — Тренер внимательно оглядел крохотного Боба и в уголках его рта притаилась улыбка. Он обменялся взглядом с Даймеком. Даймек на улыбку не ответил и вообще ничем не показал, что разделяет чувства тренера.

— Датчики, следящие за работой сердца, находятся в нашей одежде? А если мы снимем ее всю или часть ее, пока занимаемся упражнениями, то…

— Вам не разрешается снимать форму в спортзале, — ответил тренер. — Мы нарочно поддерживаем здесь сравнительно низкую температуру, чтобы вам не нужно было снимать одежду. Вы должны находиться под наблюдением все время.

Не прямой ответ, но Боб узнал то, чего добивался. Мониторинг связан с одеждой. Возможно, там же находится и датчик, позволяющий определять личность ученика. И когда они дотрагиваются ладошками до пластинок у дверей, они тем самым сообщают датчикам в спортзале, кто именно из малышей носит данный комплект одежды. Во всяком случае, такое предположение логично.

Итак, новый комплект одежды, надо думать, анонимен до того момента, пока ты не оставишь на сканере отпечаток своей ладони. Это важно. Это означает, что даже не раздеваясь, можно стать неузнаваемым. Голыми, значит, ходить тут не принято. Здесь, решил Боб, это могли бы не так понять.

Они продолжали заниматься упражнениями, и тренер объяснил им, кто из них не достиг нужного ритма работы сердца, а кто дает ему слишком большую нагрузку, а потому должен быстро устать. Боб вскоре усвоил правила, по которым он должен работать, дабы достигнуть нужного ритма, а затем перестал об этом думать. Теперь, когда он *знает*, пусть трудятся его рефлексы.

Наступило время приема пищи. В столовой малыши были одни. Они только что прибыли, а потому на сегодняшний день у них было свое расписание, отличное от расписания других учеников. Еда хорошая и ее много. Боб поразился, увидев, что многие мальчики с недоумением смотрят на свои порции и жалуются, что те слишком малы. Ведь это же настоящий пир! Свою порцию Боб даже не доел. Что же до нытиков, то повара им сказали, что порции адаптированы к их личным потребностям в пище, и размеры

порции появляются на дисплее компьютера в тот самый момент, когда входящий в столовую ученик касается ладонью сканера.

Значит, без прикосновения к датчику ты еды не получишь.

Боб вскоре понял, что его рост и физическое развитие уже стали официальной проблемой. Когда он понес свою тарелку с наполовину недоеденной порцией к утилизатору, раздался тихий электронный звонок, который тут же привлек внимание дежурного диетолога.

— Сегодня твой первый день в школе, поэтому мы сделаем тебе скидку. Но имей в виду, что размеры порций научно откалиброваны в точном соответствии с потребностями твоего организма. В будущем ты должен съедать до последней крошки все, что тебе подают.

Боб смотрел на диетолога, не говоря ни слова. Он уже принял решение. Если программа физических упражнений пробудит в нем аппетит, он съест больше. Но если они ожидают, что он будет набивать себе брюхо, то пусть лучше удавятся. Он ведь легко может распределить излишки своей порции по тарелкам тех, кто скулит, что им мало. Они будут счастливы, а Боб станет есть столько, сколько требует его тело. Он-то хорошо знает, что

такое голод, но за несколько месяцев жизни у сестры Карлотты он выяснил, что прекрасно может доверять своему аппетиту. Некоторое время он соглашался есть больше, чем того требовал его организм. В результате появилось ощущение тяжести, он долго не мог заснуть вечером и не мог преодолеть сонливости днем. Тогда Боб стал есть столько, сколько считал нужным, сделав голод своим гидом, и к нему снова вернулись внимание и бодрость. У него есть личный диетолог, которому он, безусловно, доверяет. А эти маленькие обжоры пусть отращивают себе животы и ползают на них, как слизни.

Когда несколько ребят первыми закончили обед, Даймек встал и сказал им:

— Те, кто поел, отправляйтесь в казарму. Разумеется, если уверены, что сможете ее отыскать. Если же сомневаетесь в этом, то подождите. Я приведу туда остаток группы сам. Можете присоединиться.

Боб вышел в коридор, но не обнаружил там никого из старших ребят. Несколько его товарищей прижимали ладошки к стене и на ней появлялись полоски кодовых цветов: зеленый-коричневый-зеленый. Боб смотрел, как уходят его соученики. Один из них обернулся:

— Идешь?

Боб не ответил. А что говорить-то? Он ведь стоит. На глупый вопрос лучше вообще не отвечать. Мальчик повернулся и побежал, догоняя своих, направлявшихся в казарму.

Боб же двинулся в противоположную сторону. Он знал, что лучшего времени для начала исследований у него не будет. Если его и поймают там, где он находиться не должен, то поверят, когда он скажет, что заблудился.

Коридор поднимался вверх за его спиной и перед ним — тоже. С его точки зрения дело выглядело так, будто он взбирался по склону холма, а когда оглядывался назад, то там видел тоже подъем в гору — к тому месту, откуда он пришел. Странно. Но Даймек уже объяснил им, что станция представляет собой огромное колесо, вращающееся в космосе так, что центробежные силы заменяют силу тяжести. Это означало, что главный коридор на каждом уровне представлял собой окружность и ты всегда возвращался назад, к отправной точке, если шел вперед. «Низ» же всегда находился вне станции — снаружи. Боб попробовал мысленно адаптироваться к этой идее. Сначала он испытал слабое головокружение — трудно вообразить себя постоянно идущим по

одной и той же стороне постоянно вращающейся станции. Но затем мысленно перегруппировался, представив станцию в виде колеса повозки, а себя там, где оно соприкасается с землей. Правда, люди на противоположной стороне станции оказывались тогда вверх ногами, но Боба это уже не касалось. Раз он сам находится на дне колеса, то для него низ всегда остается низом, а верх — верхом.

Новички жили на том же уровне, где располагался обеденный зал, а старшие — где-то в другом месте, ибо здесь, кроме столовой, были только классные комнаты да еще двери без всяких надписей. На них, правда, были пластинки сканеров, но так высоко, что малыши до них дотянуться не могли, стало быть, эти двери для них не предназначались. Старшие ребята, вероятно, вполне могли дотянуться до сканеров, а вот Боб — не мог, даже подпрыгнув. Впрочем, все это ерунда. Наверняка двери все равно не открылись бы под нажимом ребячьих рук. Надо думать, тут же появился бы взрослый, чтобы узнать, что воображает о себе мелюзга, стараясь проникнуть в комнату, где ей нечего делать.

По старой привычке, возможно, уже превратившейся в инстинкт, Боб рассматривал

подобные запретные барьеры лишь как временное препятствие. В Роттердаме он узнал, как надо карабкаться через стены, как переходить с крыши на крышу. Хоть он был совсем еще крохой, но уже находил способы проникнуть туда, куда ему нужно было забраться. Эти двери не остановят его, если ему придет в голову, что знание того, что находится за ними, ему жизненно необходимо. Сейчас он еще не знает, как он это сделает, но и сомнений, что это будет сделано, у него тоже нет. Так что нечего раздражаться по этому поводу. Он просто спрячет поглубже полученную информацию. Она будет там ждать своего времени, то есть того момента, когда Боб захочет ею воспользоваться.

Через каждые несколько метров Бобу попадались шесты для спуска на нижние ярусы, а также трапы для подъема на верхние. Чтобы спуститься по шесту к спортзалу, ему нужно было коснуться ладонью сканера, здесь же возле большинства шестов таких сканеров не наблюдалось. В этом был смысл: большинство трапов и шестов предназначалось лишь для перемещений между ярусами — ах да, они же тут называются палубами. Станция-то принадлежит МКФ, а потому все притворяются, будто они живут на

корабле. К спортзалу же ведет только один шест, поэтому должен находиться под контролем, дабы предотвратить образование толкучки у дверей и появления там людей, которые в это время должны быть совсем в другом месте. Как только Боб понял это, он тут же полез по трапу на другую палубу.

Она предназначалась для казарм старших ребят. Двери тут размещались с большими интервалами. На каждой была какая-нибудь эмблема. С использованием тех же цветов, которые были на форменных комбинезонах, и, безусловно, связанных с цветом полосок на стенах, указывающих дорогу к казармам (хотя Боб и сомневался в том, что старшим ребятам приходится прибегать к помощи таких полосок), на дверях были изображены силуэты различных животных. Некоторые Бобу не были известны, зато он сразу узнал двух птиц, какую-то кошку, собаку и льва. Такие же изображения можно было видеть и на улицах Роттердама. Но тут, конечно, не было ни голубей, ни комаров, а присутствовали лишь благородные животные, прославленные своей ловкостью и смелостью. Даже собака выглядела поджарым, с подтянутым животом ловчим псом, а не какой-то там дворняжкой.

Значит, тут собраны команды, и у каждой из них своя эмблема в виде определенного животного. Вероятно, их и зовут так: «Кошачья команда» или «Львиная стая». А может, это и не команды вовсе. Впрочем, Боб скоро выяснит, как они себя именуют. Он зажмурился и постарался вспомнить цвета и эмблему той команды, которая там, внизу, смеялась над ним. Своим внутренним взором он видел эту эмблему, но на дверях, мимо которых он уже прошел, такого символа пока не встретилось. Значения это не имело — не стоило обходить всю палубу только для того, чтобы отыскать знакомый герб. Это только увеличивало риск поимки.

Снова вверх. Новые казармы, новые классные комнаты. Сколько же народу живет в казармах? Станция была куда больше, чем ожидал Боб.

Прозвучал негромкий звонок. Сразу же открылось несколько дверей, из которых тут же выскочили старшие ребята. Видимо, время занятий.

Сначала Боб почувствовал себя среди этих ребят в безопасности, так как надеялся затеряться в их толпе, как он всегда делал это в Роттердаме. Но здесь безотказный прием не сработал. Это была не толпа, где каждый человек сам по себе и

спешит куда-то по собственным делам. Тут были хотя и дети, но военные. Они знали, где должен быть каждый из них, а Боб в своем комбинезоне новичка был тут явно не на месте. Тут же его ухватили двое ребят.

— Ты не с нашей палубы, — сказал один. Возле них уже столпилось несколько любопытных, чтобы поглядеть на Боба. Как будто он был каким-то странным предметом, вынесенным на улицу ливневым потоком.

— Нет, ты только глянь, какой маленький!

— Бедняжка обречен всю жизнь обнюхивать чужие задницы, а?

— Эй! Ты заблудился что ли, новичок?

Боб молчал. Он только внимательно всматривался в каждого говорившего.

— Какие у тебя цвета? — спросила какая-то девочка.

Боб опять промолчал. Извинением ему могло служить то, что цветов он не знает, а потому и назвать не может.

— Он такой малыш, что может пройти у меня между ног, даже не достав до моих…

— Заткнись, Динк, ты уже говорил это же, когда Эндер…

— Ага, насчет Эндера это точно!

— А ты не думаешь, что это та самая малявка, о которой говорят…

— А что, Эндер был такой же маленький, когда попал сюда?

— …что он новый Эндер?

— Верно, он тот самый, о котором говорят, что он ракетой взлетит на командные высоты.

— Эндер не виноват, что Бонзо запретил ему стрелять из пистолета!

— Это была ошибка, о чем я и говорю.

— Неужели это тот самый, о котором идет столько трепа? Второй Эндер! Все наивысшие баллы!

— Давайте отведем его на палубу новичков.

— Пойдем-ка со мной, — сказала какая-то девочка, крепко ухватив Боба за руку.

Боб пошел без сопротивления.

— Меня зовут Петра Арканян, — заговорила она.

Боб ничего не ответил.

— Слушай, брось это! Ты, конечно, маленький и боишься, но тебя не взяли бы сюда, будь ты немым или идиотом.

Боб пожал плечами.

— Сейчас же скажи мне свое имя, иначе я начну ломать твои маленькие толстые пальчики.

— Боб, — ответил он.

— Это не имя, а просто плохой завтрак.

Он снова промолчал.

— Ты меня не обманешь, — продолжала девочка. — Ты только притворяешься дурачком. Ты заявился сюда с тайной целью.

Он продолжал молчать, хотя ему стало неприятно, что она так быстро расколола его.

— Ребят для этой школы отбирают потому, что они умны и инициативны. Так что ты сюда пришел на разведку. Но *они* этого ожидают. *Они*, вероятно, уже знают, где ты находишься и что делаешь. Поэтому смысла запираться нет. Да и что они с тобой могут сделать? Разве что дадут несколько скверных «поросячьих» баллов?

Вот, значит, что думают старшие ребята об этом «поросячьем списке»?

— Послушай, твое упорное молчание только оттолкнет от тебя людей. Я бы на твоем месте от него отказалась. Может, с папочкой и мамочкой оно бы и сработало, но здесь ты смотришься упрямым и смешным дурачком. Ведь все, что нужно, ты все равно скажешь. Так почему бы не начать сейчас?

— О'кей, — ответил Боб.

Теперь, когда он сдался, девочка не стала его высмеивать. Ее слова сработали, так что на этом

лекции и конец пришел.

— Цвета? — спросила она.

— Зеленый-коричневый-зеленый.

— Эти цвета новичков похожи на то, что можно найти на полу грязных сортиров, тебе не кажется?

Итак, она тоже из числа дураков, способных только смеяться над новичками.

— Похоже, учителя делают все возможное, чтобы заставить старших ребят издеваться над малышами?

А может, и не такая. Может, она просто разговорчивая. Болтушка. На улицах города такие редко попадаются. Во всяком случае, среди детей. А вот среди взрослых пьяниц — таких пруд пруди.

— Система, которая нас окружает, чрезвычайно хитроумна. Похоже, они тут хотят нас всех заставить действовать так, будто мы еще маленькие. *Тебя* это не должно беспокоить, ты ведь не даром разыгрывал свою сценку — глупый-крохотный-заблудившийся-новичок.

— Но не сейчас, — сказал Боб.

— Тогда учти вот что. Что бы ты ни делал — учителям все известно, и они, надо думать, уже соорудили какую-нибудь идиотскую гипотезу

насчет того, что это говорит о твоей личности. Они *всегда* находят способ использовать это против тебя, если им понадобится, так что ты и не старайся особо. В твое дело уже записано, что ты отправился в свой маленький вояж вместо того, чтобы, понимаешь ли, сопеть в две дырочки во время мертвого часа. А это, надо полагать, говорит им, что ты подчиняешься импульсам и ищешь одиночества, дабы определить границы твоей новой среды обитания. — Последнюю фразу она произнесла нарочито неприятным голосом.

Возможно, у нее есть в запасе еще и другие голоса и полутона, но Боб не собирался торчать тут без конца, чтобы выяснить это. Бесспорно, эта девица из тех, кто любит покомандовать, а объектов для поучений у нее не было до тех пор, пока на сцене не появился Боб. А он в ее проекте вовсе не расположен принимать участие. Быть проектом сестры Карлотты было неплохо, так как она забрала его с улицы и могла направить в Боевую школу. А что хорошего может предложить ему эта Петра Арканян?

Замешкавшись у ближайшего люка, Боб скользнул по шесту на следующий этаж, оказался в коридоре, кинулся к находившемуся поблизости трапу, взлетел на две палубы вверх, очутился в

новом коридоре, по которому и побежал изо всех сил. Вполне возможно, что Петра была права во всем, что она говорила, но одно Боб знал твердо: он не собирался разрешать ей держать себя за ручку на всем пути к казарме зелено-коричнево-зеленых. Для того, кто решил быть в этой школе самим собой и независимой личностью, появление в собственной казарме в сопровождении старшей по возрасту девчонки, которая держит тебя за ручку, было бы полным крахом всех надежд.

Теперь Боб находился на палубе, которая была на четыре уровня выше той, где жили новички и была столовая и где ему полагалось быть в данный момент. Здесь оказалось немало ребят, но все же меньше, чем палубой ниже. На большинстве дверей никаких указателей он не заметил, но некоторые стояли открытыми, включая арочную дверь в Игровую.

Бобу приходилось видеть игровые автоматы в барах Роттердама, но только издали, сквозь двери и ноги мужчин и женщин, входивших и выходивших из баров в вечных поисках забвения. И никогда он не видел ребятишек, играющих в компьютерные игры. Разве что на видео в витринах магазинов.

Здесь же на настоящих автоматах играли ребята. В одиночку или группами — класс на класс, так что шум стоял сильный. Четверо разыгрывали пространственную игру, пользуясь голографическим дисплеем. Боб встал достаточно далеко, чтобы не мешать им и даже не попадать в их поле зрения. Наблюдал он долго. Каждый из играющих обладал флотом из четырех маленьких боевых кораблей, а цель игры состояла в уничтожении кораблей противников или в захвате неповрежденных медлительных кораблей-маток. Боб понял правила игры и терминологию из разговоров и восклицаний четырех противников. Сражение кончилось победой одного, но не из-за его ловкости и ума, а лишь потому, что он оказался чуть менее тупым флотоводцем, чем остальные. Боб с интересом наблюдал, как они расставляют свои силы для нового тура игры. Никто не опускал никаких монеток. Игра была бесплатная.

Боб решил посмотреть и второй тур. Игра шла так же быстро, как и первая, так как каждый игрок командовал своими силами крайне глупо, почти не обращая внимания на того, кто действовал наименее активно. Похоже, все они рассматривали свой флот как состоящий из од-

ной действующей единицы и трех резервных.

Так, может быть, у этой игры такие ограничения, которые не позволяют изменить тактику боя? Боб подошел ближе. Нет. Вполне допустимо задать одному кораблю курс, тут же вернуться к оставшимся, отправить в бой другой, вернуться к первому, дать новый приказ, меняя курс в соответствии с изменившейся обстановкой, и так далее.

Но тогда как могли попасть в Боевую школу эти ребята, способные лишь на самые примитивные тактические решения? Боб раньше не играл в компьютерные игры, но он понимал, что опытный игрок, если бы он тут оказался, завершил бы эту игру в несколько минут.

— Эй, гномик, играть хочешь?

Один из игроков все же заметил его. Может, и остальные тоже.

— Хочу, — ответил Боб.

— Да ты наверняка жукер, — засмеялся тот, который начал разговор. — Ты кем себя воображаешь? Эндером Виггином, что ли?

Все расхохотались и вышли из Игровой, направляясь в свою классную комнату. Игровая опустела. Время классных занятий.

Эндер Виггин. Ребята в коридоре тоже говорили

о нем. Что-то вроде того, будто Боб чем-то напомнил им этого Виггина. Некоторые говорили с восхищением, другие с неприязнью. Этот Виггин, надо полагать, победил многих ребят в компьютерных играх или еще в чем-нибудь подобном.

А еще кто-то сказал, что у Эндера очень высокий рейтинг. Рейтинг в чем?

Те ребята в одинаковой форме, маршировавшие, как единая команда, направлявшаяся в бой… Они, безусловно, фокус здешней жизни. Это самая главная Игра, в которую вовлечена вся Боевая школа. Ребята живут в казармах, образуя команды. Роль и место каждого члена команды определены заранее и известны всем. И какова бы ни была Игра, заправляют ею взрослые.

Вот, значит, как организована здесь жизнь! И тот Эндер Виггин, он стоит в Игре на самой вершине, имея в ней наиболее высокий рейтинг!

А Боб чем-то напоминает этим ребятам Эндера.

Он ощутил нечто похожее на гордость, но одновременно пришло и раздражение. Лучше оставаться незамеченным. А поскольку какой-то мальчик справился со своими делами блестяще и все, кто видел Боба, сразу вспоминают об Эндере, то это выделяет Боба из рядов остальных детей и заставляет их помнить о нем. Такая ситуация

может значительно осложнить положение Боба. Лишает его возможности исчезнуть из виду, подобно тому, как он скрывался в толпе на улицах Роттердама.

Ладно, черт с ними! Никто из них не способен причинить ему настоящий вред. Что бы там ни случилось, но пока он в Боевой школе, Боб никогда не будет голодать. У него всегда будет крыша над головой, да и крыша эта находится не где-нибудь — в небесах! А все что требуется от него, это выполнять определенный минимум заданий, необходимый, чтобы не быть отправленным слишком скоро обратно на Землю. Так стоит ли беспокоиться по поводу того, замечают его другие люди или нет? Да какая разница! Пусть их лучше беспокоит собственный рейтинг в Игре. Боб уже выиграл свою битву за выживание, а если говорить по правде, то все остальное в сравнении с этим гроша ломаного не стоит.

Но даже в ту минуту, когда Боб думал так, он уже понимал, что не прав. Потому что ему было дело до всего этого. Выжить — это еще не все. И так было всегда. Где-то, еще глубже, чем страстное желание насытить физический голод, лежало желание порядка, желание знать, как и что организовано, желание понять, как устроен мир, в

котором он живет. Когда Боб подыхал от голода, то, конечно, все свои знания он употреблял на то, чтобы, скажем, внедриться в кодло Недотепы, сделать так, чтобы они получили больше еды и чтобы какие-то капли этого изобилия просочились к нему, к Бобу, находящемуся на самом дне общественной иерархии. Но даже когда Ахилл объединил их в «семью» и у них стало ежедневно больше еды, Боб продолжал оставаться настороже, стараясь постигнуть характер этих изменений и динамику группы. Даже живя у сестры Карлотты, он тратил много сил, чтобы уяснить, как и почему она обладает властью и силой делать для него то, что она делала, и почему она выбрала именно его — Боба? Он должен был *знать.* Он обязан был иметь в уме четкую картину всего, что происходило вокруг него.

Вот и здесь то же самое. Он мог вернуться в свою казарму и хорошенько выспаться. А вместо этого он, рискуя нарваться на серьезные неприятности, вынюхивает вещи, которые, вообще-то говоря, без труда узнает в процессе обучения.

Ну зачем я сюда залез? Чего я ищу?

Ключ. Мир полон запертых дверей, и он хочет иметь в кармане ключи ко всем запертым дверям!

Боб остановился и прислушался. Комната была пуста. Тишина. Почти тишина, ибо откуда-то доносился слабый шум — тихое отдаленное шипение и легкое постукивание. Эти звуки Боб слышал только здесь, в других помещениях их не было.

Он зажмурился и по слуху определил местонахождение источника этих звуков, этого тихого шелеста. Потом раскрыл глаза и пошел в том направлении. Зарешеченное вентиляционное отверстие. Через него в комнату поступает слегка согретый воздух, который ощущается как слабенький ветерок. Но звук — шипение — создается не воздушным потоком, проходящим через решетку, это гораздо более отдаленный, гораздо более громкий шум машин, которые снабжают воздухом всю Боевую школу.

Сестра Карлотта говорила ему, что в космосе воздуха нет. Поэтому там, где живут люди, они держат свои корабли и станции герметически закрытыми, чтобы удержать каждый глоток воздуха, который есть внутри кораблей и станций. И им приходится все время производить обновление этого воздуха, так как кислород, говорила она, потребляется человеком, и его запас в воздухе приходится все время пополнять. Вот почему

нужна система воздухообеспечения. На корабле она должна быть всюду.

Боб уселся на полу перед вентиляционной решеткой и ощупал ее края. Ни винтов, ни гвоздей, крепящих ее к стене, он не обнаружил. Ему вскоре удалось поддеть ногтями край решетки и даже просунуть туда самые кончики пальцев. Он начал расшатывать решетку, чуть-чуть, а потом все сильнее тащить ее на себя. Теперь его пальцы еще крепче вцепились в выдвинутые металлические края. Рывок. Решетка вываливается наружу, а сам Боб летит кувырком.

Он тут же вскочил. Отставил в сторону решетку и попытался заглянуть в вентиляционное отверстие. Его глубина составляла всего лишь около пятнадцати сантиметров. Потолок и задняя стенка — глухие, а дно отсутствовало — там был вход в вентиляционную систему.

Боб рассматривал начало вентиляционного хода так же, как несколькими годами раньше он изучал, стоя на унитазе, непонятное устройство сливного бачка, решая проблему: сможет ли он поместиться в этом бачке. И его заключение было таким же, как и в первом случае: там будет тесно, там будет больно, но поместиться там он все же сумеет.

Боб просунул руку вниз. До дна он не достал. Впрочем, ничего удивительного в этом не было — рука была очень короткая. Взглядом определить направление воздуховода тоже не представлялось возможным. Тогда Боб представил себе воздуховод, идущий прямо под полом, но ему почему-то такой вариант показался маловероятным. Сестра Карлотта говорила, что каждый кусок строительных материалов доставляется на станцию либо с Земли, либо с заводов, построенных на Луне. Поэтому вряд ли промежутки между полом одной палубы и потолком другой могут быть столь значительными. Кроме того, это привело бы к большому расходу воздуха на заполнение пустот, в которых нет никого, кто бы мог его потреблять. Нет, воздуховоды должны располагаться на внутренней стороне внешних стен станции, и они вряд ли имеют диаметр больше пятнадцати сантиметров.

Боб снова зажмурился и постарался представить себе систему воздухоснабжения. Машины, которые производят теплый воздух и закачивают его в узкие трубопроводы, которые разносят по всем помещениям станции пригодный для дыхания воздух.

Нет, не получается. Такая система не сработает.

Должно быть устройство, которое закачивает свежий воздух и выкачивает «отработанный». И если закачивание воздуха в помещения происходит по трубам, идущим по внешним стенкам станции, то система его откачки должна находиться?.. В коридорах!

Боб вскочил и подбежал к дверям Игровой. Точно! Потолок в коридоре был по меньшей мере сантиметров на двадцать ниже, чем в Игровой. Но вентиляционных отверстий не видно. Только светильники.

Он вернулся в Игровую и опять посмотрел вверх. Вдоль верхнего края стены, смежной с коридором, шла узкая вентиляционная решетка, которая смотрелась скорее как декорация, нежели как деталь системы воздухоснабжения. Ширина решетки всего три сантиметра. Даже Боб через такую не пролезет.

Боб вернулся к снятой решетке и сбросил ботинки. Нет смысла зависать в трубе только потому, что его ступни больше, чем хотелось бы.

Боб еще раз осмотрел отверстие и с большим трудом ввел туда ступни ног. Всячески извиваясь, умудрился просунуть вниз и ноги, тогда как ягодицы оказались на краю передней камеры. И все равно ступни до дна не достигали. Плохой

знак. Что, если он рухнет вниз прямо на установленные там машины?

Извиваясь, он выбрался наружу, но тут же попытался снова проникнуть в вентиляционный ход, несколько изменив положение тела. Так было труднее и куда болезненнее, но зато руки приносили больше пользы, давая возможность Бобу крепче ухватиться за край пола, тогда как сам он уже по грудь опустился в глубину.

Ступни коснулись дна!

Пользуясь большими пальцами ног, Боб ощупал его. Да, труба и в самом деле тянулась вправо и влево вдоль внешней стены комнаты. Отверстие оказалось достаточным, чтобы он мог полностью соскользнуть вниз, а потом ползком, на боку, проникнуть из комнаты в комнату.

На сегодня — хватит. Он подпрыгнул и раскинул руки, рассчитывая, что сила трения поможет ему преодолеть подъем. Однако он опять соскользнул вниз.

Ладно. Кто-нибудь придет же его искать. А может быть, его обнаружит следующая группа ребят, которая зайдет в Игровую поиграть, хотя он совсем не желал, чтобы именно они нашли его. Важно другое — воздуховоды дают ему лишь альтернативный путь из комнаты в комнату

через всю станцию, но и то только в том случае, если он сумеет открывать решетки вентиляционных отверстий. Он представил себе, как кто-то открывает такую решетку и обнаруживает там череп, который таращит пустые глазницы. Тело Боба, конечно, высохнет в потоках теплого воздуха, там, где он умрет от голода или жажды, тщетно пытаясь покинуть вентиляционную систему станции.

Но сейчас, уж ежели он тут стоит, так не попытаться ли ему поставить эту решетку на место изнутри?

Боб с трудом вытянул руку, зацепил кончиком пальца решетку и медленно подтащил к себе. Когда это удалось, он крепко ухватил ее всеми пятью пальцами и без особого труда поставил так, как хотел. Он даже сумел втащить ее в углубление в стене, чтобы случайный человек не смог заметить разницу в сравнении с другими вентиляционными решетками на другой стене комнаты. Теперь, когда решетка стояла на месте, Бобу приходилось держать голову набок. Пространства, чтобы повернуть ее, не оставалось. Итак, попав в систему воздуховодов, он обречен ходить со свернутой набок головой. Шикарно, не правда ли!

Он снова высадил решетку, но осторожно, чтобы она не упала на пол с шумом. Пришло время предпринять серьезную попытку покинуть вентиляцию. После нескольких неудач Боб наконец понял, что решетка — это именно то орудие, в котором он нуждается. Положив ее на пол перед вентиляционным отверстием, Боб подсунул согнутые крючком пальцы под ее дальний край. Теперь она могла служить ему рычагом, с помощью которого он сможет продвинуть свое тело далеко вперед и навалиться грудью на порог вентиляционного отверстия. Было очень больно, когда он повис на острой кромке, но зато теперь он мог приподняться на локтях, а потом и на руках и вытянуть себя на пол комнаты.

Боб припомнил, какова была очередность, с которой он приводил в действие мышцы своего тела, а затем ему на память пришло спортивное оборудование. Да, ему придется обратить особое внимание на развитие этих групп мышц.

Затем он поставил на место решетку. Потом поднял подол рубашки и осмотрел красные полосы там, где острое ребро отверстия безжалостно оцарапало ему кожу. Кое-где даже кровь выступила. Интересно, как он объяснит, если его спросят о происхождении этих царапин? Надо посмотреть,

не удастся ли ему повредить то же самое место, возясь среди коек в казарме?

Боб выскочил из Игровой и бегом добежал до первого же шеста. Наконец-то он добрался до уровня столовой. Все это время он гадал, что именно побудило его предпринять путешествие в вентиляционную систему станции. Может быть, что-то, что он делал в прошлом, о чем никогда не вспоминал, не придавал значения, а может быть, тут действовало чувство опасности, которую он ощутил подсознательно, хотя на уровне сознания она никак не сформулировалась? Но какая опасность могла угрожать ему здесь?

И тут он все понял. В Роттердаме, на его улицах он всегда узнавал о существующих альтернативных путях отхода, знал все боковые тропки, которые могли доставить его из одного места в другое. Если он убегал от кого-то, то никогда не пользовался тупичками, в которых можно было найти убежище, за исключением тех случаев, когда ему был известен запасный выход из этого тупика. Если по правде, то он никогда *не прятался.* Он всегда исчезал, прибегая к запасным ходам. Всегда. Как бы ни была страшна грозившая ему опасность, он не мог пережидать ее, прячась. В этом случае он чувствовал себя в западне. И

мучился.

Он страдал от воды, от холода, от голода, от нехватки воздуха, люди приходили и уходили, и если бы хоть один поднял крышку водяного бачка, то его нашли бы. В этом случае Боб не смог бы убежать от них. Он просто сидел там и ждал, что они уйдут, уйдут и не заметят. Если эти люди пользовались унитазом, спускали воду, то оборудование срабатывало плохо, ибо тело Боба давило на рычаги. К тому же наверняка, когда он залезал в бачок, много воды проливалось на пол. Люди могли обратить на это внимание, могли поднять крышку, и тогда Боб оказался бы в западне.

Это был самый ужасный период в его жизни, и сама мысль снова пережить такое была для Боба чудовищно неприемлема. Его пугала не теснота, не вода, не голод, не одиночество. Ему претило, что тут был только один путь отхода, и этот единственный путь вел прямо в руки врагов.

Сейчас, когда он понял это, когда узнал себя лучше, Боб мог расслабиться. Он нашел сеть воздухоснабжения не потому, что ему угрожала опасность, которую его сознание еще не успело обнаружить. Он нашел воздухопроводы потому, что его подсознание напомнило ему, как ужасно было прятаться в туалетном бачке, когда он был

еще совсем-совсем маленьким. Значит, если тут его и поджидают опасности, то их он пока не чувствует. Просто к нему вернулись воспоминания детства — всплыли на поверхность. Сестра Карлотта говорила ему, что многое в поведении человека объясняется его реакцией на опасности, пережитые в далеком детстве. Тогда Боб еще не понимал ее, но и не спорил, а теперь увидел, насколько сестра Карлотта была права.

Откуда ему знать, что этот тесный рискованный путь через вентиляционную систему в конце концов не окажется дорогой, которая спасет ему жизнь?

Боб ни разу не притронулся ладонью к стене коридора, чтобы найти дорогу в казарму, вызвав зелено-коричнево-зеленые полоски. Он и так знал, где она находится. А как же иначе? Раз он уже там побывал, то он даже знал, сколько шагов отделяют казарму от других мест, где он был сегодня.

И когда он вернулся, то выяснилось, что Даймек с теми ребятишками, которые так долго ели, еще не вернулся. Путешествие Боба заняло всего двадцать минут, включая сюда разговор с Петрой и наблюдение за двумя блицтурнирами в Игровой во время переменки.

Боб неуклюже взобрался с нижней койки на верхнюю. Какое-то время он висел, болтая ногами и опираясь грудью о край койки. Достаточно долго, чтобы снова ощутить боль в уже пораненном месте, пострадавшем от путешествия по вентиляционным ходам.

— Что ты там делаешь? — спросил его один из соседей-новичков.

Не опасаясь проверки, Боб ответил правдиво:

— Поцарапал грудь.

— А я пытаюсь уснуть, — ответил тот же голос. — Тебе бы тоже не помешало.

— Мертвый час! — вмешался третий. — Мне кажется, я снова глупое четырехлетнее дитя.

Боб в глубине души подумал: а как же были устроены жизни у этих ребят, если сон днем напоминает им, как они вели себя, когда им было четыре года?

Сестра Карлотта стояла рядом с Пабло де Ночесом, глядя на туалетный бачок.

— Старый образец, — сказал Пабло. — Североамериканский. В свое время был довольно моден, особенно когда Голландия наконец стала Интернациональной Зоной.

Сестра подняла крышку бачка. Легкая. Пластмассовая.

Когда они вышли из офиса, женщина-менеджер, которая их сопровождала, с любопытством посмотрела на сестру Карлотту.

— Разве есть опасности, которые связаны с пользованием туалетами? — спросила она.

— Нет, — ответила сестра Карлотта. — Мне просто надо было кое-что посмотреть. Вот и все. Но я попросила бы вас не распространяться на эту тему в разговорах.

Конечно, такой ответ почти гарантирует, что менеджер теперь ни о чем другом, кроме этого визита, и говорить не станет. Но сестра Карлотта рассчитывала именно на это — пусть звучит как пошлая сплетня.

Тот, кто руководил фирмой по производству детских органов для пересадки, не хочет быть обнаруженным, да и вообще в это дело вложены большие деньги. Именно так дьявол вознаграждает своих клевретов: уйма денег, а потом наступает момент, когда он предает их и они оказываются осужденными в одиночестве агонизировать в аду.

Выйдя из здания, она снова заговорила с Пабло.

— Неужели он действительно там прятался?

— Он был такой крошечный, — ответил Пабло

де Ночес. — Когда я его нашел, он просто полз. И был весь пропитан водой — до груди, до плеч. И вот тут, тут и тут — красные пятна от механизма, что в бачке.

— Но он говорил? — спросила сестра.

— Немного. Несколько слов. Такой крошка. Я не поверил, что такой кроха мог говорить.

— И сколько он тут пробыл?

Пабло пожал плечами.

— Кожа у него была вся в морщинах, как у старухи. Вся. И холодный. Я думал, умрет. Это ж не согретая вода бассейнов. Холодная. Всю ночь дрожал.

— Не могу понять, как он не умер, — сказала сестра Карлотта.

Пабло усмехнулся.

— No hay nada que Dios no puede hacer[4].

— Верно. Но это не объясняет ни как Бог творит свои чудеса, ни почему он это делает.

Пабло пожал плечами.

— Бог творит, что творит. Я тоже делаю свое дело и живу, а лучше стать мне не дано.

Она сжала его руку.

— Ты взял этого ребенка и спас его от людей,

---

[4] Примечания: 4
Ничего не происходит помимо воли Божьей (*исп.*).

которые хотели его убить. Бог направил тебя, и он тебя любит.

Пабло ничего не сказал, но сестра Карлотта знала, о чем он думает сейчас: сколько в точности грехов смыл он этим добрым делом и достаточно ли этого, чтобы спасти его от ада.

— Добрые дела не смывают грехов, — сказала сестра Карлотта. — Solo el redentor puede limpiar su alma[5].

Пабло снова пожал плечами. В теологии он был не силен.

— Ты творишь добрые дела не ради себя, — сказала сестра Карлотта. — Ты творишь их потому, что в этот момент Бог в тебе и ты — его руки, его ноги, его глаза и его губы.

— А я думал, Бог — дитя. Иисус ведь говорит: сотворите добро ребенку, и вы сотворите его мне.

Сестра Карлотта засмеялась.

— Бог сам взвесит твои грехи, когда придет время. Достаточно и того, что мы по мере сил служим ему.

— Он был такой крохотный, — сказал Пабло. — Но в нем был Бог.

Она пожелала ему доброго пути, когда он выхо-

---

[5] Примечания: 5
Только Спаситель может очистить твою душу *(исп.)*.

дил из такси перед своим домом.

Ну зачем мне надо было увидеть этот туалет собственными глазами? Мои дела с Бобом окончены. Вчера он улетел на шаттле. Почему же я не могу оторвать себя от него?

Потому, что он *должен был умереть.* Вот почему. И после голодовки на улицах Роттердама в течение нескольких лет — он должен был, даже если бы выжил в той фирме, стать полуидиотом. Да, он должен был стать невменяемым, человеком с поврежденной психикой.

Вот почему она не может не попытаться выяснить происхождение Боба. Ибо не исключено, что он выродок, не человек. Неужели же он так умен, что даже после потери половины интеллекта продолжает оставаться почти гениальным?

Она подумала об апостоле Матфее, который так тщательно излагает историю детских лет Иисуса, и о том, как свято хранила воспоминания об этом в сердце своем Его мать. Но Боб — не Христос, а я — не Пресвятая Дева. И все же он — ребенок, и я полюбила его как сына. И то, что делает он, ни один ребенок того же возраста повторить не может.

Ни один ребенок, еще не достигший года, еще не умеющий ходить, не мог иметь столь четкое

представление об опасности, не мог совершить все те действия, которые совершил Боб. Дети в таком возрасте нередко покидают свои кроватки, но они не проводят долгие часы, скрывшись в туалетном бачке. Они не выходят оттуда живыми и не просят о помощи. Я могу назвать чудом все, что захочу, но я должна понять его.

На этих фирмах по производству органов для пересадки используются отбросы человечества. Боб обладает такими удивительными качествами, что мог родиться только у необыкновенных родителей.

И тем не менее все ее поиски в течение тех месяцев, которые Боб прожил здесь, не обнаружили ни единого случая кражи детей, который мог бы иметь отношение к Бобу. Никаких похищений. Никаких инцидентов, во время которых можно было бы подобрать выжившего младенца, чье тело по этой причине не было обнаружено. Конечно, это не доказательство. Не всякий исчезнувший ребенок оставляет следы в газетных сообщениях, не всякая местная газетенка попадает в крупные архивы или в Интернет. Но Боб должен быть сыном родителей настолько блестящих, что они известны миру. Не так ли? Неужели такой ум мог появиться в самой заурядной семье?

Неужели это и есть то чудо, в котором берут исток все остальные чудеса?

Как ни старалась сестра Карлотта поверить в это, у нее ничего не получалось. Боб не тот, кем кажется. Сейчас он в Боевой школе, и есть шанс, что из него когда-нибудь получится адмирал мощнейшего флота. Но что о нем известно? Разве не существует возможность, что он не настоящий человек? Его огромный умственный потенциал — от Бога ли он? Или от кого-то или чего-то другого?

Вот он вопрос! Если не Бог, то кто еще мог породить такого ребенка?

Сестра Карлотта прикрыла лицо руками. Откуда у нее такие мысли? После долгих лет безуспешных поисков, почему она сомневается в том единственном достижении, которое выпало на ее долю?

Мы видели Зверя из Откровения, думала она. Жукеры — муравьеподобные страшилища, — принесшие Земле разрушения, предсказанные Откровением. Мы видели этого Зверя, и много лет назад Мейзер Ракхейм и наш Космический Флот, находившиеся на грани поражения, нанесли смертельный удар этому Дракону. Но он явится опять, и по словам Иоанна, его будет сопровож-

дать пророк.

Нет, нет, Боб хороший, сердечный мальчик, он не может быть Дьяволом, не может быть слугой Зверя, он просто мальчик с колоссальными способностями, которого Бог сохранил, дабы тот защитил мир в час гибели. Я знаю его, как мать знает своего ребенка. Я не могу ошибаться.

И все же, вернувшись в свою комнату, она тут же включила компьютер, надеясь наткнуться на что-то новое. Информация об ученых, которые последние лет пять работали в проектах, связанных с изменением в ДНК человека.

И пока поисковая программа запрашивала данные из различных архивов, компьютерных сетей, пока она сортировала их ответы в пригодные для пользователя категории, сестра Карлотта направилась к аккуратной стопке белья и одежды, которую следовало выстирать. Нет! Не будет она это стирать! Она положит белье в пластиковый пакет и запечатает его. Туда же она засунет простыни Боба и его наволочки. Боб носил эту одежду, он спал на этих простынях. Его кожа соприкасалась с ними и, может быть, ее микроскопические кусочки там остались. Волосы, например. Этого достаточно для серьезного анализа ДНК.

Боб — чудо. Верно. Но она должна уяснить, каких масштабов это чудо. Ибо ее призвание не только спасать детей от уличной жестокости городов этого мира. Ее долг — помогать выжить тому виду, который сотворен по образу Господа. Это было и остается ее долгом. И если с тем ребенком, которого она нашла и приняла в сердце свое как сына, что-то не так, она узнает это и предупредит Мир!

7. Исследователь

— Итак, эта группа новичков почему-то добралась до своей казармы с опозданием?

— Да, разрыв составил двадцать одну минуту.

— Неужели? Я не знал, что такие вещи у нас тоже фиксируются.

— Ради безопасности. Чтобы в случае необходимости знать, где находится в данный момент каждый член группы. Датчики мониторинга вшиты в форменную одежду и позволяют установить, что данные комплекты форменной одежды, вышедшие из столовой, вернулись в казарму. Суммарное время их опоздания составило 21 минуту, что говорит, что или 21 ученик болтался где-то лишнюю минуту, либо один ученик про-

болтался где-то 21 минуту один.

— Очень здорово! И вы что же, хотите, чтобы я их всех допросил?

— Нет! Мы считаем, что они даже знать не должны, что мы контролируем их с помощью форменной одежды. Совершенно ни к чему, чтобы они знали, как много нам о них известно.

— И как мало.

— Мало?

— Если отсутствовал один ученик, то нам крайне важно, чтобы он не знал, что наши методы слежения не позволяют установить, кто он такой.

— А… Верное замечание. И… фактически я пришел к вам потому, что почти уверен — ученик был один.

— Хотя ваши данные не вполне точны?

— Я опираюсь на распределение уходивших во времени. Это были группы по два, по три человека и несколько одиночек. Так они выходили из столовой. В коридоре произошли перемены: трое одиночек образовали группу из трех человек, две двойки явились в казарму в виде четверки. Никаких событий, которые могли бы вызвать задержку в коридоре, не произошло, ибо в случае ссоры или чего-то в этом роде суммарное опозда-

ние было бы больше.

— Так значит, один ученик пропадал где-то 21 минуту?

— Я подумал, что вас следует об этом известить.

— А что он мог сделать за 21 минуту?

— Вы знаете, кто это был?

— Скоро узнаю. А туалеты под контролем? Можете ли вы быть уверены, что кто-нибудь из них не разволновался так, что побежал в туалет и его вырвало нашим завтраком?

— Ничего необычного в посещении туалетов не было. Зашел — вышел.

— Хорошо, я узнаю, кто это был. А вы продолжайте наблюдение за этой группой новичков.

— Значит, я был прав, сообщив вам об этом?

— Неужели же вы сомневались хоть минуту?

Боб спал чутко, прислушиваясь во сне к шумам, как это бывало с ним всегда. Насколько он помнил, просыпался он дважды, но не вставал, а только лежал, слушая тихое дыхание остальных. Оба раза где-то в глубине комнаты раздавался еле слышный шепот. Голоса были детские, ничего тревожного, но и их было достаточно, чтобы Боб проснулся и насторожился, однако тут же убедился в отсутствии опасности.

В третий раз он проснулся, когда в комнату вошел Даймек. Еще до того, как Боб сел на койке, он уже знал, кто это, знал по тяжелым шагам, по уверенной походке, говоривших о властном характере. Глаза Боба раскрылись еще до того, как Даймек начал свою первую фразу. Больше того, он уже стоял на четвереньках, готовый кинуться выполнять приказ, едва Даймек закончил говорить.

— Мертвый час кончился, мальчики и девочки. Пора приниматься за работу.

Значит, это не о Бобе. Если даже Даймек и знал, чем занимался Боб в промежутке между завтраком и началом мертвого часа, он вида не подал. Следовательно, непосредственной опасности нет.

Боб сидел на койке, а Даймек объяснял ребятам, как пользоваться своими шкафчиками и компьютерами. Всего-то и надо было прикоснуться ладонью к стенке возле запора шкафчика, и тот открывался. Затем следовало вынуть компьютер, включить его, набрать свою фамилию и пароль.

Боб немедленно наложил на шкафчик ладонь правой руки, но компьютер даже не стал включать. Вместо этого он поглядел на Даймека, который помогал в чем-то разобраться мальчику,

лежавшему недалеко от двери, а затем быстро кинулся к третьей, незанятой койке и дотронулся ладонью левой руки до шкафчика. Внутри тоже лежал компьютер. Потом Боб набрал на своем компьютере имя и пароль: «Боб» и «Ахилл». Затем взял чужой и набрал «Недотепа» и «Карлотта». Боб вернул чужой компьютер в шкафчик, закрыл дверцу, а свой компьютер кинул к себе на койку, скользнул в нее сам и сел. Он даже не стал оглядываться, чтобы проверить, не заметил ли кто чего-нибудь. Если ребята заметили, то вскоре сами спросят, а если он начнет оглядываться по сторонам, это только привлечет к нему внимание и заставит других ребят подозревать его в чем-то. А так — могут ничего и не заметить.

Конечно, взрослые поймут, что он натворил. Даймек, во всяком случае, уже явно что-то заподозрил. Кто-то из детей пожаловался, что его шкафчик не открывается. Значит, главному компьютеру станции известно, сколько здесь учеников, сколько шкафчиков обрели хозяев на эту минуту, а потому он прекратил открывать новые, когда двадцать первый шкафчик был открыт. Но Даймек не обернулся и не спросил, кто открыл два шкафчика. Вместо этого он прижал собственную ладонь к шкафчику малыша, и

дверца открылась. Даймек тут же ее захлопнул, и с этой минуты она прекрасно подчинялась приказам мальчика.

Стало быть, они решили оставить Бобу второй шкафчик и второй компьютер, так сказать, на другое имя. Надо думать, они с большим интересом будут следить за ним, чтобы узнать, зачем ему понадобилась такая игра. Он обязательно станет время от времени нарочито небрежно пользоваться своими приобретениями, так что учителя подумают, что теперь они знают, зачем ему нужно второе обличье. Ну, скажем, для какой-то проделки. Или чтоб записывать свои тайные мысли. Это будет забавно. Сестра Карлотта тоже вечно рылась, пытаясь докопаться до его сокровенных помыслов. Безусловно, и эти учителя займутся тем же. Все, что он занесет в дополнительный компьютер, они проглотят с жадностью.

А значит, они оставят в покое его личный компьютер и те записи, которые он будет там делать. Впрочем, и это надо счесть рискованным. Придется пользоваться компьютерами тех соседей, чьи пароли Боб уже успел подсмотреть и запомнить. Даймек между тем распространялся о том, как они все должны беречь и хранить свои

компьютеры, но ведь дети всегда небрежны и их компьютеры наверняка будут валяться без присмотра.

Но пока Боб не будет делать ничего такого рискованного, как уже позволил себе сделать сегодня. У учителей, видимо, были причины сделать вид, что они не обратили на это внимания. Но важно вот что: не дать им узнать те побудительные причины, которые определили действия Боба.

В конце-то концов он и сам в них не слишком хорошо разобрался. Это как вентиляция — просто подумал о чем-то, что может принести определенную выгоду позже, ну и сделал.

Даймек продолжал говорить о чем-то, в частности, как сдавать домашние задания, потом о списке имен и фамилий учителей, об игре-фэнтези, которая есть в каждом личном компьютере. «Но на эту игру не следует тратить учебное время, — сказал он. — Однако когда уроки будут сделаны, вам разрешается поиграть в нее несколько свободных минут».

Боб тут же все понял. Учителя *хотели*, чтобы они играли в эту игру, и знали, что лучший способ добиться этого — поставить игровое время в жесткие рамки. Он уже кое-что знал об этой

забаве: сестра Карлотта пользовалась чем-то подобным, чтобы время от времени анализировать его способности. А Боба тогда интересовало совсем другое: что именно хочет и может узнать о нем сестра Карлотта, исходя из стиля его игры.

Боб уже успел понять: любые его действия расскажут учителям о нем такие вещи, которые ему совершенно не хочется им выдавать. Поэтому он вообще не станет играть в эту игру, если только они не прибегнут к силе. А может, и тогда не станет. Одно дело — подшутить над сестрой Карлоттой, а здесь у них, конечно, есть классные эксперты, и Боб вовсе не желает давать им лишний шанс узнать о нем больше, чем знает он сам.

Затем Даймек повел их на экскурсию, где показывал преимущественно то, что Боб видел еще до мертвого часа. Другие мальчики чуть с ума не сошли, когда увидели Игровую. Боб даже не взглянул в сторону того вентиляционного отверстия, в которое лазил, хотя умышленно долго крутился возле того дисплея, на котором утром играли четверо взрослых ребят. Ему надо было посмотреть, как работают клавиши управления, и подтвердить идею, что его тактика может быть реализована полностью.

Потом группа долго упражнялась в спортзале. Боб тут же занялся тренировкой тех мышц, которые наметил раньше. В некоторых случаях ему приходилось становиться на скамейку, чтобы дотянуться до тренажеров. Нет проблем. Вскоре он сможет просто подпрыгивать на необходимую высоту. С той едой, которую он тут получает, он скоро наберет необходимую силу.

А они, судя по всему, тупо намеревались заталкивать в него еду в невыносимо больших количествах. После душа наступило время ужина. Боб еще и проголодаться-то не успел, а ему навалили на тарелку столько еды, что в Роттердаме этим можно было досыта накормить целое кодло. Боб немедленно подошел к паре ребят, которые особенно громко ныли насчет мизерного размера своих порций, и, даже не спрашивая у них разрешения, переложил на их тарелки значительную часть содержимого своей. Когда один из них попытался было с ним заговорить, Боб только приложил палец к губам. Парнишка в ответ широко ухмыльнулся. И все же на тарелке у Боба осталось пищи больше, чем ему хотелось бы. Однако когда он возвращал свой поднос, там было уже чисто. Диетологи останутся довольны. Интересно, доложат ли им раздатчики о той еде,

которую они обнаружат под столом?

Свободное время. Боб отправился в Игровую, надеясь, что сейчас он, возможно, найдет там знаменитого Эндера Виггина. Если тот будет там, то наверняка в центре целой группы почитателей. Но в центре таких групп он обнаружил лишь обычных искателей славы и любителей покрасоваться, которые только воображали себя лидерами, а потому следовали за своими приятелями всюду, куда те шли, дабы поддержать эту иллюзию. Никто из них, конечно, Виггином не был и быть не мог. Бобу и спрашивать не хотелось.

Тогда он попробовал себя в нескольких играх. Но после каждого первого раза, когда он, естественно, проигрывал, другие ребята тут же отталкивали его прочь. Это был весьма любопытный пример общественных правил поведения. Курсанты знали, что даже самый маленький, самый неопытный новичок имеет право на место в очереди на игру, но в тот момент, когда он проигрывал, одновременно истекало и его право. И они обращались с ним, отпихивая от автомата, гораздо грубее, чем требовалось, выражая свое мнение четко и ясно: «Нечего тебе было соваться в эту игру и заставлять нас ждать». Точь-в-точь

как в очереди в благотворительную столовку в Роттердаме, за исключением того, что тут ничего важного на кону не стояло.

Было интересно обнаружить, что отнюдь не только голод способен превращать детей в наглых хулиганов. Интеллект и образование, которыми обладали эти ребята, по-видимому, в человеческой природе ничего кардинально не меняли. Да Боб и не предполагал, что такое возможно. Жестокость и жадность существуют в самом ребенке, и, каковы бы ни были ставки, эти качества готовы проявиться в достаточно жестких формах. Если это пища — проигравшие дети обрекаются на смерть. Если просто игры — сильные не стесняются быть жестокими и грубо заявляют о своих правах. Делай, как я велю, или плохо будет.

Существенное снижение ставок ничего не меняло в отношении Боба к таким насильникам. Он просто отходил, без жалобы, но запоминал тех, кто тут явно верховодил. Нет, у него не было желания потом отомстить им, да и избегать их он совершенно не собирался. Просто запоминал тех, которые действовали особенно грубо, на случай, когда подобная информация может оказаться важной.

И вообще, не надо давать своим эмоциям брать верх. Эмоциональность отнюдь не помощь в выживании. Важно другое: как можно больше узнать, проанализировать ситуацию, выработать на этой основе линию поведения, а затем решительно приступить к делу. Узнавай, думай, выбирай, делай. А места для «чувствуй» тут нет. Нет, чувства-то у Боба, конечно, есть.

Но он просто отказывался думать о них, полагаться на них или позволять им влиять на его решения, когда на кону стояли большие ставки.

— Он еще меньше, чем был тогда Эндер…

Опять. Опять то же самое. Боб уже устал слышать одно и то же.

— Не смей говорить мне об этом hijo de puta, bicho[6]!

Боб так и подскочил. У Эндера есть враг. Когда Боб его обнаружил, он удивился: как это парень, который имеет самые высокие баллы, может вызвать другие чувства, кроме восхищения? Кто же так сказал? Боб подобрался к группе беседующих, откуда прозвучали эти слова. Снова тот же голос. И еще раз. Теперь Боб понял: вот этот самый и назвал Эндера hijo de puta. На форме

---

[6] Примечания: 6
шлюхино отродье, страшилище (*исп.*).

этого парня изображен силуэт какого-то зверя вроде ящерицы, а на рукаве — треугольник. Ни у кого из других ребят треугольников не было. И все смотрели на него. Капитан команды?

Бобу нужна информация. Он потащил за рукав мальчика, стоявшего рядом.

— Чего тебе? — недовольно спросил мальчик.

— Кто вон тот парень? — спросил Боб. — Капитан команды, тот, что с ящерицей?

— Это саламандра, дурашка. *Армия* Саламандр. А он ее командующий.

Значит, команды тут называют армиями. А треугольник — знак командующего.

— А как его зовут?

— Бонзо де Мадрид. И он еще большая задница, чем ты! — Мальчик, пожав плечами, отошел от Боба.

Итак, Бонзо Мадрид был столь смел, что публично объявил о своей ненависти к Эндеру Виггину. Но парнишка, который не принадлежит к армии Бонзо, в свою очередь, презирает Бонзо и не побоялся сообщить об этом незнакомцу. Это стоит запомнить. Единственный враг Эндера, насколько понимал Боб, был сам небезупречен.

Но… хотя Бонзо сам достоин презрения, он все же командует армией. Это значит, что командую-

щим можно стать, не будучи человеком, которого все уважают. Тогда каковы же стандарты, по которым назначаются командующие в этой Игре, формирующей всю жизнь Боевой школы?

И еще вопрос: могу ли я стать командующим?

Впервые в жизни Боб ощутил, что даже у него может возникнуть подобная цель. Сюда — в Боевую школу — он прибыл с самыми высокими баллами в группе новичков, но одновременно он был самым маленьким и самым слабым, и его сразу же обрекли на изоляцию от остальных благодаря умышленным действиям учителя, который превратил его в мишень для насмешек и неприязни. И вдруг Боб, невзирая на все это, принял решение, что не станет, как в Роттердаме, жить на отшибе, выступая вперед только тогда, когда это жизненно важно лично для него. Ради выживания. Теперь он собирается по возможности быстро стать командующим армией.

Ахилл правил благодаря своей жестокости, благодаря своей готовности убивать. Эти качества в борьбе за выживание ценнее интеллекта, особенно если его обладатель слаб физически и не имеет сильных союзников. Но здесь хулиганы только пихаются и грубят. Взрослые контролируют ситуацию крепко, поэтому жестокость не

может побеждать, особенно при назначении командующих. Значит, у интеллекта есть шанс победить. И значит, Бобу скорее всего не придется жить под гнетом глупцов.

Именно этого и хотел Боб. Почему бы не попытаться поучаствовать в таком деле, пока не появится на сцене нечто, еще более важное? Но тогда ему необходимо выяснить, каким образом учителя принимают решения о том, кого назначить командирами. На чем они основываются? Только ли на поведении в классах? Вряд ли. Международный Космический Флот должен обладать более умными и ловкими людьми, чем те, кто возглавляет Боевую школу. Тот факт, что в каждом личном компьютере стоит программа с игрой-фэнтези, говорит, что они стремятся выяснить различные стороны личности учащихся. Их *характеры.* Боб в конце концов решил, что для них характер значит больше, нежели интеллект. В гимне выживанию, сложенном Бобом — знать, думать, выбирать и делать, — интеллект относился только к трем первым категориям, а определяющей величиной был лишь во втором компоненте. И учителя наверняка это учитывают при выборе.

Может быть, все же придется поиграть в эту

игру, подумал Боб. Но не сейчас. Посмотрим, что произойдет, если я в нее не стану играть.

И одновременно пришло и другое решение, о возможности которого Боб и не подозревал. Ему надо поговорить с Бонзо Мадридом.

В данный момент Бонзо играл на компьютере. Он явно принадлежал к той категории людей, которые считают все неожиданное оскорблением их собственного достоинства. Для Боба это означало, что для достижения желаемого он не должен обращаться к Бонзо так, как окружающие того подхалимы, восхваляющие его даже за самые глупые ошибки, которые Бонзо допускал в игре.

Боб подошел к Бонзо как раз в тот момент, когда его персонаж на дисплее погиб в очередной раз.

— Secor Madrid, puedo hablar convozco?[7] — Испанский пришелся кстати, Боб ведь слышал, как говорил на испанском Пабло де Ночес с друзьями-иммигрантами, которые его навещали, и по телефону с родственниками в Валенсии. Использование именно родного языка Бонзо дало тот эффект, на который рассчитывал Боб: Бонзо не смог его проигнорировать. Он повернулся к Бобу и сверкнул глазами.

---

[7] Примечания: 7
Сеньор Мадрид, разрешите к вам обратиться? (*исп.)*

— Чего тебе надо, bichinho[8]?

Бразильский сленг был весьма распространен в Боевой школе и Бонзо не боялся обвинений в недостаточной чистоте своего испанского.

Боб взглянул ему прямо в глаза, хоть тот и был в два раза выше, и сказал:

— Ребята говорят, что я напоминаю им Эндера Виггина, а вы единственный, кто относится к нему без восхищения. Я хочу знать правду.

То, как замолчало все окружение Бонзо, доказывало правильность рассуждений Боба — разговаривать с Бонзо о Виггине было опасно. Опасно, но именно поэтому он так тщательно сформулировал свой вопрос.

— Ты чертовски прав, говоря, что я не восхищаюсь этим вонючим вероломным предателем, но какого дьявола я должен разговаривать о нем *с тобой?*

— Потому, что мне вы не станете лгать, — сказал Боб, хотя ему-то было предельно ясно: Бонзо солжет и солжет нагло, чтобы выглядеть героем в истории, которая в реальности наверняка была историей его унижения Эндером. — Если люди и дальше будут сравнивать меня с этим

---

[8] Примечания: 8
зверюшка *(исп.).*

парнем, я должен знать, каков он на самом деле. Я не хочу, чтоб меня отправили на холод только потому, что я тут наделаю столько ошибок. Вы мне ничего не должны, но когда вы были таким же маленьким, то наверняка тоже нуждались в ком-то, кто сообщил бы вам вещи, которые помогут вам выжить. — Боб не был совсем уверен в своем сленге, но пару знакомых ему слов все же сумел вставить.

Один из мальчишек вмешался, но так, будто Боб сам написал ему роль, а он только вовремя вставил тщательно подготовленную реплику.

— Проваливай, новичок! У Бонзо Мадрида нет времени менять тебе пеленки.

Боб повернулся к нему и с яростью выкрикнул:

— Я не могу обратиться к учителям — они обманут. Если Бонзо не захочет говорить со мной, то к кому же мне обратиться? К тебе? Да ты штыря от дырки не отличишь!

Этот подлипала как две капли воды походил на Сержанта, и реплика Боба сработала. Все засмеялись над парнишкой, который хотел его оттереть, и даже сам Бонзо расхохотался, а потом положил руку на плечо Боба.

— Я расскажу тебе, что знаю, малыш. Да и вообще пришло время, чтобы кто-то захотел

услышать правду об этой прямой кишке на двух ножках. — А мальчику, с которым Боб сцепился, Бонзо сказал: — А ты доиграй за меня — самому тебе до этого уровня в жизни не добраться.

Боб с трудом мог поверить, что командующий армией может сказать такую обидную бессмыслицу одному из своих солдат, но мальчик подавил гнев, усмехнулся и сказал:

— Ладно, Бонзо. — После чего вернулся к игре, как ему было приказано. Законченный подхалим.

Случайно Бонзо подвел Боба к той самой вентиляционной решетке, где Боб застрял несколько часов назад. Боб на нее даже не глянул.

— Так вот, слушай, что я скажу тебе об Эндере. Он всегда нацелен на то, чтобы победить кого-нибудь. Не просто выиграть у него, нет, он должен обязательно втоптать того в землю, иначе не получит своего удовольствия. Для него не существует правил. Ты отдаешь ему простой приказ, он ведет себя так, будто готов повиноваться, но если он увидит ход, благодаря которому он будет выглядеть красивее, причем для этого только и надо, что нарушить приказ, то… Все, что я могу сказать, так это то, что мне жалко командующего, в чью армию он попадет.

— А он был в Саламандрах?

Бонзо побагровел.

— Он носил форму наших цветов, его имя стояло в моем списке. Но он так и не стал Саламандрой. В ту минуту, когда я его увидел, я понял — от него ждать нечего, кроме неприятностей. Чего стоил один его наглый взгляд, будто он полагал, что вся Боевая школа построена лишь для его променадов и пижонства. Я такого терпеть не стал. Я объявил о желании обменять его сразу же после его появления у нас и отказал в праве на тренировки. Я знал, что он изучит нашу систему ведения боя, перенесет ее в другую армию и использует все, чему у меня научился, чтобы нанести нам ущерб. Я же не дурак!

По своему опыту Боб знал, что подобные изречения всегда произносятся для того, чтобы скрыть собственную неправоту.

— Значит, он никогда не подчинялся приказам?

— Больше того. Он со слезами жаловался на меня учителям, что я не допускаю его до тренировок, хотя те прекрасно *знали*, что я уже подал рапорт с просьбой о переводе Эндера. Однако он скулил до тех пор, пока они не позволили ему ходить в Боевой зал в его свободное время и тре-

нироваться там в одиночестве. И тогда он стал таскать туда малышню из числа тех новичков, которые прибыли вместе с ним в шаттле, а потом и ребят из других армий, и они держали себя с ним так, будто он их командующий, подчинялись его распоряжениям. Ну мы, конечно, стали писать по этому поводу кипятком. Но учителя всегда давали этому подхалиму все, чего он хотел, так что когда мы — командующие — *потребовали*, чтобы они запретили нашим солдатам тренироваться с ним, они просто сказали: «Свободное время — оно и есть свободное». А ведь тут все является частью Игры, sabe[9]? *Все!* Но они разрешали ему жульничать, и каждый разгильдяй-солдат из армий, каждый засранец-малек стали ходить к Эндеру и практиковаться в свободное время, и армейская структура начала себя компрометировать, sabe? Ты планируешь свою стратегию для Игры, но ты не уверен, а не выдали ли эти планы твои собственные солдаты в ту же минуту, когда они слетели с твоих губ, sabe?

Sabe, sabe, sabe… Бобу хотелось бросить ему: «si, yo se?»[10], но Бонзо нельзя было выводить из себя.

---

[9] Примечания: 9
понятно, сечешь *(исп.).*

[10] Примечания: 10
я-то — да, а вот ты? *(исп.)*

А кроме того, все это было страшно интересно. Боб получил очень ясное представление о том, как эта военная Игра формировала жизнь Боевой школы. Она давала учителям не только возможность видеть, как ребята учатся командовать, но и как они относятся к некоторым никуда не годным командующим вроде Бонзо. Ясное дело, тот решил сделать Эндера козлом отпущения в своей армии, но Эндер не согласился на эту роль. Этот Эндер Виггин, видимо, понял, что Игрой манипулируют взрослые, и использовал их, чтобы получить разрешение тренироваться в Боевом зале. Он даже не стал просить, чтобы они пресекли нападки Бонзо на него самого. Он настаивал лишь на том, чтобы ему предоставили другую возможность тренироваться. Умница. Учителям это понравилось, и Бонзо не смог противиться решению учителей.

Или все же смог?

— И как же вы поступили?

— Как мы собираемся поступить? Я сыт всем этим по горло. Если учителя не желают вступиться, то кто-то должен взять дело в свои руки, а? — Бонзо злобно оскалился. — Так что я на твоем бы месте держался подальше от тренировок Виггина в свободное время.

— Но неужели он и в самом деле занимает первое место по тренировкам?

— Дерьмо он, а не первый номер! Он на последнем месте по лояльности! Нет ни одного командующего, кто бы взял его в свою армию!

— Спасибо, — сказал Боб. — Теперь я буду чувствовать себя погано, если мне скажут, что я на него похож.

— Тебе говорят так потому, что ты маленький. Его ведь произвели в солдаты, когда он в них не годился по возрасту. Не позволяй им этого сделать с собой, и все будет о'кей. Sabe?

— Ahora se[11], — ответил Боб. И улыбнулся Бонзо как можно шире.

Бонзо тоже улыбнулся и хлопнул Боба по плечу.

— С тобой все будет о'кей. Когда подрастешь, то, если я все еще буду в школе, ты сможешь рассчитывать на место среди Саламандр.

Если ты еще хоть на один день останешься командующим армией, это будет означать, что курсанты проходят курс по проблеме, как относиться к приказам идиота, занимающего высокий пост, подумал Боб.

---

[11] Примечания: 11
Конечно, еще бы (*исп.*).

— Я наверняка еще долго-долго не стану солдатом, — отозвался Боб.

— Работай побольше, — ответил Бонзо. — Это окупается. — Он снова хлопнул Боба по плечу и отошел, широко улыбаясь. Горд, что помог малышу. Горд, что убедил хоть кого-то в правоте своей лживой версии о взаимоотношениях с Эндером Виггином, который, как видно, пукает умнее, чем Бонзо говорит.

А вот над ребятами, которые тренируются с Эндером в свободное время, нависла серьезная угроза насилия. Это полезно знать. Надо будет подумать, что делать с этой информацией. Передать Эндеру предупреждение? Сказать преподавателям? Промолчать? Быть настороже?

Свободное время кончилось. Игровая комната опустела, так как все разошлись по казармам на время, отведенное домашним заданиям. Иначе сказать, тихий час. У ребят из группы Боба никаких домашних заданий не было, так как не было и классных занятий. Так что они сейчас могли поиграть в свои игры-фэнтези или поболтать друг с другом, чтобы определить свои места в структуре группы. На дисплеях компьютеров появилась надпись, предлагающая ребятам написать письма родным. Кто-то этим соблазнился.

Пусть думают, что и Боб занят тем же.

А дело-то у него совсем другое. Он взялся за свой первый компьютер, напечатал имя Недотепы и убедился, что не имеет значения, какой компьютер он использует, лишь бы имя и пароль были верны — они-то все и определяют. Не надо ему вытаскивать второй компьютер из чужого шкафчика. Используя Недотепу, Боб сделает запись в дневнике. Все нормально — в каждом компьютере есть файл «Дневник».

Что же написать? Что-то занудное? «Все меня сталкивают с дороги, потому что я такой маленький. Ах как это несправедливо!» Или ребячье? «Мне так не хватает сестры Карлотты. Как было бы прекрасно снова оказаться в нашей комнате в Роттердаме»? Или амбициозное? «Они еще вспомнят обо мне, когда я получу высший рейтинг по всем дисциплинам!» Но выбрал он нечто гораздо более тонкое:

«Что сделал бы Ахилл, если бы он был на моем месте? Конечно, он не так мал, как я, но из-за его больной ноги разницы между нами почти нет. Ахилл умеет выжидать, он не показал бы им ничего лишнего. Вот и я сделаю то же самое. Буду сидеть, ждать и смотреть, что получится. Со мной пока никто дружить не собирается, однако потом

они привыкнут ко мне. С течением времени мы начнем как бы распадаться на группы. Первые ребята, которые позволят мне с ними сблизиться, будут, конечно, слабаками, но это не важно. Должна сложиться команда, основанная на лояльности, — это то, что сделал сначала и Ахилл. На лояльности и тренировке на послушание. Приходится работать с тем, что у нас есть, отсюда и надо начинать».

Пусть-ка разжуют это! Пусть считают, что он намерен превратить Боевую школу в подобие жизни на улице, которая ему хорошо знакома.

Пришел Даймек. В последний раз, перед тем как гасят свет.

— Ваши компьютеры работают и после того, как свет будет погашен, — сказал он. — Но если вы будете пользоваться ими и тогда, когда вам надлежит спать, мы об этом узнаем. Как и о том, над чем именно вы будете с ними работать. Так что запомните это и не попадайте в «поросячий список».

Большинство ребят тут же отложили компьютеры. Двое мятежников продолжали возиться со своими. Бобу было все равно. У него хватало о чем думать. А с компьютером он разберется завтра. Или послезавтра. Времени хватит.

Он лежал в слабо освещенной комнате (вероятно, малышам оставляли немного света, чтобы они могли пройти в туалет и не споткнуться) и вслушивался в еле слышные шумы, пытаясь определить источник каждого. Шепоты. Шорохи. Дыхание мальчиков и девочек, которые засыпали друг за другом. Кое-кто уже легонько посапывал. Фоном звучало посвистывание вентиляционной системы, металлическое позвякивание, отдаленные голоса, поскрипывание механизмов, которые поворачивают станцию то одним, то другим боком к солнцу, звуки, производимые взрослыми, работающими по ночам.

Дорогое место. Огромное: здесь живут тысячи ребят и взрослых — учителя, команда, обслуживающий персонал. Куда дороже, нежели флагманский корабль МКФ. И все это для того, чтобы тренировать малышей. Эти взрослые умеют увлечь ребят своей Игрой, но для *них самих* это очень важное дело. Это программа, готовящая детей к войне, а вовсе не безумное предприятие, хотя сестра Карлотта говорила ему, что большинство взрослых расценивают ее именно так. МКФ не стал бы поддерживать проект на таком уровне, если бы не ждал от него важнейших результатов. Поэтому эти дети — сопящие, стонущие, шеп-

чущие в темноте, — они имеют колоссальное значение.

И от меня тоже ждут результатов. Здесь не вечеринка, куда можно зайти, чтобы поесть, а потом — делай, что хочешь. Они действительно намерены сделать из нас командиров. И поскольку Боевая школа действует не первый день, уже есть ребята, которые успели ее окончить. И они служат где-то, честно отрабатывая полученные знания. Вот о чем надо помнить. Какова бы ни была эта система, но она работает.

А вот какой-то новый звук. На ровное дыхание не похож. Он прерывистый. Глубокие вздохи. Всхлипы.

Плач. Кто-то из мальчиков плачет во сне.

В «гнезде» Боб часто слышал, как дети плачут во сне или засыпая. Плачут, потому что голодны, изувечены, больны, замерзли. А о чем плачут эти дети?

К первому всхлипу присоединились новые.

Они тоскуют по дому, понял Боб. Они никогда не разлучались с папочками и мамочками, и им без них плохо.

Этого Боб не понимал. Ни к кому таких чувств не испытывал. Ты просто живешь в том месте, где оказался, вот и все. Ты не думаешь больше о том

месте, где жил раньше, или о том, где хотел бы жить. *Здесь* — это там, где ты *есть*, где ты должен найти путь к выживанию. Эту задачу не решишь, валяясь в постели и хныкая.

Впрочем, нет проблем. Слабость этих ребятишек лишь выдвигает меня вперед. Несколькими соперниками меньше на пути к командованию.

А интересно, что думает об этом Эндер Виггин? Боб начал припоминать все, что он слышал о Виггине до сих пор. Очень предприимчивый парень. Не стал воевать с Бонзо в открытую, но и с его идиотскими идеями не стал соглашаться. Это было Бобу интересно, так как на улицах ему был известен лишь один закон: не вытягивай шею даже в том случае, если ее все равно перережут. И ежели у тебя глупый вожак кодла, не говори ему, что он дурак, не показывай ему, что ты знаешь, что он дурак, а опусти голову и шагай себе рядом. Только так и выживешь.

Правда, когда это было необходимо, Боб был способен и на смелые решения. Так он проник в кодло Недотепы. Но там речь шла о еде. Речь шла о том, чтоб не умереть. Почему же Эндер пошел на риск, когда на кону не было ничего, кроме его положения в Игре?

Так, может, Эндер знал что-то, чего Боб не зна-

ет? Может, была какая-то причина, по которой Игра была важнее, чем казалось?

Или, может быть, Эндер был одним из тех ребят, которые не умеют проигрывать? Одним из тех, что готовы стоять за свою команду до тех пор, пока та везет его в том направлении, куда он хочет добраться? Ну а ежели не получается, разбежимся в разные стороны, каждый сам по себе? Так именно считает Бонзо. Но ведь Бонзо просто глуп.

Еще раз Бобу напомнили, что есть вещи, которых он не понимает. Ведь Эндер был не одинок. И тренировался он тоже не в одиночестве. В свои свободные часы он занимался с другими ребятами. Среди них было много новичков, но были и ребята из старших групп. Не могло ли случиться так, что действия Эндера определялись его внутренней порядочностью?

Ну, как это было с Недотепой, которая предложила себя Ахиллу, чтобы спасти жизнь самому Бобу?

Нет, Боб достоверно не знал, что она поступила именно так, он не мог быть абсолютно уверенным, что она погибла именно поэтому.

Но возможность такая была. И в глубине сердца он в нее верил. Она вытекала из того качества, ко-

торое он в Недотепе недолюбливал. Действовала она как крутая, а сердце имела мягкое. И все же… именно эта мягкотелость спасла ему жизнь. И как он ни бился, а рассматривать эту ситуацию с точки зрения «она сама во всем виновата» у него не получалось, хотя именно так гласили незыблемые уличные принципы. Недотепа выслушала меня, когда я с ней заговорил, она сделала трудный и опасный шаг, рискуя собственной жизнью, чтобы попытаться хоть немного улучшить жизнь своего кодла. А потом она отвела мне место за их столом и, наконец, защитила меня от смертельной опасности. Почему?

В чем суть этого великого секрета? Знает ли его Эндер? И как он его узнал? Почему Боб не в состоянии раскрыть его сам? Как бы он ни старался, а Недотепу понять не может! И сестру Карлотту — тоже не может. Не может понять руки, обнимавшие, его, слезы, которые она проливала над ним. Ей — сестре Карлотте — не было дано понимания, что, как бы ни любила она Боба, он навсегда останется отдельным, стоящим особняком, так что все хорошее, сделанное сестрой Карлоттой для него, ей лично жизнь ничуть не улучшит.

Если у Эндера тоже такая слабость, то, значит,

я на него нисколько не похож. Я не собираюсь приносить себя в жертву ради кого-то еще. Я отказываюсь лежать в постели и лить слезы из-за Недотепы, которая плавала в воде с перерезанным горлом. Я отказываюсь тосковать по сестре Карлотте, потому что ее нет тут рядом в соседней комнате.

Боб вытер глаза и перевернулся на другой бок, приказав себе немедленно расслабиться и заснуть. Через несколько минут он уже погрузился в легкий сон, от которого так просто очнуться. К утру его подушка успела высохнуть.

Боб спал, как и все люди: ему, подобно всем, снились какие-то обрывки, порожденные памятью и воображением, которые его подсознание причудливо сплетало в связные истории. Боб редко обращал внимание на свои сны, редко запоминал их, не помнил, снилось ли ему что-нибудь вообще или нет. Но этим утром он проснулся с четким и ясным воспоминанием.

Муравьи валили валом из трещины в дорожном откосе. Маленькие черные муравьи. И большие — красные, — которые нападали на черных и уничтожали их. Это была свалка, в которой почти не удавалось разобрать действия отдельных насекомых. Но и они не видели человеческого

ботинка, который опускался, чтобы вышибить из них жизнь.

Когда ботинок снова поднялся, то под ним оказались вовсе не раздавленные муравьиные тельца. Это были тела детей, тела беспризорников с улиц Роттердама. Вся «семья» Ахилла. Сам Боб. Он узнал свое лицо, приподнявшееся над расплющенным торсом, чтобы напоследок еще раз увидеть мир.

А над ними висел в воздухе огромный башмак, тот самый, что раздавил Боба. Только он был натянут на лапу жукера, и этот жукер все хохотал, хохотал и никак не мог остановиться.

Смех так и звучал в ушах Боба, когда тот проснулся. Он отчетливо помнил лица детей — каждого без исключения, — раздавленных в лепешку, помнил собственное тело, расплюснутое, как жвачка под каблуком. Значение сна было очевидно: пока дети играют в войну, жукеры подкрадываются к ним, чтобы покончить со всеми разом. Надо отрешиться от ссор и споров и всегда помнить о близости беспощадного врага.

Боб отбросил в сторону суть своего сна, как только она пришла ему в голову. Сны не имеют смысла, сказал он себе. Даже если они что-то и значат, то все равно отражают мои чувства,

мой страх, мою истину, заключенную где-то в глубинах моего сознания. Итак, жукеры где-то близко. Они готовы сокрушить нас. Мы для них — те же мураши.

Так какое же это имеет отношение ко мне? Мое дело — обеспечить собственное выживание, занять такое положение, которое позволит мне быть полезным в войне с жукерами. А пока я не могу сделать ничего для того, чтобы их остановить.

Вот какой урок Боб извлек из своего сна: не надо быть на месте этой копошащейся кучи драчливых муравьев.

Надо быть ботинком!

Сестра Карлотта зашла в своих компьютерных поисках в тупик. Тщательное обшаривание компьютерных сетей решительно ничего не дало. Только массу информации насчет генетических исследований, но ничего, что было нужно ей.

Так она и сидела за своим столом, продолжая играть в осточертевшую ей игру, одновременно обдумывая свой следующий шаг и удивляясь в который раз тому, зачем ей понадобилось вторгаться в ранний этап биографии Боба. Как вдруг пришло зашифрованное письмо из МКФ. Если такое послание адресат не примет в течение

минуты после его поступления, оно саморазрушается. Поэтому сестра Карлотта быстро «открыла» шифровку и тут же ввела раскодирующие слова.

От: Полковник Графф, Боевая школа, МКФ

Кому: Сестре Карлотте. Спецпочта. МКФ

Тема: Ахилл

Пожалуйста, доложите всю имеющуюся информацию об «Ахилле», которой располагает известный Вам субъект.

Как всегда, письмо был столь лаконично, что его и шифровать не стоило. К тому же оно было еще с высоким уровнем защиты. Так почему бы не написать просто: «Пожалуйста, дайте всю известную Бобу информацию об Ахилле»?

Почему-то Боб сообщил им имя Ахилла. Видимо, в обстановка, которая не позволяет им потребовать от него объяснений. Скорее всего Боб где-то записал его. В письме к ней? У нее шевельнулась надежда, но тут же покинула ее. Она прекрасно знала, что письма ребят из Боевой школы почти никогда не отсылались, а шанс, что Боб захочет ей написать, был вообще почти равен нулю. Но они как-то добыли это имя и теперь хотят узнать у нее, что оно означает.

Однако дело в том, что она не хочет им давать никакой информации, не зная, каковы могут

быть последствия для самого Боба.

Сестра Карлотта послала столь же лаконичный ответ:

Отвечу только по защищенной конференц-связи.

Конечно, Графф взбесится, но это будет лишь ход в их всегдашней пикировке. Графф привык пользоваться влиянием, далеко выходящим за пределы его воинского звания, и ему будет полезно вспомнить, что ее повиновение его приказам вытекает только из ее доброго отношения, доброй воли и личного взгляда на проблему. Конечно, они свое получат, но она хочет быть уверенной, что Боб никак не пострадает от той информации, которую она согласится дать. Ведь если они узнают, что он был тесно связан с убийцей и с жертвой преступления, они вообще способны снять его с программы. И даже если она будет уверена, что ее сведения Бобу не повредят, она хочет получить quid pro quo[12].

Потребовался еще час на организацию защищенной конференции. Наконец лицо Граффа появилось на дисплее сестры Карлотты. Выглядел он весьма недовольным.

---

[12] Примечания: 12
что-то за что-то *(лат.)*.

— Ну, так в какую же игру вы сейчас играете, сестра Карлотта?

— А вы все толстеете, полковник Графф. Так, знаете ли, можно и заболеть.

— Ахиллес, — напомнил полковник.

— Парень с больной пяткой, — ответила она. — Убил Гектора и таскал его труп мимо всех ворот Трои. Имел кой-какие делишки с девчонкой Брисеидой.

— Вы ведь знаете, что нам нужен совсем иной контекст.

— Я-то знаю куда больше. Знаю, что вы где-то прочли это имя, что Боб его записал, знаю, что у нас оно произносится с окончанием «ил», а не «лес», как у вас — французов.

— Сестра Карлотта, мне не нравится, как вы расходуете деньги, уплаченные за организацию нашего разговора.

— А я вообще не намерена говорить, пока не узнаю, зачем вам нужны эти сведения.

Графф несколько раз глубоко втянул в себя воздух. Карлотта подумала о том, учила ли его матушка считать до десяти или он сам привык придерживать язык, общаясь с монахинями в католической школе?

— Мы пытаемся извлечь смысл из того, что он

написал.

— Покажите мне. Я помогу, если сумею.

— Он больше не находится на вашем попечении, сестра Карлотта, — ответил Графф.

— А тогда зачем вы вообще обратились ко мне? Он же на вашем попечении, разве не так? Уж лучше я вернусь к своим прямым обязанностям.

Графф вздохнул и произвел какие-то манипуляции руками, которых не было видно на экране. Через несколько секунд текст записи Боба появился на дисплее монахини, загораживая лицо Граффа. Она прочла запись и улыбнулась.

— Ну? — спросил Графф.

— Он натянул вам нос, полковник.

— Как это «нос»?

— Он знал, что вы прочтете запись. Он сделал двойную петлю, как заяц.

— Он *знал* это?

— Ахилл действительно мог послужить ему примером, но уж никак не добрым. Ахилл когда-то предал человека, которого Боб очень высоко ценил.

— Не напускайте тумана, сестра Карлотта.

— А я и не напускаю. Я сказала вам ровно столько, сколько считаю нужным. Столько же, сколько хотел сказать вам Боб. Могу еще сообщить вам,

что записи Боба в его дневнике будут что-то значить для вас лишь в том случае, если вы поймете, что он их пишет специально для вас и для того, чтобы обмануть вас.

— Значит, он не ведет никакого дневника?

— У Боба феноменальная память, — ответила сестра Карлотта. — И он никогда… никогда не доверит свои мысли бумаге. Он советуется лишь с самим собой. И только. Всегда. Вы не найдете ни единого клочка бумаги, написанного им, за исключением тех случаев, когда он захочет, чтоб вы такой клочок нашли.

— А не могли бы измениться его привычки, если бы он стал писать под чужой фамилией? Той, о которой он думает, что мы ее не знаем?

— Но вы-то об этом обстоятельстве осведомлены, и Боб *уверен*, что вы до этого докопаетесь, так что его «запасная» личность создается только для того, чтобы вас запутать. Судя по всему, своей цели он достиг.

— А я и забыл, что вы этого парнишку считаете умнее самого Господа Бога!

— Меня нисколько не тревожит, что вы в данный момент не согласны с моими оценками. Чем лучше вы станете его понимать, тем скорее вы обнаружите мою правоту. Вы даже поверите тем

оценкам, которые он получил за тесты.

— А что может подвигнуть вас оказать мне помощь в этом деле? — спросил Графф.

— Для начала попробуйте рассказать мне правду о том, какие последствия может иметь эта информация для судьбы Боба.

— Его классный руководитель очень обеспокоен. Боб куда-то исчез на двадцать одну минуту после того, как завтрак кончился. У нас есть свидетель, который разговаривал с Бобом на палубе, где тому вовсе было нечего делать. Но даже это не объясняет, что он сделал с остальными семнадцатью минутами. Кроме того, он не играет со своим компьютером…

— А не думаете ли вы, что возникновение псевдонимов и появление фальшивых записей в дневнике как раз и является игрой?

— У нас есть такая диагностическо-терапевтическая игра, в которую с удовольствием играют все дети, но он к ней даже не притронулся.

— Если он узнал, что эта игра имеет отношение к психологии, то он не притронется к ней до тех пор, пока не выяснит, чем она ему грозит.

— Это вы ему привили такое устойчиво враждебное отношение?

— Нет, это я заразилась от него.

— Тогда ответьте мне прямо. Если основываться на его дневниковой записи, то Боб, похоже, планирует создать у нас что-то вроде своего кодла, как это было на улицах Роттердама. Нам надо знать об Ахилле, чтобы понять, что именно замышляет Боб.

— Ничего подобного он не планирует, — твердо ответила сестра Карлотта.

— Вы говорите убежденно, но не подкрепляете свое убеждение ни единым доводом, который дал бы мне основания верить вам.

— Помните, полковник, ведь это вы мне позвонили.

— Этого недостаточно, сестра Карлотта. Ваше мнение об этом мальчике не вполне заслуживает доверия.

— Боб никогда не станет подражать Ахиллу. Он никогда не станет излагать письменно свои планы, особенно там, где вы их можете найти. Он никогда не создает своих команд, он только примыкает к ним, использует их и покидает, даже не помахав на прощание рукой.

— Так что поиски этого Ахилла не дадут нам ключа, который помог бы определить поведение Боба в будущем?

— Боб гордится тем, что не таит обид. Он счи-

тает их контрпродуктивными. Но я думаю, что по каким-то личным соображениям он написал об Ахилле специально, чтобы вы о нем прочли, а потом захотели бы узнать об Ахилле побольше, занялись бы расследованием, которое навело бы вас на ту очень скверную вещь, которую сделал Ахилл.

— По отношению к Бобу?

— Нет, к его другу.

— Значит, он все же способен иметь друзей?

— Эта девочка спасла ему жизнь, когда он беспризорничал.

— И как ее звали?

— Недотепа. Но не ищите ее. Она умерла.

Графф немного подумал.

— Это и есть та дурная вещь, которую сделал Ахилл?

— У Боба были основания так считать, но я думаю, что в суде это дело вряд ли прошло бы — серьезных улик нет. И, как я уже говорила, такие вещи уходят корнями глубоко в подсознание. Я не думаю, что Боб захочет как-то расплатиться с Ахиллом или с кем-то еще, но, возможно, он полагает, что вы это сделаете за него.

— Вы все время что-то держите за пазухой, но у меня нет иного выхода, как положиться на ваше

суждение. Так?

— Я уверяю вас: Ахилл — тупик.

— А если вы получите доказательство, что этот тупик — не такой уж тупой?

— Я хочу, чтобы ваша программа работала, полковник Графф. Хочу этого сильнее, чем хочу успеха для Боба. На очередность моих предпочтений нисколько не влияет то, что я люблю этого мальчика. Я и в самом деле сказала вам все. Но я надеюсь, что и вы мне поможете.

— В МКФ не торгуют информацией, сестра Карлотта. Она сама течет от того, у кого она есть, к тому, кто в ней нуждается.

— Давайте я вам скажу, чего я хочу, а вы решите, нуждаюсь я в ней или нет.

— Ну, давайте.

— Я хочу знать обо всех подпольных или глубоко засекреченных проектах последних десяти лет, касающихся изменений человеческого генома.

Графф уставился куда-то вдаль.

— Вам еще рано приниматься за новый проект. Значит, это старый. Все тот же. Боб?

— Но ведь он же появился где-то?

— Вы хотите сказать, что его ум где-то зародился?

— Я имею в виду все вместе — тело и интел-

лект. Я боюсь, что вы перестанете интересоваться мальчиком, не захотите доверить ему задачу спасения жизни на Земле, а потому полагаю, что необходимо узнать, что там у него с генами. Узнать, что у него творится в мозгу, — дело вторичное, и этого, боюсь, вам никогда не постичь — не дотянетесь.

— Итак, вы сначала присылаете его к нам, а потом сообщаете мне эдакое! Неужели вы не понимаете, что только что сделали попытку убедить меня, что я никогда не увижу его во главе нашей отборной элиты?

— А вы мне говорите это сейчас, когда он пробыл у вас только один день! — парировала сестра Карлотта. — Что же будет, когда он подрастет?

— Пусть поторопится, а то, если он еще немножко скукожится, его засосет в нашу вентиляционную систему ко всем чертям!

— Ну-ну, полковник Графф.

— Извините, сестра Карлотта.

— Дайте мне нужный допуск, и я все разыщу сама.

— Нет, — ответил он. — Я прикажу сделать для вас выписки.

Сестра Карлотта знала, что получит ровно столько информации, сколько они сочтут

нужным ей передать. Отделаются от нее, дав какую-нибудь ерунду. Но с этой проблемой она справится. Точно так же, как она сейчас же начнет разыскивать этого Ахилла, пока МКФ не добрался до него сам. Она найдет его, заберет с улицы и устроит в школу. Под другим именем. Потому что если МКФ его найдет, то они его обязательно протестируют или воспользуются ее старыми результатами, а если это будет сделано, они залечат ему ногу, а потом пошлют в Боевую школу. А она обещала Бобу, что он никогда больше не встретится с Ахиллом.

8. Отличник

— Он, как и прежде, не прикасается к игре-фэнтези?

— Он себе даже игрового персонажа не подобрал, даже через портал его не провел.

— А может, он еще не нашел ее в своем компьютере?

— Он так перестроил меню файлов, что программа в нем вообще не появляется.

— И вы делаете вывод…

— Он знает, что это не просто игра. Он не хочет, чтоб мы знали, как работает его мозг.

— И тем не менее хочет, чтоб мы его развивали?

— Этого я не знаю. Он по уши зарылся в книги. Все три прошедших месяца он получает только высшие оценки по всем дисциплинам. Учебные материалы читает всего один раз. Материалы к другим занятиям подбирает сам.

— Например?

— Вобан.

— Фортификатор семнадцатого века? Что у него в голове?

— Теперь вы понимаете, в чем проблема?

— А как он контактирует с другими детьми?

— Я думаю, классическим определением будет «одиночка». Он вежлив. Сам ничего не предлагает. Спрашивает только то, что его действительно интересует. Ребята из его шаттла считают его чудаком. Им известно, что по знаниям он далеко их опережает, но ненависти к нему не ощущают. Обращаются с ним, как с природным явлением. Друзей нет, врагов — тоже.

— Это очень важно, что его не ненавидят. А ведь должны были бы, раз он так далек от них.

— Я думаю, это искусство, которым он обзавелся на улице, — отводить опасность. Может, именно поэтому его больше не дразнят из-за маленького

роста.

— Ничего из того, что вы сказали, не указывает на высокий командирский потенциал.

— Если вы хотите сказать, что он делает вид, будто пытается этот потенциал продемонстрировать, но у него не получается, то вы будете правы.

— Итак… Как вы думаете, чем он занят?

— Анализирует нас.

— Собирает информацию и ничего не выдает наружу? Вы действительно считаете его столь сложным?

— Он жил на улицах и выжил.

— Я думаю, пора его подтолкнуть.

— Дать ему понять, что его сопротивление нас беспокоит?

— Если он так умен, как вы думаете, то он уже знает это.

Боб ничуть не возражал против грязи. В конце-то концов он раньше месяцами не мылся. А уж несколько дней не принять душ, так о такой мелочи и говорить не стоит. А если кто и поморщится по этому поводу, то плевать. Пусть себе сплетничают: дескать, младше и меньше самого Эндера, дескать, высшие отметки по всем предметам, а воняет от него, как от поросенка!

Тем более что время, которое тратится на мытье в душевой, — это самое драгоценное время! Именно тогда он может пользоваться компьютером мальчика, койка которого находится как раз напротив его койки. Тот в это время всегда принимает душ. Тогда все голые, а потому мониторинг по одежде невозможен. В отведенное на душ время Боб обычно включал чужой компьютер и начинал исследовать компьютерную сеть школы, скрытно от учителей изучая ее тайны и особенности. Он набил себе руку еще тогда, когда перепрограммировал свой компьютер так, чтобы дурацкая игра не выскакивала в меню, как это было всегда, когда он включал свою машинку. Это оказалось делом не слишком хитрым, так что Боб считал, что учителя не станут тревожиться из-за того, что он с этим делом разобрался.

Пока Боб интересного нашел не так уж много, но чувствовал, что находится на пути к тому, чтобы проломить одну из преград и обнаружить нечто важное. Он знал, что где-то тут скрыта виртуальная система, вложенная в компьютеры специально для того, чтобы ученики могли ее относительно легко взломать. Он слышал легенды насчет того, что Эндер (ну, еще бы не он!) в первый же день проник в нее, взяв себе

псевдоним «Бог», но Боб-то знал, что хотя Эндер и был блестящим учеником, но в данном случае он не сделал ничего такого, чего не мог бы сделать хороший амбициозный курсант.

Первым достижением Боба можно было считать то, что он подключился к той системе учителей, которая контролировала работу персональных компьютеров учеников. Избегая действий, которые могли бы автоматически сообщить учителям о происходящем, Боб создал свою собственную систему секретных файлов, которую они могли обнаружить лишь в том случае, если бы ее стали специально разыскивать. После этого все интересное, что он обнаруживал, отправлялось в это потайное хранилище информации, которым он пользовался под чужим именем. Эти материалы можно было получить в любое время, чтобы работать с ними на досуге, тогда как компьютер самого Боба в это время сообщал, что он работает с библиотечными фондами. Боб и в самом деле их читал, но только гораздо быстрее, чем об этом сообщал компьютер.

Эти подготовительные работы позволяли Бобу надеяться, что в ближайшее время он добьется значительного прорыва. Однако он тут же нарвался на новую стену: система имела нужную

ему информацию, но не желала ее выдавать. Пришлось использовать обходные маневры. Например, Боб не мог получить планы всей станции. Ему удалось получить лишь рисунки той ее части, которая была доступна для учащихся, но и они были сделаны вне масштаба и без привязки к остальным помещениям. Однако Боб умудрился разыскать нужные ему материалы в программе обеспечения аварийных работ. Эти планы должны были возникнуть на стенах коридоров станции, если бы, например, нарушилась система воздухообеспечения. На планах было в масштабе изображено местонахождение ближайших воздушных шлюзов. Сопоставление схем и аварийных планов позволило Бобу получить упрощенный план всей станции. Разумеется, там не было никаких надписей, кроме относящихся к шлюзам, но зато Боб узнал о существовании параллельных коридоров, дублирующих коридоры учебной зоны. Выяснилось, что станция представляет собой не одно «колесо», а целых три, пересекающихся в ряде точек. Вероятно, там жили учителя, обслуживающий состав и команда станции. Там же размещались системы жизнеобеспечения и связи с Флотом. Плохой для Боба новостью было то, что все они имели свои

системы воздухоснабжения, которые нигде не пересекались. Так что Боб мог использовать эту систему для шпионажа лишь в учебной зоне, тогда как проникнуть в две другие он не смог — они были слишком хорошо защищены.

Но даже в учебном «колесе» было множество таинственных мест и помещений, представлявших огромный интерес для исследователя.

Ученики имели доступ к четырем палубам плюс спортзал под палубой «A» и Боевой зал под палубой «D». Однако на самом деле палуб было девять: еще две располагались над палубой «A» и три — под палубой «D». Очевидно, эти пространства для чего-то использовались. И раз истинное число палуб было секретом для курсантов, стало быть, их определенно стоило исследовать.

Скоро Боб начнет эти исследования. Физические упражнения сделали его куда более сильным, хотя он оставался тоненьким благодаря самоограничению в еде. Трудно было поверить, сколько пищи взрослые пытались засунуть в Боба, непрерывно наращивая размеры его порций, возможно, потому что он решительно отказывался набирать тот вес, который они считали необходимым «добрать». Но вот чего Боб не мог контролировать, так это свой рост. Вскоре возду-

ховоды станут для него недоступны. А возможно, он уже и теперь в них не пролезет. Однако использовать воздуховоды для проникновения в тайны станции нельзя, если ты ограничен «душевым» временем. Значит, придется пожертвовать сном. Поэтому Боб на короткое время отложил начало экспедиции — один-два дня особого значения не имеют.

Так обстояли дела до того утра, когда Даймек явился в казарму и объявил, что все ученики должны немедленно поменять пароли на своих личных компьютерах. Для этого он приказал им встать лицом к стене и тщательно следить, чтобы никто не смог подглядеть новый пароль. Больше того, ученики обязаны и в дальнейшем хранить свой новый пароль в полной тайне.

— Неужели кто-то использует чужие пароли? — спросил один из ребят, причем по его тону было ясно, что такое он считает чудовищным преступлением. Бобу с трудом удалось удержаться от смеха.

— Такое требование предъявляется всему персоналу Флота, так что пора и вам приобрести ту же привычку, — ответил Даймек. — Каждый слушатель, который будет пользоваться одним и тем же паролем свыше недели, тут же попадет в

«поросячий список».

Боб понял, что учителя докопались до того, чем он занимается. Это значит, что они проверили всю его работу за последние месяцы и обнаружили многое из того, чего он достиг. Он взял свой компьютер и стер потайные файлы — на тот случай, если им еще не удалось их расколоть. Все, что ему было действительно нужно, он знал наизусть. Никогда больше Боб не доверит компьютеру того, что может сохранить его память.

Раздевшись догола и обвязав бедра полотенцем, Боб направился в душевую вместе со всеми. Но у дверей его остановил Даймек.

— Поговорим, — сказал Даймек.

— А как же душ? — спросил Боб.

— Откуда взялся такой неожиданный интерес к гигиене? — задал вопрос Даймек.

Боб приготовился к тому, что сейчас ему как следует наподдадут за пользование чужими паролями. Вместо этого Даймек задал ему совсем другой вопрос:

— Как тебе тут живется?

— Отлично.

— Я знаю, что твои отметки великолепны, но меня беспокоит, что у тебя мало друзей среди ребят.

— У меня много друзей.

— Ты хочешь сказать, что знаком со многими, знаешь их имена и ни с кем не ссоришься?

Боб пожал плечами. Эта тема ему нравилась ничуть не больше, чем разговор насчет пользования чужими компьютерами.

— Боб, система организации работы школы создавалась не с кондачка. Существует множество факторов, которые должны учитываться при оценке готовности курсантов к занятию командных постов. Конечно, при этом учеба занимает очень важное место. Но учитывается, например, и способность быть лидером.

— Так у нас тут каждый ученик просто набит способностями к лидерству.

Даймек рассмеялся.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Но все сразу быть лидерами не могут.

— Во мне росту, как в трехлетнем ребенке, — сказал Боб. — Не думаю, что большинство ребят будут в восторге, если им придется отдавать мне честь.

— Можно ведь составить себе отряд только из приятелей. Но у тебя нет друзей, которые есть у всех.

— Тогда напрашивается вывод, что у меня нет

того, что необходимо иметь командиру?

Даймек задрал бровь:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что стремишься вылететь отсюда «на холод»?

— Разве мои оценки дают основания считать, что я не справляюсь с учебой?

— А чего же ты хочешь? — ответил Даймек. — Ты не играешь в игры, в которые играют все остальные ребята. Твоя программа физических упражнений очень странная, хотя ты и знаешь, что обычная программа создана специально, чтобы наилучшим образом подготовить ребят к военной Игре. Уж не означает ли это, что ты и в эту Игру не собираешься играть? Ибо если таков твой план, то тебя, безусловно, отправят «на холод», то есть на Землю. Потому что вся жизнь школы опирается на «армии».

— Я буду хорошо заниматься в Боевом зале, — ответил Боб.

— Если ты думаешь добиться этого без подготовки, то ошибаешься. Быстрый ум не заменяет сильного, ловкого тела. Ты не имеешь представления о том, сколько энергии требует работа в Боевом зале.

— Я присоединюсь к обычной программе физической подготовки, сэр.

Даймек откинулся назад, прикрыл глаза и с легким вздохом сказал:

— Ты у нас послушный мальчик, а, Боб?

— Стараюсь быть им, сэр.

— А вот это уже вонючая брехня, — ответил Даймек.

— Сэр?

Вот оно, начинается, подумал Боб.

— Если бы ты приложил столько энергии для того, чтобы завести себе друзей, сколько ты тратишь на то, чтобы скрыть от нас свои проделки, ты стал бы самым обожаемым учеником школы.

— Для нее достаточно одного Эндера Виггина, сэр.

— И, пожалуйста, не думай, что мы не заметили твоей одержимости Виггином, между прочим.

— Одержимости? — Боб даже не произносил имени Виггина после того — первого дня. Никогда не принимал участия в разговорах о рейтинге Виггина. Никогда не ходил в Боевой зал, когда там тренировался Виггин. Ох, вот она ошибка! Какую же глупость он допустил!

— Ты единственный новичок, который не захотел увидеть Эндера Виггина. Ты изучил его расписание так, чтобы никогда не столкнуться с ним. Это, знаешь ли, потребовало от тебя уймы

усилий.

— Я новичок, сэр. А он уже в армии.

— Не валяй дурака, Боб. Это неубедительно, и ты даром тратишь мое время.

Скажи ему очевидную и бесполезную правду, подумал Боб. Это действует лучше всего.

— Каждый сравнивает меня с Эндером, так как я мал ростом и очень молод, сэр. А я хочу быть самим собой.

— Что ж, приму это на первый случай, так как есть предел и моему желанию копаться в твоей вонючей куче лжи, — ответил Даймек.

Тут и Боб сообразил, что в его высказывании об Эндере не столь уж много правды. Ну и что, подумал он, разве я не имею права на нормальные человеческие эмоции, например на ревность или зависть? Я ведь не машина. И поэтому почувствовал себя обиженным сейчас, когда Даймек ощутил раньше меня самого, что под сказанным таится что-то еще, куда более деликатное. Неужели то, что я произнес, — действительно ложь?

— Скажи мне, — продолжал Даймек, — почему ты не хочешь играть в компьютерную фэнтези?

— Она показалась мне скучной и глупой, — ответил Боб. И это была сущая правда.

— Не совсем верно, — возразил Даймек. — Во-

первых, она не кажется ни скучной, ни глупой ни одному другому ученику школы. Больше того, она самосовершенствуется и адаптируется к твоему интеллекту.

Сомневаюсь, подумал Боб.

— Там все понарошку, — сказал Боб. — Уводит от реальности.

— Перестань лгать хоть на минуту, — рявкнул Даймек. — Ты прекрасно знаешь, что мы используем ее для анализа личности учеников, и именно поэтому не желаешь в нее играть.

— Похоже, вы меня все же проанализировали, — пробурчал Боб.

— А ты что же, полагаешь, что никогда не расслабляешься?

Боб не стал отвечать. Да и что тут скажешь?

— Я смотрел твой список книг для свободного чтения, — продолжал Даймек. — Вобан?

— Да.

— Инженер-фортификатор времен Людовика XIV?

Боб кивнул. Он подумал о Вобане и о том, как сочеталась его оборонная стратегия с чрезвычайно напряженной финансовой ситуацией тогдашней Франции. Мощные фортификационные сооружения, строившиеся раньше даже в

глубинных районах страны, сменились во времена Вобана узкими оборонительными линиями. Закладка новых крепостей почти прекратилась. Зато очень расширилось возведение слабых, а часто и неудачно расположенных укреплений типа редутов. Боб было начал об этом говорить, но Даймек его прервал:

— Брось, Боб. Зачем ты занялся проблемой, которая не имеет отношения к космосу?

Ответа у Боба не было никакого. Он просто интересовался стратегией от Ксенофонта и Александра до Цезаря и Макиавелли. Случайно набрел на Вобана. Никаких особых планов, связанных с Вобаном, у Боба не было, кроме того, что чтение служило прикрытием для его тайной возни с компьютером. Но теперь, когда Даймек его спросил, какое отношение имеет фортификация XVII века к войне в космосе…

— Так ведь это не я внес Вобана в списки книг нашей библиотеки.

— У нас есть почти все труды по военному делу, которые имеются в других библиотеках Флота. Вот и все. Никаких особых причин для этого нет.

Боб опять пожал плечами.

— Ты читал Вобана целых два часа.

— И что же? Я уделил не меньше времени

Фридриху Великому, но не думаю, что мы будем заниматься шагистикой или тыкать штыком в брюхо солдатам, которые не держат строя под огнем во время атаки.

— Значит, ты не читал Вобана, а? — воскликнул Даймек. — Тогда я хочу знать, чем же ты занимался в это время?

— Я читал Вобана!

— Думаешь, мы не знаем, с какой скоростью ты читаешь?

— А размышления о Вобане?

— Ладно, тогда выкладывай, что ты думаешь о Вобане?

— Как вы и сказали, о том, каково может быть его применение в космических войнах.

Надо тянуть время. В самом деле, при чем тут космические войны?

— Я жду, — настаивал Даймек. — Скажи мне, на какие такие мысли ты потратил вчера два часа драгоценного учебного времени?

— Ну что ж, — начал медленно Боб, — фортификационные сооружения в космосе отсутствуют. Так сказать, в их традиционном виде. Но кое-что все же можно сделать. Что-то аналогичное выносным передовым редутам, которые закладывались перед крепостями и где оставляли

небольшие гарнизоны, в задачи которых входило производить беспокоящие неприятеля вылазки. В космосе можно создать станции с базирующимися на них эскадрами кораблей, которые будут перехватывать рейдеры. Можно организовать минные поля. Пространства, захламленные обломками, с которыми будут сталкиваться вражеские корабли, идущие на больших скоростях. Все это задержит продвижение противника.

Даймек кивнул, но хранил молчание.

Боб почувствовал, что тема начинает интересовать его самого.

— Главная проблема заключается в том, что в отличие от Вобана у нас есть лишь один объект для защиты — Земля. А противник не ограничен в выборе подходов для атаки. Он может появиться отовсюду. Отовсюду неожиданно. Поэтому перед нами встает классическая проблема обороны, но возведенная в степень. Чем дальше мы выдвигаем свои оборонительные сооружения, тем больше их нам требуется, и если наши ресурсы ограничены, то у нас вскоре окажется больше сооружений, чем мы сможем обслужить. Какой толк в крупных базах на лунах Юпитера или Нептуна, когда противник даже не подумает появиться на границах их орбит. Враг может обойти

наши «крепости». Так же, как Нимиц и Макартур во время Второй мировой войны использовали свои силы, базировавшиеся на островах, расположенных в глубине японских позиций. Только противник в нашем случае будет пользоваться трехмерным пространством. Поэтому поддерживать глубоко эшелонированную оборону мы не сможем. Единственное надежное средство нашей обороны — раннее обнаружение главных сил противника.

Даймек медленно наклонил голову. Лицо его ничего не выражало.

— Продолжай.

Продолжать? Неужели то, что он уже сказал, не искупает затраты двух часов?

— Ну, я и подумал, что даже это не может служить панацеей от грядущего поражения, так как неприятель может распылить свои силы, разделить их на несколько флотов. И если мы даже перехватим девяносто девять кораблей из каждых ста, то у противника все же останется одна эскадра, чего вполне достаточно, чтобы покончить с Землей. Нам хорошо известно, какую огромную территорию может сжечь один-единственный корабль. Это мы видели на примере того корабля жукеров, который начал жечь Ки-

тай. Ну а десять кораблей способны за один день уничтожить все наши главнейшие городские центры. Ведь мы держим все наши яйца в одной корзине.

— И все это ты почерпнул у Вобана? — спросил Даймек.

Наконец-то! Кажется, любопытство учителя начинает засыпать.

— Да, из того, что я почерпнул у Вобана, а еще больше из размышлений о проблеме обороны вообще.

— Понятно, — произнес Даймек. — И каковы же твои выводы и предложения?

Предложения? Что этот чертов Даймек думает обо мне, Бобе? Я же думаю лишь о том, как выяснить кой-какие секреты Боевой школы, а вовсе не как спасти мир!

— Я не думаю, что решение существует. — Боб откровенно тянул резину, но сказав эту фразу, он уже начал верить в то, что говорил. — Вообще нет никакого смысла защищать Землю. В конце концов, если у жукеров нет какого-то неизвестного нам средства — например, невидимого силового поля, которым можно прикрыть всю планету или чего-то в этом роде, — то наш враг незащищен точно так же, как и мы. Тогда единственная

стратегия, в которой есть смысл, — нанести упреждающий удар по их планете! Послать наш флот к ним. На их главную планету и уничтожить ее.

— А что, если наши флоты разойдутся в космической тьме? Что, если мы уничтожим оба наших мира и у нас останутся только экипажи уцелевших кораблей?

— Нет, — сказал Боб, чей мозг работал с бешеной скоростью. — Такого не произошло бы, пошли мы наш флот к планете противника немедленно после завершения Второй войны с жукерами. Когда ударные силы Мейзера Ракхейма разбили их флот, должно было пройти довольно длительное время, чтобы известие о нашей победе достигло родной планеты жукеров. Так что если бы мы сумели быстро бросить наши боевые корабли против их мира, то новость о гибели флота пришла бы к жукерам почти одновременно с началом нашей смертельной для них атаки.

Даймек закрыл глаза.

— Вот, значит, что ты нам советуешь!

— Нет! — воскликнул Боб, до которого внезапно дошло, что он во всем прав. — Этот флот давно послан! Еще не родился никто из обитателей этой станции, как флот был брошен в космос!

— Любопытная теория, — сказал Даймек, — но,

разумеется, ошибочная во всем.

— Ни в чем я не ошибся! — Боб знал, что он прав потому, что выражение спокойствия сползло с лица Даймека как маска, а на лбу выступил обильный пот. Боб попал в самую десятку чего-то очень важного, и Даймек отлично это знал.

— Я хочу сказать, что твоя, Боб, теория верна — насчет трудности обороны в космосе. Но хотя задача и трудна, нам приходится создавать и поддерживать оборонительную систему, чем и занимаемся именно мы, и почему вы — курсанты — находитесь здесь. Что же до флота, который, по твоим предположениям, мы будто бы запустили, то Вторая война с жукерами истощила ресурсы человечества. Кроме того, на постройку такого флота потребовалось бы слишком много времени. Да еще, не забудь, нам было бы нужно новое, гораздо более совершенное вооружение для этой решающей битвы. И если ты так много сумел извлечь из Вобана, то из того же источника ты должен был почерпнуть и такую мысль: нельзя строить больше, чем позволяют ресурсы, необходимые для выживания народа. Наконец, твоя теория предполагает, что нам известно, где находится родная планета жукеров. Вообще же твой анализ великолепен, особенно в той его

части, где ты оцениваешь стратегический аспект проблемы, с которой мы столкнулись.

Даймек встал с койки.

— Приятно знать, что твое учебное время не полностью растрачено на тщетные попытки взломать нашу компьютерную систему, — сказал он. Послав эту парфянскую стрелу, Даймек вышел из казармы.

Боб тоже поднялся и поспешил к собственной койке, чтобы одеться. Времени на душ не оставалось, но это ничего не значило. Ибо тем, что Боб сказал Даймеку, он попал прямо в точку. Вторая война с жукерами не истощила ресурсов человечества. В этом он был абсолютно уверен. Трудности проблемы обороны Земли стали столь очевидны, что МКФ не мог не наткнуться на единственное верное решение, особенно сразу же после войны, которая была выиграна буквально чудом. Они знали, *куда* надо отправить флот. Они его построили. Они его отправили. Флот исчез. И предположить, что дело не обстоит именно так, было просто дико.

Но тогда к чему все эти глупости с Боевой школой? Неужели Даймек говорит правду и Боевая школа нужна для создания оборонительного пояса вокруг Земли, чтобы отразить новое нападение

вражеского флота, который мог разминуться с нашим флотом вторжения где-то в пути?

Если бы это была правда, не было бы необходимости держать все в тайне. Ведь вся пропаганда на Земле нацелена на то, чтобы заставить каждого землянина трудиться, дабы подготовиться к грядущему вторжению жукеров. Так что Даймек взял да и повторил сказочку, которую МКФ плетет народам Земли вот уже третье столетие. И все же Даймек стал мокрым как мышь, а это ясно говорит: его версия — чистое вранье.

Оборонительный флот, размещенный на базах вокруг Земли, полностью укомплектован, ибо решение проблем такого рода хорошо известно. Нормальная смена состава и пополнения кадров здесь вполне отработана. Оборонительная война не требует особого блеска от командного состава. Тут важнее внимательность, настороженность, осмотрительность, поддержание должного уровня снабжения, раннее обнаружение противника и его перехват. Успех определяется не столько качеством командного состава, сколько количеством готовых к действию кораблей и их вооружением. Боевая школа могла иметь значение только в контексте наступательной войны, войны, где маневренность, стратегия и тактика

играют первенствующую роль. Но ведь атакующий флот давно ушел. По предположению Боба, решающее сражение, возможно, уже состоялось, и МКФ лишь ожидает сообщений о его результатах: выиграна битва или проиграна. Все зависит от того, сколько световых лет отделяют родную планету жукеров от Земли.

Можно даже предположить, думал Боб, что война окончена, МКФ знает, что мы победили, но почему-то об этом не оповещает.

Причина очевидна. Единственная вещь, которая прекратила войны на Земле и временно объединила человечество, это возникшая общая цель — отразить новое вторжение жукеров. Как только станет известно, что угрозы со стороны жукеров больше не существует, загнанная вглубь вражда и ненависть вырвутся наружу. Будет ли это поход мусульманского мира против Запада, или разворот долго сдерживаемой агрессии русского империализма против Атлантического Альянса, или авантюризм Индии, или… все они разом, неизвестно. Хаос. Огромные ресурсы МКФ будут разорваны на части адмиралами — выходцами из различных стран или политических клик. Резонно предположить, что результатом станет уничтожение Земли. И без всякой помощи

муравьеподобных.

Вот это и пытается предотвратить МКФ. Страшную каннибальскую войну, которая последует. Предотвратить то, что выпало на долю Рима, который был разорван на части гражданскими войнами сразу после падения Карфагена. Только теперь хуже: оружие стало страшнее, а ненависть глубже — межнациональная, межрасовая, а не жалкие дрязги между знатными родами Рима.

И МКФ намерен остановить такое развитие событий.

В этом контексте существование Боевой школы обретало глубокий смысл. Уже многие годы чуть ли не каждый ребенок на Земле подвергается тестированию, выявляющему детей с высоким командным потенциалом. Таких ребят забирают из родных домов и направляют в космос. Лучшие из выпускников школы и наиболее лояльно настроенные по отношению к МКФ смогут стать командующими армиями, когда МКФ объявит, что война кончилась, а затем нанесет превентивный удар по национальным армиям, чтобы снова объединить мир под единым командованием, а потом, возможно, и под единым правительством. Но главная задача Боевой школы — забрать всех талантливых людей с Земли, чтобы они не смог-

ли стать во главе армий отдельных стран или даже союзов стран.

В свое время, когда все ведущие страны Европы вторглись в революционную Францию, ее правительство оказалось в ужасном положении. Пришлось открыть и выдвинуть Наполеона, хотя в конце концов он вместо того, чтобы защищать правительство, сам грубо захватил власть. МКФ решил вообще лишить Землю Наполеонов, чтобы ослабить будущее сопротивление. Все потенциальные наполеончики собраны здесь, одеты в дурацкие мундиры и сражаются друг с другом за первенство в идиотской Игре. Все они в «поросячьем списке». Имея нас, МКФ завоевал мир.

— Если ты не оденешься, то опоздаешь в класс, — сказал Николай — мальчик, занимавший самую нижнюю койку, прямо напротив Боба.

— Спасибо, — отозвался Боб, вешая сухое полотенце и натягивая комбинезон.

— Ужасно жаль, что я сказал им, что будто ты пользуешься моим паролем, — продолжал Николай.

Боб онемел.

— Я хочу сказать, что не знал, что это ты, но они начали меня расспрашивать, зачем мне

понадобились планы станции, сделанные на случай аварии, а поскольку я не понимал, о чем речь, было ясно, что моим компьютером пользуется кто-то другой, а ты находишься в самом выгодном положении, чтобы подглядеть, как я включаю компьютер… И еще я считаю, что ты очень умный и ловкий. Но ведь это совсем не то, как если бы я пошел к ним и наябедничал на тебя или там донес…

— Все в порядке, — ответил ему Боб. — Нет проблем.

— Но я хотел спросить… Что ты там нашел? На этих планах?

Раньше Боб наверняка как-нибудь быстро отделался бы и от этого вопроса, и от этого мальчика. «Ничего особенного… я просто полюбопытствовал», — вот что он сказал бы. Но его мир внезапно изменился. Теперь контакт с другими детьми стал делом первостепенной важности. И вовсе не для того, чтобы продемонстрировать учителям свои задатки лидера, а ради того, чтобы, когда грянет война на Земле и планы МКФ провалятся, знать, кто его враги, а кто — друзья среди командиров национальных и партийных армий.

Ибо план МКФ обречен на провал. Он уже провален. Слишком сильно реализация этого

плана зависит от поведения миллионов солдат и офицеров, которые должны быть лояльны МКФ больше, чем своей родине. А такого быть не могло. Сам МКФ обязательно развалится на части, на фракции.

Впрочем, заговорщики должны знать об этой опасности. Число заговорщиков должно быть очень ограниченным. Возможно, триумвират из Гегемона, Стратега и Полемарха да нескольких людей из Боевой школы. Поскольку Боевая школа — сердце плана. Именно здесь глубоко изучались все наиболее одаренные командиры двух поколений. Здесь находились подробнейшие материалы на каждого из них — на самых одаренных, на самых талантливых. Какие у них слабости в характере, изъяны в командных способностях. Кто их друзья. Какие предпочтения. С кем можно говорить о том, чтобы возглавить командование в грядущих войнах между людьми, а кого следует взять, посадить под караул и держать так до окончания всесветной свалки.

Неудивительно, что они так перепугались, что Боб не желает принять участие в их дурацкой компьютерной игре. Это превращало его в неизвестную величину. И тогда он становился опасным.

Теперь Бобу особенно важно держаться от этой игры подальше. Не станет играть — их подозрительность возрастет, они испугаются, но в любой их акции будет пробел. Они пока слишком мало знают о Бобе. Если же он начнет играть, они станут менее подозрительны. Но если они все же решат предпринять против Боба какую-то акцию, то сделают это, используя информацию, полученную от игры. А Боб не был уверен, что способен «переиграть» хитрую игру. Даже если он будет давать им обманную информацию о себе, его стратегия сама по себе скажет им больше, чем ему хотелось.

Но есть и другая возможность. Он может ошибаться. По всем пунктам. Ведь может существовать ключевая информация, которой он не располагает. Может, даже флот, и тот никуда не отправлен. Может, они не уничтожили жукеров на их родной планете. Может, они в порыве отчаяния строят оборонительный пояс вокруг Земли. Может быть, может быть, может быть…

Бобу нужно получить новую информацию, которая подтвердила бы, что его выводы верны и что выбор, который он сделает на их основе, безошибочен. Вот тут-то и пришел конец изоляции Боба.

— Николай, — сказал он, — ты никогда не поверишь, что я нашел в этих планах. Знаешь, у нас не четыре палубы, а девять!

— Девять?

— И это только в этом «колесе». А ведь есть еще два, о которых нам не говорят.

— Но ведь рисунки и фото показывают только одно?

— Эти снимки были сделаны давно, когда «колесо» было одно. А на планах их три. Они параллельны друг другу и вращаются синхронно.

Николай задумался.

— Но ведь это всего-навсего планы. Может, дополнительные «колеса» не были достроены.

— Тогда зачем проектировщики составили на них планы действий при аварийных ситуациях?

Николай расхохотался.

— Мой отец всегда говорит, что бюрократы никогда ничего не выбрасывают.

Конечно! Почему же это не пришло ему в голову? Планы на случай грядущей аварии были, безусловно, созданы еще до того, как было построено первое «колесо». Значит, спроектированные второе и третье «колеса» по какой-то причине не были сооружены, так что для 2/3 аварийных планов не оказалось стен, на которых они бы

могли появиться.

Никто и никогда не войдет туда, чтобы стереть пыль…

— Я об этом не подумал, — сказал Боб. Он знал, что с учетом своей репутации блистательного ученика он делает Николаю богатый подарок. Это тут же подтвердила реакция других ребят, сидевших на соседних койках. Никому из них не приходилось подолгу разговаривать с Бобом, никто никогда не придумывал такого, чего Боб не придумал бы раньше его. Николай покраснел от удовольствия.

— А вот девять палуб — это понятно, — сказал Николай.

— Хотел бы я знать, что на них находится, — отозвался Боб.

— Во-первых, системы жизнеобеспечения, — вызвалась девочка по имени Корн Мун. — Где-то же добывают кислород. Для этого нужно много растений.

Вмешался еще один мальчик:

— А штат прислуги? Мы же видим только учителей да диетологов.

— А может, они все-таки достроили «колеса»? Откуда нам знать?

Догадки бежали от одного к другому, как огонь-

ки. А в центре этого круга был он — Боб.

Боб и его новый друг Николай.

— Пошли, — сказал Николай. — Как бы на математику не опоздать.

Часть третья. Ученый
9. В саду Софии

— Итак, он узнал, сколько у нас тут палуб. Что он может сделать с такой информацией?

— Да, это важный вопрос. Что он такое планирует, если ему понадобились подобные исследования? До сих пор за всю историю школы числом палуб никто не интересовался.

— Вы думаете, он планирует революционный переворот?

— Все, что мы знаем об этом ребенке, это то, что он выжил на улицах Роттердама. Я слыхал, что это почти точная модель ада. Дети жестоки. Они могут вытворять такое, что «Повелитель мух» покажется всего лишь «Поллианной»[13].

— Вы читали «Поллианну»?

— Разве это книга?

— А как он может замышлять переворот? У него же нет друзей?

— Я о революции слова не говорил. Это целиком

---

[13] Примечания: 13

«Повелитель мух» — роман Уильяма Голдинга — жесткая философская притча о детях, попавших на необитаемый остров. «Поллианна» — роман Элеонор Портер; назван по имени героини, являющейся олицетворением оптимизма и душевного спокойствия.

ваша теория.

— Нет у меня теории. А мальчишку этого я не понимаю. Я вообще был против его появления у нас. Думаю, его надо отправить обратно.

— Нет!

— Нет, СЭР, так, видимо, хотели вы сказать?

— После трех месяцев пребывания в школе он сумел самостоятельно прийти к выводу, что оборона в космосе лишена смысла и что мы должны были послать флот к родной планете жукеров сразу же после окончания последней войны.

— Он знает ЭТО? И вы являетесь ко мне со сказочками насчет того, что ему известно число палуб на станции!

— ,Он не знает. Он догадался. Я сказал ему, что он ошибся.

— Очень надеюсь, что он вам поверил.

— А я уверен, что он сейчас пребывает в сомнениях.

— Тем больше оснований отправить его на Землю. Или на какую-нибудь заброшенную базу в космосе. Вы понимаете, что случится, если произойдет утечка секретной информации?

— Все зависит от того, как он воспользуется этой информацией.

— Но мы же ничего о нем не знаем, поэтому

не можем строить даже догадок о том, как он ее использует.

— Сестра Карлотта…

— Вы что — со свету решили меня сжить? Эта женщина еще более непредсказуема, чем ваш карлик.

— Такой ум, как у Боба, не может быть выброшен только из-за страха утечки информации.

— Но и секретность не может быть пущена на ветер из-за одного-единственного, хотя бы и талантливого ребенка!

— Но неужели мы настолько глупы, что не сумеем создать еще нескольких слоев обманной информации специально для него? Давайте подберем ему нечто, что он примет за истину. Все, что нам нужно, так это придумать такую ложь, которую мы сочтем достойной того, чтобы он в нее поверил!

Сестра Карлотта сидела на скамеечке в крошечном садике, разбитом на террасе дома. От морщинистого старика-изгнанника ее отделял лишь низенький столик.

— Я всего лишь старый русский ученый, доживающий последние дни своей жизни на берегу Черного моря.

Антон глубоко затянулся своей сигаретой и вы-

пустил густую струйку табачного дыма, которая плыла над перилами в сторону Софии, добавив свой вклад в дело загрязнения воздуха, дрожащего над водой.

— Я не имею никаких властных полномочий, — сказала сестра Карлотта.

— Вы представляете для меня куда большую опасность. Вы связаны с МКФ.

— Никакой опасности вы не подвергаетесь.

— Это верно, но только потому, что я не собираюсь вам ничего рассказывать.

— Благодарю за откровенность.

— Вы цените откровенность, но я не уверен, что вам понравилось бы то, что я могу сказать о чувствах, которые рождает вид вашего тела в уме русского старика.

— Попытка шокировать монахиню — не слишком спортивная игра. Трофеев-то не будет.

— Значит, вы относитесь к монашеству серьезно?

Сестра Карлотта вздохнула.

— Вы думаете, что я приехала к вам, потому что кое-что знаю о вас, и поэтому не желаете, чтобы я узнала еще больше? Но я приехала, потому что не смогла узнать о вас ничего.

— То есть?

— Ничего. Я занималась определенными изысканиями для МКФ, и они дали мне краткие изложения статей, касавшихся исследований по изменению человеческого генома.

— И там оказалось мое имя?

— Наоборот, ваше имя ни разу не упоминалось.

— Быстро же они забывают!

— Но когда я обратилась к статьям тех ученых, которые там были упомянуты, а это были старые работы, написанные еще до того времени, когда секретная служба МКФ наложила на эти исследования свою лапу, я заметила определенную тенденцию. Ваше имя попадалось только в сносках. Но очень часто. А вот ваших собственных работ я нигде не обнаружила. Даже тезисов докладов и то нет. Значит, вы не публиковались.

— И тем не менее на меня ссылаются. Похоже на чудо, не так ли? А ведь вы — монахи — коллекционируете чудеса, верно ведь? Чтобы творить новых святых.

— К вашему сожалению, напомню, что причисление к лику святых производится только после смерти.

— Так у меня уже осталось только одно легкое, — сказал Антон. — Так что ждать уж не

долго, во всяком случае, если я буду продолжать курить.

— Но вы же можете и бросить?

— С одним легким требуется вдвое больше сигарет, чтобы получить искомое количество никотина. Поэтому приходится увеличивать число выкуренных сигарет, а не сокращать его. Все это очевидно, но вы рассуждаете не как ученый, а как верующая женщина. Думаете как законопослушный человек. Когда вы приходите к мысли, что нечто — зло, вы тут же начинаете избегать этого нечто.

— Ваши исследования касались генетических ограничений человеческого мышления.

— Да неужели?

— Сужу по тому, что именно в этом качестве вы присутствовали в сносках. Конечно, те статьи вовсе не были посвящены этой проблеме, иначе их бы тут же засекретили. Но названия статей — тех, что в сносках, тех, что вы никогда не писали, — все они касались этой тематики.

— Да, в карьерах ученых встречаются такие случаи: глядишь, а ты уже, оказывается, сгнил на корню.

— Так вот, я хочу задать вам один гипотетический вопрос.

— Мой любимый вид вопросов, идущий сразу за риторическими. Обожаю дремать, пока они формулируются.

— Предположим, что некто решил нарушить закон и изменить человеческий генотип с целью усилить мышление, повысить уровень интеллектуальности.

— В этом случае этот некто окажется в большой опасности — его поймают и накажут.

— Предположим, что, используя самые современные методы, он обнаружил определенный ген, который можно изменить еще в эмбрионе, благодаря чему получится ребенок с повышенным интеллектом.

— Эмбрион! Вы что — проверяете меня? Подобные изменения могут быть проведены только в яйцеклетке.

— И еще предположим, что, после того как эти изменения были проведены, ребенок родился. Он родился, вырос и его повышенная интеллектуальность была замечена.

— Надеюсь, вы говорите не о своем ребенке?

— Я вообще не говорю о конкретном ребенке. О гипотетическом. Как узнать, был ли он генетически изменен? Путем лабораторного анализа его генов?

Антон пожал плечами.

— А что вы узнаете, анализируя гены? Они будут совершенно нормальны.

— Даже несмотря на изменения?

— Это совсем крошечные изменения. Гипотетически говоря.

— В пределах естественных вариаций?

— Это как поворот выключателя: включил — выключил. Сам-то ген — он уже существовал, был.

— Какой ген?

— Для меня были интересны отклонения типа «счетчиков». Аутичные. Дисфункциональные. У них бывают необычайные умственные способности. Мгновенные сложнейшие вычисления. Феноменальная память. Но в других отношениях они умственно ослаблены. Даже отсталы. Квадратные корни из двенадцатизначного числа, но полная растерянность в магазине.

Как могут они быть такими блистательными в одном отношении и такими тупыми — в других?

— Значит, этот ген?

— Нет, другой, но он представлялся мне весьма перспективным. Человеческий мозг может стать умнее. Но при этом существует, как бы сказали вы… сделка…

— Взаимообмен?

— Ужасный обмен. Чтобы иметь такой интеллект, вы должны лишиться всего остального. Именно таким путем мозг аутичного «счетчика» добивается своих потрясающих успехов. «Счетчик» выполняет одну функцию, а все остальное его не интересует, отвлекает, мешает. Его внимание буквально *неделимо или нераздельно.*

— Так что в других сферах эти суперинтеллектуальные люди могут оказаться отсталыми?

— Ну, мы, во всяком случае, именно так и полагали. Исходя из собственных наблюдений. Некоторое исключение составляют так называемые мягкие «счетчики», которые все же способны сконцентрировать некоторую часть своих способностей на явлениях реальной жизни. И тогда я подумал… но я не могу вам сказать, о чем я подумал, так как на меня был наложен запрет…

И Антон беспомощно улыбнулся сестре Карлотте. Ее сердце упало. Тем, от кого можно было ожидать утечки секретной информации, в мозг имплантировалось крошечное приспособление, которое в случае возникновения сильного волнения, вызванного разговором на запретную тему, посылало в мозг волну паники. Такие люди подвергались периодической проверке, чтобы

убедиться, что разговор на запретную тему у них, как и раньше, вызывает достаточно сильное волнение. Разумеется, это было вторжение в частную жизнь, но если сравнить его с практикой заключения в тюрьмы или даже убийства людей, которым была доверена важная секретная информация, такое вторжение можно счесть вполне гуманным.

Это, разумеется, объясняло, почему сестре Карлотте казалось, что Антона все окружающее почему-то смешит. Ему приходилось быть таким. Если бы он позволил себе рассердиться или разволноваться, то есть если бы появилась сильная негативная эмоция, тогда на него немедленно могла бы обрушиться волна панического страха — даже если запретные темы и не затрагивались. Сестра Карлотта как-то читала статью, в которой приводились слова жены человека с таким же приспособлением. Она сказала, что их семейная жизнь никогда еще не была такой безоблачной и счастливой, так как ее муж ко всему относится спокойно и с мягким юмором. «Дети просто обожают его, а раньше они со страхом ждали его возвращения домой». Согласно автору статьи, эти слова были сказаны всего за несколько часов до того, как муж покончил с собой, бросившись с

высокой скалы. Жизнь, видимо, стала лучше для всех, кроме него самого.

И вот теперь сестра Карлотта встретила человека, который был лишен доступа даже к собственным воспоминаниям.

— Какой позор! — сказала сестра Карлотта.

— Подождите чуть-чуть. Я так одинок. Вы же сестра милосердная, верно? Сжальтесь над одиноким стариком и погуляйте со мной немножко.

Она хотела было отказаться и сразу уйти. Однако в этот момент он откинулся на спинку стула и стал дышать медленно, глубоко, регулярно, закрыв глаза и одновременно что-то тихонько мурлыча себе под нос.

Ритуал обретения спокойствия. Так… в тот самый момент, как он пригласил ее погулять, Антон, видимо, ощутил слабый приступ тревоги, который чуть не послал сигнал имплантированному приспособлению. Это значило, что в его приглашении было нечто серьезное.

— Конечно, я с удовольствием пройдусь с вами, — ответила сестра Карлотта. — Хотя, должна заметить, наш Орден почти не имеет дела с оказанием милосердия в индивидуальном порядке. Наши претензии куда амбициознее. Мы хотим спасти весь мир.

Антон хмыкнул.

— Если спасать по одному, то можно, пожалуй, и не успеть, так что ли?

— Мы отдаем наши силы наиболее крупным проблемам человечества. Спаситель умер, чтобы искупить наши грехи. Мы стараемся очистить других людей от последствий греховности.

— Очень любопытный религиозный поиск, — заметил Антон. — Вот и я пытаюсь понять, можно ли рассматривать мою прежнюю научную деятельность как служение человечеству или просто как грязь, которую кому-то вроде вас придется вычищать.

— Я тоже думала об этом, — отозвалась сестра Карлотта.

— А узнать нам не дано.

Они вышли из сада в аллею, которая тянулась позади дома, потом на улицу, перешли ее и двинулись по тропинке через неухоженный парк.

— Эти деревья очень стары, — заметила сестра Карлотта.

— А сколько лет вам, Карлотта?

— Субъективно или объективно?

— Держитесь григорианского календаря — он все же уточнялся позже.

— Этот отход от юлианского ваш русский желу-

док все еще не может переварить?

— Нам из-за этого дела пришлось свыше семидесяти лет называть Ноябрьскую революцию Октябрьской.

— Вы слишком молоды, чтобы помнить коммунистический режим в России.

— Наоборот, я слишком стар и держу в голове воспоминания всех своих родных. Я хорошо помню то, что произошло задолго до того, как я родился. Я помню даже события, которых вообще не было. Я живу в памяти.

— Приятное место для проживания?

— Приятное? — Его передернуло. — Мне приходится смеяться надо всем этим. Иначе нельзя. Там так сладко и так печально — все трагично и ни из чего не извлечено уроков.

— Ибо человеческая природа неизменна.

— Я пытался представить себе, как Бог мог бы выполнить свою работу получше, когда творил человека. По своему подобию, насколько я помню?

— Он сотворил мужчину и женщину. Автоматически вопрос о его собственном образе слегка затуманился, как считают некоторые.

Антон расхохотался и довольно игриво шлепнул ее по спине.

— Вот уж не думал, что вы можете подшучивать над такими вещами. Я приятно удивлен.

— Рада, что сумела немного скрасить ваше мрачное существование.

— Вот, и тут же воткнули шип в мою бедную плоть. — Они достигли места, откуда открывался вид на море, лишь чуть менее красивый, чем с террасы дома Антона. — Мое существование не такое уж мрачное, Карлотта. Ибо я могу в праздности радоваться зрелищу великого компромисса Господа Бога, который сделал нас такими, какие мы есть.

— Компромисса?

— Ну вы же знаете: наши тела могли бы жить вечно. Мы можем не стареть. Наши клетки живут. Они могут чинить себя, могут воспроизводить себя и заменяться новыми. Они являются механизмом, который может восстанавливать даже костную ткань. Менопауза вовсе не означает, что женщина больше не может рожать детей. Наш мозг не обязан разрушаться, теряя память о прошлом или способность усваивать новое. Но Бог уже при нашем рождении вкладывает в нас смерть.

— Вы, кажется, заговорили о Боге серьезно?

— Бог вложил в нас неизбежность смерти, но

он же дал нам и разум. У нас есть почти семьдесят лет или около того жизни, а если быть осторожными, то и девяносто. Говорят, что где-то в горах Грузии продолжительность жизни может достигать и ста тридцати, но лично я в это не верю. Они там все лгуны и наверняка бы поклялись, что вообще бессмертны, если бы от них не потребовали доказательств. Но жить мы могли бы вечно, если бы согласились прожить все это время дебилами.

— Не хотите ли вы сказать, что Бог, когда создавал человека, выбирал между долгой жизнью и интеллектом?

— Но ведь все это есть в вашей Библии, Карлотта. Два Древа — Познания и Жизни. Съедаете плод с Древа Познания и наверняка умираете. Съедаете с Древа Жизни — и остаетесь вечным *ребенком* в райском саду. Бессмертным.

— Вы рассуждаете в теологическом смысле, а я считала вас атеистом.

— Теология для меня шутка. Забавная. Я смеюсь над ней. Я могу говорить смешные вещи о теологии, разговаривая с верующими. Вы понимаете меня? Мне это приятно. Успокаивает.

Теперь она поняла. Яснее объясниться он не мог. Он выдавал ей ту информацию, за которой

она приехала, но в закодированном виде, в том виде, который обманет прослушивающих — а тут наверняка есть люди, следящие за ним, подслушивающие каждое его слово, — но он обманывает и собственный мозг. Шуткой. Поэтому Антон мог сказать ей правду и говорить столь долго, сколько он мог сохранять нужную форму разговора.

— Что ж, в этом случае я с удовольствием выслушаю ваши насмешки в адрес теологии.

— Книга Бытия повествует о людях, которые жили по девятьсот лет, но она умалчивает, как глупы были эти люди.

Карлотта рассмеялась нарочито громко.

— Вот почему Господь Бог утопил все человечество в своем небольшом потопчике, — продолжал шутить Антон. — Отделался от дураков и заменил их быструнчиками. Быстро-быстро-быстро шевелились их мозги, их метаболизм — тоже. Быстро-быстро — вперед к могиле.

— От Мафусаила, который прожил почти тысячелетие, до Моисея с его ста двадцатью годами, и к нам. Но у нас-то жизнь удлиняется?

— Я кончил, ваша честь.

— Разве мы становимся глупее?

— Мы стали такими дубинами, что скорее выберем для своих детей долгую жизнь, чем захотим

помочь им стать похожими на Бога… зная… добро и зло… зная… все… — Он схватился за грудь, задыхаясь. — О Боже! Господь на небеси… — Антон рухнул на колени. Дыхание стало учащенным и коротким. Глаза закатились. Он упал.

Видимо, держаться на самообмане дольше он не смог. Его тело все-таки поняло, что он выдает свой секрет этой женщине, говоря с ней на языке религии.

Карлотта перевернула Антона на спину. Теперь, когда он потерял сознание, волны охватившего его ужаса стали спадать. В конечном счете обморок не такая уж редкая вещь в возрасте Антона. И никакого особого героизма в том, чтобы прийти в себя, тоже нет. Во всяком случае, на этот раз. Очнется он совершенно спокойным.

Но где же люди, которые должны следить за ним? Где шпики, которые наверняка подслушивали их разговор?

Шорох тяжелых шагов по траве, по палым листьям.

— Что ж вы так задержались? — спросила она, не поднимая глаз.

— Извините, но мы такого никак не ожидали… — Этот человек был молод, но умным не казался. Имплантированный прибор должен

был удержать Антона от разговоров о себе. Так что держать при нем особо умных сторожей не было смысла.

— Я думаю, он скоро придет в себя.

— А о чем вы говорили?

— О религии, — ответила сестра Карлотта, помня о том, что ее слова обязательно будут сравниваться с записью их разговора. — Он иронизировал над Богом, будто тот неправильно создал человека. Говорил, что шутит, но я полагаю, мужчине в его возрасте не следует говорить о Боге в столь непочтительном тоне, правда?

— Страх смерти живет в них, — сказал проницательно молодой человек, желавший, вероятно, произвести впечатление мудреца.

— А вы не думаете, что он случайно спровоцировал атаку страха своей собственной боязнью смерти? — Она облекла свои слова в форму вопроса, чтобы они не могли рассматриваться как прямая ложь.

— Не знаю. Он, кажется, приходит в себя.

— Что ж, я не стану причинять ему беспокойство разговором на религиозные темы. Когда он проснется, скажите ему, что я бесконечно благодарна ему за нашу беседу. Заверьте его, что он раскрыл мне глаза на один из важнейших для

меня аспектов проблемы Божьего Промысла.

— Хорошо, я обязательно передам, — серьезно ответил молодой человек.

Конечно, он переврет все ее слова.

Сестра Карлотта наклонилась и поцеловала холодный потный лоб Антона. Потом поднялась на ноги и удалилась.

Итак, вот в чем секрет! Геном, который позволил человеческому существу обрести невероятно высокий уровень интеллектуальности, одновременно определял и убыстрение всех жизненных процессов. Развивался быстрее ум. Быстрее развивался и сам ребенок. Боб действительно был результатом экспериментального изменения гена гениальности. Ему дали плод с Древа Познания. И потребовали плату за это. Ему никогда не удастся попробовать плода с Древа Жизни. Что бы он ни делал со своей жизнью, ему надо делать это в юности, ибо он обречен на раннюю смерть.

Нет, не Антон проводил этот опыт. Не он разыгрывал Господа Бога, создавая людей, которые бы жили в сполохе интеллекта, в атмосфере интеллектуального фейерверка, а не как одинокая неспешно сгорающая свеча. Он всего лишь отыскал ключ, который Бог спрятал в геноме гениальности. Кто-то другой, какой-то его после-

дователь, какая-то ненасытно любопытная душа, загоревшаяся идеей передвинуть человечество на новую ступень эволюции, а может быть, поглощенная совсем иной безумной и оскорбительной мыслью, так вот этот другой сделал смелый шаг, повернув найденный Антоном ключ. Он открыл дверь и вручил Еве смертельный, но прекрасный плод. И вот благодаря этому поступку — этому змеиному склизкому преступлению — появился Боб, который и был незамедлительно изгнан из рая. Боб, который скоро умрет, но умрет как бог, познавший Добро и Зло.

10. Пролаза

— Ничем не могу помочь. Вы не дали мне нужную информацию, которую я у вас просила.

— Мы дали вам эти сволочные резюме.

— Вы дали мне ноль и прекрасно это знаете. А теперь заявляетесь ко мне и требуете дать характеристику Боба, абсолютно не говоря зачем. Вы ожидаете ответа, но не желаете вручить мне средства, которые необходимы для того, чтобы отыскать этот ответ.

— Огорчительно, не правда ли?

— Для меня — нет. Я просто не буду отвечать на

ваши вопросы.

— Тогда мы снимем Боба с программы.

— Если вы решились на это, то никакие мои ответы не изменят вашего решения, так как вы давно уже вбили себе в голову, что на мои слова нельзя полагаться.

— Вы знаете больше, чем говорите, и мне необходимо знать недосказанное.

— Это просто чудесно! Вы достигли полного равенства со мной, ибо ваша предыдущая фраза — точное повторение того, что я вам говорила уже много раз.

— И это по-христиански? Око за око?

— Неверующие всегда хотят, чтобы другие люди действовали по отношению к ним согласно христианским взглядам.

— А может быть, вы случайно забыли, что идет война?

— И опять же именно я говорила вам об этом. Идет война, а вы обносите меня оградой глупейшей секретности. Поскольку нет даже микроскопического признака возможности, что муравьеподобные шпионят за нами, то эта секретность никак не связана с войной. Тогда она связана с Триумвиратом, который стремится укрепить свою власть над Человечеством. Я ни

в малейшей степени в последнем не заинтересована.

— Вы ошибаетесь. Эта информация засекречена, чтобы предотвратить проведение кое-каких жутких экспериментов над людьми.

— Только болван закрывает дверь хлева, когда волк уже внутри.

— А у вас есть доказательства, что Боб — результат генетического эксперимента?

— Как я могу доказать это, если вы прячете от меня все доказательства? Кроме того, дело не в том, изменены ли у него гены, а в том, как эти генетические изменения, если они и в самом деле были произведены, могут влиять на его поведение. Все ваши тесты направлены на то, чтобы получить возможность предугадывать поведение нормальных людей. Они могут не годиться для Боба.

— Если он непредсказуем, значит, на него нельзя положиться. А следовательно, он нам не подходит.

— А что, если он и есть тот, кто может выиграть войну? Вы все равно выбросите его из программы?

В этот вечер Боб вообще предпочел бы отказаться от кормежки, поэтому он раздал почти

всю свою еду и вернул чистый поднос задолго до того, как поели остальные. Пусть диетологи что-нибудь и заподозрят, ему все равно нужно время, чтобы побыть одному в казарме.

Проектировщики станции поместили вентиляционные отверстия для оттока воздуха из помещений над дверьми, ведущими в коридор. Поэтому, если рассуждать логически, втекающий воздух должен проникать в комнату через вентиляционное отверстие в нижней части противоположной стены, то есть там, где стоят свободные койки. Поскольку такого отверстия не видно, значит, оно расположено прямо под одной из нижних коек. Боб не мог искать его, когда в казарме полно детей, так как никто не должен знать, что он почему-то интересуется вентиляцией. Теперь же, когда он оказался в казарме один, то немедленно улегся на пол и уже через несколько мгновений стал мудрить с вентиляционной решеткой. Она вынулась легко. Боб попытался вставить ее обратно, производя при этом как можно меньше шума. Это оказалось невозможно. Шума было предостаточно. Придется оставить ее лежать на полу. Он положил решетку рядом с отверстием, но так, чтобы не задеть за нее в темноте. Потом, чтобы полностью обезопасить

себя, вытащил решетку из-под койки и засунул ее под другую, стоявшую напротив.

Сделав это, Боб занялся своими обычными делами.

Итак, отложим до ночи, то есть до того времени, когда спокойное дыхание скажет, что все ребята уже спят.

Боб, подобно большинству мальчишек, спал нагишом, а потому его комбинезон не мог выдать его передвижений. Курсантам было приказано, выходя в туалет ночью, обертывать бедра полотенцем. Боб вполне логично решил, что полотенца также могут отслеживаться. Поэтому, когда Боб соскользнул на пол, он снял с вешалки полотенце, обернул его вокруг талии и только после этого направился к двери казармы.

Ничего особенного. Путешествия в туалет после того, как гасят свет, разрешены, они даже поощряются. Боб уже несколько раз за те ночи, что провел в Боевой школе, выходил в туалет. Все как обычно. И вообще хорошая мысль — отправиться в свое первое путешествие с пустым мочевым пузырем.

Когда он вернулся, то все, что мог бы заметить случайный бодрствующий, — это что мальчик с полотенцем на бедрах вернулся из туалета и

направляется к своей койке.

Только на этот раз Боб прошел мимо своей койки, бросил за нее полотенце, потом опустился на пол и скользнул под соседнюю. Если бы кто-то, проснувшись, заметил, что Боба и его полотенца нет, он решил бы, что Боб в туалете.

Пролезть в вентиляцию и на этот раз было делом не менее болезненным, чем в прошлый, но Боб сразу почувствовал, что упражнения не пропали зря. Он протиснулся в воздуховод и стал двигаться дальше крайне осторожно, стараясь избежать шума и не оцарапать кожу о металлические выступы. Ни к чему ему раны, которые потом придется объяснять.

Извиваясь ужом во тьме воздуховода, Бобу все время приходилось держать в уме общий план станции. Слабенький свет, проникавший в вентиляционную систему из каждой спальни, почти ничего не освещал, но зато давал возможность видеть расположение вентиляционных решеток. Впрочем, положение других казарм на той же палубе было не так уж и важно. Бобу нужно было либо подняться выше, либо опуститься ниже своей палубы, чтобы попасть туда, где жили учителя. Поскольку Даймек всегда приходил к ним чуть-чуть запыхавшимся, Боб сделал вывод, что

его палуба лежит ниже и Даймеку приходится карабкаться по трапу, а не скользить вниз по шесту.

Тем не менее у Боба не было желания сразу спускаться вниз. Ему надо было сперва выяснить, а сможет ли он потом подняться наверх, не попадет ли в ловушку, из которой нет выхода.

Так что когда Боб наконец миновал три спальни и добрался до вертикальной шахты, он первым делом попытался ощупать ее, желая определить, насколько она «свободнее» горизонтального штрека. Шахта оказалась заметно просторнее — Боб не смог дотянуться до ее дальней стенки. Зато боковые стенки сближались почти так же, как и в горизонтальном воздуховоде. Это было хорошо. Если не особо напрягаться — чтобы тело не стало скользким от пота, — можно было дюйм за дюймом подниматься вверх в распоре. Кроме того, в вертикальной шахте можно было смотреть прямо перед собой, а не отворачивать голову вбок.

Спуск оказался даже труднее подъема, потому что, начав скользить, было очень трудно остановиться. А ведь Боб знал, что чем ниже ты спускаешься, тем более тяжелым становится твое тело. Кроме того, ему все время приходилось ощу-

пывать стену, чтобы не пропустить следующий горизонтальный воздуховод.

Впрочем, долго отыскивать его на ощупь не пришлось. Боб увидел этот ход, так как в обоих направлениях он был хорошо освещен. У учителей не существовало столь жестких ограничений в пользовании электричеством, как у курсантов. Да и квартиры их были меньше, а вентиляционные отверстия располагались чаще, так что в воздуховод проникало немало света.

В первой комнате какой-то учитель еще не спал, а что-то набирал на компьютере. Плохо было то, что Боб, глядя сквозь вентиляционную решетку, сделанную на уровне пола, не мог видеть изображения на мониторе.

И так будет во всех комнатах. Такие вентиляционные ходы Бобу не годились. Надо было добираться до вытяжной части вентиляционной системы.

Обратно в вертикальную шахту. Сквозняк шел сверху, что означало — ему надо лезть наверх, если он хочет перейти из системы воздухоснабжения в систему воздухозабора. Боб надеялся, что пересечение систем произойдет до того, как он доберется до вентиляторов, и что, несмотря на темноту, он это пересечение обнаружит.

Руководствуясь направлением воздушного потока и становясь все легче и легче, Боб, миновав семь палуб, наконец достиг более широкого хода, отмеченного светящейся полоской. Вентиляторы ревели тут куда громче, но Боб их пока не видел. Не важно. Хоть бы из этого горячего сквозняка выбраться.

Дверь между обеими системами была хорошо обозначена. Вполне возможно, что она была оборудована какой-нибудь сигнализацией, которая срабатывает, когда дверь открывают. Впрочем, Боб в этом сомневался.

Такая вещь была бы уместна в домах Роттердама как защита от грабителей. Но на космических станциях взломщики вряд ли являются важной проблемой. Эта дверь могла иметь сигнал тревоги, только если подобными устройствами снабжались все двери станции. Впрочем, это он скоро установит.

Боб открыл дверь, проник в слабо освещенное пространство и закрыл дверь за собой.

Здесь можно было лучше понять структуру станции — бимсы, участки листовой обшивки. За этими изогнутыми листами металла лежал суровый ледяной космос. Ощущался холод, что казалось все же гораздо приятнее, нежели су-

хой жаркий ветер. Камеры подогрева, вероятно, находились где-то поблизости, но их изоляция — отличная, хотя строители и не посчитали нужным закачивать сюда подогретый воздух, рассчитывая, что некоторое количество тепла все же будет проникать сюда прямо сквозь стены. Такого холода Боб не помнил со времен Роттердама… но если учесть ту жалкую одежонку, в которой он появлялся на зимних улицах Роттердама, да ветры, дувшие с Северного моря, то, можно сказать, тут почти тепло. Боб даже рассердился на себя, что так избаловался и даже слабенькая прохлада его тревожит. И все равно от дрожи не мог удержаться. Ведь в Роттердаме он все же не ходил голышом.

Следуя за током воздуха, Боб взобрался по железной лесенке для ремонтников к вентиляторам, нашел тот, который отсасывал воздух изнутри станции, и стал спускаться по воздуховоду вниз. Легко нашел вторую дверь и вошел в главную вертикальную шахту.

Поскольку воздух в вытяжной системе не находился под давлением, ходы тут были заметно шире. Кроме того, здесь происходила фильтрация воздуха. Он очищался от грязи и пыли и достигал камер подогрева совершенно свежим и чистым.

Все это требовало полной доступности системы для ремонтников. Поэтому Боб уже не полз по узким воздуховодам, а довольно легко Спускался по лесенке главной шахты, свободно разбирая надписи и знаки, говорившие о том, к каким именно палубам открывается доступ.

Боковые ходы, строго говоря, не были настоящими воздуховодами. Это были пространства, лежавшие между потолком одного коридора и полом другого, находящегося над ним. Здесь была проложена электропроводка, трубы водопровода — холодного и горячего, трубы канализации. Горели тусклые «рабочие» лампочки, кроме того, эти проходы освещались через вентиляционные отверстия по обеим сторонам — через те самые узкие вентиляционные решетки, которые Боб видел во время своего первого путешествия.

Теперь Боб легко мог заглядывать в каждую учительскую комнату. Он крался вдоль стены, стараясь не шуршать — искусство, которое он усвоил, когда бродил по улицам Роттердама. Он быстро нашел то, что искал: учителя, который не спал. Правда, за столом тот уже не сидел. Этого человека Боб почти не знал, поскольку он отвечал за более взрослую группу новичков и не преподавал в тех классах, которые посещал Боб.

Учитель как раз направлялся в душ. Это значило, что он скоро вернется в комнату и, возможно, снова начнет работать, дав Бобу шанс узнать его имя и пароль.

Без сомнения, учителя часто меняют свои пароли и коды, и, стало быть, то, что Боб узнает, продержится недолго. Больше того, вполне вероятно, что попытка воспользоваться преподавательским паролем на ученическом компьютере может включить сигнал тревоги. Но Боб в этом сомневался. Здешняя система защиты была рассчитана на то, чтобы выделить курсантов и контролировать их поведение. Что касается преподавателей, то их поведение контролируется куда слабее. Нередко они работают со своими компьютерами в неурочные часы, довольно часто днем подключаются к компьютерам своих учеников, чтобы помочь им справиться с трудными заданиями или дать им доступ к более персонифицированной информации. Боб был почти уверен, что риск быть пойманным никак не перевешивает выгод, которые проистекают из овладения персональными паролями учителей.

Пока он ждал, раздались голоса в комнате, расположенной выше. Их почти можно было разобрать. Что ж, рискнуть пропустить возвра-

щение принимающего душ учителя?

Несколькими минутами позже Боб уже заглядывал в комнату… Даймека. Очень интересно. Даймек говорил с человеком, чье голографическое изображение висело в воздухе над письменным столом. Как понял Боб, это был полковник Графф. Начальник Боевой школы.

— Моя стратегия очень проста, — говорил Графф, — я сдался и дал ей доступ к тем материалам, о которых она просила. Она права: я не могу получить от нее надежные ответы, если не покажу тех данных, которые ей нужны.

— И она ответила вам?

— Нет, это делается не так скоро. Но она задала мне очень интересный вопрос.

— А именно?

— Является ли мальчик в полном смысле этого слова человеком?

— Ох, бросьте! Неужели вы полагаете, что он личинка жукеров, переодетая в человеческий костюм?

— Нет, конечно. Ничего общего с жукерами. Генетически улучшенный. Это может объяснить многое.

— Значит, все-таки человек!

— Вопрос спорный. Разница между шимпанзе и

человеком генетически не так уж велика. Между человеком и неандертальцем — почти ничтожна. Нужны ли большие изменения, чтобы на месте человека возник новый вид?

— С философских позиций это интересно, но практически…

— А практически мы не ведаем, что этот парень может выкинуть. На вид, к которому он принадлежит, у нас нет данных. Он примат, конечно, что определяет некоторые черты, но мы не знаем, каковы мотивации его поступков, которые…

— Сэр, при всем моем уважении к вам, рискну все же сказать, что он всего лишь ребенок. И он человек. Не инопланетянин.

— Вот это нам и надлежит установить, прежде чем мы решим, насколько можем ему доверять. И вот почему вы не должны спускать с него глаз. Если вам не удастся вовлечь его в ту мозговую игру, найдите другой путь, чтобы понять, как он тикает! Ибо мы не можем использовать его, пока не узнаем, насколько он заслуживает доверия.

Забавно, что они в разговорах между собой называют эту штуку мозговой игрой, подумал Боб.

И тут он понял, о чем они говорят. «Вовлечь его в мозговую игру». Насколько Бобу было известно — он единственный ученик в Боевой школе,

который не играет в игру-фэнтези. Они говорят о нем! Новый вид? Генетически измененный? Боб слышал, как сердце неистово стучит в его груди. Кто я? Не только умный, но и… другой?

— А как же с нарушением секретности? — спросил Даймек.

— Вот еще один вопрос. Вы должны выяснить, что ему еще известно. И насколько вероятно, что он выдаст эту информацию другим ребятам. В настоящее время главная опасность именно в этом. Может оказаться, что этот парнишка, став командующим, который нам так необходим, вполне оправдает риск разглашения секретной информации и даже крушения всей программы. Я всегда считал, что, имея Эндера, мы можем пойти на риск сделать ставку на него по принципу «Все или ничего», а появление этого парнишки может резко повысить наши шансы на выигрыш.

— Вот уж никогда не думал о вас как об игроке, сэр.

— А я не игрок. Но бывает и так, что обстоятельства заставляют нас включиться в игру.

— Я примажусь к вашей ставке, сэр.

— Зашифруйте все, что вы мне прислали. Никаких имен. Никаких обсуждений с другими преподавателями, кроме самых обычных вещей.

— Разумеется.

— А если единственным средством уничтожения жукеров станет замещение нас новым видом, Даймек, то можно ли будет говорить, что мы спасли человечество?

— Один ребенок — это еще не смена видов, сэр, — ответил Даймек.

— Чья-то нога уже просунута в дверь. Верблюд уже сунул свой нос в вашу палатку. Дай им палец, они…

— Им, сэр?

— Да. Ладно. У меня паранойя. И ксенофобия. Но именно по этой причине мне и дали эту работу. Станете культивировать эти вирусы в себе, Даймек, и вы доберетесь до моего нынешнего кресла.

Даймек рассмеялся. Графф — нет. Изображение его лица исчезло. Как ни интересен был подслушанный разговор, Боб все же не забыл о возможности подсмотреть компьютерный пароль ушедшего в душевую учителя. Он прокрался обратно к его комнате. Того еще не было.

О каком нарушении режима секретности они говорили? Должно быть, оно произошло недавно, раз они обсуждали этот факт с такой горячностью. Вполне возможно, речь идет о разговоре Боба с

Даймеком о делах в Боевой школе. И, видимо, его догадка, что сражение уже произошло, не может быть этим нарушением, так как тогда Графф и Даймек не стали бы говорить о единственном возможном способе покончить с жукерами. Раз жукеры еще не уничтожены, то нарушение секретности — что-то другое. Вполне возможно, что его первая догадка верна лишь частично и Боевая школа существует затем, чтобы в первую очередь лишить Землю хороших офицеров, а затем уж нанести поражение жукерам. Графф и Даймек боятся, что Боб выдаст эту тайну другим ребятам. У многих из них тогда возникнет необходимость пересмотреть свое отношение к школе в свете тех идеологических, религиозных или национальных предпочтений, которыми обладают их родители.

И поскольку Боб и в самом деле думал о том, как в течение ближайших месяцев, а может, даже и лет испытать лояльность других ребят, ему теперь нужно быть особенно осторожным, чтобы не дать повода учителям обратить внимание на подобные разговоры. Все, что ему важно знать, — это какие из лучших и наиболее талантливых ребят обладают прочной привязанностью к дому. Правда, для этого сам Боб должен понять, что

это за штука такая — патриотизм, а потому ему следует выработать теорию, какими средствами можно укрепить или ослабить этот самый патриотизм, а может, даже и поменять в нем знак с плюса на минус.

То, что первая догадка Боба могла объяснить слова офицеров, вовсе не давало права автоматически считать ее верной. А то, что последняя война с жукерами еще не закончена, тоже вовсе не значило, что его догадка целиком неверна. Они могли, например, послать флот к родной планете жукеров годы назад, а сами продолжали готовить командиров, задача которых заключалась в перехвате флота вторжения, который уже приближается к Земле. В этом случае нарушение режима секретности, которого так боялись Графф и Даймек, могло привести к тому, что Боб напугает детей, объяснив им, в каком тяжелейшем положении находится наша планета.

Ирония заключалась в том, что все дети, с которыми был до сих пор знаком Боб, не умели держать язык за зубами. Даже Ахилл выдал свои намерения Бобу тем, что отказался брать хлеб у Недотепы. Боб умел хранить тайну, но он знал, что иногда приходится делать намек на то, что тебе известно, чтобы получить дополнительную

информацию. Именно это и произошло в разговоре Боба с Даймеком. Ситуация деликатнейшая, но если иметь в виду перспективу, то если Бобу удастся удержать учителей от попытки выслать его со станции, чтобы заставить молчать, или, уж если на то пошло, то и от попытки убить его, в настоящее время он обладал гораздо более ценной информацией, нежели та, которую они получили от него. И еще он узнал немало интересного и полезного, так что его выигрыш был огромен.

Теперь о себе. Вот ведь загадка — кто он такой? Глупо ломать голову над вопросом — человек ли он? А кем еще он *может быть?* Он еще никогда не видел ребенка, чьи желания или эмоции Боб не разделял бы. Разница была только в одном: Боб был сильнее и не позволял своим преходящим эмоциям и пристрастиям управлять своими действиями. Разве это делало его чужаком? Он был человек, только лучше многих.

Учитель между тем вернулся из душевой в свою комнату. Повесил мокрое полотенце, потом, даже не одеваясь, сел за стол и включил компьютер. Боб внимательно наблюдал за движением его пальцев, бегающих по клавишам. Быстрота была удивительная, движения почти сливались. Бобу предстояло позже несколько раз проиграть в уме

записанные в памяти движения, чтобы узнать — получилось ли. Руки были видны хорошо, клавиатуру ничто не закрывало.

Потом Боб осторожно пополз к вертикальной шахте воздухозабора. Его ночная экспедиция продолжалась так долго, что он уже стал побаиваться. Ему надо было еще выспаться хорошенько, а каждая лишняя минута пребывания в вентиляционной системе повышала риск быть обнаруженным.

Надо сказать, ему здорово повезло в эту первую ночь похода по вентиляционной системе. Случайно подслушал разговор Граффа и Даймека, непосредственно его касавшийся, случайно наткнулся на учителя, показавшего Бобу секретные данные о работе личного компьютера, в том числе и свой пароль. В какой-то момент Боб даже засомневался — уж не знали ли они о его проникновении в вентиляционную систему и, может быть, все это всего лишь розыгрыш с их стороны, чтобы узнать, как будет действовать Боб? Еще один эксперимент?

Нет! В том, что учитель продемонстрировал ему работу своего компьютера, была не просто удача! Боб сам выбрал его, потому что тот пошел мыться, потому что стол стоял так, что Боб мог

легко рассмотреть клавиатуру. Это был вполне обоснованный выбор самого Боба. Он начал игру с хорошими козырями и сорвал банк.

Что до Граффа и Даймека, то тут Бобу повезло, что он услышал их голоса, но и тут присутствовал его выбор: он пополз, чтобы лучше слышать и видеть разговаривающих. А если подумать поглубже, то он отправился исследовать систему вентиляции из-за тех же самых событий, которые побудили Граффа и Даймека встретиться для конфиденциального разговора. И отнюдь не случайностью было то, что они разговаривали тогда, когда погас свет в детских казармах, то есть когда жизнь в школе стала затихать, когда служебные обязанности офицеров кончились, когда было проще найти возможность для разговора, когда Граффу не нужно было назначать специальное время для беседы с Даймеком, что могло вызвать пересуды среди других учителей. Нет, тут не просто везение и удача. Тут организатором удачи был сам Боб. Он получил пароль, он подслушал разговор потому, что принял быстрое решение пролезть в систему воздухозабора и тут же выполнил его. Он всегда организовывает удачу.

Может, именно это качество и есть один из результатов генной перестройки, которая так

интересует Граффа?

«Она», говорили они между собой. *Она* подняла вопрос о том, является ли Боб генетически человеком. Эта женщина имела какую-то информацию и нуждалась в дополнительных сведениях, и Графф сдался и предоставил ей доступ к необходимым фактам, до тех пор от нее скрытых. Это означает, что теперь Графф получит от нее больше информации, поскольку та начала получать новые факты. Больше данных о происхождении Боба.

А не сестра ли это Карлотта усомнилась в его человеческой природе?

Сестра Карлотта, которая плакала, когда они расставались, и он уезжал в космос? Сестра Карлотта, которая любила его как мать? Да разве могла она усомниться в нем?

Если они хотели обнаружить какого-то нечеловеческого человека, какого-то чужака в человеческом облике, они должны были пристально изучить эту монахиню, которая обнимала его как сына, а потом начала ходить кругами, распространяя о нем слухи, что, дескать, он не просто ребенок? Так сказать, обратная сторона феи из сказки о Пиноккио? Она прикоснулась к настоящему мальчику и превратила его в нечто

страшное и опасное?

Впрочем, вполне возможно, что это вовсе не сестра Карлотта — та женщина, о которой они говорили. Просто какая-то другая женщина. Его предположение насчет Карлотты может быть ошибочно, как и предположение, что последняя битва с жукерами уже давно имела место. Вот почему Боб никогда полностью не доверял своим догадкам. Он действовал сообразно с ними, но всегда был готов учесть возможность того, что интерпретация фактов может оказаться ошибочной.

К тому же его проблема состояла не в том, чтобы установить, действительно ли он человек. Кем бы он ни был, он все равно остается сам собой и действует так, чтобы не только остаться в живых, но и обрести как можно больше контроля над своим же будущим. Единственная опасность для него заключается в том, что учителей очень волнуют проблемы его возможных генетических особенностей. Поэтому задача Боба — казаться самым нормальным ребенком, и тогда их страхи в отношении этих особенностей исчезнут и развеются.

Только как это можно — притвориться нормальным? Его же взяли сюда не за то, что он

нормальный. Его взяли в Боевую школу за экстраординарные способности. Правда, они тут все такие. И школа наваливает на них так много, что неудивительно, если кое у кого крыша сдвинется набекрень. Как, например, у Бонзо Мадрида с его откровенной вендеттой в отношении Эндера Виггина. Так что казаться «нормальным» он не может, он должен быть «странным», но в рамках ожидаемых от него параметров.

Подделать это невозможно. Он еще не знает, какие именно признаки ищут учителя в поведении детей. Он может отыскать десять таких признаков, но так и не догадается, что еще девяносто остались им не замеченными.

Нет, то, что он должен делать, — это не действовать в ожидаемом направлении, а *стать* таким, каким, по их мнению, должен быть идеальный командир.

Когда Боб пробрался в казарму и вскарабкался на свою койку, он увидел, что на всю свою экспедицию затратил всего лишь час. Он взял компьютер и лежал, мысленно повторяя подсмотренные движения пальцев учителя по клавиатуре. Когда Боб наконец убедился, что у него получается нечто соответствующее здравому смыслу, он приказал себе спать.

И только тогда, уже почти задремав, Боб понял, каким должен стать его камуфляж идеального командира, с помощью чего он утишит их страхи, а сам завоюет безопасность и карьерное продвижение.

Он должен стать Эндером Виггином.

11. Папочка

— Сэр, я ведь просил о конфиденциальной встрече.

— Даймек находится здесь потому, что ваша небрежность в отношении соблюдения секретности сильно затруднила его работу.

— Нарушение режима секретности! Значит, вот почему вы хотите меня списать!

— В школе есть ребенок, который использовал ваш личный пароль для проникновения в преподавательскую компьютерную сеть. Больше того, он добрался до специальных файлов, в которых хранятся личные коды и пароли других учителей, что дало ему доступ к любому компьютеру на станции.

— Сэр, я абсолютно точно следую всем распоряжениям, в частности, я никогда не включаю компьютер перед слушателями.

— Так ведь все говорят, что они ничего подобного не делают, а потом оказывается, что это не совсем так.

— Извините меня, сэр, но Апханад ничего подобного не делает. Он сам мгновенно засекает тех, кто нарушает порядок. По-моему, он даже слегка повредился на соблюдении правил. Во всяком случае, у нас он в печенках сидит.

— Вы можете проверить все мои включения. Я никогда не включаю компьютер в учебные часы. Более того, я никогда его не включаю за пределами своей комнаты.

— Тогда как же парнишка смог получить ваш пароль?

— Мой персональный компьютер стоит на столе у меня в комнате. Разрешите воспользоваться вашим компьютером для демонстрации?

— Разумеется.

— Я сижу вот так. Спиной к двери, так что никто не может увидеть ничего. Я никогда не работаю в другом положении.

— Ладно, как я понимаю, в комнате нет окна, сквозь которое можно было бы подсмотреть?

— Нет, сэр, есть.

— Даймек?

— Есть окно, сэр. Взгляните. Вентиляция.

— Вы… что, всерьез хотите меня уверить, что он мог…

— Он самый крошечный из детей, которых мы…

— Значит, мой пароль украл этот маленький Боб?!

— Поздравляю вас, Даймек, вам все-таки удалось выпустить в воздух его имя.

— Очень сожалею, сэр.

— Ага! Еще одно нарушение секретности! Вы и Даймека отправите на Землю вместе со мной?

— Да никого я отправлять не собираюсь!

— Сэр, я считаю своей обязанностью подчеркнуть, что вторжение Боба в компьютерную сеть старших преподавателей предоставляет нам великолепную возможность…

— Иметь ученика, который копается в файлах, содержащих важнейшие сведения обо всех слушателях школы.

— Никак нет. Изучать Боба. Мы не можем сделать этого с помощью мозговой игры, но зато мы получаем другую, которую он выбрал сам. Мы будем следить за тем, куда он подключается, а главное — как он поступит с той могущественной силой, которую он подчинил себе.

— Но тот ущерб, который он…

— Он не причиняет никакого ущерба, сэр. Он не сделает ничего такого, что могло бы его выдать. Этот беспризорник по-уличному хитер. Ему нужна только информация. Ее он только рассматривает, но ни до чего не дотрагивается.

— Значит, вы его уже анализируете, так? И вы знаете, что он делает и когда?

— Я знаю одно: если есть такая история, которой мы можем его заинтересовать, то он должен натолкнуться на нее сам. Он ее должен украсть у нас. Поэтому я полагаю, что маленькое нарушение секретности послужит неплохим средством, чтобы залечить последствия куда более серьезного.

— Я думаю вот о чем: если он действительно ползает по воздуховодам, то не удалось ли ему подслушать что-либо еще более важное?

— Если мы перекроем вентиляцию, он сразу поймет, что попался, и уж тогда не поверит ничему из того, что мы попытаемся ему подбросить.

— И что же, я, значит, должен позволить какому-то паршивцу ползать по всей вентиляционной системе и…

— Скоро он не сможет этого делать. Он растет, а воздуховоды узки…

— Ну пока только это и утешает. И, к сожале-

нию, нам все еще необходимо убить Апханада за то, что он знает слишком много.

— Пожалуйста, сэр, заверьте меня, что вы всего лишь пошутили.

— Да, я пошутил. Вы скоро получите его в качестве слушателя, капитан Апханад. Тщательно следите за ним. Разговаривать о нем разрешаю только со мной. Он непредсказуем и опасен.

— Опасен! Маленький Боб?

— Это ведь он умудрился спереть ваш пароль, не так ли?

— И ваш тоже, сэр, при всем моем к вам уважении.

* * *

Боб изучил множество личных дел слушателей Боевой школы — он читал их штук по пять-шесть в день. Первоначальные баллы курсантов — результаты тестирования на Земле — были наименее интересным материалом, который там содержался. Каждый слушатель школы имел весьма высокие и примерно одинаковые баллы по всем тестам. Различия были несущественны. Собственные оценки Боба были самыми высокими, и разрыв между ними и оценками следующего за ним курсанта — Эндера Вигги-

на — был почти таким же, как и разрыв между показателями самого Виггина и следующего за ним. Разница между Бобом и Эндером составляла примерно полпроцента, а большинство других отставали от них на два-три балла.

Конечно, Боб знал многое, чего они знать не могли, и получить самые высокие показатели из всех возможных оценок ему было не так уж трудно. Он мог бы добиться еще большего, иметь еще более высокие баллы, но он достиг той границы, которую тесты могли выявить. Разрыв между ним и Эндером был на самом деле гораздо значительнее, но точно оценить его не представлялось возможным.

И тем не менее… Читая личные дела, Боб понял, что оценки тестов служили лишь средством обнаружения возможностей ребенка. В характеристиках учителей говорилось о таких вещах, как ум, интуиция, самооценка, способность налаживать контакты, побеждать оппонента в спорах, смелость, способность идти на риск, осторожность, умение сначала убедиться, а уж потом действовать, мудрость при выборе альтернативных решений. И, обдумывая это, Боб пришел к выводу, что во многих отношениях он может уступать ряду слушателей.

Эндер Виггин явно знал вещи, которых Боб не знал. Боб мог прийти к тому же решению, что и Виггин, он сумел бы даже разработать новые тактические приемы, чтобы скомпенсировать поведение командующего, который не пожелал бы его тренировать. Боб сумел бы, возможно, поступить как Виггин и привлечь к себе нескольких ребят, чтобы тренироваться вместе, ибо многие вещи не могут делаться в одиночку. Но Виггин принимал *всех* желающих безотносительно к их умению и возможностям, даже несмотря на то что тренироваться с таким множеством ребят в Боевом зале тяжело. Согласно записям учителей, Эндер тратил сейчас на тренировку других куда больше времени, чем у него уходило на самосовершенствование и отработку собственной техники. Конечно, это потому, что он сейчас не состоял в армии Бонзо Мадрида и ему как-то приходилось компенсировать отсутствие регулярных тренировок. И все равно он продолжал работать с малышами, особенно с энтузиастами из новичков, которые хотели отличиться еще до того, как попадут в настоящую армию.

Делает ли Виггин то же самое, что и я, стремясь изучить других курсантов, чтобы быть готовым к грядущей гражданской войне на Земле? А мо-

жет, он учит ребят неправильно, чтобы потом воспользоваться их ошибками?

Из того, что Боб слышал о Виггине от ребят из его группы новичков, ходивших к Эндеру на тренировки, Боб пришел к выводу, что тут имело место нечто совсем другое. Виггин, по-видимому, по-настоящему заботился о малышне, которая выкладывалась на тренировках. Неужели для него так важно, чтоб его любили? Потому что это получалось — если допустить, что он стремился именно к этому. Его обожали.

Но и в случае «любовного голода» тут присутствовало что-то еще, что-то гораздо более важное. Только Боб никак не мог понять, что же это такое.

Боб нашел, что заметки учителей хоть и полезны, но не могут помочь ему очутиться в голове Виггина. Во-первых, учителя держали выводы из анализа мозговой игры где-то еще, куда Боб доступа не имел. Во-вторых, учителя тоже не умели проникать в мысли Виггина, потому что мыслили на совершенно ином уровне.

А Боб мог.

Но проект Боба заключался совсем не в том, чтобы из научного любопытства анализировать Виггина, или соревноваться с ним, или даже про-

сто понять его. Цель была в том, чтобы сотворить из себя такого же мальчика, которому учителя верили и на которого они полагались бы. Словом, считали бы стоящим парнем. В этом проекте Виггин становился учителем Боба, ибо Виггин уже сделал то, что хотел сделать Боб.

И сделал Виггин это, не будучи стопроцентным идеалом. Насколько мог судить Боб, Эндер не был стопроцентно психически здоров. Впрочем, кого тут в школе можно было считать таковым? Но готовность Виггина ежедневно тратить несколько часов на тренировку детей, которые для него ничего не делали… Чем больше Боб размышлял об этом, тем более бессмысленным ему казалось поведение Виггина.

Виггин не создавал организации, которая бы его поддерживала. В отличие от Боба, он не имел идеальной памяти, и Боб был уверен, что он не держит у себя в уме детальное досье на каждого слушателя школы. Ребята, с которыми работал Виггин, вовсе не были из лучших, часто это были самые запуганные и задерганные новички или слабаки из регулярных армий. Они липли к Виггину. Потому что им казалось — быть в одной команде с солдатом, лидирующим по рейтингу, принесет им удачу. Но почему Виггин продолжа-

ет отдавать свое время *таким* ребятам?

А почему Недотепа умерла за меня?

Все тот же вопрос. Бобу он был прекрасно известен. Он отыскал в библиотеке несколько томов по проблемам этики и прочел их, вызвав на компьютер. Он скоро открыл: теории, объясняющие альтруизм, — чушь собачья. Самым идиотским было старинное социобиологическое объяснение насчет дядей, умирающих за племянников. В теперешних армиях не существовало родственных связей, а люди гибли куда чаще и все — за чужих людей. Теория общинности была еще куда ни шло, если не рассматривать ее внимательно. Она объясняла, почему общины всегда восхищались героями, воспевая их в сагах, прозе, ритуалах, но никак не помогала понять, почему герои жертвовали собой.

А ведь именно это и видел Боб в Виггине. Героя по призванию.

Он и в самом деле заботился о себе меньше, чем об этих ребятах, которые не стоили и нескольких минут его времени.

И именно эта особенность привлекала к Виггину всех и каждого. Вероятно, по той же причине, если судить по рассказам сестры Карлотты, Христос всегда был окружен последователями.

Возможно, потому-то я и боюсь Виггина. Потому что не я чужой, а он. Его нельзя постичь умом, он непредсказуем. Он тот, кто никогда не поступает по холодному расчету, чьи мотивации не всегда предсказуемы. Я хочу выжить, и как только вы это усвоите, дальше обо мне и знать ничего не надо. А этот Виггин может выкинуть любую плешь.

Чем больше Боб изучал Виггина, тем больше непонятного он обнаруживал. И тем больше ему хотелось поступать как Виггин до тех пор, пока он в какой-то момент не увидит мир с точки зрения Виггина.

Но даже идя по стопам Виггина, хоть все еще на большом расстоянии от него, Боб никак не мог решиться на одну вещь — ту, что делали самые занюханные малыши. Он не мог решиться назвать его Эндером. То, что Боб называл его только по фамилии, определяло дистанцию между ними. Хотя сама-то дистанция была микроскопической.

А что изучал Виггин, читая в свое свободное время? Не книги по военной стратегии и истории, которые Боб глотал залпом вначале, а теперь читал медленно и со вкусом, выуживая все, что могло иметь отношение к войнам в космосе и современным сражениям на Земле. Виггин тоже

читал это, но когда он шел в библиотеку, он с равным успехом мог взять видики о сражениях или же съемки боевых кораблей жукеров. Эти ленты и клипы об ударных силах Мейзера Ракхейма в героической битве, которой закончилась Вторая война с жукерами, Виггин смотрел по многу раз.

Боб тоже их смотрел, хоть и не так часто. Он их так великолепно запомнил, что мог запросто прокручивать в своем мозгу с достаточным количеством деталей, так что иногда перед ним всплывали в памяти какие-то мелочи, не замеченные раньше. Видел ли Виггин, без конца просматривая эти клипы, каждый раз что-то новое? Или искал в них нечто, что надеялся найти?

А может, он старался понять, как тикает мозг жукеров? Но разве он не понимает, что эта библиотека не имеет в своих фондах нужных материалов, а тех, которые там есть, явно недостаточно для анализа? Это же все пропагандистское говно. Из них вырезаны жестокие сцены убийства людей, схваток врукопашную, когда корабли жукеров брались на абордаж. И не было тут картин наших поражений, когда жукеры сбивали с неба наши корабли. Все, что тут было, — это корабли, блуждающие в космосе, да несколько минут их подготовки к битве.

Война в космосе? Такая волнующая в живописных романах и такая нудная в реальности. Иногда что-то вспыхнет, подобно молнии, а преимущественно царит вечная ночь.

И, конечно, оглушительный момент победы Мейзера Ракхейма.

Что же надеялся найти здесь Виггин?

Сам Боб больше узнавал из умолчаний, нежели из того, что ему совали под нос. Например, почему нигде нет ни единого снимка Мейзера Ракхейма? Нигде в библиотеке. Очень странно. Повсюду лица Триумвирата, каких-то командиров и политиканов. А почему Ракхейма нет? Может, он погиб в минуту победы? А может, он вообще фикция? Рукотворная легенда — надо же кому-то приписать победу? Но почему ему тогда не сделали лица — это же проще простого. Может, он изувечен?

А может, он был очень-очень мал?

Если я доживу до командующего земным флотом, который разобьет жукеров, неужели они упрут и мой портрет, потому что такого недоноска не нужно превращать в героя?

А мне-то до этого и дела нет! Чихал я на геройство!

Такой кайф — он только для Виггинов, это уж

точно!

Николай — тот парнишка, который занимает койку прямо напротив Боба. Достаточно близко, чтобы высказать несколько догадок, которые не успел «озвучить» сам Боб.

Учитель оценил его негативно: «Просиживает стул». Жестоко сказано. Но верно ли?

Боб понимал — он слишком доверяет оценкам преподавателей. А есть ли у меня реальные доказательства, что они правы? Или я верю им потому, что меня они оценивают высоко? Может, их лесть сделала меня самодовольным болваном?

А что, если их оценки безнадежно ошибочны?

На улицах Роттердама у меня не было личных дел. Я просто *знал* других детей. Недотепа. Я составил о ней мнение и оно было почти правильным, хотя я тут и там натыкался на сюрпризы. Сержант — я был прав во всем. Ахилл? Да, его я узнал хорошо.

Тогда почему я держусь в стороне от других учеников? Потому что учителя с самого начала изолировали меня от других детей, да еще потому, что решил — вся сила в руках учителей. Но теперь я знаю, что был прав лишь частично. Учителя действительно обладают властью во многих делах, но когда-нибудь я окажусь где-то

вне школы и тогда какое мне дело, что обо мне думают учителя? Я могу овладеть всей военной историей и теорией, но мне это не принесет пользы, если они не доверят мне командования. И я никогда не встану во главе флота или армии, если у них не будет уверенности, что другие люди пойдут за мной.

Но сегодня важны не эти люди, а мальчишки и несколько девчонок. Не взрослые, а те, которым еще предстоит повзрослеть. Как они выбирают лидеров? Как сумею я повести их за собой — такой маленький и слабый?

И как это удалось Виггину?

Боб расспросил Николая о том, кто из ребят их группы посещает тренировки Виггина.

— Мало. И все они не класс. Хвастунишки и подхалимы.

— Но кто они?

— Хочешь покорешиться с Виггином?

— Просто хочу узнать о нем побольше.

— И что именно?

Эти вопросы беспокоили Боба. Ему не хотелось подробно обсуждать то, что он делает. Но в Николае он не чувствовал даже признака подлости. Он просто хотел знать.

— Хочу узнать его историю. Он же один из

самых лучших. Настоящий парень, верно? Так вот, как это у него получилось? — Боб не знал, насколько у него естественно получается использование солдатского сленга. Он прибегал к сленгу редко. И не был уверен, что нужные выражения выскакивают как бы сами собой.

— Ну, ежели ты сам чего словишь в этом плане, то поделись со мной, ладно? — Николай даже глаза закатил к небу.

— Ладно, не позабуду, — ответил Боб.

— А как понимаешь — у меня есть шанс стать вроде Эндера? — спросил Николай. — У тебя-то, ясное дело, есть — вон ты какой зубрилка.

— Сопли у Виггина — не медовые, — ответил Боб.

— И что это значит?

— Он классный парень, как и многие. Ладно, выясню, поделюсь с тобой. О'кей?

Боб очень удивился, узнав, что Николай так низко ставит собственные шансы встать в ряды лучших. Возможно ли, что негативная оценка учителя в конечном счете верна? Или он сам как-то высказался в том же плане, а Николай понял? И поверил?

От ребят, которых ему указал Николай, как склочников и подхалимов, что на первый взгляд

походило на правду, Боб узнал имена близких друзей Виггина.

Шен. Алаи. Петра — опять она! Но Шен был самым старым.

В учебные часы Боб обнаружил Шена в библиотеке. Единственной приманкой для посещения библиотеки были видики — ведь любые книги можно было заказать по компьютеру. Однако фильмы Шен не смотрел — в руках у него был собственный компьютер. Он играл в свою фэнтезийную игру.

Боб сел рядом и стал наблюдать. Человек с львиной головой и в кольчуге стоял перед страшенным великаном, который протягивал ему на выбор две кружки с напитками. Звук был приглушен, так что Боб ничего не слышал, хотя, судя по действиям Шена, тот прекрасно разбирался в предложении великана. Его львиноголовый персонаж отпил из одного из кубков и тут же помер.

Шен что-то пробормотал и оттолкнул компьютер.

— Это и есть «Выпивка великана»? — спросил Боб. — Я о ней слыхал.

— Ты что, никогда не играл в нее? — удивился Шен. — Выиграть в ней невозможно, во всяком случае, я раньше так думал.

— Вот и я так слышал. По-моему, сплошное занудство.

— Занудство? Ну ясно, ты же не пробовал. Ведь если захотел бы, так долго искать ее не пришлось.

Боб пожал плечами, сделав вид, что ему не раз приходилось видеть, как играют другие. Шен улыбнулся. Может, жест Боба не соответствовал манерам хладнокровного крутого солдата? Или забавно было видеть малыша, воспроизводящего такой шикарный жест?

— Да брось ты! Неужто вправду никогда не играл в эту игру?

— Слышь, — сказал Боб, — ты сказал, что *раньше* думал, будто в нее никто не выигрывает, разве нет?

— Понимаешь ли, я как-то случайно заметил, что один парень дошел в игре до такой ситуации, в которой мне самому еще никогда не случалось быть. Я спросил у него, что это за место, а он буркнул: «Оно по другую сторону от „Выпивки великана“».

— А он сказал, как туда попал?

— А я не спрашивал.

— Почему?

Шен усмехнулся и отвел глаза.

— Небось, то был Виггин, а?

Улыбка исчезла.

— Я этого не говорил.

— Я знаю, ты его друг. Потому-то и зашел сюда.

— Это еще что такое? Ты за ним шпионишь? Ты от Бонзо?

Все шло наперекосяк. Боб не предполагал, что у друзей Виггина так силен инстинкт защиты.

— Я сам от себя. Слышь, ничего плохого, о'кей? Я только… слышь, хочу понять… Ты же знаком с ним с самого начала, верно? Говорят, ты его друг чуть ли не со дня приезда, а?

— Ну а тебе-то что?

— Слышь, у него ведь много друзей, так? И это несмотря на то что он самый лучший в классе и самый первый по боевому рейтингу, верно? И они его не ненавидят?

— Многие bichao[14] его на дух не переносят.

— Знаешь, парень, я хотел бы иметь друга. — Боб понимал, что не следует напирать на жалобный тон. Ему следовало говорить как маленькому одинокому ребенку, который пытается «звучать гордо». Поэтому свою жалобу он завершил смешком. Будто хотел все обратить в шутку.

---

[14] Примечания: 14

Здесь: скотина, страшила (*исп.).*

— Уж больно ты мал, — ответил Шен.

— На нашей планете все такие, — отозвался Боб.

Впервые за время разговора Шен весело рассмеялся.

— Планета пигмеев?

— Нет, те парни по мне слишком велики.

— Слушай, я секу, о чем ты, — сказал Шен. — У меня, знаешь ли, была очень смешная походка. Кое-кто стал травить меня. Эндер это прекратил.

— Как?

— Он высмеял их еще сильнее.

— Я и не знал, что он на это способен.

— Нет, он не сказал nada[15]. Он сделал это с помощью компьютера. Послал им весточку от самого Господа.

Ах да, Боб эту историю уже слыхал.

— И это он сделал ради тебя?

— Они ржали над моей задницей. Она у меня была здоровенная. До физкультуры, как ты понимаешь. Давно, стало быть. И он их высмеял, будто, значит, они на мою задницу заглядываются. И подписался «Господь Бог».

— Значит, они не знали, кто это сделал?

---

[15] Примечания: 15
ничего *(исп.).*

— Прекрасно знали. Усекли тут же. Но он ничего не сказал им. Вслух.

— Вот так вы и стали друзьями? Он защищал малышей?

Как Ахилл…

— *Малышей?* — воскликнул Шен. — Да он сам был самым маленьким в нашем шаттле! Не такой, как ты, но маленький. И по возрасту тоже, сечешь?

— Он был самым маленьким, а стал твоим покровителем?

— Нет. Не так. Нет, он… пресекал… плохое… вот и все. Он пошел к группе… там был этот Бернард… он дружил с самыми большими, самыми крутыми ребятами…

— Хулиганами?

— Ага, верно. Только Эндер пошел прямо к их первому номеру, к лучшему другу Бернарда — Алаи. И подружился с ним.

— Он украл у Бернарда опору?

— Не так, парень. Совсем не так. Он подружился с Алаи, а потом сделал так, что тот скорешил его с Бернардом.

— Бернард? Это же тот, которому Эндер сломал руку в шаттле?

— Верно. И я думаю, Бернард ему этого никогда

не простит. Однако он понял, как обстоят дела.

— И как же они обстояли?

— Эндер — он хороший. Ты просто… он никого не ненавидит. Если ты сам правильный, он тебе сразу же покажется, тебе захочется понравиться и ему. Если ты понравился Эндеру, значит, ты сам — о'кей, сечешь? Но если ты сам — дерьмо, то от одного его вида тебя воротит. От того, что он существует, сечешь? И тогда Эндер пытается пробудить в тебе твои лучшие стороны.

— А как это — «пробудить лучшие стороны»?

— Не знаю, парень. Откуда мне знать? Понимаешь, ты знаешь Эндера долго, и он все это время хочет одного — чтоб ты был таким, чтобы он тобой гордился. Я говорю, будто… будто ребенок, да?

Боб покачал головой. Для него это звучало как признание в преданности. Это чувство Боб тоже не слишком хорошо понимал. Друзья — это друзья, думал он. Как когда-то Сержант и Недотепа еще до появления Ахилла. Это не любовь. Когда появился Ахилл, они его полюбили, впрочем, и это чувство больше походило на поклонение… Богу. Он давал им хлеб, они отдавали хлеб обратно. Как… ну как… Он же и сам назвал себя «папа». Это то же самое? Не был ли Эндер вторым Ахиллом?

— А ты умница, пацан, — сказал Шен. — Я ведь тут давно. И ни разу не задумался. Как Эндер добился этого? Могу ли я повторить то же самое, стать вторым Эндером? Понимаешь, Эндер… он… велик, и тут я поделать ничего не могу. Разве что уж очень напрягусь. Я просто хочу быть с ним.

— Это потому, что ты тоже хороший.

Шен поднял глаза к потолку.

— По-моему, это именно то, о чем я говорил в самом начале. Выдал себя с головой. Получается, я просто трепло.

— Большое, старое трепло. — Боб улыбнулся.

— Он всего лишь… заставляет тебя хотеть… Я умру за него. Это звучит как геройский треп, а? Но это святая истина. Я могу умереть за него, могу убить за него.

— Ты будешь сражаться за него.

Шен понял это.

— Верно. Он прирожденный командир.

— Алаи тоже будет за него сражаться?

— Будут многие из нас.

— Но кое-кто нет?

— Как я сказал: плохие, они его не любят, у них от него крыша едет.

— Значит, мир поделен: хорошие люди любят Виггина, плохие — нет.

На лице Шена снова появилось выражение недоверия.

— Не понятно, на хрена я тебе несу эту фигню! Уж слишком ты ловок, чтобы верить в такое…

— Да верю я, — сказал Боб. — Не психуй на меня. — Это выражение он знал давно. Так говорят малыши, когда оказываются в глупом положении. «Не психуй на меня».

— Я не психую. Мне показалось, что ты надо мной потешаешься.

— А мне всего-навсего хотелось узнать, как Виггин обзаводится друзьями.

— Если бы я это знал, если бы по-настоящему понимал это, то у меня их было бы куда больше, чем сейчас. Но зато я дружу с Эндером, и все его друзья — мои, а я — их, и вот… вроде как семья…

Семья. Папа. Опять Ахилл…

К нему вернулся прежний ужас. Ночь после убийства Недотепы. Труп Недотепы в воде. А утром — Ахилл. Как он разыгрывал сцену перед малышами. И Виггин такой же? Папа? Пока не пробьет его час?

Ахилл — зло. Виггин — добро. Но оба создали семью. У обоих люди, которые их любят, которые готовы ради них пойти на смерть. Защитник. Папа. Податель пищи. Мама. Единственный ро-

дитель толпы несчастных сирот. Мы же и здесь — в Боевой школе — все сироты. Мы не голодаем, но нам нужна семья.

Только не мне. Я в ней не нуждаюсь. Один папа уже поджидает меня с ножом в руке.

Нет, лучше уж быть папой, чем иметь папу!

Как же это сделать? Пусть кто-то полюбит меня как папу. Как Шен любит Виггина.

Шансов на это нет. Я слишком мал. Как щенок. У меня нет того, что им нужно. Все, на что я способен, — защищаться, вырабатывая систему защиты. У Эндера есть много такого, чему он может научить малышей, а они так хотят стать такими же, как он. Но я… Мне известна лишь собственная дорога.

Даже принимая такое решение, Боб отлично знал, что с Виггином он не покончил. Все равно Боб обязан узнать, чем обладает Виггин, что представляет собой.

Летели недели, складываясь в месяцы. Боб тщательно выполнял все классные задания. Он неукоснительно посещал занятия в Боевом зале, где Даймек обучал их двигаться, стрелять, бороться в невесомости. По своей собственной инициативе Боб прошел все факультативные курсы, которые были доступны его компьютеру,

получив за них самые высокие отметки. Он изучал военную историю, философию, стратегию. Он прочел труды по этике, религии, биологии. Он следил за поведением всех слушателей Боевой школы — от только что прибывших новичков до готовящихся к выпуску из школы. Когда он встречался с ними в коридорах, он знал о них больше, чем они сами знали о себе. Знал, откуда они. Знал, тоскуют ли они по своим семьям, как они оценивают свою страну или религиозную или этническую группу. Знал, насколько ценными они могут оказаться для националистических или партийных организаций.

Боб продолжал читать все, что читал Виггин, смотреть то, что смотрел тот. Слушал разговоры ребят о Виггине, встречался с друзьями Виггина, вслушивался в их слова о том, что сказал или сделал Эндер. При этом Боб пытался сложить это все в некую последовательную философскую систему, в своего рода миросозерцание. В План Жизни.

И обнаружил кое-что любопытное. Невзирая на альтруизм, невзирая на самопожертвование, ни один из друзей Виггина не сказал, что сам Виггин разговаривал с ними о своих проблемах. Все шли к Виггину, но Виггин не шел ни к кому.

Настоящих друзей у него было не больше, чем у Боба. Как и Боб, Виггин был сам по себе!

Вскоре Боба освободили от посещения занятий по тем дисциплинам, которыми он уже овладел. Его перевели в группы со старшим возрастным составом, где его сначала встретили с раздражением, а потом стали относиться с восхищением, когда он обгонял их и уходил в следующую группу, оставив их на полпути изучаемого курса. А как Виггин? Он тоже шел с опережением? Да, но не так быстро. Потому ли, что Боб лучше? Или потому, что предел в скорости перемещения у него наступал быстрее?

По характеристикам учителей было видно, что что-то происходит. Средние слушатели, если вообще таковые были в этой школе, теперь получали все более короткие характеристики. Их не игнорировали, но лучшие из лучших уже определились, и теперь львиная доля внимания уделялась им.

Тем, которые *казались* лучшими. Ибо Боб стал понимать, что учителя часто переоценивают тех слушателей, которые им просто больше нравятся, и недооценивают тех, которые нравятся меньше. Учителя притворялись бесстрастными, стоящими «над схваткой», но часто их симпа-

тии оказывались на стороне детей с более ярко выраженной харизмой, они давали им более высокие баллы при оценке лидерства, хотя на самом деле они были просто более шустрыми или атлетически развитыми, или испытывающими потребность вечно находиться в центре внимания. Таким образом, нередко случалось, что симпатии учителей оказывались на стороне тех слушателей, из которых никогда не выйдут хорошие командиры, а те, которые, по мнению Боба, были в этом плане наиболее многообещающими, игнорировались. Было тяжело видеть учителей, совершающих подобные ошибки. Перед их глазами стоял Виггин, Виггин — истинное сокровище, они преклонялись перед ним и упускали из виду тех, кто тоже был хорош. Или увлекались каким-нибудь энергичным, самодовольным, амбициозным парнишкой, результаты практической работы которого были не слишком заметны.

Неужели же работа Боевой школы имеет лишь одну цель: выявить и обучить лишь лучших из лучших? Тестирование на Земле работает безотказно — среди курсантов нет ни единого пентюха. Но система школьного образования не учитывала одного фактора: как подбираются

сами учителя и воспитатели?

Все это карьерные офицеры. Офицеры опытные, очень способные. Очень ответственные. Но в военном деле нельзя назначать на ответственные посты только исходя из этих качеств.

Ведь нижестоящим офицерам необходимо привлекать к себе внимание тех, кто стоит над ними. Надо им нравиться. Надо укладываться в систему. Надо выглядеть так, как представляют себе идеального офицера вышестоящие начальники. Больше того, надо думать так, как они считают правильным.

В результате получается командная структура, где наверху оказываются типы, отлично выглядящие в форме, говорящие правильно и поступающие так, чтобы ничем не задеть чувствительные нервы еще больших верхов, а всю грязную работу незаметно делают офицеры несравненно более способные, на которых держится авторитет начальства, на которых сыплются все шишки и которых зачастую выгоняют в отставку.

Такова уж армия. Среди учителей и воспитателей были представители самых разных слоев и групп, имеющихся в армейской среде. И они продвигали вперед тех слушателей, которые соответствовали идиотским приоритетам этой

системы.

Неудивительно, что такие пацаны, как Динк Миекер, понимали это и отказывались играть по таким правилам. Динк обладал и обаянием, и талантом. Благодаря обаянию его выдвинули на роль командующего армией, но поскольку он был еще и талантлив, то, поняв систему и возмутившись ее идиотизмом, он начисто отказался от назначения. Другие дети, как, например, Петра Арканян, — ярко выраженные личности, овладевшие теорией и практикой стратегии в такой степени, что разбуди их, и они тут же начнут отдавать приказы — то есть люди, которые могли бы вести за собой в бой солдат, принимать решения и выполнять их, не хотели превращаться в картонных шаркунов, а потому и оставались вне поля зрения преподавателей. Все их недостатки рассматривали под увеличительным стеклом, все достоинства — под уменьшительным.

И тогда Боб стал формировать собственную антиармию. Из ребят, оставшихся не понятыми учителями, но по-настоящему талантливых, из ребят с сердцем и умом, а не просто обладателей приятных мордашек и хорошо подвешенных языков. Он определял, кто из них возглавит командование взводами в армии, где командиром

будет, конечно…

Конечно, Виггин. Боб не видел никого другого на этом месте. Виггин поймет, как использовать их с наивысшей эффективностью для пользы дела.

И Боб знал, где будет он сам. Рядом с Виггином. Взводный командир, только самый доверенный. Правая рука Виггина. Такой, что, когда Виггин будет близок к совершению ошибки, сможет указать на нее и предотвратить. И он будет так близок к Виггину, что, может быть, наконец-то поймет, почему Эндер — классный парень, а он, Боб, — нет.

Сестра Карлотта пользовалась своим новым очень высоким допуском как скальпелем, прорезая им путь в секретнейшие хранилища информации, там подбирая крошки сведений, тут задавая новые вопросы, разговаривая с людьми, не имевшими ни малейшего представления о цели ее исследований и не понимавшими, почему ей известны глубочайшие тайны, связанные с их работой. Все это сестра Карлотта складировала в своем мозгу, а частично — в тех секретных записках, которые она передавала полковнику Граффу.

Но иногда она вздымала свой допуск как мяс-

ницкий топор, чтобы пробиться сквозь толпы тюремщиков и офицеров службы безопасности, которые, увидев ее совершенно невероятный допуск, позволяющий ей знать-все-что-угодно, кидались тут же, чтобы узнать, не глупая ли это подделка. И тогда на них орало такое большое начальство, что чиновничья мелочь до конца жизни жалела, что не отнеслась к сестре Карлотте как к самому Господу Богу.

И вот наконец она сидела лицом к лицу с отцом Боба. Или, если точнее, с человеком, который был ему почти что отцом.

— Я хочу поговорить с вами о вашем предприятии в Роттердаме, — сказала она.

Он кисло поглядел на нее.

— Я уже сообщил обо всем. Именно поэтому я еще жив, хотя и не уверен, что сделал верный выбор.

— Мне сказали, что вы были настоящим фонтаном сведений, — сказала сестра Карлотта без всякого сочувствия. — Я никак не ожидала, что все это выйдет на поверхность с такой скоростью.

— Идите к дьяволу! — ответил он, поворачиваясь к ней спиной.

На нее это не подействовало.

— Доктор Волеску, материалы вашего дела говорят, что у вас было двадцать три ребенка на «ферме» по производству органов для пересадки в Роттердаме.

Он промолчал.

— И это очевидная ложь.

Молчание.

— И как ни странно, я знаю, что эта ложь не ваша. Ибо мне известно, что это была вовсе не «ферма» по производству органов для пересадки и что причина того, что вы не мертвы, заключается в том, что вы согласились признаться в организации этой фермы в обмен на то, что никогда не станете ни с кем обсуждать вопрос, *что вы делали там на самом деле.*

Он медленно повернулся к ней лицом, вернее, боком, чтобы иметь возможность бросить на нее косой взгляд.

— Покажите мне еще раз тот допуск, который вы пытались вручить мне, когда пришли.

Она показала. Он долго и тщательно рассматривал допуск.

— Что вам известно? — спросил он.

— Я знаю, что ваше настоящее преступление состояло в продолжении исследований, которые только что были запрещены. У вас же к этому вре-

мени уже имелись оплодотворенные яйцеклетки, подвергнутые определенным очень деликатным воздействиям. Вы повернули ключ Антона. Вы хотели, чтоб дети родились. Вы хотели узнать, какими они станут.

— Если вы все это знаете, то зачем пришли ко мне? Все это есть в документах, которые вы, видимо, читали.

— Ничего подобного, — ответила сестра Карлотта. — Я не охотница до исповедей и меня не интересует наука. Я хочу знать о детях.

— Они мертвы, — ответил он. — Мы убили их всех, когда узнали, что за нами следят. — Он посмотрел на нее с горечью. — Да, это массовое убийство детей. Двадцать три убитых. Так как государство не пожелало признать, что такие дети действительно существовали, то меня не стали обвинять в убийстве. Но Бог меня осудил. Он еще предъявит мне свои обвинения. Вы поэтому здесь? Это он дал вам такой высокий допуск?

— И вы еще способны на подобные шутки? Все, что я хочу знать, это то, какую информацию вам удалось собрать в результате эксперимента.

— Ничего я не узнал. Времени не хватило. Это были еще младенцы.

— Они были у вас почти год. Они развивались.

Все работы, сделанные после открытия Антона, носили теоретический характер. Вы же наблюдали *развитие детей.*

Медленная улыбка проступила на его лице.

— Повторяете историю с нацистскими врачами-преступниками? Презираете меня за то, что я сделал, но хотите знать результаты исследований.

— Вы следили за их ростом, за их физическим развитием, за интеллектуальным прогрессом.

— Мы как раз только собирались приступить к исследованию интеллектуального развития. Проект не финансировался извне. Так что все, что у нас было, — большая теплая комната и предметы для обеспечения жизнедеятельности.

— Тогда расскажите об их телах. Их моторика?

— Маленькие, — ответил он. — Родились крошечными, росли медленно. Все мельче и легче нормы.

— Но очень умные?

— Рано начали ползать. Издавали звуки, предшествующие произнесению слов, куда раньше нормальных детей. Я их редко видел. Не мог рисковать разоблачением.

— Ваш прогноз?

— Прогноз?

— Да, их будущее? Каким оно вам представлялось?

— Смерть. Это удел всех. К чему эта болтовня?

— Если бы вы их не убили, доктор Волеску, что случилось бы с ними?

— Они, разумеется, продолжали бы расти.

— А потом?

— Потом не бывает «потом». Росли бы.

Она помолчала, пытаясь усвоить полученную информацию.

— Все верно, сестра. Вы правильно понимаете. Они росли медленно, но росли. Это обеспечил ключ Антона. Он хранил их. Развивался мозг. Череп увеличивался в размерах, темя не зарастало. Удлинялись руки и ноги.

— Так что, когда они достигли бы роста взрослого человека…

— Такого понятия не существует. Есть рост к моменту смерти. Все время расти нельзя. Есть причина, по которой природа установила механизм, контролирующий рост долгоживущих особей. Нельзя расти все время, поскольку некоторые органы выходят из строя. Обычно это сердце.

Описание этих последствий вызвало у сестры Карлотты страх.

— А какова скорость роста? Я хочу спросить — у

детей? Когда они достигнут нормального для их возраста роста?

— По моим представлениям, у них было бы два периода ускоренного роста. Один — перед началом периода половой зрелости. Они обогнали бы своих «нормальных» сверстников. Потом к двадцати годам они стали бы гигантами. И умерли бы, наверняка не дожив до двадцати пяти. Вы представляете себе, какими огромными они могли бы стать? Их убийство можно рассматривать как акт милосердия.

— Я сомневаюсь, что кто-нибудь из них проголосовал бы за то, что у него отняли двадцать лет жизни.

— Они не узнали, что с ними происходит. Я же не чудовище. Мы их усыпили. Они умерли во сне. Тела сожгли.

— А что с половой зрелостью? Они бы успели созреть?

— Это то, чего мы никогда не узнаем, верно?

Сестра Карлотта встала, чтобы уйти.

— Значит, он все же выжил? — спросил Волеску.

— Кто?

— Тот, которого мы потеряли. Тот, чьего тела не нашли. Я насчитал двадцать два тела, когда

мы их сжигали.

— Раз вы поклонялись Молоху, доктор Волеску, то рассчитывать на ответ вы не можете. Но один из них был спасен Богом.

— Скажите, каков он? — Глаза на лице Волеску горели голодным огнем.

— Вам известно, что это мальчик?

— Они все мальчики.

— А что вы сделали с девочками? Выбросили?

— А как вы думаете, где я взял гены? Я имплантировал свою собственную ДНК в неоплодотворенное яйцо.

— Господи Боже мой, неужели же это были ваши собственные дети-близнецы?

— Я не такой монстр, как вы полагаете, — сказал Волеску. — Я пробудил зародыши к жизни, так как хотел знать, какими они станут. Убивать их было большим горем.

— И все же вы на это пошли ради спасения собственной жизни?

— Я боялся. И у меня родилась мысль. Это же копии. Уничтожить копии — не значит убить.

— Их души и тела принадлежали им.

— А вы думаете, государство оставило бы их в живых? Вы думаете, они бы уцелели? Хоть кто-нибудь из них?

— Вы не заслужили радости иметь сына, — сказала сестра Карлотта.

— Но он у меня есть! Есть! — Он расхохотался. — Тогда как вы, мисс Карлотта, возлюбленная невеста невидимого Господа, скольких детей имеете *вы?*

— Может, они и были копиями, Волеску, но и мертвые они стоят больше, нежели оригинал.

Он продолжал хохотать все время, пока она шла по коридору, но смех был вымученным. Она знала — такой смех маскирует горе. Но это не было горе потери, горе раскаяния. Это была печаль проклятой души.

Боб. Благодарение Господу, думала она, ты не знаешь своего отца. И не узнаешь никогда. Ты совсем не похож на него. Ты гораздо человечнее.

Но где-то на самых задворках мозга шевелилось сомнение: разве она уверена, что у Боба больше жалости, больше человечности? А вдруг у него такое же ледяное сердце, как у этого человека? Не способное к жалости? Может, у него только ума больше?

И тогда она представила себе его растущим все больше и больше, превращающимся из крошки в гиганта, чье тело достигает таких размеров, что внутренние органы больше уже не могут

поддерживать его существование… Вот какое наследство оставил тебе отец! И тут она вспомнила плач Давида, оплакивающего умершего сына: «О Авессалом! О Авессалом! Если бы я был Богом, я умер бы за тебя, Авессалом, сын мой»[16].

Но он же еще не умер! Может, Волеску просто солгал, может — ошибся. Может, ничего такого не будет! А если и будет, так перед Бобом еще много лет жизни. И важно одно — как он их проживет.

Бог растит детей, в которых нуждается, он творит из них мужчин и женщин, а потом берет их к себе. Для него их жизнь — мгновение. И важно лишь одно: на что затрачено это мгновение. Боб использует его с толком. В этом она уверена.

Или, во всяком случае, она надеется на это с такой верой, что, кажется, ожидания ее уже сбылись.

12. Список

— Если Виггин — это тот единственный, который нам нужен, то давайте отправлять его на Эрос.

---

[16] Примечания: 16

Библия. Вторая Книга Царств, гл. 18, 33.

Анзибль — средство мгновенной связи, быстрее света *(фант.).*

— Для Командной школы он еще не готов. Пока. Это было бы преждевременно.

— Тогда надо начинать работу с одним из возможных вариантов замены.

— Это вам решать.

— Нам. Легко сказать! Выбор-то приходится делать из того, что вы нам рекомендуете!

— Я вам уже говорил о тех ребятах, что постарше. Так что у вас есть те же исходные материалы, что и у меня.

— Значит ли это, что мы располагаем полным фактическим материалом?

— А он вам нужен?

— Имеем ли мы данные на всех детей с баллами и характеристиками, соответствующими столь высокому уровню?

— Нет, не имеете.

— Почему же?

— Несколько человек дисквалифицированы по тем или иным причинам.

— Дисквалифицированы кем?

— Мною.

— На каких основаниях?

— Один из них, например, находится на грани психического заболевания. Мы пытаемся отыскать такую организацию, где бы он мог при-

менить свои таланты. Но обязанности командира он, судя по всему, нести не сможет.

— Ладно, это первый.

— Другой проходит лечение в связи с перенесенной операцией.

— Тот дефект, по поводу которого его оперировали, ограничивает его возможности как командира?

— Он ограничивает возможности его обучения и воспитания, чтобы стать командиром в будущем.

— Но ведь операция прошла успешно?

— Ему предстоит еще одна — третья. Если она пройдет успешно, можно будет вернуться к этому разговору. Но, как вы сами говорите, — время истекает.

— Сколько еще детей вы спрятали от нас?

— Я не прячу ни одного. Если же вы имеете в виду тех, о ком я вам не доложил в качестве подающих надежду командиров, то ответ будет: обо всех оставшихся. За исключением тех, чьи имена у вас уже есть.

— Тогда придется быть откровенным. До нас дошли слухи об одном очень маленьком ученике.

— Они у нас все очень юны.

— До нас дошли слухи об ученике, который

превосходит даже Виггина.

— У каждого из них есть свои преимущества.

— А вы знаете, у нас немало людей, которые очень хотели бы сместить вас с вашего поста.

— Если мне не доверяют отбор и обучение этих детей, как того требуют обстоятельства, я предпочитаю быть уволенным. Рассматривайте это как официальное заявление.

— Будем считать сказанное мной неудачной шуткой. Подготовьте их как можно быстрее. И помните, им потребуется еще время на пребывание в Командной школе. Если они не успеют получить наше образование, ваше тоже окажется ни к чему.

В Центре управления Боевого зала Даймек встретился с полковником Граффом. Графф перенес сюда проведение своих секретных встреч до тех пор, пока они не убедятся, что Боб вырос настолько, что не может больше лазить по воздуховодам. У Боевого зала была своя собственная отдельная вентиляционная система.

На дисплее компьютера Граффа виднелся какой-то текст.

— Вы это читали? «Проблемы ведения военных действий в звездных системах, отстоящих друг от друга на много световых лет»?

— Эта работа циркулирует уже некоторое время среди преподавательского состава.

— Но она анонимна, — сказал Графф. — Вы случайно не знаете, кто ее автор, а?

— Нет, сэр. Быть может, это вы?

— Я не ученый, Даймек, и вы это прекрасно знаете. Но если хотите знать, она написана кем-то из курсантов.

— Командной школы?

— Нашим курсантом.

И тут Даймек сразу понял, зачем его вызвали.

— Боб?

— Ему шесть лет. Работа написана на уровне диссертации.

— Мне следовало догадаться раньше. Он всегда заимствует манеру изложения у стратегов, которых читает. Или у их переводчиков. Я, правда, не могу сказать, что будет теперь, когда он прочитал Фридриха и Бюлова в оригинале — на французском и немецком. Глотает языки и тут же выдыхает их обратно.

— А что вы думаете о самой статье?

— Вы же знаете, каких усилий от меня требует необходимость держать его подальше от ключевой информации. Если он сумел написать *это* на основе известных ему данных, то что будет, если

мы сообщим ему все? Скажите, Графф, почему бы нам не перевести его из Боевой школы, пусть в свободном поиске развивает теорию, а там видно будет, что из этого получится?

— Наша задача не в том, чтобы плодить теоретиков. Да и времени на теорию почти не остается.

— Я подумал… Послушайте, он же так мал, никто и никогда не догадается. У нас он погибнет. А ведь когда он пишет, никому и в голову не придет, кто он на самом-то деле. Никто не знает, что автор еще дитя.

— Я понимаю, о чем вы, но мы не собираемся ломать систему секретности. И точка.

— Но разве уже сейчас он не представляет серьезной проблемы для военной тайны?

— Мышка, которая ползает по вентиляционным ходам?

— Нет, я думаю, что для этого он уже слишком велик. По-моему, он уже прекратил свои ночные походы. Угроза безопасности, как мне кажется, происходит оттого, что он догадался, что если ударный флот вышел уже несколько поколений назад, то должно существовать какое-то объяснение, почему Боевая школа продолжает готовить будущих командиров.

— Из анализа его статей, из всей его деятель-

ности, в которой он выступает как бы в роли преподавателя, мы можем сделать вывод, что он создал гипотезу, которая удивительно далека от истины. Но он верит этой ошибочной гипотезе только по одной причине: ему ничего не известно об анзибле. Понимаете? Потому что об этой главнейшей детали мы ему не сообщили. Так?

— Да, конечно.

— Так видите ли, это и есть та единственная вещь, секретность которой мы будем хранить.

— И какова же его гипотеза?

— Что мы собираем детей, готовясь к войне между народами Земли или между ее народами и МКФ. Сухопутная война. На Земле.

— А зачем же мы берем детей в космос, если война будет на Земле?

— Подумайте, и вы поймете.

— Потому… потому что, когда мы разобьем муравьеподобных, начнется конфликт на Земле. А все талантливые офицеры будут уже в руках МКФ.

— Понимаете, мы не можем позволить этому мальчишке публиковаться даже в системе МКФ. Далеко не все мы оборвали патриотические связи с Землей.

— Но тогда зачем вы меня вызвали, сэр?

— Потому что я *хочу* его использовать. Мы не ведем войны, но мы руководим *школой.* Вы прочли его статью о неэффективности использования офицеров в качестве преподавателей?

— Да. Будто пощечину получил.

— На этот раз он здорово просчитался, так как не знает и не может знать, насколько нетрадиционен наш подход к отбору преподавательского состава. Но в чем-то он, конечно, прав, ибо система тестирования офицеров на предмет выявления их потенциала основана на сопоставлении кандидатов с теми качествами, которые установлены у самых известных офицеров времен Второго Нашествия Жукеров.

— Хо-хо!

— Понимаете? Некоторые из этих высокопоставленных офицеров хорошо сражались в этой битве, но война была слишком коротка, чтобы успеть выкорчевать всякое гнилье. Среди офицеров, которых тестировали, встречались и такие, о которых Боб пишет в своей статье. Так это…

— Значит, он не прав в определении причины, но вывод сделал верный?

— Абсолютно верно. Вот мы и получаем таких, как этот болван и пижон Бонзо Мадрид. Вам же знакомы такие орлы, да? Так чего же удивлять-

ся, если наши тесты позволяют ему возглавить армию, а он в деле ни черта не смыслит. Тщеславие и тупость этих современных Кастеров и Хукеров… Ладно, можете сами подобрать имена некомпетентных задавак — эта категория широко представлена в нашем рядовом офицерстве.

— Смею ли я цитировать вас, сэр?

— Буду все отрицать. Важно вот что: Боб проштудировал все личные дела слушателей. Мы полагаем, что он попытался оценить степень их лояльности по отношению к тем общинам, из которых они происходят. А также их потенциальные возможности как командиров.

— По *своим* стандартам пригодности.

— Мы должны дать Эндеру армию. На нас жмут, чтобы мы отправили наших лучших кандидатов в Командную школу. Но если мы сместим одного из наших командующих армиями, чтобы расчистить место Эндеру, может возникнуть серьезная напряженка.

— Итак, вы хотите дать ему новую армию?

— Драконов.

— У нас есть еще дети, которые помнят прежних Драконов.

— Верно. И я этим доволен. Имя, на котором лежит проклятие.

— Понял. И вы хотите, чтобы она стала стартовой площадкой для Эндера?

— Он получит кое-что и похуже этого.

— Я так и предполагал.

— Мы не дадим ему солдат, кроме тех, которые состоят в списках командующих на списание или на обмен.

— Опивки? За что ж вы его так-то?

— Если мы считаем их отбросами, согласно нашим стандартам, тогда это опивки. Но мы ведь не станем сами отбирать ребят в армию Эндера.

— Боб?

— Наши тесты в данном случае бесполезны, не так ли? А ведь среди этих «опивок» находятся превосходные курсанты, если верить Бобу. Кроме того, не забывайте, что он специально изучал новичков. Итак, дайте ему поручение. Скажите ему, что он должен создать гипотетическую армию. Составить ее из новичков, ну и из солдат, которых командующие поместили в списки на обмен или на списание.

— Полагаю, этого не сделать без того, чтобы он не понял, что нам известно о его путешествиях по нашим файлам.

— Скажите ему об этом сами.

— Тогда он уже не поверит ничему, что мы

подсунем ему для обнаружения в преподавательских файлах.

— Ничего он там не обнаружит, — сказал Графф. — Не нужно нам ему ничего подсовывать, так как его исходная гипотеза неверна. Понимаете? Поэтому будет он думать, что найденное — фальшивка, или нет, не имеет значения: он все равно будет укреплять свою ошибочную теорию, так что нашей безопасности ничего не угрожает.

— Вы, видимо, очень доверяете свой оценке психологии Боба?

— Сестра Карлотта заверила меня, что ДНК Боба лишь в ничтожной степени отличается от нормальной человеческой и разница почти неощутима.

— Итак, он для нас снова человек?

— Когда я принимаю решения, я должен на чем-то основывать их, Даймек.

— Значит, суд присяжных постановил остановиться на человеческом варианте?

— Вы дадите мне списочный состав гипотетической будущей армии, составленный Бобом, а мы вручим его Эндеру.

— Но Боб, знаете ли, почти наверняка и себя туда включит.

— И правильно сделает, иначе нам пришлось

бы разочароваться в его уме.

— А как насчет Эндера? Он-то готов?

— Андерсон считает, что да, — вздохнул Графф. — Для Боба все это пока еще игра, ибо он не знает, что такое груз ответственности. А Эндер… Я думаю, в глубине души он понимает, куда все это ведет. Уверен, он это ощущает.

— Сэр, если вам знаком груз ответственности, то это отнюдь не значит, что другие тоже разделяют это ощущение.

Графф рассмеялся.

— Любите добираться до самой сути дела, Даймек, а?

— Что ж, Боб тоже стремится к этому. И если Эндер еще не вполне готов, то почему бы не положить груз на плечи тому, кто этой ответственности жаждет?

— Если Боб ее действительно жаждет, это свидетельствует лишь об одном: он еще слишком молод. И не забывайте: те, кто жаждет, обязательно всегда хотят доказывать свое право. Взгляните на Наполеона. Взгляните на Гитлера. Они были необычайно решительны вначале, а потому и в дальнейшем им приходилось снова и снова доказывать свою решительность, хотя по ситуации следовало бы быть осторожнее или

даже отступить. Паттон, Цезарь, Александр — все необычайно решительны и ни один так и не добился поставленной цели. Нет. Это будет Эндер, а не Боб. Эндер ничего не жаждет, стало быть, ему нечего будет и доказывать.

— А вы не думаете, что просто выбираете тип командира, под начальством которого вам хотелось бы служить?

— Именно это я и делаю, — сказал Графф. — Но разве вы можете предложить что-либо лучше такого подхода?

— Какая обида, что вы не можете поставить на него в тотализаторе, а? Правда, на вашей стороне еще и тесты. Баллы. Словом, все.

— Нет, я только на них опираться не могу. Человек — не машина.

— Вот почему вы не хотите взять Боба! Потому что он *сделан.* Ну, вроде тоже как машина.

— Я не анализирую себя. Я анализирую *их* поведение.

— Итак, если мы победим, то кто же выиграет войну в действительности? Командующий, которого выбрали вы? Или вы, который выбрали его?

— Триумвират, который мне верит. В известной степени. А вот если мы проиграем…

— Что ж, *тогда* это будете, безусловно, вы.

— Тогда мы все будем мертвецами. И что они смогут? Расстрелять меня первым? Или оставить в живых, чтобы я смог оценить все последствия своей ошибки?

— И все-таки Эндер? Я хочу сказать, что если будет избран он, то он не скажет, что это вы. Возьмет все на себя. Нет, нет, не честь победы. Только позор за ошибку.

— Победа или поражение, но пока парня, которого я выбрал, ожидает чертовски тяжелое время.

Боба вызвали во время ленча. Он тут же явился в кабинет Даймека. Своего учителя Боб нашел за письменным столом, читающим что-то.

Свет лампы слепил Боба и мешал ему прочесть текст на дисплее.

— Садись, — сказал Даймек.

Боб подпрыгнул и уселся на койке. Ноги до полу не доставали.

— Разреши прочесть тебе кое-что, — сказал Даймек. — «Нет ни укреплений, ни складов, ни опорных пунктов… Во вражеской планетной системе может даже не оказаться обрабатываемых земель, ибо освоение пригодных для обитания планет будет возможно только после победоносного завершения войны… Транспортные пути

для подвоза не являются проблемой, их не нужно защищать, стоимость подвоза продовольствия и боеприпасов не имеет значения, так как все необходимое атакующий флот все равно должен тащить с собой… Таким образом, атакующие флоты являются своего рода камикадзе, ибо если они даже вернутся целыми и невредимыми домой, не встретив противника, то ни одного из родственников экипажей кораблей уже не останется в живых. Вернее же всего, что эскадры не вернутся, они будут принесены в жертву, а потому личный состав должен быть уверен в том, что эта жертва оправданна. Кстати, экипажи должны быть смешанными, что позволит основать постоянную колонию (или оккупационные силы) на захваченной планете».

Боб слушал внимательно. Он ведь специально оставил эту статью в своем персональном компьютере, чтоб ее там нашли. Что и состоялось.

— Это написал ты, Боб, хотя я и не вижу, чтобы ты ее кому-нибудь показывал.

— У меня не было уверенности в том, что статья годится.

— Ты, кажется, нисколько не удивлен, что мы ее обнаружили?

— Я был уверен, что вы проверяете компьюте-

ры слушателей.

— Точно так же, как ты регулярно проверяешь наши?

Боб почувствовал, что у него свело кишки от страха. Значит, им и это известно.

— Остроумная проделка — назвать свой фальшивый пароль «Графф», а перед ним поставить знак вставки.

Боб промолчал.

— Ты просматривал личные дела всех слушателей. Зачем?

— Хотел узнать про них получше. У меня ведь мало друзей.

— Близких друзей у тебя вообще нет.

— Я маленький, но умнее их. Ровни нет.

— И поэтому ты воспользовался их личными делами, чтобы узнать о них больше. Почему ты решил, что должен с ними познакомиться ближе?

— В один прекрасный день я буду командовать одной из здешних армий.

— Вот тогда у тебя и появится возможность узнать своих солдат.

— Нет, сэр, — ответил Боб, — тогда времени не будет.

— Почему ты так считаешь?

— Исходя из того, как быстро я иду на повышение. И Виггин тоже. Мы с ним лучшие слушатели школы, и нас обоих просто гонят вверх. Так что, когда я получу армию, времени у меня впереди почти не останется.

— Боб, будь реалистом. Пройдет еще уйма времени, прежде чем кто-то захочет идти за тобой в битву.

Боб промолчал. Он знал, что это не так, даже если Даймек этого и не понимал.

— Что ж, мы проверим, чего ты стоишь как аналитик. Я сейчас дам тебе новое поручение.

— В каком классе?

— Не в классе, Боб. Я хочу, чтобы ты создал гипотетическую армию. Подбирай ее только из новичков. Дашь мне полный списочный состав: сорок один солдат.

— *Без ветеранов?*

Боб хотел, чтобы этот вопрос прозвучал нейтрально, как будто он просто проверяет, правильно ли усвоил условия задачи. Но Даймек, по-видимому, воспринял это как критику самих учителей за несерьезное отношение к затее.

— Без. Но скажу тебе вот что: можешь взять ветеранов, занесенных в списки командующих на обмен или списание. Так ты получишь несколько

опытных бойцов. Это те, с которыми командующие не сработались. Некоторые никуда не годятся, а другие — совсем даже наоборот.

— Отлично, — ответил Боб. Он и сам из таких отобрал около дюжины. — Могу продиктовать список с ходу.

— Я хочу, чтобы ты его обдумал хорошенько.

— Так я уже обдумал. Но мне надо, чтобы вы ответили на пару вопросов. Вы сказали, сорок один солдат. Значит, командующий тоже сюда входит?

— Ладно. Сорок. Место командующего вакантно.

— Еще один вопрос: буду ли командовать этой армией я?

— Можешь заполнить эту графу по желанию.

Равнодушный ответ Даймека показал Бобу, что армия не для него.

— Армия для Виггина, да?

— Это гипотетическая армия, — прорычал Даймек.

— Значит, Виггин, — сказал Боб. — Вы не можете дать под зад ни одному из нынешних командующих, чтобы освободить Виггину место, а потому создаете ему новую армию. Держу пари, Драконов.

Даймека будто по лбу трахнули, хотя он постарался не показать этого.

— Не волнуйтесь, — продолжал Боб, — я дам ему самую лучшую армию, которую можно сформировать, пользуясь вашими указаниями.

— Я сказал, это гипотетическая!

— Вы что же, думаете, я бы ничего не понял, если б оказался в армии Виггина, причем там же были бы и все остальные из моего списка?

— Никто не говорил, что мы будем следовать твоему списку буквально!

— Будете, потому что я прав и вы это прекрасно знаете, — отозвался Боб. — И это будет армия первый сорт! С Виггином во главе мы накостыляем им по задницам — костей не соберут.

— Это гипотетическое поручение. И ты о нем помалкивай. Никому ни слова.

Это был сигнал к завершению разговора, но Боб уходить не собирался. Они обратились *к нему!* И он хотел высказаться, пока его слушали.

— Причина того, что это будет хорошая армия, заключается в том, что ваша система выдвигает вперед много таких, кого выдвигать не надо. Около половины курсантов школы — это новички и те, кто стоит в списках командующих на обмен. Это все те, кого еще не успели измордовать

идиоты, которых вы сделали командующими армиями и взводными и которые умеют только одно — требовать, чтоб им лизали жопы. А новички и «неудачники» — они как раз и будут победителями. Виггин это давно понял. Он знает, как нас можно использовать.

— Боб, а ты ведь бываешь прав не так часто, как тебе кажется.

— Нет, сэр, я прав. Иначе вы не дали бы мне такое поручение. Могу ли я быть свободен? Или вы хотите, чтобы я продиктовал вам список сию минуту?

— Свободен! — рявкнул Даймек.

Не надо было провоцировать его, думал Боб. Теперь он перелопатит весь мой список, чтобы доказать, что он тоже на что-то способен. Но нет, не такой человек Даймек. И если я ошибаюсь в нем, значит, я и во всем другом тоже ошибаюсь. А кроме того, как приятно резать правду-матку тому, кто имеет власть!

Поработав над списком еще немного, Боб обрадовался, что Даймек не поймал его на слове и не заставил диктовать список там же, на месте. Ибо дело было не в том, чтобы просто продиктовать фамилии сорока лучших солдат из новичков и ребят, намеченных к переводу.

Виггину вообще-то еще рано командовать, и старшим ребятам будет нелегко принять его в качестве командующего, да еще в условиях, когда они сами будут торчать среди малышни. Поэтому Боб начал с того, что вычеркнул всех, кто был старше Виггина по возрасту.

Таким образом, у него осталось шестьдесят ребят, каждый из которых по своим качествам вполне подходил для его армии. Боб выписал их имена, расположив в убывающем порядке по «ценности», но тут же понял, что совершает еще одну ошибку. Многие из них состояли в той группе, которая ходила на тренировки с Виггином в свободное время. Виггин знал их очень хорошо и, конечно, из них бы выбрал своих взводных командиров. Командное ядро армии.

Беда была в том, что хотя двое из них действительно стали бы прекрасными взводными, но опора Виггина на эту группу поставила бы вне его поля зрения всех прочих, которые к ней не принадлежали. Включая и Боба.

И тогда он не назначит меня взводным. Впрочем, он все равно вряд ли выберет меня. Он поглядит на меня, но лидера не увидит.

Но ведь не все упирается в меня. Неужели я погублю дело только ради того, чтобы показать,

на что я способен?

Но если даже и так, что тут плохого? Я знаю, чего стою, знаю, что смогу сделать то, чего больше никто не сделает. Учителя видят во мне будущего ученого, они знают, что я умен, они доверяют моим суждениям, но эту армию они создают не для меня, а для Эндера. И мне придется еще доказывать им, на что я способен. И если я один из лучших, то дело лишь выиграет оттого, что мои достоинства будут выявлены быстрее.

И тут же подумал: а ведь идиоты наверняка так же рассуждают, когда мечтают представить себя миру во всей красе?

— Привет, Боб, — сказал Николай.

— Привет, — отозвался Боб, прикрывая рукой дисплей. — Что новенького?

— Да уж какие у нас новости. А ты чего такой серьезный?

— Выполняю задание.

Николай рассмеялся.

— Ты никогда не бываешь серьезным, выполняя домашнее задание. Быстренько прочтешь, еще быстрее отстучишь на клавиатуре, и вся игра. Тут что-то другое.

— Факультативное.

— И трудное, а?

— Не такое уж.

— Ладно, извини, помешал. Подумал, может, неприятности какие. Письмо из дому или что.

Оба расхохотались. Письма тут явление редчайшее. Раз в несколько месяцев, не чаще. Да и письма, что добираются, — пустые какие-то. Некоторые и совсем писем не получают. Боб был один из них, и Николай знал почему. Никаких особых секретов, но Николай был единственным, кто заметил отсутствие писем для приятеля и спросил его об этом. «Вообще нет семьи? Совсем?» — спросил он. «Знаешь, тут у некоторых такие семьи, что меня можно считать счастливчиком», — ответил Боб. Николай согласился. «Но не у меня, — сказал он. — Как бы я хотел, чтоб у тебя были такие же родители». И стал рассказывать. Он был единственным ребенком и родителям достался очень нелегко. Им пришлось прибегнуть к хирургии, оплодотворить пять или шесть яиц, из которых отобрали самые здоровые, подвергли их делению, а из этих уж выбрали меня лично. Рос как Далай-лама какой. И вдруг в один прекрасный день является МФК и говорит, что я им нужен. Самый был тяжелый день в жизни родителей, когда они сказали «да». Ну, это я их убедил. Говорю: «А вдруг я второй Мейзер

Ракхейм. Отпустили».

Это произошло несколько месяцев назад, но разговор как-то очень сблизил мальчиков. Дети вообще мало говорили о доме. О своей семье Николай больше ни с кем не говорил. Только с Бобом. А Боб, со своей стороны, кое-что рассказал о своей жизни на улицах. Нет, не сочные детали, ведь могло бы показаться, что он или ищет жалости, или нарочно притворяется хладнокровной ледышкой. Он рассказал, как складывалась «семья». Как сначала это было кодло Недотепы, а потом возникла «семья» Ахилла, как они ходили в благотворительную столовку. Потом Боб ждал — когда же по казарме пойдут слухи.

Но слухов не было. Николай никому и слова не сказал. Вот тогда-то Боб и решил: Николай стоящий парень, которого хочется иметь другом. Умеет держать язык за зубами, его об этом и просить не надо.

А теперь Боб сидел и составлял список личного состава новой армии, а Николай лежал возле и интересовался, чем он так занят. Даймек велел Бобу никому не говорить ни слова, но ведь Николай умел хранить секреты, да и какой это, к черту, секрет?

Правда, Николай не должен быть в Драконах.

Хоть Боб ему симпатизирует, верит, но среди новичков Николай не самый лучший. Он не глуп, ловок, добрый, но среди других новичков ничем особо не выделяется.

Зато он очень важен для меня, думал Боб.

— Это письмо от твоих родителей, — пошутил Боб, — они решили тебе больше не писать. Я им понравился сильнее.

— Ага, а Ватикан переехал в Мекку.

— А меня норовят запятить в Полемархи.

— Нет, приятель, — возразил Николай, — уж больно ты здоров, bichao. — Николай схватил свой компьютер. — Извини, но не смогу помочь тебе сегодня делать уроки, Боб, так что ты уж и не проси. — Он лег на спину и влепился взглядом в свою фэнтезийную игру.

Боб тоже лег на спину. Он снова включил дисплей и стал возиться с именами. Теперь он исключил всех ребят, работавших вместе с Виггином. Сколько же осталось хороших парней? Пятнадцать из солдатских списков и двадцать два из новичков.

Почему столько новичков не ходили на занятия к Виггину? Ветераны и без того находились в контрах со своими командующими, они не хотели вызвать новый взрыв злобы, поэтому искать

контактов с Виггином у них стимулов не было. А вот новички? Не амбициозны? Или книжники, ищут дорогу наверх через уроки, не понимая, что Боевой зал — самое главное? Боб не мог упрекать их за это — он и сам шел к этой мысли долго. Или они так уверены в себе, что им не нужны дополнительные уроки? Или столь самоуверенны и нахальны, что сама мысль, что они будут чем-то обязаны Эндеру Виггину, претит им? Или застенчивы?

Нет, ему трудно понять их мотивы. Слишком уж они многообразны. Они умны, у них хорошие, по стандартам Боба, оценки, которые вовсе не обязательно совпадали с учительскими. Вот и все, что надо знать Бобу. Если в армии, которую он даст Виггину, не будет ни одного пацана, с которым Виггин занимался раньше, то здесь у всех будут равные возможности. А значит, и у Боба будут те же шансы, что и у остальных, завоевать симпатию Эндера, а может, и командование взводом. И если они не смогут в конце концов бороться с Бобом, то тем хуже для них.

Но тогда в армии будет тридцать семь человек! Надо найти еще трех.

Он прошелся по всему списку. Наконец решился вписать Бешеного Тома — ветерана, державшего

рекорд по числу переводов из армии в армию, но так и не изгнанного на Землю. Пока. Причина была в том, что Бешеный Том был по-настоящему хорош. Острый ум. Но он не терпел, когда над ним, стояли идиоты или несправедливые люди. А когда он заводился, то взрыв бывал страшен. Он орал, швырял вещи, а как-то раз сорвал со всех коек постельное белье. Однажды он написал письма о том, какой идиот у него командующий, и разослал их всем слушателям. Получили его немногие, так как преподаватели успели часть перехватить, но читавшие говорили, что по силе выражений неформальной лексики это было что-то! Бешеный Том мог быть и ядром недовольства. А может, он всего-навсего ждал умного командующего? Боб вписал Тома.

И девочку Ву, которую дразнили «Ву-у» или даже «Ву-у-ух!». Она была исключительно талантлива, а в компьютерных играх не знала равных. Она не хотела быть взводным командиром, а когда командующий предложил ей это место, то тут же подала заявление о переводе и отказалась от военных игр, пока ее требование не было выполнено. Странно. Боб не знал, чем вызван был этот поступок. Учителя терялись в догадках. В ее тестах не было ничего, что подсказало бы реше-

ние. Какого черта, подумал Боб. И вписал Ву.

Осталась одна клеточка.

Боб вписал в нее Николая.

Оказываю ли я ему этим услугу? Он совсем не так плох, разве чуточку медлительнее других. Ему будет трудно. И если он не будет взят в армию, то не обидится. Он постарается не стать балластом в любой другой армии, в которой так или иначе окажется.

И все же… Драконы скоро станут легендой. И отнюдь не только в Боевой школе. Эти ребята станут лидерами в МКФ. Или еще где-нибудь, безразлично. Они будут рассказывать байки, как они сражались в Драконах под водительством Великого Эндера. И если я впишу Николая, то даже если он не станет лучшим, если останется самым медлительным, он все равно будет *участником.* И он совсем не так плох. Он не опозорит себя. Он не подведет армию. Он будет о'кей. Ну, так почему же нет?

И я хочу, чтобы он был со мной. Он единственный, с кем я могу говорить о личных делах. Единственный, кто знает такое имя — Недотепа. Я хочу быть с ним рядом. А место в списке есть.

И Боб снова прошелся по всему списку. Затем переписал в алфавитном порядке. И отправил

Даймеку.

На следующее утро Боб, Николай и еще трое из их шаттловой группы получили назначение в армию Драконов. Остальные завидовали, чувствовали себя оскорбленными, возмущались. Особенно когда узнали, что Боб среди избранных.

— Разве вот на таких шибздиков шьют боевые комбинезоны?

Законный вопрос. Ответ: не шьют. Цвета Драконов — серый-оранжевый-серый. Поскольку солдаты в массе куда рослее Боба, то, когда армию создали, для него пришлось специально переделывать комбинезон, и сделано это было не так чтобы очень красиво. В космосе такие комбинезоны не производятся, а соответствующих инструментов тоже не наблюдалось. Когда комбинезон был более или менее подогнан, Боб надел его и в таком парадном виде явился в казарму Драконов. Поскольку подгонка заняла много времени, явился туда он последним. Виггин подошел к дверям казармы одновременно с Бобом.

— Прошу, — сказал Виггин.

Именно так впервые обратился Виггин к Бобу, который был уверен, что Виггин его вообще никогда в глаза не видел. Боб столь блистательно

скрывал свой интерес к Эндеру, что практически стал невидимкой.

Виггин вошел в казарму вслед за Бобом. Тот шагал по коридору между койками, направляясь в заднюю часть казармы, где обычно «селились» самые молодые солдаты. Боб бросил взгляд на остальных малышей, которые во все глаза смотрели на него с выражением удивления и даже некоторого страха. В какую же армию попали они, если эта фитюлька числится в ней солдатом?

За спиной Боба Виггин произносил свою первую речь. Тон был доверительный, громкий, но не крикливый, спокойный.

— Я Эндер Виггин. Ваш командующий. Койки занимаются в порядке старшинства.

Послышался стон одного из новичков.

— Ветераны в дальнем конце, молодежь — в передней части казармы.

Стоны смолкли. Такой порядок противоречил обычаям. Итак, Виггин с самого начала стал ниспровергать основы. Теперь, когда он будет входить в казарму, его в первую очередь окружат новички. Они не затеряются в толпе взрослых и получат положенную долю внимания командующего.

Боб повернулся и пошел к двери. В Боевой шко-

ле моложе его не было, но пятеро солдат прибыли с последними шаттлами, так что именно они заняли самые близкие к двери койки. Боб взобрался на самую верхнюю койку, прямо напротив него была койка Николая, оказавшегося в той же возрастной группе.

Боб взобрался на свою койку. Боевой комбинезон ему сильно мешал. Боб положил ладонь на стенку шкафчика. Ничего не произошло.

— Те из вас, — продолжал Виггин, — которые впервые попали в армию, могут открыть шкафчики просто рукой. Запоров нет. В армии нет личных вещей.

С большим трудом Боб снял комбинезон и запихал его в шкафчик. Виггин прошел по проходу, проверил, как соблюдается старшинство, а затем быстрым прыжком выскочил на середину казармы.

— Ладно, ребята. Надеть боевые комбинезоны и пошли разомнемся.

Боб смотрел на Виггина в полном обалдении. Ведь глаза командующего глядели прямо на него, когда тот стал стаскивать комбинезон. Почему Эндер не посоветовал Бобу не снимать эту треклятую штуковину?

— Мы тренируемся по утрам, — продолжал

Виггин. — Приступаем к тренировкам после завтрака. Официально у вас есть час свободного времени между завтраком и тренировкой. Поглядим, как у нас там сложится, но сначала я должен выяснить, насколько вы хороши, куда годитесь.

Если говорить правду, то Боб почувствовал себя круглым дураком. Конечно же, Виггин должен был первым делом приступить к тренировкам. И ни к чему было ждать предупреждений насчет комбинезона. Боб *должен был знать.*

Боб бросил комбинезон на пол и соскользнул вниз по коечной раме. Другие ребята болтали, швыряли костюмы друг в друга, забавлялись новым для них оружием. Боб попытался натянуть свой обуженный костюм, но ему никак не удавалось разобраться с многочисленными застежками и защелками. Он снял их, пытаясь понять, как они скрепляются между собой, не понял, снял комбинезон и стал конструировать его на полу.

Виггин, делая вид, что все происходящее его не касается, поглядел на часы. Видимо, срок был три минуты.

— Хватит, ребята! На выход! Пошли-потопали!

— Но я голый! — завопил Анвар — он был родом из Эквадора, — сын иммигрантов из Египта. Боб

сразу вспомнил его досье.

— В следующий раз оденешься, — отозвался спокойно Виггин.

Боб тоже был гол. Больше того, Виггин стоял рядом, глядя на Боба без всякого участия. Мог бы помочь. Мог бы продлить время. Дурацкая история.

— Три минуты от момента отдачи приказа до выхода в дверь. Таков распорядок на первую неделю. На следующую время сокращается до двух минут. Вперед!

В коридоре толпилось множество других солдат. Кто-то использовал свободное время, кто-то торопился в класс. Все остановились, чтобы полюбоваться новой незнакомой формой и посмеяться над теми, кто был вообще без всякой одежды.

Одно было ясно Бобу. Придется серьезно заняться своим укороченным и обуженным комбинезоном, если он не хочет разгуливать голым по коридорам школы. И раз Виггин не сделал ему поблажки в первый день, когда он впервые надел свой очень нестандартный костюм, то Боб, разумеется, не станет их добиваться и потом.

Я ведь сам напросился в армию, не уставал он напоминать себе, трусцой пробегая по коридору и пытаясь не допустить падения на пол отдель-

ных деталей своего боевого снаряжения, так и норовившего выскользнуть из его рук.

Часть четвертая. Солдат
13. Армия драконов

— Мне нужен доступ к генетической информации Боба, — сказала сестра Карлотта.

— Вам это не положено, — ответил Графф.

— А я-то думала, что мой допуск открывает любую дверь.

— А мы ввели новую категорию секретности, которая называется «не для сестры Карлотты». Не хотим, чтобы вы поделились с кем-нибудь информацией, касающейся Боба. А ведь вы уже намылились передать ее в другие руки, не так ли?

— Только для того, чтобы произвести анализ. Тогда… вы сами должны сделать его для меня. Я хочу сравнить ДНК Боба с ДНК Волеску.

— Но мне кажется, вы говорили, будто донором клонированной ДНК является именно Волеску?

— С тех пор, как я это сказала, я много думала, полковник Графф. Боб ни в чем не похож на Волеску. И я не могу поверить, что в будущем, когда он вырастет, он хоть чем-то будет напоминать доктора.

— Но не может ли быть, что разница в темпах роста вызывает и различия во внешнем виде?

— Возможно. Но не исключено, что доктор Волеску лжет. Он очень тщеславный человек.

— Лжет обо всем?

— Он способен солгать о чем угодно. И особенно в вопросе об отцовстве. И если он лжет об этом…

— Тогда, возможно, прогноз будущего для Боба выглядит не так печально? Неужели вы думаете, что мы не провели консультаций с нашими генетиками? Волеску не солгал. «Ключ Антона» работает именно в том направлении, о котором он говорил.

— Прошу вас, сделайте анализ и сообщите мне результаты.

— А это не потому, что вам не хочется, чтобы Боб был сыном Волеску?

— Я не хочу, чтобы он оказался двойником Волеску. И вы, я уверена, — тоже.

— Точно подмечено. Хотя, должен вам заметить, гипертрофированное тщеславие у парнишки имеет место.

— Если вы одарены так же, как Боб, то любая ваша точная самооценка будет в глазах других людей выглядеть как тщеславие.

— Ага, но ведь вряд ли нужно постоянно колоть

этим глаза?

— Хм… видно, чье-то самолюбие серьезно пострадало?

— Не мое. Пока. А вот один из его учителей время от времени серьезно взъерошивается.

— Я заметила, что вы больше не намекаете, что я подделала его баллы?

— Да, сестра Карлотта, вы были правы с самого начала. Он имеет полное основание находиться здесь. Так же как… Ладно, скажем так: после долгих лет исканий вы сорвали банк.

— Банк сорвало человечество…

— Я сказал, что он заслужил свое право стать курсантом, но не говорил, что именно он одержит победу в сражении. Пока колесо рулетки еще вращается. И я поставил денежки на другой номер.

Взбегать по трапам, держа в руках боевые костюмы, — дело не слишком практичное. Поэтому Виггин приказал одетым солдатам бегать взад и вперед по коридору, пока они хорошенько не разогреются, тогда как Боб и другие голые и полуголые натянут в это время свои костюмы. Николай помог Бобу разобраться с застежками. Боб чувствовал себя униженным тем, что ему потребовалась помощь, но было бы еще хуже, если бы он и сейчас оказался последним — неуклюжий

малыш-недоносок, который всех задерживает. Но с помощью Николая он не был последним.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Минутой позже они уже бежали вереницей по трапам на ту палубу, где находился Боевой зал. Виггин заставил их бежать до самых верхних ворот, которые открывали вход в зал прямо в середине стены. Этими воротами обычно пользовались в те часы, когда тут шли боевые игры. На стенах, на потолке и полу были устроены поручни, позволявшие бойцам держаться, раскачиваться или взлетать в невесомости. Говорили, что отсутствие силы тяжести в Боевом зале объясняется тем, что он расположен в центре станции, но Боб уже давно понял, что все это — фуфло. В таком случае сразу за воротами все равно продолжали бы действовать остаточные центробежные силы и наблюдался бы эффект Кориолиса. А на самом деле весь Боевой зал имел нулевую силу тяжести. Боб сделал вывод, что МКФ уже давно разработал технику, которая либо блокировала гравитацию, либо, что вероятнее, создавала искусственные гравитационные поля, которые ограничивали действие закона Кориолиса за воротами Боевого зала. Это было потрясающее

технологическое достижение, но оно никогда открыто не обсуждалось в МКФ, во всяком случае, в литературе, доступной курсантам, и уж тем более за пределами Боевой школы.

Возле ворот Виггин построил своих солдат в колонну по четыре и приказал, когда ворота откроются, по четверо прыгать в зал, стараясь ухватиться за поручни на потолке, оттолкнуться от них, а затем собраться у противоположной воротам стены.

— Всем собраться у дальней стены, будто готовитесь напасть на вражеские ворота.

Ветеранам все было ясно, но для новичков, которые ни разу не были в бою и никогда еще не входили в Боевой зал через верхние ворота, все было сущей китайской грамотой.

— Бегом, по четверо, как только я открою ворота, с интервалом в одну секунду!

Виггин отошел в хвост колонны и, используя свой «крюк» — специальный аппарат, выгнутый по форме руки и надеваемый на запястье, отдал приказ воротам, казавшимся такими солидными, исчезнуть.

— Пошел! — Четверо первых бросились к воротам. — Пошел! — Вторая четверка прыгнула вслед, когда первая исчезла за воротами. Задер-

живаться было нельзя — того и гляди, задние врежутся тебе в спину. Первая четверка, подпрыгнув, коснулась поручней и, оттолкнувшись, с разной степенью неуклюжести разлетелась в разные стороны. — Пошел! — Следующая группа попыталась учесть печальный опыт первой. — Пошел!

Боб находился в самом конце — в последней четверке. Виггин положил ему руку на плечо.

— Если хочешь, можешь воспользоваться боковыми поручнями.

Верно, подумал Боб. Теперь ты решил понянчиться со мной. Не потому, что на мне этот засратый переделанный боевой костюм сидит как на верблюде, а потому, что я такой занюханный.

— А пошел ты со своими советами!

При пробежке к воротам Боб ухитрился держаться в своей шеренге, хотя для этого ему пришлось вдвое чаще перебирать ногами, а когда он оказался на пороге, он сделал мощный прыжок вверх. Самыми кончиками пальцев он коснулся потолочных поручней, а затем, потеряв всякий контроль над движением, вращаясь во всех трех плоскостях, чувствуя тошноту и головокружение, полетел куда-то в пространство.

Он и не ждал удачи с первого раза, поэтому вместо того, чтобы пытаться прекратить безумное вращение, он успокоился, постарался обуздать рвотные позывы, расслабился и попытался хотя бы слегка сгладить эффект столкновения со стеной. В том месте, где он с ней столкнулся, поручней не было, да и летел он так, что если б они там и оказались, то угол полета не позволил бы Бобу за них ухватиться. Ему удалось оттолкнуться от стены и уже гораздо медленнее завершить полет на потолке совсем близко от стены назначения. Теперь ему понадобилось гораздо меньше времени, чем многим другим, чтобы очутиться внизу, где уже выстраивалась шеренга солдат — прямо под воротами задней стены, воротами гипотетического неприятеля.

Виггин изящно пролетел по воздуху, направляясь к своим солдатам. Поскольку у него был «крюк», он мог бы свободно маневрировать в невесомости, но в реальной боевой обстановке «крюки» были бесполезны, поэтому командующие старались ими не злоупотреблять. Боб с удовлетворением отметил, что Виггин вообще не пользуется «крюком». Он спикировал наискось и ухватился за поручень на полу, примерно в десяти шагах от задней стены, повиснув в воздухе

«вниз головой».

Пристально глядя на одного из солдат, Виггин требовательно спросил:

— Ты почему стоишь на голове, солдат?

Многие солдаты тут же принялись менять свое положение на такое же, как у Виггина.

— Внимание! — рявкнул Виггин. Движение тут же прекратилось. — Я спросил, почему ты стоишь вниз головой.

Боб удивился, почему солдат, к которому обратился Виггин, не отвечает. Неужели он забыл то, чему их учил Даймек в шаттле на пути к станции? Умышленная дезориентация? Или так делал один Даймек?

— Я спрашиваю вас, почему вы все стоите, болтая в воздухе ногами, а головой упираясь в землю?

Виггин не смотрел на Боба, да и вопрос был такой, на который Боб не стремился отвечать. Кто его знает, какой ответ Виггин считает правильным, да и зачем открывать рот, если тебе тут же могут приказать заткнуться.

Наконец заговорил Шейм — имя, сокращенное от Шеймуса:

— Сэр, это то направление, с которого мы вылетали из коридора.

Что ж, неплохо, подумал Боб. Куда лучше, чем примитивные рассуждения о том, что в невесомости нет ни верха, ни низа.

— Да какое это имеет значение? Какое значение имеет уровень гравитации в коридоре? Мы что — в коридоре намерены сражаться, что ли? Разве здесь есть сила тяжести?

— Нет, сэр, нету, — зашумели солдаты.

— Отныне вам следует забыть о силе тяжести до тех пор, пока вы снова не окажетесь в коридоре. Была сила тяжести, да сплыла. Ясно вам? Какая бы сила тяжести ни была в коридоре, помните одно: вражеские ворота внизу. А вверху находятся ваши собственные. Север — вон там, — он показал туда, где был «потолок», — юг — там, восток — здесь, а где запад?

Солдаты показали, где запад.

— Вот этого я и опасался, — произнес печально Виггин. — Единственный процесс, который вы освоили, — это вычитание. А причина, по которой вы его освоили, кроется в том, что вас учили, как надо писать в унитаз — всегда вниз.

Боб наблюдал за происходящим, забавляясь. Итак, Виггин избрал ту школу тренировок, которая называется «все-вы-кретины-и-я-вынужден-подтирать-вам-ваши-грязные-задницы». Что

ж, может, это и необходимо. Как своего рода ритуальная сторона тренировки. Пока эта тягомотина будет тянуться — ничего, но… Впрочем, командир имеет право на выбор.

Виггин бросил взгляд на Боба, но тут же перевел глаза на кого-то другого.

— Что это за бродячий цирк болтается у меня перед глазами? И вот это у вас называется строем? А то, что было, — полетом? Всем приготовиться, оттолкнуться и построиться на потолке. Моментально! Пошел!

Боб знал, в чем тут зарыта собака, и полетел к стене, которую они только что покинули, войдя в ворота, причем сделал это раньше, чем Виггин успел закончить свой приказ. Большинство солдат тоже поняли, в чем состоит испытание, но было немало и таких, кто прыгнул в неверном направлении — в том, что Виггин обозвал «севером», а не в том, что он назвал «верхом». На этот раз Боб оказался почти рядом с поручнями, за которые неожиданно легко ухватился. Ему приходилось это делать и во время практических занятий своей группы, но он был так мал, что в отличие от остальных нередко оказывался вдали от поручней, за которые надо было держаться. Короткие руки — огромный недостаток

в Боевом зале. Но на малых расстояниях Боб мог нацелиться на поручни и прибыть к месту назначения относительно точно. А вот когда надо было лететь через весь зал, тогда уж на точность претендовать не следовало. Поэтому Боб очень обрадовался, что хоть на этот раз он не выглядел лопухом. Больше того, фактически он оттолкнулся первым, а потому первым и прибыл туда, куда было приказано.

Боб осмотрелся и стал наблюдать за тем, как ребята, совершившие ошибку, делают долгие и неуклюжие прыжки, чтобы присоединиться к основному ядру армии. Его удивило, кто именно оказался среди таких дурней. Невнимательность превращает в шутов даже самых лучших из нас, подумал он.

Виггин снова остановил на нем взгляд, но на этот раз не отвел его.

— Ты! — Виггин указал на Боба. — Где находится «низ»?

Да разве они не говорили об этом только что?

— Там, где вражеские ворота.

— Как тебя звать, малыш?

Не может быть, чтобы Виггин не знал, как зовут самого маленького слушателя, имеющего самые высокие баллы в этой чертовой школе. Что ж,

если мы разыгрываем сценку о грубом сержанте и глупом рекруте, то будем действовать по сценарию.

— Этого солдата звать Боб.

— Прозвище получил за рост или за количество мозгов?

Кое-кто из солдат засмеялся. Но далеко не все. *Им-то* была известна репутация Боба. Им уже давно не казалось, что он такой крохотный. Они лишь иногда испытывали что-то вроде стыда, видя, что такой малыш имеет высшие баллы по тестам, где есть вопросы, которых они вообще не могут понять.

— Ладно, Боб, ты прав.

Теперь Виггин обратился уже ко всей группе и стал читать им лекцию о том, как следует влетать в ворота ногами вперед, чтобы оказаться как можно меньшей мишенью для вражеского оружия. Попасть в летящего в такой позе противника и заморозить его куда как трудно.

— А что произойдет, когда человека заморозят?

— Он не сможет двигаться, — высказался один из солдат.

— То, что ты сказал, и означает, что он заморожен. Но что произойдет с замерзшим?

По мнению Боба, Виггин не совсем четко формулировал вопрос, а потому не было смысла тянуть резину и ждать, пока догадаются остальные. Поэтому Боб высказался:

— Он продолжит полет в том же направлении, куда и летел до замораживания. И с той же скоростью, которую набрал, оттолкнувшись.

— Верно, — отозвался Виггин. — Вы, пятеро, что стоят в конце шеренги, оттолкнитесь. Пошел!

Он указал на пятерых солдат, которые довольно долго переглядывались, пытаясь догадаться, кого именно персонально имел в виду Виггин. Так что у Виггина вполне хватило времени, чтобы заморозить их своим оружием прямо на месте. Во время практических занятий на оттаивание требовалось несколько минут, но командующий мог освободить пострадавших мгновенно с помощью своего «крюка».

— Следующая пятерка, пошел!

Не пятерка, а целая семерка — где уж тут считать! — рванулась вперед, но Виггин успел заморозить их еще быстрее, чем первых, хотя они, успев все же оттолкнуться, продолжали лететь к той стене, которую выбрали в качестве цели. Что касается первой пятерки, то они парили совсем рядом с тем местом, где были заморожены.

— Вы только взгляните на этих так называемых солдат! Командир приказал им прыгнуть, а они… Только поглядите на них! Мало, что они дали себя заморозить, но они еще умудрились сделать это там, где будут болтаться под ногами собственной армии, мешая ее действиям. А вон те — следующие — благодаря тому, что правильно выполнили приказ, хотя и были заморожены, но нарушили порядки врага и закрывают ему обзор. Я надеюсь, что не меньше пяти из оставшихся солдат поняли смысл этого маневра.

Мы все поняли его, Виггин. Сюда — в Боевую школу — дураков не берут. И недаром я подобрал тебе самую лучшую армию из всех возможных.

— И без сомнения, один из этой пятерки — Боб. Ведь так, Боб?

Боб просто поверить не мог, что Виггин *снова* выделит его. Все потому, что я такой маленький. Он выбирает меня, чтобы устыдить остальных. Если даже такому недомерку понятно, то как вам — таким здоровенным — не стыдно?

Но тогда, значит, Виггин ничего до сих пор не понял? Он думает, что получил армию из непонятливых новичков и никуда не годных «опивок» из числа ветеранов! До него не дошло, что на самом деле у него в руках элитная группа ребят.

И обо мне, значит, он думает, как о самом жалком недомерке в составе этого жалкого сброда! Теперь-то он понял, что я не идиот, но остальные все для него — неуклюжие олухи.

А между тем Вигин все еще продолжал смотреть на него. Ах да, он же ждет ответа на свой вопрос.

— Так точно, сэр.

— Ну и каков же этот самый вывод?

Что ж, будем с ним так же кратки, как он с нами.

— Коли тебе приказано двигаться, выполняй приказ немедленно, чтобы, если тебя заморозят, ты летел бы вперед, а не болтался под ногами своей армии, мешая ее действиям.

— Отлично. Значит, в нашей армии есть хоть один человек, который умеет работать головой.

Вот теперь Бобу стало противно. И это командующий, который, как считают, может превратить Драконов в легендарную армию! Это тот Вигин, которого считают альфой и омегой Боевой школы, а он разыгрывает пошлую сцену, выделяя меня из рядов солдат в качестве будущего козла отпущения! Вигин, который даже не удосужился взглянуть на наши баллы, не обсудил качество своих солдат с учителями! Если бы он сделал это,

то наверняка знал бы, что я самый головастый парень в школе! Остальным-то это известно! Вот почему они с каким-то стыдом поглядывают друг на друга! Виггин прилюдно обнаруживает свое невежество!

На мгновение Бобу показалось, что Виггин заметил недовольство своих солдат. Вполне возможно, что это был слабый проблеск понимания, что политика высмеивания воображаемой всеобщей тупости ребят дает совершенно противоположный результат. И тогда Виггин приступил к настоящей тренировке. Он учил их «стоять» на коленях в воздухе во время полета, учил замораживать себе ноги, чтоб сохранять такое положение и одновременно палить по неприятелю из оружия, держа его между коленями. В этом случае «замороженные» ноги служили своеобразным щитом, принимая на себя огонь противника и позволяя самому дольше сохранять мобильность в открытом пространстве зала. Хорошая тактика, подумал Боб. Он наконец стал понимать, что в конце концов Виггин может оказаться не таким уж плохим командиром, как он начал было думать. Боб заметил, что и в других ребятах стало расти чувство уважения к юному командующему.

Когда они отработали этот прием, Виггин разморозил своих солдат, пострадавших при проведении эксперимента.

— Ну, — спросил он, — так где же сейчас ворота противника?

— Внизу! — хором ответили они.

— И какова должна быть наша позиция для атаки?

Пустяки, подумал Боб. Раз мы все можем отвечать на первый вопрос уже хором, то лучшим ответом на второй может быть только демонстрация. Поэтому он резко оттолкнулся от стены, направляясь к противоположной, ведя непрерывный огонь меж раздвинутых колен в продолжение всего полета. Маневр был выполнен не так уж безупречно — Боба немного крутило, — но в целом дело было сделано вполне удовлетворительно.

Позади он услышал крик Виггина:

— Неужто Боб тут только один, кто знает дело?

К тому времени, когда Боб оказался у противоположной стены, вся остальная армия уже летела за ним, крича на пределе прочности легких. На потолке остался только Виггин. Боб, усмехнувшись, отметил про себя, что Виггин стоит в той же позиции, которая была у него в коридоре:

голова обращена к «северу», то есть к прежнему «верху». Теоретически командир был прекрасно подготовлен, но на практике очень трудно стряхнуть с себя мышление, выработанное в условиях гравитации. Боб тут же изменил свое положение — теперь его голова была направлена к «западу». Солдаты, бывшие рядом, поспешили последовать его примеру. Если Виггин это заметил, то виду не подал.

— А теперь возвращайтесь обратно, — крикнул Виггин, — и атакуйте меня!

Немедленно его боевой костюм засверкал от выстрелов сорока пистолетов, паливших на лету, — это его армия бросилась в атаку на своего командующего.

— Ух, — сказал Виггин. — Подстрелили все-таки!

Все весело расхохотались.

— Ну а теперь скажите мне, зачем в бою нужны ноги.

— Да они вовсе и не нужны, только мешают, — крикнули несколько солдат хором.

— Боб, кажется, так не думает, — сказал Виггин.

Значит, даже теперь он не хочет оставить меня в покое. Так что же он хочет услышать от меня?

Кто-то уже пробормотал что-то насчет щитов, но Виггин на это не среагировал. Значит, в виду имеется что-то другое.

— Они нужны, чтобы отталкиваться ими от стен, — догадался Боб.

— Верно, — поддержал его Виггин.

— Бросьте! Толчок — только способ передвижения, а не бой, — возразил Бешеный Том. Его мнение поддержали еще несколько голосов.

Ну вот и началось, подумал Боб. Сейчас Том затеет бессмысленную ссору с командующим, который его отошьет и…

Но Виггин не ответил на поправку Тома грубостью, он лишь мягко заметил:

— Сражения без движения не бывает. А можно ли с «замороженными» ногами отталкиваться от стен?

Боб не знал, другие — тоже.

— Боб? — Опять Боб, черт бы его побрал!

— Никогда не пробовал… но, если встать лицом к стене и сложиться пополам…

— Правильно, но неточно. Смотрите на меня. Моя спина прижата к стене, ноги заморожены, я стою на коленях, а значит, и ноги тоже к стене прижаты. Обычно, когда вы отталкиваетесь, вы давите вниз, тело напрягается точно пружина и

летит, как боб из духовой трубки.

На этот раз расхохоталась вся группа. В первый раз Боб подумал, а может быть, Виггин действует с дальним прицелом, заставляя всю группу смеяться над маленьким пацаном? Не может ли быть, что Виггин отлично знает, что Боб самый головастый парень в школе и он просто хочет выделить Боба из числа остальных, чтобы вызвать у них неприязнь к нему. Сегодняшний день создал обстановку, которая должна внушить всему личному составу армии, что над Бобом можно потешаться сколько угодно, невзирая на то, что он умен. Ничего себе система Виггина! Свести к нулю эффективность своего лучшего солдата! Умышленно создать обстановку, в которой тот не сможет завоевать авторитет!

Однако куда более продуктивно перенимать знания у Виггина, которыми тот обладает, нежели злиться на его методы обучения. Поэтому Боб очень внимательно следил за тем, как Эндер демонстрирует им приемы отталкивания от стены с «замороженными» ногами. Он отметил, что при этом Виггин умышленно придает себе вращательное движение. Конечно, таким образом собственная стрельба затрудняется, но зато попасть в него издали противнику становится

очень трудно, так как луч, вылетающий из стволов их «пистолетов», не может долго задержаться на какой-либо точке тела Виггина, то есть не может его «убить».

Я могу злиться сколько угодно, но это не должно мешать мне учиться полезному, думал Боб.

Это была долгая и выматывающая тренировка, с бесконечной отработкой одних и тех же приемов. Боб понял, что Виггин стремится к тому, чтобы эти приемы не воспринимались сами по себе, изолированно, а переходили бы один в другой плавно и последовательно. Как в танце, подумал Боб. Ты не учишься сначала стрелять, потом отталкиваться от стен, потом контролировать вращение тела. Ты учишься комплексу отталкивание-стрельба-вращение.

К концу тренировки с солдат лили потоки пота, они вымотались, но были полны энтузиазма: их обучили тому, о чем они никогда не слышали от других солдат. Виггин собрал их у нижних ворот и объявил, что следующая тренировка состоится в их свободные часы.

— И не вздумайте говорить мне, что свободное время — оно и есть свободное. Мне это прекрасно известно, и вы вольны использовать его, как захотите. Но я *приглашаю* вас прийти на до-

полнительные занятия и *добровольно* заняться тренировкой.

Все хохотали. Эта группа полностью состояла из ребят, которые *упорно не хотели* раньше заниматься с Виггином в Боевом зале, и теперь он старался дать им понять, что ждет от них перехода на противоположную точку зрения. А они и не думали сопротивляться. После утренней тренировки они уяснили, что когда Виггин ведет занятия, то каждая минута используется очень интенсивно. И если тренировка будет пропущена, то пропустивший здорово отстанет от прочих солдат. Виггин получит их свободное время. Даже Бешеный Том не стал протестовать.

Боб понимал и другое. Ему необходимо немедленно изменить взаимоотношения с Виггином, иначе его шансы на лидерство сойдут к нулю. То, что с ним сегодня сделал Виггин, играя на зависти и ревности остальных солдат к этому недомерку, уже сильно затруднило Бобу его цель — стать лидером в этой армии. Если ребята будут с трудом переносить его присутствие, то кто из них последует за ним в бою?

Поэтому Боб подстерег Виггина в коридоре, когда остальные уже ушли.

— Привет, Боб, — сказал Виггин.

— Привет, Эндер, — ответил Боб. Уловит ли Виггин сарказм в том, как произнес его имя Боб? Поймет ли смысл крошечной задержки в ответе?

— *Сэр*, — мягко поправил его Виггин.

Ох, да брось ты это говно! С такими штучками мы знакомы и сыты ими по горло.

— Я знаю, что ты делаешь, Эндер, сэр, и хочу тебя предупредить.

— Предупредить меня?

— Я могу стать лучшим солдатом твоей армии, если ты перестанешь валять со мной дурака.

— Или что?

— Или я стану самым плохим твоим солдатом. Выбор твой. — Боб надеялся, что Виггин поймет глубинный смысл его слов: Боб может работать эффективно только в случае, если Виггин будет ему верить и уважать. Иначе он останется просто ребенком, который ни на что большее не годен. Однако он не исключал, что Виггин увидит в сказанном лишь угрозу бунта, в том случае, если Боб будет использоваться неправильно. Впрочем, вполне возможно, что такой намек там действительно присутствовал.

— И чего же ты хочешь? — спросил Виггин. — Любви и поцелуев?

Надо говорить прямо и просто. Изложить все

кратко и ясно, чтобы Виггин не смог делать вид, что он не понял.

— Я хочу получить взвод.

Виггин подошел к Бобу вплотную и поглядел на него сверху вниз. Хорошим признаком для Боба было одно: Эндер не расхохотался.

— И почему же я должен тебе его дать?

— Потому что я знаю, что с ним делать.

— Знать, что с ним делать, — дело не хитрое. Куда труднее заставить солдат повиноваться. Неужели ты думаешь, что они будут выполнять приказы такого недомерка, как ты?

Виггин ухватил самую суть проблемы, но Бобу не понравилась издевательская форма, в которую тот облек свою мысль.

— Мне приходилось слышать, что тебя самого так называли еще совсем недавно. А Бонзо Мадрид и теперь не называет тебя иначе.

Эндер, однако, отказался заглотить наживку.

— Я задал тебе вопрос, солдат.

— Я завоюю их уважение, сэр, если ты не будешь мне мешать.

К удивлению Боба Виггин широко осклабился.

— В этом я тебе уже изрядно помог.

— Черта с два ты мне помог!

— Никто бы тебя и не заметил, разве что из

жалости, раз ты такой малыш. А я умышленно сделал так, чтобы на тебя обратили внимание все.

Надо было тебе, Виггин, разобраться кое в чем заранее! Ты же единственный, кто не знает, кто я такой!

— Они будут следить за каждым твоим движением, — продолжал Виггин, — и все, что тебе надо делать, это добиться их уважения и быть во всем образцом.

— Значит, меня будут судить еще до того, как я получу хоть какие-нибудь сведения о предмете?

— Ах ты, бедолага! И все-то норовят обидеть сироту!

Нарочитое презрение Виггина взбесило Боба. Ты же умнее, чем кажешься, Эндер!

Видя бешенство Боба, Виггин протянул руку и силой толкнул его к стене, так что Боб уперся в нее спиной.

— Я скажу тебе, что надо сделать, чтобы получить взвод. Докажи, что ты хороший солдат. Докажи, что ты знаешь и умеешь правильно использовать своих солдат. И докажи мне, что есть люди, готовые идти за тобой в схватку. И тогда ты получишь взвод. Но черта с два ты его получишь до этого!

Боб не обратил внимания на руку, пригвоздившую его к стене. Чтобы его испугать, требовалось нечто большее, нежели физическая сила.

— Это справедливо, — сказал он. — Если ты сдержишь слово, я буду командовать взводом уже через месяц.

Теперь пришла очередь Виггина выйти из себя. Он схватил Боба за ворот его боевого костюма и поднял его вверх так, что их лица оказались на одном уровне.

— Если я сказал «да», то это твердое «да».

Боб только усмехнулся ему в лицо. При низкой силе тяжести в этой части станции поднимать малышей за шиворот было не таким уж надежным доказательством собственной силы. Кроме того, Виггин не хулиган. Так что ничего Бобу не угрожало.

Виггин отпустил Боба. Тот соскользнул по стене, мягко приземлился на пол, снова подпрыгнул и опять приземлился, на это раз уже окончательно. Эндер же подошел к шесту и соскользнул на нижнюю палубу. Что ж, Боб все-таки достал его и добился своего. Кроме того, Виггин понял, что сегодня был не на высоте. И не забудет об этом. Фактически именно Виггин сегодня потерял часть своего авторитета, понял это и теперь при-

ложит все силы, чтобы вернуть его.

В отличие от тебя, Виггин, я всегда дам другому парню шанс научиться своему делу и только потом буду требовать от него совершенства. Сегодня ты поступил со мной подловато, но я дам тебе шанс завтра поступать лучше, а послезавтра еще лучше!

Но когда Боб подошел к шесту и ухватился за него, он обнаружил, что руки дрожат, а ладони сжимают скользкий шест совсем слабо. Пришлось с минуту постоять, прислонясь к шесту, чтобы успокоить нервы.

Эта схватка с Виггином, чуть не кончившаяся рукопашной, не принесла Бобу полного удовлетворения. Больше того, не исключено, что это была глупость. Виггин доставил ему боль своими въедливыми замечаниями и насмешками. Боб ведь изучал Виггина как объект созданной им самим теологической системы, а сегодня вдруг обнаружил, что все это время Виггин даже не знал о существовании Боба! Все сравнивали Боба с Виггином, но, по-видимому, Виггин об этом или не знал, либо ему было просто наплевать. Он обращался с Бобом так, будто тот был никто! А ведь после того, как Боб целый год в поте лица трудился, чтобы завоевать авторитет, он ни в

малейшей степени не ощущал желания снова стать никем. Теперь к нему вернулись ощущения, которые он считал исчезнувшими вместе с Роттердамом. Тошнотворный страх неизбежной смерти. Хотя он и знал, что здесь на него никто даже руки не поднимет, он все еще помнил, как стоял на краю гибели, когда впервые подошел к Недотепе и отдал ей в руки свою жизнь.

Неужели я снова делаю то же самое? Внеся свое имя в этот список, я отдал свое будущее в руки этого мальчишки. Я надеялся, что он увидит во мне то, что вижу я. А он не сумел. Я должен дать ему время.

Если оно есть. Почему-то учителя заторопились. У Боба может не оказаться того года, который нужен, чтобы убедить Виггина.

14. Братья

— У вас есть результаты, которых я жду?

— И даже весьма интересные. Волеску солгал. Кое в чем.

— Надеюсь, вы детализируете мне ваше открытие?

— Генетические изменения, произведенные в Бобе, основывались не на клонировании Волес-

ку. Можно с полной уверенностью сказать, что Волеску — не отец Боба. Но зато он, без всякого сомнения, приходится Бобу дядей или кузеном в близкой степени родства. Думаю, у Волеску был либо единокровный брат, либо двоюродный брат, потому что только столь близкий родственник мог стать отцом оплодотворенного яйца, над изменением которого работал Волеску.

— У вас, как я понимаю, есть список родственников Волеску?

— На суде сведения о его родственниках нам не были нужны. А мать Волеску не была замужем. Он взял ее фамилию.

— Значит, у отца Волеску был еще другой сын, но вам имя отца неизвестно. А я-то считала, что вы знаете все на свете.

— Мы знаем все о вещах, которые считаем важными для себя. И тут сформулировано очень важное различие. Мы просто не искали отца Волеску. Он ведь не был замешан в преступлении. А допрашивать все население земного шара мы не можем.

— Тогда еще один вопрос. Поскольку вы знаете все о том, что считаете важным для себя, то, возможно, сможете мне объяснить, почему некоего мальчика-калеку забрали из той школы, куда я

его устроила?

— Ах! Этот? Поскольку вы вдруг перестали им интересоваться, у нас возникли подозрения. Мы его вскоре обнаружили. Протестировали. Он — не Боб, но, без сомнения, относится к нашему контингенту.

— А вам не пришло в голову, что у меня могли быть веские основания не подпускать его близко к Боевой школе?

— Мы решили, что вы опасаетесь, что мы предпочтем Ахилла Бобу, который, если говорить прямо, еще слишком юн, а потому выдвинули вперед своего любимца.

— Вы решили, что я обращаюсь с вами как с интеллигентными людьми, а потому обошлись со мной как с идиоткой. Теперь я вижу, что все должно было быть наоборот.

— А я и не предполагал, что истинные христиане способны так злиться.

— Ахилл уже в Боевой школе?

— Он еще не оправился от своей четвертой операции. Оперировать его нам пришлось на Земле.

— Разрешите мне дать вам совет. Не отправляйте его в Боевую школу, пока Боб находится там.

— Бобу пока только шесть лет. Он все еще слишком юн для этой школы, а говорить о том, чтобы

выпустить его оттуда, тем более абсурдно.

— Если возьмете Ахилла, то немедленно отчислите Боба!

— Это еще почему?

— Если вы такой тупой, что не верите мне после того, как все мои суждения оказались верны, то я не собираюсь тратить порох на то, чтобы переубеждать вас. Скажу лишь, что их встреча в школе, вероятно, завершится смертью одного из двух возможных.

— Которого?

— Вероятно, это будет зависеть от того, кто кого увидит первым.

— Ахилл говорит, что он очень многим обязан Бобу. Он его любит.

— Ну тогда, разумеется, вам надлежит верить ему, а не мне. Но не вздумайте присылать труп мне, чтобы я занялась похоронами. Хороните свои ошибки сами.

— Это звучит бессердечно.

— Я не собираюсь лить слезы ни на той, ни на этой могилке. Вы, видимо, решили выяснить, кто из них лучше, прибегнув к дарвиновской теории выживания наиболее приспособленных.

— Успокойтесь, сестра Карлотта. Мы учтем ваше мнение. Мы тут, знаете ли, дурака не валяем.

— Вы уже сваляли его. И ничего лучшего я от вас теперь не жду.

* * *

Дни превращались в недели, армия Виггина обретала форму, а Боб то впадал в отчаяние, то ослеплялся радужными надеждами. Надежды были потому, что Виггин формировал свою армию умело, а она обладала неистощимой способностью к адаптации. Отчаяние же связывалось с тем, что Виггин действовал без всякой опоры на Боба.

После нескольких тренировок Виггин выбрал себе командиров взводов. Все это были ветераны из списков на отчисление. Все они уже успели побывать на постах взводных или их заместителей. Кроме того, вместо нормальных четырех взводов по десять солдат Виггин создал пять по восемь человек и заставил их тренироваться по полувзводно, причем одним полувзводом командовал взводный офицер, а другим — его заместитель.

Никогда еще армии не разбивались на столько мелких подразделений. И это вовсе не была показуха. Виггин упорно работал над тем, чтобы взводные и их заместители имели бы как можно больше свободы. Он ставил перед ними задачи,

но предоставлял лидерам самим решать, как лучше достичь поставленной цели. Иногда он собирал три взвода в кулак, поручив оперативное командование ими одному из взводных, а сам командовал оставшимися солдатами. В таких масштабах командующие армиями никогда ни с кем властью не делились.

Кое-кто из солдат не одобрял подобных нововведений. Толпясь у выхода из казармы, ветераны болтали о предстоящей тренировке — не будут ли они тренироваться десятью взводами по четыре человека каждый?

— Каждому дураку ясно, что это никудышная стратегия — дробить армию, — сказал Муха Моло, взводный офицер взвода «А».

Бобу не понравилось, что офицер, следующий по рангу сразу за Виггином, в подобной форме высказывается о стратегии своего командира. Конечно, Виггин сам еще только учится. Но существует и такая штука, как субординация.

— Он не дробит армию, — возразил Боб. — Он ее организует. И нет таких законов стратегии, которых нельзя было бы нарушить. Есть такая идея — сосредоточить армию на направлении главного удара, но это вовсе не значит, что она должна толпиться на одном пятачке.

Муха тут же окрысился на Боба.

— То, что вам — малышне — разрешается слушать наши разговоры, отнюдь не значит, что вы в них хоть что-то понимаете.

— Уж если ты не хочешь верить мне, то подумай о том, чего ты вообще хочешь. Мои слова, во всяком случае, не сделают тебя глупее, чем ты есть на самом деле.

Муха кинулся на Боба, схватил его за руку и стал стаскивать с койки.

И тут же Николай выпрыгнул из своей койки, находившейся как раз напротив Боба, и приземлился прямо на спину Мухи, стукнув его головой о край койки Боба. В одно мгновение другие взводные растащили Муху и Николая: драка все равно не была бы равной — Николай ростом мало чем отличался от Боба.

— Брось, Муха, — сказал Горячий Супчик — Хан-Тзу — взводный «D». — Николай считает, что он Бобу как старший братишка.

— А как называется то, что пацаны кидаются на взводных? — орал Муха.

— Ты сам проявил неуважение к командующему, — спокойно вмешался Боб. — Причем был на сто процентов не прав. Если по-твоему, то Ли и

Джексон под Ченселорсвиллом[17] вели себя как идиоты, что ли?

— Смотри, а он все свое гнет!

— Ты что, так глуп, что не видишь правды, если ее тебе говорит человек маленького роста? — Все раздражение Боба от того, что он не входит в число офицеров, вылилось наружу. Он понимал это, но не желал брать себя в руки. Надо же сказать им правду. И Виггин нуждается в поддержке, если за его спиной уже начинают шептаться.

Николай стоял на нижней койке, чтобы быть ближе к Бобу, как бы укрепляя связь между ними.

— Кончай, Муха, — сказал он. — Это же *Боб*, забыл, что ли?

К удивлению Боба, Муха смолчал. До сих пор Боб сам не понимал, какую силу имеет его репутация. Он мог быть рядовым в армии Драконов, но все равно он оставался сильнейшим знатоком стратегии и военной истории во всей школе, и все — кроме Виггина — знали это.

— Я должен был говорить с тобой с большим

---

[17] Примечания: 17

Имеется в виду одно из сражений Гражданской войны в США. 1–5 мая 1863 г. у городка Ченселорсвилл армия южан под командованием генерала Ли нанесла поражение северянам, потерявшим более 18 тысяч убитыми. У южан было убито около 10 тысяч и среди них знаменитый генерал Джексон по прозвищу Каменная Стена.

уважением, — сказал он, обращаясь к Мухе.

— Ты чертовски прав, — буркнул тот.

— Но и ты обязан быть повежливее.

Муха рванулся из рук ребят, державших его.

— Говоря о Виггине, — продолжал Боб, — ты не проявил к нему должного уважения. «Всякому дураку известно, что дробить армию — никудышная стратегия». — Боб безупречно сымитировал интонацию Мухи. Кто-то из ребят расхохотался. Муха тоже — через силу.

— О'кей, все правильно. Я совершил ошибку, — сказал Муха. — Но все равно — я офицер!

— Нет, когда ты тащишь малыша из его койки, ты не офицер, — ответил ему Николай. — Когда ты поступаешь так, ты просто хулиган.

Муха моргнул. Все молчали, разумно полагая, что Мухе надо дать время для принятия правильного решения.

— Ты совершенно прав, Николай. А друга надо защищать от хулиганов. — Он переводил взгляд с Николая на Боба и обратно. — Молодцы! А ведь вы, ребята, даже немного косите на братьев. — И пошел мимо них к своей койке. За ним потянулись и другие взводные. Кризис разрешился благополучно.

Только теперь Николай поднял глаза на друга.

— Вот уж не думал, что такой стручок и урод похож на меня, — тихо сказал он.

— А я, если подрасту и стану на тебя похожим, обязательно повешусь, — в тон ответил Боб.

— А что — тебе обязательно так обращаться с *большими ребятами?*

— А я, думаешь, ожидал, что ты накинешься на них, как пчелиный рой в одном лице?

— Думаю, мне просто захотелось сигануть на кого-то.

— Тебе? Мистеру Паиньке?

— Ну последнее-то время я не чувствую себя таким уж паинькой. — Николай перескочил на койку Боба, чтобы можно было говорить потише.

— Знаешь, мне как-то тут не по душе, Боб. Не прижился я в этой армии.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Не готов я еще стать солдатом. Может, и вообще не гожусь для этого. Все тут учатся быстрее меня. Все схватывают на лету, а я стою и пытаюсь разобраться, что к чему.

— Значит, надо работать упорнее.

— А я и так работаю, как черт. Ты вот все… буквально все схватываешь легко, все видишь вперед. И не в том дело, что я тупой. Я тоже все

понимаю, но… отставая на шаг.

— Мне очень жаль.

— Чего жаль-то? Ты ж тут ни сном ни духом.

Еще как виноват-то, Николай.

— Давай разберемся. Ты говоришь, что не ощущаешь себя частицей армии Эндера Виггина?

Николай усмехнулся.

— А он класс, верно?

— Ты станешь ее частицей. Ты хороший солдат. Вот увидишь. Начнем сражаться, и ты быстро станешь ничуть не хуже других.

— А… возможно. В крайнем случае меня заморозят и запустят в противника. Такой большой неуклюжий самоуправляемый снаряд.

— Вовсе ты не неуклюжий.

— В сравнении с тобой все мы увальни. Смотрю я на тебя — ты ж за день выкладываешься на всю столовую порцию.

— А меня тут слишком обильно кормят.

— Ладно, пора работать! — Николай перепрыгнул в свою койку. Иногда Боб очень остро ощущал свою вину в том, что втащил Николая в эту историю. Но ведь как только они начнут побеждать, множество ребят, которые не попали в армию Драконов, будут готовы на что угодно, лишь бы поменяться местами с Николаем. Бобу показалось

удивительным, что Николай так четко ощутил, что отстает от других. В конце-то концов разница между ними всеми не так уж и велика. Может, есть и другие, которым тоже кажется, что они отстают? Жаль, не удалось ему успокоить Николая. Больше того, тот, видимо, еще сильнее укрепился в своем ощущении неполноценности.

Эким чувствительным другом я оказался!

Встречаться еще раз с Волеску смысла не было, особенно учитывая, сколько лжи он нагородил во время первой встречи. Все это вранье насчет копий и оригинала теперь ее уже не обманет. Он просто убийца и слуга Отца Лжи. И ничего, чтоб помочь сестре Карлотте, этот Волеску не сделает. А необходимость выяснить, чего можно ожидать от единственного ребенка, пережившего карманный холокост Волеску, столь важна, что опираться снова на слова такого человека совершенно бессмысленно.

Кроме того, Волеску, видимо, договорился со своим единокровным или двоюродным братом — иначе как бы он мог получить оплодотворенные яйцеклетки, содержащие ДНК этих родственников? Поэтому сестре Карлотте надо было или идти по следам Волеску, или сдублировать его исследования.

Она довольно быстро установила, что он был незаконным сыном румынки из Будапешта. Весьма элементарная проверка плюс разумное использование высокого допуска добыли сестре Карлотте фамилию отца Волеску — уроженца Греции, важного чиновника Лиги, который только что получил высокий пост в штабе Гегемона. Это могло бы затруднить дальнейшие шаги сестры Карлотты, но ей не было особой нужды беседовать с дедушкой Боба лично. Как только она установила его фамилию, она без труда получила и сведения о его трех законных детях. Дочь Карлотта тут же исключила, так как ей нужны были мужские хромосомы, а из двоих сыновей она для начала выбрала того, который был женат.

Супруги жили на Крите, где Юлиан руководил компанией по производству программного обеспечения, работавшей исключительно на Международную Лигу Обороны Земли. Совершенно очевидно, что данное обстоятельство не было случайным совпадением, но семейственность могла рассматриваться почти как добродетель в сравнении с взяточничеством и торговлей постами, которыми эта Лига себя прославила. Вообще же сама по себе коррумпированность Лиги была явлением достаточно безвредным,

поскольку МКФ задолго до этого захватил в свои руки контроль над собственным бюджетом и Лигу к нему на пушечный выстрел не подпускал. Таким образом, Полемарх и Стратег имели в своем распоряжении куда больше средств, нежели Гегемон, который тем самым стал куда менее могущественным и даже зависимым.

А то, что Юлиан Дельфийски обязан своей карьерой отцу, вовсе не означало, что эта фирма производит некачественную продукцию или что сам Юлиан — человек бесчестный. Во всяком случае, если честность мерить по стандартам, принятым в мире бизнеса.

Сестра Карлотта обнаружила, что для встречи с Юлианом и его женой Еленой даже не понадобится ее допуск. Она просто позвонила им и сказала, что хочет увидеться по делам, связанным с МКФ. Они тут же предложили ей назначить удобный для нее день встречи. Она прилетела в Кносс и была доставлена к дому на высоком обрыве, откуда открывался дивный вид на Эгейское море. Супруги очень нервничали, у Елены глаза были на мокром месте, и она все время прикрывала лицо носовым платком.

— Извините, — сказала сестра Карлотта, — но я не понимаю, почему вы так нервничаете. В моем

деле к вам нет ничего такого, что могло бы вас потревожить.

Супруги обменялись взглядами, и Елена немного успокоилась.

— Значит, с нашим мальчиком ничего не случилось?

На какое-то мгновение сестре Карлотте показалось, что они откуда-то уже знают о Бобе. Но как это могло произойти?

— С вашим сыном?

— Значит, с ним все в порядке? — Елена расплакалась, на этот раз от радости и облегчения. Муж встал возле нее на колени, она прижалась к нему, но еще долго не могла успокоиться.

— Видите ли, нам так не хотелось отпускать его на военную службу, — сказал Юлиан. — И когда нам позвонила представительница религиозного Ордена и сказала, что ей надо увидеться с нами по делам, связанным с МКФ, мы подумали… мы решили, что…

— Ох, мне ужасно жаль… Я не знала, что у вас сын в армии, иначе я была бы с самого начала осторожнее… А так вышло, что я прибыла к вам вроде как с фальшивыми документами. Дело, о котором я хочу с вами поговорить, весьма деликатное, так что, возможно, вам будет трудно

отвечать на мои вопросы. И тем не менее оно весьма важно для МКФ. Отвечая мне откровенно, вы не подвергаете себя ни малейшему риску, могу вас заверить в этом.

Елена уже полностью овладела собой. Юлиан тоже сел, и теперь они оба смотрели на сестру Карлотту спокойно и дружески.

— Спрашивайте о чем хотите, — сказал Юлиан. — Мы с радостью… ответим на все ваши вопросы…

— Ответим, если сможем, — дополнила его Елена.

— Вы сказали, что у вас есть сын. Тогда возникает возможность, что… У меня есть причина поинтересоваться… может быть, по каким-либо обстоятельствам… словом, не был ли ваш сын зачат в обстановке, которая вызвала необходимость произвести клонирование оплодотворенных яйцеклеток?

— О да, — ответила Елена. — И никакой тайны в этом нет. Дефект в одной из фаллопиевых труб и внематочная беременность в другой сделали невозможным зачать ребенка в матке. Мы с мужем очень хотели иметь ребенка, и тогда у меня взяли несколько яйцеклеток, оплодотворили их спермой мужа, а затем клонировали те, кото-

рые мы выбрали. Таким образом клонировали четыре яйцеклетки, сделав из каждой по шесть копий. Две девочки и два мальчика. Пока мы имплантировали только одну. Получился такой замечательный мальчик, что нам не хотелось лишать его хоть капли родительской любви. Но теперь его образование ушло из наших рук, и мы подумываем о том, чтобы «зачать» одну из девочек. Время-то бежит… — Она взяла руку мужа и улыбнулась. Он улыбнулся ей в ответ.

Какой контраст с Волеску. Трудно поверить в определенную общность генетического материала.

— Вы сказали: шесть копий с каждой из четырех яйцеклеток? — спросила сестра Карлотта.

— Шесть, включая оригинал, — ответил Юлиан. — Таким образом мы получили оптимальную возможность имплантировать каждую из четырех и успешно провести ее через все циклы беременности.

— А всего, значит, было двадцать четыре яйцеклетки. И только одна была имплантирована?

— Да, нам повезло. Первая же сработала отлично.

— Осталось двадцать три?

— Совершенно точно.

— Мистер Дельфийски, все эти двадцать три оплодотворенные яйцеклетки находятся в сохранности? Готовые к имплантации?

— Конечно.

Сестра Карлотта немного подумала.

— И как давно вы проверяли это?

— На прошлой неделе, — ответил Юлиан. — Мы как раз снова обсудили с женой вопрос о том, чтобы завести еще одного ребенка. Доктор заверил нас, что с яйцеклетками все в порядке и они могут быть подготовлены к имплантации буквально за считанные часы.

— Но произвел ли доктор проверку лично?

— Не знаю, — ответил Юлиан.

Елена явно была взволнована.

— До вас дошли какие-нибудь слухи? — спросила она.

— Никаких, — ответила сестра Карлотта. — Я всего-навсего ищу источник генетического материала одного конкретного ребенка. Мне необходимо удостовериться, что ваши оплодотворенные яйцеклетки не являются этим источником.

— Разумеется, не являются. Они использованы только раз — при зачатии нашего первого сына.

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Но мне надо

узнать фамилию вашего врача и адрес той клиники, где хранятся яйцеклетки. И еще я попрошу вас позвонить этому врачу и попросить его лично немедленно посетить клинику и потребовать, чтобы ему показали ваши яйцеклетки.

— Но их же нельзя увидеть без микроскопа, — возразил Юлиан.

— Но можно проверить, не произошло ли чего-нибудь с контейнером, в котором они хранятся, — ответила сестра Карлотта.

Супруги Дельфийски снова встревожились, потому что не понимали причин такого интереса, а сестра Карлотта о многом должна была умолчать. Как только Юлиан сообщил ей фамилию врача и название клиники, сестра Карлотта вышла в сад и, глядя на сверкающие солнечные блики, рябью покрывавшие воды Эгейского моря, позвонила по своему сотовому телефону в штаб МКФ в Афинах.

На получение ответа на ее звонок и звонок Юлиана должно было уйти несколько часов, а потому и ей, и Юлиану, и Елене предстояло приложить героические усилия, чтобы сохранять кажущееся спокойствие. Они повели Карлотту на экскурсию по окрестностям, где чудесно сочетались модерн и древность, природная растительность, пустыня и море. Сухой воздух казался живитель-

ным, особенно когда в него врывался свежий морской бриз. Сестра Карлотта с любопытством слушала Юлиана, рассказывавшего о делах своей компании, и Елену, которая уже давно работала учительницей. Все ее опасения, что супруги выросли в мире коррупции, быстро рассеялись, так как оказалось, что Юлиан — серьезный и талантливый программист, а Елена относится к преподавательской работе, как участник крестового похода к Святым местам.

— Как только я стала обучать собственного сына, — говорила она, — я поняла, какой он замечательный. Но тестирование для определения места будущей учебы выявило, что его таланты интересуют МКФ.

Вот тут-то и прозвонили колокола тревоги! Сестра Карлотта поняла, что их сын уже не дитя. Да и сами они — не такая уж юная пара.

— Сколько же лет вашему сыну?

— Исполнилось восемь, — ответил ей Юлиан. — Нам прислали его фотографию. В своей форме он настоящий мужчина. К сожалению, письма оттуда редки.

Значит, их сын в Боевой школе! А они уже вступили в четвертый десяток, но, вероятно, поздно поженились, потом что-то не ладилось с зача-

тием, потом была внематочная, а затем диагноз — на обычное зачатие не приходится надеяться. Их сын всего на два года старше Боба.

Это означает, что если Графф сравнит генетический код Боба с кодом ребенка Дельфийски, то можно будет легко выяснить, принадлежат ли они к одной и той же клонированной яйцеклетке. Можно будет даже установить, какие именно изменения в генной структуре вызвал «ключ Антона», когда его ввели в структуру, еще не подвергавшуюся воздействию.

Теперь, когда стали известны новые факты, сестра Карлотта поняла, что все кровные родичи Боба должны обладать такими качествами, которые интересовали МКФ. «Ключ Антона», превращающий детей в узконаправленных гениев, не затронул тех качеств, которые интересуют МКФ. Боб обладал ими и без операции. Она дала ему лишь более высокий уровень интеллекта для использования уже имевшихся данных.

Разумеется, все это при условии, что Боб — это ребенок Дельфийски. Однако точное совпадение числа оплодотворенных яйцеклеток и числа детей, помещенных Волеску в «чистое место», говорило само за себя. Так, спрашивается, к какому еще выводу могла она прийти?

Вскоре пришли и ответы. Сначала свой получила сестра Карлотта, почти сразу же и Юлиан. Следователи МКФ явились в клинику вместе с врачом и установили, что яйцеклетки пропали.

Это была плохая новость для Дельфийски, и сестре Карлотте пришлось прогуляться по саду, чтобы дать возможность Юлиану и Елене побыть наедине. Вскоре ее опять пригласили в дом.

— Как много вы нам можете рассказать? — спросил Юлиан. — Вы ведь приехали к нам, уже подозревая, что наши дети похищены? Скажите, они родились?

Сестре Карлотте очень хотелось скрыться за завесой секретности, но, по правде говоря, никакой военной тайной тут и не пахло. Преступление Волеску рассматривалось гражданским судом. И все же, может быть, родителям лучше не знать правды?

— Юлиан, Елена, в лабораториях бывают аварии. Ваши дети могли бы погибнуть в одной из таких. Не лучше ли думать об этой истории как о трагической ошибке? Зачем добавлять тяжелый груз к той ноше, которую вы и без того тащите на себе?

Елена с бешенством накинулась на нее:

— Мне вы скажете, сестра Карлотта, если вы

действительно служите Богу Истины!

— Яйцеклетки были украдены преступником, который… нелегально подверг их определенным изменениям. Когда возникла опасность, что его преступление будет обнаружено, он безболезненно лишил детей жизни, дав смертельную дозу снотворного. Дети умерли без страданий.

— Этого человека будут судить?

— Его уже судили и приговорили к пожизненному заключению, — ответила сестра Карлотта.

— Уже? — воскликнул Юлиан. — Как давно были украдены наши дети?

— Больше семи лет назад.

— О! — воскликнула Елена. — Значит, наши дети… когда они умирали…

— Это были новорожденные. Им еще и году не исполнилось.

— Но почему именно *наши?* Почему он украл их? Он хотел продать их для усыновления? Он был…

— Разве это важно? Важно, что его планы не осуществились, — ответила Карлотта. — Характер экспериментов — секрет.

— Как имя убийцы? — спросил Юлиан. Видя, что сестра Карлотта колеблется, он стал настаивать: — Его дело слушалось в гражданском суде,

не так ли?

— В уголовном суде Роттердама, — ответила она. — Имя — Волеску.

Юлиан отшатнулся, будто его ударили по лицу, но тут же взял себя в руки. Елена ничего не заметила.

Он знает о любовнице отца, подумала сестра Карлотта. Он понял, каковы частично были мотивы кражи. Дети законного сына были украдены бастардом, подвергнуты пыткам, а потом убиты, причем законный сын не знал об этом семь лет. Какие бы муки ни приписывал Волеску своей безотцовщине, он отомстил за них жестоко. Для Юлиана же и его жены немалую роль играло и то, что похоть отца Юлиана обрушила на них несчастье в виде гибели их собственных детей. Грехи отцов падают на головы их детей до третьего и четвертого колена.

А что, если эти поколения будут ненавидеть меня? Впрочем, ни Юлиан, ни Елена не прокляли Бога, хотя их невинные дети…

Во всем этом мало смысла. Так же мало, как в избиении Иродом младенцев в Вифлееме. Единственное утешение — вера, что Господь взял души этих детей и поместил их в сердце своем, а потом даровал покой и сердцам их родителей.

— Извините меня, — сказала сестра Карлотта. — Я не смею сказать вам, что не следует горевать о детях, которых вы никогда не видели. Но вы обретете радость и забвение в любви к сыну, который у вас есть.

— В миллионах миль от нас! — вскричала Елена.

— Я не знаю… но, может, вам случайно известно, отпускает ли Боевая школа своих слушателей навестить родителей, — тихо сказал Юлиан.

— Его зовут Николай Дельфийски. Может быть, при таких обстоятельствах…

— Мне очень жаль, — сказала сестра Карлотта. Напоминание о сыне оказалось вовсе не таким безотказным лекарством, как она ожидала. — Мне страшно жаль, что мой визит принес вам эту ужасную новость.

— Зато вы узнали то, что хотели узнать, — ответил Юлиан.

— Да, — просто ответила сестра Карлотта.

Юлиан, видимо, понял что-то, о чем не хотел говорить в присутствии своей жены.

— Вы уже собираетесь в аэропорт?

— Да. Машина уже ждет. Солдаты терпеливее таксистов.

— Я провожу вас до машины.

— Нет, Юлиан, не оставляй меня одну!

— Это всего лишь несколько минут, любимая. Даже в таких ситуациях мы не должны забывать о вежливости. — Он обнял жену, потом повел Карлотту к дверям и открыл их.

Когда они шли к машине, Юлиан заговорил о том, что он понял.

— Поскольку бастард отца уже в тюрьме, значит, вы приехали не из-за самого преступления?

— Нет, — ответила она.

— Это означает, что один из наших детей жив?

— То, что я скажу вам сейчас, я не должна говорить, так как это не моя тайна, — ответила ему Карлотта, — но я в первую очередь несу ответственность перед Богом, а уж потом перед МКФ. Если двадцать два ребенка, которые погибли от руки Волеску, — ваши, тогда двадцать третий жив. Но необходим генетический анализ…

— Но нам ведь ничего не скажут, — с горечью сказал он.

— Пока нет, — отозвалась сестра Карлотта. — И вообще не скоро. А может, и никогда. Но если это будет в моей власти, то настанет день, когда вы встретитесь со своим вторым сыном.

— Ох, вы его… знаете?

— Если это ваш сын, то да, я его знаю. Его жизнь

была неимоверно тяжела, но у него доброе сердце и он таков, что любые отец и мать должны им гордиться. Прошу вас, не спрашивайте меня больше ни о чем, я и так сказала слишком много.

— Могу ли я рассказать об этом жене? — спросил Юлиан. — Что для нее тяжелее: знать или не знать?

— Женщины не так уж сильно отличаются от мужчин. Вы же предпочли знать.

Юлиан кивнул.

— Я знаю, вы только вестник, а не причина нашего горя. Но о вашем визите мы не сможем вспоминать с радостью. И все же я обязан сказать, что вы исполнили свою печальную миссию с незабываемой добротой.

Она кивнула.

— А вы в эти тяжелые часы были безупречно вежливы.

Юлиан открыл дверцу ее машины. Она села и подтянула ноги с тротуара. Но прежде чем он успел захлопнуть дверцу, она вспомнила еще один важный вопрос, который не успела задать.

— Юлиан, я помню, что вы планировали иметь дочку. Но если бы судьба повернулась так, что у вас родился бы другой сын, как бы вы назвали его?

— Нашего первого сына мы назвали по моему отцу — Николай, — ответил он. — Но Елена хотела назвать второго сына так же, как меня.

— Юлиан Дельфийски, — повторила сестра Карлотта. — Если это действительно ваш сын, я уверена, что когда-нибудь он с гордостью будет носить это имя.

— А как его зовут сейчас?

— Этого я вам сказать не могу.

— Но… не Волеску?

— Нет. И если это будет зависеть от меня, он никогда даже не услышит этого имени. Благослови вас Господь, Юлиан Дельфийски. Я буду молиться за вас и за вашу жену.

— Помолитесь и за души наших детей, сестра.

— Я молилась, молюсь и буду молиться за них.

Майор Андерсон внимательно поглядел на мальчика, сидевшего прямо перед ним.

— Нет, я не думаю, что у меня к тебе что-то серьезное, Николай.

— А я-то решил, что у меня неприятности!

— Нет, нет. Мы просто заметили, что у тебя дружеские отношения с Бобом. А у него друзей не так чтобы очень много.

— Это потому, что ему Даймек тогда в шаттле чуть ли мишень на спину не нацепил. И Эндер

почему-то начал с того же. Я знаю, что Боб это переживет, но при всем своем уме он как бы отталкивает от себя ребят.

— Но не тебя?

— Нет, он и меня отталкивал.

— И все же ты стал его другом?

— Да я и не собирался. Просто моя койка как раз против его койки.

— Но это потому, что ты выменял на нее свою прежнюю?

— Разве? Ох, да!

— И ты сделал это раньше, чем узнал, что он так умен.

— Даймек еще в шаттле сказал нам, что у Боба самые высокие баллы из всех возможных.

— И поэтому ты захотел сблизиться с ним?

Николай пожал плечами.

— Это был поступок доброго сердца, — сказал майор Андерсон. — Может, я и старый циник, но когда я встречаюсь с подобными поступками, они меня привлекают.

— Боб и в самом деле похож на мои фото в детстве. Странно, верно? Я поглядел на него и подумал: он выглядит совсем как Крошка Николай. Так меня мама всегда называла, когда показывала эти фотографии. Я их как-то даже с собой не

ассоциировал. Я же был Большой Николай. А то был Милый Крошка Николай. Я даже придумал, что он мой младший братишка, только у нас с ним одно имя на двоих. Большой Николай и Милый Крошка Николай.

— Мне кажется, ты немного стыдишься, а стыдиться тут нечего. Естественная вещь для семьи, где один ребенок.

— Я хотел иметь брата.

— А многие, у которых они есть, предпочли бы обойтись без них.

— С братом, которого я себе придумал, у нас были прекрасные отношения! — Николай даже рассмеялся абсурдности своих слов.

— Значит, ты увидел Боба и вспомнил о братишке, которого когда-то придумал?

— Сначала? Теперь-то я знаю, какой он, и все стало еще лучше. Это как… Иногда он младший братишка и я за ним присматриваю, а иногда — он старший и присматривает за мной.

— Например?

— Что?

— Он же такой маленький, так как же он может присматривать за тобой?

— Он дает мне советы. Помогает делать домашние задания. Мы вместе тренируемся. И он

почти все делает лучше меня. Только я крупнее, и кажется, я люблю его больше, чем он меня.

— Может, это и так, Николай. Но, насколько мы можем судить, ты ему нравишься больше, чем кто-нибудь другой. Он просто… пока еще не обладает такими способностями дружить, какими обладаешь ты. Я очень надеюсь, что мои вопросы не повлияют на твои чувства и отношение к Бобу. Мы не можем приказывать, кому с кем дружить, но были бы рады, если бы ты остался Бобу другом.

— Я ему не друг вовсе.

— А?

— Я же вам сказал, я ему брат! — Николай усмехнулся. — Уж если у тебя есть брат, так ты от него легко не отделаешься.

15. Отвага

— Генетически они просто близнецы. Единственное различие между ними — Антонов ключ.

— Итак, у Дельфийски два сына.

— У Дельфийски только один сын — Николай, и он будет находиться в Боевой школе еще долго. Боб же — сирота, подобранный на улицах Рот-

тердама.

— Потому что его украли!

— Закон по этому поводу говорит совершенно ясно: оплодотворенные яйцеклетки — всего лишь имущество. Я понимаю, что вы подходите к этому иначе — с религиозных позиций, но поскольку МКФ имеет дело с законами, а не с…

— МКФ пользуется законами в том случае, когда хочет достичь определенной цели. Мне понятно — вы ведете войну. Я знаю, что определенные вещи находятся вне вашей компетенции. Но война не будет длиться вечно. Я прошу только об одном: пусть эта информация будет зарегистрирована и внесена в документы. И когда война кончится, все получат доступ к этой истории. Правды никто не сможет скрыть.

— Само собой разумеется.

— Нет, совсем не само собой. Вы прекрасно знаете, что с той минуты, когда муравьеподобные будут уничтожены, существование МФК станет бессмысленным. Он постарается это существование продлить под предлогом необходимости поддержания мира между народами. Но Лига, возможно, окажется не столь политически крепкой, чтобы уцелеть в националистических штормах, которые неизбежно разразятся. МКФ

распадется на части, каждую из которых возглавят свои лидеры, и Боже упаси, но какая-нибудь из частей флота сможет направить свое оружие даже против самой Земли.

— Вы тратите слишком много времени на чтение Апокалипсиса.

— Я, конечно, не отношусь к числу гениальных слушателей вашей школы, но все же вижу, как бушуют потоки различных взглядов здесь, на Земле. Средства массовой информации разносят призывы демагога Демосфена, пытающегося натравить общественное мнение Запада на незаконные и тайные маневры Полемарха, нацеленные на создание Нового Варшавского Пакта. Пропаганда же, распространяемая из Москвы, Багдада, Буэнос-Айреса и Пекина, еще более смертоносна. Раздаются и разумные голоса — вроде Локи, — но они почти не слышны и на них никто не обращает внимания. Ни я, ни вы не в силах остановить грядущую войну, но мы можем сделать кое-что, чтобы эти дети не стали пешками в начавшейся уже игре.

— Для них единственная возможность не стать пешками заключается в том, чтобы стать игроками.

— Вы их воспитали. И уж конечно, их не бои-

тесь. Тогда дайте им шанс выиграть.

— Сестра Карлотта, вся моя работа направлена на обеспечение победы в грядущей битве с муравьеподобными. И на превращение этих детей в блестящих и надежных командиров. За пределы этих обязанностей я не заглядываю.

— И не надо заглядывать. Просто оставьте открытыми двери, через которые их родители могут потребовать возвращения своих детей домой.

— Сейчас я не могу думать об этом.

— Но «сейчас» — это единственное время, когда у вас есть силы достичь такой цели.

— Вы меня переоцениваете.

— А вы недооцениваете себя.

Армия Драконов тренировалась еще только месяц, когда Виггин вошел в казарму спустя несколько минут после того, как зажглись огни, держа в руке листок бумаги. Драконам надлежит встретиться с армией Кроликов в 7.00. Бой состоится до завтрака.

— Не хочу, чтоб вы заблевали весь Боевой зал.

— А нельзя ли нам хоть пописать для начала? — спросил Николай.

— Не больше декалитра на брата, — улыбнулся Виггин.

Все захохотали, но какая-то нервозность повис-

ла в воздухе. Это была новая армия, с горсточкой ветеранов, что не давало особой надежды на победу, но и позволить унизить себя они не могли. У каждого был свой способ справиться с нервишками: одни стали молчаливее, другие — болтливее. Кто-то острил и балагурил, кто-то посерьезнел. А некоторые завалились в свои койки и закрыли глаза.

Боб внимательно присматривался к поведению товарищей. Он старался припомнить, как в аналогичных случаях вели себя ребята из кодла Недотепы. И понял: те были *голодны* и страха перед позором не испытывали. Такой страх появляется лишь тогда, когда у вас достаточно еды. Значит, чувства, которые сейчас овладели солдатами, были у хулиганов — боязнь унижения, а не голода. И в самом деле, хулиганы в очереди у столовки демонстрировали именно эти чувства. Они все время выпендривались, зная, что за ними наблюдает множество чужих глаз. Они шли в драку со страхом в душе, но знали, что его надо скрыть и преодолеть.

А что чувствую я?

Что же происходит в моей душе, раз я вообще думаю об этом?

Ох… да я просто лежу и наблюдаю. А ведь я

один из *них!*

Боб натянул боевой костюм, но тут же вспомнил, что ему нужно сходить в сортир, прежде чем одеваться. Он швырнул костюм на пол, схватил с вешалки полотенце и обмотал его вокруг бедер. На какую-то секунду вспомнилась та ночь, когда он бросил свое полотенце за койку и полез в вентиляционную сеть. Теперь так не получится. Слишком мускулистым стало тело, слишком быстро он подрос. Боб все еще был самым маленьким слушателем в школе, он даже сомневается, что кто-нибудь заметил эти перемены, но он-то знает, как сильно вытянулись его руки и ноги. Теперь он мог достать многое из того, до чего не мог дотянуться раньше. Ему не нужно было подпрыгивать, чтобы достать сканер возле двери спортзала.

Я меняюсь, подумал Боб. Меняется мое тело. Впрочем, и манера мыслить — тоже.

Николай все еще валялся в койке, закрыв лицо подушкой. У каждого свой способ успокоиться.

Другие ребята бежали в туалет, чтоб пописать или попить воды, но только Бобу пришла мысль принять душ. Его частенько дразнили, интересуясь, не успевают ли струйки воды остыть, пока доходят ему до макушки, но теперь эта шутка

вышла из моды. Однако сейчас Бобу нужен был почти кипяток. Чтобы его самого скрыло в клубах горячего пара, чтоб серая пелена осела на зеркалах, чтоб исчезло все и он остался бы один — неизвестно где, неизвестно кто, неизвестно, маленький или большой.

Настанет день, когда они увидят меня таким, каким вижу я себя сам. Больше их всех. На голову, на грудь выше их. Видящий куда дальше, способный таскать тяжести, которые им и не снились. В Роттердаме я думал об одном — как выжить. Но здесь, накормленный, я узнал, кто я такой. И кем могу стать. *Они* пусть думают, что я инопланетянин, что я робот, что я еще что-нибудь такое, ибо я генетически изменен. Но когда я совершу величайшее дело своей жизни, они станут гордиться мной, станут считать меня самым человечным человеком, станут проклинать каждого, кто в этом усомнится.

Я превзойду Виггина.

Боб попытался изгнать эти мысли из головы. Дело тут не в конкуренции. В этом мире вполне хватит места для двух великих людей, живущих в одно и то же время. Правда, Ли и Грант были соперниками и воевали друг против друга. Бисмарк и Дизраэли. Наполеон и Веллингтон.

Не то я сравниваю. Линкольн и Грант — два великих человека, а работали вместе.

Огорчительно, что подобных примеров мало. Наполеон, например, никогда не давал своим маршалам много власти. Все победы должны были принадлежать ему одному. А кто из великих стоял рядом с Августом? С Александром? У них были друзья, были соперники, но партнеров не было.

Вот почему и Виггин принижает меня, хотя теперь из докладов своих подчиненных знает, что я самый умный солдат в его армии. Боится, что я стану его соперником. Это потому, что в тот самый первый день я дал ему понять, что рассчитываю на повышение, а он в завуалированной форме ответил, что в его армии этого не будет.

Кто-то вошел в душевую. Из-за пара Боб не видел, кто это. Никто его не окликнул, но шаги направились прямо к кабинке Боба и на пороге появился Виггин.

Боб стоял весь в мыльной пене и ощущал себя полным идиотом. Все наверняка уже в казарме. Готовятся к бою. А он так задумался, что забыл даже смыть пену. Просто стоял и думал, забыв обо всем. Он быстро встал под струи.

— Боб?

— Сэр? — Боб повернулся лицом к Виггину.

— Мне кажется, я отдал приказ собраться всем в спортзале?

Боб напряг память. Вся сцена снова прошла перед глазами. Да, Виггин действительно приказал всем принести свои боевые костюмы в спортзал.

— Извини… Я… задумался о чем-то другом.

— Все мы волнуемся перед первым боем.

А вот такое Боб ненавидел! Чтобы Виггин смотрел, как он — Боб — совершает очевидную глупость! Забыть приказ, когда Боб помнит все! И почему этот приказ забылся? А теперь его утешают! Свысока! Все, дескать, нервничают!

— Ты же не нервничал, — сказал Боб.

Виггин уже сделал шаг назад, но тут же вернулся.

— Не нервничал?

— Когда Бонзо Мадрид приказал тебе не пользоваться оружием. Предполагалось, что ты будешь стоять неподвижно, как чучело. И ты не нервничал из-за этого.

— Нет, — ответил Виггин. — Я просто взбесился.

— Все равно это лучше, чем нервничать.

Виггин опять собрался уходить. И опять вернулся.

— А ты тоже взбесился?

— Это случилось до того, как я принял душ.

Виггин засмеялся. Потом улыбка исчезла.

— Ты опаздываешь, Боб. И до сих пор не смыл мыло. Я уже приказал отнести твой боевой костюм в спортзал. Теперь тебе осталось только натянуть его на задницу. — Виггин снял полотенце Боба с крюка. — И вот это тоже будет ждать тебя внизу. Пошел!

И удалился.

Боб в бешенстве выключил воду. Поступок Виггина казался ему совершенно лишним и глупым, причем сам Виггин об этом хорошо знал. Заставить Боба бегать по коридору мокрым и голым, тогда как в это время солдаты всех армий возвращаются с завтрака!

Все что угодно, лишь бы унизить Боба! Это не только низко, но и глупо!

Боб, идиот, почему же ты торчишь тут? Почему не бежишь в спортзал, почему не набьешь морду Виггину? Вместо этого пытаешься успокоить свою жалкую душу и пробуешь унять дрожь в своих дурацких ножонках. Во всем этом нет ни малейшего смысла. Ничто тебе не поможет. Ты хочешь, чтобы Виггин сделал тебя командиром взвода и перестал бы третировать? Тогда зачем

же ты совершаешь поступки, которые выглядят глупыми, мальчишескими, да еще свидетельствуют о твоей трусости и ненадежности?

И торчишь тут как замороженный.

Я трус.

Эта мысль металась в голове Боба, повергая его в ужас. И не желала уходить.

Я принадлежу к тем людям, которые цепенеют или совершают иррациональные поступки, когда они напуганы. К людям, которые теряют над собой контроль, распускаются и тупеют от страха.

Но в Роттердаме я же не был таким? Если бы был, то наверняка давно бы сдох. А может быть, я был именно таким? Может быть, я именно поэтому не окликнул Недотепу и Ахилла, когда увидел их наедине в доке? Вместо этого я удрал и бежал до тех пор, пока не понял, какой опасности она подвергается. Почему же я не понял этого раньше? Да потому, что я *понял* все сразу, точно так же, как я *слышал*, как Виггин назначил нам встречу в спортзале. Я понял, я разобрался во всем до последней точки, но был слишком большим трусом, чтобы действовать. Слишком пугало меня то, что все может пойти наперекосяк!

Может быть, то же самое произошло и тогда, когда Ахилл валялся на земле, а я умолял Недо-

тепу убить его. Я ошибался, а она была права. Права, ибо любой хулиган, которого она заманила бы в такое положение, наверняка затаил бы на нее злобу и мог убить ее на месте, как только она отпустит его. Ахилл меньше других годился на роль такого спонтанного убийцы, возможно, он был единственным, кто охотно пошел бы на заключение соглашения, придуманного мной. Другого выбора не было. А я испугался. «Убей его!» — закричал я, потому что хотел, чтобы все кончилось поскорее.

И я все еще стою тут. Вода отключена. Меня тошнит, мне холодно, а я никак не могу сделать первый шаг.

В дверях кабинки показался Николай.

— Плохое дело эти твои поносы, — сказал он.

— Что?

— Да я рассказал Эндеру, что тебя несло всю ночь. И почему тебе понадобился душ. Что ты болен, но не хочешь сказать ему об этом, так как боишься пропустить свой первый бой.

— Я так напуган, что из меня ни одной какашки не выдавить, вот что, — ответил Боб.

— Эндер отдал мне твое полотенце. Сказал, что с его стороны глупо было его забирать. — Николай вошел в кабину и отдал полотенце Бобу. — А

еще он сказал, что ты ему очень нужен в бою, и он будет рад, если ты пересилишь болезнь.

— Не нужен я ему. Он вообще не хочет, чтоб я был в армии.

— Пошли, Боб. Ты можешь пересилить себя.

Боб начал вытираться. Как приятно двигаться. Как приятно что-то делать.

— Думаю, ты уже просох, — сказал Николай.

Опять! Боб понял, что он трет сухим по сухому.

— Николай, что со мной случилось?

— Ты просто боишься, что ребята увидят, что ты всего лишь маленький ребенок. На это может быть лишь один ответ: ты действительно все еще ребенок.

— Но ведь и ты тоже?

— Значит, чувствовать себя плохо — это о'кей! Разве не ты повторял мне это множество раз? — Николай расхохотался. — Пошли. Если я, чувствуя себя погано, могу сделать это, то ты сможешь тем более.

— Николай? — позвал Боб.

— Что еще?

— Я действительно хочу какать.

— Надеюсь, однако, что ты не ждешь, чтоб я подтирал тебе задницу?

— Если через три минуты я не выйду, приходи

за мной.

Холодный и потный — вот уж не думал, что такая комбинация возможна. Боб вошел в сортирную кабину и закрыл за собой дверь. Боль внизу живота казалась непереносимой. Но желудок не желал освобождаться, и Боб прекратил тщетные попытки.

Так чего же я так испугался?

Наконец его кишечник одержал победу над нервной системой. Бобу показалось, что из него разом вышло все, что он съел в школе за все время.

— Время истекло, — сказал Николай. — Я иду.

— На свою погибель, — отозвался Боб. — Я кончил. Иду.

Опустошенный, чистый и униженный перед лицом своего единственного настоящего друга, Боб вышел из кабины и обвязался полотенцем.

— Спасибо за то, что ты не обманул моих ожиданий и не выставил меня лгунишкой, — сказал Николай.

— О чем ты?

— О том, что у тебя и в самом деле понос.

— О, ради тебя я бы с радостью заимел и дизентерию.

— Вот что значит настоящая дружба!

К тому времени, когда они добрались до спортзала, все остальные уже были в боевых костюмах, готовые к выходу. Пока Николай помогал Бобу влезть в костюм, Виггин приказал всем лечь на маты и расслабиться. Даже у Боба оказалась пара минут, чтобы заняться тем же. Затем Виггин поднял свою армию. Было 6.56. Расчет Виггина был верен.

Пока все они бежали вприпрыжку по коридору, Виггин время от времени подпрыгивал выше и касался рукой потолка. Бежавшие за ним солдаты делали то же самое, стараясь дотронуться до той же точки, что и командир. За исключением особо малорослых. Боб даже не пытался. Его сердце все еще горело от унижения, возмущения и страха, которые он даже не пытался подавить. То, чем занимались солдаты, можно делать лишь тогда, когда ты ощущаешь себя частицей коллектива. А он не был его частью. После того как он показал себя блестящим слушателем в классах, правда колола ему глаза. Он трус. Он вообще не годится для военной карьеры. Он испугался участия в Игре, так какая цена ему будет в бою? Настоящие генералы не дрожат под огнем неприятеля. Они бесстрашны, они подают пример отваги своим людям.

А я? Я цепенею, я часами торчу под душем, я спускаю в сортир недельный рацион еды. Хотелось бы мне посмотреть, как люди последуют *этакому* примеру!

У ворот Боевого зала Виггин успел построить свою армию повзводно, а затем спросил:

— Где находятся вражеские ворота?

— Внизу! — ответили ему хором.

Боб только губами пошевелил. Внизу, внизу, внизу, внизу.

Как лучше всего ухватить гуся за низ? А где у гуся верх, дурень?

Серая стена перед ними растаяла, и они увидели Боевой зал.

Там было темно, но не совсем — казалось, есть какая-то слабая подсветка. Местонахождение вражеских ворот можно было установить по отблескам на пестрых боевых костюмах Кроликов, чья армия как раз выливалась из своих ворот.

Виггин не торопился вводить своих в бой. Он постоял, окидывая зорким взором зал, который представлял сейчас что-то вроде крупноячеистой решетки, созданной с помощью восьми «звезд» — больших кубов, размещенных более или менее равномерно по всему объему помещения. Они служили одновременно препятствиями, укрыти-

ями и местами концентрации сил.

Первый приказ Виггин отдал взводу «С». Это был взвод Бешеного Тома, в который входил и Боб. Приказ передавался из уст в уста по строю: «Эндер приказывает скользить вдоль стен». Затем: «Том приказал заморозить ноги и лететь на коленях. Цель — южная стена».

Молча они проникли в зал, пользуясь поручнями, чтобы по потолку добраться до восточной стены.

— Они выстраивают боевой порядок. Наша цель — атаковать их, вызвать панику, растерянность, чтобы они не смогли решить, что с нами делать. Мы рейдеры. Обстреляем их и скроемся вон за той «звездой». Только не застревайте на полпути. И цельтесь хорошенько. Ни одного промаха.

Боб делал все механически. По привычке занял нужную позицию, заморозил себе ноги, затем оттолкнулся, ориентируя тело в нужном направлении. Сотни раз они проделывали такое упражнение. Все сделано без ошибки, точно так же поступили и остальные семь бойцов взвода. Никто даже не посмотрел, нет ли отставших. Боб оказался именно там, где и должен был оказаться. Теперь за работу.

Они скользили вдоль стены, стараясь держать-

ся вблизи поручней. Замороженные ноги стали темными, блики на остальных частях боевых костюмов тоже потемнели, так что их нельзя было обнаружить, пока они не оказались совсем рядом с неприятелем. Виггин что-то делал у ворот, отвлекая внимание Кроликов. Благодаря этому их удар по Кроликам оказался для тех полной неожиданностью.

Когда взвод был уже совсем близко от Кроликов, Бешеный Том приказал:

— Делитесь на полувзводы, а потом — к «звезде». Я на север, вы — на юг.

Это был маневр, который Том со своим взводом отработал отлично. И в данном случае момент его применения выбран был превосходно. Неприятель придет в полное расстройство перед необходимостью обороняться от двух атакующих групп, летящих с противоположных направлений.

Драконы повисли на поручнях. Их тела ударились о стену, блики на костюмах вспыхнули ярче. Кто-то из Кроликов заметил их и подал сигнал тревоги.

Но взвод «С» уже летел — половина взвода по диагонали на юг, другая — на север, и все они наискось идут к полу. Боб открыл плотный огонь.

По нему тоже стреляли. Он услышал писк — знак того, что неприятельский луч задел его костюм, но это было не опасно — он был еще далеко, а кроме того, медленно вращался, так что лучи не могли долго оставаться на одной точке. Сам же Боб обнаружил, что рука его тверда и не дрожит. Он часто тренировался и достиг высокого уровня мастерства. Стрелял он с целью «убить», а не задеть руку или там ногу.

Еще одного он «уложил», прежде чем удариться о стену и обратным прыжком достичь «звезды». Еще один противник «убит». Боб ухватился за поручни и подтянулся.

— Боб прибыл.

— Потерял троих, — сказал Бешеный Том. — Зато их боевой порядок пошел ко всем чертям.

— Что же дальше? — спросил Даг.

Оглушительные вопли говорили, что главное сражение еще продолжается.

— Они послали с десяток парней, чтоб стереть нас в порошок, — сказал Боб. — Они идут вдоль западной и восточной стен.

На него посмотрели как на психа. Откуда ему знать?

— У нас в запасе не более секунды, — сказал он.

— Все на юг! — отдал приказ Бешеный Том.

Они опрометью кинулись на южную сторону «звезды». На этой стороне Кроликами и не пахло, но Бешеный Том, не задерживаясь, повел свой взвод на западную грань куба. Там-то и засели Кролики, которые как раз в эту минуту готовились напасть на то, что для них было «задней» стороной «звезды», а для обученных иначе Драконов — ее «дном». В итоге ударному отряду Кроликов показалось, что их атакуют снизу — то есть с направления, откуда они меньше всего ждали отпора. Через несколько мгновений все шестеро засевших на «звезде» Кроликов были «убиты» и стали медленно дрейфовать вниз.

Другая половина ударной группы должна была это увидеть и понять, что катастрофа на носу.

— Наверх! — отдал приказ Том. Для врагов это была фронтальная грань куба — наиболее открытая для огня главных сил Кроликов. Чтобы взвод «С» был переброшен туда — они и помыслить не могли.

Как только взвод «С» оказался там, Бешеный Том, вместо того чтобы заняться остатком того ударного отряда, который был направлен против него, приказал открыть плотный огонь по главным силам Кроликов, вернее, по тому, что от

этих главных сил к тому времени осталось. Это были полностью дезорганизованные группки, прятавшиеся за «звездами» и палившие по Драконам, которые спускались на них одновременно с нескольких направлений. Пять бойцов взвода успешно прикончили еще по паре противников на нос. Только тогда остатки ударного отряда Кроликов атаковали их самих.

Не ожидая приказа, Боб сильно оттолкнулся от поверхности «звезды», чтобы иметь возможность стрелять вниз по солдатам ударной группы. Находясь к ним относительно близко, он успел «уложить» еще четырех, но затем попискивание его боевого костюма прекратилось, он затвердел и потемнел. Кролик, который прикончил Боба, даже не принадлежал к ударной группе — это был кто-то из главных сил, находившийся прямо над Бобом. Боб с удовлетворением отметил, что благодаря его действиям только один из его взвода был задет пальбой Кроликов. А потом Боб стал дрейфовать куда-то. Теперь это уже значения не имело. Он был вне игры.

И все же Боб поработал отлично. Семь «убитых» — в них он был уверен. А может, и больше. Но личный зачет Боба в этом бою был значительно серьезнее: это он пришел к Бешеному Тому с

информацией, которая помогла принять тактически правильное решение. Кроме того, он сам предпринял смелую диверсию, помогшую взводу избежать больших потерь от рук ударного отряда Кроликов. Благодаря этому взвод *«С»* оказался в состоянии нанести удар в тыл армии Кроликов. Не имея возможности спрятаться, Кролики должны были погибнуть в течение нескольких минут. И Боб внес весомый вклад в эту победу.

Я не сдрейфил, когда мы вступили в бой. Я делал все, чему был обучен. Я был внимателен и ничего не упустил. Конечно, мог бы сделать и больше, мог двигаться быстрее, мог видеть дальше. Но ведь это первый бой, и я в нем не опозорился. Значит, я гожусь для дела.

Поскольку взвод «С» оказался решающим фактором победы, Виггин велел четырем взводным командирам прижать свои шлемы к четырем углам ворот противника, а Бешеному Тому была оказана честь пройти сквозь эти ворота. Формально это закрепляло победу. Ярко вспыхнули лампы.

Сам майор Андерсон пришел поздравить выигравшего битву командира и посмотреть, все ли в порядке. Виггин быстро разморозил своих бойцов, пострадавших в сражении. Боб страшно

обрадовался, обнаружив, что его костюм снова в рабочем состоянии. Используя «крюк», Виггин собрал всех своих солдат вместе, построил их в пять взводов, а уж потом стал размораживать Кроликов. Драконы «стояли» в воздухе по стойке «смирно» — ногами вниз, головой вверх, и разгромленные Кролики были принуждены занять такое же положение. Они не знали, что для Драконов победа пришла только теперь, когда враг расположился так, будто их собственные ворота и вправду были внизу.

Боб и Николай уже кончали свой завтрак, когда к их столу подошел Бешеный Том.

— Эндер сказал, что вместо пятнадцати минут на завтрак он дает нам время до 7.45. И еще он нас отпустит с тренировки пораньше, чтоб могли принять душ.

Новости были хорошие. Можно жевать помедленнее.

Впрочем, для Боба это особого значения не имело. На его тарелке еды было совсем немного, и он с ней расправился мгновенно. Как только он оказался в армии Драконов, Том застукал его, когда он делился едой с другими мальчишками. Боб объяснил, что ему наваливают ежедневно уйму еды, и тогда Том доложил обо всем Эндеру,

а тот заставил диетологов прекратить закармливать Боба. Сегодня был первый день, когда Боб съел бы добавку. Причиной был только что закончившийся бой.

— Умно, — сказал Николай.

— Что?

— Эндер сначала сказал, что у нас на еду только пятнадцать минут. Это нам всем не понравилось — кому приятно лопать второпях? А теперь он присылает нам взводных, которые говорят, что у нас есть время до 7.45. Всего лишь на десять минут больше, а ощущается как бесконечность. И еще душ. Вообще-то он нам положен сразу после Игры, но мы все равно благодарны.

— И он дал возможность своим взводным принести нам такие радостные вести, — поддержал его Боб.

— А разве это важно? — усомнился Николай. — Мы же знаем, что все равно это решение Виггина.

— Большинство командующих стараются хорошие вести объявлять сами, а плохие — предоставляют взводным. У Виггина же тактика строится на том, чтобы поднимать авторитет и роль взводных офицеров. Бешеный Том начал сражение, не имея за спиной ничего, кроме опы-

та тренировок, собственных мозгов и указания Виггина — ударить от стены и зайти в тыл врага. Все остальное пришлось решать ему самому.

— Да, но если взводные завалят дело, то это не слишком здорово отразится на послужном списке Эндера.

Боб покачал головой.

— Главное тут то, что во время своего первого сражения Виггин разделил свою армию, рассчитывая на тактический успех, и взвод «С» мог продолжать атаковать противника даже тогда, когда уже выполнил поставленную перед ним задачу. И это потому, что Бешеный Том был для нас подлинным командиром. Мы не стали греть задницы, ожидая приказов Виггина, что нам делать дальше.

Николай понимающе кивнул.

— Бакана. Все верно.

— Абсолютно верно, — вынес вердикт Боб. К этому времени все ребята, сидевшие за столом, уже внимательно вслушивались в речь Боба. — И все это потому, что Виггин думает не о Боевой школе, рейтинге и прочем дерьме. Знаете ли вы, что он до сих пор продолжает смотреть документальные фильмы о Втором Нашествии Жукеров? Не знали? А он между тем думает о том, как раз-

громить *жукеров*. И он знает, что достичь этого можно лишь в том случае, если у нас не будет нехватки в боевых и умелых командирах, готовых к участию в военных действиях. Виггин не хочет покинуть эту школу, будучи *единственным* командующим, готовым к сражению с жукерами. Он хочет выйти отсюда со своими взводными, с их заместителями, а если удастся, то и со всеми своими солдатами, готовыми хоть сейчас вступить в бой с жукерами, если такое испытание выпадет им на долю.

Боб знал, что его энтузиазм, вероятно, приукрашивает и самого Виггина, и его планы, но его сердце еще пылало жаром победы. И кроме того, ведь он был прав: Виггин — не Наполеон, который затягивал поводья контроля так крепко, что ни один из его командиров не был способен на самостоятельное блестящее решение. Бешеный Том отлично справился со своими задачами в условиях сегодняшнего боя. Он принимал верные решения, включая решение прислушаться к словам самого маленького и самого, возможно, никудышного из своих солдат. И сделал Бешеный Том это потому, что Виггин подал ему пример, сам внимательно вникая в мнения своих взводных. Ты учишься, ты анализируешь, ты принимаешь

решение, ты воплощаешь его в жизнь.

После завтрака они пошли на тренировку. Николай спросил:

— Почему ты зовешь его Виггином?

— Потому что мы с ним не друзья.

— Ох, значит так: мистер Виггин и мистер Боб, так?

— Не так. Боб — это мое имя, а не фамилия.

— Ага, значит, мистер Виггин и Как-бишь-тебя?

— Верно усек.

Все надеялись, что у них будет хоть неделька на передышку, чтобы покрасоваться, чтобы похвастаться победоносным началом. Вместо этого уже на следующее утро ровно в 6.30 Виггин появился в казарме, держа в руке листок с приказом.

— Джентльмены, я надеюсь, вы кое-чему все же научились за вчерашнее утро, так как сегодня нам предстоит заняться тем же самым.

Все взъерошились: это было несправедливо, они не успели подготовиться.

Виггин же вручил приказ Мухе Моло, который стоял на пороге, готовясь отправиться завтракать.

— Боевые костюмы! — заорал Муха, который явно считал, что быть в армии, которая бьет

рекорды школы, вступая в бой два раза подряд, — это что-то!

Горячий же Супчик — взводный «D» — отнесся к делу иначе:

— А почему ты нам раньше не сказал?

— Решил дать вам помыться, а то вчера Кролики говорили, что вы выиграли только потому, что валили их навзничь своим потным запашком.

Все, кто был поблизости, захохотали. Но Боб ничего смешного не увидел — он знал, что приказ появился уже после того, как Виггин проснулся. Учителя нарочно опоздали с приказом.

— Ты обнаружил бумаги, только когда вернулся из душа, верно?

Виггин взглянул на него как на пустое место.

— Конечно, я же не нахожусь так близко к полу, как ты.

Презрение, звучавшее в словах Виггина, было как пощечина. Боб тут же понял, что его вопрос Виггин понял как критику — будто Виггин был невнимателен и *не заметил* лежавшего на полу приказа. Вот и еще одна минусовая зарубка в памяти Виггина касательно Боба. Но не надо расстраиваться из-за этой мелочи. Это же совсем не то, как если б Виггин счел его за труса. Бешеный Том мог доложить Виггину о том, как много

сделал Боб для победы, а мог и не доложить. Все равно это не изменит того, что увидел вчера собственными глазами Виггин: Боб, прячущийся в душе. А теперь Боб еще упрекнул его за то, что по вине Виггина им придется бегом бежать к новому полю сражения. Что ж, может, к своему тринадцатилетию я и дождусь командования взводом. Да и то, если прочие претенденты потонут во время кораблекрушения.

Виггин же между тем объяснял ребятам, что теперь их могут бросить в бой в любое время дня и ночи, так как старым правилам пришел конец.

— Не буду делать вид, что я в восторге от этой возни вокруг нас, но зато мне нравится другое: моя армия, которая способна справиться с этим шутя.

Надевая свой боевой костюм, Боб обдумывал последствия того, чем заняты сейчас учителя. Они подгоняют Виггина и одновременно водружают перед ним все новые и новые препятствия. И это всего лишь начало. Первые снежинки приближающейся снежной бури.

Почему? Ну уж, во всяком случае, не потому, что Виггин так хорош, что лишний тест ему будет помехой. Но ведь Виггин прекрасно тренирует свою армию, и Боевая школа только выиграла

бы, дав ему побольше времени для ее подготовки. Значит, дело в том, что лежит за пределами школы.

Тогда возможно лишь одно предположение. Флоты жукеров приближаются. Они, возможно, уже всего в нескольких годах пути от Земли. Значит, надо торопиться с подготовкой Виггина, надо провести его быстрее через все этапы тренировки.

Виггин. Не все мы, а Виггин. Почему? Могли быть все, но тогда ужесточение подготовки коснулось бы всех, а не только нас двоих.

А для меня уже поздно. Виггин — это тот, на кого они возложили все свои надежды. Стану ли я взводным или нет, значения не имеет. Все что имеет значение — это успеют ли они подготовить Виггина.

Если Виггин успеет, то у меня еще остается возможность достичь величия в будущем. Лига распадется. Начнется война между людьми. Я буду или избран МКФ для того, чтобы поддержать мир на Земле, или вступлю в одну из земных армий. У меня еще много времени впереди. Но может случиться и так, что Виггин, командуя земным флотом, будет разбит жукерами. Тогда ни у кого из нас никакой жизни не останется.

И все, что я могу сделать пока, это помочь Виггину изучить все, что он может узнать в школе. Беда лишь в том, что я слишком далек от него, чтобы оказать на него хоть какое-то влияние.

Сражение с Петрой Арканян — командующей армией Фениксов — было более тяжелым, чем с Карном Карби. У нее было то преимущество, что она кое-что узнала: например, то, что Виггин воюет без строгого строя, высылает небольшие рейдовые группы перед началом генерального сражения и так далее. И все же Драконы победили, потеряв всего троих «убитыми» и девятерых — ранеными. Сокрушительный разгром. Боб видел, что Петра здорово обозлилась. Видимо, она решила, что все это подстроено, что ее специально подставили, чтобы посильнее унизить. Она и в самом деле сопротивлялась недолго: Виггин спустил на нее своих взводных, каждый из которых работал на общую победу, как он их натаскал. Тактика Драконов была лучше, а прежняя тактика ведения боя была безнадежно обречена.

Скоро и другие командующие начнут адаптироваться к новым условиям, учитывая тактику Виггина. И очень быстро армия Драконов встретится с армиями, состоящими из пяти взводов, а не из четырех, которые будут использовать

партизанские приемы и повиноваться командирам, пользующимся гораздо большей свободой действий. Идиотов-то в Боевую школу не берут! Единственная причина, по которой тактика Виггина сработала во второй раз, это то, что со времени первого боя прошел всего один день и никто не ожидал, что они так быстро встретятся с Драконами. Теперь же всем уже известно, какие тактические изменения должны быть внесены, и причем немедленно. Боб решил, что фронтального боя он уже никогда не увидит.

И что тогда? Опустошил ли Виггин свою обойму или еще держит в рукаве несколько козырей? Беда в том, что все новинки быстро устаревают и перестают обеспечивать победу. Враг очень скоро усваивает их и даже улучшает. Настоящее испытание начнется тогда, когда Виггин встретится с армиями, пользующимися сходной тактикой.

На третий день состоялась третья битва. На четвертый — еще одна. Победа. Победа! Но с каждым разом число убитых и раненых с обеих сторон выравнивалось все сильнее. Сам Боб набирался солдатского опыта, приобретал уверенность, а потому все более и более огорчался оттого, что, если исключить меткую стрельбу, его участие в боях ограничивалось редкими советами Беше-

ному Тому или упоминаниями ему же о том, что увидел или подумал Боб.

Обо всем этом Боб написал Даймеку, объясняя, что его слишком мало используют и что, возможно, у более слабого командующего он научился бы большему и скорее получил бы свой взвод.

Ответ был краток: «А кто тебя возьмет? Учись у Эндера». Жестоко, но справедливо. Без сомнения, его и Виггин-то не хочет. Ему запрещен обмен солдатами, а может, он и пытался «продать» Боба, да никто его брать не захотел.

* * *

Это случилось в свободное вечернее время после четвертого сражения. Большинство солдат занялись своими домашними заданиями — сражения привели к тому, что все их сильно подзапустили, ибо понятное дело — хочешь удержаться наверху, тренируйся много и усердно. Боб, однако, с домашними заданиями расправился, как всегда, быстро, а когда Николай сказал, что не нужна ему эта дурацкая помощь, чтоб справиться с таким заданием, Боб решил, что не худо было бы прошвырнуться.

Проходя мимо комнаты Виггина — крошечное помещение вроде тех, что занимали препода-

ватели, где помещалась только койка, стул да крошечный столик, — Боб хотел было постучать в дверь, чтобы войти, сесть на стул и выяснить с Виггином все — раз и навсегда. Здравый смысл, однако, победил обиду и тщеславие. Боб пошел дальше — к игровым автоматам.

Народу тут сейчас было куда меньше, чем раньше, и Боб понял, что все заняты дополнительными тренировками, где командиры пытаются освоить то, что они считали тактикой Виггина, перед тем как они встретятся с ним в настоящем бою. Несколько слушателей продолжали возиться с автоматами, заставляя двигаться фигурки на плоских экранах и голографических дисплеях.

Боб выбрал себе плоский экран, где героем был мышонок. Никому эта игра не была нужна, и Боб не спеша провел его через лабиринт, который вскоре уступил место переходам и лестницам старинного дома, где всюду стояли мышеловки. Это было просто. Кошки гонялись за мышонком, но фиг они получили. Потом мышонок вскарабкался на стол и оказался перед великаном.

Перед великаном, который тут же предложил ему выпить.

Та самая фэнтези! Психологическая игра, в которую все время играют слушатели на своих

компьютерах! Учителя все же ухитрились заставить Боба играть в нее, хотя он и сомневается, что им удалось узнать о нем что-нибудь важное за несколько минут игры. Фиг им!

До этой вот точки он дошел, а дальше идти его никто не заставит. Вот только лицо великана почему-то стало меняться. Теперь это было лицо Ахилла!

Боб был в шоке. Его сковал ледяной ужас. Откуда они узнали? Зачем им это понадобилось? Поставить его лицом к лицу с Ахиллом, какая подлость! Выблядки проклятые!

Он повернулся и пошел прочь.

Однако минуту спустя он вернулся. На экране уже не было великана. Только шустрый мышонок бегал по лабиринту взад и вперед, пытаясь отыскать выход.

Нет! Не стану я играть! Ахилл далеко отсюда, никакого вреда он мне нанести не может. И Недотепе тоже — во всяком случае, сейчас. Я не должен думать о нем и уж наверняка не стану пить ничего, что он мне предложит!

Он снова развернулся и ушел.

Вскоре он оказался вблизи столовой. Ее только недавно закрыли, но Бобу делать было все равно нечего, так что он уселся прямо на пол холла,

уперся подбородком в поднятые колени и стал думать о Роттердаме, о том, как сидел на мусорном ящике и следил за Недотепой, которая возилась со своими ребятишками. Она была очень порядочная — он таких вожаков больше никогда не встречал. Как она выслушивала своих малышей, как честно выдавала им порции, как помогала им выжить, даже если для этого ей приходилось уменьшать собственную порцию. Он подумал о том, почему выбрал именно ее — потому что в ней светилось милосердие, то самое милосердие и жалость, которые принудили ее выслушать Боба — такого крошечного.

Это милосердие и убило ее.

Я убил ее, потому что выбрал.

Ах, если б Бог действительно существовал! Он наверняка отправил бы этого Ахилла в ад. Навсегда.

Кто-то ударил его носком сапога по ноге.

— Уходи, — сказал Боб. — Я же тебе не мешаю.

Тот, кто это сделал, повторил удар, только сильнее. Нога Боба уехала в сторону, и ему пришлось опереться на ладони, чтобы не упасть. Он поднял глаза.

Над ним высился Бонзо Мадрид.

— Я так понял, что ты и есть тот паршивый

осиновый лист, что пристал к волосатой жопе армии Драконов?

С Бонзо были еще трое парней. Здоровенные. И у всех хулиганские рожи.

— Привет, Бонзо.

— Поговорить надо, дюймовчик-дерьмовчик.

— Это что — шпионаж? — спросил Боб. — С солдатами других армий разговоры запрещены.

— Мне не нужны шпионы, чтобы знать, как вдребезги разбить Драконов.

— Именно поэтому ты и отыскиваешь самых маленьких солдат из этой армии, а найдя их, лупишь, пока они не начнут реветь?

На лице Бонзо выступили багровые пятна гнева. Впрочем, выражение злобы у него уже давно стало хроническим.

— Напрашиваешься, чтоб тебя накормили содержимым твоей же собственной прямой кишки, дерьмовчик?

Боб вообще ненавидел хулиганов. А поскольку в эту минуту он все еще переживал свою вину за смерть Недотепы, то ему было наплевать, если именно Бонзо Мадрид станет палачом и приведет в исполнение приговор, которого заслуживал Боб. Пришло время высказаться открыто.

— Ты в три раза превосходишь меня по весу, —

сказал Боб. — Это если исключить вес содержимого наших голов. Ты второсортная дрянь, которая каким-то образом получила армию и не знает, что ему с ней делать. Виггин сотрет тебя в порошок и без всякого напряга. Поэтому то, что ты сделаешь со мной, не имеет значения. Я самый маленький и самый слабый солдат во всей школе. Поэтому-то ты меня и выбрал, чтоб пинать ногами.

— Ага, самый мелкий и самый пакостный, — сказал кто-то из парней. Но Бонзо ничего не ответил. Слова Боба жгли больно. Однако у Бонзо была своя гордость, и он знал, что если изобьет Боба, то только унизит себя, а удовольствия не получит.

— Эндеру Виггину никогда меня не разбить с этой кучкой малышни и армейских отбросов, которую он зовет армией. Ему удалось запугать нескольких мокрых куриц вроде Карна и… *Петры*… — Он с трудом выплюнул это имя. — Но когда моя армия находит на дороге кучу говна, она из нее делает лепешку.

Боб одарил Бонзо самым презрительным взглядом, который нашелся в его арсенале.

— Ты так ни черта и не понял, Бонзо. Учителя сделали ставку на Виггина. Он самый лучший из нас. Самый лучший на все времена. И они

ему дали вовсе не худшую армию. Они дали ему *лучшую.* Эти ветераны, которых ты назвал отбросами, — они такие прекрасные солдаты, что тупые командующие не находили с ними общего языка и спешили отделаться. А Виггин хорошо знает, как обращаться с хорошими солдатами. В отличие от тебя. Вот почему он победит. Он умнее тебя. А его солдаты умнее твоих. Весь расклад против тебя, Бонзо. Можешь сдаваться хоть сейчас. Когда твои вшивые Саламандры встретятся с нами, вас отхлещут так, что вы еще долго будете даже писать лежа!

Боб мог бы сказать еще побольше. Плана у него не было, но зато материала для такого разговора было предостаточно. Но тут его прервали. Приятели Бонзо подхватили Боба, поставили на ноги, а затем на вытянутых руках прижали к стене так, что его тельце оказалось над их головами. Бонзо схватил Боба за горло и тоже прижал к стене. Остальные тут же отпустили Боба, и он повис, как повешенный в петле, так что вскоре ему нечем стало дышать. Рефлекторно он отбивался ногами, стараясь найти опору, но длиннорукий Бонзо оставался вне досягаемости для судорожных пинков Боба.

— Игра, — почти шипел Бонзо, — это одно дело.

Учителя могут жульничать и отдавать победу этому кошачьему объедку — Виггину. Но настанет время, когда дело у нас пойдет всерьез. И когда оно придет, то тут уж мы не ограничимся «замораживанием» боевых костюмов, которые помешают Виггину дрыгаться. Тебе понятно?

На какой ответ он рассчитывал? Боб не то что говорить, он даже кивнуть не мог.

Бонзо злобно усмехался, наблюдая за тем, как Боб теряет силы. Черная пелена уже затягивала поле зрения Боба, но тут Бонзо разжал пальцы, и Боб рухнул на пол. Там он и остался, кашляя и хватая воздух открытым ртом.

Что я наделал! Зачем довел до белого каления Бонзо Мадрида? Хулигана, который не обладает даже хитростью Ахилла? Когда Виггин разобьет его, Бонзо откажется признать себя побежденным. И не ограничится демонстрацией своего отношения к Виггину. Он же ненавидит его до самых кишок!

Когда Боб обрел способность двигаться, он сразу отправился в казарму. Николай немедленно заметил синяки на шее друга.

— Кто тебя душил?

— Не знаю, — ответил Боб.

— Ты мне брось врать, — прикрикнул Нико-

лай. — Он стоял к тебе лицом, это же видно по расположению синяков.

— Я не помню.

— Врешь, ты помнишь даже кровеносные сосуды на своем последе!

— Не хочу говорить об этом, — ответил Боб. На это у Николая ответа не нашлось, хоть он и остался очень недовольным.

Боб за подписью «Графф» отстучал записку Даймеку, хотя и не рассчитывал на удачу: «Бонзо обезумел. Он может кого-нибудь убить, а больше всего он ненавидит Виггина».

Ответ пришел немедленно, как будто Даймек ждал его письма: «Сами стирайте свои вонючие пеленки. Нечего с плачем бегать к мамочке».

Слова жгли почище осиного укуса. Пеленки были Виггина, а не его. Даже уж скорее преподавательские — зачем они сунули Виггина в армию к Бонзо? И еще намекает, что у него никогда не было матери! Почему преподаватели становятся его врагами? Ведь считается, что они обязаны защищать учеников от таких хулиганов, как Бонзо! И вообще, какой они видят эту стирку пеленок?

Единственно, чем можно остановить Бонзо Мадрида, — это прикончить его.

И тут он вспомнил, как стоял над Ахиллом и

повторял: «Ты должна его прикончить!»

И почему я не могу держать рот на замке? Почему я достал этого Бонзо Мадрида? Теперь Виггин кончит так же, как Недотепа. И это снова будет *моей* ошибкой.

16. Компаньон

— Так что, как видите, Антон, ключом, который вы открыли, воспользовались, и не исключено, что благодаря этому человеческий род не погибнет.

— Но несчастный мальчик! Всю жизнь прожить карликом, а умереть — великаном!

— А может быть, он отнесется к этому… с иронией?

— Невозможно поверить, что мой крошечный ключик окажется спасением для человечества от вторжения инопланетных чудовищ. Но возникает вопрос: а кто спасет человечество, когда оно снова станет своим собственным врагом?

— Но ведь мы не враги — вы и я?

— Так ведь и вообще не так уж много людей ненавидят друг друга. Зато у тех, которые преисполнены жадностью или ненавистью, гордыней или страхом, чувства столь сильны, что вполне

могут ввергнуть человечество в войну.

— Если Господь счел нужным создать человека со столь широкой душой, что Он способен спасти нас от смертельной угрозы, неужели Он в ответ на наши мольбы не создаст и другого, в момент новой опасности?

— Но, сестра Карлотта, вы же понимаете, что мальчик, о котором идет речь, был создан не Богом. Он создан похитителем детей, убийцей новорожденных, ученым, объявленным вне закона.

— А вы знаете, почему Дьявол со временем становится все более злобным? Потому что каждый раз, когда он придумывает особенно хитроумную пакость, Бог пользуется ею, чтобы она служила Его собственным целям.

— Выходит, что Бог пользуется очень плохими людьми в качестве своих орудий?

— Бог дал нам свободу творить зло, если мы выбираем эту дорогу. А затем пользуется собственной свободой воли, превращая зло в добро, если Ему заблагорассудится.

— Так что, в конечном счете, Бог всегда в выигрыше? — Да.

— Но на каких-то коротких отрезках времени человек в процессе такой игры может ощутить

значительный дискомфорт?

— А скажите, был ли в вашем прошлом такой момент, в который вы предпочли бы умереть, чем жить в настоящем?

— Ну, тут вот ведь в чем дело: мы в любой ситуации находим надежду, мы приспосабливаемся к чему угодно.

— Вот почему я никогда не могла понять самоубийц. Даже страдающих от депрессии или сознания собственной вины. Неужели в сердце своем они не ощущают Христа-Утешителя, даровавшего им надежду?

— Это вы спрашиваете меня?

— Поскольку Божественный Промысел не всегда ясен, я обращаюсь к смертному.

— На мой взгляд, самоубийство никогда не вызывается желанием прервать жизнь.

— Тогда что же оно такое?

— Это единственный способ для бессильного человека заставить всех остальных людей отвернуться в сторону, чтобы не видеть его позора. Он жаждет не смерти, он жаждет укрытия.

— , Как Адам и Ева укрывались перед лицом Бога?

— Ибо были наги.

— Ах, если б людям была дарована память! Ведь

наги все. И всем нужно укрытие. Но ведь жизнь так прекрасна. Пусть она длится!

— Значит, вы не верите, сестра, что муравьеподобные и есть Зверь из Апокалипсиса?

— Нет, Антон. Я верю в то, что они тоже дети Господа.

— И тем не менее вы отыскали ребенка, который поразит и уничтожит их?

— Разобьет их. Если Господь не захочет, чтобы они умерли, они не умрут.

— Ну а что если Господь захочет, чтобы умерли мы? Мы умрем? Почему же вы боретесь против этого с такой энергией?

— Потому что вот эти руки отданы Богу, и я служу ему так хорошо, как только могу. Если бы он не хотел, чтобы я нашла Боба, я бы его не нашла.

— А если Бог хочет, чтобы победили муравьеподобные?

— Тогда он найдет для этого другие руки. Для той работы мои не годятся.

Вечерами, когда взводные командиры начинали тренировать своих людей, Виггин куда-то исчезал. Боб использовал свой доступ к компьютерной сети преподавателей (через пароль Граффа), чтобы узнать, чем тот занят. Судя по всему, Виггин снова начал просматривать записи о

победе Мейзера Ракхейма, причем делал это еще более упорно и целенаправленно, чем раньше. Поскольку армия Драконов дралась каждый день и каждый раз побеждала, все остальные командующие, многие взводные офицеры и даже солдаты стали тоже ходить в библиотеку и смотреть те же фильмы, надеясь извлечь из них смысл, силясь увидеть в них то, что видел Виггин.

Как глупо, думал Боб. Виггин не ищет там ничего такого, что можно было бы применить в Игре. Он уже создал мощную, способную к адаптации армию и прямо на поле боя продумывает то, как ее лучше использовать в данной обстановке. А фильмы он изучает для того, чтобы понять, как победить жукеров, ибо он твердо знает — когда-нибудь он обязательно с ними встретится. Учителя не стали бы ломать всю сложившуюся в школе игровую структуру, если бы не знали, что кризис близок, если бы не нуждались в Эндере Виггине как в спасителе против грозящего гибелью вторжения жукеров. Именно поэтому Эндер изучает старые фильмы, мучительно пытаясь отыскать в них идеи, которые подсказали бы ему, что нужно у нас жукерам и каковы их возможности. А учителя, не понимая этого, торопят Виггина, подталкивают его, изматывают.

И нас тоже. Мы уже выдыхаемся.

В этом Боб убедился на примере Николая, которому приходилось выкладывать энергии больше, чем другим, только для того, чтобы сохранить себя в приличной форме. Если бы мы были в любой другой армии, то наверняка все уже дошли бы до состояния Николая. Да и сейчас уже многие работают на пределе сил — Николай не единственный. Кое-кто за обеденным столом роняет на пол столовые приборы и металлические подносы. Один мальчик ночью написал в постель. На тренировках участились ссоры. Стали хуже учиться. Правда, предел у всех разный. Даже я — генетически измененный Боб, думающая машина — испытываю нужду в отдыхе и в пополнении сил, но не получаю того, что мне нужно.

Боб даже послал Граффу записку — совсем маленькую и злую. В ней говорилось: «Одно дело тренировать солдат, и совсем другое — выматывать их». Ответа не последовало.

Близилась вторая половина дня, до обеда оставалось еще полчаса. Драконы уже одержали победу утром, потом — уже после занятий — состоялась тренировка, но взводные по предложению Виггина отпустили людей пораньше. Большая часть Драконов одевалась после душа,

кое-кто отправился в Игровую, чтобы убить время до обеда, или в библиотеку — посмотреть видики. На домашние занятия никто и внимания не обращал, лишь кое-кто просматривал компьютеры, чтобы освежить в памяти — что задано.

На пороге казармы возник Виггин, держа в руке листок приказа.

Второе сражение в один и тот же день!

— Дело будет жаркое, а времени в обрез, — сказал Виггин. — Бонзо они известили двадцать минут назад, и к тому времени, когда мы доберемся до ворот, они уже по меньшей мере пять минут как будут находиться в Боевом зале.

Он отрядил четверых солдат, лежавших на койках рядом с дверью, самых юных, но теперь уже ветеранов, отыскать тех ребят, которые недавно покинули казарму, и привести их обратно. Боб быстро натягивал боевой костюм. Он давно уже научился надевать его без посторонней помощи, хотя и продолжал оставаться мишенью шуток — дескать, он единственный солдат, которому приходится тренироваться в надевании костюма, но и в этом случае он всегда остается самым последним.

Пока они одевались, раздавалось немало речей в адрес начальства, не дающего Драконам ни ма-

лейшей передышки. Муха Моло ворчал больше всех, но даже Бешеный Том, которого обычно все веселило, был явно зол. Когда Том сказал, что ни одна еще армия в истории школы не дралась дважды в один и тот же день, Вигин ответил:

— Но никому ведь еще не удавалось и разбить Драконов. Может, нам впервые предоставляют случай испытать вкус поражения?

Через несколько минут все стояли в коридоре у Боевого зала. Ворота уже были открыты. Кое-кто из Драконов все еще продолжал натягивать костюм. Боб пристроился прямо за спиной Бешеного Тома, так что мог видеть почти весь Боевой зал. Яркое освещение. Ни одной «звезды», ни одной «решетки», где бы можно было спрятаться. Ворота противника тоже открыты, но ни единого солдата Саламандр в поле зрения не видать.

— Боже мой! — воскликнул Бешеный Том. — Они, значит, тоже опоздали!

Боб взглянул вверх. Разумеется, Саламандры были здесь! В зале, где не было никаких укрытий, они просто повисли на потолке у самых ворот Драконов, готовясь уничтожать их солдат по одному, как только те высунут нос из своих ворот.

Вигин увидел выражение лица Боба, и тут же прикрыл ладонью рот, показывая, что требует

полной тишины. Он обвел рукой контур ворот, давая солдатам понять, где прячутся враги, а затем подал знак немного отодвинуться от ворот в глубь коридора.

Стратегия была проста и очевидна. Поскольку Бонзо Мадрид любезно пригвоздил свою армию к потолку, тем самым приговорив ее к закланию, оставалось лишь найти способ попасть в Боевой зал и начать бойню.

Решение Виггина — одобренное Бобом в душе — заключалось в превращении рослых ребят в бронированные повозки. Он поставил их на колени и заморозил им ноги. Затем им на ноги сели самые маленькие солдаты, обхватив одной рукой «повозку» за талию, а в другой держа готовое к стрельбе оружие. Самые же крупные солдаты на время превратились в катапульты, в обязанность которых входило швырять каждую пару в Боевой зал.

На этот раз малый рост давал большие преимущества. Боб и Бешеный Том были первой парой, с помощью которой Виггин намеревался продемонстрировать, чего он хочет от своих солдат. В результате, когда первые две пары были брошены в зал, Боб был полностью готов принять участие в бойне. Он сразу же «пристрелил» троих

— расстояние было маленьким, а луч оружия мощным, так что не «убить» было практически невозможно. Когда «убитые» стали валиться из рядов Саламандр, Боб отцепился от Тома, оттолкнулся от него и полетел наискось к востоку и немного вниз, тогда как Том, освобожденный от тяжести, еще быстрее полетел к дальней стене зала. Когда остальные Драконы-стрелки поняли, каким маневром Бобу удалось удержаться в зоне прицельного огня, двигаясь наискось и сохраняя большие шансы остаться в строю, они сделали то же самое.

В конце концов Боб был «ранен», но это уже не имело значения, так как Саламандры были буквально стерты с лица Земли — до единого, причем им так и не удалось даже отцепиться от стены. Они были легкой, почти неподвижной добычей. Бонзо так и не понял, что происходит, пока его не заморозили. А ни один из его лейтенантов не посмел нарушить приказ, данный самим командующим. Еще одно доказательство того, что командиры, правящие с помощью страха и принимающие решения единолично, рано или поздно терпят сокрушительные поражения.

Сражение вряд ли длилось больше минуты — с того момента, как Боб верхом на Томе влетел в

Боевой зал, и до того, как был заморожен последний из Саламандр.

Что удивило Боба, так это то, что Виггин, всегда такой уравновешенный, сегодня был взбешен и не скрывал этого. Майор Андерсон еще не успел поздравить победителя, как Виггин заорал на него:

— Я думал, вы выставите против нас армию, способную драться в честном бою!

Почему он так сказал? Возможно, у Виггина был какой-то разговор с Андерсоном, который ему что-то пообещал, но обещания не выполнил?

Андерсон ничего объяснять не стал.

— Поздравляю вас с победой, командир, — сказал он.

Однако Виггин не собирался оставить дело без последствий.

Он не хотел обычной в этих случаях процедуры. Он повернулся к своей армии и окликнул Боба.

— Если бы ты командовал армией Саламандр сегодня, что бы ты сделал?

Поскольку кто-то из Драконов во время боя отпихнул Боба в сторону, тот сейчас медленно плыл к воротам противника, но вопрос все же услышал. Виггин не заботился о деликатности в отношении побежденных. Бобу не хотелось

участвовать в этом, он считал, что Эндер совершает ошибку, проявляя столь откровенное презрение к Саламандрам. Недаром же он вызвал самого маленького солдатика из Драконов, чтобы подчеркнуть глупость тактики Бонзо. Но ведь Виггина не держали за глотку так, как Бонзо держал Боба. И все же Виггин — командир, а тактика Бонзо глупа, о чем будет весьма приятно высказаться.

— Я бы заставил своих солдат все время кружиться вокруг наших ворот, — сказал Боб так громко, что его могли слышать все — даже Саламандры, которые все еще были приморожены к потолку. — Нельзя же стоять на месте, когда вражеской армии прекрасно известно, где ты находишься.

Виггин снова повернулся к Андерсону.

— Уж раз вы начали жульничать, почему вы не обучили нашего противника, как жульничать с умом?

Андерсон сохранил спокойствие и никак не ответил на выходку Виггина.

— Может быть, ты «оживишь» своих солдат?

Виггин не желал тратить времени на традиционный ритуал. Он сразу нажал на две кнопки своего «крюка», одновременно разморозив солдат

обеих армий. И вместо того чтобы построить Драконов и дать возможность Андерсону объявить об их победе, крикнул:

— Драконы, разойдись!

Хотя Боб был ближе остальных Драконов к воротам, он все же задержался, ожидая, пока все не уйдут, чтобы поговорить с Виггином.

— Сэр, — сказал Боб. — Вы только что унизили Бонзо, и он…

— Я все знаю, — ответил Виггин и вприпрыжку умчался по коридору, явно не желая ничего больше слушать.

— Он опасен, — крикнул ему вслед Боб. Напрасная попытка. Виггин или уже понял сам, что напрасно раздразнил злобного хулигана, или ему было на все наплевать.

А может, он сделал это нарочно? Ведь он всегда превосходно контролировал свое поведение, всегда действовал по плану. Однако Боб не мог даже предположить, что возможен такой план, который включает в себя не только оскорбление Бонзо Мадрида перед строем двух армий, но и злобный выкрик в адрес майора Андерсона.

Зачем же Эндеру Виггину понадобилась подобная глупость?

Бобу вовсе не хотелось думать о геометрии,

хотя завтра и предстояла контрольная. Все классные занятия сейчас отошли на задний план, но они все же продолжались, да и домашние задания были, хотя их то выполняли, то забывали выполнить. Уже несколько дней как Боб получал куда худшие отметки, чем раньше. И дело тут было не в том, что он не знал ответов или не мог сообразить, какими они должны быть. Просто его ум все чаще и чаще отвлекался на более важные для него дела — на новые тактические приемы, которые могли бы поставить неприятеля в тупик; на новые хитрости, которые учителя могли использовать против Драконов; на то, что такое могло или должно было произойти в Большой войне, чтобы вдруг вся школьная система начала трещать по швам; на то, что произойдет с Землей и с МКФ, если жукеры будут разбиты или если окажется, что они уже разбиты? В таких условиях было трудно думать об объемах, внешнем виде, поверхностях или размерах твердых тел.

На вчерашней контрольной, относящейся к проблемам гравитации вблизи планетарных или звездных масс, Боб плюнул на все и написал:

2 + 2 =р\/2 + п

Когда будет известно значение п, тогда я и кончу эту контрольную.

Боб знал: учителя прекрасно понимают, что у них тут происходит. Если им нравится притворяться, что классные занятия что-то значат, то черт с ними, а он поддерживать такую игру не собирается.

В то же время Боб понимал, что проблемы гравитации играют существенную роль для судьбы тех, кто связан с МКФ. Ему необходимы и прочные знания в области геометрии, так как он представлял себе, что впереди его ждут еще более сложные разделы математики. Боб не собирался быть инженером, или артиллеристом, или проектировщиком ракет, или даже пилотом. Но ему надлежало знать то, что было известно им, лучше, чем знали они, иначе его не будут уважать и не пойдут за ним.

Но только не сегодня, думал Боб. Сегодня мне нужно отдохнуть. Завтра. Завтра я выучу все, что должен. Завтра я не буду таким дохлым.

Боб закрыл глаза.

И тут же открыл их снова. Достал из шкафчика свой компьютер.

Там — на улицах Роттердама — он испытывал и усталость, и голод, и отчаяние, порожденное голодом и истощением. Но он все равно продолжал наблюдать. Продолжал думать. И именно

поэтому выжил. В их армии выдохлись все. А потому в ней будет все больше и больше глупых ошибок. А он — Боб — меньше всех других имеет права на глупость. Его единственное богатство — способность быть правым.

Боб включил компьютер, по дисплею которого сразу побежала строка: СЕЙЧАС ЖЕ ЯВИТЬСЯ КО МНЕ. ЭНДЕР.

До отключения света оставалось всего десять минут. Возможно, Эндер послал эту запись уже три часа назад. Но лучше поздно, чем никогда. Боб выскочил из койки, не стал надевать ботинок и тихонько вышел в коридор в одних носках. Вскоре он уже стучал в дверь с табличкой:

Командующий АРМИЕЙ ДРАКОНОВ

— Входи, — сказал Виггин.

Боб открыл дверь и вошел. Виггин выглядел страшно усталым, таким усталым, каким всегда им казался полковник Графф. Тяжелые мешки под глазами, отекшее лицо, обвисшие плечи. А глаза яростные и сверкающие, в них настороженность и упорное биение мысли.

— Я только что получил твое распоряжение, — сказал Боб.

— Отлично.

— Скоро выключат свет.

— Я помогу тебе найти дорогу в темноте, деточка.

Нотка сарказма удивила Боба. Как всегда, Виггин неправильно истолковал его слова.

— Я просто не знал, известно ли тебе, который сейчас час…

— Я всегда знаю, который час.

Боб внутренне тяжело вздохнул. Всегда без промаха одно и то же. Каждый разговор с Виггином приобретает характер ссоры, в которой он — Боб — всегда проигрывает, хотя всегда виноват Виггин, который умышленно неверно интерпретирует слова Боба, что и приводит к недоразумению. Бобу это осточертело. Он знал, что Эндер гениален, он относился к нему с глубочайшим уважением. Но почему тот не видит в нем ничего хорошего?

Боб промолчал. Что бы он ни сказал, приведет лишь к обострению обстановки. Виггин его позвал. Так пусть Виггин и ведет разговор.

— Помнишь, что произошло между нами всего несколько недель назад, Боб? Ты тогда еще сказал, чтоб я тебя назначил командиром взвода?

— Угу.

— Я с тех пор назначил пять взводных офицеров и пять их заместителей. Тебя среди назначенных

не было. — Виггин изогнул брови. — Я правильно поступил?

— Да, сэр. Но только потому, что ты не дал мне ни единого шанса проявить себя до того, как ты произвел эти назначения.

— Тогда расскажи мне, как ты проявил себя в этих восьми боях?

Боб хотел было рассказать, как несколько раз его советы Бешеному Тому помогли взводу «С» стать самым боевым и продуктивным взводом в армии. Как его тактические находки и творческое использование сложившейся на поле боя ситуации были подхвачены другими солдатами. Но это могло прозвучать хвастовством, граничащим с неуважением к своему непосредственному начальству. Это было совсем не то, о чем должен докладывать солдат, желающий стать офицером. Бешеный Том мог сообщить обо всем этом Виггину, а мог и умолчать. Боб не должен говорить ничего, что касалось не его самого.

— Сегодня меня впервые вывели из боя так скоро, но компьютер показал, что у меня было одиннадцать попаданий, прежде чем я выбыл из игры. В каждом из сражений я «убивал» не менее пяти солдат противника. Кроме того, я успешно выполнял все поручения начальника, которые

он мне давал.

— Почему тебя так рано сделали солдатом, Боб?

— Не раньше, чем тебя. — Не совсем точно, но близко к истине.

— И все-таки почему?

Чего он добивается? Ведь все решают учителя. Или он узнал, что список армии готовил именно Боб? Может, он с самого начала знал, что Боб сам вставил в список себя?

— Не знаю.

— Нет, знаешь, и я тоже знаю.

Нет, Вигин спрашивал не о том, почему *Боба* сделали солдатом. Он спрашивал, почему новичков вообще стали так быстро и так рано переводить в солдаты.

— Я пытался разобраться в этом, но у меня есть лишь свои догадки. — Конечно, догадки Боба никогда не брались с потолка, как и догадки самого Эндера. — Ты… очень хорош. Они это видят, подталкивают, торопят…

— Почему, Боб, почему?

Только теперь Боб наконец понял, о чем именно спрашивает его Вигин.

— Потому что мы им необходимы, вот почему! — Боб сел на пол, его глаза смотрели не в лицо

Виггина, а на его ноги. Боб знал много вещей, которых ему не следовало знать. Вещей, которые, как думают учителя, он и знать не мог. И по всей вероятности, их нынешний разговор подслушивается учителями. Боб постарался сохранить на лице выражение, которое ничего не говорило о том, сколько всего он знает. — Потому что мы им нужны. Чтобы разбить жукеров. А это единственная вещь, которая их интересует.

— Очень здорово, что ты это понимаешь.

Бобу необычайно хотелось получить ответ на вопрос: почему так важно чтобы именно *он* понимал это? Или Эндер хочет показать, как важно, чтобы это было известно людям вообще? Или он сумел рассмотреть и понять наконец, кто я такой? Что я — это он, только еще умнее, хотя и не столь обаятельный. Лучше как стратег, хотя и хуже как командир. Что если Эндер сломается и его армия потерпит поражение, если он заболеет или умрет, то именно я заменю его и доведу наше дело до конца? И потому важно, чтобы я знал то, что только что высказал Эндер?

— Потому что большинство ребят, — продолжал Виггин, — считают, что Игра важна сама по себе, а ведь на самом деле это совсем не так. Она имеет значение только из-за того, что позволяет

выделить тех, кто станет настоящим командиром во время настоящей войны. А что касается самой Игры, то гори она синим пламенем! Вот это они и делают сейчас. Подожгли ее со всех четырех сторон.

— Забавно, — сказал Боб. — Я тоже размышлял, почему это учителя используют нас с такой безжалостностью.

Нет, если Виггин считает, что я нуждаюсь в подобных пояснениях, значит, он еще не до конца понял, кто такой Боб. И все же именно Боб сидит сейчас в комнате Виггина и ведет этот разговор. А это уже кое-что.

— Игра для нас началась на девять недель раньше, чем должна была начаться. Сражаемся мы ежедневно. Сегодня даже два раза в день. Боб, я не понимаю, чего хотят добиться учителя, но моя армия выдыхается, и я тоже выбиваюсь из сил, а они как взбесились и продолжают нарушать все обычаи и правила Игры. Я получил от компьютера данные по ее истории. За все существование школы никто еще не уничтожал противника в таких масштабах и не терял так мало бойцов, как мы.

Что это? Неужто хвастовство? Тогда Боб и ответит как на хвастовство.

— Ты самый лучший, Эндер.

Виггин покачал головой. И если он уловил в голосе Боба иронию, то на нее не обиделся.

— Возможно. Но ведь я не случайно получил тот состав, который у меня есть, — новички, солдаты, казавшиеся негодными в других армиях. Но после того как их соединили вместе, мой самый слабый солдат в любой другой армии может сразу занять пост командира взвода. То есть учителя как бы вымостили мне дорогу, а сейчас они делают все от них зависящее, чтобы скрутить меня. Боб, они жаждут сломать нас.

Итак, Виггин понимает, что его армия была специально подобрана, но не знает, кто ее подбирал. А может, он знает, но не хочет сейчас открывать все карты перед Бобом. Трудно понять, что именно Виггин вычислил, а о чем догадался.

— Они тебя никогда не сломают.

— Ты бы удивился, если бы знал… — Виггин резко вздохнул, внезапно, как от боли, или будто пытаясь дышать под сильным ледяным ветром. Боб глянул на него и понял: свершилось невозможное. Виггин не поддразнивал его, он просто изливал ему душу. Не всю. Но пусть даже частицу. Эндер открылся ему как человек. Ввел его в интимный круг своих чувств. Он сделал его…

кем? Советником? Доверенным лицом?

— Возможно, тебе еще предстоит самому удивиться, — сказал Боб.

— Есть предел тому, какое количество новых идей я смогу выдвинуть. Скоро кто-нибудь подготовит мне такую ловушку, которую я не сумею придумать сам, и я окажусь захваченным врасплох.

— Ну, это еще полбеды, — ответил Боб. — Подумаешь, большое дело — проиграть один раз!

— Нет, это будет беда. Я не имею права проиграть ни одной игры. Если я проиграю…

Эндер не закончил свою мысль. Боб так и не понял, какие последствия такого события мерещились Виггину. Просто, что легенда о Виггине — Идеальном Воителе рассыплется в прах? Или что его армия потеряет веру в него или уверенность в собственной непобедимости? Или это имеет отношение к настоящей войне, и поражение в Боевой школе может пошатнуть веру учителей в то, что Эндер и есть будущий победитель жукеров, тот, кто поведет флот? В то, что он может быть подготовлен до того, как начнется вторжение жукеров?

Так как Боб не знал, насколько глубоко проникли учителя в его собственные мысли насчет

будущей войны, то он предпочел промолчать.

— Мне нужна твоя умная голова, Боб, — говорил Эндер. — Я хочу, чтобы ты придумывал решения проблем, с которыми мы пока еще не столкнулись. Я хочу, чтобы ты придумывал трюки, которые еще никто не использовал, потому что они кажутся совершенно бессмысленными.

Так вот, значит, о чем ты думал, Эндер! Что же ты предложишь мне? Чем объяснишь свое предложение?

— Почему я?

— Потому что, хотя сражающихся так же хорошо, как ты, в армии Драконов хоть и мало, но можно найти, в ней нет ни одного солдата, который думал бы лучше и быстрее тебя.

Значит, ты *понял.* После целого месяца ощущения обманутых надежд Боб наконец почувствовал, что так, как это все происходило, было к лучшему. Эндер видел, каков он в бою, он судил о Бобе по делам его, а не по репутации ученого или по слухам о баллах, самых высоких за всю историю школы. Он завоевал уважение Эндера, а это было признание единственного человека, мнение которого Боб так ценил и так ждал.

Эндер протянул Бобу свой компьютер. На дисплее высвечены двенадцать имен. По два-три

человека от каждого взвода. Боб сразу же догадался, почему именно их выбрал Эндер. Все это были отличные солдаты, надежные и добросовестные. Но не броские, не любители покрасоваться. Это были те, кого Боб ценил выше всех после взводных офицеров.

— Выбери из них пятерых, по одному из каждого взвода. Это будет взвод особого назначения, тренировать его будешь ты сам. Но только не во время общих тренировок. Расскажешь мне, чему ты намерен их учить. Только не останавливайся долго на одном и том же. Большую часть времени и ты, и они будете числиться в тех же взводах, в которых состоите сейчас. Но мне вы можете понадобиться в любую минуту. И тогда вам придется делать нечто невозможное, на что будете способны только вы.

В этих двенадцати фамилиях была какая-то странность.

— Они все новички. Ни одного ветерана.

— После прошедшей недели все наши новички — ветераны. Разве ты не знаешь, что в таблице личных зачетов все сорок наших солдат входят в список пятидесяти самых лучших солдат школы? И что надо спуститься до семнадцатого номера, чтобы встретить там солдата не из армии Дра-

конов?

— А что, если я не сумею придумать ничего нового? — спросил Боб.

— Значит, я ошибся в тебе.

Боб усмехнулся.

— Ты не ошибся.

Погас свет.

— Найдешь дорогу в казарму, Боб?

— Пожалуй, нет.

— Тогда оставайся. И если ты будешь вслушиваться в тишину, возможно, услышишь, как добрая фея придет ночью и оставит нам приказ на завтра.

— Но не посмеют же они назначить нам на завтра новый бой? — Боб посчитал слова Эндера за шутку, но тот ничего ему не ответил.

Боб услышал, как Эндер забирается в койку.

Для командующего армией Эндер все еще был маловат ростом. Его ноги даже не доставали до задней стенки койки. Поэтому для Боба там оставалось вполне достаточно места, если свернуться калачиком. Он тоже забрался в койку и лежал там тихо-тихо, чтобы не потревожить сон Эндера… если тот спал, а не лежал в тишине, стараясь понять… что?

Для Боба полученный от Эндера приказ означал

одно: придумывать нечто, что почти невозможно вообразить, — идиотские придумки, которые могут быть обращены против Драконов, а также меры противостояния им. Придумать такие же идиотские новшества, которые Драконы применят сами, чтобы вызвать замешательство и панику в других армиях и, как подозревал Боб, заставить их командующих усваивать и применять у, себя эту совершенно бесполезную стратегию. Поскольку большинство командующих до сих пор не понимают причин непрерывных побед Драконов, они продолжают копировать боевые приемы Виггина, использованные им в той или иной битве, вместо того чтобы раскрыть оригинальные методы тренировки и организации его армии. Как сказал Наполеон, единственная вещь, которая в действительности контролируется военачальником, — это его собственная армия: ее мораль, обучение, надежность, инициативность, управление, и в меньшей степени — снабжение, кадры, средства транспортировки, лояльность, отвага солдат. Что будет делать неприятель, на чьей стороне окажется удача, — эти факторы могут повергнуть в прах любые планы. Но командующий должен уметь изменить свои планы, причем сделать это мгновенно в случае, если

появятся препятствия или откроется какая-то новая возможность. Если его армия не готова и не повинуется его воле, тогда все его военное искусство обречено на неудачу.

Слабые командующие не понимают этого. Не сумев понять, что Эндер побеждает потому, что и он, и его солдаты реагируют мгновенно на малейшие изменения обстановки, они пытаются подражать его тактическим приемам, вводят их в свою практику. Даже если творческие гамбиты Боба не окажут решающего воздействия на конечный результат сражения, эти командующие все равно будут тратить время и силы на копирование идиотских и совершенно бесполезных приемов. Но время от времени Боб обязательно будет наталкиваться на замыслы, которые и в самом деле окажутся важными. Но в основном это будут отвлекающие приемы.

Боб рассчитывал справиться с порученным ему делом. Даже если Эндеру нужны пока только отвлекающие маневры, это не важно. Важно другое — он избрал Боба, чтобы осуществить их, а уж Боб-то продумает все самым наилучшим образом.

А Эндер если и не спал сегодня, то не потому, что не мог заснуть в тревоге о завтрашнем сра-

жении или о послезавтрашнем. Эндер думал о жукерах и о том, как он будет сражаться с ними, когда окончится срок его обучения и он окажется на настоящей войне, где не только реальные жизни реальных солдат, но, возможно, и судьба всего человечества будет зависеть от его — Эндера — решений. И какова же будет *моя* роль в этой схеме, думал Боб. В общем-то я рад, что основная тяжесть ляжет на плечи Эндера. И не потому, что я ее не потяну — возможно, я и смог бы, — а потому, что я уверен — Эндер это сделает лучше меня. Не знаю, что именно заставляет людей любить военачальников, посылающих их на смерть, но у Эндера это качество есть, а есть ли оно у меня — это еще проверить надо. Кроме того, у Эндера, даже без обработки генов, есть качества, которые не поддаются измерению и скрыты глубже, нежели интеллект.

Но он не должен нести эту тяжесть один. Я могу ему помочь. Я готов забросить геометрию и астрономию, забыть уйму прочих мелочей и сконцентрироваться только на тех проблемах, которые для Эндера являются первоочередными. Я готов заняться изысканиями того, как ведут свои войны другие животные, особенно общественные насекомые, поскольку муравьеподобные

сходны с ними, как мы с приматами.

Я стану защищать ему спину.

Тут Боб опять вспомнил о Бонзо Мадриде. И о мертвенной ярости хулиганья в Роттердаме.

Зачем учителям взбрело в голову ставить Эндера в такое положение? Он стал естественной мишенью для ненависти множества ребят. Курсанты Боевой школы носят войну в своей крови. Они жаждут триумфа. Они ненавидят поражение. Если бы у них не было таких качеств, они бы сюда ни в жизнь не попали. И с самого начала Эндер был поставлен в положение человека, находящегося в изоляции. Маленький, но гениальный, самый лучший солдат, а теперь еще и командующий армией, по сравнению с которым остальные командующие — просто малые ребятишки. Очень немногие из них, потерпев поражение, подобно Карну Карби, становятся покорными вассалами Эндера, превозносят его даже за его спиной, изучают его тактику, чтобы научиться побеждать, хотя так и не понимают, что изучать надо методы обучения, а не сами битвы, чтобы понять причины побед Эндера. Но большинство командующих обозлены, ревнивы, напуганы, опозорены, жаждут отомстить. А их характеры таковы, что могут превратить эти

чувства в бешеные акты насилия… если только они будут уверены в успехе.

Все, как на улицах Роттердама. Совсем как хулиганы, сражающиеся за лидерство, за ранг, за почет. Эндер пустил Бонзо голым. Пережить такое невозможно. Бонзо отомстит за свое унижение таким же образом, как в свое время отомстил Ахилл.

Но должны же это понимать учителя? А они создают Эндеру все новые и новые препятствия. И в каждом новом испытании, подготовленном для него, Эндер побеждает. Он преодолел все хитрости, которым обучают в Боевой школе. Он разделался с ними вчистую. Так почему же они не переводят его на следующий уровень? Потому ли, что есть еще какие-то уроки, которых он недополучил, потому ли, что остались еще какие-то испытания, не входящие в общую программу, которые Эндер обязательно должен пройти? Но ведь эти испытания могут закончиться и смертью. Боб снова ощутил, как сжимаются пальцы Бонзо на его горле. Этот парень, если даст себе волю, будет наслаждаться той абсолютной властью, которую обретает над своей жертвой убийца. Они ставят Эндера в ситуацию уличных разборок. Учителя проверяют его способность к выживанию. Они не

знают, что они творят, эти идиоты. Улица — это не испытание. Улица — лотерея.

Я взял в ней приз — выжил. Но выживание Эндера не зависит напрямую от его личных качеств. Здесь слишком большую роль играет удача. Случай. Плюс опытность, напористость и сила его врагов.

Возможно, Бонзо не в состоянии контролировать свои эмоции. Тогда это ослабляет его позиции. Но сам факт его присутствия в Боевой школе говорит о том, что определенными важными качествами он обладает. Его сделали командующим потому, что определенный тип солдат пойдет за ним сквозь смерть и ужас сражений. Это ставит Эндера в крайне опасное положение. А учителя, которые смотрят на нас как на детей, не имеют представления о том, как быстро движется смерть. Стоит им отвернуться на несколько минут, стоит отойти на несколько шагов, как тот, на кого возлагаются их надежды — этот драгоценный Эндер Виггин, — умрет. Умрет. Я видел и не такое на улицах Роттердама. Но то же самое может произойти и в ваших чистеньких помещениях космической станции.

Поэтому я отложу в сторону свои классные уроки, решил Боб, лежа в ногах Эндера. Теперь у

меня будут только две дисциплины, которыми я займусь. Одна — это помощь Эндеру в подготовке к войне, которой тот придает такое большое значение, войне с жукерами. Другая — помощь в той уличной сваре, которая уготовлена Эндеру.

Разумеется, Эндер и сам к чему-то подобному готовился. После какой-то стычки в Боевом зале, когда он только что приступил к своим тренировкам в свободное время, Эндер прошел курс самозащиты и кое-что узнал о рукопашных схватках. Но цель Бонзо — вовсе не спортивный матч, не защита. Это месть. Уничтожение противника. Он может привести с собой целую банду.

Итак, после того как Боб придумает несколько умных и глупых приемов, которым он начнет обучать свой взвод, он будет обдумывать, как поставить Бонзо в такое положение, при котором тот мог бы встретиться с Эндером только наедине или не встретиться вообще. Отрубить его от соратников. Подорвать в моральном смысле репутацию любого хулигана, который якшается с Бонзо.

Эту работу Эндер выполнить не сможет. Зато она как раз по плечу Бобу.

Часть пятая. Лидер
17. Предел

— Даже не знаю, как это все можно объяснить. «Мозговая» игра только один раз вошла в короткий контакт с Бобом, в процессе которого показала ему лицо того мальчишки. На этом сеанс прервался. Почему? Из-за страха? Ярости? Неужели у вас нет никого, кто разбирался бы в том, как действует эта так называемая Игра? Она пропустила Эндера через жуткий стресс, введя в дело фотографии его брата, которых, кстати, она никак не могла иметь в своих файлах, но все же откуда-то получила. Теперь этот случай… Что это? Глубоко продуманный гамбит, который дает возможность сделать новые предположения о психике Боба? Или просто возник единственный человек, знавший Боба раньше, чья фотография случайно оказалась в файлах Боевой школы?

— А что это? Чистая риторика или ряд вопросов, на которые вы хотели бы получить точный ответ?

— Я хочу, чтобы вы ответили мне вот на какой вопрос: какое право вы имеете заявлять, что

нечто «является весьма значительным», ежели у вас нет представления о том, на что это значительное указывает?

— Если некто бежит за вашей машиной, крича и размахивая руками, вы понимаете, что он затевает что-то «значительное», даже если вы не расслышали ни единого слова.

— Так что же это было? Крик? Вопль?

— Это была аналогия. Изображение Ахилла имеет для Боба исключительно важное значение.

— Важное в позитивном или в негативном смысле?

— Вряд ли тут возможен однозначный ответ. Если в негативном, то проистекают ли эти негативные ощущения Боба от того, что Ахилл нанес ему какую-то травму? Или они негативны потому, что разлука с Ахиллом травмировала Боба, а теперь он тоскует и хочет поскорее соединиться с ним?

— А если независимый источник информации советует держать их врозь, то…

— Тогда этот независимый источник или совершенно прав…

— Или глубоко заблуждается?

— Очень сожалею, но точнее сказать ничего не

могу. Контакт игры с Бобом продолжался всего минуту.

— Слабовато у вас получается. Ведь ваша «мозговая» игра учитывает все материалы, связанные с учебой Боба и даже его, как бы сказать, «учительское я».

— Да, и мы вам об этом сообщали. Это происходит от его глубоко укоренившегося желания контролировать — именно с этого началось — свое окружение, но с некоторых пор оно постепенно трансформировалось в желание принять на себя ответственность. Кроме того, Боб использовал тайно добытую информацию, чтобы создать иллюзию своей принадлежности к какому-то сообществу.

— Но он и в самом деле к нему принадлежит.

— У него только один настоящий друг. Но между ними скорее отношения типа «старший брат — младший братишка».

— Мне нужно решить вопрос: принять ли Ахилла в Боевую школу, пока Боб еще не окончил ее, или отказаться от одного из них вообще. Какой совет, учитывая реакцию Боба на Ахилла, вы мне можете дать?

— Вам этот совет не понравится.

— Давайте все ж попробуем.

— Учитывая тот случай, мы можем сказать лишь, что если свести их вместе, то это будет иметь или очень-очень плохие последствия или…

— Знаете, мне, видимо, придется вплотную заняться проблемой вашего финансирования.

— Сэр, цель нашей программы и то, как она работает, заключаются в том, чтобы компьютер делал сопоставления, о которых мы бы никогда не додумались, и получал бы выводы, которых мы не ожидали. Фактически он находится вне нашего контроля.

— То, что программа вышла из-под контроля, еще не свидетельствует о наличии разума ни у программы, ни у программистов.

— Мы не пользуемся словом «разум» в наших материалах компьютерного обеспечения. Мы считаем это слишком наивным подходом. Мы говорим просто «комплекс», что означает, что мы не всегда понимаем его действия. Мы получаем не всегда убедительную информацию.

— А получали ли вы вообще «убедительную» информацию хоть о чем-нибудь?

— Я выбрал не очень удачное слово. Что-либо завершенное, окончательное вообще не является нашей целью, когда мы изучаем сознание

человека.

— Тогда назовем информацию «полезной». Так вот, получали ли вы полезную информацию хоть разок?

— Сэр, я сказал вам все, что мы знаем. Решение за вами — и до того, как вы обратились к нам, и теперь. Используете ли вы нашу информацию или нет — дело ваше, но вот вестника пристреливать вряд ли стоит.

— Когда вестник не может сказать, в чем состоит его весть, мой палец на «собачке» начинает дергаться. Свободны.

Имя Николая стояло в списке, который Эндер передал Бобу, но именно с этого и начались проблемы Боба.

— Я не хочу, — сказал Николай.

Бобу даже мысль о том, что кто-то может отказаться, в голову не приходила.

— Мне и без того будь здоров как достается только ради того, чтобы удерживаться на достигнутом уровне.

— Но ты же хороший солдат!

— Но я на пределе своих возможностей. Просто мне здорово везет.

— Именно так и бывает у всех хороших солдат.

— Боб, если я пропущу хоть одну тренировку

в моем собственном взводе, я тут же отстану от моих ребят. Я на это пойти не могу. И одной тренировки с тобой в день мне тоже недостаточно. Я парень ловкий, Боб, но я далеко не Эндер. И я — не ты. Вот этого ты, по-видимому, не понимаешь. Каково это, знать, что я — не ты. Это трудно объяснить, тут все не так просто.

— Для меня тоже далеко не все просто.

— Слушай, я все понимаю, Боб. И есть очень много вещей, которые я готов сделать ради тебя. Но это в их число не входит. Извини.

Это был первый опыт Боба в качестве командира, и он не срабатывал. Боб почувствовал, что начинает злиться, ему хотелось послать Николая подальше, сказать, что найдутся другие и даже лучше. Но злиться на единственного друга он не мог. Однако и принять от него отказ на свою просьбу тоже не мог.

— Николай, то, что мы будем делать, не так уж и тяжело. Так, просто — всякие там фокусы и трюки.

Николай закрыл глаза.

— Боб, ты заставляешь меня чувствовать себя порядочной свиньей.

— Я вовсе не хочу, чтоб ты стыдился. Это чепуха, но такое поручение я получил, так как Эндер

считает такую штуку полезной для Драконов. Ты в его списке, так что это его выбор, а не мой.

— Но ты-то не обязан выбрать из списка обязательно меня?

— Пойми, а как я теперь пойду разговаривать со следующим парнем? Он спросит меня: «Николай тоже в этом взводе, да?» — и я отвечу: «Нет, он не захотел». Это будет означать, что он тоже имеет право на отказ. И остальные тоже скажут «нет», потому что им покажется противно принимать приказы от меня.

— Знаешь, месяц назад наверняка так бы и случилось. Но теперь все знают, что ты настоящий солдат. Я же слышал, как они говорят о тебе. Тебя очень уважают.

Опять же, вероятно, в этот момент следовало сделать то, о чем просил Николай, — снять его с крючка. И по-дружески это было бы хорошо. Но сейчас Боб не мог думать как друг. Ему приходилось учитывать, что ему дали пост командира взвода, но этот пост требовал подтверждения.

А так ли уж он нуждался в Николае?

— Я просто думаю вслух. Николай, никому другому я бы этого не сказал, но, видишь ли, я, если говорить начистоту, боюсь. Я хотел быть командиром взвода, но это потому, что тогда ничего

не знал о том, что должен делать взводный. У нас была уже целая неделя боев, и я увидел, как Бешеный Том держит в кулаке своих ребят, как важно даже то, каким голосом он отдает приказы. Я увидел, как Эндер тренирует нас, как он верит нам, как все у него получается как в танце — па на носках, прыжок, пируэт. И тогда я начинаю бояться, а вдруг провалюсь, а времени у меня на это нет. Я должен выполнить эту работу, и когда ты со мной рядом, я знаю, что есть хоть один человек, который уверен — этот головастый малыш не подведет.

— Не обманывай себя, — ответил Николай. — Так будет всегда, только если мы не начнем врать друг другу.

А вот это уже больно. Но лидер должен уметь держать удар, не так ли?

— Вне зависимости от твоих чувств, Николай, ты обязан дать мне шанс, — сказал Боб, — и если ты мне его дашь, другие последуют за тобой. Мне нужна твоя… лояльность.

— И мне тоже, Боб.

— Ты нуждаешься в моей лояльности как друг, чтобы я сделал лично тебя счастливым, — ответил ему Боб. — Я же нуждаюсь в ней как лидер, чтобы выполнить приказ, отданный мне нашим

командующим.

— Это жестоко, — тихо сказал Николай.

— Ага, — отозвался Боб, — но это правда.

— Ты жесток, Боб.

— Помоги мне, Николай.

— Похоже, наша дружба носит односторонний характер.

Никогда еще Боб не чувствовал себя так — это было похоже на нож в сердце. Слова, которые он слышал, означали одно — кто-то зол на него. И дело не в том, что он хочет, чтобы Николай думал о нем только хорошо. А в том, что он знает — Николай по-своему прав. Боб пользуется его дружбой против интересов самого Николая.

Но не из-за этой боли Боб решил отступить. Он понял: солдат, который пойдет за тобой против своей воли, будет служить плохо. Даже если он твой друг.

— Слушай, Николай, не можешь, значит — не можешь. Мне ужасно жаль, что я тебя так расстроил. Обойдусь. И ты прав, я справлюсь с этим. Мы друзья, Николай?

Николай схватил протянутую руку и сжал ее.

— Спасибо, дружище, — шепнул он.

Боб отправился к койке Совка — единственного солдата, которого Эндер отметил из взвода «С».

Совок вообще-то не был бесспорен с точки зрения Боба. Он был с ленцой, иногда действовал спустя рукава. Но он состоял во взводе «С», а значит, присутствовал при том, когда Боб подавал советы Бешеному Тому. А кроме того, он видел Боба в бою.

Когда Боб спросил его, не могут ли они поговорить пару минут, Совок сразу отложил свой компьютер в сторону. Боб забрался в его койку и уселся рядом с более крупным мальчиком. Совок был родом из маленького городка на французской Ривьере и пока умудрялся сохранять веселое дружелюбие провансальцев. Бобу он нравился, да и остальным ребятам — тоже.

Боб скороговоркой изложил то, что ему поручил Эндер, но ни единым словом не намекнул, что речь идет всего лишь об отвлекающих маневрах. Ведь вряд ли найдутся дураки, которые откажутся от полноценных тренировок и возьмутся за нечто, не имеющее решающего значения в битве.

— Ты в списке, который дал мне Эндер, и я хотел бы…

— Боб, ты чего тут ошиваешься?

Возле койки Совка стоял Бешеный Том.

Только теперь Боб понял свой промах.

— Сэр, — начал он. — Мне следовало бы сначала поговорить с вами. Но я новичок в таких делах и не продумал как следует.

И Боб снова выложил то, что поручил ему Эндер.

— И Совок, стало быть, в этом списке?

— Верно.

— И значит, я на своих тренировках лишусь и тебя, и Совка?

— Нет, только на одной тренировке в день.

— И я — единственный взводный, который разом теряет двух солдат?

— Эндер сказал — по одному из каждого взвода. Пять плюс я.

— Блин, — буркнул Том. — И ты, и Эндер не подумали, что ваше решение бьет по мне куда сильнее, чем по остальным четырем взводным. Что бы вы там ни мудрили, но почему бы вам не ограничиться пятью — четыре солдата и ты? Будет по одному из каждого взвода.

Бобу хотелось поспорить, но он подумал, что открытое столкновение лбами ему ничего хорошего не принесет.

— Ты прав, я об этом не подумал, и ты прав, что Эндер может передумать и изменить свой приказ, когда поймет, какой ущерб это наносит

твоим тренировкам. Поэтому, когда он придет утром, поговори с ним и дай мне знать, как вы решили. А пока Совок может сказать мне «да» или «нет», ведь сам по себе его ответ ничего не решает, верно?

Бешеный Том задумался. Боб видел, что гнев в нем еще кипит. Однако положение лидера заметно изменило Тома. Теперь он уже не взрывался сразу, как это было раньше. Он взял себя в руки. Успокоился. Пережил в себе.

— О'кей, я поговорю с Эндером. Если Совок не против этим делом заняться…

Оба поглядели на Совка.

— Думаю, это было бы неплохо, — сказал Совок. — Занятное дело.

— Удерживать вас не буду, — пробурчал Том, — но и болтать о вашем дурацком взводе на моих тренировках запрещаю. Пускай эти дела остаются за границами моего взвода.

Оба согласились. Боб видел, что Бешеный Том поступает умно, выдвигая свои требования. Это специальное назначение ставит их в некоторую изоляцию по отношению к солдатам взвода «С». Если они оба начнут еще шептаться друг с другом о своих делах на тренировках, остальные почувствуют себя как бы ниже некой элиты. В

остальных взводах этого не произойдет — там всего будет по одному новобранцу Боба. А стало быть, и никакой изоляции не предвидится.

— Слушай, не буду я говорить с Эндером об этих делах, — снова заговорил Бешеный Том. — Раз нет проблем. О'кей?

— Спасибо, — ответил ему Боб.

И Бешеный Том отправился в свою койку.

Я провел это дело мастерски. Никто не обозлился.

— Боб, — позвал его Совок.

— А?

— Один вопрос.

— Э?

— Не зови меня Совком.

Боб немного подумал и вспомнил. Настоящая фамилия Совка — Дюшеваль.

— Предпочитаешь кличку «Две лошади»? Похоже на прозвище воина из племени сиу[18].

Совок расплылся в улыбке.

— Звучит куда лучше, чем название инстру-

---

[18] Примечания: 18

Обыгрывается сходство в произношении английского shovel (скребок, совок) и французского cheval (конь). «Дюшеваль» для американца звучит почти как «две лошади».

В оригинале — «dead line». На английском языке может означать «предел» или «последнюю черту», но Боб предпочитает буквальное значение.

мента, которым чистят конюшню.

— Дюшеваль, — сказал Боб. — С сей минуты и во веки веков.

— Спасибо. Когда начнем?

— Сегодня в «свободное время».

— Бакана.

Боб уходил от койки Дюшеваля чуть ли ни вприпрыжку. Он добился своего. Он сумел. Во всяком случае, один раз.

И к тому времени, когда завтрак кончился, все пять вакансий во взводе были заполнены. Насчет четырех он сперва поговорил с их взводными. Ни один из них ему не отказал. Так Боб получил свой взвод только за то, что пообещал Дюшевалю называть его с этих пор Дюшевалем.

Графф, Даймек и Дэп сидели во временном кабинете полковника, размещавшемся в центре управления Боевого зала. Шел привычный спор между Даймеком и Дэпом, причем практически из-за ничего — какие-то несущественные разногласия по поводу мелкого протокольного вопроса. Этот спор внезапно вылился в поток взаимных обвинений. Впрочем, ничего необыкновенного — проявление соперничества, поскольку и Дэп, и Даймек пытались добиться определенных преимуществ для своих протеже — Эндера и Боба.

Одновременно они надеялись уговорить Граффа не ставить их фаворитов в опасную ситуацию, которая, по их мнению, неотвратимо назревала. Когда в дверь раздался стук, оба капитана почти орали, а так как стук был не очень громким, то Графф решил, что дальнейший разговор не должен стать добычей чужих ушей.

Были ли названы какие-нибудь имена? Да, Боба и Эндера. И еще — Бонзо. А имя Ахилла? Нет, о нем было упомянуто, как об еще одном безответственном решении, которое угрожает всей человеческой расе, а все из-за безумной теории, будто Игра — это одно, а реальная борьба не на жизнь, а насмерть — нечто совсем другое. Теория эта не обоснована и не может быть доказана ничем, кроме как кровью одного из детей. Так говорил Дэп, у которого была явная склонность к красноречию.

Граффу все это уже порядком осточертело, ибо в душе он был согласен с обоими участниками спора, но только в отношении их мнения друг о друге, а не с их аргументацией, касавшейся лично самого полковника. Боб и в самом деле, если брать только результаты тестирования, был наилучшим кандидатом. Эндер же был наилучшим, если исходить из его положения лидера и

умения ориентироваться в сложных ситуациях. И Графф действительно поступал безответственно, подвергая мальчиков серьезным опасностям, в том числе физическим.

В обоих случаях существовали очень значительные сомнения в личной смелости кандидатов. За Эндером тащился хвост истории многолетней давности, касавшейся его рабской порабощенности старшим братом Питером, да и «мозговая» игра подтвердила, что в подсознании Эндера личность Питера ассоциируется с жукерами. Графф знал, что у Эндера достанет смелости на то, чтобы нанести удар, когда настанет время выбора: или — или. Знал, что Эндер может противостоять врагу, когда неоткуда ждать помощи, что он может нанести поражение врагу, грозящему ему уничтожением. Но сам Эндер этого не знал. И было необходимо открыть ему это знание.

С другой стороны, у Боба проявились совершенно явные симптомы паники перед его первым сражением, хотя во время самого боя он вел себя вполне прилично. Графф не нуждался ни в каких психологических тестах, чтобы понять — есть почва для достаточно серьезных сомнений. Единственная разница заключалась в том, что в случае Боба полковник разделял сомнения. Дока-

зательств, что Боб сумеет нанести удар, не было.

А неуверенность в себе — качество, которого кандидаты не должны иметь. Когда сталкиваешься с врагом, который не колеблется — не может колебаться, — времени для рефлексии нет. А мальчикам предстояла встреча со смертельной опасностью в условиях, когда помощи было ждать неоткуда. Они должны были понять, что, когда любая ошибка фатальна, им необходимо действовать безошибочно. Им надлежало пройти последнее испытание и узнать, прошли они его или нет. Оба мальчика обладали такой проницательностью, что испытание не могло было быть сфабрикованным. Оно должно было быть *реальным*.

Подвергать их такому испытанию было со стороны Граффа действительно делом безответственным. Но он знал: еще большая безответственность — не подвергать их этому испытанию вообще. Если бы Графф спустил все это дело на тормозах, то никто не обвинил бы его, если б в условиях реальной войны Боб или Эндер «провалились». Правда, это обстоятельство вряд ли могло бы служить полковнику утешением — с учетом последствий такого провала. Как бы ни поступил полковник, если его решение окажется

ошибочным, то каждый человек на Земле за эту ошибку заплатит своей жизнью. Был, конечно, один шанс, который мог привести к другому исходу: если один из детей будет убит или искалечен, то останется другой, который уже будет единственным кандидатом.

Ну а если «провалятся» оба? Остается множество способных ребят, но ни один из них не будет лучше тех, кто уже сейчас командует подразделениями флота, окончив несколько лет назад Боевую школу.

Кто-то же должен бросить кости? В данный момент стаканчик для костей находится в моих руках. И я не бюрократ, который ставит свою карьеру выше той цели, для достижения которой меня поставили на этот пост. И я не передам этот стаканчик в другие руки и не стану притворяться, что у меня нет выбора, когда он есть.

В настоящее время все, что мог сделать Графф, сводилось к тому, чтобы выслушать Даймека и Дэпа, проигнорировать их чисто бюрократическую атаку и выпады против него и постараться стравить их друг с другом, чтобы они с новой энергией продолжали свою междоусобицу.

Раздался тот самый слабый стук, и Графф, еще до того как растворилась дверь, знал, кто за ней

стоит.

Если Боб и слышал их спор, он этого никак не выдал. Но ведь это было очень характерно для Боба: никогда ничего не выдавать никому — ни единым знаком. Только Эндер был еще более замкнут, чем Боб. Но Эндер долго играл в «мозговую» игру и с его психикой учителя были достаточно хорошо знакомы.

— Сэр? — сказал Боб.

— Входи, Боб.

Входи, Юлиан Дельфийски, входи, долгожданный сын достойных и нежных родителей, входи, похищенный ребенок, заложник своей судьбы. Входи и поговори с тремя парками, играющими с тобой в свои хитрые игры, от которых зависит вся твоя дальнейшая жизнь.

— Я могу и подождать, — сказал Боб.

— Надеюсь, что капитан Дэп и капитан Даймек могут присутствовать при нашем разговоре, не так ли? — спросил Графф.

— Это вам решать, сэр. У меня секретов нет. Я хотел бы получить доступ к запасам станции.

— Отказано.

— Не могу согласиться с вашим решением, сэр.

Графф отметил про себя, какими взглядами наградили его Дэп и Даймек. Видимо, их позабавила

серьезность мальчика.

— Чем ты обосновываешь свое требование?

— Из-за того, что приказы на игры поступают почти перед самым их началом, а сражаться приходится ежедневно, солдаты измотались, к тому же их заставляют посещать классные занятия, но это ладно, Эндер с этим справляется, да и мы тоже. Единственная разумная причина, по которой вы с нами так обращаетесь, это испытание нашей находчивости и изобретательности. Вот и мне понадобились некоторые материалы для обеспечения этих качеств.

— Что-то не припоминаю, чтобы тебя назначили командующим Драконами, — сказал Графф. — Я готов выслушать просьбу о дополнительном снабжении от твоего командующего.

— Это невозможно, — спокойно ответил Боб. — У него нет времени, которое стоило бы тратить на идиотскую бюрократическую возню.

«Идиотская бюрократическая возня» — именно такую фразу произнес Графф всего несколько минут назад. Но ведь он не повышал голоса! Сколько же времени Боб проторчал у дверей? Графф беззвучно выругался. Какая неосторожность! Он специально перевел сюда свой офис, так как знал, что Боб пролаза и шпион, собирающий любую ин-

формацию, а вот часового у дверей поставить не удосужился, чтобы тот помешал этому прохвосту ходить мимо дверей и подслушивать под ними!

— А у тебя оно есть? — спросил Графф.

— Именно мне отдан приказ обдумывать всякие глупости, которые вы собираетесь применить против нас в Игре, равно как и способы противостояния им.

— И что же ты рассчитываешь найти на складе?

— Этого я не знаю, — ответил Боб. — Мне известны лишь те вещи, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, — наши комбинезоны, боевые костюмы, наши компьютеры и оружие. Но там должны быть и другие вещи. Вот, например, бумага. Ее нам выдают только на контрольных, когда пользоваться компьютерами запрещено.

— И зачем же тебе понадобилась в Боевом зале бумага?

— Не знаю, — спокойно ответил Боб. — Мять ее и раскидывать всюду. Мелко нарвать и сделать пылевую завесу.

— И кто же ее будет, по-твоему, убирать?

— Это не моя проблема.

— Просьба отклонена.

— Я не могу согласиться с вашим решением,

сэр.

— Мне не хочется тебя обижать, Боб, но нравится тебе мое решение или нет, беспокоит меня меньше, чем кучка тараканьего дерьма.

— Мне не хочется вас обижать, сэр, но должен вам сказать, что вы не понимаете собственных поступков. Вы импровизируете. Вы ломаете сложившиеся порядки. Ликвидация ущерба, который вы нанесли, потребует нескольких лет, но вам на это наплевать. Это может означать только одно: вам наплевать на то, в каком состоянии будет Боевая школа через год. А это значит, что все хорошие ученики будут выпущены из школы в самом ближайшем будущем. Обучение уже сейчас идет в ускоренном режиме, так как жукеры уже близко и тянуть резину больше нельзя. И вы гоните нас вперед. Но беда в том, что вы почти загнали Эндера Виггина.

Графф почувствовал, что ему стало плохо. Он и раньше знал, какими потрясающими аналитическими способностями обладает Боб. И почти такими же способностями к обману. Некоторые догадки Боба неверны, но это потому, что у него не было нужной информации. А может быть, потому, что он не хочет выдать, как много ему известно или о чем он догадывается. Я никогда

не хотел видеть тебя здесь, Боб, ибо ты слишком опасен.

А Боб все еще продолжал обосновывать свою точку зрения.

— Когда придет тот день, когда Эндеру Виггину придется искать пути предотвращения захвата Земли жукерами и уничтожения на планете всего живого, как они это уже начали делать во время Первого Вторжения, вы ему дадите такой же дурацкий ответ насчет требующихся ему для этого ресурсов?

— Тебя не касаются наши ресурсы — есть они или их нет, понял?

— Зато мне есть дело до того, что Эндер уже почти подошел к той черте, за которой он готов отправить вас всех вместе с вашей идиотской Игрой ко всем чертям! Все это ему уже осточертело, и если вы до сих пор не поняли этого, какой вы к дьяволу учитель? Ему уже наплевать на ваши рейтинги, ему наплевать на игрушечные сражения с другими детьми. Все что его заботит — это приготовления к войне с жукерами. Как вы думаете, трудно ли мне будет убедить его в том, что ваша программа насквозь фальшива и сейчас самое время послать ее на фиг?

— Хорошо, — сказал Графф. — Даймек, при-

готовьте гауптвахту. Боба посадить до тех пор, пока не будет готов к отправке на Землю шаттл. Парень исключен из Боевой школы.

Боб тихонько усмехнулся.

— Валяйте, полковник Графф. Я-то в любом случае покончил с вашей школой. Получил от нее все что хотел — то есть первоклассное образование. Мне уже никогда больше не придется жить на улице. Я найду, как устроиться. Считайте, что с этой минуты я выбыл из вашей игры. Я готов.

— Нет, ты на Земле не обретешь свободы! Я не могу рисковать и не позволю тебе распускать порочащие слухи о нашей школе! — воскликнул Графф.

— Ладно, тогда возьмите самого лучшего ученика своей школы за все время ее существования и посадите его в тюрьму за то, что он попросил доступ к складу оборудования, а вам это не понравилось. Бросьте, полковник Графф. Вздохните поглубже и сосчитайте до десяти. Вам же моя помощь нужна гораздо больше, чем мне — ваша.

Даймек огромным усилием воли удержал усмешку.

Ах, если бы противостояние полковнику Граффу могло быть зачтено Бобу как испытание его смелости! Несмотря на все сомнения в отношении

Боба, ему нельзя было отказать в изворотливости. Графф отдал бы все что угодно за то, чтобы Даймек и Дэп сейчас оказались в каком-нибудь другом отсеке станции!

— Так вы же сами захотели, чтобы разговор шел при свидетелях, — сказал Боб.

Чертенок, неужели он еще и мысли читает?

Нет! Графф поглядел на своих учителей. Просто Боб догадался, о чем он думает, по его мимике и жестикуляции. Мимо этого парня ничто не проскочит незамеченным. Потому-то он и ценен для Программы.

Не потому ли он так и надеется на этих мальчишек? Потому что они изворотливы и умеют маневрировать.

И если я хоть что-то понимаю в том, как должен действовать командир, то самое время признать собственное поражение, пережить полосу невезения и на время отойти от игорного стола.

— Ладно, Боб. Разрешаю в виде исключения просмотреть инвентарный список наших запасов.

— Мне нужен кто-нибудь, кто объяснил бы, что к чему.

— А я-то думал, что ты знаешь все на свете.

Одержав победу, Боб вернулся к законам вежливости, а потому пропустил шпильку мимо

ушей. А Граффу собственная ирония послужила известной компенсацией за необходимость пойти на уступки. Он понимал, что этого маловато, но его жизненный путь вообще был усеян множеством кочек.

— Тебя будут сопровождать капитан Даймек и капитан Дэп. Тебе разрешено один раз просмотреть инвентарный список, но каждый из них может наложить вето на все, что ты пожелаешь получить. Они оба несут личную ответственность за все случаи членовредительства, которые могут явиться результатом использования тех видов оборудования, которые они разрешат тебе взять.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Боб. — Как мне кажется, я вряд ли отыщу у вас что-либо полезное. Но я признателен вам за вашу доброту, с которой вы разрешили мне ознакомиться со складским хозяйством станции, дабы еще дальше продвинуть образовательный процесс Боевой школы.

Этот поганец великолепно усвоил преподавательский жаргон за те месяцы, которые он провел за изучением личных дел слушателей, где было полно преподавательских рапортов и замечаний. Он усвоил не только формальный жаргон из этих досье. Сейчас он преподнес полковнику что-то вроде тезисов будущего доклада Граффа по пово-

ду данного события. Как будто Графф не сумел бы сам набросать собственный черновик!

Этот щенок смеет фамильярничать со мной! Не воображает ли этот недоносок, что уже взял меня под свой контроль?

Ладно, найдутся и у нас кое-какие сюрпризы для него!

— Свободны, — бросил Графф. — Все свободны.

Все встали, отдали честь и вышли.

А теперь, подумал Графф, мне надо куда более внимательно продумать свои будущие шаги. И при этом все время испытывать сомнения, а не связаны ли эти решения с тем, что этот мальчишка действительно привел меня в ярость.

Когда Боб быстро просматривал инвентарный список склада, он не знал, что ему нужно. Он искал хоть что-то, хоть что-нибудь, что могло быть использовано Эндером или частью его армии в качестве оружия, способного отразить нападение Бонзо. И никак не мог найти что-либо, что не вызвало бы сопротивления учителей и в то же время обладало бы силой, которая позволила бы малышам получить преимущество перед взрослыми ребятами.

К разочарованию Боба, получалось, что ему следует изыскать какой-то другой способ ней-

трализации нависшей над ними угрозы. Что ж, тогда поищем в запасах станции что-то, что может быть использовано в Боевом зале. Чистящие средства не выглядели многообещающе. Металлические изделия тоже для зала не годились. Не забрасывать же противника шурупами… Может, спасательное снаряжение?

— А что такое «мертвая веревка»? — спросил он.

Ему ответил Даймек:

— Это очень прочный тонкий шнур, используемый в качестве страховки при ремонтных и строительных работах вне станции в открытом космосе.

— Длинный?

— Если их соединить вместе, получится несколько километров спасательного шнура. А так — каждый моток содержит около ста метров.

— Я хочу посмотреть.

Его повели в ту часть станции, где слушатели не бывают никогда. Обстановка тут была куда более спартанская, нежели в их казармах. Из стен выступали шурупы и болты. Трубы вентиляционной системы не прятались в стенах, а шли прямо по потолкам. Не было здесь и светящихся полосок, привычно указывающих дорогу ребятам

к казармам. Все сканеры у дверей расположены на большой высоте, так как предназначены лишь для взрослых. Встречные работники службы обеспечения с огромным удивлением рассматривали Боба, а на сопровождавших его учителей смотрели как на сумасшедших.

Моток шнура оказался на удивление маленьким. Боб подбросил его на ладони. Очень легкий. Он размотал несколько дециметров. Шнур почти невидим.

— Сколько же он может выдержать?

— Вес двух взрослых людей.

— Он очень тонкий. В тело не врезается?

— Сечение у него совершенно круглое. Разрезать он ничего не может. Если бы он представлял угрозу вещам, к примеру космическим скафандрам, толку от него не было бы никакого.

— А его можно порезать на куски?

— Только с помощью автогена, — ответил Даймек.

— Тогда это то, что мне нужно.

— Всего-то один-единственный моточек? — с усмешкой бросил Дэп.

— И еще автоген.

— Отказано, — быстро перебил его Даймек.

— Я пошутил, — заверил его Боб. Он вышел из

склада и тут же кинулся бежать по коридору, точно повторяя путь, по которому они пришли сюда. Учителя бросились вдогонку.

— Не спеши! — кричал Даймек.

— А вы поторопитесь, — ответил Боб. — Меня целый взвод дожидается, чтобы потренироваться с этой штуковиной.

— Что же это будут за тренировки такие?

— Сам еще не знаю!

Он добежал до спускного шеста и соскользнул вниз. Несколько «пересадок», и Боб уже на ученических палубах. Чтобы ходить здесь, никакие пропуска не нужны.

Взвод уже ждал его в Боевом зале. Последние несколько дней они трудились как негры, примеряясь к самым невозможным трюкам. Атака группой, которая вдруг рассыпалась брызгами в разные стороны. Стенки. Атаки без оружия. Разоружение противника ногами. Мгновенное вхождение в штопор с быстрым последующим выходом из него, что создавало великолепную защиту от выстрелов противников, но зато затрудняло собственную стрельбу.

Всех воодушевляло то, что сам Эндер большую часть времени, отведенного на тренировки, проводил во взводе Боба, отрываясь лишь для

разговоров с другими взводными по неотложным делам. Таким образом, он был в курсе всех их придумок и новинок, причем высказывал весьма полезные соображения о возможности их применения в боевой практике. Зная, что Эндер с интересом следит за их работой, солдаты Боба лезли из кожи вон. Присутствие Эндера придавало в их глазах особый вес Бобу. Эндеру и в самом деле было интересно то, что у них вытанцовывалось.

Уже в сотый раз Боб поражался тому, как ловко все получается у Эндера. Он блестяще владел искусством формирования небольших боевых подразделений и руководства ими. Знал, как можно заставить людей работать в полном взаимодействии. И делал все это с минимальной затратой времени и слов.

Если бы Графф владел бы таким мастерством, мне не пришлось бы разыгрывать из себя такую шпану, как сегодня, подумал Боб.

Первое, что сделал Боб со страховым шнуром, — протянул его через весь Боевой зал. Шнура как раз хватило, чтобы закрепить узлами у поручней в разных концах зала. Но уже первые минуты тренировки показали, что в качестве ловушки шнур совершенно не эффективен. Противники просто не натыкались на него, а если это и проис-

ходило, ребята в худшем случае теряли ненадолго ориентацию или кувыркались, но уяснив, где именно находится препятствие, в дальнейшем его успешно избегали. Больше того, изобретательный противник мог, используя протянутый шнур в качестве элемента «сетки», создать определенные неудобства нападающим.

Страховочный шнур должен удерживать космонавта, чтобы его не унесло в космос. А что случится, если привязать себя к одному из концов?

Боб оставил один конец шнура прикрепленным к поручням одной из стен и, держась за свободный конец, оттолкнулся и полетел к противоположной.

Боб стремительно летел вперед, шнур тянулся за ним, и «космонавт» невольно подумал: остается лишь надеяться, что учителя не ошиблись, сказав, что эта веревка не способна ничего разрезать. Ничего себе смерть — быть разрезанным пополам в Боевом зале! Вот уж уборщикам не позавидуешь!

Когда Боб оказался в метре от стены, шнур натянулся, туго стянув талию. Тело Боба само сложилось, как складывается перочинный нож, будто кто-то двинул его коленом в живот. Но

самым удивительным было то, что инерция тела Боба трансформировалась из движения вперед в движение вбок, и его понесло через весь зал туда, где тренировался взвод «D». Боб ударился в стену с такой силой, что из него чуть не вышибло дух.

— Вы видели! — завопил Боб, когда вновь обрел способность дышать. Живот у него болел — пополам его, конечно, не разрезало, но синяк наверняка образовался будь здоров. А если бы не боевой костюм, так и внутренние повреждения могли бы обнаружиться. В общем, все было о'кей, а шнур заставил его резко изменить направление полета. — Вы видели, что получилось? Видели?

Вся армия прекратила тренировки, чтобы полюбоваться на то, что проделывает Боб со своим страховочным шнуром. Привязав к нему двух солдат, Боб получил интересный результат, заставив одного из них играть роль грузила, чего было нелегко добиться. Более многообещающим оказался маневр, когда Эндер с помощью «крюка» вызвал из стены «звезду» и перевел ее на середину зала. Боб привязался к шнуру и оттолкнулся от «звезды». Когда шнур натянулся, грань «звезды» сработала как ось вращения, укоротив шнур и в момент торможения резко изменив направление полета. По мере того как шнур накручивался на

«звезду», расстояние до каждой следующей грани уменьшалось, пока наконец Боб не ударился об одну из граней так сильно, что чуть не потерял сознание. Зато армия Драконов была просто заворожена этим зрелищем. Шнур был невидим, и им казалось, что малыш, оттолкнувшись от стены, полетел куда-то, внезапно произвольно изменил направление полета и с небывалой скоростью стал выделывать невообразимые курбеты в воздухе. Это было удивительно и даже немного страшно.

— А теперь посмотрим, смогу ли я стрелять во время всех этих разворотов, — сказал им Боб.

Вечерняя тренировка кончилась только в 21.40, так что до сна свободного времени почти не оставалось. Но, видя, какие штуки проделывает взвод Боба, Драконы пришли в такое восхищение, что не только не попадали с ног от усталости, но со щегольством прошлись по коридорам, ведущим в казарму. Конечно, многие из них понимали, что то, чего добился Боб, вряд ли найдет применение в бою, но забава была — первый сорт. Новинка! Причем в духе истинных Драконов!

Шествие Драконов возглавлял Боб, которому Эндер оказал такую честь. Это был триумф, и хотя Боб и понимал, что остается игрушкой в руках

Системы, воздействующей на поведение путем публичного признания, но все равно ему было приятно.

Хуже было то, что он на время позабыл о необходимости постоянно быть настороже. Они были еще далеко от своей казармы, когда Боб заметил, что среди ребят из других армий, гуляющих по коридору, подозрительно много Саламандр. Обычно к 21.40 большинство солдат уже сидели в казармах, и только одиночки возвращались домой из библиотеки, видеозала и Игровой. Слишком много Саламандр и солдат из других армий, где было много старших ребят, которые не питали к Эндеру особо нежных чувств. Не нужно быть гением, чтобы понять: ловушка.

Боб кинулся назад и тут же наткнулся на Бешеного Тома, Влада и Горячего Супчика, которые шли вместе.

— Слишком много Саламандр, — бросил им Боб. — Оставайтесь с Эндером.

Объяснять им ничего не пришлось — все знали, что Бонзо в последние дни без передышки треплется насчет того, что должен же кто-нибудь что-то предпринять в отношении Эндера Виггина и «поставить его на место». Тренировочной побежкой Боб поспешил дальше, чтобы встре-

титься с костяком армии Драконов. На малышей он внимания не обращал, его интересовали в первую очередь два других взводных и все их заместители. Это были самые взрослые и рослые ребята армии, у которых был хоть какой-то шанс противостоять шайке Бонзо, если начнется драка. Конечно, этот шанс был невелик, но нужно было одно: не дать схватить Эндера и продержаться до тех пор, пока подоспеют учителя. Не будут же те спокойно наблюдать, как начинается открытый мятеж? Или будут?

Боб подбежал к Эндеру и встал за его спиной. И тут же увидел, что к ним быстрой походкой приближается Петра Арканян, одетая в форму своей армии — Фениксов. Она громко окликнула:

— Эй, Эндер!

К большому неудовольствию Боба, Эндер задержался и обернулся на голос.

Шедшие за Петрой Саламандры тоже ускорили шаг. Боб поглядел в другую сторону и увидел еще нескольких Саламандр и еще каких-то крутых ребят из других армий, которые толпились за спинами последних Драконов. Но уже подтягивались Горячий Супчик, Бешеный Том и другие взводные и их заместители, хотя шли они вразвалочку. Боб помахал Бешеному Тому рукой, давая

знак поторопиться. Драконы перешли на бег.

— Эндер, с тобой можно поговорить? — спросила Петра.

Боб ощутил горечь разочарования. Значит, Петра — Иуда!

Она задерживает Эндера, чтобы он стал легкой добычей для Бонзо. Кто бы мог поверить! Ведь она так ненавидела Бонзо, когда была солдатом его армии.

— Иди с нами, пройдемся, — ответил Эндер.

— Так мне же только на минуту, — отозвалась Петра.

Или она первоклассная артистка, или беспамятная, подумал Боб. Похоже, кроме формы Драконов, она ничего вокруг не видит. Нет, она не заговорщица, продолжал он размышлять. Дура она, вот и все.

Наконец Эндер, видимо, сообразил какая складывается ситуация. Если не считать Боба, все прочие Драконы, шедшие с ним, уже миновали их с Петрой. Он наверняка почувствовал опасное одиночество, повернулся к Петре спиной и быстро двинулся вперед, сокращая расстояние между собой и старшими Драконами.

Петра, казалось, рассердилась, но потом вприпрыжку последовала за ним. Боб же остался на

месте, продолжая следить за приближающимися Саламандрами. Его они даже взглядом не удостоили. Лишь ускорили шаг, догоняя Петру, которая, в свою очередь, спешила вслед за Эндером.

Боб сделал три быстрых шага и постучал в дверь казармы армии Кроликов. Кто-то распахнул ее. Бобу достаточно было крикнуть: «Саламандры затеяли что-то против Эндера», как все Кролики градом посыпались из дверей и помчались в нужном направлении.

Свидетели, подумал Боб. Да и неплохая подмога на тот случай, ежели силы окажутся очень уж неравными.

Теперь впереди шли, разговаривая о чем-то, Эндер и Петра, их окружали самые рослые Драконы, которые тоже замедлили шаг. Саламандры чуть ли не наступали им на пятки, причем к ним присоединилось немало хулиганья из других армий. Но уровень напряжения уже явно снизился. Поведение Кроликов и рослых Драконов сыграло в этом важную роль. Теперь Боб мог вздохнуть спокойно. Пока, во всяком случае, опасность миновала.

Боб поравнялся с Эндером как раз в ту минуту, когда Петра раздраженно сказала:

— Как ты смеешь так думать обо мне? Разве

ты уже забыл, кто твои друзья? — Она бросилась бежать, опрометью взлетела по трапу и исчезла из глаз.

С Бобом поравнялся Карн Карби.

— Порядок? — спросил он.

— Надеюсь, ты не в обиде, что я кликнул твоих солдат?

— Они известили меня. Проводим Эндера до его комнаты?

— А как же!

Карн отстал и присоединился к основной группе своих солдат. Теперь соотношение шпаны из Саламандр и других армий и противостоящих им сторонников Эндера составило один к трем. Саламандры стали пятиться, отставать, кое-кто вообще откололся и исчез, воспользовавшись либо трапами, либо шестами для спуска.

Когда Боб снова поравнялся с Эндером, тот был в окружении своих взводных. Они уже нисколько не скрывали, что являются телохранителями Эндера. Юные Драконы тоже уже разобрались, что к чему, и были готовы хоть сейчас стать в боевой строй. Они проводили Эндера до дверей его комнаты, и Бешеный Том решительно вошел в нее первым, разрешив войти в нее Эндеру только тогда, когда убедился, что в ней нет засады. Хотя,

разумеется, предположить, что дверь откроется для кого-то, кроме Эндера, было просто невозможно. Впрочем, мало ли правил нарушили учителя за последние дни. Всякое может случиться.

Боб еще долго лежал без сна, обдумывая, что еще он может сделать. Ведь возможности постоянно быть с Эндером у них нет. Например, классные занятия — на них все армии перемешивались и переставали существовать. Далее. Эндер — единственный Дракон, который кормится в столовой для командующих армиями. Если Бонзо задумает напасть на него там… Правда, это вряд ли, уж слишком много в столовой других людей. А вот душевая… Сортир с его кабинками… Если Бонзо соберет своих хулиганов, они расшвыряют взводных Эндера, как котят.

Все, что может сделать Боб, это попытаться отрезать Бонзо от тех, кто его поддерживает. Перед тем как уснуть, Боб успел разработать некий простенький планчик, который мог бы помочь, а может, наоборот — снимет всю эту историю с тормозов. Однако в любом случае учителя уже не смогут прятать свои задницы, уверяя, что не имеют никакого представления о том, что творится у них под носом.

Боб полагал, что кое-что он сможет сделать во

время завтрака. Но утро, разумеется, началось с очередного сражения. Пол Слейтер — командир армии Барсуков. Кроме того, учителя разработали еще кое-какие уловки и смухлевали с правилами Игры. Когда Барсуков «замораживали», то они не оставались в таком положении до конца Игры, а «оттаивали» уже через пять минут, совсем так, как это происходит на учебных тренировках. А Драконы, попадая под лучи оружия противника, оставались замороженными до конца Игры. Поскольку Боевой зал был увешан многочисленными «звездами», создававшими множество укромных местечек, весьма удобных для засад и укрытий, то понадобилось какое-то время, чтобы Драконы разобрались: они по нескольку раз «убивают» одних и тех же солдат, а те быстренько оттаивают, маневрируя меж «звезд». Драконы оказались на грани поражения. Около дюжины невредимых Драконов с отвращением наблюдали процесс оживления «замороженных» противников, одновременно оглядываясь, не подбирается ли какой-нибудь из Барсуков к ним со спины.

Бой продолжался так долго, что когда они вышли из Боевого зала, оказалось, что завтрак уже кончился. Солдаты армии Драконов были разъ-

ярены. Особенно те, которых «заморозили» еще до того, как они успели разобраться в жульничестве, и которые более четырех часов пребывали в этом состоянии, медленно дрейфуя в воздухе в своих отвердевших костюмах и теряя терпение по мере того, как текло медлительное время. Другие же, включая Эндера, которым пришлось отбиваться в меньшинстве в условиях плохой видимости, да еще против врагов, которые все время «оживали», были предельно измотаны.

Эндер собрал свою армию в коридоре и сказал:

— Сегодня вам обучение больше не понадобится. Отдыхайте. Развлекайтесь. Вы сдали свой экзамен.

Солдаты с благодарностью приняли распоряжение, но ведь они остались без завтрака, потому от особо радостных воплей воздержались. Пока они тащились в казарму, кое-кто бурчал:

— А Барсуки, небось, сейчас свой завтрак долопывают!

— Нет, их подняли пораньше и отвели в столовку кормить досыта.

— Ничего подобного, они уже слопали завтрак, а через пять минут им подадут второй!

Боб же испытывал глубочайшее разочарование, так как лишился возможности привести

во время завтрака в действие свой план. Теперь придется ждать ленча.

Хорошо еще, что, поскольку Драконы сегодня не тренируются, бравые ребята Бонзо не знают, где именно можно подстеречь Эндера. Впрочем, было кое-что и похуже — если Эндер куда-нибудь отправится, то с ним не окажется никого, кто смог бы ему помочь.

Так что Боб почувствовал облегчение, увидев, что Эндер направляется к себе. Поговорив с другими командирами взводов, Боб выставил в коридоре часового, который сменялся каждые полчаса, постучав в дверь казармы, что означало конец его вахты. Так что Эндер не мог уйти незамеченным и затеряться, без того чтобы вся его армия не оказалась в курсе.

Эндер не выходил вплоть до наконец-то наступившего второго завтрака. Взводные отправили своих солдат в столовую, а сами пошли к комнате Виггина, сделав для этого изрядный круг. Муха Моло громко постучал в дверь, вернее, хлопнул по ней изо всех сил ладонью.

— Ленч, Эндер!

— Я не голоден. — Его голос из-за запертой двери звучал глуховато. — Идите и поешьте сами.

— Мы можем и подождать, — возразил Муха. —

Не хотим, чтобы ты шел один в командирскую столовку.

— Я вообще не собираюсь идти на ленч. Идите завтракать, потом увидимся.

— Слыхали, чего говорит? — спросил Муха. — Ладно, пока мы будем есть, он в безопасности.

Боб, однако, заметил, что Эндер не пообещал им вообще не выходить до конца ленча из комнаты. Но ведь парням Бонзо неизвестно, где будет Эндер. Догадаться трудно, и это славно. Кроме того, Бобу нужен шанс произнести свою речь.

Так что он помчался в столовую, но в очередь за едой не встал, а вместо этого вскочил на стол и громко хлопнул в ладоши, требуя внимания.

— Эй, ребята! — крикнул он.

Боб подождал, пока не воцарилось какое-то подобие тишины. Это был максимум того, на что он мог рассчитывать.

— Среди вас есть кое-кто, кому следует напомнить некоторые статьи законов МКФ. Если солдату его офицер приказывает сделать нечто незаконное или просто неправильное, он обязан отказаться повиноваться приказу и должен доложить о случившемся более высокому начальнику. Солдат, повинующийся незаконному или вредному приказу начальника, несет полную

ответственность за последствия своих действий. На всякий случай, если вы такие дремучие, что не знаете, что это означает, закон говорит, что если командир приказал вам совершить преступление, это не будет принято во внимание… Вам запрещено повиноваться таким приказам.

Никто из Саламандр не пожелал встретиться взглядом с глазами Боба, но какой-то громила в форме армии Крыс кисло проронил:

— Ты на что намекаешь, сучонок?

— Я намекаю на тебя, Лайтер. Твое имя стоит в числе десяти процентов ребят, имеющих самые низкие рейтинги. И я собираюсь взять тебя на буксир.

— Если ты закроешь свою вонючую пасть немедленно, это и будет для меня наилучшей помощью.

— На что бы ни подговаривал тебя вчера вечером Бонзо — тебя и еще пару десятков таких же, — я хочу вас предупредить, что если вы это что-то выполните, то каждый из вас тут же вылетит из Боевой школы на собственной заднице. Для вас повиновение этому Мадридскому Тупице будет полным жизненным провалом. Надеюсь, я ясно выразился?

Лайтер захохотал, но смех его звучал фальшиво.

Однако он не был единственным, кто смеялся.

— Да ты, недоносок, даже не понимаешь, что здесь происходит, — прогудел кто-то.

— Я понимаю, что Тупица собирается превратить вас в уличную банду, жалкое дурачье. Он не смог победить Эндера в Боевом зале, а потому собирается набрать дюжину крутых парней и избить одного малолетку! Все слышите меня? А вам известно, кто такой Эндер?

Это самый лучший из всех командующих армиями, которые только были в этой школе. Возможно, он единственный, кто сможет повторить то, что сделал Мейзер Ракхейм, и разбить жукеров, когда они вернутся сюда! Вы об этом подумали? А эти парни — такие разумники, — они затеяли вышибить у Эндера мозги из черепушки! И в тот день, когда сюда заявятся жукеры, у нас останутся только мякиноголовые Бонзо Мадриды, чтобы вести наши флоты к поражению. И когда жукеры захватят Землю и убьют на ней последних мужчин, женщин и детей, изгнанники, пережившие этот бой, будут знать, что именно *эти* идиоты убили единственного стоящего парня, который мог привести их к победе.

Теперь в столовой царила тишина, и Боб видел, что многие ребята из окружения Бонзо получили

изрядную порцию пищи для размышлений.

— Ах, вы, кажется, забыли про жукеров? Вы забыли, что Боевая школа создана не для того, чтобы вы могли выхваляться перед папочками и мамочками своими высокими местами, которые вы будто бы занимаете в шкале рейтингов? И вы прете вперед и помогаете Бонзо, так почему бы вам, занятым этим делом, не перерезать себе глотки, потому что именно этого вы добьетесь, намереваясь искалечить Эндера! Что же касается всех остальных… то сколько из вас считают, что Эндер Виггин — единственный командир, за которым они хотят идти в бой? Ну-ка, поглядим, сколько нас?

Боб начал в замедленном темпе ритмично хлопать в ладоши. К нему немедленно присоединились все Драконы. И вскоре уже почти все солдаты в зале подхватили эти аплодисменты. Воздержавшиеся же смотрели на обращенные к ним со всех сторон лица, исполненные укора и ненависти.

Теперь уже аплодировал весь зал, включая уборщиков посуды.

Боб вскинул руки к потолку.

— Эти жопорылые жукеры — наш единственный враг! Люди должны быть едины. А всякий,

кто поднимет руку на Эндера Виггина, — просто пособник жукеров!

Зал ответил криками и новым взрывом аплодисментов. Все встали в едином порыве. Это был первый опыт Боба по части публичной демагогии. И он радовался, видя, что если дело правое, то все получается недурно.

Но чуть позже, когда он принес свой поднос с едой и уселся вместе с другими ребятами из взвода «С», к нему подошел Лайтер. Он подобрался к Бобу сзади, и тот ничего не заметил, пока его ребята не вскочили на ноги, готовые кинуться на Лайтера. Однако тот жестом успокоил их и, наклонившись к уху Боба, прошептал:

— Слушай-ка, король ослов. Солдат, которые должны были разобрать на части твоего Виггина, здесь даже и не было. Так что вся твоя жалкая болтовня была ни к чему.

И ушел.

Минутой позже Боб вместе со всем взводом «С» уже собирал армию Драконов, чтобы броситься на поиски Эндера.

Эндера в его комнате не оказалось, во всяком случае, на стук никто не отозвался. Муха Моло как командир взвода «А» принял командование, разделил ребят на несколько групп и погнал их

в — Игровую, в библиотеку, видеокомнату и в спортзал.

А Боб приказал своему взводу идти за ним. В душевую. Это было единственное место, где Бонзо и его шпана могли рассчитывать поймать Эндера и где тот обязательно должен был появиться рано или поздно.

К тому времени, когда Боб добежал до душевой, все уже кончилось. По коридору, громко топая ногами, мчались учителя и врачи. Динк Миекер уводил Эндера, обнимая его за плечи, от дверей душевой. На Эндере не было ничего, кроме обернутого вокруг бедер полотенца. Он еще не обсох, а на затылке у него была кровь, каплями стекавшая на голую спину. Бобу понадобилось всего несколько мгновений, чтобы понять — кровь не принадлежит Эндеру. Остальные ребята из взвода Боба проводили Динка и Эндера до спальни, где помогли им войти внутрь. Боб же сразу проскочил в душевую.

Учителя приказали ему не болтаться под ногами и убраться в коридор. Но Боб уже все рассмотрел. Бонзо лежал на полу, медики делали ему массаж сердца. Боб знал, что такого массажа никогда не делают, если сердце еще бьется. Но по расслабленным позам стоявших вокруг Боб по-

нял, что процедура — чисто формальная. Никто и не думает, что сердце Бонзо снова заработает. И неудивительно. Нос Бонзо был вдавлен внутрь и застрял среди лицевых костей. Само лицо покрыто маской густой крови. Этим объяснялось наличие крови на затылке Эндера.

Так что все усилия медиков безнадежны. Зато Эндер одержал победу. Он ведь знал, что ему грозит. Он обучился приемам самозащиты, он использовал их и пошел до упора, не остановившись на полпути.

Если бы Эндер был другом Недотепы, она бы не умерла.

И если бы Эндер понадеялся на Боба, то был бы сейчас мертв, как была мертва Недотепа.

Чьи-то руки грубо подняли Боба в воздух и притиснули к стене.

— Ты чего тут подглядываешь? — почти прошипел майор Андерсон.

— Ничего, — ответил Боб. — Это Бонзо там? Ему плохо?

— Это тебя не касается! Ты что, не слыхал, что тебе приказали убираться отсюда?

В это время прибыл полковник Графф, и Боб понял, что учителя дико обозлены на полковника, но сказать ничего не могут — то ли по причине

воинского устава, то ли потому, что тут торчит один из учеников.

— Я думаю, на этот раз Боб переборщил в своих стремлениях совать нос куда не надо, — сказал майор Андерсон.

— Вы собираетесь отослать Бонзо домой? — заверещал Боб. — Иначе ведь он снова примется за свое!

Графф одарил его ледяным взглядом.

— Я слышал о твоей речи в столовой, — сказал он. — Не уверен, что мы тебя взяли сюда затем, чтобы ты занялся политиканством.

— Если вы не отправите Бонзо «на холод» и не уберете отсюда, Эндер никогда не будет в безопасности, а мы этого не потерпим.

— Занимайся своими делами, малец! — рявкнул Графф. — Эта работа для мужчин.

Боб позволил Даймеку увести себя. На всякий случай, чтобы не подумали, что он знает — Бонзо мертв, — Боб продолжал валять дурака.

— Он и за мной будет охотиться, — бормотал он. — Я не хочу, чтобы Бонзо калечил меня…

— Да не станет он этого делать, — успокаивал его Даймек. — Его отправят домой. Можешь не сомневаться. Но не надо об этом ни с кем болтать. Пусть ребята сами узнают обо всем из официаль-

ного объявления. Понял?

— Да, сэр, — ответил Боб.

— А где это ты откопал эту галиматью насчет неповиновения командиру, если он отдает преступный приказ?

— В Воинском уставе строевой службы.

— Ладно, но вот тебе информация к размышлению: еще никто и никогда не был осужден за то, что повиновался приказам.

— Это, — ответил Боб, — потому, что никто не совершил ничего преступного, что повлекло за собой публичное разбирательство.

— Воинский устав не применяется к курсантам, во всяком случае, в этой его части.

— Зато он применим к учителям, — отрезал Боб. — *К вам*, например. Если вы сегодня повиновались незаконным и преступным приказам. Ну не знаю… К примеру, не препятствовали драке, которая произошла в душевой? Если, опять же к примеру, ваш непосредственный начальник приказал вам спокойно наблюдать, как здоровенный хулиган избивает малыша?

Если это и обеспокоило Даймека, он ничем не обнаружил своей тревоги. Просто стоял и смотрел, как Боб исчезает в дверях казармы Драконов.

Внутри казармы царил чистый бедлам. Армия Драконов чувствовала себя одновременно бессильной, обманутой, разгневанной и опозоренной. Их обошел какой-то Бонзо Мадрид! Бонзо поймал Эндера одного! А где же были солдаты Эндера, когда он так в них нуждался!

На то, чтобы улеглись страсти, потребовалось немало времени. И все это время Боб просидел молча, погруженный в собственные невеселые мысли. Эндер не просто выиграл бой. Не просто победил и ушел прочь. Эндер убил своего врага. Нанес такой удар, что его противник уже никогда, никогда не встанет против него.

Эндер Виггин, ты тот, кто рожден быть командиром флота, защитившего Землю от Третьего Вторжения. Ты именно тот человек, который так нам необходим, — человек, способный нанести неотразимый удар, точно нацеленный удар, нисколько не думая о возможных последствиях. Это тотальная война.

Я — не Эндер Виггин. Я всего лишь уличный мальчишка, чей единственный талант — умение оставаться в живых. И когда я оказался в смертельной опасности, я бежал как заяц и спрятался в норку у сестры Карлотты. А Эндер пошел в бой один-одинешенек! А я — убежал в норку.

Я — человек, который произносит гордые слова, стоя на столе в столовой. Эндер — человек, который голым вступает в бой со смертельным врагом и побеждает его, хотя шансов на победу — никаких.

Какие бы гены ни изменили, чтобы получился я, они все рано не те, которые нужны в настоящей борьбе.

Эндер чуть не погиб из-за меня. Потому что я разъярил Бонзо. Потому что в критическое время потерял бдительность. Потому что не остановился, не подумал, как это сделал Бонзо, не понял, что единственное место, где можно найти Эндера в одиночестве, — это душевая.

И если бы Эндер сегодня погиб, это снова была бы только моя вина.

Ах, как хотелось Бобу сейчас убить кого-то.

Не Бонзо. Бонзо уже мертв.

Ахилла. Вот кого ему хотелось уничтожить. И если бы Ахилл оказался здесь сейчас, Боб обязательно прикончил бы его. И, вероятно, достиг бы цели, если бешеной ненависти и бездонного стыда достаточно, чтобы победить силу и опыт в убийствах, накопленный Ахиллом. А если бы, наоборот, Ахилл убил Боба, то это самое малое, чего заслуживает Боб, обманувший ожидания

Виггина.

Боб почувствовал, как зашаталась его койка. Это Николай одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние.

— Все в порядке, — прошептал Николай, дотрагиваясь до плеча Боба.

Боб перевернулся на спину, чтобы видеть лицо Николая.

— Ох, — воскликнул тот. — А я думал — ты плачешь.

— Эндер победил, — ответил Боб. — Так чего ж тут слезы-то лить.

18. Друг

— В смерти мальчика никакой необходимости не было.

— Смерть мальчика и не планировалась.

— Но ее возможность надо было предусмотреть.

— События, которые уже произошли, всегда кажутся легко прогнозируемыми. Не забывайте, это всего лишь дети. И мы не предполагали такого накала страсти к насилию.

— Я вам не верю. Я верю тому, что именно на таком уровне страсти к насилию вы и строили

свои расчеты. Вы рвались к этой цели. И полагаете, что эксперимент удался.

— Я не отвечаю за ваши представления. Я могу лишь не соглашаться с ними. Эндер Виггин подготовлен для перевода в Командную школу. Таков мой рапорт.

— А у меня есть еще отдельный рапорт капитана Дэпа — учителя, которому было поручено специальное наблюдение за Виггином. И в этом рапорте — за который, кстати, он не понесет никакого наказания — говорится, что Эндрю Виггин психологически не готов к выполнению своих обязанностей.

— Если это и так — в чем я сильно сомневаюсь, — то это явление временное.

— А как вы думаете, каким временем мы все располагаем? Нет, полковник Графф, в настоящую минуту нам придется рассматривать ваши действия в отношении Виггина как полный провал, а мальчика — как материал, потерянный для наших целей, а может быть, и вообще ни к чему не пригодный. Итак, если вы обойдетесь без новых убийств, я считаю, что на первый план должен быть выведен тот — другой. Я хочу, чтобы он был подготовлен к вступлению в Командную школу как можно быстрее.

— Хорошо, сэр, хотя должен сказать, что я считаю Боба ненадежным.

— Это почему же? Не потому ли, что вам пока еще не удалось превратить его в убийцу?

— Потому что он не человек, сэр.

— Его генетические особенности вполне укладываются в масштабы естественных вариаций.

— Он создан искусственно, а его «изготовитель» — преступник, не говоря уже о том, что официально признан безумцем.

— Я бы мог согласиться с вами, если бы речь шла о его отце или матери. Но врач? Этот мальчуган нам нужен, и мы должны получить его как можно скорее.

— Он непредсказуем.

— А разве Виггин предсказуем?

— Он менее непредсказуем, сэр.

— Вы очень осторожны в своих формулировках, особенно учитывая, что всего несколько минут назад утверждали, что убийство было трудно предсказать.

— Это не было предумышленным убийством, сэр.

— Ладно, скажем, непредумышленное человекоубийство.

— Отвага Виггина подтверждена, а Боба — под

вопросом.

— У меня есть рапорт Даймека, за который он опять-таки не…

— Не будет наказан. Я с ним знаком.

— Поведение Боба в ходе последних событий — выше всех похвал.

— Тогда доклад капитана Даймека неполон. Разве там не говорится, что именно Боб был тем лицом, которое подтолкнуло Бонзо к насилию? Он нарушил секретность и сказал ему, что армия Эндера создана из специально отобранных людей с исключительными способностями.

— Это был поступок, предусмотреть последствия которого просто не представляется возможным.

— Боб действовал так, спасая свою жизнь. И таким образом перевалил всю тяжесть опасности на плечи Эндера. То, что в дальнейшем он постарался снять эту опасность, не меняет факта, что, находясь под давлением, Боб может стать предателем.

— Вы позволяете себе излишне резкие выражения.

— И это говорит человек, который только что назвал акт самозащиты холодным убийством.

— Довольно! Вы временно освобождаетесь от

своего поста начальника Боевой школы и отправляетесь в отпуск вместе с Виггином на период его лечения и отдыха. Если Виггин за это время поправится и будет готов для поступления в Командную школу, вы можете вернуться с ним и будете опять оказывать воздействие на процесс воспитания детей, которых мы посылаем сюда. Если Виггин не поправится, станете на Земле ждать военно-полевого суда.

— С какого времени я считаюсь отстраненным?

— С момента отлета на шаттле вместе с Виггином. Вас временно заменит майор Андерсон.

— Очень хорошо, сэр. Виггин вернется для дальнейшего обучения?

— Если мы захотим его взять.

— Когда вы справитесь с раздражением, которое обуревает всех нас в связи с печальной кончиной этого Мадрида, вы поймете, что я был прав, а Эндер — единственный надежный кандидат, причем сейчас он надежнее, чем был раньше.

— Я прощаю вам эту парфянскую стрелу. И если вы правы, желаю вам всяческого успеха в работе с Виггином. Свободны.

* * *

У Эндера все еще было только полотенце вокруг бедер, когда он вошел в казарму Драконов. Боб увидел его на пороге, с лицом, похожим на маску Смерти. Он подумал: Эндер знает, что Бонзо мертв, и мысль об этом убивает его.

— Привет, Эндер! — воскликнул Горячий Супчик, стоявший у двери с другими взводными.

— А тренировка сегодня будет? — пискнул кто-то из самых юных солдат.

Эндер передал Горячему Супчику листок бумаги.

— Значит, пожалуй, тренировки не будет, — тихо сказал Николай.

Горячий Супчик прочел.

— Вот сучьи дети! Две сразу?

Бешеный Том заглянул через его плечо.

— Целых две армии!

— Так они там затопчут друг друга, — воскликнул Боб.

Его больше всего поразила не тупость учителей, которые объединили две никогда не контачившие армии — опыт, неэффективность которого была многократно доказана военной историей, а скорее тем менталитетом типа «поднимайся-

и-немедля-садись-на-коня», который заставляет их продолжать политику силового давления на Эндера, да еще в такое время. Неужели учителя не понимают, какой вред они этим наносят Эндеру? Чего они хотят — испытать Эндера еще раз или сломать его? Его ж и так непрерывно испытывают. Его следовало бы еще неделю назад отправить в Командную школу на повышение. А они вместо этого затевают новое сражение, совершенно бессмысленное. И это в тот момент, когда Эндер на грани душевного срыва!

— Мне надо помыться, — сказал Эндер. — Поднимайте ребят, готовьте их к бою. Встретимся у ворот зала.

В голосе Эндера Боб уловил полное отсутствие интереса к предстоящему бою. Нет, даже что-то большее. Эндер *не хотел* выигрывать это сражение.

Эндер повернулся, чтобы уйти. Все увидели кровь, засохшую на его затылке, на плечах и спине. Он ушел.

Никто даже словом не обмолвился о крови. Так уж получилось, что ж тут говорить?

— Две армии говноедов! — орал Бешеный Том. — Мы им вложим ума в задницы!

Видимо, настроение Тома разделяли все, во

всяком случае, пока они надевали свои боевые костюмы, оно доминировало.

Боб сунул за пояс моток страховочного шнура. Если у Эндера появится нужда в каком-нибудь фокусе-покусе, так это будет именно сегодня, когда он меньше всего заинтересован в победе.

Как он и обещал, Эндер встретил их у ворот, которые пока еще оставались закрытыми, хотя время было уже на пределе. Он прошелся по коридору, выстраивая своих солдат, глядевших на него с любовью, восхищением и надеждой. Кроме Боба — тот смотрел на Эндера с ощущением боли. Боб понимал: у Эндера нет сил. Он казался таким маленьким, таким слабым под гнетом того огромного груза, который навалили ему на плечи. И все-таки он тащил эту тяжесть. Пока.

Ворота стали прозрачными.

Четыре «звезды» висели прямо против входа в зал, полностью закрывая его от глаз Драконов. Эндеру предстояло вести армию вслепую. Он понимал, что вражеские армии, должно быть, вошли в зал еще минут пятнадцать назад. Он понимал, что командующие уже расположили свои армии в засаде, как в свое время расположил своих солдат Бонзо, но на этот раз гораздо умнее и эффективнее. Его ворота, вероятно, уже окруже-

ны многочисленными солдатами противника.

Эндер молчал. Он только смотрел на заграждение из «звезд».

Боб ожидал чего-то в этом духе. Поэтому был готов действовать. Ничего особенного он не предпринял — просто вышел вперед и встал около Эндера у самых ворот. Боб знал — этого достаточно. Это напоминание.

— Боб, — сказал Эндер. — Возьми своих ребят и погляди, чего у них там за «звездами» — по ту сторону.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Боб.

Он обвязал вокруг талии конец шнура и вместе с пятью солдатами сделал короткий прыжок к «звезде». Немедленно ворота, через которые они прошли, превратились для них в потолок, а «звезда» — стала временным полом. Боб затянул узел на талии, тогда как остальные ребята стали выкладывать шнур свободными петлями на поверхности «звезды». Когда около трети шнура было отмотано, Боб сказал «хватит». Он уже понял, что «звезд» было не четыре, а восемь, и они образовывали большой куб.

Если он ошибся и веревка окажется слишком длинной, то он ударится о потолок зала вместо того, чтобы оказаться за «звездами». Неприятно-

сти всегда возможны.

Боб соскользнул за грань «звезды». Он был прав — они образовывали куб. В зале было слишком сумеречно, чтобы хорошо разобрать, что делают обе армии противника, но судя по всему, они были заняты развертыванием своих порядков. На этот раз им, видимо, не дали большой форы во времени. Боб тут же передал эти сведения Дюшевалю, который сообщит их Эндеру, пока Боб будет занят своим трюкачеством. Эндер же наверняка начнет разворачивать свой корпус, хотя у них пока еще остается какое-то время до последнего срока ввода солдат в зал.

Боб полетел вниз, оттолкнувшись от потолка. Над ним ребята крепко держали свободный конец веревки и одновременно следили, чтобы кольца ее травились без задержки. Они были готовы в нужный момент остановить разматывающийся шнур.

Боб не испытал ни малейшего удовольствия, когда шнур внезапно натянулся, но в то же время от резкого убыстрения полета и изменения его направления прямо к югу по его телу прошла дрожь возбуждения.

Боб видел далекие вспышки света, означавшие, что по нему открыт огонь. Стреляли почему-то

только с одной стороны позиций противника.

Когда шнур достиг следующей грани куба, скорость полета снова возросла и Боб по крутой дуге взлетел вверх, так что на какой-то момент ему показалось, что сейчас он врежется в потолок. Затем наступила очередь последней грани и он приземлился позади «звезды» прямо на руки солдат своего взвода. Боб подвигал руками и ногами, чтобы показать, что с ним все в порядке и никакой беды не случилось. Что подумал противник, глядя на его волшебные пируэты в воздухе, оставалось только гадать. Важно было другое: главные силы Эндера еще не прошли сквозь ворота. А срок уже почти истек.

Эндер вышел из них один. Боб сделал короткий доклад, стараясь быть предельно лаконичным.

— В зале, конечно, темновато, но света все же хватает, чтобы видеть блики на костюмах солдат. А все остальное — как в густом тумане. От нашей «звезды» и до противника — открытое пространство. У них там восемь «звезд», расставленных квадратом вокруг ворот. Я не видел никого, кроме тех, кто выглядывал из-за «ящиков». Они сидят там и ждут нашего прибытия.

Вдалеке раздались крики — враги принялись дразнить Драконов.

— Эй вы! Мы уже достаточно проголодались! Идите к нам, мы славно подзакусим! У вас же задницы по земле волочатся, Драконы вонючие!

Боб продолжал докладывать, хотя уверенности, что Эндер его слушает, не было.

— Они стреляли по мне только с половины своих позиций. Это значит, что оба командующих не договорились между собой и ни один из них не взял на себя общее командование.

— В настоящей войне, — сказал Эндер, — любой командир — если у него в голове не мякина — отступил бы, чтобы спасти свою армию.

— Какого черта! — возразил Боб. — У нас всего лишь игра.

— Она перестала быть игрой с тех пор, как учителя поломали все правила.

Плохо, подумал Боб. Сколько у нас осталось времени, чтобы провести армию сквозь ворота?

— А почему бы и тебе не последовать их примеру? — Боб посмотрел Эндеру прямо в глаза, как бы требуя, чтобы тот проснулся, чтобы перестал отвлекаться, чтобы начал действовать.

Выражение апатии сошло с лица Эндера. Он широко ухмыльнулся. Такую ухмылку Боб мог только приветствовать.

— О'кей. Почему бы и нет? Давай-ка посмотрим,

как они отреагируют на атаку в строю.

Эндер приказал армии войти в ворота. Конечно, на «звезде» будет тесновато, но что поделаешь.

Как выяснилось, план Эндера основывался на одной из «дурацких» идей Боба, воплощение которой Эндер наблюдал во время одной из тренировок взвода специального назначения. Стенкой из «замороженных» солдат манипулировали солдаты Боба, прячась за ней. Сказав Бобу, чего он от него ждет, Эндер присоединился к строю своих солдат в качестве простого бойца и передал Бобу все полномочия по руководству армией.

— Это твой звездный час, — сказал он.

Боб никак не ожидал, что Эндер способен на такую выходку, но вскоре понял ее смысл. Эндер не собирался выигрывать это сражение. Поставив же себя в положение одного из «замороженных» рядовых в строю, которым руководил другой курсант, он оказывался почти сторонним наблюдателем.

Боб тут же принялся за дело, составив строй из четырех секций. Каждую из них образовывали взводы от «A» до «D», построенные в две шеренги по четыре и три солдата. Руки всех солдат крепко переплетались с руками соседей. Верхний ряд (из

трех) засовывал ступни в подмышки нижнего. Когда построение секций было закончено, Боб и его взвод «заморозили» их. Затем каждый солдат Боба взялся за край одной из секций и осторожно повел ее вперед так, чтобы инерция не вывела секцию из-под контроля. Секции, повиснув над «звездой», постепенно опускались под нее, после чего их «связали» в общий целостный щит. Связующими звеньями были все те же незамороженные солдаты Боба.

— Когда ж вы успели так наловчиться, ребята? — спросил взводный «Е» — Самосвал.

— Да мы и не тренировались вовсе, — не стал лгать Боб. — Мы пробовали такой номер с маленькими «стеночками», но чтобы по семь в ряд, такого с нами отродясь не бывало. Для нас это дело столь же новое, как и для тебя.

Самосвал захихикал.

— Да еще Эндер, который встал в строй, вроде как простой солдат! Ох и доверяет же он тебе, Боб, старина!

Это от отчаяния, подумал Боб. Но он чувствовал, что вслух этого говорить не стоит.

Когда все было готово, незамороженные солдаты взвода «Е» заняли места за щитом и по команде Боба сильно оттолкнулись.

Щит дрейфовал в сторону неприятельских ворот на довольно приличной скорости. Огонь неприятеля, хоть и очень интенсивный, сосредоточился на уже и без того замороженных солдатах, находившихся в передних рядах строя. Взвод «Е» и отряд Боба производили все движения очень осторожно, чтобы не схлопотать случайную «пулю». Но все же они вели ответный огонь, подстрелив нескольких врагов и заставив прочих уйти в укрытие.

Когда Боб понял, что они достаточно близко подошли к вражеским позициям, так что Грифоны или Тигры вполне могут пойти на риск и атаковать Драконов, он отдал команду. Его взвод «брызнул» в стороны, четыре секции щита разъединились, хотя по инерции продолжали двигаться к вражеским «звездам», за которыми прятались Грифоны и Тигры. Только угол движения слегка изменился.

Взвод «Е» летел с ними, ведя плотный огонь и стараясь интенсивностью огня возместить свою немногочисленность.

Четыре солдата взвода спецназа, которые только что летели вместе с секциями, теперь оттолкнулись и направились к центру и вниз, где соединились с Бобом и Дюшевалем. Инерция

несла их прямо к воротам противника.

Все шестеро старались не дергаться, они даже не стреляли. Это сработало. Они все были маленькие, летели в позах замороженных, не двигая ни руками, ни ногами. Наверное, именно так и подумали неприятельские солдаты, если они вообще обратили на них внимание. Тем более что среди дрейфующих были в самом деле раненые, задетые случайными выстрелами.

Когда они добрались до ворот противника, Боб почти незаметным жестом послал четырех солдат к четырем углам ворот. Там они, будто выполняя ритуал ознаменования победы, прижали свои шлемы к углам ворот, а Дюшеваль, которого Боб подтолкнул, влетел в неприятельские ворота. Боба отдача унесла куда-то вверх.

В зале вспыхнул свет. Оружие перестало работать.

Игра кончилась.

Потребовалось какое-то время, чтобы Грифоны и Тигры поняли, что случилось. У Драконов осталось всего лишь несколько солдат, которые были не ранены или не заморожены, тогда как подавляющая часть Грифонов и Тигров вообще не имела никаких повреждений, поскольку они воспользовались оборонительной стратегией.

Боб понимал, что если бы противник был более агрессивным, план Эндера не сработал бы. Однако увидев, как Боб крутит в воздухе вокруг «звезды» какие-то немыслимые пируэты, а затем наблюдая странный полет удивительного щита, Грифоны и Тигры вдруг ощутили обреченность. Легенда о непобедимости Эндера не дала им броситься в атаку из-за боязни попасть в ловушку. А ловушка-то уже сработала!

Майор Андерсон вошел в зал через двери для учителей.

— Эндер! — окликнул он.

Но Эндер был «заморожен», так что ответ его прозвучал как мычание — так свело ему челюсти. Такого звука еще не издавал ни один командир победоносной армии.

Андерсон с помощью своего «крюка» подлетел к Эндеру и разморозил его. Боб был от них довольно далеко, но в зале стояла такая тишина, что он хорошо расслышал первые слова Эндера — так четко и громко произнес их командующий.

— Я снова побил вас, сэр.

Солдаты бросали на Боба испытующие взгляды, явно интересуясь, как он прореагирует на то, что Эндер присваивает себе победу в операции, задуманной и проведенной в жизнь им самим. Но

Боб отлично понял смысл слов Эндера. Тот имел в виду не победу над Грифонами и Тиграми, а победу над учителями. Она выражалась в решении Эндера отдать армию Бобу и полностью отстраниться от руководства ею. Если они думали, что организовали последнюю проверку, заставив Эндера драться с двумя армиями сразу же после поединка с Бонзо за право жить, то Эндер сумел уклониться от этой проверки.

Майор Андерсон тоже понял смысл слов Эндера.

— Чепуха, Эндер, — сказал он тихо, но в зале царило молчание и каждое слово Андерсона было слышно. — Ты сражался с Тиграми и Грифонами.

— За дурака меня держите? — спросил Эндер.

Очень правильно, одобрил про себя Боб.

Тогда Андерсон обратился ко всем солдатам:

— После этого любопытного маневра правила Игры пересмотрены и теперь требуется, чтобы все солдаты побежденной армии были бы убиты или ранены, и только тогда ворота могут быть взяты.

— Правила? — пробормотал Дюшеваль, выходя из ворот противника. Боб ответил ему широкой улыбкой.

— Да этот маневр все равно относится к при-

емам одноразового использования, — заметил Эндер.

Андерсон вручил Эндеру свой «крюк». Вместо того чтобы размораживать своих солдат по одному, а уж затем перейти к солдатам побежденных, Эндер разморозил всех разом и отдал «крюк» майору, который выплыл на середину зала, где обычно происходил ритуал окончания очередной игры.

— Эй! — крикнул Эндер. — А что будет в следующий раз? Мою армию посадят в клетку без оружия и против нас выйдет вся Боевая школа в полном составе? А нельзя ли как-то уравнять шансы?

Теперь уже столько солдат выражало ропотом согласие с Эндером, что в зале поднялся шум, причем шумели далеко не одни Драконы. Майор Андерсон делал вид, что ничего не замечает.

И тут Уильям Би — командующий Грифонов — высказал то, что думали многие:

— Эндер, та сторона, на которой будешь ты, всегда будет иметь преимущество, каковы бы ни были прочие условия.

Армии громко изъявили свое согласие, многие солдаты хохотали, а Тало Момо, чтобы не отстать от Би, принялся ритмично хлопать в ладоши,

крича: «Эндер Виггин!» Остальные ребята последовали его примеру.

Но Бобу была известна потаенная истина. Он знал то же, что знал и Эндер: как бы ни был хорош командующий, как бы ни был он изобретателен, как бы хорошо ни была обучена его армия, каких бы отличных офицеров он ни имел, как бы смело ни шли в бой его солдаты, все равно побеждала та сторона, которая могла нанести противнику наибольшие потери. Иногда, конечно, Давид убивал Голиафа, и люди об этом помнили долго, очень долго. Но сколько таких мальчиков, как Давид, было втоптано в землю Голиафом до этого? И никто не воспел те битвы, потому что иначе, как правило, почти не случается. Это правило, а если происходит нечто иное, так это уже чудо.

Жукеры даже представления не будут иметь о том, каким легендарным воителем является командир Эндер в глазах людей. Им на это просто наплевать. Корабли людей не смогут выкидывать чудесные трюки, подобные тем, которые проделывал Боб со своим страховочным шнуром, так что нечем будет поразить жукеров, нечем сбить их корабли с курса. Эндер это понимает. И Боб понимает. А что, если бы у Давида не оказалось его пращи и горсти камней для нее, да и време-

ни, чтобы их метко метнуть в великана? Какое значение в таком случае имело бы его умение пользоваться пращей?

О да! Это прекрасно, это справедливо, что все три армии отдают Эндеру почести, что они выкрикивают его имя в то время, как он подплывает к воротам бывшего противника, где его уже ждет Боб со своим спецназом. Но ведь в реальности все это ничего не значит, кроме одного — у кого-то укрепилась вера в Эндера. Однако этот факт делает ношу самого Эндера еще тяжелее.

Я бы разделил ее с ним, если б мог, сказал себе Боб. Точно так же, как разделил ее сегодня. Позволь мне, и я снова повторю то же самое, если смогу. Тебе нельзя быть в одиночестве.

Однако, подумав так, Боб тут же понял, насколько он не прав. Если свершение возможно, то Эндер — единственный человек, который может воплотить его в жизнь. Все те месяцы, в течение которых Боб отказывался знакомиться с Эндером, прятался от него и так далее, были потому, что Эндер уже был тем, кем Боб еще только мечтал стать — человеком, на которого все возлагают свои упования, который понесет на себе все их страхи, который не обманет и не предаст.

Я хочу быть таким, как ты, думал Боб. Но я не

хочу идти тем же путем, которым пришлось шагать тебе, чтобы дойти до места.

Уже потом, когда Эндер прошел сквозь ворота, а Боб последовал за ним, он вспомнил, как таскался по улицам Роттердама, плетясь за Недотепой, за Сержантом или за Ахиллом. Он чуть не расхохотался, подумав: но ведь я не хотел бы снова пройти и тем путем, которым мне уже довелось пройти раньше.

Выйдя в коридор, Эндер не стал ждать своих солдат, а сразу ушел. Шел он медленно, и они догнали его, окружили и заставили остановиться. Только его молчание, его безразличие удерживали их от бурных проявлений восторга.

— Тренировка вечером будет? — спросил Бешеный Том.

Эндер отрицательно качнул головой.

— Значит, завтра утром?

— Нет.

— Так когда же?

— Для меня больше никогда.

Эти слова расслышали не все, но среди тех, кто услышал, поднялся ропот.

— Эй, это несправедливо, — сказал парнишка из взвода «Б». — Мы-то не виноваты, что учителя мухлюют с Игрой. Ты не можешь прекратить

тренировки, потому…

Эндер с силой хлопнул ладонью по стене и заорал на мальчугана:

— Меня Игра больше не колышет! — Он поглядел на других солдат, увидел выжидающие лица и дал им возможность притвориться, что они ничего не слышали. — Вы это можете понять? — И потом почти шепотом: — Игра кончилась.

Сказав это, Эндер ушел.

Кто-то из ребят хотел пойти с ним, кто-то даже сделал несколько шагов, но Горячий Супчик схватил пару парней за воротники боевых костюмов и сказал:

— Пусть побудет один. Вы что, не понимаете, что ему надо побыть одному?

Конечно, Эндер хочет остаться наедине с собой, думал Боб. Он убил сегодня одного из соучеников и даже если не знает, что его ждет за это, то знает, какие ставки стоят на кону. Эти учителя хотели, чтоб он заглянул в глаза смерти, зная, что помощи неоткуда ждать, так зачем же ему играть с ними? Ты прав, Эндер.

Для нас все это очень плохо, но все же не так, как бывает, когда теряешь отца. Скорее уж — брата. А с братьями отношения другие — то один берет верх, то другой. Иногда тебе приходится

сидеть и изображать малыша, хоть ты и старше.

Муха Моло отвел их в казарму. Боб шел сзади, ему очень хотелось пойти к Эндеру, поговорить с ним, сказать, что он полностью его поддерживает и все понимает. Но это выглядело бы жалко, понял Боб. Какие есть основания думать, что Эндеру не безразлично, понимаю я его или нет? Я просто один из ребят, просто один из солдат его армии. Он знает меня, знает, как меня можно использовать. Но какое ему дело до того, понимаю ли его я?

Боб залез в койку и увидел на ней листок бумаги.

ПЕРЕВОД
БОБ
в армию Кроликов
командующим

Это армия Карна Карби. Карна сняли с поста командующего? Он же отличный парень, хотя и не из лучших командиров, так почему не подождать, пока он окончит школу?

Потому что они прикрывают школу, вот почему! Они выдвинут на повышение всех, кто, по их мнению, нуждается в приобретении командного опыта, ну а другим слушателям выдадут дипломы

об окончании школы, чтобы освободить командирские вакансии для остающихся. Я получил армию Кроликов, но держу пари — ненадолго.

Боб схватил свой компьютер и вошел под именем «Графф», надеясь получить списки личного состава. Хотелось узнать, что происходит с каждым слушателем, но пароль не сработал. Видно, учителя решили, что больше нет нужды снабжать Боба информацией.

В дальнем конце казармы подняли шум старшие ребята. Боб услышал, как резкий голос Бешеного Тома заглушил остальные голоса:

— Вы что, думаете, будто они полагают, что я смогу разбить армию Драконов?

Шум перекинулся и на ряды коек, расположенных ближе к дверям. Взводные и их заместители получили приказы о переводе. И каждому дали под начало армию. Драконов ободрали как липку.

Последовало несколько минут полного хаоса. Затем Муха Моло повел остальных взводных между рядами коек к дверям. Конечно, они собираются к Эндеру, чтобы рассказать, какую очередную пакость придумали учителя.

К удивлению Боба, Муха подошел к его койке, поглядел на Боба, потом на взводных, толпив-

шихся за его спиной, и сказал:

— Боб, кто-то должен рассказать Эндеру.

Боб кивнул.

— Мы подумали… раз уж вы с ним такие друзья…

Боб постарался не измениться в лице, но он был поражен. Я? Друг Эндера? Не больше, чем любой другой в этой казарме!

И внезапно понял. В их армии все любят Эндера, все восхищаются им. И все знают — Эндер им верит. Но только Боб был допущен во внутренний мир Эндера. Это случилось в тот день, когда Боб получил от Эндера приказ возглавить взвод специального назначения. А когда Эндер принял решение прекратить участие в Игре, именно Бобу он передал свою армию. Боб, по мнению Драконов, ближе кого-либо подпадал под понятие друга Эндера. Других таких у Эндера не было вовсе с тех пор, как он принял команду над Драконами.

Боб поглядел на Николая, который чуть ли не расплывался от удовольствия. Николай отдал ему честь и одними губами произнес слово «командующий». Боб ответил ему тем же, но не улыбнулся, так как еще не знал, как отнесется к этому Эндер. Он кивнул Мухе Моло и вышел из комнаты.

Однако к Эндеру он пошел не сразу. Вместо

этого он зашел в комнату Карна Карби. Там никто ему не ответил. Тогда Боб отправился в казарму Кроликов и постучал в дверь.

— Где Карн? — спросил он.

— Выпущен из школы, — ответил ему Иту, командир взвода «А». — Он узнал об этом всего полчаса назад.

— Мы в это время были в бою.

— Слыхали. Против двух армий сразу. Вы ведь победили, а?

Боб кивнул.

— Готов держать пари, выпустили сегодня не одного только Карна, верно?

— Еще кучу командующих, — ответил Иту. — Больше половины сменили.

— Включая Бонзо Мадрида? Я хочу сказать… его тоже выпустили из школы?

— Так сказано в официальном коммюнике. — Иту пожал плечами. — Всем понятно, что Бонзо вернее всего списали вчистую. Они даже не указали, куда он назначается. Сказано только, что в Картахену. А это его родной город. Значит, списали или что? Это работа учителей — пишут, что им в голову придет.

— Спорю, что выпущено девять человек, — задумчиво произнес Боб. — Скажешь, нет?

— Да, — ответил Иту. — Девять. Стало быть, тебе тоже кое-что известно?

— Плохие новости, как мне кажется, — отозвался Боб и показал ему приказ о своем переводе.

— Santa merda! — воскликнул Иту. Потом отдал честь. Не с насмешкой, но и без энтузиазма.

— Будь добр, скажи об этом остальным. Давай дадим им время попривыкнуть к этой новости, прежде чем я заявлюсь к вам в натуре. А мне еще надо с Эндером поговорить. Может, он уже знает, что у него забрали весь офицерский состав и каждому из них дали по армии… А если не знает, я должен ему об этом сказать.

— Всех взводных Драконов?

— И всех их заместителей. — Боб хотел добавить, что ему жаль Кроликов, которым достался такой замухрышка. Потом он подумал, что Эндер никогда бы не допустил подобного самоуничижения. И если Бобу суждено стать командующим, он не должен опускаться до такой болтовни. — Я думаю, у Карна Карби была хорошо организованная армия. Так что я не собираюсь вносить изменений в офицерский состав, особенно в первое время, пока не побываю на тренировках и не решу, каково состояние армии, особенно имея в виду, что сама Игра неизбежно изменится,

раз большинство командиров теперь — ребята, натренированные в Драконах.

Иту понял.

— Слушай, а ведь и в самом деле все меняется! Всех вас тренировал Эндер, а теперь вы будете драться друг с другом.

— Мне ясно одно, — ответил Боб. — Я вовсе не собираюсь превращать Кроликов в подобие Драконов. Мы были другими, а сражаться будем тоже не с прежними армиями. Кролики — хорошая армия. Нам не придется кого-то копировать.

Иту широко усмехнулся.

— Даже если это брехня, сэр, то это первоклассная брехня. Я все изложу ребятам. — Он отдал честь Бобу.

Боб ответил ему приветствием и спортивной пробежкой направился к комнате Эндера.

Матрас, одеяла, простыни, подушки Эндера валялись в коридоре у его дверей прямо на полу. Сначала Боб глазам своим не поверил. Потом он заметил, что матрас и простыни мокры и покрыты бурыми пятнами. Вода — из душевой, кровь — с лица Бонзо. Ясно. Эндер не хочет, чтобы они оставались в его спальне.

Боб постучал.

— Уходите, — глухо прозвучал голос Эндера.

Боб стукнул еще раз. И еще.

— Входи! — сказал Эндер.

Боб открыл дверь и вошел.

— Уходи, Боб, — почти шепотом приказал Эндер.

Боб кивнул. Он понимал чувства Эндера. Но новости он ему должен был передать. Поэтому он только уперся взглядом в носки своих ботинок и стал ждать, чтобы Эндер спросил его, в чем дело. Или заорал бы на него. Пусть делает все что угодно. Потому что взводные ошиблись: у Боба нет личных отношений с Эндером. Во всяком случае, вне Игры.

Эндер молчал. И молчание длилось и длилось. Без конца.

Боб оторвал взгляд от своих ботинок и увидел, что Эндер смотрит на него. Не злобно, нет. Изучающе. Что же он видит во мне, подумал Боб. Насколько хорошо он знает меня? Что обо мне думает? Кто такой я в его глазах?

Этого Боб никогда не узнает. А сюда пришел совсем с другой целью. Давно уже время приступить к делу.

Он сделал шаг к Эндеру. Повернул руку так, чтобы стал виден приказ о переводе. Боб не протянул его Эндеру, но знал — Эндер бумагу уже видит.

— Тебя перевели? — спросил Эндер. Голос его был лишен всякого выражения. Мертвый. Как будто он уже давно ждал этого.

— В армию Кроликов, — ответил Боб.

Эндер кивнул.

— Карн Карби хороший парень. Я надеюсь, он быстро оценит тебя по достоинству.

Эти слова были для Боба как долгожданное благословение. Он постарался пригасить бушевавшие в нем эмоции. Ему еще так много надо сказать Эндеру.

— Карн Карби сегодня выпущен из школы, — сказал Боб. — Он получил приказ, пока мы сражались.

— Так, — сказал Эндер. — И кто же теперь командует Кроликами? — Казалось, ответ его почти не интересует: от него ждут вопроса, он его и задал.

— Я, — ответил Боб, и ему стало стыдно, так как на губах появилась невольная улыбка.

Эндер поглядел в потолок и кивнул.

— Мог бы и сам догадаться. В конце концов ты всего на каких-то четыре года моложе, чем принято для командующих.

— Это даже не смешно, — сказал Боб. — Я не понимаю, что происходит. За исключением того,

что, должно быть, вся система Боевой школы рехнулась. Сначала вся эта бесконечная ломка правил Игры. А теперь еще и это. Ты знаешь, они перевели не только меня. Они выпустили из школы половину командующих и перевели многих наших ребят на посты командующих армиями.

— Каких ребят? — спросил Эндер, уже явно заинтересованный.

— Похоже… всех взводных и всех их заместителей.

— Ну еще бы! Уж если они решили развалить мою армию, они сровняют ее с землей. Они всегда все делают основательно, когда принимаются за дело.

— Ты все равно победишь, Эндер. Мы же все это знаем. Бешеный Том первым сказал: «Вы что же думаете, что я смогу победить армию Драконов?» Все знают — ты самый лучший… — Слова звучали пусто, Боб сам ощущал это. Он хотел ободрить Эндера, но знал, что Эндер все понимает. И все же продолжал мямлить: — Они не могут сломать тебя, что бы они ни делали…

— Они уже сломали меня.

Они сломали только твою уверенность в себе, хотел сказать Боб. А это совсем другое дело. Не они сломали тебя, а они сами сломались. Но

слова, слетавшие у него с языка, были пустые и калечные:

— Нет, Эндер, они не могут…

— Меня больше не интересует Игра, Боб, — заговорил Эндер. — Я больше не хочу играть. Никаких тренировок. Никаких сражений. Они могут пускать свои бумажные кораблики по полу, если им угодно, но я в этом участвовать не стану. Я решил это бесповоротно еще до того, когда сегодня вышел из ворот. Вот почему я попросил тебя первым пройти в их ворота. Я не думал, что это удастся, но мне уже было все равно. Мне хотелось одного — уйти с достоинством.

Это-то я понял, думал Боб. Ты думал, я не пойму? И если это ты называешь «с достоинством», то ты своего добился.

— Тебе бы надо было видеть рожу Уильяма Би! Он стоял как пришпиленный и никак не мог понять, как это он побежден, если у тебя только семь солдат, которые могли волочить ноги, а у него все в полном здравии, кроме трех.

— А зачем мне видеть рожу Би? — задумчиво сказал Эндер. — Зачем вообще драться со своими ребятами и побеждать их?

Боб чувствовал, что его лицо пылает от стыда. Он сказал совсем не то, что надо было сказать.

Но… он не знал, что надо. Что-то такое, что заставило бы Эндера почувствовать себя лучше. Что-то, что заставило бы его почувствовать, как они все любят и уважают его.

Но любовь и уважение — это часть бремени Эндера. И ничего-то он — Боб — не может, ибо людское уважение, людская любовь только увеличивают тяжесть на плечах Эндера. Поэтому он просто промолчал.

Эндер прижал ладони к глазам.

— Я очень сильно покалечил сегодня Бонзо, Боб. Я причинил ему непереносимую боль.

Вот оно! А все остальное — это так, пустое. Главная тяжесть на плечах Эндера — тот жуткий бой в душевой. Бой, которого ни твои друзья, ни твоя армия не сумели предотвратить. И больно тебе не потому, что тебе угрожала смертельная опасность, а из-за той боли, которую ты причинил другому, защищая себя.

— Сам он напросился, — сказал Боб и тут же поморщился. Неужели не смог найти слов получше, дурень? А что надо был сказать? Нет проблем, Эндер? Конечно, мне он показался мертвым, а ведь я единственный пацан в школе, который видел смерть в лицо и то, как выглядят убитые, но… Нет проблем, Эндер! Не стоит беспокоиться!

Бонзо сам напросился.

— Я бил его, а он стоял не двигаясь, — говорил между тем Эндер. — Казалось, он уже умер, только упасть никак не может, А я все бил и бил его.

Значит, он знает. И все же… не наверняка. И Боб не должен ничего говорить. Есть времена, когда между друзьями должна быть абсолютная открытость. Но… не сейчас.

— Я хотел только, чтобы он оставил меня в покое.

— Оставит, — сказал Боб. — Его отправили домой.

— Уже?

Боб пересказал то, что сообщил ему Иту. И все время ему казалось, что Эндер чувствует в его словах что-то недосказанное. Да, Эндера Виггина не так-то легко обмануть.

— Я рад, что его все же выпустили из школы, — сказал Эндер.

Ничего себе — выпустили. В могилу его выпустили, в крематорий или как там сейчас хоронят людей в Испании.

Испания. Пабло де Ночес, который спас Боба, тоже был из Испании. А теперь туда отправлен еще один труп — труп мальчика, который был убийцей в сердце своем и умер по этой причине.

Должно быть, я дурею, думал Боб. Какое значение имеет то, что Бонзо испанец и Пабло де Ночес — тоже? И вообще, какое значение имеет то, откуда человек приехал, если уж на то пошло?

И пока все эти мысли быстро сменяли друг друга в мозгу Боба, он продолжал что-то мямлить, пытаясь говорить, как человек, который ничего не знает, но старается успокоить Эндера, прекрасно понимая, что тот думает: если Боб ничего не знает, тогда без толку его слушать, а если Боб только прикидывается — значит, врет.

— А правда, что с ним была целая куча шпаны против тебя одного?

Бобу хотелось убежать из комнаты — такими фальшивыми казались ему собственные слова.

— Нет, — ответил Эндер. — Мы были один на один. Он дрался честно.

Боб успокоился. Эндер так ушел в себя, что слова Боба до него просто не доходили, так что фальшь осталась незамеченной.

— Это я дрался нечестно. Я хотел победить, — сказал Эндер.

Да, это верно, подумал Боб. Ты дрался именно так, как надо, и только в такой драке и есть хоть какой-то смысл.

— И ты победил. Сбил его с орбиты.

Вот сейчас слова Боба были близки к истине.

Раздался стук в дверь. Она тут же распахнулась, тот, кто стучал, не ждал ответа. Еще до того, как Боб обернулся, он уже знал, что это учитель: взгляд Эндера поднялся слишком высоко — ясное дело, это не мог быть кто-то из ребят.

Майор Андерсон и полковник Графф.

— Эндер Виггин, — обратился полковник официально.

Эндер встал. Выражение посмертной маски снова появилось на его лице.

— Да, сэр?

— Твое несдержанное поведение сегодня в Боевом зале мало чем отличалось от неповиновения. Это не должно повториться.

Боб не мог поверить в возможность подобного идиотизма. После всего, через что пришлось пройти Эндеру, вернее, через что его протащили учителя, они намерены и дальше продолжать свой силовой нажим на него! Они даже сейчас хотят, чтобы Эндер чувствовал свое одиночество! У этих парней, видно, чувство жалости вообще отсутствует.

Эндер ответил тем же безжизненным тоном:

— Да, сэр.

Но Боб был уже по горло сыт учительским го-

нором:

— Полагаю, пришло время хоть кому-то сказать учителям, что мы думаем об их проделках!

Ни Графф, ни Андерсон даже ухом не повели. Оба сделали вид, что ничего не слышат. Андерсон вручил Эндеру большой лист бумаги. Он ничем не походил на те бумажонки, которые сообщали о перемещениях или об очередном сражении. Это был большой лист, на котором обычно печатались важные приказы. Эндер, видимо, увольнялся из школы.

— Свидетельство об окончании? — спросил Боб.

Эндер кивнул.

— И чего они так долго валандались с тобой? — спросил Боб. — Могли бы сделать это годика два назад. Ты уже умеешь сам ходить, разговаривать, так чему же еще они могут тебя научить?

Все происходящее напоминало дурацкий сон. Неужели учителя и впрямь рассчитывают кого-то обмануть? Делают выговор Эндеру за неповиновение и тут же выпускают его из школы, потому что война уже на носу и у них нет возможности тратить на его подготовку еще несколько лет. Он их последняя надежда, но обращаются они с ним как с грязью, налипшей на подошвы сапог.

— Мне понятно одно, — сказал Эндер, складывая бумагу, — с Игрой я покончил. Что ж, давно пора. Могу я попрощаться со своей армией?

— Время подпирает, — ответил Графф. — Твой шаттл уходит через двадцать минут. Да и вообще, лучше с ними не общаться, раз уж приказ вручен. Так будет проще.

— Проще для них или для вас? — спросил Эндер.

Он обернулся к Бобу и взял его за руку. Боб почувствовал себя так, будто его коснулась рука Бога. Будто ток высокого напряжения прошел через тело. Может, я действительно его друг? Может, и он чувствует частичку того, что ощущаю я? Хоть тень моих чувств к нему?

И тут же все кончилось. Эндер отпустил его руку и пошел к дверям.

— Подожди! — крикнул Боб. — Куда тебя направляют? В Тактическую? Навигационную? Снабжения?

— В Командную.

— В Подготовительную?

— Просто в Командную, — ответил Эндер и вышел в дверь.

Итак, Командная. Элитная школа, даже местоположение которой и то не было известно. В эту

школу шли только самые старшие. Наверняка сражение с жукерами будет вот-вот, раз учителя решили обойтись без Тактической или Подготовительной школ, как это практикуется обычно.

Боб схватил Граффа за рукав.

— В Командную школу не принимают ребят моложе шестнадцати!

Графф стряхнул руку Боба и вышел. Если он и понял иронию, которую вложил Боб в свою фразу, он ничем не выдал этого.

Дверь захлопнулась. Боб остался один в комнате Эндера.

Он огляделся. Без Эндера она стала совсем незнакомой. То, что он стоял в ней, — не значило ровным счетом ничего. А всего несколько дней назад — меньше недели — Боб стоял тут, и Эндер говорил ему, что он в конце концов получил свой вожделенный взвод.

Почему-то в памяти Боба вдруг возникла та минута, когда Недотепа высыпала в его ладонь шесть арахисовых орешков. Она подарила ему жизнь.

А может, и Эндер подарил ему жизнь? Вторично? Нет, это разные вещи. Недотепа дала ему жизнь, а Эндер — суть жизни.

Пока здесь был Эндер, это была самая важная

комната во всей Боевой школе. Теперь это будет просто чуланчик, где хранят половые тряпки.

Боб вышел в коридор и пошел туда, где раньше находилась комната Карна Карби. Еще сегодня. Еще час назад. Он прикоснулся к двери ладонью. Она послушно растворилась. Все по программе.

Только вот комната пуста. В ней никого не было.

Это моя комната, подумал Боб.

Моя… и все еще пустая.

Он ощущал, как где-то внутри него бушуют плохо контролируемые эмоции. Да, конечно, он волнуется, даже гордится тем, что получил армию. Но если разобраться, то все это не очень интересно. Как сказал Эндер: Игра — ничто. Да, он честно будет заниматься своей армией, но причиной того, что он завоюет уважение солдат, будет то, что на нем еще лежат отблески славы Эндера. А сам-то он — крошечный наполеончик, шлепающий в чужих, больших не по росту сапогах и визгливым детским голоском выкрикивающий приказы. Миленький мальчуган Калигула — «Сапожок» — гордость армии Германика. Но когда Калигула надевал сапоги своего папаши, эти сапоги уже были бесхозными, и он знал это, и, что бы он ни делал, факт этот оставался фактом.

Может быть, это и было проявлением безумия Калигулы.

Нет, я-то с ума не сойду, думал Боб. Потому что я не стану домогаться того, что присуще Эндеру и составляет его суть. Достаточно того, что Эндер Виггин существует. Второго Виггина не надо.

Боб прекрасно разбирался в том, какие чувства бушуют в нем, чувствовал, как они поднимаются вверх, как хватают его за глотку, как выжимают слезы из глаз, как от них пылает лицо, как спазмы переходят в молчаливые всхлипывания. Он прикусил губу. Пусть боль приглушит эмоции. Не помогает. Эндер ушел.

Теперь, когда он знает, что это за чувства, он сумеет их обуздать. Боб лег на койку и занялся обычными упражнениями, чтобы расслабиться. Нужда в слезах прошла. Эндер взял его за руку — хотел попрощаться. Эндер сказал ему: «Я надеюсь, он оценит тебя по достоинству». Теперь Бобу ничего и никому не надо больше доказывать. Он будет честно работать с Кроликами, ибо, возможно, когда-нибудь в будущем, когда Эндер будет стоять на мостике флагманского корабля флота землян, Боб получит возможность сделать для него что-то, что поможет ему. Боб выкинет какой-нибудь фокус, необходимый для Эндера,

который отведет глаза жукерам. Ладно, Боб будет завоевывать симпатии учителей, он заставит их уважать себя, и они будут открывать ему двери, пока наконец не откроется та, за которой окажется его друг Эндер. Он — Боб — снова станет солдатом армии Эндера.

19. Мятежник

— Прием Ахилла в школу — последнее распоряжение Граффа. И мы знаем, что по этому поводу были большие разногласия. Почему бы не проявить осторожность и хотя бы не перевести Ахилла в другую армию?

— Ситуация, которая должна возникнуть, вовсе не означает повторения ситуации с Бонзо Мадридом.

— Но ведь у нас нет полной уверенности, что это так, сэр. Полковник Графф утаил от нас немало важной информации. В частности, почти все разговоры с сестрой Карлоттой — от них не осталось никаких записей, касающихся того, что говорила она. Графф знал о Бобе многое и, я уверен, об Ахилле — тоже. Мне кажется, он нам подготовил ловушку.

— Ошибаетесь, капитан Даймек. Если Графф и

поставил ловушку, то не для нас.

— Вы уверены?

— Графф не играет в бюрократические игры. Он ни на грош не считается с вами или со мной. Если он и поставил ловушку, то только на Боба.

— Именно это я и имею в виду!

— Я так вас и понял. Но Ахилл останется.

— Почему?

— Тесты показывают, что Ахилл обладает исключительно спокойным темпераментом. Это вам не Бонзо Мадрид. Поэтому для Боба он не представляет физической угрозы. Стресс носит скорее психический характер. А это именно та область, где у нас о Бобе материал исключительно скуден, поскольку он отказался играть в «мозговую» игру. Информация из его забав с паролями учителей тоже дала нам не много. Поэтому, я полагаю, взаимоотношения Боба с его пугалом стоят того, чтобы ими заняться.

— С пугалом или с Немезидой, сэр?

— Мы постараемся быть предельно осторожными. Я не допущу, чтобы взрослые находились так далеко от объектов, чтобы не смогли прийти на помощь, как это устроил Графф в случае Эндера и Бонзо. Примем все меры предосторожности. Не собираюсь же я играть в русскую рулетку по

методу Граффа.

— Собираетесь, сэр. Между вами и Граффом только та разница, что он знал, что в барабане есть только один холостой патрон, а вы даже этого не знаете, так как револьвер для вас заряжал сам Графф.

В первое утро своего командования Кроликами Боб проснулся и увидел, что на полу возле койки валяется маленький клочок бумаги. На какое-то мгновение он чуть не потерял дар речи, так как решил, что его бросают в бой, даже не дав познакомиться со своей армией. К его радости, распоряжение касалось более бытовых вещей.

В связи с появлением большого числа новых командующих традиция недопущения новичков в командирскую столовую до того, как будет одержана первая победа, отменяется. Вам надлежит явиться в командирскую столовую без промедления.

В этом распоряжении был смысл. Уж раз учителя собираются сделать график проведения игр более плотным, то им хочется, чтобы командующие армиями с самого начала могли обмениваться информацией. Да и поставить новичков под надзор старших товарищей тоже не вредно.

Держа в руке распоряжение, Боб вспоминал, как подобные бумажки держал в руке Эндер. Это были извещения обо все более жестких правилах, ломавших старые представления об Игре. Впрочем, этот приказ хоть и имел какой-то смысл, но хорошего сулил мало. В самой Игре ничего святого для Боба не было, изменения в ней не вызывали у него особого возмущения. Но то, как учителя манипулируют ими, его тревожило.

Например, то, как его изолировали от получения информаций об его же солдатах. Дело было даже не в том, что они наложили запрет на использование им паролей учителей, и не в том, почему они так долго мирились с этим. Вопрос был в том, почему вообще командующие лишены возможности получать информацию о своих собственных солдатах. Если предположить, что они учатся командовать людьми, то зачем же лишать их данных, которые помогают научиться этому быстрее?

Уж раз теперь учителя приступили к трансформации системы, то почему бы им не отделаться от множества ограничений, которые по факту являются вредными и разрушительными. Например, от табло рейтингов, что висит в столовой? Баллы и рейтинговая таблица! Эти данные мешали

подготовке к предстоящим сражениям, так как заставляли и командующих, и солдат осторожничать, воспитывали страх перед новациями, перед экспериментом. Вот почему так долго продержался смехотворный обычай фронтальных атак — строй на строй. Ведь вряд ли Эндер был первым командующим, который увидел порочность такой тактики. Но никто не хотел раскачивать лодку, быть первым, кто введет нечто новое и заплатит за это снижением рейтинга — своего или своей армии. А ведь казалось бы — чего проще: рассматривать каждый бой как изолированную операцию и действовать так, будто это просто Игра, а не солидная работа. При таком, подходе появится множество смелых решений, новые творческие удачи. Отдавая приказ взводу или отдельному солдату, командиры перестанут опасаться, что этот выигрышный для всей армии приказ может привести к снижению рейтинга данного конкретного солдата или взвода.

Еще большую важность приобретает сейчас тот вызов, который содержался в решении Эндера отказаться от Игры вообще. Тот факт, что его выпустили из школы до того, как он успел объявить Игре бойкот, не противоречил тому, что если бы он такую забастовку объявил, то Боб

его, безусловно, поддержал бы.

Теперь, когда Эндера уже нет, бойкот Игры теряет смысл. Особенно если и Боб, и другие ребята хотели достичь такого положения в школе, откуда они могли бы совершить прыжок на посты офицеров будущего флота Эндера, когда начнется настоящая война. А вот изменить Игру и использовать ее в своих интересах они могли.

Вот потому-то Боб, одетый в свою новенькую, но плохо сидящую на нем форму Кроликов, через полчаса оказался снова стоящим на обеденном столе в небольшой офицерской столовой, Поскольку недавняя речь Боба стала уже почти легендой, его появление на столе встретили смехом и остротами.

— А что, люди там, откуда ты прибыл, едят не руками, а ногами?

— А почему бы тебе вместо лазания по столам просто не подрасти?

— Надень-ка ты, парень, лучше ходули, а то у нас на столах грязи — не разгребешь!

Но новые командующие, которые еще вчера были взводными у Драконов, не стали ни шутить, ни смеяться. Их уважение к Бобу скоро подействовало и на других, так что в столовой воцарилась тишина.

Боб протянул руку в сторону табло, на котором светилась рейтинговая таблица.

— Где армия Драконов? — спросил он.

— Ее распустили, — ответила Петра Арканян. — Солдат перевели в разные армии. Кроме вас, которые тоже были Драконами.

Боб слушал внимательно, хотя к Петре у него было особое отношение. Он не мог забыть, что только двое суток назад именно она — по собственному желанию или помимо его — играла роль Иуды и должна была заманить Эндера в ловушку.

— Без Драконов такое табло не имеет смысла. Таблица выглядела бы с Драконами совсем иначе, рейтинги бы принципиально изменились.

— А мы-то тут при чем? Мы ж ни черта сделать не можем! — воскликнул Динк Миекер.

— Дело совсем не в том, что на табло нет Драконов, — ответил Боб. — Дело в том, что оно нам совершенно не нужно. Мы же не враги друг другу. У нас один враг — жукеры. А мы должны быть союзниками. Мы обязаны учиться друг у друга, делиться информацией и идеями. Нам следует избавиться от страха перед экспериментом, надо осваивать новые приемы, не боясь, что они отрицательно отразятся на наших местах

на рейтинговой таблице. Табло — это Игра учителей, ставящих себе цель стравить нас друг с другом. Они — как Бонзо. Среди нас нет людей, которые пьянели бы от ненависти и ревности. Но вдумайтесь! Именно таких, как Бонзо, и должна воспитывать эта таблица. Именно она настроила Бонзо, чтобы вышибить мозги у нашего лучшего командующего, у нашей главной надежды на случай нашествия жукеров. А почему? — спрашиваю я. Потому что он счел себя униженным, видя положение Эндера на таблице. Вдумайтесь! Положение на таблице стало для Бонзо важнее войны с жукерами!

— Так Бонзо же сумасшедший! — выкрикнул Уильям Би.

— А тогда зачем и нам становиться сумасшедшими? — спросил Боб. — Давайте-ка уберем эти рейтинги из Игры. Пусть каждое сражение существует как бы само по себе. Чистая доска! Пробуйте любые приемы, которые могут привести к победе. А когда сражение кончится, пусть оба командующих сядут, расскажут о своих намерениях, почему и как они действовали, а мы будем учиться друг у друга. Долой секретность! Пусть каждый играет как может! И к чертям — места на табло!

Раздались голоса одобрения. И не только бывших Драконов.

— Тебе легко говорить — твои-то торчат где-то в самом низу, — сказал Шен.

— Вот ведь в чем по-настоящему наша проблема! — крикнул Боб. — Вы с подозрением относитесь к побудительным причинам моего выступления. А почему? Опять-таки из-за мест на табло. Но разве нам не предстоит стать офицерами одного и того же флота? Разве мы не будем работать вместе? Не будем верить друг другу? Какая же судьба ожидает МКФ, если все капитаны кораблей, все командиры штурмовых подразделений, все адмиралы флота будут отдавать свое время размышлениям о своем положении на рейтинговой таблице, а не тому, как работать во взаимодействии, чтобы уничтожить нашего единственного врага — жукеров? Я хочу учиться у тебя, Шен. Я не хочу конкурировать с тобой из-за какого-то идиотского места на таблице, которую учителя повесили на стену, чтобы легче манипулировать нами!

— Так я и поверила, что вы — парни из Драконов — захотите учиться у неудачников, — выкрикнула Петра.

Вот оно! Наконец-то выплыло на божий свет!

— Да! Да! Я хочу! И именно потому, что я из армии Драконов. Нас тут девять, и мы прекрасно знаем множество приемов боя. Но это только те приемы, которым обучил нас Эндер. Что ж, Эндер гений, но даже самый распрекрасный гений не знает всего, что известно множеству других ребят и из нашей школы, и на Флоте. Мне надо знать образ вашего мышления, и мне не нужно, чтобы вы прятали от меня какие-то ваши боевые секреты, а вам вовсе не надо, чтобы я прятал от вас свои. Может быть, Эндер стал Эндером именно потому, что он заставлял своих взводных общаться друг с другом, давал им полную свободу действий и требовал, чтобы своими замыслами они делились с остальными.

Теперь одобрительных возгласов стало куда больше. Даже те, кто сомневался, и те задумчиво утвердительно кивали головой.

— Так вот что я предлагаю сделать. Давайте единодушно проголосуем против этого табло, причем не только против этого, но и того, что висит в солдатской столовой. Давайте единодушно решим больше не обращать на них внимания. Точка. Мы потребуем, чтобы учителя обесточили их или сняли бы вообще. Если они откажутся, мы принесем простыни и завесим табло. Или

станем швырять в табло стульями, пока они не разобьются. Мы не обязаны играть в учительские игры. Мы можем сами заняться своим воспитанием и подготовиться к сражениям с настоящими врагами. Мы должны помнить, должны всегда помнить, кто наш настоящий враг!

— Точно! Это наши учителя! — вскочил Динк Миекер.

Все захохотали, но тут Динк влез на стол и встал рядом с Бобом.

— Я сейчас самый старый по стажу командующий армией, после того, как учителя выпустили из школы тех, кто был старше меня. Больше того, я — самый старый солдат в этой школе. Поэтому я предлагаю: принять все, что предложил Боб, после чего я отправлюсь к учителям и потребую выключить табло немедленно. Кто-нибудь против?

Ни единого протеста.

— Значит, все согласны. Если табло все еще будет висеть к нашему ленчу, мы притараним простыни и закроем его. Если оно будет висеть ко времени ужина, тогда мы, не прибегая к поломке стульев, откажемся выводить свои армии на позиции, пока они не уберут эти чертовы таблицы.

Алаи крикнул из очереди за едой:

— Но ведь тогда все наши рейтинги…

И тут же расхохотался над собой:

— Черт бы их побрал, здорово они нам промыли мозги!

Боб, все еще разгоряченный своим успехом, после завтрака отправился прямо в казарму Кроликов, чтобы официально представиться своим солдатам. Учитывая время, отведенное Кроликам для тренировок, он имел на встречу всего лишь полчаса между завтраком и первым уроком в классе. Вчера, когда Боб разговаривал с Иту, мозг Боба был занят совершенно другими делами, и он почти не думал о том, что его ждет в казарме. И вот теперь до него дошло, что все Кролики значительно старше его. И все, как один, куда выше ростом. Рядом с ними он казался чем-то вроде куклы. Еще хуже: он и чувствовал себя пигмеем, идя по проходу между койками и видя вокруг себя этих гигантов-мальчишек и парочку великанш-девчонок. Все они смотрели на него сверху вниз.

На полпути Боб остановился, чтобы взглянуть на лица тех, мимо кого он только что прошел. Да, с этой проблемой надо кончать сразу!

— Первая проблема, с которой я сталкиваюсь у вас, — сказал Боб, — это то, что вы все уж слиш-

ком длинные.

Никто не засмеялся. Боб почувствовал себя обескураженным. Но куда денешься, надо продолжать.

— Я изо всех сил стараюсь подрасти, но других способов покончить с этой проблемой пока не вижу.

Теперь послышалось несколько смешков. Стало легче, хотя было ясно, что встретить Боба на полпути желающих еще не много.

— Наша первая тренировка состоится сегодня в 10.30. Что же касается нашего первого сражения, то его срок мне предсказать трудно, но я могу вам пообещать вот что: учителя не собираются дать мне три традиционных месяца после назначения в новую армию. То же самое будет и с другими командующими, которые только что вступили в должность. Учителя дали Эндеру Виггину всего несколько недель на тренировку Драконов, а затем сразу бросили их в бой. А ведь Драконы были совсем новой армией, даже без офицерского костяка. Кролики — хорошая армия с установившейся репутацией и традициями. Единственный новый человек в ней — это я. Поэтому я ожидаю, что сражения у нас начнутся уже через несколько дней, самое большее — через неделю. И думаю,

бои пойдут один за другим. Поэтому во время двух первых тренировок на самом деле тренировать будете вы меня, чтобы я вошел в уже сложившуюся систему. Я хочу знать, как вы работаете со своими взводными командирами, как взводные взаимодействуют друг с другом, как вы выполняете приказы, какими командами пользуетесь. Наверняка у меня возникнут какие-то соображения, касающиеся не столько тактики, сколько отношений. Но это потом. А сейчас я хочу видеть вас такими, какими вы были при Карне Карби. Мне будет, конечно, легче, если вы отнесетесь к делу со всей серьезностью, так как я хочу увидеть вас во всей красе. Вопросы есть?

Вопросов не было. Гробовое молчание.

— И еще одно. Позавчера Бонзо и несколько его приспешников устроили в коридорах охоту на Эндера. Я видел надвигающуюся опасность, но солдаты Драконов в основном слишком малы еще, чтобы противостоять той банде шпаны, которую подобрал Бонзо. И не случайно, когда мне понадобилась срочная помощь для защиты нашего командующего, я бросился к дверям казармы Кроликов. Заметьте, это не была ближайшая казарма. Я кинулся к вам потому, что знал Карна Карби как честного и прямодушного

командира и верил, что и солдаты у него такие же. Даже если вы и не питали особой любви к Эндеру и его Драконам, я знал, что вы не потерпите, чтобы шайка хулиганов накинулась на маленького парнишку, с которым они не надеялись справиться в честном и открытом бою. И я в вас не ошибся. Когда вы выскочили в коридор и встали стеной, как свидетели происходящего, я был горд за вас. Я горжусь и сейчас тем, что стал одним из Кроликов.

Вот это сработало. Вообще лесть редко не срабатывает, а если она искренняя, то она доходит до сердца всегда. Дав Кроликам понять, что он уже относится к ним с уважением, Боб сразу уничтожил напряжение, ибо они, конечно, беспокоились, что как бывший Дракон он будет с презрением относиться к самой первой армии, потерпевшей поражение от Эндера. Теперь они убедились, что ошибались, и у Боба сразу появился шанс быстро завоевать их симпатии. Иту начал аплодировать, к нему присоединились другие. Овация была короткая, но Боб понял: дверь открыта, если не настежь, то уж наполовину — наверняка.

Боб поднял руку, чтобы прекратить аплодисменты, и, надо сказать, вовремя, так как овация

уже подходила к концу.

— Я хотел бы поговорить с взводными у себя в комнате. Остальные до тренировки свободны.

Почти тут же к нему подошел Иту.

— Отличная работа, — сказал он. — Всего одна ошибка.

— Какая?

— Ты у нас не единственный новичок.

— Они что, перевели к нам еще кого-нибудь из Драконов? — На секунду Боб подумал, а вдруг это будет Николай? Ему бы сейчас очень пригодился надежный друг.

К сожалению, этого не произошло.

— Нет, солдаты Драконов — ветераны, а этот действительно новичок. Только вчера прибыл в школу, а прошлым вечером его направили к нам — уже после того, как ты к нам заходил.

— Новичок? И сразу переведен в армию?

— Да, мы его поспрашивали, так оказалось, он получил сходное образование по многим предметам. На Земле ему пришлось перенести несколько операций, но он учился и…

— Ты хочешь сказать, что он еще поправляется после хирургической операции?

— Нет, ходит он отлично. Слушай, тебе лучше просто с ним познакомиться. Я хотел бы знать, в

какой взвод ты его пошлешь и все такое.

— Ну-ка, давай поглядим на него.

Иту повел Боба в конец казармы. Там, около своей койки, опираясь на нее, стоял Ахилл, подросший еще на несколько сантиметров, с ногами одинаковой длины. Тот самый Ахилл, которого Боб видел ласкающим Недотепу за несколько минут до того, как он сбросил ее мертвое тело в реку.

— Привет, Ахилл, — сказал Боб.

— Привет, Боб, — ответил Ахилл и осклабился. — Похоже, ты тут стал большой шишкой.

— Ходят такие слухи, — отозвался Боб.

— Вы что — знакомы? — спросил Иту.

— Были знакомы в Роттердаме, — ответил Ахилл.

Они его послали ко мне не случайно. Я никому, кроме сестры Карлотты, не рассказывал о том, что он сделал, но теперь приходится думать, что она об этом сообщила в МКФ. Возможно, его поместили сюда, так как решили, что мы оба беспризорники с улиц Роттердама, из одного кодла — вернее, из одной «семьи» — и поэтому я помогу ему быстрее войти в школьную жизнь. А может быть, они прекрасно знают, что он убийца, который способен долгое время скрывать свою

обиду, а затем наносить смертельный удар, когда этого удара ждут меньше всего. Может быть, они даже знают, что он планирует мою смерть, точно так же, как он планировал смерть Недотепы. Может быть, они хотят, чтобы он стал моим Бонзо Мадридом?

Но ведь я не проходил курса самозащиты. И я вдвое меньше его ростом. Я даже не сумею подпрыгнуть так высоко, чтобы заехать ему по носу. Чего бы учителя ни хотели достичь, ставя жизнь Эндера на кон, у Эндера всегда было больше шансов выжить, чем будет у меня.

В мою пользу только одно обстоятельство: Ахилл всегда хочет выжить и добиться выгод больше, чем просто отомстить. Поэтому он способен вынашивать свою обиду долго. Он никогда не станет торопиться. В отличие от Бонзо, он не позволит себе нанести удар в ситуации, когда его можно будет легко изобличить как убийцу. И пока он будет считать, что нуждается во мне, и пока я буду находиться на людях, я, возможно, буду в относительной безопасности.

В безопасности. Его всего передернуло. Недотепа тоже считала себя в безопасности.

— Ахилл был там моим командиром, — сказал Боб. — Он обеспечивал жизнь целой группе малы-

шей. Водил нас в благотворительную столовку.

— Боб слишком уж скромен, — тут же отозвался Ахилл. — Вся эта комбинация была придумана им. Он просто научил нас тому, что надо держаться вместе. Взаимодействовать. С тех пор, Боб, я многому научился. Целый год я не видел ничего, кроме книг и классных комнат, да еще операционных, где мне кромсали ногу, размельчали кости и выращивали их снова. Вот тогда-то я и осознал, какой прыжок ты заставил нас тогда совершить. Из варварства в цивилизацию. Боба самого можно рассматривать как модель развития общества.

Боб был не настолько глуп, чтобы не увидеть лесть. Однако сейчас иметь парня, который только что прибыл с Земли, знал, кем был Боб в прошлом, и оказывал ему уважение, могло принести ему пользу.

— Скорее уж эволюции пигмеев, — сказал Боб.

— Боб был самым крутым маленьким подонком, какого мне только приходилось видеть на улицах Роттердама, скажу я вам.

А вот в этом Боб нуждался меньше всего. Ахилл перешел границу, отделяющую лесть от фамильярности. Басня о Бобе, якобы крутом подонке, ставит Ахилла как бы выше Боба, дает ему право

оценивать его поступки и его личность, а это открывает Ахиллу дорогу в сообщество курсантов быстрее, чем хотелось бы Бобу, который, наоборот, намерен этот процесс регулировать.

Ахилл же продолжал предаваться своим воспоминаниям, причем вокруг него собиралась уже кучка солдат, готовых слушать эти байки.

— А попал я в кодло Боба таким образом…

— Это было вовсе не мое кодло, — резко оборвал Боб Ахилла. — Кроме того, в Боевой школе не принято болтать о доме, так же как не принято слушать эти байки. Поэтому я был бы рад, если бы ты больше никогда не упоминал о Роттердаме. Во всяком случае, пока ты служишь в моей армии.

Боб говорил приятные вещи, когда произносил вступительную речь. Но сейчас наступило время применить власть.

Ахилл, получив выговор, нисколько не смутился.

— Понял. Нет проблем.

— Для всех наступило время классных занятий, — обратился Боб к солдатам. — Мне надо поговорить отдельно с взводными. — Боб указал на Амбала — уроженца Таи, который, согласно данным, почерпнутым из личного файла, уже давно должен был бы стать взводным, если бы не

отвращение к глупым приказам. — Амбал, прошу тебя сопровождать Ахилла на классные занятия и с них, научить его надевать боевой костюм, рассказать, как он устроен, а также обучить азам умения двигаться в Боевом зале. А ты, Ахилл, должен повиноваться Амбалу, как Господу Богу, пока я не назначу тебя в определенный взвод.

Ахилл ухмыльнулся.

— А я и Богу-то не так чтобы повинуюсь. Разве ты забыл?

— Правильный ответ на мой приказ таков: да, сэр.

Ухмылка увяла.

— Да, сэр.

— Рад, что ты с нами, — солгал Боб.

— Рад быть с вами, сэр, — ответил Ахилл.

Боб был уверен, что если считать, что Ахилл не солгал, то его радость имеет сложную подоплеку и сейчас уже включала обновленную надежду увидеть Боба умирающим.

Впервые Боб понял причину того, что Эндер всегда делал вид, что не подозревает об опасности, исходящей от Бонзо. Выбор-то был прост. Или ты должен действовать, спасая себя, или крепить контроль над своей армией. Чтобы иметь в руках реальную власть, Боб должен настаивать на без-

условном повиновении и уважении своих солдат, даже если для этого придется пойти на некоторое унижение Ахилла, даже если личная опасность, угрожающая Бобу, придвигается ближе.

Его жгла и еще одна мысль. Ахилла не было бы тут, если бы он не обладал задатками лидера. Как прекрасно он выполнял в Роттердаме обязанности «папы». Мой долг всеми средствами помогать ему в продвижении наверх, учитывая потенциальную полезность Ахилла для целей МКФ. Я не должен позволять своему страху и своей ненависти вмешиваться в это дело, даже если Ахилл — воплощение Зла. Моя работа — сделать из него лихого солдата, с перспективой когда-нибудь стать командующим.

А пока мне надо следить, чтобы моя спина была всегда защищена.

20. Метод проб и ошибок

— Значит, вы все-таки приняли его в Боевую школу?

— Сестра Карлотта, в настоящее время я нахожусь в бессрочном отпуске, что означает, к вашему сведению, что меня уволили. Это на тот случай, если вам не знакомы порядки в нашем

МКФ.

— Уволили? Наша юстиция опять опозорилась. Вас следовало расстрелять.

— Если бы ваш Орден святого Николая собирался на конвенты, то аббатиса наложила бы на вас самую суровую епитимью за столь нехристианские мысли.

— Вы забрали его из каирской больницы и сразу же отправили в космос. Хотя я вас и предупреждала.

— Разве вы не заметили, что разговариваете со мной по обычному телефону? Сейчас я на Земле, а Боевой школой командует кто-то другой.

— Он же серийный убийца, и теперь вам это известно! На его счету не только девочка в Роттердаме. Там был еще и мальчишка, которого Хельга называла Улиссом. Его труп найден несколько недель назад.

— Весь прошлый год Ахилл находился на попечении медиков.

— Коронер установил, что само убийство произошло примерно столько же времени назад. Тело было обнаружено за одним из больших холодильников вблизи Рыбного рынка. Запах рыбы забивал смрад разложения. А он все продолжает убивать. Он убил учительницу в школе, куда я

его устроила.

— А… Верно. Вы же поместили его в школу раньше, чем это сделал я.

— Учительница выпала из окна верхнего этажа. Разбилась насмерть.

— Свидетелей не было. Улик тоже.

— Совершенно верно.

— Вы тут видите какую-то закономерность?

— Безусловно. Ахилл убивает не спустя рукава. И никогда не выбирает свои жертвы по случаю. Он убивает всех, кто видел его когда-нибудь бессильным, искалеченным, избитым, — он не выносит унижения. Он должен уничтожить свидетелей, должен приобрести тем самым над ними абсолютную власть, должен убрать каждого, кто осмелился хоть как-то унизить его.

— Смотрите-ка, вы уже стали психологом?

— Нет, я выложила все факты перед экспертом.

— Так называемые факты.

— Я не на суде, полковник. Я разговариваю с человеком, который принял убийцу в школу, где учится ребенок, унизивший этого убийцу. Он призывал убить Ахилла. Мой эксперт заверил меня: шанс, что Ахилл не попытается убить этого ребенка, равен нулю.

— В космосе это не так легко сделать, как вам

представляется. Там, знаете ли, доков нет.

— А знаете, как я узнала, что вы забрали его в космос?

— Уверен, что у вас есть собственные источники информации как земные, так и небесные.

— Мой близкий друг, доктор Вивиан Деламар, была хирургом, и это она вылечила ногу Ахилла.

— Насколько я помню, это вы рекомендовали ее нам.

— Это было до того, как я узнала, кто такой Ахилл на самом деле. Когда я это выяснила, я позвонила ей. Предостерегла ее. Мой эксперт сказал мне, что она тоже в опасности.

— Но ведь она дала ему новую ногу! Так почему же?

— Никто не видел его столь беспомощным, как хирург, кромсавший тело Ахилла, пока тот лежал на операционном столе, до ушей накачанный наркотиками. Умом Ахилл, возможно, понимал, что причинить зло человеку, который сделал для него доброе дело, неправильно. Но ведь это же можно было бы отнести и к Недотепе, которую он убил первой. Если, конечно, она и впрямь была его первой жертвой.

— Хорошо… Доктор Вивиан Деламар. Вы ее предупредили. И что же? Может быть, он ей при-

знался под наркозом?

— Мы этого не узнаем. Он убил ее.

— Вы шутите!

— , Я сейчас в Каире. Похороны состоятся завтра. Врачи считали, что это сердечный приступ, пока я не упросила их поискать на теле следы укола. Они нашли этот след, и теперь ее смерть квалифицируется как преднамеренное убийство. Ахилл умеет читать. Он выяснил, какие лекарства при введении в кровь вызывают смерть. А вот как он добился, чтобы она сидела спокойно, — этого я не знаю.

— Но как я могу вам поверить, сестра Карлотта? Такой добрый мальчик, такой вежливый, так привлекает к себе симпатии людей… Он прирожденный лидер. Нет, такие люди не убивают.

— Посмотрите, кто умер. Учительница, которая подшучивала над его невежеством, когда он впервые пошел в школу, причем иногда делала это перед всем классом. Врач, видевшая его на операционном столе под анестезией. Беспризорница, чьи ребята избили его. Уличный мальчишка, обещавший прикончить его и заставивший его прятаться. Неслучайность этих совпадений убедила бы даже присяжных, но только не вас.

— Да убедили вы меня. Убедили в том, что опас-

ность может оказаться весьма реальной. Но я и до этого уже предупредил учителей Боевой школы, что такая опасность существует. А сейчас я уже не командую школой.

— Но вы же сохранили контакты. Если бы вы еще раз и более серьезно предупредили их, они примут меры…

— Я предупрежу их при первом удобном случае.

— Вы опять лжете мне!

— И вы говорите такое по телефону?

— Вы хотите, чтобы Боб подвергся опасности!

— Сестра… Да! Хочу! Но не такой реальной и страшной. Я сделаю все, что смогу.

— Если вы допустите, чтобы Боб пострадал, Господь спросит с вас за это!

— Ему придется постоять в очереди, сестра Карлотта. Право первой ночи за Военно-полевым судом МКФ.

Боб заглянул в вентиляционное отверстие своей комнаты и поразился: неужели еще недавно он был так мал, что пролезал в него? Каким же он был? Вроде крысы, что ли?

К счастью, сейчас у него была собственная комната и он теперь не был намертво привязан к узким ходам системы, подающей воздух в жи-

лые помещения школы. Боб водрузил стул на стол, вскарабкался на него и дотянулся до узкой вентиляционной решетки, прикрывавшей вход в систему воздухозабора. Решетка состояла из нескольких довольно длинных секций и располагалась на стене, выходившей в коридор. Эта стена не была капитальной, и панель над решеткой могла быть легко снята. Когда это было сделано, в комнате Боба возникло под потолком весьма широкое отверстие, которое вело в пригодный для ползания воздуховод, протянувшийся над потолком коридора.

Боб тут же снял одежду и отправился в новое путешествие по лабиринтам вентиляционной системы.

Теперь оно было куда труднее, чем раньше. Боб даже удивился — как он так сильно вырос за истекший год. Несмотря на трудности, он вскоре оказался в том месте, где находились камеры подогрева воздуха и вентиляторы. Здесь он занялся исследованием осветительной сети, а затем принялся осторожно вывинчивать в нужных местах лампочки и отключать светящиеся полоски на стенах. В результате он получил искомое — широкую вертикальную шахту, бывшую совершенно темной, когда дверь в помещение с камерами

подогрева закрывалась, и мрачно сумеречной, когда эту дверь приоткрывали. Ловушка была настроена.

Ахилл никогда не переставал удивляться тому, как легко окружающая его вселенная склонялась перед его — Ахилловой — волей. Все, чего он желал, рано или поздно послушно появлялось перед ним.

Недотепа и ее кодло подняли Ахилла над другой шпаной. Сестра Карлотта определила его в школу, руководимую священниками в Брюсселе. Доктор Деламар выпрямила ему ногу, так что он теперь бегал, ничем не отличаясь от других мальчишек своего возраста. А теперь он попал в Боевую школу, и его первым командиром оказался — кто бы мог подумать — малыш Боб, готовый принять его под свое крыло и помочь подниматься по карьерной лестнице. Да, вселенная была создана специально, чтобы служить его интересам, а всем людям следует выполнять его малейшие желания.

Боевой зал жутко холоден. Какой-то ящик для мизерных сражений. Прицельсяя из пистолета, нажми спусковой крючок, и костюмы малышей заморозятся. Конечно, Амбал сделал ошибку, продемонстрировав этот процесс на самом Ахилле,

а затем ржал, пока Ахилл дрейфовал в воздухе, не в силах двинуть рукой или ногой, чтобы хоть как-то изменить направление этого дрейфа. Хороший человек не должен так поступать. Это неправильно, а у Ахилла после этого всегда возникает гнетущее ощущение унижения, которое проходит, только когда он приведет все в порядок и уравняет счет. Необходимо, чтобы в мире царили добро и уважение.

И Боб тоже хорош. Сначала, казалось, все пойдет гладко, но потом Боб стал унижать его — Ахилла. Сначала он уведомил всех, что когда-то Ахилл был его «папой», а потом показал, что теперь тот всего лишь простой солдат его армии. Этого Бобу не следовало делать. Нельзя обманывать надежды человека, нельзя его принижать. Боб изменился. В прошлом, когда Недотепа повалила Ахилла на спину, опозорив его в глазах всей этой мелюзги, именно Боб высказал ему уважение, крикнув: «Убей его!» Вот что сказал Боб! Он — этот крошечный мальчуган — знал, что даже поверженный на спину Ахилл смертельно опасен. Но теперь, похоже, он забылся. Более того, Ахилл почти уверен, что именно Боб велел Амбалу заморозить Ахиллу боевой костюм и унизить его в тренировочном зале, заставив других ребят

хохотать над ним.

Я был твоим другом и защитником, Боб, так как ты проявил ко мне уважение, но теперь мне придется взвесить то, что было раньше, и то, как ты отнесся ко мне в Боевой школе. Ты меня не уважаешь.

Беда в том, что курсанты в Боевой школе не получают в руки ничего, что могло бы быть использовано в качестве оружия. Все тут дышит безопасностью. К тому же никто и никогда не остается в одиночестве. Кроме командующих. Они живут отдельно. В этом что-то есть. Впрочем, Ахилл подозревал, что учителя каким-то образом следят за всеми и знают об их поступках. Надо хорошенько изучить эту систему и узнать, каким образом можно избежать слежки. А уж потом приступить к наведению здесь порядка.

Ахилл был убежден, что он прекрасно подготовлен для грядущих событий. Возможности обязательно возникнут. А он, будучи Ахиллом, непременно воспользуется ими, когда наступит для этого подходящее время. И это будет время торжества справедливости, справедливости не только в этой жалкой системе, а во всем мире, где тысячи детей умирают от голода, от невежества и увечий на улицах городов, тогда как другие

жиреют от привилегий, безопасности и здоровья. Все эти взрослые, которые «управляли» миром в течение тысяч лет, были тупицами и неудачниками. Он — и только он — сможет искоренить пороки общества.

На третий день пребывания Ахилла в Боевой школе армия Кроликов впервые сражалась под командованием Боба. И потерпела поражение. Конечно, если бы командовал Ахилл, они бы выиграли этот бой. Боб занимался какими-то благоглупостями, переложив выбор тактики и руководство боем на своих взводных. Ясно же было, что эти взводные, назначенные еще предшественником Боба, никуда не годились. Если Боб хочет побеждать, то ему следует куда более жестко контролировать их действия. Когда он попробовал изложить свои соображения Бобу, этот мальчишка только улыбнулся — этакой многозначительной и раздражающе надменной улыбочкой — и ответил, что ключ к победе лежит в кармане каждого взводного и что каждый солдат обязан понимать ситуацию и действовать соответственно в интересах всей армии и ее победы. Ахиллу очень хотелось отвесить Бобу хорошую затрещину: то, что он мямлил, было глупо и далеко от здравомыслия. Кто знает, как

следует организовывать события, тот не должен позволять мелким людишкам устраивать свои дела по укромным уголкам вселенной. Он обязан натянуть поводья, натянуть их резко и неожиданно. Надо плетью привести своих солдат к повиновению. Как говорил Фридрих Великий: солдат должен бояться своих офицеров больше, нежели пуль противника. Нельзя править, не прибегая к открытым силовым приемам. Подчиненные должны склонить голову перед лидером. Они должны сдаться ему, покорно опустить головы, приняв аксиому, что править ими должны только разум и воля властителя. Видно, никто, кроме Ахилла, не понимает, что именно в этом заключена тайна могущества жукеров. Индивидуальный мозг не играет у них роли, есть лишь Разум улья или муравейника. Беспрекословное повиновение матке. Мы никогда не победим жукеров, не изучив их, не став такими же, как они.

Объяснять это Бобу смысла не было. Он и слушать не стал бы. Никогда ему не превратить армию Кроликов в улей. Он трудится над другим — как превратить ее в хаос. Это отвратительно и непереносимо.

Невыносимо… И все же как раз в ту минуту, когда Ахилл размышлял о том, что он долго не

сможет терпеть этот идиотизм и разгильдяйство, Боб вызвал его в свою комнату.

Ахилл очень удивился, когда, войдя в комнату, увидел, что часть стенной панели под потолком снята и открывает доступ к системе воздухозабора. Это было совсем не то, чего он ждал.

— Раздевайся донага, — скомандовал Боб.

Ахиллу показалось, что его хотят унизить. Но Боб стал быстро стягивать свою форму.

— Учителя следят за нами, используя нашу же одежду, — сказал Боб. — Однако если ты ее снял, они не знают, где ты находишься, за исключением спортзала и Боевого зала, где есть дорогая и сложная аппаратура, которая улавливает тепловые излучения тел. Но мы туда не полезем, а потому — раздевайся.

Боб быстро разделся догола. Поскольку он был первым, Ахиллу нечего было стыдиться.

— Мы с Эндером занимались этим вместе, — говорил Боб. — Все думали, что он такой гениальный командующий, но правда в том, что наперед знал планы других командиров, так как мы с ним производили разведку, используя вентиляционную систему. Мы следили не только за командующими. Мы узнавали и то, что задумывали наши учителя. Мы все знали наперед. Таким

образом, работать было куда легче.

Ахилл захохотал. Вот это клево! Может, Боб и дурачок, но насчет Эндера Ахилл наслышан. Тот дело знал туго.

— Для этого нужны двое, да?

— Чтобы пробраться туда, откуда я смогу шпионить за учителями, нужно воспользоваться широкой вертикальной шахтой. Там темно, как у негра в желудке. Мне нужен кто-то, кто спустит меня туда, а потом вытащит обратно. Я пока не знаю, кому можно довериться у Кроликов, а потому… Ты-то тут. Мой друг с давних пор.

Вот оно! Снова вселенная идет ему навстречу. Он и Боб останутся наедине! Никто не узнает, где они были. Никто не узнает, что случилось с Бобом.

— Я готов, — сказал Ахилл.

— Подсади меня, — приказал Боб. — Ты выше, сможешь и сам подтянуться.

Ясное дело — Боб тут бывал многократно. Он быстро пролез сквозь отверстие в стене и оказался в воздуховоде, где можно было передвигаться ползком. Его пятки и зад время от времени освещались отблесками ламп, проникавшими сквозь вентиляционные решетки в коридоре. Ахилл внимательно смотрел, как и куда ставит ступни

и руки Боб, так что вскоре он действовал ничуть не хуже. Каждый раз, когда Ахилл пользовался своей в прошлом больной ногой, он поражался, как это здорово у него получается. Нога шла туда, куда он ей приказывал идти, она великолепно держала вес его тела. Доктор Деламар была отличнейшим хирургом, но даже она удивлялась тому, как реагирует тело Ахилла на операции. Оно — его тело — как бы сохраняло память о том, каким оно было в те времена, когда он был здоров, оно стремилось вернуться к этому состоянию. Те былые годы — годы физических страданий и увечий — вселенная использовала для воспитания в Ахилле ненависти к беспорядку. Теперь он владел прекрасным телом, которое вело его вперед к цели — к восстановлению порядка и уничтожению хаоса.

Ахилл старался запоминать путь, которым они ползли. Если будет нужно, он сумеет разыскать дорогу обратно и один. Он не может позволить себе заблудиться или выдать свое присутствие здесь. Никто не должен узнать о его пребывании в вентиляционной системе. Ведь если он не даст повода, учителя не смогу заподозрить его ни в чем. Им известно только, что он и Боб — старые друзья. И когда Ахилл будет горевать об этом

шибздике, по его лицу будут течь настоящие слезы. Они появятся сами собой — ведь в этих трагических смертях есть своего рода благородство. Величие, подобное тому, с каким великая вселенная повинуется ловким пальцам Ахилла.

Огонь в печах камер подогрева воздуха ревел, когда они вошли в комнату, где хорошо были видны стальные наружные стены станции. Ух, как пылало пламя! Оно почти не оставляло пепла — сгорало все. Люди тоже гибнут, случайно попав в огонь. Время от времени такое случается. Сейчас Боб поползет дальше… хорошо бы оказаться поближе к печам…

Но вместо этого Боб открыл дверь, ведущую в густую тьму. Слабый свет, проникавший сюда, лишь намеком высвечивал еще более мрачный провал в полу.

— Смотри, не наступи туда, — весело сказал Боб. Он поднял с пола моток тоненького шнура. — Это страховочный шнур. Необходимая штука в списке спасательного оборудования. Предназначен, чтобы удерживать ремонтников от падения в космос, когда они проводят работы на внешней поверхности станции. Эндер и я крепили его… перебросили вон через ту балку… это позволяет мне спускаться прямо по центру шахты. В руках

ты его удержать не сможешь — он распорет тебе кожу до мяса. Поэтому обвяжи его вокруг талии — видишь, так он не соскользнет. И держись крепче. Сила тяжести тут невелика, я просто прыгну вниз. Длину шнура мы рассчитали так, чтобы я останавливался на том уровне, где находятся вентиляционные отверстия комнат учителей.

— А тебя шнур не поранит, когда ты резко затормозишь?

— Еще как, — ответил Боб. — Только без труда не выловишь рыбку из пруда. Там я отвяжу шнур, повешу его на металлический штырь, где он и останется висеть до тех пор, пока я снова не привяжусь к нему. Потом ты вытянешь меня обратно. Нет, нет, не руками. Тебе надо будет пройти через эту дверь в то помещение, где мы только что были, обойти бимс, чтобы шнур обвился вокруг него, а потом проделать то же самое несколько раз, пока не окажешься у самой стены. Стой там, пока я не раскачаюсь хорошенько на шнуре и не допрыгну вон до того выступа. Тогда я отвяжусь, ты вернешься сюда, и мы оставим шнур до следующего раза. Здорово придумано?

— Я все понял, — ответил Ахилл.

Вместо того чтобы крутиться у стены, можно просто походить по комнате. Пусть Боб повисит

там подольше, тем более что развязать узел на шнуре в полной тьме не так-то легко. Рев камер подогрева и вентиляторов заглушит крики о помощи, а у Ахилла будет время для исследований. Надо узнать, как добраться до огня. А потом он вытащит Боба, задушит и швырнет тело в пламя. Шнур же бросит в шахту. Там его никто не найдет. Вполне вероятно, что и Боба никто никогда больше не увидит. А если и найдут, то мягкие ткани к тому времени уже сгорят, так что следов преступления обнаружить не получится. С мелкими же проблемами, если они и возникнут, Ахилл справится сам.

Ахилл надел петлю через голову и затянул ее под мышками. Боб делал то же самое со своим концом шнура.

— Готово, — сказал Ахилл.

— Смотри, надо, чтобы петля была затянута очень туго. Не должно быть никакой слабины, когда я заторможу, достигнув дна.

— Она затянута туго.

Но Боб решил проверить сам. Он просунул палец под шнур.

— Надо еще туже, — сказал он.

Ахилл затянул петлю еще сильнее.

— Отлично, — сказал Боб. — То, что надо. На-

чинай!

Начинай? А кто еще, кроме Боба, мог что-либо начать?

Шнур вдруг сильно натянулся, и Ахилла вздернуло вверх.

Еще несколько рывков, и он уже висел в воздухе над устьем черной шахты. Шнур больно врезался в тело.

Когда Боб сказал «начинай!», он обращался к какому-то другому человеку, который уже был тут, ждал в засаде. Экий гнусный хитрый подонок!

Ахилл, однако, предпочел молчать. Он поднял руки, пытаясь дотянуться до балки. Оказалось — невозможно. Не мог он и вскарабкаться по шнуру. Голыми руками, да еще по туго натянутому весом его собственного тела шнуру — нечего и думать.

Он начал дергаться на шнуре, пытаясь раскачаться, но несмотря на увеличившийся размах маятника, Ахилл не мог ни до чего дотронуться. Ни стены, ни другой какой зацепки.

Пришло время вступить в переговоры.

— В чем дело, Боб?

— Дело в Недотепе, — ответил тот.

— Она умерла, Боб.

— Ты целовал ее. А потом убил и бросил в реку.

Ахилл почувствовал, как кровь прилила к его

лицу. Ничего этого Боб не мог знать. Просто блефует. Откуда Бобу знать, что он целовал Недотепу, если его там не было?

— Ошибаешься, — сказал Ахилл.

— Это было бы очень печально. Ведь если я ошибаюсь, то за преступление погибнет невиновный.

— Погибнет? Не дури, Боб. Ты же не убийца!

— Верно, но сухой и горячий воздух шахты сделает это дело за меня. Обезвоживание наступит уже через день. У тебя ведь уже ощущается сухость во рту? А потом ты будешь долго висеть тут высохшей мумией. Это система воздухоснабжения, так что воздух тут фильтруется и подвергается очистке. Даже если твой труп и повоняет немного, никто этого не ощутит. Никто тебя не увидит: лучи света, проходящего через дверь, идут ниже тебя. Впрочем, сюда никто не ходит. Твое исчезновение, конечно, заметят, но оно так и останется тайной Боевой школы. О тебе будут ходить легенды, а новичков станут пугать байками с участием привидений.

— Боб, я ее не убивал!

— Да я же сам видел вас, несчастный идиот! Мне плевать на то, что ты тут болтаешь! *Я видел тебя!* Вот уж никогда не думал, что заставлю

тебя заплатить за то, что ты с ней расправился! Недотепа не сделала тебе ничего, кроме добра. Я умолял ее убить тебя, но она была милосердна. Она превратила тебя в короля улиц. Ты за это ее убил?

— Не убивал я!

— Тогда мне придется выложить карты на стол, раз ты, Ахилл, так глуп, что не понимаешь своего положения. Во-первых, ты забыл, где находишься. Там — на Земле — ты привык к тому, что ты куда умнее большинства окружающих. Но здесь — в Боевой школе — мы *все* не глупее тебя, а большинство — гораздо умнее. Ты думаешь, Амбал не понял значения взглядов, которые ты бросал на него? Ты думаешь, он не понял, что ты приговорил его к смерти за то, что он немного подшутил над тобой? Ты полагаешь, что Кролики сомневались в моих словах, когда я рассказал им, кто ты такой? Они сразу заметили, что с тобой что-то неладно. Взрослые могли этого не обнаружить, они способны клюнуть на твою грубую лесть и подхалимаж, но мы не такие доверчивые. И поскольку у нас только что был случай, когда один парень пытался убить другого, никто из нас не собирается ждать, когда же будет нанесен смертельный удар. Потому что — и это самое

главное — нам плевать на спортивный дух и справедливость. Мы солдаты. А солдаты не дают равных шансов врагу из соображений спортивности. Солдаты стреляют в спину, они ставят ловушки и организуют засады. Они врут врагам и скопом набрасываются на одного, если такая возможность возникает.

Ахилл знал — Боб прав. Он сильно просчитался. Он забыл, что когда Боб молил Недотепу убить его — Ахилла, — он не только выказывал этим свое уважение к Ахиллу, но в самом деле хотел, чтоб его убили.

Да, тут он здорово просчитался.

— Поэтому у тебя есть лишь два варианта решения того, чем кончится наша встреча. Первый: мы просто подвесим тебя здесь и будем по очереди следить за тем, чтобы ты не выкинул какой-нибудь номер и не выбрался отсюда, пока не подохнешь. Потом мы бросим тебя тут, а сами будем жить, как жили. Второй: ты признаешься во всем, я повторяю — во всем, а не только в том, что известно мне. Ты признаешься во всем. Ты признаешься учителям. Признаешься психоаналитикам, которые послали тебя сюда. Ты будешь признаваться, чтобы заработать себе место в психушке — где-то там — на Земле. Нам

наплевать на то, какой вариант ты выберешь. Все, что нам нужно, это чтобы ты никогда больше не прошелся по коридорам нашей Боевой школы свободным. Да и по другим коридорам — тоже. Итак… что ты выбираешь? Иссохнуть на веревке или рассказать учителям о своем безумии?

— Приведите учителя, и я признаюсь.

— Похоже, ты не вник в мое объяснение того, почему нас не следует считать дурачками? Ты признаешься *сейчас.* Перед свидетелями. И перед микрофоном. Мы не станем приводить сюда учителя, чтобы он увидел тебя висящим на веревке и разнюнился бы от жалости к тебе. Учитель, который придет сюда, будет точно знать, кто ты есть, а сопровождать его будут шесть морских пехотинцев, чтобы держать тебя в наручниках и под надзором на всякий случай, потому что, Ахилл, они тут не в игрушки играют. Тут не дают шансов на побег. У тебя здесь никаких прав нет. Права появятся на Земле. Вот твой последний шанс. Пришло время покаяния.

Ахилл с трудом удерживался от смеха. Бобу очень хочется одержать победу. Ему даже кажется, что он ее одержал. На какое-то время. Ахилл понимал, что у него нет никаких шансов удержаться в Боевой школе. Но Боб не так умен,

чтобы просто прикончить Ахилла и тем самым поставить точку. Нет, Боб совершает глупость, он дарует Ахиллу жизнь. А пока Ахилл жив, время будет работать в его пользу. Вселенная изогнется и откроет ему дверь. Ахилл снова станет свободным. И это произойдет скоро, без длительных задержек.

Не надо было оставлять для меня открытую дверь, Боб. Потому что однажды я убью тебя. Тебя и остальных, которые видели меня бессильно висящим на веревке.

— Ладно, — сказал Ахилл. — Я прикончил Недотепу. Задушил и бросил в реку.

— Продолжай.

— А чего говорить-то? Тебе хочется знать, как она обмочилась и обкакалась, пока я ее душил? Или как у нее глаза вылезли из орбит?

— Одного убийства еще не достаточно для заключения в психушку, Ахилл. Ты же знаешь, что убивал и раньше.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что для тебя это привычное дело.

Действительно, он не волновался. Даже в самый первый раз. Ты, Боб, просто не понимаешь, что такое ощущение власти. Если тебе трудно убивать, значит, и власти тебе не видать.

— Я убил Улисса, конечно, просто потому, что он мне надоел.

— И?

— Я тебе что — серийный убийца?

— Ты живешь, чтоб убивать. Рассказывай все. А потом еще убеди меня в том, что это действительно все.

Сейчас Ахилл просто играл с ними. На самом деле он уже давно сам решил рассказать им все.

— Самой последней была доктор Вивиан Деламар, — сказал он. — Я велел ей не делать мне операцию под общим наркозом. Велел оставить меня в сознании. Такую боль я способен вынести. Но она считала, что ей принадлежит власть надо мной. Что ж, если она так любила властвовать, то не следовало ей поворачиваться ко мне спиной. И почему она оказалась такой дурой, что не заметила моего пистолета? Я прижал ствол к ее спине, так что она даже не ощутила иглу шприца, которая вошла ей рядом с отпускающими мышцами, которые контролируют движения языка. Решили, она в своем кабинете умерла от сердечного приступа. А что я туда заходил, никто не видал. Рассказывать еще?

— Я хочу знать все, Ахилл.

Это заняло двадцать минут, но зато Ахилл

развернул перед ними всю хронику. Все семь случаев, когда он «упорядочивал» беспорядок. Ему было даже приятно рассказывать об этом вот так — подробно и без спешки. Никто до сих пор еще не получал столь подробных сведений о том, как могуч он — Ахилл. Ему очень хотелось увидеть их лица — этого ему просто не хватало. Хотелось увидеть выражение отвращения, которое говорило бы об их слабости, о неспособности смотреть в глаза Силе. Вот Макиавелли — тот в этом понимал толк. Если ты намерен править, то не пренебрегай убийством. И Саддам Хусейн — тоже понимал. Он жаждал совершать убийства врагов собственной рукой. Нельзя стоять в сторонке и поручать совершение убийств другим людям. И Сталин — тоже понимал: нельзя ни к кому быть лояльным. Это расслабляет. Ленин был добр к Сталину, он дал ему шанс, он вытащил его из неизвестности, он поставил его Хранителем Врат Власти. Но это не помешало Сталину сначала заключить Ленина, а потом и убить его. Это вон те дурачки ничего не могут. Все их военные писатели — философы от письменного стола. Их военная история — ненужная ветошь. Просто одно из орудий, которыми пользуются великие люди, чтобы добыть и удерживать Власть.

Единственная возможность остановить великого человека — это возможность, использованная Брутом.

Боб — ты не Брут.

Включите свет! Дайте мне увидеть ваши лица!

Но свет так и не зажегся. Когда Ахилл кончил, а они стали выходить, лишь слабый луч света, падавший из открытой двери, высветил силуэты уходивших. Их было пятеро. Все нагие, но с записывающими аппаратами в руках. Они их даже проверили, прокручивая запись. Он услышал свой собственный голос — сильный, ни разу не дрогнувший. В нем звучала гордость за поступки. Слабакам это докажет, что он действительно «безумен», и они оставят его в живых. До тех пор, пока вселенная, послушная его воле, не откроет ему двери и не выпустит, чтобы он мог править на Земле, править кровью и страхом. Раз они не показали ему своих лиц, у него нет выбора. Когда власть окажется в его руках, он прикажет уничтожить всех курсантов Боевой школы, которые учились там в это время. Очень здравая мысль, между прочим. Ведь все блестящие военные умы его времени так или иначе были связаны с этой школой. Совершенно очевидно: чтобы править, Ахиллу следует избавиться от всех, кто

когда-либо числился в списках этого заведения. Вот тогда у него не будет соперников. И он станет тестировать всех детей, чтобы обнаружить хоть проблеск военного таланта. Царь Ирод понимал туго, как следует удерживать власть.

Часть шестая. Победитель
21. Путем чистой логики

— Мы не собираемся больше ждать доклада полковника Граффа об ущербе, нанесенном здоровью Эндера Виггина. Виггин не нуждается в обучении в Тактической школе, чтобы выполнить работу, которую ему предстоит исполнить. Но нам необходимо доставить сюда всех остальных. Они должны прочувствовать, на что способны старые корабли, прежде чем их переведут в Командную школу и посадят за имитационные машины. Все это требует времени.

— Они успели проиграть лишь несколько игр.

— Я не отводил бы им все то время, которым реально располагаем. Международная Лига Обороны будет находиться в двух месяцах пути от вас, и к тому времени, когда группа покинет Тактическую школу, расстояние от нее до Командования МКФ составит четыре месяца. Таким образом, срок их пребывания в Тактической школе сократится до трех месяцев, после чего они должны быть переведены в Командную. Три месяца, в которые предстоит уложить материал,

рассчитанный на несколько лет обучения.

— Я обязан сообщить вам, сэр, что Боб, видимо, прошел последний испытательный тест, подготовленный полковником Граффом.

— Испытание? Проверка? Когда я снимал с занимаемого поста полковника Граффа, я надеялся, что его тошнотворная испытательная программа закончилась вместе с ним.

— Мы не знали, насколько опасен был этот Ахилл. Нас предупредили о том, что некоторая опасность существует, но… он казался таким милым… Я не собираюсь возлагать всю вину на полковника Граффа, как вы понимаете, он просто был не в курсе, не мог знать…

— Знать что?

— Знать, что Ахилл серийный убийца.

— Графф должен чувствовать себя сейчас на седьмом небе от радости. С Эндером их число возросло до двух.

— Я не шучу, сэр. Ахилл имел на своем счету семь трупов.

— А как же он прошел все проверки?

— Он прекрасно чувствовал, как надо отвечать на психологические тесты.

— Только, пожалуйста, не говорите мне, что все семеро были убиты в Боевой школе!

— Восьмое убийство должно было произойти именно здесь, но Боб заставил его покаяться.

— Ого, значит, Боб уже стал священником?

— По правде говоря, сэр, он применил искусную стратегию. Он перехитрил Ахилла, заманил его в ловушку, и тому не осталось другого выбора, как сознаться.

— Итак, Эндер — милый мальчик из хорошей средней американской семьи — убивает другого парня, который хочет замочить его в душевой. А уличный хулиган Боб передает серийного убийцу в руки правоохранительных органов.

— Для нас большее значение имеет тот факт, что Эндер, который с таким блеском организовывал небольшие боевые подразделения, победил Бонзо в рукопашной один на один. А Боб — одинокий волк, у которого и друзей-то почти не было после проведенного в школе года, сколачивает группу ребят, ставших его защитниками и свидетелями, с помощью которых захватывает и понуждает к даче показаний серийного убийцу. Я не могу судить, рассчитывал ли Графф на такие последствия, но результат тот, что его тесты заставили каждого мальчика действовать не только против наших ожиданий, но и против собственных склонностей.

— Склонностей, майор Андерсон?

— Все это вы найдете в моем докладе.

— Все же попробуйте написать его, ни разу не употребив слово «склонности».

— Да, сэр.

— Я отдал приказ эсминцу «Кондор» забрать всю вашу группу.

— Сколько человек вам надо, сэр?

— Нам потребуются максимум одиннадцать. Карби, Момо и Би находятся уже на пути в Тактическую. Но Графф говорил мне, что из них только Карби сможет хорошо взаимодействовать с Эндером. Кроме того, мы должны зарезервировать место для Эндера, однако на всякий случай нужна замена. Так что шлите десять.

— Десять каких?

— Откуда мне знать, черт побери! Боб, конечно… остальные же те, в которых вы уверены, что они будут хорошо контачить с Эндером или с Бобом… Не знаю, который из двух будет командующим…

— Один список для двух возможных командующих?

— Наиболее вероятный — Эндер. Нам нужно, чтоб они не были антагонистами и чтобы из них можно было создать настоящую команду.

Приказ пришел в 17.00. Бобу предлагалось явиться на борт «Кондора» в 18.00. Вещей у него не было. Ему дали на час больше, чем Эндеру. Поэтому Боб отправился к своей армии, сообщил о том, что с ним произошло и куда его отправляют.

— Но мы же успели сыграть всего лишь пять игр, — сказал Иту.

— Когда подают автобус, в него положено входить.

— Это верно, — согласился Иту.

— А кто еще с тобой? — спросил Амбал.

— Мне не сказали. Просто… в Тактическую.

— А мы даже не знаем, где это.

— Где-то в космосе, — сказал Иту.

— Да неужто? — Шутка была так себе, но все засмеялись. Прощание не было тяжелым. Он пробыл с ними всего восемь дней.

— Жаль, что мы для тебя ни одной игры не выиграли, — буркнул Иту.

— Вы бы и выиграли, если бы я того хотел, — ответил Боб.

Все глядели на него, как на сумасшедшего.

— Я же был тем, кто предложил отказаться от рейтингов. Как бы это выглядело, если бы мы выигрывали каждую игру?

— Выглядело бы это так, что ты очень даже

заботишься о своем рейтинге.

— А меня так больше беспокоит другое, — сказал какой-то взводный. — Неужели ты обучал нас так, чтобы мы всегда проигрывали?

— Нет. Я просто хочу сказать, что у меня иная шкала ценностей. Чем мы обогащаем свои знания, одерживая победы друг над другом? Ничем. Мы же не собираемся сражаться в будущем с детьми человеческими? Мы будем сражаться с жукерами. Но если так, то чему нам надо учиться? Как лучше координировать боевые действия. Как наладить взаимоподдержку. Как научиться понимать ход сражения и как брать на себя ответственность за все, даже если ты не получил команды. Вот это я и отрабатывал с вами, ребята. А если бы мы с самого начала побеждали, врывались в зал и размазывали противника по стенам, используя мою стратегию, то чему бы вас это научило? Ведь вы уже имели хорошего командующего в прошлом. Вы нуждались лишь в том, чтобы научиться взаимодействию. Поэтому я поставил вас в трудную ситуацию. К концу вы обучились взаимодействовать. Делать работу сообща.

— И тем не менее не одержали ни одной победы!

— По моим меркам это не так. Система уже работает. Когда к нам снова заявятся жукеры, они попытаются сделать так, чтобы у нас наступил полный развал. Помимо обычных трудностей, которые приносит с собой война, они предпримут такие действия, которые мы не можем предугадать, так как они не гуманоиды и думают совсем иначе, чем мы. Мы будем выбиваться из сил, будем сражаться, но в конечном-то счете дело сведется к одной проблеме: что делать, когда общее командование повержено в прах. Когда окажется, что у тебя есть только твоя эскадра, твой транспорт, ты сам со своей потрепанной в боях ударной частью и пять орудий на восемь кораблей? Как будут взаимодействовать твои командиры? Как будут поддерживать и выручать друг друга? Вот над этим я и работал с вами. А потом шел в командирскую столовую и рассказывал им то, что узнал. То, что узнал от вас. Но и от них я узнавал кое-что очень важное для нас всех. И рассказывал об этом вам. Верно?

— Что ж, с тем же успехом ты мог бы и нам рассказать то, что узнал от нас, — сказал Иту. Чувствовалось, что он сердит.

— А зачем мне было говорить? Вы и так все понимали.

— Но тогда надо было нам сказать, что поражение — это хорошо.

— Но ведь вы должны были *стараться* победить. Я не мог сказать такого потому, что эта система срабатывает, только если вы будете думать, что победа важна сама по себе. Ну, как будет, когда вернутся жукеры. Тогда она будет много значить. Тогда придется хитрить и упорствовать, тогда поражение будет означать не только вашу личную гибель, но и гибель всех, кто вам дорог, гибель всей человеческой расы. Послушайте, я ведь знал, что нам не суждено быть вместе долго. Поэтому я старался как можно лучше использовать время — и для вас, и для меня. Вы, ребята, уже сейчас готовы командовать армиями.

— А что будет с тобой? — спросил Амбал. Он улыбался, но вопрос звучал серьезно. — Ты будешь командовать флотом?

— Не знаю. Все зависит от того, захотят ли они победить, — отшутился Боб.

— Вот в том-то и дело, Боб. Солдаты не любят поражений.

— А потому, — ответил ему Боб, — поражение — учитель более суровый и умный, чем победа.

Они слушали внимательно. Обдумывали. Кое-кто согласно кивнул головой.

— Разумеется, при условии, что ты выживешь, — добавил Боб и улыбнулся.

Солдаты тоже заулыбались.

— За эту неделю я постарался дать вам все самое лучшее из того, что сумел придумать, — сказал Боб. — И от вас получил столько, сколько сумел воспринять мой мозг. Спасибо вам за все. — Он встал и отдал честь.

Они отсалютовали ему в ответ.

Боб ушел.

Отправился он прямиком в казарму армии Крыс.

— Николай только что получил приказ, — сказал ему взводный.

Боб было подумал, не получил ли и Николай путевку в Тактическую? Первой мыслью Боба было, что Николай к этому еще не готов. Второй: мне бы очень хотелось, чтоб получил. Третьей: хороший же я друг, если первым делом подумал, что Николай еще не заслуживает повышения.

— Какой приказ?

— Он получил армию. Черт, а у нас даже взводным не был. Ведь он у нас всего неделю пробыл.

— Какую армию?

— Кроликов. — Взводный посмотрел на форму Боба. — Ах ты черт, он же пошел на твое место!

Боб засмеялся и направился к той комнате, которую покинул совсем недавно.

Николай сидел там, дверь была широко распахнута, вид у него был самый несчастный.

— Войти можно?

Николай поднял взгляд и ухмыльнулся.

— Скажи, что ты пришел забрать свою армию назад!

— Я дам тебе подсказку: постарайся победить. Они считают это крайне важным.

— Знаешь, я не мог поверить, что ты продул все пять сражений!

— Тебе известно, что в школе больше нет рейтингов, но мне кажется, что счет ведут все.

— Я вел только твой счет.

— Николай, я бы очень хотел, чтобы мы отправились вместе.

— Что происходит, Боб? Время поджимает? Может быть, жукеры уже тут?

— Не знаю.

— Брось, ты же у нас мастер вычислять и делать прогнозы.

— Если бы жукеры и в самом деле были близко, учителя не оставили бы вас на станции. Они эвакуировали бы вас на Землю. Или на какой-нибудь астероид, не знаю. Кое-какие признаки

свидетельствуют, что конец близок. Другие — что ничего серьезного в наших окрестностях не происходит.

— А может, они собираются послать мощный флот против планеты жукеров, а вы, ребята, будете подрастать во время похода?

— Возможно. Но время, когда надо было запускать такой флот, приходится на конец прошлой войны.

— Угу, но, может быть, они не знали тогда, где находится мир жукеров, и узнали только сейчас?

Боб похолодел.

— Возможно. Мне это в голову не приходило. Жукеры могли послать сигналы на свою планету. Тогда все, что мы должны были сделать, это уловить направление этих световых сигналов. Следить за световым лучом, понятно? Это должно быть записано в бортовых журналах.

— А что, если они общаются не с помощью световых сигналов?

— Чтобы свету пройти световой год, нужен год времени. Все остальные средства связи медленнее.

— Верно, но не из числа тех средств, о которых мы и представления не имеем.

Боб недоуменно взглянул на него.

— Ох, я знаю, что несу чушь… Законы физики и все такое… Но только… знаешь, я все пробую придумать… Мне не нравится, что мы с порога отбрасываем то, что считаем невозможным…

Боб расхохотался.

— Merda, Николай! Знаешь, мне надо было болтать поменьше и давать говорить тебе побольше в те времена, когда мы с тобой лежали на койках друг против друга.

— Боб, я знаю, что я отнюдь не гений…

— Мы тут все гении, Николай.

— Так я же еле плетусь за вами!

— Что ж, может, ты и не Наполеон, а только Эйзенхауэр. Однако не думай, что я по этому поводу стану орошать тебя слезами.

Теперь уже рассмеялся Николай.

— Мне будет сильно не хватать тебя, Боб.

— Спасибо тебе, что ты пошел со мной на встречу с Ахиллом, Николай.

— Из-за этого типа мне все время теперь кошмары снятся!

— Мне тоже.

— Я ужасно рад, что ты привел туда и других. Иту, Амбала, Бешеного Тома. Мне все время казалось, что нам бы и еще человек шесть не помешали, пока он висел на этой проволоке. Когда

увидишь такого, становится ясно, почему людям пришлось изобрести казнь через повешение.

— Когда-нибудь, — сказал Боб, — я понадоблюсь тебе так же сильно, как ты понадобился мне. Я буду готов.

— Я так жалею, что не пошел в твой взвод, Боб.

— Ты был прав тогда, — ответил Боб. — Я просил тебя, так как ты был моим другом, а мне казалось, что мне там будет необходим друг. Но я должен был понять, что ведь и я твой друг, а стало быть, должен чувствовать, что необходимо для тебя.

— Я никогда больше не подведу тебя.

Боб обнял Николая. Тот в ответ крепко прижал его к груди.

Боб вспомнил, как он покидал Землю. Как обнимал сестру Карлотту. Как холодно анализировал ситуацию. Ей это нужно. А мне ничего не стоит. Ладно, обниму ее.

Но теперь я уже не тот ребенок.

Может быть, потому, что я все же пришел на помощь Недотепе. Пусть даже слишком поздно для нее, но я все же заставил ее убийцу сознаться в своем преступлении. Я заставил его заплатить за содеянное, хоть это и не бог весть какая цена!

— Иди к своей армии, Николай, — сказал Боб. — А мне пора на космический корабль.

Он смотрел, как уходит Николай из комнаты, и вдруг с болью подумал, что, возможно, больше они никогда не увидят друг друга.

Капитан Даймек стоял в кабинете майора Андерсона.

— Капитан Даймек, я был свидетелем того, как полковник Графф прощал вам ваши вечные жалобы, ваше вечное постоянное противодействие его приказам, и думал: Даймек, возможно, прав, но я бы никогда не выдержал подобного отсутствия уважения, если бы был его командиром. Я бы вышвырнул его пинком под зад, а в его досье сорок раз вписал бы слово «неповиновение». Думаю, я обязан сказать вам об этом, прежде чем вы опять начнете склочничать.

Даймек только глазами захлопал.

— Итак, приступим. Я жду.

— Это не жалоба, это вопрос.

— Валяйте, спрашивайте.

— Мне казалось, что вы должны были подобрать команду, которая бы в равной степени подходила как для Эндера, так и для Боба.

— Выражение «в равной степени», насколько я помню, никогда не употреблялось. Но если бы вы и были правы, неужели вы не понимаете, что это в принципе невозможно? Я мог бы в несколько

минут отобрать сорок блестящих слушателей, которые эмоционально близки и преданны Эндеру Виггину и одновременно включают в себя дюжину лучших командующих армий нашей школы. Эти солдаты не проявляют и особой враждебности к Бобу. Поэтому, если они обнаружат, что Боб поставлен над ними, они все равно будут работать хорошо.

— Но они никогда не простят ему, что он — не Эндер.

— Думаю, это проблема Боба. А кого я мог послать? Николай — его друг, но эта работа пока не для Николая. Когда-нибудь он будет готов для Тактической, а потом и для Командной школы, но не сейчас. А какие есть еще друзья у Боба?

— Он приобрел уважение многих.

— И потерял его, когда проиграл пять игр подряд.

— Я уже объяснял вам, почему он…

— Человечество не нуждается в объяснениях, капитан Даймек. Оно нуждается в победителях. У Эндера Виггина есть тот огонек, который ведет к победе. А Боб может проиграть пять сражений, как будто это не имеет никакого значения.

— И это действительно не имеет значения. Он извлекает из поражений то, что ему важно для

побед.

— Капитан Даймек, я вижу, что попадаю в ту же ловушку, куда попадал полковник Графф. Вы переступили границу между учительством и адвокатурой. Я бы освободил вас от воспитания Боба, если бы этот спор не стал бессмысленным. Я отсылаю тех ребят, которых выбрал. Если Боб действительно такой гениальный, он найдет способ наладить с ними контакт.

— Да, сэр.

— И уж если вы пришли за консультацией, то вспомните, что Бешеный Том был среди тех, кого Боб отобрал, чтобы выслушать признание Ахилла. И Бешеный Том пошел за ним. Это говорит о том, что чем лучше ребята узнают Боба, тем более серьезно они к нему относятся.

— Благодарю вас, сэр.

— Теперь вы уже не несете ответственности за Боба, капитан Даймек. Вы над ним поработали отлично. Отдаю вам должное. А теперь… идите работайте.

Даймек отдал честь.

Андерсон последовал его примеру.

Даймек вышел из кабинета.

На эсминце «Кондор» команда совершенно не понимала, что им делать с этими ребятишками.

Все они, конечно, слышали кое-что о Боевой школе, а капитан и пилот даже окончили ее в свое время. Но после первых фраз вроде: «В какой армии ты служил? О, в мое время Крысы были самыми боевыми, а Драконы — вечными неудачниками. Как быстро летит время, как все меняется…», больше говорить было не о чем.

Теперь, когда у бывших командующих общих интересов не оказалось, они быстро разбились на группы «по симпатиям». Динк и Петра были старинными друзьями — еще со времен прибытия в школу. Они были значительно старше остальных, так что никто не мог проникнуть в их замкнутый мирок. Алаи и Шен были в той группе новичков, которые прибыли вместе с Эндером, а Влад и Самосвал, командовавшие у Драконов взводами «А» и «Е», принадлежали к племени самых жарких почитателей Эндера, а потому крутились вокруг них. Бешеный Том, Муха Моло и Горячий Супчик создали неразрывный тройственный союз еще в бытность свою Драконами. На уровне личностных отношений Боб и не ожидал, что он войдет в одну из этих групп, но он не был и отвергнут ими. Бешеный Том питал к нему глубокое уважение и частенько втягивал его в разговоры. Если Боб и примыкал к кому-нибудь, так уж скорее всего

именно к группе Бешеного Тома.

То, что их отряд распадался на мелкие группы, Боба тревожило. Ведь все они явно были подобраны, а не взяты наугад. Необходимо, чтобы между ними росло доверие, укреплялись личные связи. Они были подобраны под Эндера — это было видно даже идиоту, — но не дело Боба соблазнять их играть в общие игры, вместе учиться и вообще делать все сообща. Если Боб займется чем-то, что можно будет расценить как претензии на лидерство, вокруг него возникнут куда более высокие, чем сейчас, стены.

Но была тут одна группа, которая казалась Бобу лишней. Впрочем, и в этом отношении он ничего сделать не мог. Старшие ребята явно не считали Петру ответственной за ее, похожую на предательство, попытку задержать Эндера в тот вечер, который предшествовал его смертельной схватке с Бонзо. Боб же думал иначе. Петра была одним из лучших командующих армиями — умной, способной видеть всю картину сражения. Каким же образом Бонзо сумел использовать ее? Конечно, она не могла согласиться на физическое устранение Эндера. Но в лучшем случае она была легкомысленна, а в худшем — могла разыгрывать какую-то свою комбинацию, о которой Боб

понятия не имел. Поэтому и относился к ней настороженно. Плохая штука — недоверие, но что делать?

Все четыре месяца пути Боб провел преимущественно в библиотеке. Теперь он уже не был курсантом Боевой школы и, как он считал, за его чтением здесь не будут следить так же свирепо. Да и нужного оборудования на эсминце быть не может. Поэтому Боб мог выбирать себе любые книги, не боясь того, что о нем подумают учителя.

Он совсем не интересовался военной историей, ни теоретическими военными работами. Труды самых крупных авторитетов в этих областях он изучил еще в школе, равно как и многих менее значительных. Все военные кампании Боб знал досконально. Они были записаны в его памяти и оттуда в случае нужды он мог вызвать самые мелкие детали. А вот что отсутствовало в его памяти, так это общая картина. Как устроен мир? История политическая, социальная, экономическая? Что происходит в различных государствах в мирных условиях? Как начинаются и чем кончаются войны? Как влияют на жизнь стран поражения и победы? Как создаются союзы и как они разваливаются?

И самое важное, но трудноуловимое: что происходит в мире сейчас? Библиотека эсминца располагала текущей информацией, полученной тогда, когда корабль находился в доке Межзвездной станции — МЗС. Там был получен большой ассортимент всяческих документов, тут же заложенных в память компьютера. Боб мог затребовать и дополнительную информацию, но это подразумевало запросы к таким источникам и использование таких каналов связи, что у командира вполне могло возникнуть любопытство — чего это малыш интересуется вещами, совершенно его не касающимися?

Из того, что Боб вычитал на борту, можно было сложить мозаичную общую картину ситуации на Земле и сделать некоторые выводы.

В годы, предшествовавшие Первому Вторжению, различные блоки яростно боролись между собой, используя комбинации террора, «хирургических» ударов, ограниченных военных операций, экономических санкций, бойкотов и эмбарго, чтобы захватить верховенство, сурово предупредить или высказать идеологический или национальный гнев. Когда появились жукеры, Китай как раз вырвался в число доминирующих стран в области военной, экономической

и политической. К этому времени он установил у себя демократические порядки. Северная Америка и Европа претендовали на роль «старших братьев» Китая, но экономический баланс явно складывался в пользу последнего.

Боб видел, однако, в качестве движущей силы истории возрождение Российской Империи. Если китайцы приняли как данность, что они были и будут центром вселенной, то русские, под руководством амбициозных политиканов и автократов-генералов, считали себя исторически обделенными и лишенными того места, которое им принадлежит по праву. Они его теряли в течение нескольких столетий, но теперь пришло время положить этому безобразию конец. Россия силой восстановила Новый Варшавский Пакт, отодвинув его границы туда, где они были в момент наивысшей силы Советов, и даже дальше. Теперь в его границах была и Греция, а перепуганная Турция заявила о своем нейтралитете. На грани объявления нейтралитета находилась вся Европа, так что русская мечта о гегемонии на территории от Тихого океана до берегов Атлантики была близка к осуществлению.

А потом пришли муравьеподобные. Они пронеслись над Китаем, причинив ему колоссальные

разрушения и уничтожив около ста миллионов человек. И сразу же оказалось, что наземные армии безнадежно устарели, а проблемы международного соперничества не имеют никакого значения.

Но указанные события в конечном счете носили поверхностный характер. Русские, используя свое доминирующие положение в организации Полемарха, создали целую сеть своих представительств в ключевых органах Флота. Все было подготовлено к началу острой схватки в борьбе за власть, которая должна была вспыхнуть или в тот момент, когда жукеры будут разбиты, или когда русские сочтут, что положение для них складывается благоприятно. Странно, что русские почти совсем не скрывали своих намерений, но, впрочем, так бывало и раньше. У них всегда отсутствовала склонность к тонкой игре, но зато они обладали потрясающим упорством в борьбе за достижение поставленных целей. Переговоры о самых тривиальных вещах они могли вести десятилетиями. А пока суд да дело, они почти полностью подчинили себе МКФ. Наземные войска, оставшиеся верными Стратегу, имели ограниченные возможности для действия, поскольку не располагали собственным транспортом для

быстрой переброски сил.

Когда война с жукерам кончилась, русские надеялись, что в считанные часы захватят Флот, а значит, и весь мир. Казалось, это неизбежно. Северная Америка не проявляла беспокойства, так как считала, что судьба рано или поздно повернется к ней лицом. Лишь немногие политики видели приближение реальной опасности. Китай и мусульманский мир были настороже, но даже они не были готовы к немедленной конфронтации, опасаясь нарушить хрупкое согласие, которое сделало возможным сопротивление жукерам.

Чем больше Боб погружался в события недавнего прошлого, тем больше он сожалел, что ему предстоит терять время в Тактической школе. Грядущая война будет уделом Эндера и его друзей. И хотя Боб любил Эндера ничуть не меньше, чем они, и с радостью служил бы под его началом, но факты говорили, что он — Боб — им не нужен. Его теперь больше интересовала та война, которая вспыхнет из-за борьбы за мировое господство. Русские *могут* быть остановлены, если сделать необходимые приготовления.

Но затем Боб задал себе еще один вопрос: а *надо ли* их останавливать? Быстрый, кровавый

переворот, который объединил бы мир под одним правительством, он ведь должен положить конец международным войнам, не так ли? И разве не лучше жилось бы народам в условиях всеобщего мира?

Разрабатывая свой план преодоления русской экспансии, Боб столкнулся с проблемой: а какова она будет — эта мировая Российская Империя?

Он пришел к выводу, что она не сможет продержаться сколько-нибудь долгое время. Ибо наряду со своей огромной жизненной силой и энергией русские использовали свою удивительную талантливость для создания самой неэффективной системы государственного управления. Желание же свободы только для себя привело к невероятному развитию коррупции, которая стала просто образом жизни. Конституционного признания необходимости экономической конкуренции, без которого мирового правительства просто не может существовать, здесь не было. Такие институты и ценности были гораздо лучше выражены в Китае, но и Китай в качестве мирового гегемона был лишь бледным эрзацем, который не сумел бы учесть интересы всех наций Земли. А плохое мировое правительство неизбежно рухнет под собственной тяжестью.

Бобу очень хотелось бы обсудить возникшие у него вопросы с Николаем или даже с учителями. Ему здорово мешало то, что его собственные мысли как бы блуждают по кругу, что их не стимулируют чужие соображения и мнения. Ум человека с трудом вырывается из привычной колеи, и ему трудно учиться у самого себя. Тем не менее Боб постепенно продвигался вперед во время четырехмесячного пути и последующего пребывания в Тактической школе.

Занятия тактикой включали множество коротких поездок и визитов на корабли разных типов. Бобу не нравилось, что их внимание концентрируется преимущественно на кораблях устарелых моделей — ему это казалось бессмысленным. Зачем тренировать будущих командиров на кораблях, на которых им фактически не придется сражаться? Но учителя отнеслись к его соображениям с пренебрежением: корабли — это корабли, и чего тут спорить, если новые модели несут пограничную службу на периферии Солнечной системы, а свободных от дела и способных катать ребятишек — просто нет.

Они получили некоторые навыки пилотирования, так как им было уготовлено судьбой стать командирами, которые поведут свои корабли

в сражение. Получили общие представления о вооружении, о том, как корабли приводятся в движение, чего можно от них требовать, а чего — нельзя. Большинство этих сведений им никогда не потребуются. Такие знания Боб усваивал легко, его можно было разбудить ночью, и он тут же был готов вытащить те детали, о которых читал или слышал на уроках. Поэтому во время обучения в Тактической школе, хотя он занимался ничуть не хуже остальных товарищей, Боб большую часть сил своего ума направил на изучение современной политической ситуации на Земле. Так как Тактическая школа находилась на МЗС — Межзвездной Станции, то ее библиотека пополнялась не только такими материалами, которые предписывалось иметь в библиотеках кораблей. Впервые Бобу попали в руки произведения современных ему политологов. Он мог прочесть и те работы, которые приходили из России, и вновь поразиться тому, как открыто выражались там претензии и ожидания русских. Китайские политологи видели нависшую опасность, но, будучи китайцами, не поднимали тревогу и не пытались побудить к сопротивлению другие страны, раздувая в них страх и неуверенность. Китайцы считали, что все, известное в Китае и

заслуживающее внимания, известно и за его пределами. Что касается евроамериканских стран, то там доминировало поразительное невежество, которое напоминало Бобу «стремление к смерти». Конечно, какое-то количество бодрствующих наличествовало и тут. Они возлагали надежды на создание коалиций стран.

Внимание Боба привлекли два политических обозревателя. Демосфен на первый взгляд производил впечатление крикуна, игравшего на чувствах обскурантизма и ксенофобии. Он имел определенный успех и возглавлял довольно сильное политическое движение. Боб не знал, будет ли жизнь при правительстве, возглавляемом Демосфеном, лучше, чем жизнь под русскими, но с Демосфеном по крайней мере можно было спорить. Другой политолог — Локи, — надменный высокоинтеллигентный тип, болтавший о мире во всем мире и союзах стран, судя по всему, исходил из тех же фактов, что и Демосфен, но считал, что русские полны энергией и потенциально способны «руководить» миром, хотя и сомневался, что это руководство будет достаточно «благотворным» для общества. Иногда казалось, — что и Локи, и Демосфен ведут исследования совместно, пользуются одними и теми же источниками,

одной и то же корреспонденцией, но обращаются к совершенно разным аудиториям.

Некоторое время Боб даже развлекался гипотезой, что это один и тот же человек. Но нет — литературный стиль был несхож, да и ход мысли очень различен. Вряд ли мог найтись кто-то, кто сумел бы так гениально разыграть публику.

Кто бы они ни были, но они наиболее четко видели современную ситуацию. Боб принялся обдумывать свое эссе о послежукеровском мире в форме письма к Локи и Демосфену. Частного письма. Анонимного. Боб считал, что чем более известными будут обозреватели, тем скорее его идеи начнут плодоносить.

Припомнив свои былые деяния, Боб провел некоторое время в библиотеке, наблюдая, как офицеры команды подключаются к Сети, и вскоре у него набралось шесть паролей, которыми он мог воспользоваться. Затем он набрал письмо Локи и Демосфену, разделив его на шесть частей, и отправил в Сеть, пользуясь для каждой части разными паролями. Вся операция заняла буквально несколько минут. Все это Боб проделал в то время, когда в библиотеке толклось много народа. При этом он обеспечил себе алиби тем, что включил в Сеть свой компьютер, как будто

играл в какую-то игру. Он сомневался, что можно будет определить, бездействовал ли фактически в это время его компьютер. Но даже если бы им удалось проследить его письмо, что ж, ничего не поделаешь. По всей вероятности, ни Локи, ни Демосфен этого делать не станут, тем более что Боб сам просил в письме не разыскивать его. Они или поверят ему, или не поверят, согласятся с его выводами или не согласятся, а дальше — чего тут загадывать. Он написал им о реально существующих опасностях, о стратегии русских и о том, какие шаги следовало бы предпринять, чтобы они не преуспели в своих намерениях в случае благополучного завершения войны.

Одним из важнейших пунктов в анализе Боба был вопрос о детях, обучающихся в Боевой, Тактической и Командной школах, которых было необходимо вернуть на Землю как можно быстрее, если жукеры будут разбиты. Ведь если они останутся в Космосе, то или попадут в лапы русских, или окажутся в изоляции и не смогут быть востребованы МКФ. А ведь эти дети — самые изощренные военные теоретики и практики, которых породило человечество в этом поколении. Если ему придется бороться с могучей мировой державой, то именно эти блестящие полководцы

смогут противостоять агрессии русских.

Через день Демосфен выдал в Сеть свое новое эссе, которое призывало закрыть Боевую школу и вернуть детей родителям. «Они похитили наших самых талантливых детей. Наши Александры и Наполеоны, наши Роммели и Патоны, наши Цезари и Фридрихи, Вашингтоны и Саладины заключены в башню, до которой мы не можем добраться, где их держат в плену и они не могут помочь своим народам освободиться от угрозы русской агрессии. А кто может сомневаться в том, что русские захватят этих детей и используют в своих интересах? А если им это не удастся, то они всегда смогут прибегнуть к услугам хорошо нацеленной ракеты, которая разорвет детей на куски, лишив нас наших будущих военных лидеров и руководителей». Великолепная демагогия, бьющая на то, чтобы вызвать взрыв страха и гнева. Боб отлично понимал, какой переполох поднимется среди военных, когда их драгоценная Боевая школа превратится в политическую проблему. Это была именно та проблема, которая должна была вызвать взрыв эмоций, и Демосфен, конечно, не мог ее упустить. Оглушительным эхом по всему миру отзовутся и националисты всех цветов. И поскольку речь шла о детях, которые должны

были вернуться домой, никто из политиканов не сможет выступить против предложения, чтобы все дети из Боевой школы вернулись домой в ту же минуту, когда война кончится. И не только это. Локи подключился тоже, бросив на весы свой интеллектуальный престиж, и открыто поддержал идею возвращения детей: «Пусть флейтист получит свою плату, пусть избавит нас от нашествия крыс, а затем вернет домой наших детей».

Я увидел, я написал, и мир чуть-чуть изменился. Какое чудесное ощущение! Вся деятельность Тактической школы ничего не стоит в сравнении с тем, что я сделал. Бобу ужасно хотелось ворваться в свой класс и рассказать всем о своем триумфе. Но он знал: они посмотрят на него как на сумасшедшего. Они вообще ничего не знают о современном мире, они не ощущают своей ответственности перед ним. Они живут в своем узком военном мирке.

Через три дня после того, как Боб послал письмо Локи и Демосфену, ребята пришли в класс и узнали, что им предстоит немедленно отправиться в Командную школу вместе с Карно Карби, который учился с ними в Тактической, только на курс старше. Они провели на МЗС всего три месяца.

Боб подумал, не сыграло ли роли в изменении

сроков обучения его письмо. Если возникла опасность преждевременного возвращения детей на Землю, то МКФ вполне мог перевести свою элиту туда, откуда ее забрать будет почти невозможно.

22. Снова вместе

— Мне кажется, мы должны поздравить вас с тем, что вам удалось исправить вред, нанесенный Эндеру вами же.

— Сэр, при всем уважении к вам, я обязан указать, что никакого вреда нанесено не было.

— О, тем лучше, значит, мне вообще не надо вас поздравлять. Надеюсь, вам понятно, что ваш статус здесь — статус наблюдателя.

— Я надеюсь, что он не исключает права давать советы, основанные на опыте многолетнего общения с этими детьми?

— Командная школа тоже работает с детьми много лет.

— Осмелюсь сказать, сэр, что Командная школа работает уже с подростками. С амбициозными, полными энергии и готовыми к конкуренции тинэйджерами. Кроме того, у нас есть очень ценные материалы по каждому ребенку именно из этой группы, и я знаю о них такие вещи, которые

должны быть учтены.

— Эти сведения вы должны были отразить в ваших докладах.

— Они там есть. Но при всем уважении к вам, я должен выразить сомнение в том, что у вас есть люди, которые так изучили эти доклады, *Что* нужные детали сами придут им в голову как раз в то время, когда нам они будут насущно необходимы.

— Я буду к вам обращаться за советами, полковник Графф. И перестаньте уверять меня в вашем уважении, ибо на самом деле вы чуть не в лицо сообщаете мне, что считаете меня почти идиотом.

— Я полагаю, что бессрочный отпуск был избран как орудие моего исправления. Вот я и пытаюсь доказать вам, что я действительно исправился.

— Есть ли какие-либо детали, касающиеся этих детей, которые пришли вам на ум именно в данную минуту?

— Есть одна, очень важная, сэр. Поскольку очень многое зависит от того, что известно Эндеру и что ему не известно, важно, чтоб он был изолирован от остальных детей. Во время тренировок он, разумеется, может присутствовать,

но ни при каких обстоятельствах вы не должны разрешать им свободно беседовать или делиться информацией.

— Это еще почему?

— Потому, что если Боб узнает об ансибле, он сразу поймет смысл всей нашей ситуации. Правда, он и без этого может все понять. Вы даже представить себе не можете, насколько трудно утаить от него информацию. Эндер куда более доверчив, но он не сможет выполнить свое предназначение, если не будет знать об ансибле. Понимаете, они ни на минуту не должны свободно общаться друг с другом. Даже разговоров на эту тему вести нельзя.

— В таком случае Боб не сможет выполнить роль дублера и помощника Эндера, так как это предусматривает знание об ансибле.

— Тогда это уже не будет иметь значения.

— Но именно вы являетесь автором предположения, что только ребенок…

— Сэр, к Бобу это не относится.

— Потому что…

— Потому что он не человек.

— Полковник Графф, я от вас чертовски устал.

Полет до Командной школы длился четыре месяца. Все это время ребят продолжали обучать,

да так усиленно, что на борту стремительно несущегося космического крейсера они успели получить представления о математических основах выбора цели, баллистике, определении типа взрывчатых материалов и вообще всего, относящегося к вооружению. Кроме того, из них вновь попытались составить настоящую команду. Вскоре стало совершенно очевидно, что самым лучшим учеником в этой команде является Боб. Он все усваивал мгновенно, и вскоре все остальные стали обращаться к нему за объяснением тех вопросов, в которых им сразу разобраться не удалось. И если в предыдущем полете Боб имел самый низкий статус, чуть ли не чужака, то теперь он тоже был одинок, но уже потому, что его статус стал неимоверно высок.

Боб попытался справиться с этой новой ситуацией, потому что в дальнейшем ему предстояло действовать как члену команды, а не как ментору или эксперту. Теперь стало необходимо проводить с остальными все свободные часы, отдыхать вместе с ними, шутить, смеяться над всякими байками, касающимися жизни Боевой школы. И даже того, что было до их поступления в школу.

Ибо теперь табу, наложенное школой на разговоры о доме, было снято. Все с радостью

вспоминали своих родителей, которые теперь превратились в полузабытые фигуры, но все еще продолжали играть в жизни детей важную роль.

Тот факт, что у Боба не было родителей, вызвал к нему особое отношение, но он ухватился за возможность рассказать о своих детских воспоминаниях. О том, как прятался в туалетном бачке. О стороже-испанце, который взял его к себе. О том, как умирал с голоду на улицах и выжидал момента удачи. Как изложил Недотепе план разборки с хулиганами. Как наблюдал за Ахиллом, как восхищался им, как боялся его, когда тот создавал свою маленькую «семью». О том, как Ахилл сначала вытеснил Недотепу, а потом убил ее. Когда он рассказывал, как нашел ее труп, плавающий в воде, многие плакали от жалости.

Сильнее всего рыдала Петра.

Естественно, что она, стыдясь своей эмоциональности, выбежала и скрылась в привычном уюте казармы. Возникла редкая возможность поговорить с ней наедине. И Боб ею воспользовался, вскоре последовав за Петрой.

— Боб, я не хочу сейчас разговаривать.

— А я хочу, — сказал Боб. — Есть кое-что, что нам нужно выяснить. Ради интересов всей нашей команды.

— Да разве мы единая команда?

— Петра, ты узнала о моем самом постыдном поступке за всю жизнь. Ахилл был опасен, а я ушел и оставил Недотепу с ним наедине. И из-за этого она погибла. Это воспоминание жжет меня, я помню о нем всегда. Каждый раз, когда мне хорошо, я вспоминаю Недотепу, вспоминаю, что обязан ей жизнью, вспоминаю, что не сумел ее спасти. И каждый раз, когда я привязываюсь к кому-то, я боюсь, что предам их так же, как предал Недотепу.

— Зачем ты говоришь мне это, Боб?

— Потому что ты предала Эндера, и мне кажется, что это тебя гложет.

В ее глазах полыхнул гнев.

— Ничего подобного не было! И грызет это тебя, а вовсе не меня.

— Петра, независимо от того, признаешься ты себе в этом или нет, когда ты пыталась задержать Эндера в тот вечер в коридоре, не могло быть, чтобы ты не понимала, что делаешь. Я видел тебя в бою. У тебя острый ум, ты замечаешь все. В ближайшем будущем ты станешь лучшим командиром-тактиком в нашей команде. Абсолютно невозможно, чтобы ты не видела, что коридор кишит шпаной Бонзо, намеревающейся

избить Эндера до полусмерти. И что делаешь ты? Пытаешься остановить его, оторвать от солдат его армии.

— И ты меня остановил, — сказала Петра. — А теперь судишь, что ли?

— Я должен знать, почему ты это сделала.

— А я тебе, карлик, ничего не должна!

— Петра, когда-нибудь нам придется драться бок о бок. Мы должны доверять друг другу. Я не доверяю тебе, потому что не знаю, зачем ты так поступила. А ты не веришь мне, так как я не доверяю тебе.

— Господи, какую же паучью сеть мы сплели…

— Не понимаю, что ты этим хочешь сказать?

— Так говаривал мой отец. О, какую паучью сеть мы сплели в ту минуту, когда попытались впервые обмануть друг друга.

— Точно. Вот и давай расплетем ее.

— Нет, это ты плетешь ее для меня! Боб, ты знаешь вещи, о которых не говоришь другим. Думаешь, я этого не вижу? Ты хочешь восстановить мое доверие к тебе, но сам не говоришь мне то, что нужно для этого.

— Я открыл тебе свою душу.

— Ты рассказал мне лишь о своих *чувствах*, — ответила она презрительно. — Отлично! Приятно

знать, что они у тебя есть или даже хотя бы думать, что ты считаешь нужным заставить других верить, что у тебя есть чувства. Кто знает, что верно — первое или второе! Но ты ни разу не сказал нам, черт бы тебя побрал, что происходит здесь на самом деле? Мы думаем, тебе это известно.

— У меня есть только догадки.

— Учителя сообщали тебе в Боевой школе такие вещи, о которых мы и представления не имели. Ты знал, как зовут каждого слушателя в школе, ты вообще знал массу вещей про нас. Про всех. Ты знал даже то, что тебя никак не касалось.

Боб просто онемел, когда увидел, что его доступ к источникам специальной информации был хорошо известен Петре. Может, он допустил какую-то оплошность? Или она исключительно наблюдательна?

— Я взломал их файлы с личным составом школы.

— И они тебя не поймали?

— Думаю, они знали. С самого начала. А уж потом — без сомнения. — Боб рассказал Петре, как он составлял список армии Драконов.

Петра резко повернулась и, обращаясь к потолку, воскликнула:

— Ты подобрал их? Все эти отбросы из других

армий, всех недоносков-новичков? Их выбрал *ты?*

— Кто-то же должен был это сделать. А учителя в этом деле не петрили.

— Значит, Эндер получил лучших? Он *не сделал* их лучшими, они *уже были* такими?

— Лучшими из тех, кто не был в составе других армий. Я — единственный из новичков, попавших в Драконы, вошел в состав нашей группы. Ты, Шен, Динк, Алаи, Карн не были в Драконах, но явно принадлежите к числу лучших. Драконы выигрывали сражения не только потому, что были хороши сами по себе, но и потому, что Эндер знал, что с ними делать.

— Тот уголок вселенной, в котором я живу, перевернулся вверх дном!

— Петра, то, что я тебе рассказал, — это бартерная сделка.

— Вот как?

— Объясни, почему ты стала Иудой тогда — в Боевой школе.

— Да я и была Иудой, — ответила ему Петра. — Как тебе такое объяснение?

Бобу стало тошно.

— Как ты только можешь сказать такое! Стыда у тебя нет!

— Ты уж совсем сдурел! — ответила Петра. — Я делала то же самое, что делал ты. Старалась спасти жизнь Эндера. Я знала, что Эндер тренировался для рукопашной схватки, а вся эта шпана — нет. Я тоже тренировалась. Бонзо довел свое хулиганье до белого каления, но дело в том, что они и Бонзо не слишком-то любили. А он все продолжал натравливать их на Эндера. Поэтому, думала я, если их разогреть еще немножко, то они бросятся на Эндера прямо там — в коридоре, где было полно и Драконов, и солдат из других армий, которые, конечно, встали бы на защиту Эндера. Места там мало, и до Эндера добралось бы всего несколько душ, так что он отделался бы всего лишь синяками да разбитым носом. А из боя вышел бы с честью. Ну а подонки тоже получили бы свое удовольствие. Все расчеты Бонзо пошли бы коту под хвост и он опять оказался бы в полном одиночестве. А Эндеру больше ничто уже не угрожало бы.

— Знаешь, ты, пожалуй, уж очень полагалась на свое умение работать кулаками.

— И на умение Эндера. Мы оба были хорошо подготовлены и находились в отличной форме. Я знаю, что Эндер без слов понимал, что я делаю, и единственная причина, по которой он отказался

от этого плана, — это ты.

— Я?

— Он же видел, что ты суешь свой нос повсюду! А тебе бы они тут же проломили башку, это уж точно. Поэтому он решил избежать побоища в коридоре. А это значит, что он из-за тебя на следующий день вляпался в действительно опасную схватку. Эндер был один, и некому было его поддержать или защитить его спину.

— Но тогда почему ты этого раньше не объяснила?

— Потому что ты был единственным, кроме Эндера, кто видел в коридоре, что я что-то затеваю, а мне на твое мнение было глубоко наплевать тогда, да и сейчас оно меня не слишком-то колышет.

— Это был жутко дурацкий план, — сказал Боб.

— Уж получше твоего, — парировала Петра.

— Ладно, как я полагаю, нам уж никогда не узнать, насколько дурацким был твой план. Зато знаем точно, что мой попал в яблочко.

Петра послала ему короткую, но не слишком доброжелательную улыбку.

— Ну и что с того? Теперь ты снова будешь мне доверять? И мы вернемся к нашей былой нежной дружбе, которая связывала нас так крепко?

— Знаешь что, Петра? Вся твоя враждебность меня нисколько не задевает. По сути дела, ты зря расходуешь на меня силы. Ведь я все равно действительно твой самый верный друг в сравнении с прочими.

— Да неужто?

— Да, честно. Потому что я единственный из наших ребят, кто согласился бы быть под командованием девчонки.

Он-а помолчала, глядя на него ничего не выражающим взглядом.

— Знаешь, я давно уже бросила переживать из-за того, что я девчонка.

— А мальчишки — нет. И ты это знаешь. Ты знаешь, что их до сих пор беспокоит, что ты не одна из них. Они, конечно, относятся к тебе по-дружески, особенно Динк, и ты им даже нравишься. И в то же время… Сколько девчонок было в Боевой школе? Около дюжины? И ни одна из них, кроме тебя, не стала первоклассным солдатом. Они не принимают тебя всерьез.

— А Эндер принимает, — сказала Петра.

— И я — тоже. Кстати, все ребята знают о том, что произошло в коридоре. Но знаешь ли ты, почему никто из них не завел с тобой такого разговора?

— Почему?

— Потому что считают тебя дурой, которая не понимает, как близко подвела Эндера к тому, чтобы его каблуками вбили в палубу. Я единственный, кто настолько уважает тебя, чтобы поверить — ты никогда не совершила бы такую глупость случайно.

— Думаешь, я должна чувствовать себя польщенной?

— Я думаю, ты должна перестать рассматривать меня как врага. Ты в этой группе почти такой же аутсайдер, как и я. И когда дело дойдет до настоящего сражения, надо чтобы хоть кто-то относился к тебе так же серьезно, как ты сама относишься к себе.

— Нечего раздавать мне подарки!

— Ладно, ухожу.

— И самое времечко.

— А когда ты вдумаешься как следует, когда поймешь, что я прав, тебе не надо будет извиняться. Ты плакала над судьбой Недотепы, и этого достаточно, чтобы сделать нас друзьями. Ты будешь доверять мне, а я тебе, вот и все.

Петра начала было что-то говорить, но Боб уже вышел и не разобрал ее слов. Так уж Петра устроена — всегда действует круто. Для Боба это все не

имело значения. Он знал, что они сказали друг другу все, что надо было сказать.

Командная школа находилась при штабе Флота, а ее местонахождение было одним из наиболее охраняемых секретов. Единственным способом узнать его было прикомандирование к Штабу, но очень немногим людям, которым это выпало на долю, удалось вернуться на Землю.

Перед самым прибытием туда ребят кратко проинструктировали. Штаб Флота располагался на блуждающем астероиде Эрос. Когда они подошли поближе к нему, оказалось, что Штаб находится внутри астероида. На поверхности не было видно ничего, кроме небольшого дока. Они перешли на минишаттл и совершили на нем пятиминутный полет к поверхности небесного тела. Там мини-шаттл скользнул внутрь, как им показалось, естественной пещеры. Откуда-то возникла какая-то огромная змеевидная труба, которая обволокла шаттл и полностью изолировала его. При нулевой силе тяжести ребята вылезли из шаттла, чем-то похожего на школьный автобус. Воздушный поток всосал их, подобно огромному пылесосу, прямо во чрево Эроса.

Боб сразу понял, что это место создано не человеческими руками. Туннели были слишком

низки, так что их потолки пришлось в дальнейшем приподнять. Нижняя часть стен была совершенно гладкая, тогда как верхние полметра носили следы человеческих орудий. Надо думать, авторами постройки являлись жукеры, еще в те времена, когда они готовили Второе Вторжение. То, что было тогда их передовой базой, теперь стало центром Международного Космического Флота. Боб попытался представить себе битву, разгоревшуюся из-за этого астероида. Жукеры кишели в туннелях, наша пехота рвалась вперед, используя взрывчатку, чтобы сжечь коварного врага. Полыхали яркие вспышки света. А потом производили зачистку — трупы жукеров вытаскивали из туннелей, которые затем превращались в жилье для людей.

Вот откуда пошли наши новейшие технологии, думал Боб. У жукеров были машины, изменявшие силу тяжести. Мы узнали, как они работают, построили собственные, установили их в Боевой школе и там, где в них была нужда. Но МКФ не сообщал о них. Люди испугались бы, знай они, какими высокими технологиями располагают жукеры.

А что еще мы узнали от них?

Боб заметил, что и другие ребята пригибаются,

проходя туннелями жукеров. Комната, в которую они попали, имела в высоту около двух метров. Ни один из ребят, конечно, не был такого роста, но все равно людям тут было как-то некомфортно. Все время казалось, что потолок туннелей, хотя он и был поднят, того и гляди рухнет им на голову. Конечно, раньше — до того, как туннели были углублены, — было еще хуже. Вот Эндеру тут было бы интересно. Конечно, он тоже ненавидел бы эту обстановку, так как был человеком. Однако это место дало бы ему пищу для изучения психологии жукеров, что его очень интересовало. Конечно, понять разум инопланетных существ невозможно. Но здесь был шанс хотя бы попытаться это сделать.

Ребят разместили в двух комнатах. Петра получила крошечную отдельную каморку. Помещения были еще более голыми, чем в Боевой школе, и всех непрерывно преследовал холод камня, в который они были замурованы. На Земле камень был прочным. А в космосе он почему-то ощущался как нечто пористое. Внутри камня было множество пузырьковых пустот, и Бобу все время казалось, что через них воздух постепенно вытекает наружу. Воздух вытекает, а на его место вползает космический холод и что-то еще — мо-

жет, личинки жукеров, которые прокладывают себе ходы в камне, как земляные черви в грунте, а потом вдруг вылезут из пузырьковых пустот ночью, когда в комнате темно, и поползут по лбу, читая мысли и…

Боб проснулся, тяжело дыша, крепко прижимая ко лбу ладонь. Он был так напуган, что не мог рукой пошевелить. Неужели что-то и в самом деле проползло по нему?

Ладонь оказалась пуста.

Хотелось снова уснуть, но побудка была уже так близка, что не стоило надеяться на сон. Боб лежал, думая о разном. Конечно, жуткий сон о личинках жукеров — просто кошмар. Не было у них шансов остаться в живых. Но что-то будило в нем чувство страха. Что-то беспокоило его, но догадаться, что это такое, Боб никак не мог.

Почему-то припомнился разговор с одним из местных техников, который обслуживал имитаторы. Что-то случилось с имитатором Боба во время тренировки, и внезапно маленькие световые пятнышки, обозначающие корабли, летящие в трехмерном пространстве, вышли из-под его контроля. К удивлению Боба, они не вернулись на те места, где им был отдан предыдущий приказ. Вместо этого они начали сходиться, расходиться

и даже менять цвет, как будто перешли под чей-то чужой контроль.

Когда пришел техник и заменил перегоревший чип, Боб спросил его, почему корабли не остановились или просто не стали дрейфовать куда-то? Техник ответил:

— Это часть имитации. Ведь здесь имитируются действия капитанов или пилотов кораблей. Адмирал, отдающий им приказ, — это ты, но в каждом корабле присутствует имитация капитана и пилота. Когда твой контакт с ними прерывается, они начинают действовать самостоятельно, как действовали бы реальные люди, если бы потеряли контакт со своим командованием. Сечешь?

— Мне это представляется излишним усложнением игры.

— Слушай, мы на работу над этими имитаторами угробили чертову прорву времени, — сказал техник. — Они точно воспроизводят боевую обстановку.

— За исключением, — сказал Боб, — временного лага.

Техник тупо посмотрел на Боба, будто не понимая, что он говорит.

— Ага, правильно! Временной лаг!

А он тут просто был ни к чему. Вот этот непонимающий взгляд и встревожил Боба. Эти имитаторы были почти совершенны. Они имитировали сражения с максимальной точностью, но тем не менее почему-то не учитывали временного лага, который был присущ связи, работавшей со скоростью света. Расстояния, которые имитировались, были достаточно велики, чтобы разница во времени между отдачей приказа и его получением составляла несколько секунд. Здесь же связь принималась как мгновенная. А когда Боб задал тот же вопрос учителю, который обучал их основам работы с имитаторами, тот отмахнулся от него:

— Это всего лишь имитация. У вас еще будет возможность привыкнуть к временному лагу, когда начнутся тренировки в натуре.

Уже тогда это показалось Бобу примером тупого военного мышления, но теперь он почувствовал глубоко спрятанную ложь. Если в программе были запрограммированы даже реакции пилотов и капитанов на случай утери связи, то и временной лаг в ней должен был обязательно присутствовать. Причина, по которой эти корабли имитировались с немедленной реакцией на приказ, заключалась в том, что такая имитация военных действий точно соответствовала ре-

альности.

Лежа в темной казарме, Боб сделал окончательный вывод. Если подумать хорошенько, то этот вывод сам напрашивался. Контроль над гравитацией был не единственной новинкой, позаимствованной у жукеров. Другой новинкой была связь быстрее скорости света. Это был полный секрет для жителей Земли, но их корабли могли общаться друг с другом мгновенно.

А если могут корабли, то почему не может Штаб флота на Эросе? Какова же дальность такого рода связи? Может быть, расстояние вообще не играет роли? Или эта связь просто быстрее света, и на каких-то огромных расстояниях у нее появляется свой временной лаг?

Ум Боба метался между этими возможностями и теми последствиями, которые из них вытекают. Наши патрульные корабли могут сообщать о приближении врага задолго до того, как его корабли появятся вблизи Земли. Они, надо думать, за многие годы могут предупредить о силах врага и об их скорости. Вот почему учителя стали так торопиться с нашим обучением — они давным-давно знали о начале Третьего Вторжения.

И сразу пришла другая мысль: если это новая связь не зависит от дальности, тогда мы можем

разговаривать даже с нашим атакующим флотом, который послан против планеты муравьеподобных сразу после окончания Второго Вторжения. Если наши звездолеты шли со скоростью, близкой к скорости света, относительный временной дифференциал, конечно, затрудняет связь, но уж если превращать чудеса в быль, то и эта трудность вполне разрешима. Тогда нам результат нападения на планету жукеров станет известен спустя несколько мгновений после завершения самой операции. А если эта связь такая мощная, то при наличии многих несущих частот Штаб мог бы наблюдать за ходом сражения и даже ввести его в имитаторы…

Имитация битвы… Каждый корабль экспедиционного корпуса непрерывно подает сигналы о своем местонахождении. Мы получаем эти данные, вводим их в компьютер… и что из этого получаем? Ту самую имитацию, с которой имеем дело, когда тренируемся.

Мы тренируемся командовать кораблями, которые находятся не вблизи Солнечной системы, а во многих световых годах от нее! Посланы в рейд капитаны и пилоты, а адмиралы, которые будут ими командовать, — они здесь! Их отбирали в течение нескольких поколений. Они — это мы!

Это озарение поразило Боба как молния. Он сам не осмеливался поверить в такую возможность, хотя в ней было куда больше смысла, нежели в других, куда более реалистических сценариях. Во-первых, прекрасно объяснялось то, что они тренировались с кораблями устарелых моделей. Флот, которым им предстояло командовать, был построен много лет назад, когда эти модели были новенькими и самыми лучшими.

Нас тащили через Боевую школу и Тактическую не потому, что флот жукеров приближался к Солнечной системе. Нас торопили, так как *наш* флот приближался к миру жукеров.

Все так, как сказал Николай: нельзя вычеркивать невозможное, потому что неизвестно, какие именно наши предположения о том, что возможно в глубинах вселенной, окажутся совершеннейшей чушью. Боб не мог додуматься до этого, самого рационального, объяснения только потому, что был зашорен представлением, будто скорость света лимитирует и скорость движения кораблей, и скорость связи. Но стоило приподнять лишь уголок покрова тайны, и Боб смог открыть ум новым идеям. Теперь он проник в тайное тайных.

Когда-нибудь во время тренировки, да в общем-

то в любую минуту, без всякого предупреждения о том, что происходит, кто-то повернет переключатель и окажется, что мы командуем реальными кораблями в реальном сражении. А мы будем думать, что это игра, хотя на самом деле будем в самом центре смерти и огня.

Нам не говорят об этом, потому что мы еще дети. Они предполагают, что мы не сумеем справиться со своей натурой, если будем знать, что наши решения ведут к смерти людей и к колоссальным разрушениям. И что когда мы теряем свой корабль, гибнут вполне реальные люди. Они держат все в секрете, чтобы защитить нас от наших же переживаний.

Кроме меня. Потому что *я знаю.*

Вся тяжесть этого знания рухнула на его плечи, и он ощутил, что ему не хватает воздуха. Теперь я знаю. Как это может отразиться на моей игре? Этого я не должен допустить. Я и без того играю на пределе своих возможностей. Я не могу играть ни быстрее, ни решительнее. Зато хуже — могу. Могу замешкаться. Могу отвлечься. Благодаря этим тренировкам мы знаем, что победа зависит от того, насколько ты способен забыть обо всем, кроме того, что ты делаешь в данный момент. Ты должен держать в памяти одновременно все свои

корабли. Только тот корабль, который не нужен в данную минуту, может быть вытеснен из памяти. Но если думаешь о мертвых, о разорванных телах, о людях, у которых ледяной космос высасывает из легких последний глоток воздуха, разве можно продолжать игру, зная, чем она является в действительности?

Учителя правы, скрывая от нас правду. И если они узнают, что мне она известна, меня снимут с игры.

Значит, придется пойти на подлог.

Нет, мне следует потерять веру в то, что я же придумал. Я должен забыть о правде. *Это неправда!* Правда — это то, что нам говорили учителя. Имитация игнорирует скорость света в проблеме связи. Нас тренируют на старых судах, так как новые заняты или их нельзя сейчас получить для таких маловажных дел. Сражения, к которым нас готовят, будут с муравьеподобными, которые угрожают вторгнуться в нашу Солнечную систему. Мне приснился кошмарный сон. Ничто не может быть быстрее скорости света. Информация никогда не сможет передаваться быстрее.

Кроме того, если мы действительно послали флот вторжения к планете жукеров очень давно, то он не нуждается в маленьких ребятишках,

чтобы им командовать. С этим флотом пошел сам Мейзер Ракхейм, без него тот флот не спустили бы со стапелей. Мейзер Ракхейм все еще жив благодаря релятивистским изменениям во времени при полете на скоростях, близких к световым. Для них, возможно, прошло всего несколько лет. И он готов к бою. Мы для этого не нужны.

Вот и дыхание наладилось. Успокоилось сердцебиение. Нельзя давать такую свободу своей фантазии. Какой стыд, если бы кто-то узнал, какая идиотская гипотеза приснилась мне во сне! Никому и никогда не скажу об этом. Игра — это всего лишь игра.

По интеркому раздался сигнал побудки. Боб выскочил из койки — на этот раз она у него была нижняя — и совершенно спокойно присоединился к Бешеному Тому и Горячему Супчику, пока Муха Моло разводил свою утреннюю бодягу, а Алаи молился. Потом Боб отправился в столовую, где съел обычную порцию. Все как обычно. Даже в том, что его желудок не сработал в обычное время, не было ничего странного. Правда, целый день у Боба почему-то бурчало в животе, а потом его даже стошнило. Чего не бывает с недосыпа?

Подошли к концу три месяца, проведенные на Эросе. Изменился характер работы на ими-

таторах. Как и раньше, под контролем ребят находились все корабли, но теперь некоторым из них команды отдавались голосом, хотя приказы дублировались и с помощью клавиатур.

— Это чтобы приблизиться к боевым условиям, — сказал руководитель.

— В бою, — сказал Алаи, — мы должны знать офицеров, которым отдаем команды.

— Это имело бы значение в том случае, если бы вы зависели от них в получении информации, но вы от них в этом не зависите. Вся необходимая вам информация подается прямо в имитационную машину и возникает на дисплее. Поэтому вы передаете приказы голосом, а также клавиатурой. Примите за данное, что вашим приказам повинуются. Ваши учителя будут следить за приказами, которые вы отдаете, чтобы научить вас быть немногословными и решать мгновенно. Вам придется также овладеть техникой переключения аппаратуры при разговоре между вами и капитанами ваших кораблей. Это просто, вы скоро разберетесь. Говоря друг с другом, вы поворачиваете головы вправо или влево, в зависимости от положения того, к кому вы обращаетесь. Но когда ваше лицо обращено к дисплею, ваш голос донесется до того корабля или

флотилии, чей шифр вы набрали на клавиатуре. А чтобы адресоваться ко всем своим кораблям сразу, надо выдвинуть подбородок вперед. Вот так, как я вам показываю.

— А что произойдет, если мы задерем головы вверх? — спросил Шен.

Алаи вмешался раньше, чем преподаватель успел ответить:

— Ты будешь разговаривать с самим Богом.

Когда смех утих, преподаватель сказал:

— Ты почти прав, Алаи. Если ты поднимешь подбородок, то будешь говорить со своим командующим.

Несколько голосов сказали почти хором:

— С *нашим* командующим?

— Ну не думаете же вы, что мы тренируем вас всех сразу на должность самого высокого ранга, верно? Нет, нет. Вот сейчас я назначу наугад кого-нибудь из вас командующим, чтобы попрактиковаться. Ну-ка… вот ты, малыш. Боб!

— Вы предлагаете мне быть командующим?

— Для практики. Или ты недостаточно компетентен? Или остальные не захотят тебе подчиняться?

Остальные ответили с некоторым оттенком недовольства, что Боб, конечно, компетентен и

что они, разумеется, пойдут за ним.

— Но в то же время Боб не выиграл ни одного сражения в бытность его командующим армией Кроликов, — буркнул Муха Моло.

— Вот и прекрасно. Значит, вам придется возложить на себя бремя и заставить малыша выиграть, несмотря на отсутствие у него стремления к победе.

Вот так и получилось, что Боб вступил в обязанности командующего над десятью ребятами из Боевой школы. Это вызвало возбуждение, так как ни он, ни остальные ни минуты не сомневались, что выбор преподавателя не был случайным. Все знали — на имитаторах Бобу нет равных. Петра как-то сказала ему после очередной тренировки:

— Черт тебя побери, Боб, мне кажется, у тебя в башке есть карта со всеми данными, так что ты можешь играть, закрыв глаза.

Это была почти правда. Ему не надо было вглядываться в дисплей, чтобы знать, кто и где находится. Он все держал в голове.

Им потребовалось два дня, чтобы сгладить все углы. Они принимали приказы от Боба, а затем голосом передавали их своим собственным капитанам, одновременно подтверждая их клавиатурой. Сначала ошибок было изрядно, головы

поворачивались не туда, куда надо, вопросы, ответы, приказы направлялись не тем, кому предназначались. Но вскоре все стало делаться почти инстинктивно.

Потом Боб настоял, чтобы другие ребята тоже по очереди изображали бы командующего. Он сказал:

— Мне тоже нужно выполнять приказы, как и другим, а также научиться поворачивать голову вверх и вбок, чтобы разговаривать.

Учитель согласился, и Боб за день изучил всю эту технику не хуже других.

То, что другие ребята стали по очереди занимать место командующего, принесло неожиданный результат. Хотя ни один из них не опозорился, но вскоре всем стало ясно, что Боб куда быстрее и объемнее схватывает развитие ситуации и лучше запоминает все приказы, отдаваемые голосом.

— Ты не человек, — сказала ему Петра. — Никто не может сделать того, что делаешь ты.

— Я настолько человек, — мягко ответил Боб, — что даже знаю другого человека, который сделает это еще лучше.

— И кто же это? — недоверчиво спросила она.

— Эндер.

Все замолчали.

— Ага, но его тут нет, — сказал Влад.

— Откуда ты знаешь? — ответил Боб. — Насколько я знаю, он давно уже тут.

— Чушь! — взорвался Динк. — Тогда почему он не тренируется с нами? Зачем эта секретность?

— А они обожают секретность, — сказал Боб. — И еще потому, что его тренируют не так, как нас. А может быть, еще и потому, что они хотят нам сделать подарок в виде Эндера, ну как на Рождество.

— А еще, может быть, потому, что у тебя башка набита дерьмом, — завершил разговор Самосвал.

Боб только засмеялся. Конечно, это будет Эндер. Наша группа подобрана специально под него. Учителя возложили на Эндера все свои надежды. Причина того, что они возложили на Боба обязанности и.о. командующего, заключается в том, что Боб — дублер Эндера. Если у Эндера в разгар военных действий вдруг обнаружится приступ аппендицита, управление перейдет к Бобу. Боб начнет отдавать приказы, решать, какие корабли следует принести в жертву, чьи люди должны погибнуть. Но до этого все будет решать Эндер, и для Эндера это будет только игра. Ни смерти, ни страха, ни вины. Всего лишь… игра.

Конечно, это будет Эндер. И чем раньше, тем

лучше.

А на следующий день их руководитель сказал им, что командующим у них теперь будет Эндер Виггин, и они с ним встретятся в полдень. Когда же он увидел, что никто не выказывает удивления, преподаватель осведомился почему. И получил ответ:

— Боб уже сказал нам об этом.

— Мне поручили узнать, Боб, как ты получаешь закрытую информацию. — Графф смотрел через стол на нелепо маленького ребенка, который сидел за тем же столом, безмятежно поглядывая на полковника.

— У меня нет никакой закрытой информации, — ответил Боб.

— Ты знал, что Эндер будет вашим командующим.

— Я вычислил это, — ответил Боб. — Не скажу, чтобы это было особенно трудно. Достаточно посмотреть, кто мы такие. Самые близкие друзья Эндера. Его взводные офицеры. Он — ниточка, которая связывает нас всех между собой. Есть еще множество других парнишек в Боевой школе, которых вы могли бы взять сюда, и они, вероятно, были бы не хуже нас. Но мы — это те, что пошли бы за Эндером куда угодно, мы бы прыгнули в

космос без скафандров, если бы он сказал нам, что это необходимо.

Великолепная получилась бы речь, если бы за тобой не тянулась долгая история подслушиваний и подглядываний.

— Верно. Только когда бы это я мог заниматься здесь вынюхиванием? Мы ни на минуту не остаемся одни. Наши компьютеры не подключены ни к какой Сети, да мы и не видим никого, чей код мы могли бы подсмотреть, так что выдать себя за другого я никак не могу. Весь день я делаю только то, что мне приказывают. Вы, взрослые, считаете нас, детей, глупыми, хотя вы выбрали именно нас потому, что мы очень, очень умны. И теперь вы садитесь за этот стол и обвиняете меня в том, что я украл у вас информацию, которую любой идиот, и тот вычислил бы!

— Ну, все-таки *не любой*...

— Это всего лишь такое выражение.

— Боб, — сказал Графф, — я сильно подозреваю, что ты стараешься всучить мне чистейшее дерьмо вместо правды.

— Полковник Графф, если бы все, что вы сейчас сказали, было бы чистейшей правдой! Но ведь это совсем не так. Ну и что с того? Да, я сказал, что Эндер будет с нами. Считайте, что я установил

мониторинг за вашими снами. Так он все равно появится, примет над нами командование, станет блестящим командующим, а нас выпустят из школы, и я буду сидеть в гидравлическом кресле где-то на корабле, отдавая приказы взрослым своим детским голоском… пока их не затошнит от этого и они не вышвырнут меня в космос.

— А меня не интересует то, что ты узнал об Эндере. И даже то, как ты это вычислил.

— А я знаю, что все это вас совсем не интересует.

— Мне надо знать, что ты еще там навычислял.

— Полковник, — голос Боба звучал устало, — неужели вам в голову не приходит такой простой факт: раз вы спрашиваете меня об этом, я получаю информацию, что есть еще нечто, каковое я могу вычислить. А следовательно, резко повышается шанс, что я это нечто обязательно вычислю.

На лице полковника появилась широчайшая ухмылка.

— Именно это я и сказал этому… ну, словом, тому офицеру, который велел мне поговорить с тобой и задать эти вопросы. Я сказал, что мы самим фактом этого интервью дадим тебе материала куда больше, чем выудим у тебя. Но он

заявил мне: «Из-за этого парня мы все полетим вверх тормашками».

— А что такое «тормашки»? Что-то вроде задницы?

— Никто не знает. Даже этот офицер — он учился так давно, что уже успел все позабыть. Даже таблицу умножения.

— А давайте сделаем проще: вы мне скажете секрет, которого я, по вашему мнению, знать не могу, а я вам скажу, знаю я его или еще нет.

— Да уж, от тебя помощи, как от козла молока.

— Полковник Графф, хорошо ли я делаю свою работу?

— Абсурдный вопрос. Конечно, хорошо.

— Если я знаю то, чего, по вашему мнению, мы, ребята, знать не должны, то разве я об этом разболтал? Растрепал ребятам? Или это как-то сказалось на моей работе?

— Нет.

— Поймите, это же все равно как шум от упавшего дерева в лесу, где этот треск некому услышать. Если я и знаю нечто, что мне удалось вычислить своим умом, и я никому этого не повторю, и это не повлияет на мою работу, то зачем вам терять время на выяснение того, известно мне это или нет? Потому что после такого разговора

вы только уверите себя, что я начну вынюхивать любой секрет, лежащий там, где его с легкостью обнаружит любой ребенок семи лет от роду. И если я найду его, то все равно другим ребятам не расскажу, так что ничего снова не произойдет. Давайте оставим эту тему.

Графф протянул руку под стол и что-то там нажал.

— Ладно, — сказал он. — Наш разговор записывался, и уж если это их не удовлетворит, то не знаю, чего им нужно.

— Удовлетворит в чем? И кто эти «они»?

— Боб, запись этой части разговора вестись не будет.

— Нет, будет.

— Я сам выключил запись.

— Черта с два.

Вообще-то Графф и сам не был уверен, что если запись выключена, то она не ведется на другом аппарате.

— Давай-ка прогуляемся, — сказал Графф.

— Надеюсь, что не снаружи?

Графф встал из-за стола (с большим трудом, так как здорово прибавил в весе, а сила тяжести здесь была близка к земной) и вывел Боба в туннель.

На ходу Графф тихонько пробормотал:

— Пусть теперь сами потрудятся.

— Клево, — ответил Боб.

— Я решил, тебе интересно будет узнать, что весь МКФ стоит на ушах из-за явной утечки служебной информации. Кто-то, по-видимому, имеющий доступ к самым секретным архивам, написал письмо парочке пандитов[19], которые тут же вышли в Сеть и начали агитировать за возвращение детей из Боевой школы в их родные страны.

— А кто такие пандиты? — спросил Боб.

— А вот и моя очередь наступила сказать тебе «черта с два». Слушай, я вовсе не собираюсь обводить тебя вокруг пальца. Случилось так, что мне довелось познакомиться с текстом этих писем, посланных Локи и Демосфену. Как я понимаю, ты рассчитывал именно на нечто в этом роде. Когда я их прочел — в них, между прочим, прелюбопытнейшие различия, — я понял, что в них нет решительно ничего совсекретного, ничего такого, что превышало средний уровень знаний ученика Боевой школы. Нет, то, что взбесило всех наших бонз, так это политический анализ, который дьявольски точен, хотя и основан на явно недо-

---

[19] Примечания: 19

Пандит — мудрец, ученый-индус *(хинди).*

статочной информации. Другими словами, из того, что всем известно, автор этих писем просто не мог вычислить того, что он вычислил. Русские подняли крик, что за ними кто-то шпионил, и, разумеется, стали доказывать, что их оболгали. Я тут же запросил библиотеку «Кондора» и узнал, что ты там читал. Потом проверил круг твоего чтения на МЗС — в Тактической школе, где ты учился. Да, времени даром ты не терял.

— А я всегда стараюсь занять ум чем-нибудь полезным.

— Тогда тебе будет приятно узнать, что первая группа детей из Боевой школы уже отправлена на Землю.

— Но война же еще не окончена?

— А ты думал, что если запустить снежный ком по склону, то он обязательно покатится туда, куда ты хотел? Ты умен, но наивен, Боб. Дай пинок вселенной и гадай, как лягут костяшки домино, и всегда окажется, что некоторые костяшки лягут совсем не так, как ожидалось. И все же я рад, что ты вспомнил о других детях и заставил колеса вертеться так, чтобы сделать их свободными.

— Но не нас.

— Видишь ли, МКФ не обязан сообщать каждому демагогу на Земле о том, что Тактическая

и Командная школы, как и раньше, набиты детьми.

— И я не собираюсь им об этом напоминать.

— Я так и знал, ты этого делать не станешь. Нет, Боб, я ухватился за шанс поговорить с тобой потому, что мне захотелось сообщить тебе пароч-ку новостей, причем не только о том, что твои письма вызвали ожидаемый эффект.

— Я внимательно слушаю, хотя и не признаю, что писал какие-то письма.

— Во-первых, ты будешь очень удивлен, когда узнаешь, кто это — Локи и Демосфен.

— Кто? Неужели это один человек?

— Скорее — один ум, два тела. Видишь ли, Боб, Эндер Виггин — не один ребенок в семье. Он родился, так сказать, «по заказу». Его старшие сестра и брат одарены не меньше, чем Эндер, но по некоторым причинам не могли быть приняты в Боевую школу. Брат — Питер Виггин — очень честолюбивый юноша. Когда военная карьера для него закрылась, он пошел в политику. И, так сказать, в квадрате.

— Он — и Локи, и Демосфен?

— Он разрабатывает стратегию для обоих, но пишет только за Локи. А его сестра Валентина пишет за Демосфена.

Боб расхохотался.

— Теперь я все понял.

— Так что оба твоих послания получил один Локи.

— Если я их написал.

— Бедный Питер Виггин чуть с ума не сошел. Он задействовал все свои источники в МКФ, чтобы узнать, кто ты такой. Но там никто ничего не знал. Шесть офицеров, чьи имена и пароли ты использовал при посылке писем, списаны с Флота. Но, как ты понимаешь, никому и в голову не пришло проверить, а не играл ли в политику семилетний ребенок в свое свободное время в Тактической школе.

— Кроме вас.

— Потому что, клянусь Богом, я единственный человек, который знает, каким блестящим умом могут обладать дети.

— А *каким* блестящим? — усмехнулся Боб.

— Наша прогулка близится к концу, я не могу тратить время на лесть. Вторая новость состоит в том, что сестра Карлотта, оставшись без работы после того, как ты уехал от нее, затратила уйму времени на выяснение твоего происхождения. Я вижу, что к нам идут двое офицеров, которые положат конец нашей беседе, которая не запи-

сывается, поэтому буду очень краток. У тебя есть имя, Боб. Тебя зовут Юлиан Дельфийски.

— Но это же фамилия Николая?

— Юлиан — имя отца Николая. И твоего отца. Имя твоей матери — Елена. Вы однояйцевые близнецы. Твою часть разделившегося оплодотворенного яйца имплантировали позднее, при этом твои гены были чуть-чуть изменены, что имело существенные последствия. Словом, когда ты смотришь на Николая, ты видишь себя, каким бы ты был, если бы не подвергался генетической обработке и вырос у любящих и заботливых родителей.

— Юлиан Дельфийски, — задумчиво повторил Боб.

— Николай находится среди тех, кто летит сейчас на Землю. Сестра Карлотта позаботится о том, чтобы его репатриировали в Грецию. И чтобы сообщили ему, что ты его родной брат. Его родители уже знают о твоем существовании — им сказала сестра Карлотта. Твой дом в Греции — чудесное место, он стоит на холмах Крита окнами на Эгейское море. Сестра Карлотта говорила мне, что твои родители прекрасные люди. Они плакали от радости, узнав о том, что ты — есть. А теперь — разговор кончен. Мы обсуждали с тобой низкое

качество преподавания в Командной школе.

— А как вы догадались?

— Думаешь, только тебе дано строить верные догадки?

Навстречу им шли двое военных — генерал и адмирал с приклеенными к лицу фальшивыми улыбочками. Они приветствовали Боба и Граффа, а потом спросили, как прошел их разговор.

— У вас есть запись, — сказал Графф, — включая и то место, где Боб говорит, что она продолжается и после выключения.

— Но вы все же продолжили разговор?

— Я говорил ему, — вмешался Боб, — о некомпетентности преподавателей Командной школы.

— Некомпетентности?

— Наши сражения ведутся против удивительно тупых компьютерных противников. А затем учителя настаивают на проведении долгих и утомительных разборов этих дурацких сражений, хотя очевидно, что вряд ли в реальности возможно существование таких глупых и легко прогнозируемых противников. Я считаю, что единственная возможность для нас получить достойных врагов — это разбить нас на две группы и дать сражаться друг с другом.

Оба офицера обменялись взглядами.

— Интересная идея, — сказал генерал.

— Спорная, — отозвался адмирал. — Кстати, Эндер Виггин собирается принять участие в ваших упражнениях. Я подумал, что ты захочешь приветствовать его?

— Да, — сказал Боб. — Конечно.

— Я отведу тебя, — предложил адмирал.

— А мы давайте пока поговорим, — обратился к полковнику Граффу генерал.

Идя с Бобом, адмирал говорил очень мало, и Боб отвечал ему почти не раздумывая. Это было прекрасно, так как то, о чем рассказал ему Графф, просто кружило голову. То, что Локи и Демосфен — родственники Эндера, Боба не слишком удивило. Если они умны как Эндер, то их превращение в знаменитостей — дело неизбежное. Существование же компьютерных сетей обеспечило им анонимность, которая скрыла факт, что они совсем еще юны. Обращение Боба именно к ним было частично вызвано чем-то очень знакомым в их лексике и манере вести беседу. Сходство их с Эндером объяснялось тем, что люди, долго живущие друг с другом, постепенно перенимают какие-то оттенки в манере говорить и вести себя. Боб это ощутил где-то на уровне подсознания, что и привлекло к ним его внимание. Наверное, он

где-то даже знал, что они родня Эндеру.

А вот вторая новость, что Николай его брат, — в нее было просто невозможно поверить. Может, полковник специально сплел такую хитроумную ложь, которая должна была проникнуть прямо в душу, и подсунул ее мне? Я — грек? Мой брат оказался в том же шаттле, что и я? Это тот же мальчик, который стал моим единственным другом? Близнецы? Любящие родители?

Юлиан Дельфийски?

Нет, я не должен верить этому! Графф никогда не был честен со мной. Графф даже пальцем не пошевелил, чтобы избавить Эндера от Бонзо. Графф никогда не сделал ничего, что бы не было нацелено на манипулирование нашим поведением.

Меня зовут Боб. Это имя подарила мне Недотепа. И я не отдам его в обмен на хитрую ложь.

Они услышали его голос, обращенный к технику в соседней комнате:

— Как я могу работать с командирами флотилий, если я их никогда не видел?

— А зачем тебе их видеть? — спросил техник.

— Чтобы знать, кто они, как они мыслят…

— Ты узнаешь, кто они и как они мыслят, по тому, как они будут работать с имитатором. Сейчас

они слышат тебя. Надень наушники, и ты тоже услышишь их голоса.

Все дрожали от волнения, зная, что сейчас он услышит их голоса так же ясно, как они слышат его.

— Кто-то должен что-нибудь сказать, — шептала Петра.

— Подождем, пока он наденет наушники, — ответил Динк.

— А как мы узнаем? — спросил Влад.

— Я буду первым, — произнес Алаи.

Пауза. В наушниках появился свист.

— Салам, — прошептал Алаи.

— Алаи! — сказал Эндер.

— И я, — сказал Боб. — Карлик.

— Боб! — воскликнул Эндер.

Да, сказал себе Боб, пока остальные наперебой говорили с Эндером. Вот кто я такой. Именно этим именем и называют меня все, кто меня знает.

23. Игра Эндера

— Генерал, вы Стратег. У вас есть власть, чтобы осуществить переворот. Больше того, это ваш долг.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы всякие отстав-

ные командиры Боевой школы объясняли мне, в чем состоит мой долг!

— Если вы не арестуете Полемарха и всех его заговорщиков…

— Полковник Графф, если я нанесу удар первым, тогда на меня ляжет вся ответственность за развязывание войны, которая неизбежно будет следствием моих действий.

— Да, конечно. Но скажите мне, что лучше — всеобщая брань в ваш адрес, но мы выигрываем войну, или никто не бросает в вас камней, но зато вас поставят к стенке и расстреляют, когда переворот Полемарха установит гегемонию русских во всем мире?

— Все равно, первым я не стану открывать огонь.

— Военачальник, который не хочет перехватить инициативу, когда у него есть надежная разведывательная информация…

— Политики — это такая штука…

— Если вы позволите им победить, в живых не останется ни одного политика.

— Русские перестали быть плохими парнями еще в двадцатом веке.

— Те, кто творит злые дела, — всегда остаются плохими парнями. Вы наш шериф, сэр, вне

зависимости от того, как к вам относятся люди. Исполняйте же свои обязанности.

С появлением Эндера Боб немедленно отступил в тень и занял свое скромное место среди остальных бывших взводных командиров. Казалось, этого никто не заметил. Какое-то время он был их командующим, он отлично их натренировал, но Эндер всегда был главой их группы, и раз он тут — Боб ушел на второй план.

И это правильно, думал Боб. Он руководил ими какое-то время, но в сравнении с Эндером он все равно что новичок. И не потому, что стратегия Эндера была лучше стратегии Боба. Нет, дело было не в этом. Иногда она отличалась, но чаще Боб видел, что Эндер поступает точно так, как поступил бы он сам.

Главные различия лежали в области руководства людьми. Эндер пользовался их яростной преданностью, а не повиновением с легким оттенком презрения, которое всегда ощущал Боб. Эндер эту преданность завоевал с самого начала. Завоевал тем, что всегда замечал не только то, что происходило на поле сражения, но и то, что происходило в умах его офицеров. Он был строг, даже резок, показывая им, что ждет от них еще большего, чем они пытались выжать из себя и

своих солдат. И одновременно он умел придать такую интонацию самым обычным словам, которая говорила им о его удовольствии, одобрении и близости к ним. Они чувствовали, как глубоко понимает их человек, чье мнение они ценили превыше всего. А вот Боб такого просто не умел. Его поощрительные слова были четки и определенны, иногда грубоваты. Для остальных офицеров они значили меньше слов Эндера, так как казались им заранее обдуманными. Да они и в самом деле были обдуманны и выверены. Эндер же был… ну просто был сам собой. Для него власть была столь же естественна, как дыхание.

Они повернули во мне генетический ключик и сделали меня интеллектуальным атлетом. Я могу взять какой угодно мяч, посланный с любой точки поля, но я не знаю, когда надо ударить по нему. Я не знаю, как превратить толпу отдельных игроков в настоящую команду. Какой же ключ был повернут в генетической структуре Виггина? Что живет там — в этой глубине, кроме механической гениальности тела? Дух? Божественный дар, пожалованный Виггину? Мы идем за ним, как шли апостолы за Христом. Мы ждем, чтобы он добыл для нас воду из камня.

Сумею ли я научиться тому, что делает он? Или

я таков же, как и многие военные мыслители, которых я изучал, и обречен быть второсортным на поле боя, и обо мне станут вспоминать лишь как о человеке, умевшем толково объяснять и характеризовать гениальность других генералов? Вполне возможно, что и я когда-нибудь напишу книгу, в которой расскажу, как и почему одерживал победы Эндер.

Нет, пусть эту книгу пишет сам Эндер! Или Графф. У меня есть своя работа, а когда она будет исполнена, я сам выберу себе другую и буду ее делать честно и в соответствии со своими силами. И если обо мне будут помнить только как о соратнике Эндера, да будет так. Служба с Эндером — уже награда сама по себе.

Но, ах, как больно было видеть, как они радуются, как они довольны, как они не обращают на него никакого внимания, разве что поддразнивают как меньшого братишку, видя в нем что-то вроде милой игрушки. Им, вероятно, ненавистно то время, когда он был их лидером!

Но хуже всего то, как обращается с ним сам Эндер. И не в том дело, что с ним нельзя видеться. Просто за долгое время их разлуки Эндер, видимо, забыл, как он когда-то полагался на Боба. Теперь он в большей степени опирался на Петру, а еще

на Алаи, Самосвала и Шена. На тех, кто не был с ним в армии Драконов. Конечно, и Бобу, и другим командирам взводов у Драконов Эндер верит, он их ценит, но, когда возникают трудности, когда нужен творческий подход, Эндер почти никогда не вспоминает о Бобе.

Ладно. Не стоит об этом думать. У Боба есть важное дело, порученное ему учителями. Он должен все время наблюдать за ходом разворачивающихся сражений, он должен броситься куда нужно, если Эндер заколеблется. Эндер, видимо, не знал об этом поручении учителей, но Боб-то знал, и это иногда мешало ему выполнять свои официальные обязанности. Эндер нервничал, выговаривал Бобу за то, что он медлит, не так активен, как прежде. Чувствовалось, что он ждет от Боба большего. Но Эндер не знает, что в любой момент, если руководитель игры подаст сигнал, Боб должен быть готов взять на себя инициативу и проводить в жизнь план Эндера, руководя действиями всех командиров эскадр, спасая игру.

Сначала поручение выглядело синекурой. Эндер был здоров, внимателен. Но затем положение стало меняться.

Это произошло в тот день, когда Эндер сказал им, что у него другой учитель, не тот, что у них.

Он так часто упоминал его имя — Мейзер, что Бешеный Том тут же заметил:

— Здорово, должно быть, досталось бедняге — расти с таким имечком!

— Пока он рос, его имя еще не было знаменитым, — ответил Эндер.

— Все люди такого возраста давным-давно умерли, — вмешался Шен.

— Нет, если их посадили в корабль, летевший с почти световой скоростью много лет, а потом вернули домой.

Тогда они вдруг поняли:

— Твой учитель — тот самый Мейзер Ракхейм?

— Вы же знаете, о нем говорится, как о талантливейшем герое, — сказал Эндер.

Ясное дело, они знали.

— А вот чего нам не говорили, так это о том, какой он каменножопый.

Но тут началась работа на имитаторе и все взялись за дело.

На следующий день Эндер сообщил им всем, что обстановка меняется.

— До сих пор мы играли против компьютера или против друг друга, — сказал он. — Теперь же в течение нескольких дней нашим противником будет сам Мейзер Ракхейм с группой опытней-

ших пилотов, которые станут руководить флотом жукеров. Поглядим, что получится.

Серия тестов с Мейзером Ракхеймом в качестве оппонента. Что-то, по мнению Боба, в этом было не то.

Никакие это не тесты. Это ситуации, подготовленные для условий, которые могут возникнуть, когда наш реальный флот столкнется с флотами жукеров возле их родной планеты! МКФ получает предварительную информацию от экспедиционного корпуса, и они подготавливают нашу команду к тому, что жукеры могут бросить против землян, когда начнется бой.

Трудность была в том, что Мейзер Ракхейм, как он ни был талантлив, как бы опытны ни были его офицеры, все они — все равно люди, а не жукеры. Когда начнется настоящее сражение, жукеры могут выкинуть такие трюки, о которых земляне и подумать не могут.

И вот пришло время первого «теста». Было просто стыдно смотреть, какой простенькой оказалась стратегия жукеров. Огромный сферический строй кораблей, окружающих единственный корабль, находящийся в центре сферы.

Во время сражения выяснилось, что Эндеру известны такие вещи, которым он их не обучал.

Во-первых, он приказал не обращать внимания на корабль в центре шара. Это всего лишь приманка. Откуда узнал это Эндер? Откуда он знал, что жукеры ожидают нападения на этот одинокий корабль, но что корабль — только приманка? Жукеры ждут, чтобы мы накинулись на него.

Конечно, все-таки это были не жукеры, а Мейзер Ракхейм. Но почему Мейзер Ракхейм думает, будто жукеры ожидают, что люди ударят именно на этот одинокий корабль?

Боб вспомнил те видики, которые Эндер раз за разом просматривал в Боевой школе. Пропагандистские фильмы о Втором Нашествии.

Они никогда не показывали саму космическую битву. Потому что ее не было! И Мейзер Ракхейм никогда не командовал ударными силами и не выстраивал в голове великолепные стратегические концепции. Мейзер просто ударил по этому одинокому кораблю. И война кончилась. Вот почему нет никаких видиков, показывающих бои врукопашную. Мейзер Ракхейм убил матку — королеву улья. А теперь он считает, что жукеры могут использовать центральный корабль в качестве приманки, так как в прошлый раз он победил жукеров, прорвавшись к этому кораблю. Убей королеву, и жукеры станут беззащитными.

Безмозглыми. Вот почему видики были такими! И Эндер это понимает. Но ему известно так же то, что жукеры знают, что нам это известно, вот почему он и не хочет попасть в ловушку с дешевой приманкой.

Второе, что Эндеру известно, а остальным членам команды — нет, это оружие, которое не использовалось в прежних имитациях. Оно вообще появилось впервые, о нем никто не слышал. Эндер почему-то называл его «Маленький Доктор» и ни о чем больше не рассказывал, пока не приказал Алаи применить его там, где концентрация вражеских кораблей была наиболее значительной. К их изумлению этот «Маленький Доктор» вызвал цепную реакцию, которая перебрасывалась с корабля на корабль, пока все подготовленные для удара силы жукеров не были уничтожены. Дальше все было просто: оставалось смести, как метлой, жалкие остатки неприятельского флота. Поле сражения очистилось.

— Почему их стратегия была такой идиотской? — спросил Боб.

— Вот и я удивился тому же, — ответил Эндер, — но мы не потеряли ни одного корабля, так что все о'кей.

Позже Эндер передал им слова Мейзера: тот

задумал целую серию оборонительных сражений жукеров против наших атак на их планеты, причем жукеры будут учиться на собственных ошибках.

— К следующему разу они станут уже опытнее, так что готовьтесь — будет труднее.

Боб услышал эти слова, и они его сильно встревожили. Серия вторжений? Зачем выбран такой странный сценарий? Почему не стычки передовых флотилий перед началом общего сражения?

Потому что у жукеров не одна заселенная планета, решил он. Разумеется, так оно и есть! Они обнаружили Землю и решили превратить ее в еще одну из своих колоний, как уже поступали неоднократно.

Значит, и у нас не один флот, а несколько. По одному на каждую планету муравьеподобных. А причина, по которой они могут обучаться на опыте уже состоявшихся сражений, заключается в том, что у жукеров тоже есть средства связи быстрее света, которыми они пользуются в межзвездном пространстве.

Все догадки Боба подтвердились. Теперь он твердо знал, что стоит за этими «тестами». Мейзер Ракхейм вовсе не командовал имитированным флотом жукеров. Это были настоящие, совершен-

но реальные сражения, и единственная функция Ракхейма состояла в том, чтобы наблюдать за их развитием, а затем разбирать с Эндером смысл вражеской стратегии и обсуждать, что следует противопоставить ей в будущем.

Вот почему они отдают свои приказы голосом. Эти приказы мгновенно передаются на реальные корабли реальным командам, которые выполняют их и ведут настоящий, а не виртуальный бой.

Каждый потерянный нами корабль, думал Боб, означает множество погибших людей. Любая наша небрежность оборачивается многими смертями. Но нам этого не говорят, ибо боятся навалить на наши слабые плечи чудовищное бремя этого знания. В военное время всем командующим приходится принимать решения с учетом так называемых приемлемых потерь.

Но тот, кто по-настоящему гуманен, никогда не согласится с понятием «приемлемости потерь». Боб это хорошо понимал. Приемлемость выгрызает им души. Вот почему они защищают нас — детей-солдат — и стараются убедить в том, что все, что мы видим на дисплеях, это всего лишь игра и тестирование.

Поэтому я никогда и никому не скажу, что знаю, в чем тут дело. Поэтому я должен принимать по-

тери, не говоря никому ни слова, не выдав даже сокращением мышц лица, какую боль они мне причиняют. Я должен заблокировать свой мозг, должен не допустить в него даже мысль о людях, которые погибают там, выполняя наши приказы, о людях, которые теряют в этой игре не фишки, а свои жизни.

«Тесты» сменяли друг друга, их разделяли нерегулярные промежутки времени, а каждая битва длилась все дольше и дольше. Алаи как-то пошутил, что их следует обеспечить хорошими памперсами, чтобы ребята не отвлекались от игры, когда мочевые пузыри у них переполняются до краев. Уже на следующий день всем были выданы катетеры. Однако против этого восстал Бешеный Том. «Хватит дурить, — сказал он. — Принесите нам горшки побольше, чтоб было куда отлить. Мы не можем играть как надо, если из наших „хлыстиков“ свисают какие-то штуковины».

Так и сделали, но Боб не видел и не слышал, чтобы мальчики пользовались горшками. И хотя ему было интересно, как обходится Петра, но спросить ее он не рискнул: пробудить гнев Петры — дело рискованное.

Вскоре Боб убедился, что Эндер начинает делать в игре кое-какие ошибки. Во-первых, Эндер

слишком полагается на Петру. Ей всегда поручалось командование над главными силами, так что Петре приходилось следить одновременно за сотней разных вещей, чтобы дать Эндеру время на придумывание ложных ударов и всяких других хитростей и уловок. Но неужели Эндер не видел, что Петра, педантичнейшая Петра, прямо сгорает от стыда и чувства вины из-за каждой допущенной ею ошибки? Эндер, который так хорошо понимал людей, все же, по-видимому, считал ее крутой, не видя, что ее суровость и резкость — всего лишь маска, под которой Петра скрывает свою неуверенность и тревогу. Каждая ошибка увеличивала тяжесть бремени, которое Петра несла на своих плечах. Она плохо спала и предельно изматывалась во время боев.

Может быть, однако, что причиной, по которой Эндер так издергал Петру, было то, что он сам страшно устал и находился на пределе своих сил? Правда, вымотались все. Иногда усталость проявлялась слабее, иногда сильнее, иногда сказывалась на поведении явно, иногда завуалированно. Они совершали все больше ошибок, а «тесты» становились все труднее и проводились все чаще.

Поскольку битвы от «теста» к «тесту» ожесто-

чались, Эндеру приходилось перекладывать все большую ответственность на командиров флотилий. Вместо того чтобы элегантно воплощать в жизнь точные и детальные приказы Эндера, командирам флотилий теперь приходилось все чаще и чаще принимать собственные решения. Эндер был слишком занят на одном участке сражения, чтобы успевать давать им новые указания. Командиры флотилий в таком случае начинали переговоры друг с другом, чтобы согласовать тактику, пока Эндер не обращал на них внимания. И Боб с удовлетворением заметил, что, хотя Эндер все еще не возлагал на него особо ответственных поручений, некоторые командиры стали обращаться к нему, когда внимание Эндера было отвлечено другими делами. Бешеный Том и Горячий Супчик сами вырабатывали свои планы, но обычно проверяли их у Боба. Поскольку же сам Боб чуть ли не половину своего внимания уделял изучению генерального плана Эндера, он всегда имел возможность дать им четкий совет, что следует сделать, чтобы помочь выполнению этого общего плана кампании. Время от времени Эндер хвалил Тома или Супчика за решения, принятые с помощью Боба. Что ж, Боб чувствовал себя так, будто похвалили его самого.

Другие бывшие командиры взводов, а также старшие ребята к Бобу почти не обращались. Он понимал почему: им было обидно, что в отсутствие Эндера учителя поставили над ними Боба. Теперь же у них был настоящий командующий, и они не собирались делать ничего такого, что напомнило бы им о былом главенстве Боба. Он все это понимал, но боль не стихала.

Хотели они или не хотели, чтобы он наблюдал за их действиями, были или не были уязвлены его чувства, но у него было тайное поручение учителей, и Боб надеялся, что ничто не застанет его врасплох. И по мере того как давление становилось все более сильным, а вся их команда слабела, Боб должен был напрягать свое внимание еще больше, так как вероятность ошибок росла.

Однажды Петра уснула в разгаре сражения. Находившиеся в ее распоряжении корабли оказались в тяжелейшем положении, а неприятель бросился вперед, в клочья разрывая флотилию Петры. Еще хуже было то, что Эндер не сразу заметил, что произошло с Петрой. Бобу пришлось подсказать ему, что с Петрой что-то случилось. Эндер громко окликнул ее. Она не отозвалась. Только тогда Эндер передал ее уцелевшие корабли Бешеному Тому и попытался спасти

положение. Флотилия Петры, как всегда, занимала центральное место, и потеря большей части ее судов была оглушительным ударом. Только потому, что противник опьянел от успеха, Эндер успел устроить ему несколько ловушек и перехватил инициативу. Сражение было выиграно, но с большими потерями.

Петра очнулась от обморочного сна только к концу сражения. Она обнаружила, что контроль над ее флотилией передан другому, а микрофон отключен. Когда микрофон снова включили, все услышали горькие рыдания Петры:

— Простите меня… простите… скажите Эндеру, что мне стыдно… он не слышит меня… простите…

Боб поймал ее еще до того, как она успела добежать до своей комнаты. Она, шатаясь, шла по туннелю, время от времени останавливалась, чтобы уткнуться лицом в каменную стену. По лицу струились потоки слез, мешавшие видеть, так что кое-где ей приходилось идти ощупью. Боб подошел к ней и тронул за плечо. Петра со злостью отшвырнула его руку.

— Петра, — сказал Боб, — усталость — это усталость. Нельзя не заснуть, если мозг отключается.

— Это *мой* мозг отключается, а не твой. Тебе не

понять, какое это ужасное ощущение! Ты такой умный, что можешь делать серьезные дела и одновременно играть в шахматы!

— Петра, Эндер нагружает на тебя слишком много, он не дает тебе ни минуты отдыха.

— Он тоже не отдыхает… и я не вижу его…

— Да, вы оба устали. Прошло немало секунд после того, как стало ясно, что с твоей флотилией происходит что-то неладное, и кто-то обратил на это внимание Эндера. Но и тогда он сначала стал будить тебя, а уж потом передал контроль Тому. Если бы он принял меры сразу, у тебя осталось бы шесть кораблей, а не два.

— Это ты указал ему! Ты следил за мной! Ты проверял меня!

— Петра, я слежу за всеми.

— Ты говорил, что веришь мне, а на самом деле не веришь! И ты прав — мне нельзя верить!

Она снова уткнулась лицом в каменную стену и снова раздался звук горьких рыданий.

Откуда-то взялись два офицера, которые увели Петру. Но не в ее комнату.

После этого случая Боба вызвал к себе полковник Графф.

— Ты хорошо справился со своим делом, — сказал полковник. — Вот для этого-то ты тут и

находишься.

— Я тоже не проявил нужной сноровки, — ответил Боб.

— Ты наблюдал. Ты увидел, что план сражения под угрозой, и обратил на это внимание Эндера. Ты выполнил свою работу. Другие ребята ничего не заметили, и я знаю, что их отношение ранит тебя.

— Меня не колышет, что они там замечают.

— Но ты свой долг исполнил. В этой битве ты предотвратил проход по центру.

— Мне непонятен смысл этого выражения.

— Это такой футбольный термин. Ах, я совсем забыл, что на улицах Роттердама эта игра не в большом фаворе.

— Можно, я пойду высплюсь?

— Одну минуту, Боб. Эндер выдыхается. Он совершает ошибки. Все это гораздо важнее, чем ты думаешь. Будь готов прийти ему на помощь. Ты же видел, что произошло с Петрой.

— Мы все выдыхаемся.

— Да, и Эндер тоже. Даже хуже других. Он плачет во сне. Ему снятся кошмары. Он бормочет, что Мейзер шпионит за его снами и узнает из них о планах, разработанных Эндером.

— Вы хотите сказать, что он сходит с ума?

— Я хочу сказать, что единственный человек, которого он заставляет работать еще тяжелее, чем Петру, — это он сам. Прикрой его, Боб. Встань рядом.

— Я и так стою рядом.

— Ты все время раздражен, Боб.

Слова Граффа ошеломили Боба. Сначала он подумал — нет, я не злюсь. А потом: неужели?

— Эндер не дает тебе сколько-нибудь важных поручений, а после игры недоволен тобой, Боб. Но это не вина Эндера. Мейзер сказал ему, что сомневается в твоих способностях руководить большим количеством кораблей. Вот почему ты не получаешь сложных и интересных поручений. Дело не в том, что Эндер верит Мейзеру на слово. Но все, что ты делаешь, Эндер рассматривает через призму недоверия Мейзера к тебе.

— Мейзер Ракхейм думает, что я…

— Мейзер Ракхейм точно знает, кто ты есть и на что ты способен. Это мы не хотим, чтобы Эндер поручал тебе нечто настолько трудное, что ты не сможешь следить за общим ходом игры. И нам это нужно сделать так, чтобы Эндер даже не заподозрил, что ты его дублер.

— Так зачем же вы мне все это говорите?

— Когда этот тест завершится и вы приступи-

те к несению реальной службы, мы расскажем Эндеру обо всем, что ты сделал, и почему Мейзер сказал то, что сказал. Я знаю, как важно для тебя доверие Эндера, и не хочу, чтобы ты страдал так, как страдаешь сейчас. Вот поэтому я и хочу, чтобы ты знал, почему мы так поступаем.

— Откуда у вас такая внезапная тяга к правде?

— Потому что, как мне кажется, для тебя лучше знать ее.

— Что ж, пожалуй. Мне будет *лучше* поверить в то, что вы говорите. Не важно, правда это или нет. А может, вы все врете. Так узнал ли я что-либо полезное из нашего разговора? Как вы полагаете?

— Верь в то, чего тебе больше хочется, Боб.

Целых два дня Петра на тренировках не присутствовала. Когда она вернулась, то Эндер, разумеется, больше не давал ей важных поручений. Со своими обязанностями Петра справлялась, но ее былой пламенный энтузиазм исчез. Сердце Петры было разбито.

Но, черт побери, она все же *выспалась* пару суток! Остальные ей даже немного завидовали из-за этого, хотя ни за какие коврижки не захотели бы оказаться на ее месте. Независимо от того, в какого бога кто верил, они все молили: не дай случиться со мной такому. Но одновременно они

твердили и другую молитву: «О дай мне немного соснуть, пошли мне хотя бы один день, когда мне не надо будет думать об этой треклятой игре!»

А тестирование все длилось и длилось. Сколько же миров, думал Боб, эти недоноски колонизировали, прежде чем наткнулись на Землю? И какой толк от того, что мы уничтожаем их флоты, если мы не можем колонизировать эти планеты? Конечно, мы можем оставить рядом свои корабли, которые будут сбивать все, что попробует подняться с поверхности этих небесных тел.

Петра была не единственной, кто сошел с круга. Влад впал в кататонию, и его не могли разбудить. Докторам потребовалось три дня, чтобы вернуть ему сознание, но в отличие от Петры он не вернулся к мониторам — у него пропала способность концентрировать свое внимание.

Боб ждал, что за Владом последует и Бешеный Том, но тот, несмотря на свою кличку, по мере того как слабел, становился все более разумным. Свалился же Муха Моло, который вдруг начал хохотать, потеряв контроль над своей флотилией. Эндер его тут же отключил и передал на этот раз флотилию Мухи под команду Боба. Муха вернулся уже на следующий день, без всяких объяснений, но все подумали, что давать ему серьезные пору-

чения больше не следует.

А Боб между тем все больше убеждался в том, что внимание Эндера слабеет. Приказы от него поступали после более продолжительных пауз, а два раза они были сформулированы очень невнятно. Боб немедленно передал их в более доходчивой форме, а Эндер даже не узнал, что получился такой конфуз. Зато ребята убедились, что Боб зорко следит за всей игрой, а отнюдь не только за своим сектором. Возможно, они даже наблюдали, что Боб во время игры иногда задает уточняющие вопросы или делает замечания, которые заставляют Эндера встряхнуться и обратить внимание на что-то, что он должен был заметить гораздо раньше. И все это делалось так мягко, что никому и в голову прийти не могло, что Боб кого-то поправляет. Теперь после игр бывало и так, что к нему подходили два-три паренька из старших, чтоб поболтать. Так, ничего особенного. Просто похлопают по плечу или по спине и скажут пару слов: «Хорошо сыграли», или «Здорово сработано», или «Держи хвост морковкой. Спасибо, Боб».

Он и не думал о том, как важно для него признание, до тех пор, пока не получил его.

— Боб, пока не началась новая игра, ты должен

кое-что узнать.

— Что именно?

Полковник Графф мешкал.

— Сегодня утром мы очень долго не могли разбудить Эндера. Ему снились кошмары. Он ничего не ест, его приходится кормить почти насильно. Во сне он кусает руки. До крови. А сегодня не мог проснуться. Нам удалось немного задержать… этот… тест… так что командовать он будет. Как обычно… вернее, не совсем как обычно.

— Я готов. Я всегда готов.

— Да, но понимаешь… Дело в том, что этот тест… в нем нет…

— Он безнадежен?

— Надо сделать все, даже то, что за гранью возможного. Любые соображения…

— Эта штука — «Маленький Доктор»… Почему Эндер не применял ее уже так давно?

— Неприятель многое узнал об этом изобретении, и теперь они держат свои корабли на таком расстоянии друг от друга, что цепная реакция не возникает. Необходима определенная критическая масса, чтобы она пошла. Сейчас это изобретение… балласт. Бесполезный груз.

— Было бы хорошо, если бы вы рассказали мне несколько раньше о том, как действует это

оружие.

— Есть люди, которые не хотят посвящать тебя ни в какие секреты, Боб. Ты обладаешь способностью из каждого шматка информации делать выводы в десять раз более важные, нежели нам хотелось бы. Поэтому есть люди, которые не желают давать тебе даже самые скромные информационные объедки.

— Понятно. Полковник Графф, вы же знаете, что мне известно — эти сражения реальны. Мейзер Ракхейм вовсе не имитирует их. Когда мы теряем корабль, гибнут реально существующие люди.

Графф отвернулся.

— И среди них есть люди, которых Мейзер Ракхейм знал лично?

Графф еле заметно кивнул.

— Вы не думаете, что Эндер в какой-то степени способен улавливать ощущения Мейзера? Я его не знаю, может быть, он действительно каменный, но *мне кажется*, что когда он после сражения делает с Эндером разбор операции, он невольно… в общем, его боль передается Эндеру. Дело в том, что Эндер после разбора становится куда более усталым, чем был до него. Возможно, он еще не полностью понимает, что происходит на самом деле, но он ощущает это на каком-то

очень глубоком подсознательном уровне как нечто жуткое и болезненное. Он чувствует, что Мейзер Ракхейм по-настоящему страдает от каждой сделанной Эндером ошибки.

— Ты что, умудрился каким-то образом проникнуть в комнату Эндера?

— Нет, я просто вслушиваюсь в Эндера. Я не ошибся в отношении Мейзера?

Графф отрицательно качнул головой.

— Полковник Графф, вы просто не поняли, а остальные, видимо, забыли, что в последнем сражении в Боевой школе Эндер передал командование своей армией мне. Стратегия тут была ни при чем. Он просто вышел из игры. Ему все обрыдло. Он забастовал. Вы этого не поняли, так как тут же выпустили его из Школы. История с Бонзо прикончила его. Я думаю, что боль и отвращение Ракхейма приводят к тому же самому. Я думаю, что если Эндер *разумом*, может быть, еще и не понимает, что убивает людей, то он это ощущает подсознанием и оно сжигает ему сердце.

Графф бросил на него острый взгляд.

— Я знаю, что Бонзо умер. Я видел его. Я встречался со смертью еще раньше, как вам известно. Нельзя встать и уйти на прогулку, если у вас носовые хрящи вбиты прямо в мозг, а еще вы

потеряли два галлона крови. Вы не сказали Эндеру, что Бонзо убит, но вы дурак, если полагаете, что он этого не знает. И благодаря Мейзеру он чувствует, что с каждым нашим потерянным кораблем гибнут хорошие люди. И груз этого знания губит его.

— Ты гораздо более проницательный человек, чем тебя считают многие, Боб, — сказал Графф.

— Знаю… У меня же холодный нечеловеческий ум, да? — Боб горько рассмеялся. — Раз я генетически изменен, значит, я чужак, верно? Вроде жукера?

Графф покраснел.

— Никто тебе этого не говорил.

— Вы хотите сказать, что вы не говорили мне такого в глаза? Словами — не говорили. Но вы, видимо, не можете усвоить, что иногда людям необходимо говорить правду или просто просить их сделать то-то и то-то, а не хитростью заманивать их в ловушки.

— Не думаешь ли ты, что Эндеру надо сказать, будто эта игра не что иное, как реальность?

— Нет! Вы что — обезумели? Если на него так сильно действует подсознание, то что же произойдет, если он узнает истину! Да он тут же окаменеет.

— А ты не окаменеешь. Верно? Ты будешь спокойно командовать и в следующем сражении.

— До вас все еще не доходит, полковник Графф, что я не каменею только потому, что это не мой бой. Я всего лишь на подхвате. Я помогаю. Я свободен. Это игра Эндера.

Ожил имитатор Боба.

— Время, — сказал Графф. — Удачи тебе.

— Полковник Графф, Эндер может опять забастовать. Он может вообще уйти прочь. Он может сдаться. Он, в конце концов, может сказать себе, что это всего лишь вшивая игра, от которой меня воротит, и мне наплевать, что они со мной сделают, но я с ней покончу. Такое желание в нем сидит крепко. Оно приходит, когда все кругом представляется несправедливым и бессмысленным.

— А что, если я пообещаю ему, что это будет последнее сражение?

Боб надел наушники и спросил:

— А это правда?

Графф кивнул.

— Так. Что ж... хотя я не думаю, что это даст эффект. Кроме того, он же ученик Мейзера, не правда ли?

— Это понятно. Но сам Мейзер хотел сказать ему, что это его последний экзамен.

— Мейзер сейчас учитель Эндера, — задумчиво проговорил Боб. — Значит, со мной остались вы? С нежеланным ребенком?

Графф заполыхал от стыда.

— Это верно, — сказал он. — Я действительно не хотел тебя. Раз уж ты знаешь так много.

Хоть Боб все это знал, но слова полковника снова ранили его.

— Но, Боб, — сказал Графф, — все дело в том, что я был не прав. — Он положил руку на плечо Боба, сжал его и вышел из комнаты.

Боб включил дисплей. Он был последним командиром флотилии, который сделал это.

— Вы готовы? — Голос Эндера.

— Все готовы, — ответил Боб. — А ты немного опоздал сегодня, верно?

— Извини, — сказал Эндер. — Заспался.

Засмеялись все, кроме Боба.

Эндер заставил их проделать какие-то маневры, чтобы разогреться. А потом пришел час битвы. Дисплей очистился.

Боб ждал. Тревога жгла его сердце.

На дисплее появился неприятель.

Его флот прикрывал планету, которая сверкала в самом центре дисплея. Битвы вблизи планет случались и раньше, но в прошлые разы плане-

ты жукеров располагались где-то в стороне, их можно было видеть на самом краю поля дисплея — вражеский флот всегда стремился увести от них корабли землян.

На этот раз все было иначе. Никаких попыток увести врага подальше в сторону. Совершенно невероятное скопление кораблей жукеров, которое даже и вообразить было невозможно. Корабли соблюдали между собой достаточно большие промежутки. Многие тысячи кораблей, образующих странные, непредсказуемо меняющиеся, пересекающиеся полосы, которые вместе создавали как бы облако смерти, обволакивающее планету, сияющую в центре этого шарообразного скопления непрерывно движущихся кораблей.

Это их центральный мир, подумал Боб. Он чуть было не произнес это вслух, но вовремя заставил себя сдержаться. Ведь для всех — это всего лишь *имитация* защиты жукерами их родной планеты.

У них было много времени, чтобы подготовиться к нашему появлению здесь. Предыдущие сражения — просто пустяки в сравнении с этим. Муравьеподобные могут позволить себе потерять любое количество особей, им это безразлично. Значение имеет лишь королева-матка. Как та,

которую уничтожил Мейзер Ракхейм во время Второго Нашествия. И они ни разу больше не подвергали своих маток опасности. Во всяком случае, во всех предыдущих сражениях это было так. Ни разу до этого боя.

Вот почему они так кишат, так роятся. Где-то здесь королева-матка.

Но где же она?

Она на поверхности планеты, подумал Боб. Их идея состоит в том, чтобы задержать нас и ни в коем случае не допустить прорыва к планете, к ее поверхности.

Значит, именно туда мы и должны прорываться. «Маленький Доктор» нуждается в массе, чтобы начать действовать. Планета имеет массу. Все очень просто.

За исключением того, что ничтожно маленький флот землян никакими способами не сможет прорваться сквозь вихрь крутящихся вражеских флотилий, чтобы оказаться вблизи планеты и задействовать «Маленького Доктора». Ибо если и существует в истории военной науки хоть один верный вывод, то он таков: иногда случается, что одна из воюющих сторон так могуча и непобедима, что единственным приемлемым решением для другой стороны является упорядоченное, но

немедленное отступление, дабы сохранить силы для будущих сражений.

Но в этой войне будущих сражений не будет. Нет и надежды на спокойное отступление. Решения, благодаря которым это сражение проиграно, а следовательно, проиграна и вся война, были приняты еще несколько поколений назад, когда спускались со стапелей эти корабли землян — сила совершенно недостаточная для выполнения поставленной задачи. Командующий, который отправлял этот флот, надо думать, даже не подозревал, где находится эта планета — родина жукеров. Так что виноватых нет. Просто у землян сейчас нет достаточных сил, чтобы сделать хоть зарубку в обороне противника. А то, что ими командует гениальный Эндер, — значения не имеет. Когда у вас есть только один парень с лопатой, нечего и думать строить плотину, которая защитит вашу землю от наступления океана.

Отступать некуда, победа невозможна, отложить сражение нельзя, а врагу даже тактику менять не надо — знай делай то, что уже делаешь.

Весь флот землян состоял всего из двадцати звездолетов, каждый из которых нес по четыре эсминца. Эсминцы старого образца, медлитель-

ные, совсем не такие, которые использовались в предыдущих битвах. Это было понятно: родная планета жукеров, вероятно, лежала куда дальше их остальных обитаемых миров, так что тот флот землян, который подошел к ней сейчас, был запущен раньше других флотов. До того, как появились более совершенные модели звездных кораблей.

Итого восемьдесят эсминцев. Против пяти, если не десяти тысяч вражеских кораблей. Точно определить их численность невозможно. Боб видел, что компьютер пытается проделать эту операцию, но все время сбивается, конечная цифра колеблется то в одну сторону, то в другую — кораблей так много, что система дает сбой. Световые точки на дисплее непрерывно меняют положение, они вспыхивают и гаснут, как светлячки.

Время тянется долго — то ли секунды, то ли минуты. Обычно Эндер за это время уже успевал всех задействовать, подготовить к началу боевых действий. На консоли Боба зажегся огонек. Он знал, что это значит. Все, что ему нужно было сделать, это нажать кнопку и взять командование на себя. Ему предлагали сделать это, так как боялись, что Эндер отключился.

Нет, он не отключился. Он не запаниковал. Он просто оценил ситуацию точно так же, как ее оценил я. Тут никакая стратегия не вывезет. Только Эндер не понимает, что произошло, что военная удача отвернулась от нас и что поражение неминуемо. Эндер считает, что это всего лишь тест, который придумали учителя и Мейзер Ракхейм, тест абсурдно несправедливый, где единственным разумным выходом из ситуации является отказ заниматься такой глупостью.

Какие они все-таки умники, что скрывали от Эндера правду все это время. Но теперь эта же политика может выйти им боком. Если бы Эндер понял, что это не игра, что идет самая всамделишная война, тогда он, возможно, сделал бы мощное усилие или пустил бы в ход свой гениальный ум и, может быть, нашел бы решение проблемы, которая, на мой взгляд, решения все же не имеет. Но Эндер не знает, что это реальность, для него все, что происходит сейчас, — это все равно что сражение в Боевом зале, где против него стояли две армии, и тогда он передал Бобу командование, а сам отказался принимать участие в этой дурацкой игре.

В какое-то мгновение Бобу страшно захотелось во весь голос проорать правду. Это не игра, это

реальность, это последняя решающая битва, и мы терпим поражение в этой битве! Но что это даст, кроме всеобщей паники, подумал он.

И уж совершенным абсурдом было даже думать о том, чтобы нажать кнопку и взять на себя командование боем. Эндер еще не сдался, не заболел. Бой выиграть невозможно, в него и ввязываться нечего. Жизни людей, что сидят внутри этих кораблей, не должны быть потеряны, как в безнадежной атаке Легкой Бригады у Фредериксберга. Я вам не генерал Бернсайд[20] и не отправлю своих людей на бессмысленную, никому не нужную гибель.

Если бы у меня был план, я бы еще взялся руководить сражением. Но у меня нет плана. Так что хорошо это или плохо, но это игра Эндера, а не моя.

Была и еще одна причина не брать на себя ответственность.

Боб вспомнил, как он когда-то стоял над распростертым телом хулигана, который был слишком опасен, чтобы пытаться приручить его, и шептал Недотепе: убей его сейчас же! Убей же его!

---

[20] Примечания: 20

Генерал Бернсайд во время Гражданской войны в США командовал армией северян в сражении под Фредериксбергом (13 декабря 1862 г.). Был разбит южанами и отошел, потеряв 12 тысяч убитыми.

Я был прав. И вот теперь снова — хулиганы должны быть уничтожены. Хотя я и не знаю, как это сделать, но мы *обязаны* выиграть эту войну. Я не знаю, как это сделать, я не Бог, я многого не знаю. И, возможно, Эндер тоже не видит решения, но если кто-то и может его найти, так только он.

Может, все не так уж безнадежно. Может быть, все же существует какой-то способ добраться до поверхности планеты и стереть жукеров в порошок, очистив от них всю вселенную? Может, пришло время чудес? Для Эндера мы все будем работать как безумные. Если же командование перейдет ко мне, ребята так огорчатся, что станут работать небрежно. Даже если бы у меня был план, который обещал бы хоть маленький шанс на победу, он не сработает, так как они не станут вкладывать в его воплощение свои души.

Эндер должен попытаться. Если он не сделает этого, мы погибли. Ибо если жукеры и не намеревались раньше посылать против нас флот, то теперь они просто обязаны это сделать. Ведь во всех предыдущих сражениях мы их флоты уничтожали. Если мы не выиграем и это, если не лишим возможности воевать с нами, они обязательно придут к нам. И на этот раз захватят с собой свое изобретение — очередного «Малень-

кого Доктора».

У нас есть только один мир. И только одна надежда.

Давай же, Эндер.

И тогда в уме Боба мелькнули слова, которые Эндер сказал им в тот день, когда приступил к первой тренировке армии Драконов: «Помните, ворота противника внизу». Ведь в последней битве Драконов надежды на победу тоже не было, но в игру вошла стратегия Эндера. Он послал Боба с его взводом приложить свои шлемы к воротам противника и тем самым обрести победу. Ах как плохо, что сейчас нет возможности сыграть такую же проделку с жукерами.

Доставить «Маленького Доктора» на планету жукеров и взорвать ее к чертям, вот какой фокус мог бы решить дело. Но сделать это отсюда невозможно.

Время сдаваться. Время выходить из игры. Время крикнуть им всем: нельзя поручать детям работу взрослых! Это невозможно! С нами покончено!

— Помните, — сказал Боб в микрофон, — ворота противника всегда внизу.

Муха Моло, Горячий Супчик, Влад, Самосвал, Бешеный Том угрюмо хмыкнули. Они были в

армии Драконов. И помнят, как использовались эти слова в последний раз.

Но Эндер, казалось, шутку не принял.

Казалось, он не понимал, что никакими средствами они не доставят на планету «Маленького Доктора».

В их ушах вновь прозвучал голос, отдающий приказы. Он приказал построить все корабли землян в тесный строй — в виде цилиндра, состоящего из нескольких оболочек.

Боб хотел крикнуть: не делай этого! На этих кораблях живые люди, и если ты пошлешь их в бой, они погибнут. Жертва ради недостижимой победы!

Но он прикусил язык, так как где-то в дальнем закоулке мозга, в самом удаленном уголочке сердца, все еще теплилась надежда, что Эндер все же сумеет сделать то, чего физически сделать нельзя. И пока жива была эта надежда, жизни тех людей можно было оправданно принести в жертву, так как в свое время они осмысленно и по собственной воле вступили на палубы кораблей и отправились в далекую экспедицию.

Эндер двинул свои корабли, делая попытку пробить брешь в непрерывно движущемся строе «облака» жукеров.

Конечно, враг видит, что мы пытаемся сделать, думал Боб. Конечно, жукеры видят, как второй, третий, четвертый натиск подводят корабли землян все ближе к поверхности планеты.

В любую минуту враг может уничтожить корабли землян, сконцентрировав свои силы на определенных участках. Почему он этого не делает?

Одна причина пришла на ум Бобу сразу же. Жукеры не осмеливаются сгустить свои порядки вблизи эндеровского «цилиндра», так как сближение кораблей даст землянам возможность пустить в ход «Маленького Доктора».

Затем пришла и другая мысль. А не может ли быть так, что здесь собралось слишком много кораблей жукеров? Не может ли быть, что королевы или королева тратят слишком много усилий своего мозга только на то, чтобы заставить десять тысяч кораблей клубящегося «облака» продолжать свое непрерывное движение, одновременно тщательно соблюдая необходимые интервалы между кораблями?

В отличие от Эндера матки-королевы не могли передать контроль над кораблями в руки своих подчиненных. Каждый отдельный жукер — всего лишь руки или ноги королевы. Теперь у нее сот-

ни, а может быть, многие тысячи ног и рук, и все они находятся в движении.

Вот почему они действуют столь неразумно. Слишком многое приходится держать под контролем. Вот почему отсутствуют осмысленные перемещения в «облаке», не организуются ловушки, не блокируется «цилиндр» Эндера, не пресекается его продвижение.

Фактически маневрирование жукеров ни к чему не вело. Эндер пробивался все дальше и дальше, а жукеры продолжали строить защитную толстую стену *позади* строя Эндера.

Но они же блокируют возможность отхода!

И тогда Боб понял третью и самую важную причину происходящего! Жукеры сделали *ошибочный* вывод из предыдущих сражений. До сих пор стратегия Эндера заключалась в том, чтобы уничтожить противника и в то же время свести к минимуму собственные потери. Он всегда оставлял себе возможность отхода. Жукеры, обладая колоссальным численным превосходством, находились в положении, когда можно было гарантировать, что земляне у них из рук уже не выскочат.

В начале сражения не было никакой возможности предсказать, что жукеры совершат такую

ошибку. Но ведь в истории великие победы происходили как из-за талантливых действий победителей, так и из-за глупейших ошибок, совершенных побежденными. Жукеры наконец-то поняли, что мы — земляне — высоко ценим жизнь каждого отдельного человека. Мы не жертвуем бездумно своими солдатами, ибо каждый из них — это королева роя численностью в одну единицу. Они поняли это, но в настоящую минуту это знание работало против них, так как мы — земляне — в определенных ситуациях, когда ставка очень высока, способны бросать в огонь собственные жизни. Мы кидаемся на гранату, чтобы спасти своих товарищей, сидящих в окопе. Мы встаем из окопов и атакуем окопавшихся солдат противника, и умираем как мухи, обрызганные дезинсекталем. Мы привязываем к собственному телу взрывчатку и подрываемся в толпе врагов. Мы действуем как безумцы, когда дело стоит того.

Жукеры не верят, что мы прибегнем к «Маленькому Доктору», так как в этом случае погибнут и все наши собственные корабли. С той минуты, как Эндер начал отдавать приказы, землянам стало очевидно, что речь идет о массовом самоубийстве. Эти корабли не рассчитаны на вхождение

в атмосферу. А для того чтобы подойти к поверхности атмосферы так близко, чтобы можно было запустить «Маленького Доктора», необходимо сделать именно это.

Надо спуститься вниз по «гравитационному колодцу» и запустить это оружие за секунду до того, как корабль сам вспыхнет в воздухе. Если это получится, если планета разрушится под воздействием тех сил, которые заключены в этом адском оружии, цепная реакция распространится на ближайший космос и уничтожит все корабли, которые еще уцелеют до этого.

Победа ли, поражение ли, все равно выживших землян после боя не останется.

Жукеры не ожидали, что мы можем пойти на такое. Они не способны понять, как это земляне, всегда действующие так, чтобы сохранить собственную жизнь, вдруг начинают действовать совершенно иначе, когда возникают особые обстоятельства. Опыт говорит жукерам, что автономно существующие разумные организмы не готовы приносить себя в жертву. Как только они разобрались в нашей анатомии, они уже посеяли семена собственного поражения.

Неужели многие дни, когда Эндер изучал видики с жукерами, его одержимость ими в течение

лет, проведенных в Боевой школе, привела к тому, что он каким-то непонятным образом *смог предвидеть*, что они совершат эту убийственную для них ошибку?

Я этого не знал. Я не мог бы прибегнуть к такой стратегии. Эндер — единственный командующий, который знал или догадывался, или подсознательно надеялся, что, когда он бросит все свои силы на прорыв, враг заколеблется, споткнется, упадет и это будет означать полное и безоговорочное истребление жукеров.

Но предвидел ли это Эндер? Не могло ли быть так, что он пришел к тому же выводу, что и я, — эту битву выиграть невозможно? И что он решил не играть ее вообще, что он забастовал, что он вышел из игры? А тут еще мои горькие слова, что «вражеские ворота всегда внизу». Может, они и толкнули его на гневный беспомощный жест отказа. И он швырнул свои игральные фишки-корабли, обрекая их на огонь и гибель, даже не подозревая, что это реальные корабли с живыми реальными людьми на борту? И что этим жестом он обрекает их на смерть? Не может ли быть, что он, как и я, был несказанно удивлен ошибками врага? Не может ли быть, что эта победа — чистая случайность, своего рода несчастный случай для

жукеров?

Нет! Даже если мои слова спровоцировали действия Эндера, он все равно тот, кто выбрал этот строй, эту тактику наскоков и отходов, этот зигзагообразный курс кораблей. Именно предыдущие победы Эндера заставили жукеров оценивать нас как существ с определенным типом поведения, тогда как мы оказались совсем другими. Он же все время делал вид, что мы — земляне — разумные существа, а мы на самом-то деле — самые жуткие монстры, которые жукерам могли привидеться лишь в кошмарных снах. Им-то неизвестна история слепого Самсона, обрушившего себе на голову стены храма, лишь бы уничтожить своих врагов.

На тех кораблях, думал Боб, находятся люди — яркие индивидуальности, которые отказались от своих домов, от своих близких, от мира, в котором родились, и все это ради того, чтобы пересечь просторы галактики и вступить в бой со смертельным врагом. Наверняка эти люди уже поняли, что стратегия Эндера обрекает их всех на смерть. В данную минуту у них в этом уже нет сомнений. И все же они повиновались и будут повиноваться приказам, которые приходят к ним из непредставимой дали. Подобно славной Легкой Бригаде, чьи солдаты приносили себя в

жертву, веря, что их командиры знают, что творят. А мы сидим в этих имитационных комнатах и играем в сложнейшую компьютерную игру, тогда как те люди повинуются нам и погибают, чтобы человечество могло продолжать жить.

И все же мы, командующие ими, мы — дети, сидящие в окружении сложнейших игровых машин, не имеем ни малейшего представления о доблести этих людей и их самоотверженности. Мы не можем почтить их так, как они того заслуживают, ибо просто не знаем, что они существуют в реальности.

Этого мы не знаем. Знаю только я один.

И тут в памяти Боба возник отрывок из Библии, который особенно любила сестра Карлотта. Возможно, он так много значил для нее потому, что она не имела детей. Она рассказала Бобу о мятеже Авессалома против его собственного отца — царя Давида. В бою Авессалом был убит. Когда известие об этом достигло Давида, а оно означало победу, оно означало, что солдатам больше не придется умирать, что трон царя в безопасности, а жизни его больше ничего не угрожает, все, о чем мог тогда думать царь Давид, была смерть его сына, его дорогого мальчика.

Боб втянул голову в плечи, чтобы его слова

были слышны только людям, находящимся под его командой. Но затем, помолчав немного, он нажал клавишу, которая должна была донести его голос до слуха всех людей на том бесконечно далеком от них флоте. Боб не имел никакого представления о том, как у них прозвучит его голос. Услышат ли они тонкий детский голосок, или он будет преобразован и станет голосом взрослого человека, или прозвучит как металлический голос машины. Это не имеет значения. В какой-то форме эти люди услышат его голос, переданный им со скоростью больше скорости света. Бог знает — как.

— О мой сын Авессалом, — тихо говорил Боб, впервые познав, какая боль могла извлечь такие слова из уст мужчины. — Мой сын, мой сын, Авессалом! О, кто дал бы мне умереть за тебя, Авессалом, сын мой… мои сыны…[21]Боб не совсем точно помнил текст, но Бог разберется. А если он не поймет, то уж сестра Карлотта поймет наверняка.

«Ну же! — говорил он про себя. — Давай же, Эндер! Победа рядом, не надо бросать игру. Враги уже поняли опасность. Они собирают силы. Они

---

[21] Примечания: 21
Библия, Вторая Книга Царств, глава 18, 33.

рассчитывают сбить нас с неба раньше, чем мы используем свое оружие».

— Ладно. Всем флотилиям, кроме флотилии Петры, — заговорил Эндер, — идти прямо вниз на предельной скорости. Применить «Маленького Доктора» против самой планеты. Тяните до самой последней секунды. Петра, прикрой их, как сможешь.

Командиры флотилий, в том числе Боб, продублировали приказ Эндера своим подразделениям. Больше делать было нечего. Сиди и наблюдай. Каждый корабль теперь действовал самостоятельно.

Только теперь противник осознал, что же происходит в действительности, и кинулся уничтожать камнем падающие вниз корабли землян. Эсминец за эсминцем гибли под залпами быстроходных кораблей жукеров. Лишь нескольким удалось достигнуть атмосферы планеты.

Держитесь, думал Боб. Держитесь, пока можете.

Корабли, которые вошли в атмосферу планеты первыми, видели, как сгорают в ней выпущенные снаряды «Доктора Дивайса», а потом сгорали и сами. За ними сгорели и несколько эсминцев, даже не успевших выпустить свое страшное оружие.

Остались только два эсминца. Один из них был из флотилии Боба.

— Не запускай его! — крикнул Боб в микрофон. — Пусть сработает прямо внутри корабля! И да благословит вас Бог!

Боб так и не узнал, какой эсминец — его или чужой — выполнил приказ. Он видел лишь, как оба корабля исчезли с дисплея, так и не выстрелив. А затем поверхность планеты стала пузыриться. Взметнулся гигантский язык пламени, похожий на извержение вулкана, слизнув с неба последние оставшиеся неповрежденными корабли землян. Это были корабли Петры, и люди на них — если еще были живы — могли видеть приближающуюся к ним смерть. Или победу, что было то же самое.

Имитатор показывал чудовищную картину: взорвавшаяся планета перемалывала бесчисленные флотилии жукеров, поглощая их цепной реакцией. Но еще задолго до того, как сгорел последний корабль жукеров, их маневрирование прекратилось. Флотилии противника были мертвы и просто дрейфовали подобно кораблям жукеров на видиках эпохи Второго Вторжения. Их королевы-матки погибли на самой планете. Гибель остальных судов — чистая формальность.

Все жукеры умерли гораздо раньше, вслед за своими королевами.

Боб появился в туннеле и увидел, что остальные ребята уже собрались там и живо обсуждают эффект взрыва планеты. Спор шел вокруг вопроса о том, может ли подобная вещь произойти в реальной жизни.

— Да, — сказал Боб. — Такое вполне возможно.

— Да ты-то откуда знаешь? — расхохотался Муха Моло.

— Конечно, знаю, — ответил Боб. — Это уже случилось на самом деле.

Они уставились на Боба, ничего не понимая.

— Когда случилось? Я ничего такого не слыхал. Где они могли испытать такое оружие? На какой планете? А, знаю… на Нептуне, конечно.

— Это произошло только что, — сказал Боб. — На родной планете жукеров. Мы ее только что взорвали. И все жукеры погибли.

Только теперь ребята поняли, что Боб вовсе не шутит. Последовали яростные возражения. Пришлось объяснить им кое-что о связи, работающей на скорости больше скорости света. Они все еще не верили.

Тут в разговор вмешался новый голос:

— Эта связь называется анзибль.

Все подняли глаза и увидели полковника Граффа, который стоял в туннеле в нескольких шагах от них.

Неужели Боб прав? Неужели битва была настоящая?

— Они все были настоящими, — сказал Боб. — Все так называемые тесты были настоящими битвами. И настоящими победами. Верно ведь, полковник Графф? Мы все время воевали с реальным противником?

— Все уже позади, — сказал Графф. — Род человеческий уцелел. Жукеров больше нет.

Теперь ребята поверили. Сообщение их поразило. Все кончено. Мы победили. Это была не тренировка. Мы были настоящими командирами флотилий.

И вдруг пришло тревожное молчание.

— Значит, *они все погибли?* — спросила Петра.

Боб кивнул.

Она вопросительно поглядела на Граффа.

— Сейчас мы получаем доклады. Вся разумная жизнь на планетах жукеров прекратила существование. Вероятно, они вывезли на центральную планету всех маток. Матка погибает — гибнут жукеры. Врагов не осталось.

Петра начала рыдать, уткнувшись лицом в

стену туннеля. Боб хотел успокоить ее, но Динк был уже рядом. Динк был друг, он обнял Петру и попытался утешить.

Как-то сразу повзрослев, ребята двинулись к своей казарме. Петра была отнюдь не одна, кто плакал. Только не ясно, чем вызваны были эти слезы — то ли горем, то ли облегчением.

Только Боб не вернулся к себе, возможно, потому, что он не перенес шока удивления. Он остался в туннеле с Граффом.

— Как перенес эту новость Эндер?

— Плохо, — ответил полковник. — Надо было сделать это более осторожно, но скрыть было трудно. Это же все-таки, как ни говори, победа.

— Итак, полковник, вы все же выиграли все ваши игры, — сказал Боб.

— Мне известно все, что у вас происходило, Боб, — отозвался Графф. — Почему ты все же не перехватил у него управление? Откуда ты знал, что у Эндера есть разработанный план кампании?

— Ничего я не знал, — ответил Боб. — Я знал совсем другое: у меня такого плана нет.

— Но то, что ты сказал… ворота противника внизу… это же и был план, которым воспользовался Эндер.

— Это не был план. Хотя возможно, что мои слова подтолкнули Эндера и он над ними задумался. Но план придумал он. Эндер. Вы поставили свои денежки на правильную лошадку, полковник.

Графф долго молча смотрел на Боба, потом протянул руку, положил ее ему на голову и слегка взъерошил волосы.

— Я думаю, — сказал он, — что вы тащили друг друга через финишную ленточку.

— Но теперь это уже ничего не значит, — сказал Боб. — Все позади, равно как и временное единство народов Земли.

— Да, — вздохнул Графф. Он убрал руку и провел ладонью по собственным волосам. — Я доверился твоему анализу. И попытался их предупредить. Если Стратег последовал моему совету, то сейчас агентуру Полемарха уже арестовывают и здесь, на Эросе, и по всем подразделениям флота — тоже.

— А может, они сами уйдут с миром?

— А это мы с тобой скоро узнаем.

До них донеслась стрельба, прозвучавшая в каком-то из отдаленных туннелей.

— По-видимому, нет, — заключил Боб.

Послышался топот бегущих ног, а затем показался небольшой отряд морских пехотинцев, всего около десятка.

Боб и полковник с нетерпением ожидали их приближения.

Друзья или враги?

— Все они носят одинаковую форму, — заметил Графф. — А ты и есть тот, кто привел их сюда, Боб. А вон за той дверью, — и он показал на дверь ребячьей казармы, — находятся важнейшие военные трофеи — командующие армиями на Земле, которые станут надеждой на победу. Ты и есть надежда Земли.

Солдаты подошли и остановились перед Граффом.

— Мы пришли, чтобы защищать детей, сэр, — сказал один из них.

— От кого?

— Люди Полемарха, видимо, сопротивляются аресту, сэр, — продолжал солдат. — Стратег велел, чтобы эти дети были спасены любой ценой.

Граффу здорово полегчало, когда он узнал, на чьей стороне солдаты.

— Вон за той дверью живет девочка. Я советую вам собрать их всех в тех двух казармах. Пусть побудут там некоторое время.

— А неужто это тот самый парнишка, который покончил с жукерами? — спросил солдат, указывая на Боба.

— Нет, но он один из них.

— Сделал это Эндер Виггин, — ответил Боб. — Эндер был нашим командующим.

— Он в одной из казарм? — продолжал допытываться солдат.

— Нет, он с Мейзером Ракхеймом. А этот парнишка останется со мной, — сказал полковник.

Солдат отдал честь и принялся расставлять своих людей в стратегически важных точках коридора. По одному часовому было выставлено у дверей казарм, чтобы ребята не могли выйти наружу и пострадать в возможных стычках.

Боб вприпрыжку бежал рядом с полковником, который решительно шагал куда-то по туннелю, оставив за спиной последнего солдата.

— Если Стратег все правильно рассчитал, то уже наверняка успел занять помещения, где находятся анзибли. Не знаю, как ты, а я хочу быть там, куда приходит информация со всего мира и откуда она уходит в тот же мир.

— А русский язык выучить трудно? — спросил Боб.

— Это у тебя сходит за юмор? — спросил Графф.

— Нет, это просто такой вопрос.

— Боб, ты шикарный мужик, но если можно — заткнись на минуту.

Боб засмеялся.

— О’кей.

— Ты не обижаешься, что я зову тебя «Бобом»?

— Это мое имя, чего ж обижаться.

— Твое имя — Юлиан Дельфийски. Когда тебе выдадут свидетельство о рождении, там так и будет написано.

— Так вы не шутили?

— Разве я мог солгать тебе в таком важном деле?

Затем, словно поняв абсурдность слов, только что сорвавшихся с языка Граффа, оба громко расхохотались. Они хохотали так долго, что еще продолжали улыбаться, когда проходили мимо отряда морской пехоты, охранявшего вход в комплекс анзиблей.

— Как вы думаете, кому-нибудь здесь может понадобиться мой военный совет? — спросил Боб. — Я ведь собираюсь принять участие в этой войне, даже если мне придется соврать насчет своего возраста, когда пойду записываться в морскую пехоту.

24. По домам

— Думаю, вам это надо знать. Есть плохие новости.

— В таких-то у нас недостатка нет, даром, что мы уже наполовину выиграли эту войну.

— Когда стало ясно, что Международная Лига Обороны Земли, захватившая Боевую школу, под защитой МКФ отправит ребят на Землю, Новый Варшавский Пакт произвел кое-какие исследования и обнаружил, что один из слушателей этой школы не находится под нашим контролем. Это Ахилл.

— Но он же пробыл там всего два дня!

— Он прошел тестирование. Он был принят. Он был единственным, кого они могли надеяться заполучить.

— Вот как! И они его получили?

— В тюрьме, где он находился, система безопасности была рассчитана лишь на предотвращение побегов. Три охранника были убиты. Заключенные разбежались и смешались с местным населением. Всех их потом вернули. Кроме одного.

— Значит, он на свободе?

— Если это можно назвать свободой, в чем я лично сомневаюсь. Они намерены его использовать.

— Им известно, кто он такой?

— Нет. Его личное дело засекречено. Просто малолетний преступник. Его досье они не стали запрашивать.

— Они все узнают. В Москве ведь тоже не любят серийных убийц.

— О, его не так-то легко прищучить. Сколько умерло людей, прежде чем мы стали его подозревать?

— Война кончается.

— Но уже начались всяческие жульнические махинации, чтобы начать ее заново.

— Если повезет, полковник Графф, то я к этому времени уже умру.

— Если говорить откровенно, сестра Карлотта, то я уже не полковник.

— Неужели они все-таки решатся отдать вас под трибунал?

— Пока ведется следствие, вот и все. Расследование.

— Не могу понять, зачем им это нужно! Козел отпущения, хотя мы выиграли войну?

— Со мной все будет в порядке. Солнце над Зем-

лей все еще сияет.

— Но никогда луч света не упадет на тот мир.

— Ваш Бог — это и их Бог, сестра Карлотта? Вознесет ли Он их на свои небеса?

— Он не мой Бог, мистер Графф, но я Его дитя, так же как и вы. Я не знаю, как он смотрит на муравьеподобных и видит ли он их своими детьми.

— Дети! Сестра Карлотта, как забыть о том, что я творил с ними?

— Но вы же дали им возможность вернуться в мир, где находится их дом.

— Всем, кроме одного.

Потребовалось несколько дней на то, чтобы люди Полемарха успокоились и сдались, а командование МКФ полностью оказалось в руках Стратега. Ни один корабль не мог выйти в полет, если им командовали мятежники. Полный триумф. Гегемон подал в отставку, как того требовали условия мирного договора, но это была чистая формальность, утвердившая лишь то, что случилось раньше.

Боб оставался с Граффом все время, пока шли бои, и они вместе читали поступавшие донесения о том, что происходит на флоте и на Земле. Они обсуждали сложившуюся ситуацию и пробовали читать между строк, интерпретируя информа-

цию со своих позиций. Для Боба война с жукерами ушла в далекое прошлое. Сейчас самым главным было то, что происходит на Земле. Когда был подписан весьма неустойчивый договор, временно остановивший войну, Боб уже знал — долго мир не продержится. Его — Боба — очередь еще придет. Оказавшись на Земле, он сумеет подготовить себя к новой роли получше. Война Эндера кончилась, следующая будет его войной.

Пока Боб жадно поглощал новости, другие ребята сидели в своей казарме под охраной солдат. Когда в их части Эроса отключилось электричество, они несколько суток просидели в полной тьме. Дважды в туннелях их секции вспыхивали схватки. Ясности в том, предприняли ли русские попытку захватить детей или просто хотели прощупать прочность позиций Стратега, не было.

Эндера охраняли еще строже, чем остальных ребят. Правда, сам он этого не знал. Его нервная система была так истощена, что он не мог или не хотел нести дальше свое тяжелое бремя. Многие дни он провел без сознания.

В себя Эндер пришел лишь тогда, когда все было кончено.

Когда миновало временное заключение ребят, они наконец смогли собраться все вместе и вме-

сте же совершили паломничество в комнату, где под охраной солдат и врачей лежал Эндер. Внешне он выглядел оживленным и даже готовым шутить и смеяться. Но в глубине его глаз Боб увидел такую тоску, не заметить которую было просто невозможно. Победа обошлась Эндеру куда дороже, чем остальным ребятам.

Дороже, чем мне, подумал Боб, хотя я и знал, что делаю, тогда как Эндер и не подозревал о том, что происходит на самом деле. Он терзает себя, а я — встряхнулся и пошел дальше. Может, это потому, что смерть Недотепы значит для меня гораздо больше, нежели гибель целого вида существ, которых я никогда не видал. Ее я знал, и она продолжает жить в моем сердце. А жукеров я отроду не видал, так как же я могу о них горевать?

А вот Эндер на это способен.

После того как они посвятили Эндера во все, что случилось за время его сна, Петра нежно погладила его по голове.

— Как ты теперь? — спросила она. — Ты так напугал нас. Ведь нам говорили, что ты сошел с ума, но мы им ответили, что это у них самих крыша поехала.

— Я сошел с ума, — ответил Эндер, — но мне кажется, что я в порядке.

Снова началась болтовня, но тут эмоции пересилили Эндера, и ребята в первый раз в жизни увидели, как он плачет. Боб стоял как раз рядом с ним, когда Эндер протянул руку и обнял его и Петру. Прикосновение руки Виггина, его объятие — всего этого Боб перенести не мог и тоже разрыдался.

— Мне так недоставало вас, — прошептал Эндер. — Я страдал от того, что не мог увидеться с вами.

— Вот и ладно, — ответила Петра, — а то увидел бы, какие мы слабаки. — Она не заплакала, а только поцеловала его в щеку.

— Я вижу, какие вы молодцы, — продолжал Эндер. — И тех, в которых я больше всего нуждался, я эксплуатировал сильнее всего. Никудышно я все спланировал.

— Теперь мы все в порядке, — перебил его Динк. — Ни с кем не произошло ничего такого плохого, чего бы не могло излечить пятисуточное пребывание в полной темноте в разгар военных действий.

— Я ведь уже не ваш командир, верно? — спросил Эндер. — Потому что я больше не желаю никем командовать.

В это Боб мог поверить. И в то, что Эндер ни-

когда не будет больше участвовать в военных действиях. Возможно, в нем еще живы таланты полководца, которые привели его сюда — на Эрос, но они не должны использоваться для убийств. И если где-то во вселенной еще сохранится доброта или хотя бы справедливость, Эндер больше никогда не возьмет чужую жизнь. Свою квоту он вычерпал с лихвой.

— Ты можешь никем не командовать, — сказал Динк, — но ты навсегда останешься нашим командующим.

Боб ощутил справедливость этих слов. Среди них нет никого, кто не унесет в своем сердце память об Эндере. Куда бы ни забросила их жизнь и чем бы они ни занялись в будущем.

Но вот чего не могло сделать сердце Боба, так это заставить его самого рассказать друзьям, что на Земле обе противоборствующие стороны требуют, чтобы именно им было передано право на «защиту» несовершеннолетнего Эндера Виггина, чья славная победа над жукерами превратила его во всеобщего идола. Та сторона, которая получит его, приобретет не только отточенный ум военного гения, но и выгоды от атмосферы обожания, окутывающей его, и от восторгов, которые вызывает один звук его имени во всех сердцах.

Поэтому, когда политические лидеры начали вырабатывать условия мирного договора, они достигли простого и всем понятного компромисса. Все дети из Боевой школы репатриируются. Кроме Эндера Виггина.

Эндер Виггин никогда не вернется домой. Ни одна партия Земли не должна его использовать. Вот такой компромисс.

А предложил его Локи. Родной брат Эндера.

Когда Боб узнал об этом, он похолодел. Так же он почувствовал себя, когда думал, что Петра предала Виггина. Это было несправедливо. Так не должно было случиться.

Может, Питер Виггин не хотел, чтобы его брат стал пешкой в руках политиканов? Может быть, он хотел дать Эндеру свободу? А может, он не хотел, чтобы Эндер воспользовался своей популярностью и включился в борьбу за власть? Что же произошло: спасал Питер своего брата или избавлялся от конкурента?

Когда-нибудь, думал Боб, я встречу Питера и узнаю все. И если он предал брата, я его уничтожу.

И когда Боб рыдал в комнате Виггина, то слезы его лились еще и потому, что он знал то, чего не знали остальные. Он плакал о том, что, как и

те солдаты, которые погибли на своих кораблях у далекой планеты, Эндер никогда не вернется домой.

— Ладно, — сказал Алаи, наконец нарушив молчание. — А что же нам делать? Война с жукерами окончена, на Земле вроде тоже, даже здесь боев больше нет. Что будем делать мы?

— Мы — дети, — сказала Петра. — Нас вернее всего пошлют в школу. Таков закон. До семнадцати лет надо ходить в школу.

Все захохотали, но на этот раз смех не перешел в слезы.

Потом в течение нескольких дней они неоднократно виделись друг с другом, пока их не посадили на разные корабли — крейсеры и эсминцы — и не отправили на Землю. Боб знал, почему они улетают на разных кораблях — так никому в голову не придет спросить: а где же Эндер? Правда, если бы Эндер еще до их отъезда узнал, что он не вернется на Землю, он наверняка не высказал бы своего мнения по этому поводу.

Елена с трудом сдержала крик радости, когда позвонила сестра Карлотта и спросила, будут ли они с мужем дома примерно через час?

— Я привезу вашего сына, — сказала она.

Николай! Николай! Николай! Елена повторяла

это имя много раз — и мысленно, и шепотом. Ее муж чуть ли не танцевал, носясь по дому и приготовляя все к приезду дорогих гостей. Николай был таким маленьким, когда его забрали от них. Теперь он стал куда старше. Они и представить не могут, через что ему пришлось пройти. Но все это пустяки. Они любят его. Снова будут учиться понимать Николая. Не позволят прошедшим годам омрачить те счастливые годы, которые ждут их впереди.

— Вижу машину! — крикнул Юлиан.

Елена кинулась снимать крышки с готовящихся блюд. Пусть ее Николай сразу войдет в кухню, наполненную ароматами самых душистых, самых свежих яств, которые напомнят ему дни его детства. Что бы они ни ели в их космосе, а такого там не получишь!

А потом она помчалась к двери и встала рядом со своим мужем, наблюдая, как сестра Карлотта спускается с переднего сиденья.

Но почему она не ехала на заднем, вместе с Николаем?

Не имеет значения. Вот открывается боковая дверца, из нее появляется Николай — такой стройный и такой худощавый. Какой же он высокий! И все-таки видно, что он еще мальчик.

Что-то в нем есть совсем детское.

Беги ко мне, сынок, беги.

Не бежит. Больше того, повернулся спиной и зачем-то полез в заднее отделение. Ах, он что-то ищет. Надо думать, подарок…

Нет. Еще какой-то мальчик.

Куда меньше ростом, чем Николай, а вот лицом похож. Лицо какое-то слишком изможденное для ребенка такого возраста, но на нем то же мягкое выражение, что и на лице Николая. Николай прямо расплылся в улыбке. А мальчик не улыбается. Держится как-то неуверенно. Скованно, что ли.

— Юлиан, — говорит муж.

Только почему он произносит собственное имя?

— Наш второй сын, — говорит он. — Они не все умерли, Елена. Один остался в живых.

Надежда когда-либо увидеть тех малюток глубоко погребена в ее сердце. И открывать дверцу, ведущую туда, больно. Она вздрогнула от внезапной боли.

— Николай встретился с ним в Боевой школе, — продолжает муж. — Я сказал сестре Карлотте, что если бы у нас был второй сын, ты назвала его Юлианом.

— Значит, ты знал, — шепчет она.

— Прости меня, любимая. Сестра Карлотта еще не была полностью уверена, что он наш. И в том, что он сможет вернуться домой. Я не мог дать тебе надежду только для того, чтобы тут же отнять ее и разбить твое сердце.

— У меня два сына, — говорит она.

— Да, если ты захочешь. У него была ужасно тяжелая жизнь. Здесь он чужой. Греческого языка не знает. Ему сказали, что он едет к нам на каникулы. Официально он не наш ребенок, а скорее опекаемый государством. Мы можем не брать его, если ты не хочешь, Елена.

— Помолчи, глупыш, — шепнула она, а затем крикнула приближающимся детям: — Вот мои сыновья! Они вернулись домой с войны. Бегите же к своей маме. Я так ждала вас обоих столько долгих лет.

Они бросились к ней, и она сжала их в объятиях. Ее слезы капали на них обоих, а руки мужа спокойно и ласково легли на головы детей.

Потом заговорил муж. Елена услышала эти слова и тут же узнала, откуда они. Слова из Евангелия от Луки. Но поскольку он помнил их лишь в греческом варианте, то малыш их не понял. Пустяки. Николай уже начал переводить их на Всеобщий язык, на язык МКФ. И тогда Боб

повторил их так, как запомнил со слов сестры Карлотты, читавшей ему:

— Станем есть и веселиться. Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся[22].

И тогда малыш расплакался и прильнул к матери, одновременно целуя руку отца.

— Приветствую тебя в нашем доме, братишка, — сказал Николай. — Я ж тебе говорил, что они у нас клевые родители.

[22] Примечания: 22
Евангелие от Луки, глава 15, 23–24.

Вл. Гаков
Проповедь-бестселлер Орсона Скотта Карда

Споры на тему «что такое хорошая научная фантастика» ни к чему путному не приводят: мнений обычно столько же, сколько спорящих. Однако вряд ли кто станет возражать против того, что лучше быть богатым и здоровым, чем… ну и так далее. Как хорошо, когда в научно-фантастическом произведении одновременно присутствуют идея (моральная, философская, религиозная, научная) и — увлекательный сюжет! Когда книга чему-то учит, заставляет задуматься, — а с другой стороны, ее просто интересно читать.

Весь вопрос в этом самом «с другой стороны». Пророки обычно патетичны и серьезны до занудства, а популярные беллетристы, напротив, в массе своей пусты и поверхностны. Совместить философскую глубину (или религиозную Весть) с увлекательным сюжетом, — тут нужен талант особый.

Один из немногих в сегодняшней американской фантастике, кто им, безусловно, обладает, —

это Орсон Скотт Кард.

Что касается желания и умения проповедовать, то корни этого скрыты в биографии писателя. Хотя она-то на первый взгляд ничем особенным и не блещет.

Родился Орсон Скотт Кард 24 августа 1951 года в городе Ричленде (штат Вашингтон), а детство и юность провел в Калифорнии. Во время учебы на факультете археологии в университете Брайэм-Янг (в городе Прово, штат Юта) Кард писал пьесы и был импресарио местной театральной труппы. Он окончил университет с дипломом театрального режиссера; а еще один диплом — филолога — получил в университете штата Юта (в Солт-Лейк-Сити). После этого будущий писатель-фантаст работал театральным режиссером, корректором, сочинял мюзиклы, редактировал студенческую газету, преподавал в различных университетах США.

Остается добавить, что ныне Орсон Скотт Кард живет в городе Гринсборо (штат Северная Каролина) с женой Кристин — между прочим, единственной! (Смысл этого уточнения станет ясен ниже.) И растит пятерых детей, чьи имена выбраны, очевидно, с учетом литературным пристрастий отца: Джоффри (в честь Чосера),

Эмили (в честь Дикинсон и Бронте), Чарлз (в честь Диккенса), Зина Маргарет (в честь Маргарет Митчелл, автора «Унесенных ветром») и Эрин Луиза (в честь малоизвестной у нас писательницы Луизы Олкотт).

И все. Единственное, за что может зацепиться взгляд особо эрудированного читателя, — это город Солт-Лейк-Сити в штате Юта. Знаменит он тем, что там расположен главный храм Мормонов. А если добавить, что Кард получил воспитание в этой весьма колоритной религиозной общине, по сей день является практикующим проповедником (у мормонов, как и у прочих протестантских общин, институт рукоположения отсутствует) и два года добровольно служил миссионером в Бразилии, — то многое становится ясно.

По крайней мере все его произведения после этой дополнительной информации читаются по-новому. И чтобы понять их в полной мере, нужно хотя бы в общих чертах представлять себе, кто такие мормоны и что за религию они исповедуют.

Мормоны — течение внутри протестантизма (официально именуемое «Церковью Иисуса Христа святых последнего дня»), которое зиждется на крепком и весьма колоритном фундаменте.

Секрет замеса — в сочетании нескольких ингредиентов, каждый из которых сам по себе ничего из ряда вон выходящего не представляет. Но вот их комбинация…

Это, во-первых, семья — как основа основ человеческого сообщества. Причем, мормоны допускали и полигамию, за которую их долгое время преследовали, пока они добровольно-принудительно не отказались от своего «пережитка» (вот смысл моей реплики по поводу «единственной жены Карда»: он — мормон современный, цивилизованный!). Во-вторых, ощущение собственной уникальности и избранности (впрочем, этим одержимы все без исключения конфессии).

Далее — мессианство, проистекающее из причудливой мифологии мормонов, чья цель — «собрание племен израилевых и восстановление истинной христианской церкви». В их священном писании — Книге Мормона — утверждается, в частности, что потомками ветхозаветных «племен израилевых», растерявшихся во время блуждания по пустыне, являются коренные жители североамериканского континента! Наконец, добавим еще обязательное присутствие лидера-харизматика, плюс выкованную за долгие годы гонений внутреннюю стойкость членов

общины.

Немудрено, что характер и убеждения будущего писателя его духовная семья воспитала соответствующие. Во всяком случае, мало кто в американской фантастике может быть поставлен на одну доску с Кардом во всем, что касается искусства проповеди, донесения до читателя благой Вести. Причем, Кард умудряется еще и облечь свою проповедь в такую увлекательную сюжетную облатку, что «паства» досиживает до конца службы, разинув рты от восхищения!

Тут, правда, палка о двух концах. Многие читатели (особенно, подозреваю, это касается наших, для коих мормоны — что-то уж совсем из Туманности Андромеды), завороженные ярким сюжетным фантиком, могли этой Вести вовсе не расслышать. А ведь проповедник так старался…

Впрочем, лучше любого «ликбеза» о том, кто такие мормоны и чего они хотят, расскажут произведения их достойного ученика — Орсона Скотта Карда.

Свое писательское кредо он излагает так:

«Оглядываясь назад, оценивая все мною написанное, я и сам вижу, сколь навязчиво в нем повторяются одни и те же мотивы и темы. Некоторые были замечены рецензентами, а за иные

меня даже поругивали в прессе. Что ж, в момент написания конкретных книг я об этом как-то не задумывался — по-видимому, эти мотивы и темы были отражениями неосознанных (хотя для меня и бесспорных) моральных убеждений.

Мои герои почти всегда добровольно взваливают на себя ответственность за судьбу сообщества, в котором выросли, — хотя их часто об этом не просят. И почти всегда они готовы терпеть — и терпят — невыносимые страдания, несут жертвы ради спасения своей „семьи“, если понимать под этим общину. Некоторые склонны видеть в этом проявление бессмысленного насилия; я же нахожу, что подобная жертвенность есть проявление высшего смысла человеческой натуры, врожденное богоподобие человека, отрицающего расхожее представление о своей будто бы греховности с момента рождения.

Видимо, этим и объясняется то, сколь часто моими героями оказываются дети или иные существа изначально невинные. В будущем им предстоит взвалить на свои плечи ответственность, которую они не в состоянии вынести — и все-таки они делают это! Вне зависимости от того, дети это или взрослые, мои герои чаще всего изолированы от сообщества, которое под-

держивают.

Обычно это связано с каким-то исключительным врожденным даром — или столь же исключительной слабостью; при том, что слабости или боль они осознают быстро и без усилий, а вот дремлющие в них добродетели — не всегда и не сразу.

Они обычно планируют свои поступки, будущую жизнь (или кто-то планирует ее за них), однако все эти планы реализуются лишь частично. Тем не менее все деяния и свершения моих героев — результат лишь их собственного выбора, действий и усилий. Они никогда не становятся игрушками в руках каких-то надмирных богов; более того, и высшие существа в достижении своих целей — явно или неявно — но также оказываются зависимыми от своих созданий!

И последнее. Все мои произведения пронизывает одно простое, но крепкое убеждение: человек способен к совершенству. Хотя бы к частичному — стоит только пожелать и сделать».

Действительно, через все без исключения произведения Карда проходит сквозная тема взросления и моральной трансформации человеческой личности, соответствующей мифологическому обряду инициации. Его герой из

подростка — умного и амбициозного, но в то же время равнодушного и зависимого от других, — превращается в мужчину, мудрого, волевого и ответственного. И автор никогда не забывает о своем миссионерском призвании, неизменно вынося героям моральную оценку.

Однако будь Кард только лишь религиозным проповедником, вероятно, книги его, если бы и не занимали верхние строки списков бестселлеров, то уж никак не по ведомству научной фантастики. Он же вдобавок к сильному дару религиозного убеждения обладает и несомненным даром рассказчика. Как метко сказал английский критик Джон Клют: «Кард не может не рассказывать увлекательные истории, для него это как бы добровольно принятая схима, обет, служение. Если он в чем-то гениален, то это гениальность прирожденного рассказчика. Если у него есть главный недостаток, так это невыветривавшийся дух миссионерства — нести людям благую Весть для него обязанность почетная, но одновременно пафосная и героическая».

Снова предоставлю слово самому Карду. Как всякий проповедник, он на короткий вопрос: «Ваш творческий метод?» — всегда готов прочитать целую лекцию:

«Когда я рассказываю читателю свои истории, то, в основном, следую внутреннему ощущению происходящего: что именно должно произойти с моими героями, что важно и что достоверно. Я не подписываюсь ни под каким литературным манифестом, не следую ни одной литературной догме и ни разу не приступал к сочинению романа или рассказа с изначальным представлением, что на данный момент считается „литкорректным“.

Фактически, меня интересует не *написание рассказа* (story writing), а само *рассказывание* историй (storytelling). Мне кажется, искусство рассказывания невозможно преподать; это какой-то особый дар — умение создавать у слушающих или читающих ощущение ложной памяти, как будто они слышат или читают историю частично знакомую. Ту, что вызывает смутные отголоски в их сознании.

Мои читатели быстро обнаружат, что в моей так называемой „научной фантастике“ собственно науки — кот наплакал. Я использую свободу, данную жанром, для того, чтобы создавать ситуации, в которых могли бы развертываться мои истории, но никогда не пытаюсь предсказать или описать будущее. Ни разу не пробовал написать

утопию или рапсодию на тему будущей инженерии; с другой стороны, меня мало волнует мода дня — поэтому вы почти не встретите в моих произведениях модных тем, будь то наркотики, рок-музыка, движение за мир или ядерная война. Равным образом я равнодушен к чисто литературному эксперименту: большинство сегодняшних так называемых литературных экспериментов — худшие повторения ошибок и неудач модернистской литературы начала века».

В лидеры американской science fiction (в меньшей степени это относится к жанру фэнтези) писатель вырвался стремительно и неудержимо. Пройдя в середине 1970-х годов горнило знаменитого семинара молодых фантастов Кларион, Кард дебютировал в 1977-м повестью, сразу же номинированной на премию «Хьюго». И уже в следующем был отмечен первым высоким трофеем: Премией имени Джона Кэмпбелла, присуждаемой самому многообещающему молодому

автору[23].

Дебютная повесть «Игра Эндера» положила начало долгой серии о военном курсанте будущего Эндрю Виггине по прозвищу Эндер. Вообще-то это прозвище «говорящее», учитывая характер деятельности героя: Уничтожитель, Разрушитель — короче, Конец-Врагам! — но наши переводчики ленивы, и посему — ничего не поделаешь — герой Карда уже прочно прописан у нас под «иностранно» звучащей фамилией Эндер…

Первые два романа цикла об Эндере принесли Карду даже не по одной высшей премии, а по «дублю». Между прочим, первый случай в истории science fiction, когда автор собирал полный комплект два года подряд — как за роман, так и за его продолжение!

При любом отношении к идеям Карда, следует признать роман «Игра Эндера» (1985), выросший из одноименной повести, событием действитель-

---

[23] Примечания: 23

Любопытно, что первым литературным редактором Карда стал Бен Бова, в те годы возглавлявший ведущий журнал «Analog», а лит-агентом — жена редактора Барбара Бова. Эта «семейственность» вызвала в мире science fiction немалый скандал. Коллеги Карда посчитали, что новичка просто обвели вокруг пальца: если твой литагент — жена редактора, то чьи же интересы она блюдет в первую очередь: своего клиента или мужа? Как и положено на цивилизованном рынке, продавец (литагент) и покупатель (издатель, редактор) — это субъекты конфликтующие, соперничающие. — *Здесь и далее примеч. автора.*

но неординарным.

Первые ассоциации, которые возникают при поверхностном чтении: традиционная «военно-космическая» фантастика а-ля Хайнлайн или Диксон, ничего нового! Дело происходит в далеком будущем, когда человечество, пережив два нападения со стороны беспощадных инопланетных жуков — и не желая быть окончательно «зачищенным» во время ожидаемого третьего! — с помощью генетической селекции принялось выращивать элитных суперсолдат.

Ну и что — подумаешь, удивил! Сразу же вспоминается вызвавший в свое время скандал роман Хайнлайна «Звездная пехота», тем более — его демонстративно милитаристская экранизация, осуществленная Полом Верхувеном: такие же гады-жучищи, которым противостоят доблестные, не знающие сомнений земные вояки, идущие на воинскую службу по зову долга («Армия сделает тебя мужчиной, сынок!»).

Однако Кард в отличие от Хайнлайна менее всего одержим желанием воспеть суровую романтику армейских будней, тем более его не интересуют собственно батальные сцены. А вот психология взрослеющего подростка, моральная ответственность за принятие решения — это да,

это как раз превосходная тема для моралиста-проповедника.

Эндер проходит долгий путь от одинокого, неуверенного в себе салаги до красы и гордости военной академии, идеально подготовленного воина-профи. Его военная подготовка начинается с серии тактических игр-симуляций, в которых выковывается характер будущего бойца. А духовное взросление — с того момента, когда кадет-отличник внезапно обнаруживает, что игры-то в войну, собственно, кончились. И он на самом деле ведет земной космический флот на территорию врага. И для полной победы над врагом Эндеру на самом деле придется осуществить ни много ни мало, как космический геноцид, названный автором «ксеноцидом»!

Это уже проблемы не галактические и не далекого будущего, а наши — насущные, земные. И тут уже не космические солдаты Хайнлайна приходят на память, а скорее иные литературные персонажи: филдинговский Том Джонс, юный король Генрих IV из дилогии Генриха Манна…

Время действия романа-продолжения «Говорящий от имени мертвых» (1986; в русском переводе — «Голос Тех, Кого Нет») отнесено на три тысячи лет вперед. Правда, главный герой благодаря ре-

лятивистским эффектам почти не постарел, зато галактическая война, к которой его так долго готовили, в основном закончена. Жукоглазые враги рода человеческого тоже, кажется, осознали, что безуспешно пытались искоренить не хищников зверей, а расу таких же разумных существ. Да поздно: от врагов землян осталась в живых лишь Королева-Матка. С ее коконом и в компании сестры Валентины (у которой своя миссия — быть своего рода галактическим летописцем) мечется с планеты на планету заметно повзрослевший Эндер. Теперь уже не хладнокровный воин-уничтожитель, но грешник, жаждущий искупления: он ищет подходящее место, где новая прародительница жучиного племени сможет дать потомство. А кроме того, еще и добровольный миссионер, несущий Весть от исчезнувшей — не без его помощи — цивилизации…

Первые два романа произвели впечатление бомбы, и восторги критиков, премии и огромные тиражи можно было легко прогнозировать. А дальше началось то, чего и следовало ожидать: Карда обуял «сериальный зуд» — получается, что от сей планиды не застрахованы даже чистые помыслом религиозные миссионеры!

По пятам успеха первых двух томов (в 1986 году

они вышли под одной обложкой как «Война Эндера») последовали один за другим продолжения: «Ксеноцид» (1991), «Дети разума» (1996), «Тень Эндера» (1999) и «Тень Гегемона» (2000). Для любителей сериалов и эти книги представят интерес; для тех, кто, подобно автору этой статьи, к такой продукции относится более чем прохладно, — ничего принципиально, качественно нового по сравнению с первыми двумя не сообщат.

Хотя три последние книги представляют собой не продолжения первых двух, а скорее новый взгляд на события, описанные в первом романе — подобно тому, как это сделали Акутагава в «Расёмоне» или Лоуренс Даррелл в «Александрийском квартете», — нет сомнений в том, что жила будет разрабатываться до победного конца. То есть до своего полного истощения.

Между прочим, в литературном отношении указанным книгам не уступает и другой цикл Карда — о богоподобном мессии Джейсоне Вортинге, основателе земной колонии на далекой планете.

Начатая романом-дебютом «Жаркий сон» (1979; позже переиздан под названием «Хроники Вортинга»), серия состоит из связанных между собой

новелл-легенд[24] об Учителе, пересказанных учеником-апостолом Вортинга, Ларедом. Вероятно, как раз чрезмерная «литературность» цикла, мифопоэтическая глубина и многоплановость оказались непреодолимым барьером для американских фэнов, и в результате эта серия Карда незаслуженно потерялись в тени баснословного успеха цикла об Эндере.

Еще одна популярная серия Орсона Скотта Карда — об Элвине-Творце (кажется, и ей не избежать превращения в долгоиграющую пластинку), — написана в жанре фэнтези. Жизненный путь героя весьма напоминает апокрифическое житие реального основателя мормонской церкви Джозефа Смита (1805–1844) — с той разницей, что действие происходит в альтернативной Америке прошлого века. На сегодняшний день в цикл входят шесть романов — «Седьмой сын» (1987), «Рыжий пророк» (1988), «Подмастерье Элвин» (1989), «Элвин-поденщик» (1995), «Огонь сердца» (1998) и «Скитания Элвина» (1998), — а также сборник «Хроники Элвина-творца» (1998) и повесть «Река Хэтрэк» (1986), принесшая автору

[24] Примечания: 24

Многие рассказы цикла вошли в сборник «Капитолий» (1978), а большинство издано в 1990 году под одной обложкой как «Сага о Вортинге».

Всемирную премию фэнтези[25].

Подобно Эндеру и Элвину, избранником судьбы становится и герой двух лирических повестей, написанных на стыке научной фантастики и фэнтези: «Микал — певчая птица» и «Мастер-песенник» (обе вышли в 1979 году и годом позже были переизданы под одной обложкой как роман «Мастер-песенник»). На сей раз, правда, герою уготована стезя не бранная и не религиозная — ему светит почетная должность личной «певчей птицы» императора Галактики. Что предполагает исполнение Микалом сразу нескольких своеобразных функций: придворного поэта, шута и даже возлюбленного монарха…

Кроме многотомных сериалов, Кард с не меньшим успехом пробовал себя в короткой форме. Многие его повести и рассказы номинировались на высшие премии, включались в многочисленные сборники «лучшего за год»: это повести «Око за око» (1987), принесшая автору очередную премию «Хьюго» и содержащая любопытный и во многих отношениях нетривиальный «свод прав и обязанностей сверхчеловека», и «Гуляющий с собакой» (1989), а также рассказы

[25] Примечания: 25

В том же пограничном жанре написаны романы «Ящик сокровищ» (1998) и «Плоть дома» (1998).

«Потерянные парни» (1989, позже переписанный в современный роман о духах[26]) и «Соната без аккомпанемента» (1979).

А еще Кард написал десяток пьес, цикл новелл о мормонской общине в мире после катастрофы — «Народ на краю Земли» (1989), исторический роман «Женщина, выбравшая свою судьбу» (1984) и руководство для начинающих писателей-фантастов «Как писать научную фантастику и фэнтези» (1990), также завоевавшее премию «Хьюго» (в номинации non-fiction). Не говоря об удачной новеллизации сценария известного научно-фантастического фильма Джеймса Камерона «Бездна»...

Все последнее десятилетие Орсон Скотт Кард работал не покладая рук. Он не только разрабатывал упомянутые две «жилы» — циклы об Эндере и Элвине, но откопал для себя и третью: научно-фантастическую пенталогию (пока!) «Возвращение домой». В этой серии успели выйти романы «Память Земли» (1992), «Зов Земли» (1993), «Корабли Земли» (1994), «Рожденный на Земле» (1995) и «Осень Земли» (1995).

Писатель также попробовал себя в новых

---

[26] Примечания: 26

В том же пограничном жанре написаны романы «Ящик сокровищ» (1998) и «Плоть дома» (1998)

жанрах — в частности, подобно многим своим коллегам, основательно занялся построением «альтернативных историй».

Герои романа «Вахта прошлого: искупление Христофора Колумба» (1996), чья деятельность сродни занятиям азимовских Вечных или андерсоновских Стражей Времени, отправляются в прошлое, чтобы предотвратить открытие Америки Колумбом. Во всяком случае — предотвратить его возвращение в Европу с добрыми вестями о Новом Свете. Недурно для писателя-американца… В дальнейшем Кард планирует разобраться еще с двумя поворотными пунктами человеческой истории: Ноевым Ковчегом и изгнанием из рая — недурно и для практикующего религиозного проповедника!

Действие его последней книги — романтической фантазии «Чары» (1999) — так вообще отнесено на… Украину IX века! Именно туда из 1999 года прямиком попал американский аспирант, специалист по славянскому фольклору, на свою голову разбудив местную Спящую Царевну-хохлушку. Герои свободно путешествуют по времени, а по следам их рыщет — угадайте кто? — цитирую самого Карда (с его домашней Web-странички в Интернете): «зловещая анти-

героиня русского фольклора, ведьма по имени Баба-Яга»!

Нет, он воистину неутомим в своем служении: не так, так эдак — но старается донести свою Весть. Впрочем, ленивым в рядах миссионеров не место.

Фантастика Орсона Скотта Карда (Книжные издания)

1. Сб. «Капитолий» (Capitol, 1978).
2. «Жаркий сон» (Hot Sleep, 1979); доп. изд. — «Хроники Уортинга» (The Worthing Chronicle, 1983).
3. «Планета по имени Измена» (A Planet Called Treason, 1979); выходил также под названием «Измена» (Treason).
4. «Мастер-песенник» (Songmaster, 1980).
5. Сб. «Соната без аккомпанемента» (Unaccompanied Sonata, 1981).
6. «Надежда Харта» (Hart's Hope, 1983).
7. «Игра Эндера» (Ender's Game, 1985).
8. «Голос Тех, Кого Нет» (Speaker for the Dead, 1986).
9. Сб. «Война Эндера» (Ender's War, 1986).
10. Сб. «Кардография» (Cardography, 1987).
11. «Седьмой сын» (Seventh Son, 1987).
12. «Вирмы» (Wyrms, 1987).
13. «Рыжий пророк» (Red Prophet, 1988).
14. «Подмастерье Элвин» (Prentice Alvin, 1989).

15. Сб. «Река Хэтрак» (Hatrack River, 1989).

16. «Народ на краю Земли» (The Folk of the Fringe, 1989).

17. «Бездна» (The Abyss, 1989). Новеллизация сценария одноименного фильма.

18. Сб. «Карты в зеркале» (Maps in a Mirror, 1990). Выходил также в 4-х томах — «Измененный человек» (The Changed Man), «Поток» (Flux), «Обезьяньи сонаты» (Monkey Sonatas) и «Жестокие чудеса» (Cruel Miracles) — все в 1992 г.

19. «Око за око» (Eye for Eye, 1990).

20. «Как писать научную фантастику и фэнтези» (How to Write Science Fiction and Fantasy, 1990). Пособие для начинающих авторов.

21. «Сага о Вортинге» (The Worthing Saga, 1990).

22. «Ксеноцид» (Xenocide, 1991).

23. «Память о Земле» (The Memory of Earth, 1992).

24. «Потерянные парни» (Lost Boys, 1992).

25. «Зов Земли» (The Call of Earth, 1993).

26. В соавт. с Катрин Кидд — «Любовный замок» (Lovelock, 1993).

27. «Корабли с Земли» (The Ships of Earth, 1994).

28. «Элвин-поденщик» (Alvin the Journeyman, 1995).

29. «Рожденный на Земле» (Earthbom, 1995).

30. «Осень Земли» (Earthfall, 1995).

31. «Дети разума» (Children of the Mind, 1996).

32. «Вахта прошлого: искупление Христофора Колумба» (Past-watch: The Redemption of Christopher Columbus, 1996).

33. «Огонь сердца» (Heartfire, 1998).

34. «Скитания Элвина» (Alvin Wandering, 1998).

35. «Ящик с сокровищами» (Treasure Box, 1998).

36. «Плоть дома» (Homebody, 1998).

37. Сб. «Хроники Элвина-творца» (The Chronicles of Alvin Maker, 1998).

38. «Тень Эндера» (Ender’s Shadow, 1999).

39. «Чары» (Enchantment, 1999).

40. «Тень гегемона» (Shadow of the Hegemon, 2001).

Orson Scott Card

SHILDREN OF THE MIND
1996

ENDER'S SHADOW
1999

Перевод с английского А. Жикаренцева, А. Жемеровой («Дети разума»), В. Ковалевского, Н. Штуцер («Тень Эндера»).

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник А. Дубовик

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Barbara Bova и Александра Корженевского.

Подписано в печать 20.02.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 40,32. Тираж 10000 экз. Заказ № 450.

Кард О.С.

Дети разума. Тень Эндера: Романы: Пер. с англ. / О.С. Кард. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 760, [8] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-012602-6

Орсон Скотт Кард — одно из самых ярких имен в совреме ной научной фантастике. Произведения этого писат удостоены высочайших премий — «Хьюго», «Небью «Локус», однако главное не это. Мерой таланта Орс Скотта Карда, резко выделяющего его творения даже и ди лучших «военно-космических» романов, выступает поддельная оригинальность его сюжетов и откровен мощная эмоциональность.

Этот автор не оставит равнодушным ни одного читате.

Прочитайте — и проверьте сами!!!

Сага об Эндрю Виггине — величайшем полководце космической эры.
Сага, начатая романами «Игра Эндера», «Голос тех, кого нет» и «Ксеноцид».
Сага, завершившаяся, как мы полагали, романом «Дети разума».
Но — мы только полагали, что сага — завершилась...
И, собственно, многое ли мы знаем хотя бы о том, как она НАЧИНАЛАСЬ?!
Перед вами — «Тень Эндера». История завоеваний и побед Эндрю Виггина, увид ная преданнейшим из его соратников — наивным пареньком по прозвищу Боб
Предназначение ВЕЛИКИХ ПОЛКОВОДЦЕВ — сражаться и побеждать.
В чем же предназначение тех, кто сражается рядом с ним?!

ISBN 5-17-012602-
9 785170 126026